This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

F02962

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

С. А. Лопухинъ Графъ Римскій

1799 г

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 24 МАЯ 1884 Г.

ГЕЛІОГРАВЮРА ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУД. БУМАГЪ.

1794 г.

Возвышающейся ослабѣваетъ возвышеннымъ положеніемъ.
низа не даетъ имъ возрости, ничтожитъ ихъ здравомысліе.
Французской тогда лишь согласенъ съ патріотомъ когда лишь
Дружбы его къ тому побуждаютъ, иначе они всегда
въ несмѣнной паралелѣ. Фортуна вертитъ щастьемъ людей
легко спицами и

долголи мне не войти въ мой Свету? въ непрестанной
мечтѣ: паки я не въ Польше, тамъ бы я въ сорокъ дней
кончилъ, здесь войны отнюдь нѣтъ, дружбы Александра
тутъ претецтъ Финляндской, могусь всюду обращенъ
быть по почтѣ. ласковость позлащенная пилюля.

Наташѣ вамъ и домашнимъ боже благословение!

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

ГЕНЕРАЛИСИМУСЪ КНЯЗЬ СУВОРОВЪ.

ГЕНЕРАЛИСИМУСЪ КНЯЗЬ СУВОРОВЪ.

Petrushevskii, A.F.

ГЕНЕРАЛИСИМУСЪ

КНЯЗЬ СУВОРОВЪ.

А. ПЕТРУШЕВСКАГО.

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ, ФАКСИМИЛЕ И КАРТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1884.

DK169
S8P4
v.2

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ Херсонѣ; 1792—1794.

Инструкціи Суворову.—Инженерныя работы; недостатокъ въ деньгахъ; отмѣна заключенныхъ Суворовымъ контрактовъ; готовность его удовлетворить подрядчиковъ на свой счетъ. — Наблюденіе за происходящимъ въ Турціи; продиктованный Суворовымъ планъ войны. — Возстановленіе порядка службы въ войскахъ; мѣры противъ дезертирства и своеволій; противъ волненій въ казачьихъ полкахъ; противъ развитія болѣзней. — Желаніе Суворова избавиться отъ непріятной службы; тревожное его состояніе при слухахъ о войнѣ; два прошенія о дозволеніи поступить въ иностранныя арміи.— Образъ жизни Суворова, переписка.—Польская революція; подчиненіе пограничнаго раіона Румянцову; обезоруженіе польско-русскихъ войскъ; распредѣленіе пограничныхъ военныхъ силъ. — Назначеніе Суворова въ Польшу.

Отправляясь въ Херсонъ, Суворовъ получилъ довольно подробное наставленіе. Ему ввѣрялось начальство надъ войсками въ екатеринославской губерніи, таврической области и вновь присоединенномъ отъ Турціи краѣ, съ обязанностью руководить производившимися тамъ крѣпостными работами. Черноморскій флотъ оставался подъ начальствомъ вице-адмирала Мордвинова, а гребной—подъ командою генералъ-маіора де-Рибаса, который находился въ зависимости отъ Суворова лишь по войскамъ, на флотѣ находящимся. Суворову приказано осмотрѣть войска, удостовѣриться въ ихъ исправности, пополнить недостающее; обозрѣть берега и границы, представить соображеніе о приведеніи ихъ въ безопасность отъ нечаяннаго нападенія; разрѣшено также измѣнять дислокацію войскъ, не давая однакоже

повода сосѣдямъ думать, будто мы тревожимся; — наконецъ, указано собирать и представлять извѣщенія изъ-за границы, «какъ посредствомъ конфидентовъ, такъ и по допросамъ купцовъ и выходцевъ получаемыя» [1]).

Проѣзжая въ Херсонъ чрезъ Петербургъ, Суворовъ оставался тамъ не долго и отправился на югъ не совсѣмъ довольный, потому что ему были сдѣланы намеки, а можетъ быть и прямо внушенія, насчетъ устраненія дурныхъ сторонъ его финляндскаго командованія. Вообще своими финляндскими объясненіями онъ вовсе не достигъ той цѣли, на которую разсчитывалъ. Даже графъ Безбородко, не говоря уже про другихъ, былъ противъ назначенія Суворова на турецкую границу: онъ-де всѣхъ изнуритъ и разгонитъ, какъ въ Финляндіи, а Турчанинову будетъ писать однѣми загадками. Этотъ оттѣнокъ недовѣрія и опасеній выразился еще яснѣе по прибытіи Суворова на мѣсто: здѣсь получилъ онъ вскорѣ рескриптъ Императрицы, гдѣ говорилось, что хотя употребленіе солдатъ къ крѣпостнымъ работамъ позволительно, «но мы соизволяемъ рѣшительно, чтобы оно сопряжено было съ собственной ихъ пользой» и безъ изнуренія, а также чтобы госпиталей отнюдь не уничтожать, такъ какъ полки не обладаютъ средствами, чтобы пользовать больныхъ и содержать ихъ на своемъ попеченіи. Такимъ образомъ, военно-санитарные взгляды Суворова остались не понятыми и грозили ему впереди новыми непріятностями. Но всѣ эти мелочи не измѣняли сущности дѣла, которое состояло въ довѣріи къ нему Государыни, въ надеждахъ, возлагаемыхъ на него всей Россіей, и въ опасеніяхъ, которыя возбуждало его имя во врагахъ. Довѣріе Государыни сказалось въ самомъ назначеніи Суворова на югъ, вопреки неблаговоленію къ нему высшихъ придворныхъ и служебныхъ сферъ. Сочувствіе соотечественниковъ, не подлежавшее никакому сомнѣнію, подтвердилось однимъ мелкимъ фактомъ, доказывающимъ однако, какъ велика уже была въ то время популярность Суворова. Въ проѣздъ его черезъ Бѣлгородъ, у него испросили аудіенцію двое семинаристовъ и поднесли ему печатную оду, написанную въ его честь. Наконецъ, вскорѣ по прибытіи на мѣсто, онъ получилъ отъ

Хвостова, русскаго резидента въ Константинополѣ, депешу, въ которой между прочимъ значилось: «одинъ слухъ о бытіи вашемъ на границахъ сдѣлалъ и облегченіе мнѣ въ дѣлахъ, и великое у Порты впечатлѣніе; одно имя ваше есть сильное отраженіе всѣмъ внушеніямъ, кои отъ стороны зломыслящихъ на преклоненіе Порты къ враждованію намъ дѣлаются» [2]).

Прибывъ въ Херсонъ, Суворовъ принялся тотчасъ же за самое ему непріятное — возведеніе крѣпостныхъ построекъ и, чтобы не пропадало самое дорогое время, онъ заключилъ контракты съ подрядчиками, а такъ какъ задаточныхъ денегъ не было, то надавалъ имъ векселей. Это произвело большой переполохъ въ петербургскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, которымъ приходилось расплачиваться; стали раздаваться протесты, отказы. Турчанинову пришлось списываться съ Суворовымъ за всѣхъ, объясняя ему съ большою осторожностью, что политическое положеніе едва ли требуетъ такого спѣха, что мало денегъ, что нѣкоторыми изъ работъ придется замедлить и т. под. Суворовъ отвѣчалъ: «вы дѣлаете конецъ началомъ и предваряете тогда, когда я фундаментъ утвердилъ... Политическое положеніе извольте спросить у вице-канцлера, а я его постигаю какъ полевой офицеръ... Вы временили 2 мѣсяца вмѣсто двухъ дней, подобно какъ бы ловили меня за рыбу въ тенета, зная, что я не сплю... Пропалъ бы годъ, еслибы я чуть здѣсь медлилъ контрактами, безъ коихъ по состоянію страны обойтись не можно... Вы говорите, ихъ не надобно; это надлежало мнѣ сказать въ Петербургѣ. Такъ сей годъ повороту нѣтъ; будущій годъ въ вашей власти. Присылайте деньги и съ ними хоть вашего казначея» [3]).

Но это легко было сказать, а трудно сдѣлать при безденежьѣ. Суворовъ, присутствіе котораго требовалось настоятельно въ разныхъ мѣстахъ его раіона, сидѣлъ въ ожиданіи денегъ прикованный къ Херсону, сердился, жаловался, грозилъ. А ему тѣмъ временемъ подготовлялся ударъ. Еще въ февралѣ 1793 г. онъ представилъ свои соображенія о измѣненіи плана нѣкоторыхъ укрѣпленій; въ апрѣлѣ послѣдовалъ ему отвѣтный рескриптъ Императрицы. Проекты его одобрялись въ принципѣ,

ему свидѣтельствовались «особливое удовольствіе и признательность», но за недостаткомъ средствъ, нѣкоторыя работы пріостанавливались на неопредѣленный срокъ, другія разсрочивались на болѣе или менѣе продолжительное время. Сообразно съ этими указаніями, ему повелѣвалось представить генеральную смѣту, «съ расположеніемъ подробныхъ на то издержекъ погодно» и съ точнымъ опредѣленіемъ суммы на каждый годъ. Засимъ, хотя въ очень мягкой формѣ, подносились Суворову позолоченныя пилюли: солдатъ употреблять на работы безъ изнуренія; платить имъ по 10 коп. въ рабочій день: по мирной порѣ и ненадобности экстренныхъ мѣръ, подряды производить и контракты заключать, на основаніи законовъ, въ казенной палатѣ. Наконецъ, въ виду того, что никакое правительственное учрежденіе, кромѣ сената, не имѣетъ власти заключать контракты болѣе, какъ на 10,000 рублей, «заключенные въ походной канцеляріи вашей контракты оставить безъ дѣйствія» [4]).

До полученія этого рескрипта, Суворовъ писалъ Хвостову: «по неприсылкѣ денегъ, съ препонами, о грусти моей внушать можете, коли прилично, но не въ жалобномъ видѣ; истинно такъ тошно, что я здѣшнему предпочитаю Финляндію». Теперь онъ опрокинулся на Турчанинова: «такъ добрые люди не дѣлаютъ; вы играете вашимъ словомъ, я ему вѣрю, а вы пускаете плащъ по всякому вѣтру, вѣдая, что они не постоянны». Онъ исчисляетъ Турчанинову насколько больше были средства Потемкина для тѣхъ же строительныхъ работъ, какъ будто могла существовать на практикѣ какая-нибудь паралель между Потемкинымъ и имъ; указываетъ на необходимость быстрыхъ и полныхъ крѣпостныхъ работъ въ южномъ краѣ и, принимая всѣ эти препятствія близко къ сердцу, въ письмѣ къ Хвостову восклицаетъ съ горечью: «Боже мой, въ какихъ я подлостяхъ, и кн. Григорій Александровичъ никогда такъ меня не унижалъ».

Такимъ образомъ мечты о службѣ на югѣ, лелѣянныя въ Финляндіи, разсѣялись при первомъ почти прикосновеніи къ дѣйствительности. Таковъ ужъ былъ Суворовъ. Впрочемъ, кромѣ помѣхи въ успѣхѣ дѣла, создавалось еще весьма непріятное

лично для него положеніе: подрядчики успѣли зайти далеко, и теперь должны были нести убытки, нѣкоторые даже разореніе. Это его не только заботило, но и подвинуло на рѣшительный шагъ. Онъ написалъ Хвостову: «Подрядчикамъ выданы деньги изъ казны, я долженъ буду взнесть и, чтобы не отвѣчать Богу въ ихъ разореніи, остальныя имъ дополнить. Чего ради извольте продать мои новгородскія деревни не ниже 100,000 рублей; людей перевесть въ Суздаль. Теперь еще не знаю, какая и будетъ ли выручка за матеріалы, съ согласія подрядчиковъ; хорошо, колибъ осталось на выплату, а остальныя мнѣ на странствованія». Позже цифры опредѣлились: требовалось по разсчету Суворова 91,148 рублей, въ томъ числѣ 23,648 рублей для пострадавшихъ купцовъ, а остальное въ казну; цѣна за новгородскія имѣнія назначалась въ 150,000 р. и никакъ не ниже 135,000. Но все дѣло обошлось благополучно, и прибѣгать къ крайней мѣрѣ не потребовалось; какимъ именно способомъ и при какомъ компромиссѣ достигнуто удовлетвореніе обѣихъ сторонъ, не знаемъ [5]).

При описанномъ настроеніи Суворова, трудно было съ нимъ ладить строителямъ. Ихъ было двое — полковникъ Князевъ и поступившій на русскую службу подполковникъ де-Воланъ, знакомый Суворову еще въ послѣднюю войну съ Турками. Съ Князевымъ дѣло шло довольно гладко, но съ де-Воланомъ бывали безпрестанныя столкновенія. Недостаточно освоившійся съ условіями русской жизни и службы, де-Воланъ покладливостью не отличался и часто пытался сбросить съ себя гнетъ, казавшійся ему несправедливымъ или излишнимъ. «Князевъ хорошъ, де-Воланъ скученъ и грозенъ», пишетъ Суворовъ Турчанинову: «избалованъ и три раза уже абшитъ бралъ, а мнѣ истинно неколи о ихъ капризахъ думать». Но эти непріятности не имѣли большого значенія; немного спустя, Суворовъ отзывался о де-Воланѣ такъ: «онъ у меня принятъ какъ пріятель, а если вышло неудовольствіе, то сіе было отъ него же, и самъ онъ себя успокоилъ». Еще позже Курисъ пишетъ Хвостову: «де-Воланъ честнѣйшій человѣкъ, его не знали; графъ душевно его любитъ». И дѣйствительно де-Воланъ оказался человѣкомъ вполнѣ достой-

нымъ, и между нимъ и Суворовымъ установились отношенія пріятельскія [6]).

Вообще инженерная спеціальность занимала самое видное мѣсто въ дѣятельности Суворова на югѣ, какъ и въ Финляндіи. Сохранились подписанные имъ планы: проектъ Фанагорійской крѣпости, три проекта укрѣпленій Кинбурнской косы и Днѣпровскаго лимана, планъ крѣпости Кинбурна, главнаго депота (Тирасполя), форта Гаджидера (Овидіополя) на Днѣстровскомъ лиманѣ, Гаджибейскаго укрѣпленія, Севастопольскихъ укрѣпленій. Часть ихъ строилась при немъ и подвинулась впередъ ощутительно, другая только начата; есть и оставшееся въ проектѣ за короткимъ временемъ и недостаткомъ денегъ. Изъ Севастопольскихъ укрѣпленій начаты 4 форта, въ томъ числѣ 2 казематированные; въ Гаджибеѣ (Одесса) устроивалась военная гавань съ купеческою пристанью, по планамъ де-Волана, подъ непосредственнымъ руководствомъ де-Рибаса и высшимъ надзоромъ Суворова [7]).

Въ тоже время производились внимательныя наблюденія за всѣмъ, что дѣлалось у сосѣда, и принимались мѣры предосторожности. Къ Суворову присылались извѣщенія нашихъ временныхъ и постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ на Балканскомъ полуостровѣ; доходили до него свѣдѣнія даже изъ Италіи, изъ Польши и другихъ мѣстъ. Наши посланники и консулы не спускали глазъ съ Турціи, также съ дѣйствительныхъ и мнимыхъ замысловъ Французскаго революціоннаго правительства, сообщая обо всемъ Суворову. Разспрашивались шкипера купеческихъ судовъ, турецкіе бѣглые; доставлялись отрывки газетъ, преимущественно гамбургскихъ; цитировались частныя письма. Добытыя такими путями свѣдѣнія, Суворовъ сообщалъ въ Петербургъ, графу Зубову, иногда даже самой Государынѣ.

Въ нихъ много тревожнаго, но мало дѣйствительно опаснаго и бездна противорѣчій; особенно пессимистскимъ характеромъ отличаются извѣщенія ясскаго консула Северина. «Северинъ вамъ вретъ», разубѣждаетъ Суворова изъ Константинополя Кутузовъ, посланный туда съ особою миссіей: «крѣпости турецкія валятся, флотъ не силенъ, вся внутренность разстроена, а паче всего вы

тутъ». Полгода спустя, нашъ посланникъ въ Константинополѣ, Кочубей, подтверждаетъ тоже самое и успокоиваетъ Суворова по крайней мѣрѣ на срокъ до осени 1794 года. Но Суворову, поставленному на стражѣ и снабженному извѣстными инструкціями, нельзя было успокоиваться, и онъ продолжалъ готовиться къ войнѣ съ обычнымъ своимъ рвеніемъ и энергіей [8]).

А между тѣмъ именно это рвеніе и энергія были отчасти причиной тревожнаго состоянія, которое замѣчалось въ Турціи. Усиленная военная дѣятельность въ пограничномъ русскомъ раіонѣ естественно смущала и безпокоила Турокъ; они старались провѣдать истинную причину приготовленій и съ этою цѣлью подсылали шпіоновъ. Въ такомъ смыслѣ писали Суворову Северинъ, Кочубей и Хвостовъ; послѣдній даже совѣтовалъ распустить слухъ, что наши вооруженія остановлены, такъ какъ слухъ этотъ тотчасъ дошелъ бы до Константинополя чрезъ посредство купеческихъ судовъ. Но приготовленія не прекращались, а усиливались. Поддерживались они между прочимъ интригами Французскаго правительства въ Константинополѣ и его враждебными намѣреніями, по донесеніямъ нашихъ агентовъ. Суворову сообщалось, что изъ Константинополя готовятся посѣтить русскіе черноморскіе порты два шпіона—француза, на суднѣ, нагруженномъ фруктами, и что за собираніе и доставку желаемыхъ свѣдѣній имъ обѣщано 7,500 піастровъ, кромѣ торговыхъ барышей. Писалось, что капитаны французскихъ военныхъ судовъ получили приказаніе нападать на русскіе купеческіе корабли въ водахъ Турціи; что эскадра изъ 18 судовъ адмирала Латуша ожидается для совмѣстнаго съ Турками дѣйствія въ Черномъ морѣ; что подъ турецкимъ флагомъ пойдетъ въ Синопъ якобинское судно, подъ командой Перголе, а на возвратномъ пути зайдетъ въ одинъ изъ нашихъ портовъ. Особеннаго вниманія русскихъ властей заслужило неоднократно доходившее изъ-за границы извѣстіе, что бывшій полковникъ русской службы Анжели, около 30 лѣтъ назадъ выгнанный изъ Россіи за измѣну, собирается изъ Парижа, въ качествѣ уполномоченнаго якобинскаго клуба, посѣтить Россію снова. Описывались его примѣты, говорилось, что при немъ будетъ находиться его сынъ, бывшій пажъ

двора Екатерины, и еще нѣсколько человѣкъ; что Анжели получилъ милліонъ франковъ золотомъ, а цѣль его миссіи—произвести въ Россіи революцію въ родѣ французской. Какъ ни дуты были большею частью эти извѣстія, но страхъ, наведенный злодѣйствами французской революціи, и опасенія за монархическій принципъ, заставляли не пренебрегать ничѣмъ. А такъ какъ область Суворовскаго командованія была мѣстомъ, куда преимущественно направлялись всѣ дѣйствительные и мнимые замыслы враговъ Россіи, то легко понять, что тутъ сосредоточивались и главныя мѣры противодѣйствія. Дошло наконецъ до того, что стали опасаться французскаго дессанта на русскіе черноморскіе берега и, по требованію графа Зубова, Суворовъ проектировалъ, при сотрудничествѣ де-Волана, планъ защиты береговъ отъ 15,000-ной высадки Французовъ, съ обозначеніемъ пунктовъ, гдѣ надо имѣть войска и гребныя суда, и съ исчисленіемъ тѣхъ и другихъ. Проектъ этотъ въ январѣ 1794 года онъ отправилъ къ Зубову съ де-Рибасомъ [9]).

Главныя опасенія впрочемъ заключались въ предположеніи о возможности близкой войны не съ Франціей, а съ Турціей. Едва-ли даже можно называть эти заботы *опасеніями*, такъ какъ возбуждались онѣ главнымъ образомъ не извнѣ, а шли отъ Петербургскаго кабинета. Турція не желала войны, ибо не могла еще оправиться отъ предшествовавшей; сношенія ея съ Россіей отличались умѣренностью и миролюбіемъ; если она принимала военныя мѣры, то въ смыслѣ оборонительномъ, вынуждаемая приготовленіями Россіи. Желала войны Екатерина, не забывшая прежнихъ проектовъ, которые она лелѣяла вмѣстѣ съ Потемкинымъ. Возбуждалъ ее къ этому преемникъ Потемкина, Зубовъ, въ воображеніи котораго роились мечты о высшемъ командованіи, о фельдмаршальствѣ. Греческій проектъ Потемкина еще имѣлъ за себя хоть какія нибудь данныя въ политической и военной обстановкѣ времени; дѣтскія же мечтанія Зубова совсѣмъ висѣли въ воздухѣ, безъ всякой подъ собой почвы. Замыслы его простирались на Персію, Тибетъ, Китай и выражались, какъ въ конечномъ результатѣ, въ завоеваніи Турціи и во взятіи Константинополя. Подъ вліяніемъ своего любимца, Екатерина не

могла вполнѣ отрѣшиться отъ химеръ прежняго, болѣе благопріятнаго для нихъ времени, и открыто, въ большомъ придворномъ кругу говорила, что ей надоѣло возиться съ Турками и что она убѣдитъ ихъ наконецъ, что забраться въ ихъ столицу ей также легко, какъ совершить путешествіе въ Крымъ [10]).

Положеніе дѣлалось весьма напряженнымъ, такъ что пущенный кѣмъ-то слухъ, будто Татары собираются съ турецкой стороны Днѣстра на нашъ берегъ для грабежа, заставилъ командовавшаго на границѣ генерала, принимать усиленныя мѣры предосторожности и даже просить подкрѣпленія кавалеріей, хотя самъ онъ доносилъ, что признаетъ слухъ несбыточнымъ. Слѣдствіемъ натянутости, явилось учрежденіе укрѣпленнаго лагеря при Ботнѣ, а потомъ и усиленное его вооруженіе. Въ половинѣ января 1794 года послѣдовалъ отъ Екатерины Суворову рескриптъ о снабженіи войскъ всѣмъ нужнымъ по военному положенію, о докомплектованіи ихъ при встрѣтившейся надобности изъ остающихся на мѣстѣ, о сосредоточеніи однихъ полковъ при Ботнѣ, а другихъ къ приморскому пункту, для посадки на гребную флотилію. Суворову приказывалось быть въ такой готовности, чтобы можно было захватить непріятельскій берегъ Днѣстра; говорилось, что Турокъ надо сразу озадачить; разрѣшалось даже, на случай объявленія войны Портою, начать военныя дѣйствія, не сносясь съ Петербургомъ [11]).

Суворовъ, какъ исключительно военный человѣкъ, не считалъ завоеваніе Турціи несбыточною мечтою, конечно при условіи, что оно будетъ поручено ему. Подъ вліяніемъ назначенія своего съ сѣвера на югъ, производившихся здѣсь военныхъ приготовленій и завоевательныхъ проектовъ прошедшаго и настоящаго времени, Суворовъ рѣшился набросать планъ наступательной войны съ Турціей и прилежно занялся этимъ дѣломъ въ концѣ 1793 года. Обдумавъ предметъ со всѣхъ сторонъ, онъ продиктовалъ свой планъ (по французски) де-Волану. Разгласилъ ли онъ самъ про свою работу чрезъ Хвостова или Турчанинова, или вѣсть объ этомъ дошла въ Петербургъ другимъ путемъ, но только Екатерина потребовала планъ къ себѣ, и Суворовъ представилъ его въ ноябрѣ 1793 года. Этотъ замѣчатель-

ный въ историческомъ отношеніи документъ (см. Приложеніе III), лучше всякихъ разсужденій даетъ понятіе о взглядѣ Суворова на предметъ [12]).

Кромѣ этого плана, въ бумагахъ Суворова сохранились отрывочныя замѣтки, писанныя также по французски, частью имъ самимъ, частью де-Воланомъ, и служащія какъ бы дополненіемъ или поясненіемъ плана. Въ нихъ говорится вскользь не только о военной, но и о политической сторонѣ предмета; проектируется раздѣленіе Турціи, конечно безъ соображенія ненародившагося еще тогда принципа національностей; излагается, какъ слѣдуетъ поступать, если разрывъ послѣдуетъ съ турецкой стороны и какъ—если съ русской. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ. «Не раздроблять силъ, пока Турки не будутъ сильно побиты. Почти всѣ крѣпости ихъ разрушить. Зимнія квартиры (послѣ первой кампаніи) лѣвымъ флангомъ къ Варнѣ... Мы у подножія Балкановъ. *Гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ*... Умѣйте удержать Болгаръ въ ихъ домахъ, чтобъ они не бѣжали въ горы, и тогда хлѣбъ у васъ будетъ. Въ Румеліи, плодородной странѣ, не можетъ быть недостатка въ продовольствіи. Но солдатъ долженъ заранѣе привыкнуть къ пшеничному хлѣбу, для чего слѣдуетъ по немногу примѣшивать пшеничную муку къ ржаной, доводя до пропорціи двухъ частей первой на одну второй». Затѣмъ Суворовъ замѣчаетъ, что надо разсчитывать на 2 или 3 кампаніи, а Тамерланъ дѣлалъ обыкновенно разсчетъ на 5—6 кампаній: «вѣрность разсчета принадлежитъ одному Провидѣнію». Принимается въ соображеніе участіе въ войнѣ Австріи, и противъ этого положена замѣтка: «между нами: сюда бы нужно кого-нибудь въ родѣ Дерфельдена». Разсчитывается на содѣйствіе Грековъ, на согласіе съ Махмудомъ Скутарскимъ, на диверсію Черногорцевъ. Части Босніи и Сербіи предполагается отдать Австріи; часть Далмаціи Венеціянцамъ, если удастся ихъ завлечь въ войну; Англичанамъ Кандію и преобладаніе въ левантской торговлѣ; острова Архипелага уступить Венеціи и другимъ союзникамъ; Греческую имперію составить изъ Греціи собственно, съ прибавкой Негропонта [13]).

Не ограничиваясь изложеніемъ своихъ соображеній на слу-

чай войны съ Турками, Суворовъ старался приготовиться къ ней и собираніемъ свѣдѣній. Въ это время находился въ Константинополѣ одинъ иностранецъ, Антингъ, будущій исторіографъ Суворова, по какому-то случаю и кѣмъ-то ему рекомендованный. Суворовъ написалъ ему письмо, прося отвѣта на 22 вопроса; главнѣйшіе изъ нихъ заключались въ слѣдующемъ: каковы оборонительныя средства Константинопольскаго пролива и могутъ ли они быть усилены; чѣмъ огражденъ городъ съ моря и суши; есть ли въ немъ публичныя зданія, замки и проч., которыя могли бы служить для обороны; какова тамъ вода и откуда ее получаютъ; каковы средства константинопольскаго адмиралтейства; много ли иностранцевъ въ турецкой службѣ; какія производятся въ арміи реформы. Остальные вопросы касались султана, визиря, капуданъ-паши, окрестностей Константинополя, Балканскихъ проходовъ, дороги отъ Балканъ къ столицѣ и т. п. На все это Антингъ привезъ отвѣты лично и вручилъ ихъ Суворову въ февралѣ 1794 года [14]).

Но всѣ эти планы и предположенія проектировались между другимъ дѣломъ, составляя для Суворова если не отдыхъ, то развлеченіе. Самое дѣло было совсѣмъ другихъ свойствъ, и теперь мы переходимъ къ нему снова.

Однимъ изъ главныхъ трудовъ Суворова на югѣ было возстановленіе сильно упавшей въ войскахъ дисциплины. Какъ Суворовъ исправлялъ этотъ изъянъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Современникъ, вѣроятно даже свидѣтель, пишетъ, что прибывъ въ Херсонъ, Суворовъ увидѣлъ, что нижніе чины Ряжскаго пѣхотнаго полка вовсе не знаютъ службы, не занимаются ею и все свое время употребляютъ на торговлю рыбой и разною мелочью. Онъ повернулъ дѣло круто, но безъ крайнихъ мѣръ; роздалъ въ роты свой военный катехизисъ (о немъ будетъ говорено впослѣдствіи), требовалъ, чтобы всѣ люди затвердили его наизусть, приказалъ обучать ихъ строевой службѣ каждодневно и самъ на ученьяхъ присутствовалъ. Онъ внушалъ и наблюдалъ, чтобы солдатъ былъ молодцоватъ, бодръ, опрятенъ, къ службѣ нелицемѣрно усерденъ; въ числѣ другихъ военныхъ упражненій, строилъ солдатскими руками укрѣпленія, училъ обороняться

и штурмовать, внезапно, по тревогѣ, премущественно поздно вечеромъ. Все это дѣлалось съ любовью къ дѣлу, почти безъ наказаній и даже брани; результатомъ было отличное состояніе полка и восторженная любовь солдатъ къ ихъ умѣлому начальнику [15]).

Разсматривая списки находящихся въ командировкахъ и разнаго рода отлучкахъ, онъ увидѣлъ, что многихъ нѣтъ на лицо съ давняго времени; другіе отсутствуютъ по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго со службой; третьи числятся при разныхъ лицахъ, состоящихъ въ войскахъ совсѣмъ другихъ дивизій. Хотя все это было явленіемъ зауряднымъ, но въ настоящемъ случаѣ переступало всякіе предѣлы, такъ что Суворовъ далъ строгую инструкцію къ искорененію злоупотребленія и самъ наблюдалъ за приведеніемъ его приказанія въ исполненіе [16]).

Изъ отчетныхъ вѣдомостей онъ убѣдился, что въ войскахъ его сильно развито дезертирство, чему конечно способствовала между прочимъ, какъ и въ Финляндіи, близость границы. Какъ велико было зло, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: въ Староингерманландскомъ полку (меньше 1500 человѣкъ) съ 1 по 8 апрѣля 1793 года бѣжало 24 человѣка. Нисколько не колеблясь, Суворовъ отнесъ такія позорныя явленія «къ совершенному предосужденію полковыхъ командировъ», и въ этомъ направленіи сталъ дѣйствовать. По его ли приказанію или примѣняясь къ его взглядамъ, одинъ изъ пограничныхъ начальниковъ, генералъ Волконскій, отдалъ приказъ, чтобы ротные командиры не смѣли наказывать солдатъ больше, какъ 15 палочными ударами. И точно, надо было принять мѣры, ибо цѣлыя массы нашихъ дезертировъ проживали за турецкой границей, и работы въ ближайшей турецкой крѣпости Бендерахъ, производились преимущественно ими. Ясскій Консулъ возвращалъ бѣглецовъ въ наши предѣлы цѣлыми командами, объявивъ амнистію именемъ Императрицы; генералъ Волконскій посылалъ къ турецкому пограничному пашѣ офицера, съ цѣлью уговаривать дезертировъ на возвращеніе, и не безуспѣшно. Они такъ легко дезертировали, что

безъ большого труда и возвращались, когда представлялся къ тому удобный случай. [17]).

Наши пограничныя команды не только снабжали Турцію большимъ числомъ дезертировъ, но и производили въ турецкіе предѣлы самовольныя экскурсіи. Какъ только Суворовъ прибылъ въ Херсонъ, на него посыпались по этому предмету жалобы. Изъ Константинополя сообщалось, что казаки и арнауты переходятъ границу и производятъ грабительства; на то же самое жаловался и Молдавскій господарь. Двѣ шайки въ 8—12 человѣкъ ограбили Молдаванъ, ѣхавшихъ изъ Бендеръ; когда турецкія власти обратились къ пограничному русскому начальнику, штабъ-офицеру, онъ сталъ ругаться и пригрозилъ, что какъ только станетъ рѣка, онъ съ командой выступитъ лично и будетъ забирать скотъ. Изъ Константинополя пришло извѣстіе, на этотъ разъ сомнительное, будто Русскіе, въ большомъ числѣ перейдя Днѣстръ, порубили и вывезли лѣсъ. Суворовъ наряжалъ слѣдствія, грозилъ карою по всей строгости законовъ, подтверждалъ строжайшее исполненіе пограничныхъ правилъ, запрещалъ переходъ чрезъ Днѣстръ безъ паспорта во всѣхъ случаяхъ, безъ исключенія. Не довольствуясь этимъ, онъ писалъ въ Петербургъ, прося дозволенія на передвиженіе внутрь Россіи самыхъ отчаянныхъ грабителей, арнаутовъ. Онъ представлялъ, что двѣ послѣднія войны отъ нихъ не было почти никакой пользы, «развѣ то, что они не умножили число турецкой сволочи; въ случаѣ войны такую саранчу всегда можно достать, ибо цѣль ихъ не служить, а грабить». Прося переселить ихъ подальше въ глубь Россіи, Суворовъ приводилъ въ резонъ, что тамъ по крайней мѣрѣ дѣти ихъ могутъ быть полезны. Просьбу его уважили; приказали переселить арнаутовъ, а также пѣшихъ и конныхъ волонтеровъ, всего 1135 человѣкъ, «подъ видомъ службы», на лѣвую сторону Днѣпра и размѣстить въ двухъ уѣздахъ, «чтобы они нечувствительно могли водвориться въ предѣлахъ Россіи» [18]).

Но и этимъ еще не ограничивались признаки внутренняго неустройства войскъ Суворовскаго раіона. Было указано изъ военной коллегіи, чтобы Суворовъ обратилъ вниманіе на донскіе казачьи полки въ Крыму; что въ декабрѣ 1793 года оттуда бѣ-

гали два казака домой, на Донъ, съ возмутительными письмами; вернулись они съ отвѣтами за станичными печатями, и послѣ того въ 5 донскихъ станицахъ происходятъ волненія, такъ что понадобилось командировать туда военныя команды. Вслѣдъ за этимъ указаніемъ военной коллегіи, поступило къ Суворову сообщеніе отъ имени графа Зубова, что передъ посѣщеніемъ двумя казаками изъ Крыма волнующихся нынѣ станицъ, проѣхали по Дону два поляка, которыхъ и велѣно разыскать въ екатеринославской губерніи, а впредь слѣдить за всѣми проѣзжими на Донъ иностранцами. Два мѣсяца спустя, часть казаковъ бѣжала изъ Крыма; за бѣжавшими отряжена погоня, но они обнаружили такое упорство, что произошелъ бой, и двое изъ нихъ было убито, а нѣсколько человѣкъ ранено. Оставшіеся, судя по всему, имѣли намѣреніе сдѣлать тоже самое при первомъ случаѣ, такъ что Суворовъ, для наблюденія за ними, послалъ въ Крымъ полкъ Екатеринославскаго казачьяго войска [8]).

Но больше всего стоило Суворову заботъ санитарное состояніе войскъ. Онъ началъ осмотръ ихъ и подвѣдомственныхъ учрежденій до прибытія своего на мѣсто, находясь еще въ пути изъ Петербурга. Ѣхавшій съ нимъ подполковникъ Курисъ пишетъ изъ Елизаветграда Хвостову, что «не въ силахъ описать, въ какой жалости здѣсь госпиталь;... строеніе сыро, кучи больныхъ, одинъ другого тѣснятъ безъ разбора; нашли въ этомъ госпиталѣ не отправленныхъ по указу военной коллегіи въ гарнизонъ, инвалидъ и отставку до 500 человѣкъ на порціи». Кромѣ того оказалось въ городѣ, внѣ госпиталя, столько же и такихъ же, незаконно находящихся съ августа на казенномъ довольствіи. Тоже самое найдено потомъ и въ остальныхъ 4 госпиталяхъ. Приказано немедленно отправлять подобныхъ людей партіями; но несмотря на то, что Суворовъ былъ начальникъ грозный, въ концѣ января ихъ все еще числилось до 370. Немногимъ лучше велось дѣло и въ войскахъ. Больныхъ оказалось гибель, особенно въ Крыму и во вновь пріобрѣтенной отъ Турціи области; даже въ казачьихъ полкахъ считалось по 100 и болѣе въ каждомъ, что по словамъ Суворовскаго приказа, «совсѣмъ по ихъ званію не соразмѣрно». Уходъ за больными былъ очень дурной;

умершіе показывались живыми долгое время; захворавшіе задерживались при войскахъ до послѣдней крайности, лишь бы доставить въ госпиталь дышащихъ и уменьшить по отчетности полка число смертныхъ случаевъ. Люди, поступившіе въ госпиталь, не показывались выбывшими изъ полка по неполученію увѣдомленія о ихъ пріемѣ и подъ другими предлогами, дабы тѣмъ временемъ пользоваться отпускаемымъ на нихъ довольствіемъ. Все это свидѣтельствуетъ самъ Суворовъ въ своихъ письмахъ. Находясь въ Екатеринославлѣ и посылая Турчанинову оттуда письмо, Суворовъ приводилъ такой короткій разговоръ съ однимъ изъ своихъ ординарцевъ: «Зыбинъ, что вы бѣжите въ роту, развѣ у меня вамъ худо, скажите по совѣсти».— Мнѣ тамъ на прожитокъ въ годъ 1000 рублей.—«Откуда?»— Отъ мертвыхъ солдатъ [19]).

Помня финляндскія непріятности и повелѣніе Императрицы, Суворовъ поостергся эвакуировать госпитали до степени почти полнаго опорожненія, которую онъ практиковалъ на сѣверѣ. Но это не спасло его отъ сплетень, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи въ Херсонъ, онъ шлетъ Турчанинову жосткій укоръ: «слышу, что разглашено было по Петербургу, будто я кассировалъ госпитали; во благѣ льстятъ, клеветѣ молчатъ, и о сей лжи я увѣдомленъ не былъ» [18]).

Не въ первый и не въ послѣдній разъ приходилось Турчанинову глотать отъ Суворова подобныя пилюли, вовсе даже не позолоченыя. Сердитый старикъ легко раздражался, а поводовъ къ раздраженію было много. Наслѣдованное имъ бѣдственное санитарное состояніе войскъ пустило такіе глубокіе корни, что не поддавалось принимаемымъ мѣрамъ. Войскъ подъ начальствомъ Суворова числилось около 1 января 1793 г. по штатамъ 77341 человѣкъ, но до комплекта не доставало 13006, а изъ списочныхъ считалось въ госпиталяхъ и командировкахъ 8963, состояло при войскахъ больныхъ 388, и такимъ образомъ на лицо, здоровыми, имѣлось всего 51484. Съ наступленіемъ жаровъ болѣзни и смертность стали рости. Въ одномъ изъ полковъ число больныхъ, слабыхъ, хворыхъ и льготныхъ дошло до 205, въ другомъ до 218, въ третьемъ до 241, въ четвертомъ

до 484, не считая находившихся въ госпиталяхъ. Еще поразительнѣе была цифра смертности. Въ Бѣлевскомъ и Вятскомъ пѣхотныхъ полкахъ умерло въ 8 дней по 8 человѣкъ въ каждомъ, въ Николаевскомъ гренадерскомъ въ 5 дней 10 человѣкъ, въ казачьемъ Родіонова полку въ 17 дней 12, въ Троицкомъ пѣхотномъ въ 28 дней 27, въ Полоцкомъ въ 18 дней 43,—все это независимо умершихъ въ госпиталяхъ. Въ другое время въ Бѣлевскомъ полку умерло въ 5 дней 12 человѣкъ, въ Витебскомъ въ 19 дней 19, въ Троицкомъ въ 24 дня 28. Суворовъ назначилъ двѣ комиссіи, одну изъ штабъ-офицера и дивизіоннаго врача, другую изъ 2 штабъ-офицеровъ и штабъ-лекаря. Комиссіи исполнили порученіе основательно и добросовѣстно, особенно послѣдняя. Она проживала въ войскахъ по нѣскольку недѣль кряду, посвящая своей задачѣ все время отъ утра до ночи, изслѣдовала зло въ самомъ корнѣ и лично наблюдала за исполненіемъ предписанныхъ мѣръ и за ихъ результатами. Труды комиссій увѣнчались успѣхомъ [20]).

По мнѣнію Суворова, корень зла заключался въ полковыхъ и ротныхъ командирахъ. Онъ объ этомъ говорилъ и писалъ постоянно, повторяясь на одной и той же страницѣ. Даже нѣкоторые свои приказы онъ начинаетъ словами: «небреженіемъ здоровья подчиненныхъ, полковыхъ и ротныхъ командировъ, умерло тамъ-то столько-то». Для него эта принципіальная причина была ясна какъ день, а назначалъ онъ комиссіи для того, чтобы выяснить общность всѣхъ. [16]).

Поводовъ къ усиленію болѣзней и къ развитію смертности оказалось множество, въ разныхъ мѣстахъ разные, а сочетаніе ихъ въ одной мѣстности приводило уже къ совершенному бѣдствію. Въ 1792 году выстроены казармы изъ сырого кирпича и окончены только въ декабрѣ; мѣстами и такого жилья не было, а приходилось довольствоваться землянками. Стѣны промерзали насквозь и съ нихъ текло; усиленно отапливать было нечѣмъ, потому что не заготовили дровъ во-время, и солдаты доставляли ихъ за 25—30 верстъ пѣшкомъ, обогрѣвались чрезъ сутки и вовсе не просушивались отъ сырости. Больные не были раздѣлены по категоріямъ и не отдѣлены отъ здоровыхъ; медикаменты

не потребованы заблаговременно; въ питье употреблялась стоячая озерная вода, покрывающаяся лѣтомъ гнилою зеленью. Съ наступленіемъ въ 1793 году лѣта, хотя войска были выведены въ лагерные сборы и размѣщены по палаткамъ и шалашамъ, но за то стали палящіе жары. Съ 8 часовъ утра до 7 или 8 вечера, при горячемъ вѣтрѣ, термометръ Реомюра показывалъ до 30 и даже 33° въ тѣни, а ночью только 7°; гнилая, вонючая зелень покрыла весь Днѣстръ слоемъ въ полдюйма; въ продолженіе 2 мѣсяцевъ не было ни одного дождя; земля дала трещины до 2 аршинъ глубины. При такихъ исключительныхъ условіяхъ не могли соблюсти свое здоровье и люди, лучше солдатъ обставленные: болѣе трети наличныхъ офицеровъ лежали больными. А лечить было почти некому и нечѣмъ, такъ плоха была эта часть въ русскомъ военномъ управленіи [5]).

Суворовъ предписалъ войскамъ для руководства цѣлый рядъ мѣръ и уполномочилъ обѣ комиссіи—расширять и измѣнять ихъ по указанію обстоятельствъ. Приказано отдѣлить больныхъ отъ здоровыхъ, подраздѣлить первыхъ на 4 категоріи и каждую расположить отдѣльно, какъ можно шире; изъ палатокъ перемѣстить людей въ шалаши и сараи; часто перемѣнять подъ здоровыми и больными подстилку. Сырыя казармы обсушивать, отапливая ихъ, выставляя окна и двери и вскрывая потолки. Одинъ полкъ совсѣмъ перемѣстить изъ нездоровой мѣстности при Карасубазарѣ въ Евпаторію. Въ лагеряхъ поддерживать крайнюю чистоту. Врачебныя средства истребовать тотчасъ же изъ ближайшей казенной аптеки; о командированіи врачей распоряженіе сдѣлано. Имѣть постоянное наблюденіе за содержаніемъ больныхъ и здоровыхъ: первымъ движеніе и работа въ прохладные часы, купанье съ окунываніемъ головы для здоровыхъ, въ проточной водѣ, пока она не загнила и не зацвѣла. Такую воду не употреблять ни для питья, ни для приготовленія пищи, а брать изъ колодцевъ, которые съ этою цѣлью во многихъ мѣстахъ и устроены. Употребленіе рыбы изъ стоячей воды запрещено безусловно, а изъ Днѣстра дозволена только мелкая и притомъ соленая. Предписаны чистота бѣлья, постелей и посуды; употребленіе уксуса для больныхъ и здоровыхъ [21]).

Было преподано и многое другое, а потомъ, весною слѣдующаго 1794 года, вкратцѣ изложено въ особомъ приказѣ по войскамъ. Этотъ небольшой приказъ приводится цѣликомъ. (См. Приложеніе IV).

Одними гигіеническими мѣрами однако нельзя было ограничиться, особенно когда болѣзни успѣли внѣдриться. Нужны были также средства фармацевтическія, а ихъ приходилось всѣми способами заполнять или обходить, въ виду злоупотребленій при заготовкѣ медикаментовъ, дурного ихъ содержанія, недостаточнаго количества, несвоевременной доставки и неумѣлаго употребленія. Такую задачу попытался разрѣшить штабъ-лекарь Бѣлопольскій. Согласно со взглядами и понятіями Суворова, онъ составилъ «Правила медицинскимъ чинамъ», которыя и были тогда же, по приказанію Суворова, разосланы по войскамъ. Инструкція эта заслуживаетъ въ историческомъ отношеніи вниманія, а потому приводится вполнѣ. (См. Приложеніе V). Другіе документы, о которыхъ въ ней упоминается, не отысканы.

Суворовъ былъ совершенно правъ, утверждая, что санитарное состояніе войскъ находится въ прямой зависимости отъ степени заботливости начальниковъ о подчиненныхъ. Какъ только принятыми имъ мѣрами эта заботливость доведена была до maximum'а, болѣзни и смертность покинули свой maximum и спустились до minimum'а. Какъ онъ писалъ прежде въ приказахъ, что «небреженіемъ начальниковъ» болѣзни и смертность выросли и умножились, такъ сталъ потомъ свидѣтельствовать, что «попеченіемъ начальствующихъ лицъ» они введены въ умѣренные предѣлы. Въ самый развалъ жаровъ онъ писалъ, что благодаря дѣйствіямъ комиссіи, «а паче искуству штабъ-лекаря Бѣлопольскаго (члена комиссіи), Полоцкій полкъ приведенъ въ совершенное благосостояніе». Въ августѣ и сентябрѣ улучшеніе продолжалось; бывали рецидивы, притомъ довольно частые, но уже не очень упорные. Въ октябрѣ Суворовъ пишетъ графу Платону Зубову: «у вашего сіятельства отдѣляю я нѣсколько минутъ, для утѣшенія вашего человѣколюбія», и сообщаетъ ему, что при Ботнѣ, въ 10 батальонахъ, насчитывается больныхъ вдвое меньше обыкновенной нормальной цифры, а умерло въ

5 послѣднихъ недѣль всего 12 человѣкъ. Въ ноябрѣ онъ сообщаетъ Хвостову, что «прошедшій мѣсяцъ очень здоровъ, можете то внушить; во всѣхъ частяхъ умершихъ, *невѣроятно*, 48; въ госпиталяхъ и разныхъ отлучкахъ 15» [21]).

Зло было такъ велико, что по временамъ и у Суворова какъ будто опускались руки. «Никто не виноватъ», пишетъ онъ Хвостову въ концѣ августа: «посѣщеніе Божіе. Приложеніе (не оказалось) на случай превратныхъ разглашеній; ежели надо, покажите Турчанинову. Жары продолжаются; надо терпѣть еще недѣлю или двѣ: Вышняго воля». Но мѣсяцъ спустя, читаемъ въ письмѣ Куриса къ тому же Хвостову, что изъ приложенія (не оказалось) онъ увидитъ бдительность Суворова: «сіе самое спасаетъ здѣсь человѣчество; посудите, что было бы безъ того» [5]).

Была еще одна причина бѣдствія. Въ апрѣлѣ 1793 года Суворовъ донесъ военной коллегіи, что въ карасубазарскомъ магазинѣ провіантъ никуда не годенъ, и что отъ него солдаты болѣютъ и мрутъ. Коллегія приказала ему дѣло изслѣдовать, виновныхъ предать суду, магазины освидѣтельствовать и принять подходящія мѣры. Пошла по обыкновенію переписка; подчиненные генералы отвѣчали Суворову не на вопросы; бумаги, изъ Херсона въ Петербургъ и изъ Петербурга въ Херсонъ, находились по 3 и по 4 недѣли въ пути. А между тѣмъ Государыня приняла дѣло близко къ сердцу и прислала въ военную коллегію (безъ подписи) такую записку: «Бѣлевскаго и Полоцкаго полковъ полковниковъ, карасубазарскаго магазейна провіантъ кто подрядилъ, кто въ смотрѣніи имѣлъ, провіантскаго штата провіантмейстера или комиссіонера — прикажите судить и сдѣлайте примѣръ надъ бездѣльниками и убійцами, кои причиною мора ради ихъ воровства и нерадѣнія, и прикажите сдѣлать осмотръ прочимъ магазейнамъ въ той сторонѣ, и на каторгу сошлите тѣхъ, кои у меня морятъ солдатъ, заслуженныхъ и въ столькихъ войнахъ храбро служившихъ. Нѣтъ казни, которой тѣ канальи недостойны». Наконецъ въ іюлѣ прибылъ отъ провіантскаго вѣдомства ревизоръ; вмѣстѣ съ назначеннымъ отъ Суворова генераломъ, онъ освидѣтельствовалъ карасубазарскую муку,

призналъ ее негодною и поѣхалъ въ другія мѣста для такой же ревизіи. Неизвѣстно, чѣмъ она разрѣшилась, кто оказались преступниками и были ли они наказаны; но польза отъ осмотра магазиновъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ сентябрѣ Суворовъ пишетъ Хвостову: «тайная причина (смертности) не жаръ, а какъ аквы-тофаны гнилого провіанта позднее дѣйствіе; тоже было бы и съ другими, ежели бы не предварены» [6]).

Но безпечность или злоупотребленіе не сразу поддавались. Въ декабрѣ Суворовъ отдаетъ приказъ оберъ-провіантмейстеру Боку, что хлѣбъ хранится безъ крышъ и гніетъ, а потому сейчасъ же сдѣлать покрышки, хлѣбъ освидѣтельствовать и порченный запретить къ отпуску. Турчанинову онъ сообщаетъ, что нельзя держать провіантъ въ буртахъ, что «пролитое полнымъ не бываетъ, и надо только принять мѣры къ предохраненію отъ зла». Зная очень хорошо, что за спинами мелкихъ воришекъ зачастую хоронятся крупные воры, или же что у нихъ нерѣдко бываютъ могущественные покровители, которыхъ затрогивать опасно, Суворовъ однако надѣется на Государыню и говоритъ Турчанинову: «nie dbam o gwiazdy kiedy księżyc swieci; кого бы я на себя ни подвигъ, мнѣ солдатъ дороже себя; лучше его я имѣю способы къ самоблюденію» [23]).

Всѣ эти работы, заботы, труды и непріятности не замедлили произвести на впечатлительнаго Суворова дурное дѣйствіе и возбудили въ немъ горячее желаніе чего-нибудь лучшаго. Это «лучшее», эта новая арена дѣятельности, представлялись ему въ разныхъ формахъ, и одна изъ нихъ, едва-ли не самая заманчивая, рисовалась въ его воображеніи въ видѣ войны съ Французами, — старая финляндская исторія.

Послѣ жалкаго исхода первой кампаніи союзниковъ противъ Франціи, въ началѣ 1793 года произошли два событія первостепенной важности: казнь несчастнаго Французскаго короля и объявленіе Французской республикой войны Голландіи и Англіи. Первое усилило въ Европѣ ужасъ къ французской революціи и укрѣпило коалицію морально, второе усилило ее матеріально. Казнь Людовика XVI произвела удручающее дѣйствіе при всѣхъ дворахъ, въ томъ числѣ и при Петербургскомъ: негодованіе, горе,

уныніе наложили на него тяжелую печать; Екатерина была крайне смущена и нѣсколько недѣль не выходила. Смѣлость и энергія Французскаго революціоннаго правительства, не боявшагося сплотить противу себя всю Европу, граничили съ безуміемъ; въ самомъ началѣ этотъ дерзкій вызовъ какъ бы нашелъ себѣ оправданіе въ успѣхахъ Дюмурье въ Голландіи, но потомъ стали брать верхъ союзники. Австрійцы съ принцемъ Кобургскимъ, генераломъ Клерфе и молодымъ эрцъ-герцогомъ Карломъ, нѣсколько разъ разбили непріятеля, распространились на его територіи и завладѣли важными укрѣпленными пунктами — Валансьеномъ и Конде.

Суворовъ, слѣдившій со вниманіемъ за ходомъ французской революціи и возникшими изъ нея войнами, написалъ принцу Кобургскому поздравительное письмо. Принцъ отвѣтнымъ письмомъ благодаритъ его за доброе слово; вспоминаетъ общихъ знакомыхъ; сообщаетъ о разныхъ новостяхъ, о томъ, что Валансьенъ сдался послѣ штурма внѣшнихъ укрѣпленій, «на манеръ храбрыхъ Русскихъ»; называетъ Суворова «профессоромъ, вспомнившимъ своего ученика»; пишетъ, что ему, Кобургу, приходится поневолѣ только возиться съ крѣпостями и что идея — двинуться на Парижъ, должна быть пока оставлена, «особенно потому, что херсонскій губернаторъ не съ нами» [13]).

Благопріятный коалиціи ходъ дѣлъ продолжался однако недолго, несмотря на то, что союзники имѣли огромный перевѣсъ надъ французской арміей, почти дезорганизованной, и могли бы смѣло идти къ Парижу. Предводительство ихъ не отличалось нужными для такой рѣшимости качествами, и принцъ Кобургскій, думая сказать Суворову комплиментъ, высказалъ одну голую правду, сознавшись въ недостаткѣ того, что принесъ бы съ собою «херсонскій губернаторъ». Въ ноябрѣ Кобургъ снялъ осаду Мобежа и отступилъ за Самбру, на зимнія квартиры. На театрѣ войны средняго и верхняго Рейна результатъ кампаніи былъ такой же, благодаря въ особенности недостатку согласія и единодушія между Австрійцами и Пруссаками, да и на третьемъ театрѣ войны, на границахъ Италіи, успѣхъ Французовъ тоже закончилъ годъ.

Еще несчастнѣе для союзниковъ былъ слѣдующій 1794 годъ. Сначала дѣло шло не дурно, потомъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, но окончаніе было неизмѣнно не въ ихъ пользу. На нидерландскомъ театрѣ войны, главнокомандующій принцъ Кобургскій проявлялъ все болѣе свою неспособность; крѣпости, завоеванныя прежде союзниками, опять перешли въ руки Французовъ, и осенью Австрійцы принуждены были уходить за Рейнъ. Герцогъ Іоркскій не оказался ни болѣе умѣлымъ, ни болѣе счастливымъ, и въ концѣ концовъ Голландія принуждена была заключить съ Франціей союзъ, принявъ республиканскій строй, съ названіемъ Батавской республики. На Рейнѣ Французы тоже одолѣли; Австрійцы съ Пруссаками къ осени отретировались, и во власти союзниковъ остался на лѣвомъ берегу рѣки одинъ Майнцъ. Не болѣе счастлива была коалиція и на итальянскомъ театрѣ войны.

Еще въ 1792 году носились въ Петербургѣ неясные слухи о предполагаемомъ вступленіи Россіи въ активную противъ Франціи коалицію; со времени же смерти Людовика XVI, они стали держаться упорнѣе. Находясь въ Финляндіи, Суворовъ имѣлъ еще возможность, по близости къ Петербургу, слѣдить за прихотливой молвой и провѣрять ее перепиской; но перебравшись въ Херсонъ, онъ очутился въ невыгодномъ положеніи. А дѣло какъ будто назрѣвало. Онъ тревожился, волновался, забрасывалъ Хвостова, а отчасти и Турчанинова, письмами. Турчаниновъ, получивъ въ 1793 году еще другое назначеніе, переписывался съ нимъ меньше, чѣмъ прежде, а Хвостовъ поступалъ неумѣло, какъ и до нынѣ, успокоивая своего дядю на одной страницѣ и распаляя его вздорными слухами на другой. «Мое постиженіе, что часть сухопутныхъ войскъ изъ Польши къ Рейну, для сильнаго удара... Командира еще нѣтъ, но ни князь Репнинъ, ни графъ И. Салтыковъ; сего глаголятъ въ Москву. Болтовня—будто князь А. Прозоровскій или князь Ю. Долгорукій, но пустое; тамъ готовъ Игельстромъ. Стоголовая скотина (публика) вопитъ и о васъ. Вамъ былъ курьеръ на счетъ мѣръ, если Латушъ прорвется въ Черное море; стали говорить, что послали за вами сюда для Франціи. Я опровергъ, ибо можетъ разглашеніе штукарное, а Царица не любитъ, чтобы угадывали ея мы-

сли... Вамъ и такъ хорошо, отъ добра добра не ищутъ,—Херсонъ не гарнизонъ; но въ случаѣ, лучше отнестись какъ къ другу, къ графу П. А. (Зубову): не скажутъ, что вы не хотѣли или тамъ не досужно» [24]).

Не трудно понять, какъ раздражали Суворова слова, въ родѣ «вамъ и такъ хорошо», если они приходили къ нему въ моменты недовольства. Тогда не успокоивали его и другія, болѣе дѣйствительныя утѣшенія. Разъ Хвостовъ сообщилъ ему, что Государыня выразилась про Кобурга, что «ученикъ Суворовскій въ подмастерья еще не годится», и что объ этомъ трубитъ весь городъ. Суворовъ приписалъ тутъ же: «прекрасный панегирикъ;... я, по дару Измаила, во тмѣ сидящій Тучковъ» (высшій начальникъ инженерной части). Переписка его полна выраженіями неудовольствія на инженерную судьбу. «Я захребетный инженеръ и посему какъ въ горячкѣ»; «уже третій годъ въ Тучковыхъ»; «малые мои таланты зарыты»; «Бога ради избавьте меня отъ крѣпостей, лучше бы я грамотѣ не зналъ»; «извѣстны мнѣ многіе придворные изгибы, коими ловятъ сома въ вершу, но и тамъ его благовидностью услаждаютъ, а меня обратили въ подрядчика». Подъ конецъ его одолѣла тоска; онъ пишетъ Хвостову коротко и сухо: «напомните Турчанинову, что я не инженеръ, а полевой солдатъ, не Тучковъ, а знаютъ меня Суворовымъ и зовутъ Рымникскимъ, а не Вобаномъ» [5]).

Какъ обыкновенно бываетъ съ характерами, подобными Суворовскому, недовольство плодило новые поводы къ безпокойствамъ, а эти поводы въ свою очередь питали и раздували недовольство. Одному генералу, занимавшему гражданскую должность, дали назначеніе въ армію; у Суворова является опасеніе, не сталъ бы тотъ выше и не оттеръ бы отъ дѣла. Приняли изъ отставки другого, старшаго; Суворовъ говоритъ, что «въ состояніи переваривать только девятерыхъ, а нынѣ пониженъ въ десятые». Военная коллегія перестала называть его въ своихъ указахъ «главнокомандующимъ», а просто писала чинъ и графство; является подозрѣніе, — не предвѣщаетъ-ли это уменьшенія власти, и всѣмъ-ли, или ему одному. Прислали къ нему на укомплектованіе рекрутъ меньше, чѣмъ въ Польшу генералу

Игельстрому; выводится заключеніе: «слѣдственно я гарнизонный, а дѣйствующіе они» [25]).

Повторялось тоже самое, что было въ Финляндіи. Весною или въ началѣ лѣта 1793 года онъ пишетъ Хвостову: «если продолжится съ Французами, я волонтеръ на кампанію; говорю съ зимы, у принца Кобурга и въ иныхъ частяхъ: лучше обыкновеннаго вояжированія... Въ свое время пріуготовляйте мнѣ краткій отпускъ въ Петербургъ; о волонтерствѣ не открывайтесь, а сондируйте... Быть волонтеромъ при дружескихъ арміяхъ, по рангу моему неприличности нѣтъ, какъ таковыми бываютъ и владѣтельныя особы, и ежелибъ можно было пріобрѣсти обычай или возможность—отбыть въ текущее лѣтнее время, какъ у Нѣмцевъ будетъ огромная кампанія, то бы я не дожидался и зимы». Такъ и случилось; дождаться до зимы у него не хватило терпѣнія. Уже въ приведенномъ письмѣ онъ предупреждалъ Хвостова о необходимости занять денегъ, а въ іюнѣ Курисъ пишетъ Хвостову о займѣ уже положительно и требуетъ скорѣйшей присылки документовъ, т.-е. копій съ разныхъ полученныхъ Суворовымъ рескриптовъ и грамотъ. Въ томъ же мѣсяцѣ, Суворовъ шлетъ Государынѣ просьбу объ увольненіи его волонтеромъ къ союзнымъ войскамъ, «по здѣшней тишинѣ», на всю кампанію, съ сохраненіемъ содержанія, и о томъ же пишетъ графу Платону Зубову, поясняя, что давно безъ практики [26]).

Была ли эта просьба отклонена безмолвіемъ Государыни, или чрезъ посредство какого-нибудь лица, или же былъ посланъ категорическій отказъ, — остается не разъясненнымъ. Во всякомъ случаѣ, Суворовъ не истолковалъ отказа въ невыгодную для себя сторону; по крайней мѣрѣ въ сентябрскомъ его письмѣ къ Хвостову читаемъ: «одна милосердная Монархиня меня паки въ моемъ отечествѣ задержать благоволила, но надеженъ ли передъ?» Два или три мѣсяца спустя, онъ однако сознавался, что «послѣдствія Измаила гнали его за-границу, и не надежда его удержала, а дочь», которая не была еще пристроена. Поэтому онъ продолжалъ внушать Хвостову, что если при первой войнѣ Россіи, не будетъ назначенъ начальствую-

щимъ арміей «безъ малѣйшихъ препонъ», то непремѣнно отправится за-границу. Онъ сдержалъ слово. Въ 1794 году, при войнѣ съ Польшей, видя себя опять-таки не у боевого дѣла, Суворовъ послалъ 24 іюля Государынѣ прошеніе: «всеподданнѣйше прошу всемилостивѣйше уволить меня волонтеромъ къ союзнымъ войскамъ, какъ я много лѣтъ безъ воинской практики по моему званію». Тогда же онъ послалъ Хвостову довѣренность на заемъ у частныхъ лицъ 11,000 рублей и написалъ графу П. Зубову о посланномъ прошеніи, прося содѣйствія [27]).

Хотя за нѣсколько дней Суворовъ предупреждалъ Хвостова, что лишенный службы послѣ Измаила, онъ рѣшается поступить въ союзныя войска волонтеромъ, но посланное имъ прошеніе все-таки упало въ Петербургѣ въ видѣ бомбы. Хвостовъ забѣгалъ; де-Рибасъ, посредникъ и довѣренное лицо Суворова въ этомъ дѣлѣ, хотѣлъ было нѣсколько поправить его излишнюю скорость и горячность; но всякая къ тому возможность была отнята самимъ Суворовымъ, который рѣшился принять крутую мѣру противъ «тиранства судьбы». Поступокъ Суворова былъ, какъ принято говорить, въ высшей степени неприличенъ. Только годъ назадъ онъ сдѣлалъ тоже самое, пытаясь «перейти чрезъ Рубиконъ», а теперь вздумалъ повторить попытку, да еще при обстоятельствахъ отягчающихъ, ибо шла уже война съ Польшей, и проситься въ чужую службу, значило прямо показывать Государынѣ недовольство своей. Но Суворовъ уже привыкъ разрубать гордіевы узлы свой судьбы, вмѣсто ихъ развязыванія. Вѣроятно, Екатерина была недовольна назойливостью своего подданнаго и такъ плохо замаскированнымъ его желаніемъ — повліять на ея рѣшеніе, касательно выбора лица для войны съ Польшей, однако неудовольствія не выказала. Она только вторично отказала, но при этомъ подала ему нѣкоторую надежду на боевую службу дома: «объявляю вамъ, что ежечасно умножаются дѣла дома, и вскорѣ можете имѣть, по желанію вашему, практику военную много. И такъ не отпускаю васъ поправить дѣлъ ученика вашего, который за Рейнъ убирается по новѣйшимъ вѣстямъ, а нынѣ какъ и всегда, почитаю васъ отечеству нужнымъ». Судьба однако сжалилась надъ нимъ и черезъ нѣ-

сколько дней по полученіи рескрипта, Суворову открылась давно желаемая боевая арена [28]).

Было бы ошибочно полагать, что чрезъ все его пребываніе въ южныхъ областяхъ, неизмѣнно и постоянно проходило чувство недовольства, неудовлетворенности, скуки или тоски. Расположеніе его духа напротивъ мѣнялось часто и только по временамъ доходило до высокаго градуса раздраженія. По натурѣ своей Суворовъ не былъ бирюкомъ, и натура брала свое. Надо принимать въ соображеніе чрезвычайную подвижность его темперамента; надо имѣть въ виду, что всѣ рѣзкія выходки неудовольствія, зависти, ненависти хотя у него совершенно искренни, но имѣютъ значеніе только узоровъ на картинѣ его жизни, а не самаго фона. Въ одномъ и томъ же письмѣ онъ зачастую переходитъ отъ неумѣренной требовательности къ широкой снисходительности, отъ злѣйшаго сарказма къ словамъ миролюбія и уступчивости. «Что написалъ, лучше бъ не читать, сожгите этотъ вздоръ,—я въ грусти», говоритъ онъ Хвостову въ концѣ письма, послѣ самыхъ рѣзкихъ выходокъ и сужденій первыхъ страницъ. Изъ переписки его приближенныхъ и родныхъ видно, что строй его жизни и службы вообще отвѣчалъ его желаніямъ. Зять его, князь И. Р. Горчаковъ, пишетъ напримѣръ одному изъ своихъ сыновей, что Суворовъ «здоровъ, весьма доволенъ своимъ пòстомъ, живетъ и все идетъ по его волѣ и расположился такъ, что хоть до конца жизни такъ жить въ Херсонѣ» [5]).

Образъ жизни Суворова въ Херсонѣ также показываетъ въ немъ человѣка веселаго и общительнаго, а не угрюмаго, вѣчно и всѣмъ недовольнаго старика. Онъ праздновалъ всѣ торжественные дни, обходя впрочемъ свои собственныя имянины и рожденье; на масляницѣ катался съ горъ и давалъ у себя званые вечера съ танцами, гдѣ и самъ танцовалъ. Передъ Святой приказывалъ ставить на площади, близъ своего дома, разныя качели, для всеобщаго увеселенія, но открывалъ праздничный сезонъ самъ, съ нѣкоторою торжественностью, въ первый день Пасхи. Прежде всего онъ шелъ къ обѣднѣ съ толпою офицеровъ и изъ церкви возвращался вмѣстѣ съ ними домой разгавливаться; для того же пріѣзжали къ нему высшіе чиновники

города и почетные жители. Часовъ около десяти утра, Суворовъ выходилъ со своими гостями на площадь, одѣтый въ полной формѣ, разсаживалъ значительныхъ дамъ по мѣстамъ, на горизонтальныя качели, садился самъ съ одною изъ нихъ, самою важною по положенію мужа, и приказывалъ качать. Въ это время играла военная музыка, пѣли пѣсенники. Покачавшись, онъ обходилъ и другія качели, садился съ простыми горожанами, купцами, ихъ женами и качался съ ними. Передъ вечеромъ онъ уходилъ домой и угощалъ чаемъ сановниковъ и людей именитыхъ.

Близъ города находилась тѣнистая роща, любимое лѣтнее гулянье горожанъ; но послѣ Потемкина она была запущена, и строеніе, въ ней находившееся, нѣчто въ родѣ воксала, полуразвалилось. Суворовъ велѣлъ исправить воксалъ, расчистить дорожки, усыпать ихъ пескомъ. Сюда, въ Троицынъ день и въ Семикъ, онъ пріѣзжалъ обѣдать съ кампаніей офицеровъ; при этомъ играли полковые музыканты, пѣли пѣсенники, а послѣ обѣда онъ забавлялся въ хороводахъ, но водилъ ихъ не съ дѣвицами, а съ офицерами же. Въ рощу посылались музыканты и пѣсенники вообще по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ; послушать ихъ и погулять собиралась разнокалиберная публика изъ города. Вечеромъ въ эти дни бывали въ воксалѣ танцы; пріѣзжалъ туда и Суворовъ, котораго гулявшіе встрѣчали громкими криками *ура*. Оставался онъ тутъ недолго, но не разыгрывалъ изъ себя важнаго хозяина, недоступную особу, а былъ привѣтливъ и безъискуственъ. Когда наступала зима и подходили святки,—у Суворова опять затѣвались вечеринки съ танцами, съ фантами и другими святочными играми, въ которыхъ онъ принималъ живое участіе, отдавая особенное предпочтеніе игрѣ, называемой «живъ — живъ курилка». Въ городѣ его вообще очень любили и встрѣчали привѣтливо; одною изъ главныхъ тому причинъ была строгая дисциплина, введенная имъ въ гарнизонѣ, а слѣдовательно и устраненіе поводовъ къ неудовольствію горожанъ на военныхъ.

Здѣсь кстати привести нѣкоторыя особенности вседневной жизни Суворова, записанныя со словъ одного изъ его служите-

лей. Вставалъ Суворовъ очень рано; камердинеру Прохору приказано было тащить его за ногу, коли полѣнится вставать. Послѣ того онъ бѣгалъ по комнатамъ неодѣтый, или по саду въ одномъ нижнемъ платьѣ и сапогахъ, заучивая по тетради финскія, турецкія и татарскія слова и фразы; затѣмъ умывался, обливался водой и пилъ чай, продолжая твердить урокъ. За чаемъ слѣдовало духовное пѣніе по нотамъ, потомъ Суворовъ отправлялся на разводъ и, возвратившись домой, принимался за дѣла и за чтеніе газетъ; обѣдалъ рано, выпивая рюмку тминной водки и закусывая рѣдькой, а въ болѣзни употреблялъ пѣнникъ съ толченымъ перцемъ. Рѣдко обѣдалъ одинъ, въ военное же время никогда; любилъ, чтобы за обѣдомъ шла оживленная бесѣда; имѣлъ для своего собственнаго употребленія особую посуду; фруктовъ и лакомствъ не ѣлъ, вина пилъ немного, въ торжественные дни угощалъ шампанскимъ. Въ великій постъ, въ его комнатѣ почти ежедневно отправлялась церковная служба; при этомъ Суворовъ служилъ дьячкомъ. Въ церкви, на свѣтлый праздникъ, христосовался со всѣми и раздавалъ красныя яйца, но самъ не бралъ. Спалъ на сѣнѣ съ двумя пуховыми подушками подъ головой, прикрываясь простыней, а когда холодно, то синимъ плащомъ; не носилъ ни фуфаекъ, ни перчатокъ; въ комнатахъ своихъ любилъ жаръ почти банный; въ баню ходилъ не часто; парился въ страшномъ жару и окачивался холодной водой. При туалетѣ употреблялъ помаду и духи, преимущественно оделаванъ. Имѣлъ трехъ человѣкъ прислуги и фельдшера, но зачастую обходился и меньшимъ штатомъ. Любилъ животныхъ и ласкалъ ихъ, но дома не держалъ; иногда, при встрѣчѣ съ собакой, на нее лаялъ, а съ кошкой—мяукалъ [29]).

Хотя такимъ образомъ тонъ жизни Суворова на югѣ былъ вовсе не грустный, не скучный, но тѣмъ не менѣе недовольство существовало, таясь какъ искра подъ пепломъ и при первомъ поводѣ высказывалось то тихо, то бурно, смотря по обстоятельствамъ и по настроенію минуты. Выражалось это недовольство чаще всего въ личныхъ отношеніяхъ Суворова къ людямъ, при немъ состоявшимъ, и въ злыхъ сарказмахъ, испещрявшихъ переписку съ Хвостовымъ. Иногда онъ даже, какъ тогда говори-

лось, настраивалъ свою лиру и писалъ стихами, не длинно конечно, такъ какъ не имѣлъ никакого поэтическаго дарованія, и стихотворство должно было составлять для него не малый трудъ. Одно четверостишіе онъ написалъ, какъ самъ сознается, находясь въ грустномъ настроеніи, припоминая разныя несправедливости судьбы къ людямъ, заслуживавшимъ лучшей доли:

Voyez l'aveugle Bélizaire
Un Fréderic dans sa misère,
Le grand Columbus d'outre mers
Emprisonné et dans les fers.

Другое стихотвореніе съ намеками на разныхъ лицъ, иного свойства:

Tel est flatté par les promesses,
Un autre trompé par des caresses;
Colas intimidé, touffu,
Par des égards et des refus
Séduit d'une espérance folle:
Le ministre jouant son rôle,
Prépare le goufire et sourit;
Le preux Bayard enfin périt.
Ajax est plongé dans ses bornes,
Tenant la vache par les cornes,
Et un Tersite l'alaitit.
Ça est le monde perverti.

Не въ такихъ сравнительно мягкихъ формахъ выражалось дурное расположеніе духа Суворова, въ его вседневной жизни и въ ежечасныхъ отношеніяхъ къ людямъ приближеннымъ. Тутъ онъ являлся нерѣдко требовательнымъ, капризнымъ, несноснымъ, когда не въ силахъ былъ себя сдерживать. Борьба съ самимъ собою и обузданіе своего темперамента составляли постоянную его внутреннюю работу, и эти усилія значительно умѣряли вспышки его гнѣва, почти бѣшенства; но съ годами борьба становилась все труднѣе, тѣмъ паче, что съ расширеніемъ значенія и власти, ослаблялась и потребность—быть постоянно на сторожѣ противъ самаго себя. Въ описываемое время, подъ вліяніемъ измаильскаго разочарованія и разныхъ обстоятельствъ,

неровности его характера стали выражаться чаще и рѣзче, и онъ сдѣлался больше прежняго человѣкомъ *тяжелымъ*. Курисъ пишетъ Хвостову: «старикъ нашъ не перестаетъ свирѣпствовать; мочи нѣтъ. Среди страшнаго числа дѣлъ непрестанно фигуря, вчера со мною хоть и разстаться, сегодня повинился. Я просился прочь, но обращеніе то остановило меня; было довольно изъясненій, какое и вамъ огорченіе показалъ онъ... Дай Богъ силъ, чтобы снести все». Стало быть, Суворовъ чувствовалъ себя не правымъ и винился; черта хорошая, но много утрачиваетъ своего практическаго достоинства, если вслѣдъ за извиненіемъ опять являлись взрывы гнѣва. Суворовъ очень хорошо сознавалъ въ себѣ этотъ недостатокъ, а потому старался умалить его значеніе соотвѣтственными объясненіями. «Я иногда растеніе не тронь — меня», говоритъ онъ въ позднѣйшее время: «иногда электрическая машина, которая при малѣйшемъ прикосновеніи засыплетъ искрами, но не убьетъ». Но дѣло въ томъ, что она сыпала искрами и безъ прикосновенія къ ней, и хотя дѣйствительно не убивала, но наносила раны, особенно самолюбію. Вообще свойства Суворовской натуры были таковы, что приладиться къ ней было дѣломъ мудренымъ, а потрафить на него всегда и во всемъ, невозможнымъ. Иногда нельзя было разобрать сразу—доволенъ ли онъ или нѣтъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Хвостову, Курисъ говоритъ: «со стороны графа будьте спокойны; ей-ей онъ не сердится, но расположенъ; *суптельность* его характера всему виною» [30]).

Къ числу дурныхъ свойствъ характера Суворова принадлежала также нетерпимость, проявлявшаяся съ особенною осязательностью, когда затрогивалась его военная репутація, его слава и заслуги. Одинъ изъ участниковъ второй Турецкой войны, секундъ-маіоръ Раанъ, написалъ и издалъ небольшую книжку, перечень военныхъ дѣйствій, отчасти какъ очевидецъ, но большею частію со словъ другихъ. Онъ надѣлалъ въ ней много грубыхъ ошибокъ, иногда прямо противорѣчившихъ дѣйствительности, какъ наприм. при описаніи кинбурнскаго сраженія, да и Фокшаны съ Рымникомъ, особенно послѣдній, представилъ не въ истинномъ свѣтѣ. Суворовъ прочелъ книжку, усмотрѣлъ въ ней

посягательство на свою военную славу и написалъ въ апрѣлѣ 1794 года прошеніе въ академію наукъ. Въ прошеніи онъ говоритъ, что Раанъ «сдѣлалъ постыдное изъясненіе о дѣлахъ при Кинбурнѣ, Фокшанахъ и Рымникѣ»; что такимъ образомъ «онъ даетъ другой толкъ и цѣну знаменитымъ происшествіямъ, къ славѣ обоихъ дворовъ побѣдоноснаго оружія»; что терпѣть такой лжи невозможно, а потому «академіи наукъ представляя сочиненіе сіе, которая благоусмотритъ изъ реляціевъ, колико оное описаніе противорѣчущее, слѣдственно и не имѣющее вниманія свѣту—уничтожить». Прошеніе это Суворовъ переслалъ къ Хвостову, прося подать его по принадлежности и при этомъ не лестно отозвался о самомъ Раанѣ, говоря, что онъ служилъ подъ его, Суворова, начальствомъ, отличался неспособностью, состоялъ больше при чертежной, а потому ни въ одномъ изъ упомянутыхъ сраженій участія не принималъ, а между тѣмъ его, Суворова, прославилъ гайдамакомъ. Такъ какъ прошеніе это сохранено Хвостовымъ, вмѣстѣ съ другими бумагами Суворова, и существуетъ въ настоящее время тамъ же, то надо думать, что Хвостовъ просто не исполнилъ приказанія Суворова, признавъ его черезъ чуръ притязательнымъ и неумѣстнымъ [31]).

Какъ Суворовъ былъ ревнивъ къ умаленію его славы, такъ признателенъ за ея оглашеніе и возвеличеніе. Почти одновременно съ указаннымъ письмомъ о Раанѣ, онъ пишетъ Хвостову: «рѣчь кронштадтскаго проректора, моего однофамильца, должна быть вамъ извѣстна; онъ въ ней до меня ласковъ, чего ради я присудилъ ему на домашніе расходы по моей возможности 300 рублей, которые, какъ лежачихъ изъ моихъ доходовъ у васъ уповаю нѣтъ, извольте занять и къ нему при дружескомъ письмѣ отправить» [5]).

Вообще Суворовъ велъ довольно большую переписку, преимущественно съ Хвостовымъ, и больше всего отъ него же получалъ писемъ. Хвостовъ сообщаетъ ему всѣ происшествія, вѣсти и сплетни, также свои предположенія и «постиженія», въ которыхъ критикой не отличается. Это истинный винегретъ. «Каховскій отъ взятокъ пооправдался, но принятъ холодно;... о васъ благоволеніе сказывалъ Турчаниновъ;... Поповъ и графъ

Безбородко запутались въ херсонскихъ подрядахъ, а паче въ крымской соли;... Попова счеты экстраординарной суммы бывшей войны, въ 54 милліона рублей, велѣно повѣрить Турчанинову» и т. д. Суворовскія письма не такого универсальнаго содержанія, но они полны разныхъ соображеній и догадокъ: о долговѣчности дружбы между графомъ Н. Салтыковымъ и Пл. Зубовымъ и происходящихъ оттого для него, Суворова, неудобствахъ; о возможности «просвистанія» Шведскимъ королемъ Финляндіи и проч. Ведетъ онъ переписку и съ другими лицами: съ Турчаниновымъ, съ гр. Пл. Зубовымъ, съ принцемъ Кобургскимъ, Карачаемъ, управителями имѣній и др. Съ Зубовымъ у него повидимому наилучшія отношенія; Суворовъ хвалитъ его Хвостову, пишетъ къ нему самому вѣжливо, даже почтительно, но впрочемъ не такимъ тономъ, какъ писывалъ Потемкину. Эти добрыя отношенія окрашиваютъ въ бѣлый цвѣтъ и многое такое, что при другихъ условіяхъ было бы признано Суворовымъ несомнѣнно чернымъ. Такъ онъ съ особенною благосклонностью отзывается объ одномъ изъ секретарей Зубова, Альтести, проходимцѣ, интриганѣ, человѣкѣ болѣе чѣмъ сомнительной репутаціи, и даже пишетъ въ его честь четверостишіе:

Altesti méprisant les traits d'un satellite,
Près d'un illustre ami distingue le mérite,
Et soutient noblement l'honneur d'un homme de bien.
Remonte aux principes des Grecs et de Romains.

Эта атестація такъ далеко отходитъ отъ истины, Альтести на столько былъ дѣйствительнымъ сателитомъ графа Зубова и составлялъ такую противуположность съ классическими образцами добродѣтелей, что панегирикъ, помимо воли автора, можетъ быть правильнѣе названъ злѣйшею эпиграммой [32]).

Въ перепискѣ Суворова изъ Херсона находимъ также одно письмо къ Зотову. Захаръ Константиновичъ Зотовъ былъ первымъ камердинеромъ Императрицы, и подобно ея любимой камерюнгферѣ, М. С. Перекусихиной, представлялъ собою силу не видную, но дѣйствительную. Хотя имъ обоимъ запрещено было Государыней говорить ей о комъ бы то ни было въ смыслѣ похвалы или порицанія, но они находили средство незамѣтно

обходить это приказаніе. До нихъ снисходили первые вельможи; въ нихъ заискивали люди сильные. Возвышеніемъ своимъ Платонъ Зубовъ обязанъ былъ отчасти Зотову; Потемкинъ, во время своего послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ, разговаривалъ съ Зотовымъ о разныхъ дѣлахъ какъ съ ровней, вѣроятно въ надеждѣ, что тотъ передастъ что слѣдуетъ Императрицѣ. Графъ Безбородко помнилъ дни рожденія и именинъ Зотова, Перекусихиной и даже нѣкоторыхъ другихъ, менѣе значущихъ служителей, и всегда дѣлалъ имъ хорошіе подарки. Суворовъ, не доходя до такой близости и панибратства, поддерживалъ однакоже добрыя съ ними отношенія. Изъ Финляндіи онъ пишетъ Хвостову, что Зотову «издревле обязанъ, какъ усердствующему пріятелю»; изъ Херсона пишетъ ему самому, ибо получилъ отъ него письмо, вручителя котораго Зотовъ рекомендовалъ благосклонному вниманію и покровительству Суворова. Суворовъ отвѣчаетъ Зотову любезнымъ, но короткимъ и приличнымъ по тону письмомъ, называетъ его истиннымъ пріятелемъ, благодаритъ за услуги и обѣщаетъ свою помощь подателю письма [32]).

Не забывались также и другіе люди, сдѣлавшіеся Суворову почему либо близкими; между ними не послѣднее мѣсто занималъ сослуживецъ его въ минувшую Турецкую войну, баронъ Карачай, котораго онъ такъ отличилъ, и который чувствовалъ къ нему съ тѣхъ поръ горячую привязанность. У Карачая родился въ эту войну сынъ, названный въ честь Суворова Александромъ; заочнымъ крестнымъ отцомъ былъ, по просьбѣ Карачая, Суворовъ же. Карачай проживалъ послѣ войны въ Лембергѣ и, встрѣтившись тамъ съ однимъ русскимъ офицеромъ, который зналъ Суворова лично и недавно его видѣлъ, зазвалъ его къ себѣ и показалъ ему своего сына. Вслѣдъ за тѣмъ Карачай послалъ Суворову въ мартѣ 1793 года письмо, въ которомъ изъявляетъ удовольствіе, что онъ, Суворовъ, здоровъ; говоритъ, что маленькій Александръ учится прилежно, цѣлуетъ руки своего крестнаго отца и поручаетъ себя его милости. Передавая поклонъ отъ своей жены, Карачай проситъ Суворова испросить соизволеніе Екатерины на зачисленіе маленькаго Александра въ одинъ

изъ полковъ подъ его начальство и о пожалованіи ему патента. Суворовъ обратился тотчасъ же къ графу Зубову; просьба его была уважена, и Александру Карачаю пожалованъ патентъ на чинъ поручика. Суворовъ былъ чрезвычайно доволенъ успѣхомъ своего ходатайства, благодарилъ Зубова, отправилъ патентъ къ Карачаю и приложилъ при этомъ наставленіе своему крестнику, какъ будущему военному человѣку [34]). Это небольшое наставленіе есть довольно полная характеристика Суворова, какъ военнаго наставника, и заслуживаетъ быть переданнымъ вполнѣ. (См. Приложеніе VI).

Суворовъ любилъ давать военныя наставленія и не скупился на нихъ въ разныхъ случаяхъ, даже нѣсколько рисуясь въ роли наставника. Раньше приведеннаго случая съ Карачаемъ, онъ напутствовалъ въ службу старшаго изъ своихъ племянниковъ Горчаковыхъ, князя Алексѣя, такими словами: «послѣдуй Аристиду въ правотѣ, Фабриціану въ умѣренности, Эпаминонду въ нелживости, Катону въ лаконизмѣ, Юлію Цезарю въ быстротѣ, Тюренню въ постоянствѣ, Лаудону въ нравахъ». Вскорѣ послѣ отсылки Карачаю патента на чинъ и наставленія, Суворову снова представился случай сказать поученіе одному изъ своихъ приближенныхъ, Курису, что онъ и сдѣлалъ. Произошло это такимъ образомъ.

По случаю мира съ Турціей и Польшей (послѣ второго раздѣла), въ Петербургѣ происходило торжество, на которомъ Государыня вспомнила и о Суворовѣ. Пожаловавъ ему похвальную грамоту, гдѣ перечислялись его подвиги и послѣднихъ лѣтъ строительныя работы, Екатерина велѣла написать ему объ этомъ рескриптъ, прибавить эполетъ и перстень, украшенные брильянтами, цѣнностью около 60,000 рублей, и орденъ Георгія 3 класса, для возложенія по его усмотрѣнію на храбрѣйшаго и достойнѣйшаго изъ его подчиненныхъ въ минувшую войну. При этомъ произошла любопытная случайность: Екатерина подписала рескриптъ 7 сентября, и въ этотъ же самый день Суворовъ писалъ Хвостову: «при торжествѣ мира еслибы мнѣ какая милость, я ее не прошу, ниже желаю; лучше процентъ за долгъ измаильскій». Пожалованный Георгій, Суворовъ присудилъ со-

стоявшему при немъ подполковнику Ивану Онуфріевичу Курису. Справедливъ ли былъ выборъ, сказать теперь доподлинно нельзя, но несомнѣнно, что Курисъ отличался большими заслугами, особенно въ кампанію 1789 года. Полковникъ Золотухинъ, командиръ Фанагорійскаго полка, стоялъ несравненно выше Куриса въ боевомъ отношеніи, но онъ въ предшествовавшемъ 1792 году былъ убитъ во время Польской войны. И такъ почти генеральская награда дана была Курису; возложеніе ея происходило по Суворовскому обыкновенію торжественно: Курисъ стоялъ на колѣняхъ, Суворовъ надѣлъ на него жалуемый крестъ и сказалъ наставленіе. Смыслъ наставленія тотъ, что награда, быть можетъ, слишкомъ тяжела по своему значенію, но это обязываетъ награждаемаго заботиться о пріобрѣтеніи достоинствъ генеральскихъ: честности, заключающейся въ держаніи слова, въ прямотѣ и въ отсутствіи мстительности; затѣмъ трудолюбія, бдѣнія, постиженія, мужества и, выше всего, глазомѣра. Суворовъ замѣчаетъ при этомъ, что самъ желалъ бы пріобрѣсти все то, что изложилъ въ наставленіи маленькому Карачаю. Въ заключеніе своего наставительнаго слова, онъ приводитъ послѣднее условіе, необходимое генералу: непрерывное образованіе себя науками съ помощью чтенія [35]).

Требуя отъ каждаго генерала добродѣтели, глазомѣра и науки, Суворовъ считаетъ, кромѣ того, непремѣннымъ условіемъ побѣды—тщательное и осмысленное обученіе войскъ. Въ Херсонѣ онъ скорбитъ о некомплектѣ своихъ частей, о неприсылкѣ рекрутъ и пишетъ Хвостову: «придется съ Турками начать; флотъ ихъ лучше нашего и люди выучены, а у насъ ничего. Изъ сухопутныхъ экзерцируются 8,000, изъ коихъ 3,000 не уступятъ никакимъ европейскимъ, и непрестанно прибавляются... Намъ ежегодно будетъ тяжелѣе начинать съ Турками, они успѣютъ въ регулярствѣ». Придавая механическому обученію важное значеніе въ смыслѣ достиженія регулярности, онъ пишетъ графу Зубову: «изъ писемъ видно, что тысячи три Турокъ обучались экзерциціи при султанѣ непрерывно;... изъ этого ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что Турки получаютъ вкусъ въ экзерциціи; это мнѣ не очень пріятно». Онъ обучалъ

свои войска съ особеннымъ рвеніемъ, какъ будто наканунѣ войны, и дѣйствительно не ошибся.

Совершившійся въ 1793 году второй раздѣлъ Польши показалъ Полякамъ, какъ близко ихъ отечество подошло къ своей конечной гибели. Противодѣйствіе ихъ было подавлено силой, но матеріальная сила дѣйствуетъ обыкновенно на поверхность, а не вглубь. Чѣмъ меньше сопротивленіе ихъ могло выказываться наружу, тѣмъ больше оно назрѣвало и организовалось внутри. Многочисленные и вліятельные польскіе эмигранты, разсѣявшіеся по Европѣ въ послѣдніе годы, возбуждали своихъ соотчичей и поддерживали въ нихъ патріотическое чувство вмѣстѣ съ жаждою мщенія. Ждали только удобнаго времени и смѣлаго человѣка, который далъ бы толчокъ. Такимъ явился литвинъ Фаддей Косцюшко, горячій патріотъ, даровитый человѣкъ, съ чистою, незапятнанною репутаціей. Въ мартѣ 1794 г. онъ, прибывъ изъ-за границы, поднялъ возстаніе въ Краковѣ; быстро выростая изъ первыхъ успѣховъ, оно пошло дальше и обхватило всю страну. Въ Варшавѣ, въ началѣ апрѣля, произошли кровавыя сцены избіенія Русскихъ въ большомъ числѣ; въ другихъ мѣстахъ повторилось почти тоже, только въ меньшемъ масштабѣ, или обнаружились къ тому попытки, и возбужденіе умовъ стало проникать за польскіе предѣлы, въ отторгнутыя отъ Польши области.

На новопріобрѣтенной Россіею територіи находилось около 15,000 бывшихъ польскихъ войскъ, поступившихъ на русскую службу годъ назадъ. Вліяніе происшедшихъ въ Польшѣ событій не замедлило на нихъ обнаружиться. Одинъ легкоконный полкъ по чьему-то тайному приказу собрался въ свою штабъ-квартиру и куда-то выступилъ, какъ оказалось потомъ, къ польской границѣ. Эскадронъ другого полка сдѣлалъ въ другомъ мѣстѣ тоже самое. Въ третьемъ — цѣлая бригада выступила изъ квартиръ въ полномъ вооруженіи и снаряженіи, пошла къ турецкой границѣ и благополучно перебралась въ Молдавію. Нѣсколько эскадроновъ другой бригады направились къ границѣ Польши, были встрѣчены русскимъ батальономъ, вступили съ нимъ въ бой, понесли порядочный уронъ и, не въ состояніи будучи опроки-

нуть батальонъ, раздѣлились и частями продолжали свой путь, до новой встрѣчи съ Русскими. Остальные полки или обнаруживали довольно явственную наклонность къ мятежу, или въ нихъ происходило скрытое броженіе [36]).

Какъ въ Польшѣ русскія войска были захвачены возстаніемъ въ расплохъ, такъ и въ русскихъ пограничныхъ мѣстахъ катастрофа эта, съ ея послѣдствіями, произвела переполохъ совершенной неожиданности. Потребовалось командировать въ Польшу войска изъ наличныхъ безотлагательно, стягивать другія поближе къ опаснымъ мѣстамъ и принимать спѣшныя мѣры противъ польско-русскихъ полковъ. Графъ И. Салтыковъ, начальствовавшій въ сосѣднемъ съ Суворовымъ раіонѣ, засыпалъ Суворова разными требованіями на счетъ передвиженія войскъ и высылки частей на подмогу, особенно кавалеріи. Суворовъ, на основаніи недавно послѣдовавшихъ повелѣній о нарядѣ части войскъ на крѣпостныя работы и о приведеніи остальныхъ въ совершенную готовность къ войнѣ съ Турками, отказывалъ Салтыкову и доносилъ объ этомъ Императрицѣ и графу Зубову. Салтыковъ обратился къ нему наконецъ съ требованіемъ, опираясь на только-что полученное высочайшее повелѣніе; Суворовъ отказалъ, такъ какъ вѣроятно вслѣдствіе всеобщей суматохи, подобнаго повелѣнія не получилъ. Объ этомъ онъ однако донесъ, прибавивъ, что еще раньше сдѣланы имъ подготовительныя распоряженія къ исполненію требованій Салтыкова, но ожидается приказаніе, такъ какъ ему, Суворову, указаны другія задачи. Наконецъ, онъ получилъ высочайшее повелѣніе отъ 27 апрѣля такого содержанія: требуется общая связь въ охраненіи границъ польской и турецкой; посему графу Румянцову поручается общее начальство надъ всѣми войсками отъ предѣловъ минской губерніи съ изяславскою до устья Днѣстра, т.-е. подчиняются ему и Салтыковъ, и Суворовъ.

Четырьмя днями раньше этого повелѣнія, послѣдовало еще одно, однородное съ даннымъ Салтыкову, на которомъ тотъ въ своихъ требованіяхъ и основывался, но Суворовъ его получилъ или одновременно съ указомъ о назначеніи Румянцова главнокомандующимъ, или всего однимъ днемъ раньше. Этимъ распо-

ряженіемъ предписывались слѣдующія мѣры. Русскихъ подданныхъ, служащихъ въ бывшихъ польскихъ полкахъ, или уволить отъ службы, кто того желаетъ, или перевести въ другія внутреннія войска, по назначенію военной коллегіи; такимъ же образомъ поступить съ несостоящими въ русскомъ подданствѣ, но оставшимися вѣрными. Такъ какъ изъ войскъ графа Салтыкова отдѣляется значительная часть для дѣйствій въ Польшѣ, подъ начальствомъ князя Репнина, то Суворову занять все пространство отъ Егорлыка до Могилева и расположить войска такъ, чтобы пресѣчь бывшимъ польскимъ полкамъ всякую возможность къ сборамъ, къ побѣгамъ или къ чему-либо худшему, а затѣмъ приступить къ ихъ роспуску. Графъ Салтыковъ будетъ дѣлать тоже самое въ своемъ раіонѣ; Суворову дѣйствовать съ нимъ въ полномъ согласіи и единодушіи. Вслѣдъ за этимъ повелѣніемъ, Суворовъ получилъ еще одно, гдѣ говорилось о замыслѣ Косцюшки поднять въ Крыму возстаніе, перебить тамъ всѣхъ Русскихъ и сжечь флотъ, а потому предписывалось ему, Суворову, принять должныя мѣры [37]).

Суворовъ приступилъ безотлагательно къ выполненію трудной задачи по обезоруженію польско-русскихъ войскъ. Этотъ спѣхъ, этотъ разсчетъ — не упустить ни одного дня, доказали и при настоящемъ случаѣ вѣрность Суворовскаго военнаго взгляда. Впослѣдствіи стало извѣстно, что три легкоконныя бригады и два пѣхотныхъ полка предполагали 2 іюня собраться для ухода въ Польшу, и кое-гдѣ эскадроны начали-было уже стягиваться, но прослышавъ про движеніе Суворова, пріостановились: пусть-де пройдетъ куда его посылаютъ, въ Польшу, а пропустивъ его, тронемся и мы. Разсчетъ ихъ оказался ошибочнымъ. Разославъ по заранѣе составленному плану нѣсколько отрядовъ и самъ выступивъ съ однимъ изъ нихъ (всего на это употреблено 13.000 человѣкъ), Суворовъ со всѣхъ сторонъ опуталъ бывшія польскія войска какъ бы паутиной. Пути бѣгства за границу были отрѣзаны, взаимная связь частей пресѣчена, пункты для временного содержанія обезоруженныхъ учреждены, пути для препровожденія ихъ назначены. Русскіе отряды обыкновенно прибывали въ назначенный пунктъ вне-

запно, захватывали и обезоруживали прежде всего главный караулъ, затѣмъ распространялись по окрестнымъ селеніямъ и дѣлали то же самое; подобнымъ же образомъ поступали они и со всѣми людьми, прибывающими въ полковую штабъ-квартиру. Приказано было вести дѣло съ осторожностью и мягкостью до тѣхъ поръ, пока не будетъ оказано явнаго сопротивленія; такъ и исполнялось, и сопротивленія нигдѣ не встрѣтилось. Вся операція была не только хорошо обдумана, но и съ замѣчательною точностью исполнена. Все обошлось безъ крупныхъ недоразумѣній и ошибокъ; дѣло началось 26 мая выступленіемъ Суворова изъ Балты, а окончилось 12 іюня въ Бѣлой Церкви: 8000 человѣкъ обезоружены на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ мирно, не прибѣгая къ употребленію оружія, безъ пролитія капли крови[38]).

Успѣшно, но не въ такой степени гладко и не такъ скоро, было окончено разоруженіе и распущеніе бывшихъ польскихъ полковъ и въ раіонѣ графа И. Салтыкова. Строгій, требовательный Румянцовъ не былъ имъ доволенъ, тогда какъ Суворовъ удовлетворилъ его вполнѣ. Объ окончаніи сложнаго и труднаго дѣла Румянцовъ донесъ Императрицѣ; Екатерина поблагодарила его и поручила передать ея благодарность Суворову.

Былъ доволенъ Румянцовымъ и Суворовъ. Какъ только въ маѣ Румянцовъ принялъ общее начальство, Суворовъ привѣтствовалъ его письмомъ: «вступая паки подъ высокое предводительство вашего сіятельства, поручаю себя продолженію вашей древней милости». Въ разгаръ операціи обезоруженія и роспуска польскихъ войскъ, онъ въ частныхъ письмахъ своихъ продолжаетъ отзываться о Румянцовѣ съ почтительнымъ уваженіемъ, величая его своимъ «почтеннымъ начальникомъ, Велисаріемъ, Несторомъ». Проживъ въ Бѣлой Церкви не менѣе 10 или 15 дней, для слѣдовавшихъ за оконченною операціею распоряженій по выдачѣ паспортовъ, жалованья и проч.,—Суворовъ проѣхалъ къ Румянцову, въ его имѣніе, недалеко отъ Кіева, съ нелицемѣрною радостью съ нимъ свидѣлся и обнялъ его отъ всей души. Румянцовъ принялъ его привѣтливо, оставилъ у себя обѣдать, бесѣдовалъ съ нимъ о текущихъ событіяхъ, о положеніи Польши.

Вѣроятно не миновала ихъ бесѣда и добраго стараго времени, — любимая тема всѣхъ стариковъ; а у Румянцова съ Суворовымъ было вдобавокъ много общаго въ пережитомъ, было о чемъ вспомнить изъ старины, начиная съ Семилѣтней войны, когда Суворовъ въ чинѣ подполковника состоялъ у Румянцова подъ начальствомъ, и ему же обязанъ былъ первымъ засвидѣтельствованіемъ предъ Императрицей своихъ военныхъ способностей и боевыхъ заслугъ [39]).

Затѣмъ Суворовъ вернулся во свояси. Онъ распредѣлилъ свои войска по лагернымъ стоянкамъ, сообразно съ обстоятельствами, происходившими въ Польшѣ, и въ виду ожидаемаго со стороны Турціи почина непріязненныхъ дѣйствій. Значительную долю войскъ онъ сосредоточилъ въ Немировѣ, куда и самъ переселился. Ожидаемая война съ Турціей и уже открывшаяся съ Польшей, питали въ немъ внутреннюю тревогу, и въ головѣ его постоянно вертѣлся вопросъ: что лучше — въ Польшу или въ Турцію? Въ Турцію казалось какъ будто лучше, но являлось опасеніе—быть задержаннымъ въ Херсонѣ «кандалами», т.-е. не войной съ Турціей, а однимъ предлогомъ ожиданія войны. Если же война дѣйствительно состоится и будетъ принятъ прошлогодній его планъ, то новое опасеніе: «среди операціевъ будутъ выходить правила, обстоятельствамъ противныя, и мѣшать производству его (плана)»; наконецъ «могутъ измѣнить планъ на иного, а меня еще посвятить каштаннымъ котомъ». Потомъ стали ходить слухи, будто этотъ планъ переданъ на разсмотрѣніе въ военный совѣтъ; Суворовъ же, по его собственнымъ словамъ, съ подобными учрежденіями «никогда знаться не хотѣлъ», по той простой причинѣ, что засѣдающіе тамъ «политическіе люди не годятся въ истинные капралы». Наконецъ Суворовъ пришелъ къ окончательному убѣжденію: «не сули журавля въ полѣ, дай синицу въ руки», причемъ «журавлемъ» была турецкая война, а «синицей»—польская [40]).

Желаніе получить «синицу въ руки», по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій обострялось; Суворовъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ, прикидывалъ свой взглядъ, свою мѣрку, и планъ *его собственныхъ* дѣйствій

сложился у него въ головѣ совсѣмъ готовый. Онъ пишетъ Хвостову: «въ непрестанной мечтѣ, паки я не въ Польшѣ; *тамъ бы я въ сорокъ дней кончилъ*»; слова повидимому хвастливыя, но въ дѣйствительности основанныя на вѣрномъ разсчетѣ, который впослѣдствіи оказался очень близкимъ къ истинѣ. Къ Румянцову онъ пишетъ почти то же самое; жалуясь на «томную праздность», въ которую невинно погруженъ со временъ Измаила, онъ проситъ: «изведите меня изъ оной; могъ бы я препособить окончанію дѣлъ въ Польшѣ и поспѣть къ строенію крѣпостей». Около этого же времени онъ обратился къ Государынѣ съ просьбой — отпустить его на службу за-границу, но какъ мы уже знаемъ, получилъ отвѣтъ отрицательный. Почти таковъ же былъ отвѣтъ Румянцова насчетъ Польши: очень любезный, но уклончивый; Суворовъ написалъ ему снова: «ваше сіятельство въ писаніи вашемъ осыпать изволите меня милостями, но я все на мели». Нѣсколько позже, въ началѣ августа, онъ сообщаетъ де-Рибасу, что кромѣ посланныхъ въ Петербургъ писемъ объ увольненіи его, Суворова, за-границу, онъ послалъ еще другія, болѣе рѣшительныя; объясняетъ, что жизнь ему въ тягость, что онъ перешелъ Рубиконъ и не измѣнитъ себѣ; что не будетъ игрушкою какого-нибудь гр. Н. С. (Салтыкова, управлявшаго военнымъ департаментомъ); что уже нѣсколько лѣтъ, какъ ему все равно гдѣ умереть, подъ экваторомъ или у полюсовъ и т. под. Письмо свое онъ заключаетъ возгласомъ: «увы, мой патріотизмъ, я не могу его выказать; интриганы отняли у меня къ этому всѣ средства» [41]).

И дѣйствительно, какъ это ни странно кажется, но Государыня не думала посылать противъ Поляковъ своего даровитѣйшаго полководца. Это видно изъ переписки нѣкоторыхъ государственныхъ людей того времени и изъ приводимаго въ ней свидѣтельства графа Безбородко. Екатерина предоставила главную роль князю Репнину, который находился съ театромъ войны въ близкомъ сосѣдствѣ, но развѣ это могло служить достаточнымъ основаніемъ и развѣ она не знала малую способность Репнина, его медлительность и нерѣшительность? Еще недавно, разговаривая съ нимъ о неудачно-окончившейся кам-

паніи союзниковъ противъ Французовъ, и выслушавъ отзывъ Репнина, что союзные предводители, отретировавшись, поступили мудро, ибо спасли свою армію, — она замѣтила насмѣшливо: «не желала бы я, чтобы мои генералы отличались такою мудростью». Развѣ она не понимала, со своимъ свѣтлымъ умомъ, что при страстномъ возбужденіи Поляковъ, при ихъ опьяненіи событіями того года и при ихъ національномъ темпераментѣ, каждый потерянный Русскими день придавалъ имъ силы, физическія и нравственныя? Наконецъ минуя все это, развѣ не стоила вниманія просьба ея побѣдоноснаго вождя объ отпускѣ за-границу, лишь бы получить «практику»? Вѣдь находила же Государыня, когда Суворовъ уѣзжалъ изъ Петербурга къ мѣсту своей службы, что «онъ тамъ у себя больше на мѣстѣ»; а развѣ на боевомъ полѣ, передъ лицомъ враговъ, онъ не былъ еще больше на своемъ мѣстѣ? Нельзя не сознаться, что сѣтованія Суворова на поворотъ судьбы послѣ Измаила или, лучше сказать, послѣ свиданія его съ Потемкинымъ въ Яссахъ, были въ основаніи справедливы. Видно, Потемкинъ еще жилъ въ памяти Екатерины, и навѣты его на Суворова посѣялись глубоко. Да и какая богатая почва для навѣтовъ эта ясская бесѣда, вмѣстѣ съ возроставшими странностями и дурачествами побѣдоноснаго чудака, которыя, по собственнымъ словамъ Екатерины, способны были прямо вредить ему самому [42]).

Румянцовъ понималъ Суворова лучше. Ни Потемкинъ, ни систематическое шутовство Суворова не производили на него дурного вліянія, и высокое его мнѣніе о рѣдкихъ военныхъ качествахъ стараго его подчиненнаго, съ годами только возростало. Это потому, что не занимая въ міровыхъ лѣтописяхъ мѣста въ ряду первоклассныхъ полководцевъ, Румянцовъ все-таки былъ истиннымъ военнымъ человѣкомъ и чуялъ въ Суворовѣ то, что было скрыто отъ другихъ, въ томъ числѣ и отъ Екатерины. Оттого и Суворовъ, понимая въ Румянцовѣ лучшаго своего цѣнителя, чувствовалъ къ нему особенную преданность и уваженіе, не внѣшнее, какъ къ Потемкину, представлявшему собою силу, а внутреннее, чуждое всякихъ разсчетовъ, основанное на признаніи въ немъ достоинства. Въ настоящемъ слу-

чаѣ, при наступившей войнѣ съ Польшей, разочарованный, обезкураженный Суворовъ кончилъ тѣмъ, что возложилъ свою надежду на Румянцова. И надежда эта его не обманула.

Не сразу выяснились военныя обстоятельства, не вдругъ можно было рѣшиться, особенно Румянцову, на самостоятельный шагъ, не входившій въ планъ дѣйствій, утвержденный въ Петербургѣ. Но когда сдѣлалось ясно, что дѣло затягивается, что Поляки обнаруживаютъ замѣчательную энергію, далеко не лишены искуства (о чемъ писалъ Румянцову и Суворовъ), и становилось весьма вѣроятнымъ, что войну придется продолжать и въ будущемъ году,—то Румянцовъ рѣшился, безъ сношенія съ кабинетомъ, на свой страхъ отправить на театръ войны Суворова. Правда, Суворовъ былъ далеко, въ Украйнѣ, и ему предстоялъ длинный походъ, чуть не втрое длиннѣе, чѣмъ Репнину изъ Литвы; но опытный, прозорливый полководецъ понималъ, что военныя дарованія Суворова восполнятъ этотъ недостатокъ съ лихвою. Августа 7 Румянцовъ подписалъ на имя Суворова предписаніе и послалъ къ нему съ курьеромъ. Въ бумагѣ говорилось, что въ Турціи все спокойно и ничего худого не предвидится; Поляки же становятся все болѣе опасными, а потому признается нужнымъ «сдѣлать сильный отворотъ сему дерзкому непріятелю отъ стороны Бреста, подляскаго и троцкаго воеводствъ», дабы облегчить достиженіе военныхъ цѣлей въ другихъ частяхъ театра войны. Для этого назначается Суворовъ; ему дается два отряда (на пути отъ Немирова къ Бресту), каждый изъ 3 батальоновъ, 5 эскадроновъ и 250 казаковъ съ 4 полевыми орудіями; предводительство надъ ними поручается ему «только на сіе время»; желательно бы, чтобы онъ усилилъ эти войска частью своихъ, находящихся въ брацлавской губерніи, но отдаленность этого края и требуемая поспѣшность дѣлаютъ это желаніе почти невозможнымъ (слово «почти» прибавлено въ черновой бумагѣ рукою Румянцова), такъ что прибавить войска придется изъ другихъ мѣстъ. Приказъ свой Румянцовъ дополняетъ признаніемъ, что Суворовъ «всегда былъ ужасомъ Поляковъ и Турокъ», что «имя его подѣйствуетъ лучше многихъ тысячъ», и говоритъ въ

заключеніе, что съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ отвѣта, особенно насчетъ усиленія новыми войсками двухъ экспедиціонныхъ отрядовъ.

Несмотря на то, что ему выпадала на долю только демонстрація, Суворовъ схватился за возложенное на него порученіе какъ за якорь спасенія, конечно въ надеждѣ придать своимъ операціямъ другое значеніе, и уже 14 августа выступилъ изъ Немирова въ походъ. Онъ взялъ съ собою одинъ гренадерскій и одинъ карабинерный полки, два егерскіе батальона и 250 казаковъ и о своемъ распоряженіи послалъ Румянцову донесеніе уже съ дороги [43]).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Польская война: Крупчицы, Брестъ; 1794.

Обзоръ предшествовавшихъ событій въ Польшѣ.—Выступленіе Суворова и соединеніе въ пути съ другими отрядами; переписка съ Румянцовымъ; недовольство своей ролью.—Дурныя вѣсти; ускореніе похода; мѣры осторожности; обращеніе съ войсками.—Захватъ подъ Дивиномъ и Кобриномъ двухъ польскихъ отрядовъ; движеніе къ Крупчицамъ.—Крѣпкая позиція Поляковъ; фронтальная атака и обходное движеніе Русскихъ; ретирада непріятеля. — Ночной походъ къ Бресту; двѣ переправы; атака фронтальная съ охватомъ фланговъ и угроженіемъ тылу; ретирада Поляковъ; отрѣзаніе ихъ пути отступленія и полное пораженіе. — Слѣдствія побѣды. — Невольная остановка въ Брестѣ; русскій лагерь; учебныя занятія; неутомимая дѣятельность Суворова.

Польская революція 1794 года, вызванная предшествовавшими событіями, особенно раздѣлами Польши, подготовлялась съ гродненскаго сейма. Поляки хорошо хранили тайну и только въ послѣднее время, предъ взрывомъ, стали возбуждать нѣкоторыя подозрѣнія; однако систему эту до конца не выдержали, приступивъ къ дѣлу слишкомъ рано, недостаточно подготовившись. Виною тому былъ одинъ случай. На основаніи постановленій гродненскаго сейма, часть польскихъ войскъ подлежала роспуску; когда генералъ Игельстромъ, командовавшій русскими войсками въ Польшѣ, потребовалъ исполненія, то большая часть польскихъ генераловъ повиновалась, но начальникъ одной конной бригады, Мадалинскій, ослушался, выступилъ изъ Пултуска, усилился по дорогѣ нѣсколькими мелкими отрядами, напалъ

внезапно на русскій пѣхотный полкъ, потомъ на прусскій эскадронъ, разбилъ ихъ и, собирая дорогой контрибуціи, подошелъ къ Кракову. Туда поспѣшилъ изъ-за границы Косцюшко, заранѣе избранный главнымъ вождемъ возстанія, и принужденъ былъ обнародовать преждевременно инсурекціонный актъ. Такимъ образомъ началась революція, а вслѣдъ затѣмъ открылась и война.

Вспыхнули частныя возстанія въ разныхъ мѣстахъ Польши. Игельстромъ сосредоточилъ въ Варшавѣ до 8000 русскихъ войскъ; русскіе генералы Денисовъ и Тормасовъ погнались за Мадалинскимъ; Пруссаки вступили въ польскіе предѣлы; наблюдательные отряды ихъ продвинулись далеко впередъ, къ разнымъ пунктамъ. Косцюшко бросился на Тормасова и Денисова, разбилъ ихъ подъ Рославицами и взялъ нѣсколько знаменъ и пушекъ. Бой былъ кровопролитный, плѣнныхъ очень мало, потому что Поляки не давали пощады; такъ по крайней мѣрѣ доносилъ Косцюшко. Вѣсть о побѣдѣ сильно возбудила энергію инсургентовъ. Въ четвергъ на страстной недѣлѣ поднялась Варшава; русскій гарнизонъ, внезапно атакованный, не подготовленный къ отпору и вообще дурно предводимый, потерялъ до 3000 человѣкъ, 40 орудій и, съ трудомъ пробившись за городъ, отступилъ къ Ловичу. Вслѣдъ затѣмъ вспыхнуло возстаніе въ Вильнѣ, и хотя результаты его были не столь для Русскихъ бѣдственны, но одинаково плачевны, благодаря безпечности, оплошности и неспособности высшаго начальствованія. Небольшой русскій гарнизонъ, подъ начальствомъ генерала Арсеньева, былъ частью перебитъ, частью забранъ въ плѣнъ соннымъ, частью пробился въ Гродно и присоединился къ отряду генерала князя Циціанова. Послѣднему грозила таже опасность, но онъ предотвратилъ ее, выступивъ за городъ и пригрозивъ бомбардированіемъ, при первой попыткѣ жителей къ возстанію [1]).

Надежды инсургентовъ быстро выросли. Въ сущности сдѣлано было еще немногое, но для экзальтированной массы важнѣе всего первые шаги, а они оказались очень удачными. Косцюшко, наименованный генералисимусомъ, провозгласилъ всеобщее вооруженіе; произведены разные поборы, удвоены на-

логи; армія организовалась и, раздѣленная на корпуса, сосредоточилась въ важнѣйшихъ пунктахъ. Собирались въ разныхъ мѣстахъ и русскіе отряды, а другіе готовились вступить въ Литву съ сѣвера и востока; главное начальство надъ всѣми этими силами было поручено князю Репнину. Австрійцы собирали свои силы на галиційской границѣ; Пруссаки двигались подъ личнымъ начальствомъ короля, который, соединившись съ Денисовымъ, разбилъ Косцюшку при Щекоцинѣ. Кромѣ того сдался Краковъ, и генералъ Дерфельденъ, перейдя Бугъ, разгромилъ Зайончека, занялъ Люблинъ и проникъ до Пулавъ. Косцюшко началъ движеніе къ Варшавѣ и, благодаря медлительности союзниковъ, совершилъ его благополучно и въ полномъ порядкѣ.

Такимъ образомъ второе дѣйствіе разыгрывавшейся драмы не походило на первое, но ничего похожаго на катастрофу еще не произошло, а потому Поляки, имѣя во главѣ всѣми обожаемаго Косцюшку, не падали духомъ, и народившіяся вскорѣ обстоятельства еще болѣе укрѣпили ихъ надежды на благополучный исходъ ихъ рискованнаго предпріятія.

Слѣдуя за Косцюшкой, Прусскій король дошелъ въ концѣ іюня до Торчина и здѣсь расположился. Предпринята была осада Варшавы, но ведена настолько вяло и несвязно, на сколько искусна и энергична была Косцюшкина оборона. Недостатокъ продовольствія и снарядовъ, развившіяся болѣзни и дезертированіе значительно ослабили прусскую армію и принудили ее перейти отъ осады къ простой блокадѣ. Прусскій король прибѣгнулъ-было къ новому средству,—къ угрозамъ, къ запугиванію Варшавы, но оно конечно не подѣйствовало: Польскій король вѣжливымъ письмомъ указалъ заносчивому противнику, что между прусскимъ лагеремъ и Варшавой находится польская армія Косцюшки, съ которою надо считаться. Все опять пошло по прежнему [2]).

Въ эту пору двинулся на театръ войны Суворовъ. Выступая утромъ 14 августа въ походъ, онъ взялъ съ собою не 8,000 человѣкъ, какъ показываютъ всѣ его исторіографы, а немногимъ больше половины этого числа, потому что въ виду польской революціи и недавняго разоруженія польско-русскихъ

войскъ, присутствіе достаточныхъ военныхъ силъ въ пограничномъ раіонѣ было необходимо. Для увеличенія же своего корпуса, онъ распорядился заблаговременною отправкою нѣсколькихъ мелкихъ отрядовъ къ Варковичамъ, мѣстечку, лежавшему на пути его слѣдованія, а еще дальше должны были къ нему присоединиться отряды генераловъ Буксгевдена и Маркова, назначенные Румянцовымъ какъ ядро экспедиціоннаго корпуса[3]).

При описаніи событій давно минувшихъ, обыкновенно недостаетъ подробностей бытовыхъ, свѣдѣній объ обыденной, будничной жизни, тогда какъ отъ нихъ именно и зависитъ настоящее освѣщеніе предмета. Къ счастію, воспоминанія одного изъ мелкихъ участниковъ войны 1794 года, даютъ возможность хоть отчасти пополнить этотъ недостатокъ въ настоящемъ случаѣ, и изобразить Суворова не съ одной только стороны.

Разсылая приказанія о выступленіи въ военный походъ частей войскъ, не состоявшихъ до того времени подъ его начальствомъ, Суворовъ приложилъ и свою «Науку побѣждать», или военный катехизисъ, о которомъ будетъ подробнѣе говориться въ одной изъ послѣдующихъ главъ. Это военно-педагогическое наставленіе приказано было офицерамъ и унтеръ-офицерамъ выучить наизусть, а рядовымъ читать вседневно, чтобы хорошо запомнили. Лицо, передающее этотъ фактъ, свидѣтельствуетъ, что наставленіе Суворова заучивалось такъ твердо, какъ Отче нашъ.

Въ походъ приказано взять ротамъ и эскадронамъ по одной повозкѣ для офицеровъ и по одной артельной для солдатскихъ котловъ, крупъ и соли; при полкахъ имѣть патронные и палаточные ящики, сухарныя фуры съ 8-дневнымъ провіантомъ и по двѣ лазаретныя кареты. Въ солдатскихъ ранцахъ велѣно уложить сухари также на 8 дней, кромѣ того имѣть запасную обувь и все необходимое людямъ для содержанія себя въ опрятности; зимняго платья не брать, кромѣ однихъ плащей; быть въ кителяхъ. Самъ Суворовъ одѣлся также по лѣтнему, въ бѣлый колетъ или китель, и взялъ синій суконный плащъ; оружіе его состояло изъ небольшой сабли или тесака на поясной портупеѣ. Походная обстановка его ограничивалась послѣднею степенью

возможности; при немъ состояли — камердинеръ Прохоръ, поваръ и одинъ казакъ, всюду за нимъ слѣдовавшій; экипажъ былъ единственный — кибитка, куда и помѣщался весь его небольшой и незатѣйливый багажъ; самъ онъ лично ею не пользовался, будучи постоянно верхомъ на казачьей лошади, вплоть до самой Варшавы [4]).

Августа 22 отрядъ Суворова прибылъ въ Варковичи, сдѣлавъ почти 300 верстъ, безъ дневокъ; присоединеніе другихъ частей было разсчитано и исполнено такъ хорошо, что состоялось на слѣдующій день, хотя имъ пришлось сдѣлать отъ 350 до 400 верстъ. Тутъ получены первыя свѣдѣнія о Полякахъ, стягивавшихся въ окрестностяхъ Бреста Литовскаго. Надо было спѣшить, между тѣмъ обозъ требовалъ починки, и запасъ провіанта значительно уменьшился, а впереди не было ни магазиновъ, ни времени на ихъ учрежденіе. Суворовъ велѣлъ печь хлѣбъ и исправлять повозки, что заняло два дня, и затѣмъ 24 числа выступилъ дальше. Сдѣлавъ 150 верстъ, отрядъ остановился въ Ковлѣ и поджидалъ тутъ больше двухъ сутокъ отставшіе обозы, которые вслѣдствіе дождливой погоды и разведенной по дорогамъ сильной грязи, не поспѣвали. Въ Ковлѣ присоединился къ Суворову Буксгевденъ, а нѣсколько дальше и отрядъ Маркова, но безъ начальника, который за болѣзнью остался на мѣстѣ. Теперь отрядъ Суворова былъ въ полномъ составѣ и простирался до 12—13,000 человѣкъ [5]).

Суворовъ при всякой возможности отправлялъ къ Румянцову не длинныя, но обстоятельныя донесенія о своихъ распоряженіяхъ, о соединеніи отрядовъ, о собираемыхъ относительно непріятеля свѣдѣніяхъ. Румянцовъ былъ очень доволенъ получаемыми донесеніями, благодарилъ Суворова и писалъ ему: «вижу въ семъ походѣ наисильнѣйшее дѣйствіе вашихъ несравненныхъ воинскихъ качествъ». Румянцовъ тѣмъ охотнѣе отдавалъ справедливость своему подчиненному, что только что получилъ благодарность Государыни за свои распоряженія и за назначеніе въ экспедицію Суворова. Екатерина писала, что назначеніе Суворова ей пріятно, удостовѣряетъ ее въ скорыхъ и несомнительныхъ успѣхахъ и даетъ ей твердую надежду, что при руково-

дительствѣ Румянцова, при дѣятельности и предпріимчивости Суворова, война будетъ окончена до зимы. Недоволенъ былъ только Суворовъ, во-первыхъ медленнымъ своимъ движеніемъ вслѣдствіе ненастья и бездорожья и затѣмъ тою ролью, которая ему предназначалась въ близкомъ будущемъ и недавно подтвердилась [6]).

Когда разразилась польская революція, и Поляки открыли военныя дѣйствія, было направлено противъ нихъ нѣсколько отрядовъ съ разныхъ сторонъ, и главное начальство надъ ними, а равно главныя наступательныя дѣйствія съ сѣверо-востока, поручены князю Репнину. На Румянцова возложена оборона всего пограничнаго края отъ минской губерніи до Турціи, въ случаѣ враждебныхъ попытокъ со стороны Поляковъ, а также содѣйствіе Репнину въ его наступательныхъ дѣйствіяхъ, соотвѣтствующими военными операціями и даже совѣтами. Когда, по мнѣнію Румянцова, наступило время, онъ отрядилъ Суворова для демонстративнаго движенія на Брестъ. Суворовъ отправился въ походъ съ тайною надеждой — разширить возложенную на него задачу, но теперь наступило разочарованіе. Видя, что дѣла идутъ вообще не важно и что Репнинъ серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій не предпринимаетъ, Екатерина подтвердила ему приводить предписанный планъ въ исполненіе съ бо́льшимъ спѣхомъ и энергіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не зная еще о возложенномъ на Суворова порученіи, Государыня повелѣла Румянцову прикрыть и обезпечить лѣвый флангъ наступающаго Репнина сильнымъ отрядомъ, который препятствуя вмѣстѣ съ тѣмъ вторженію Поляковъ въ Волынь, долженъ былъ двинуться къ Бугу и занять правый его берегъ отъ галиційской границы до Бреста. Начальнику этого корпуса предназначалось занять Брестъ, укрѣпиться въ немъ и оборонять линію Буга отъ непріятельскихъ покушеній, содержа связь съ нашими войсками въ Польшѣ и Литвѣ и съ Австрійцами въ люблинскомъ и хелмскомъ воеводствахъ. На его обязанность также возлагалось устройство въ Брестѣ магазиновъ и пополненіе ихъ провіантомъ для себя и для другихъ [7]).

Такимъ образомъ Румянцовъ упредилъ Императрицу, и хотя

конечная цѣль послѣдующихъ дѣйствій Суворова, по исполненіи имъ первоначальной задачи, оставалась неопредѣленною, но производимое Суворовымъ движеніе соотвѣтствовало задачѣ, указываемой Екатериной. Румянцовъ передалъ это повелѣніе по принадлежности, развивъ его въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и приказавъ Суворову присоединить къ себѣ на пути еще одинъ пѣхотный полкъ и нѣсколько орудій полевой артиллеріи. Но на Суворова это обозначеніе географическаго предѣла его будущимъ успѣхамъ, произвело весьма непріятное впечатлѣніе. Сгоряча онъ написалъ записку, кому—неизвѣстно, вѣроятно Репнину [8]). «Невѣжды петербургскіе не могутъ дать правилъ россійскому Нестору, одни его повелѣнія для меня святы. Союзники ѣздятъ на россійской шеѣ; король Прусскій даже и варшавскихъ мятежниковъ обращаетъ на Россіянъ, если то не изъ газетъ взято. Мнѣ погодить о себѣ публиковать, чтобъ оставалось въ запасѣ нѣчто нечаянности до перваго побіенія, коли благословитъ Богъ. Время драгоцѣннѣе всего. Юлій Цезарь побѣждалъ поспѣшностью. Я терплю до двухъ сутокъ для провіанта, запасаясь имъ знатно на всякій случай. Поспѣшать мнѣ надлежитъ къ сторонѣ Бреста, ежели между тѣмъ мятежники уже не разбиты, но не для магазейнъ—вахтерства (какъ прежде кондукторства); есть младшіе,... или оставить все. Тамъ мнѣ прибавить войска, идти къ Прагѣ, гдѣ отрѣзать субсистенцію изъ Литвы въ Варшаву».

Какъ ни горька была Суворову перспектива «магазейнъ—вахтерства», но и до него добраться было дѣломъ труднымъ. Препятствія возростали, дурныя вѣсти умножались. Изъ Пруссіи донеслась молва, что Прусскій король, предпринявшій осаду Варшавы вмѣстѣ съ русскимъ генераломъ Ферзеномъ, а потомъ перешедшій на блокаду,—принужденъ былъ возстаніемъ въ тылу отступить въ свои земли. Слухъ этотъ, если былъ справедливъ, кореннымъ образомъ измѣнялъ взаимное положеніе воюющихъ, придавалъ Полякамъ новую нравственную и физическую силу и могъ значительно затруднить Репнину и Суворову исполненіе ихъ плана. Какъ будто предвозвѣстникомъ такой дурной новости, былъ прорывъ польскаго отряда въ минскую губернію и уси-

вѣкъ, была изрублена или исколота; человѣкъ 25 попались въ плѣнъ, спаслись не многіе. Дѣло окончено живо; когда подошелъ казачій авангардъ, оставалось только хоронить убитыхъ. За казаками пришла пѣхота, прибылъ и Суворовъ. Жители мѣстечка и плѣнные показали, что въ Кобринѣ, за 35 верстъ отсюда, расположенъ авангардъ корпуса Сѣраковскаго, силою въ 500 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, а проѣзжій священникъ еще раньше дивинскаго дѣла сообщилъ, что Поляки центрируются къ Бресту. Генералы совѣтовали Суворову выждать, пока казаки соберутъ по дорогѣ къ Кобрину болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, но Суворовъ не согласился. Онъ считалъ болѣе предпочтительнымъ — накрыть непріятеля внезапно, чѣмъ движеніемъ партій открывать ему себя и свои намѣренія, и потому велѣлъ выкормить лошадей и идти дальше.

Это было 3 сентября. Когда наступила ночь, Суворовъ поѣхалъ въ авангардъ, настигъ его на привалѣ въ лѣсу и легъ на короткое время у костра вздремнуть. Не было еще полуночи, когда Исаевъ поднялъ свой отрядъ и выступилъ въ путь; за нимъ слѣдовали 10 эскадроновъ регулярной кавалеріи въ видѣ резерва; на разстояніи нѣсколькихъ верстъ шла остальная конница отряда, а за нею уже пѣхота. Дивинскій опытъ скрытнаго похода и нечаяннаго удара удался; Суворовъ рѣшился его продолжить, зная какъ подобные погромы сокрушаютъ нравственныя силы впечатлительнаго и малоопытнаго противника. Съ небольшою партіей казаковъ и съ Исаевымъ, онъ ускореннымъ аллюромъ поѣхалъ впередъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кобрина они наѣхали на придорожную корчму и расположились тутъ на отдыхъ. На распросѣ еврей-корчмарь объяснилъ, что Сѣраковскаго ждутъ въ Кобринѣ завтра, въ числѣ 20,000, и что часть его силъ уже находится передъ городомъ въ лагерѣ. Тѣмъ временемъ подошелъ Исаевскій авангардъ. Продвинулись ближе къ городу, казаки сорвали аванпосты, помчались дальше и, не давая Полякамъ опомниться, однимъ ударомъ порѣшили все дѣло. Поляки знали уже о движеніи Русскихъ, но никакъ не предполагали встрѣчу съ ними такой близкой. Отъ того кобринскій отрядъ былъ захваченъ въ

расплохъ; люди спали, и съ просонья засуетились, не успѣвали отвязывать лошадей отъ коновязей, а обрубали поводья или убѣгали пѣшіе, такъ что казакамъ досталось до 300 лошадей. По словамъ плѣнныхъ, Сѣраковскій сначала предполагалъ прибыть съ корпусомъ своимъ къ Кобрину, дабы ударить на Пинскъ и истребить отрядъ бригадира Дивова; но узнавъ про наступленіе Русскихъ со стороны Ковля, отмѣнилъ свое намѣреніе. Вслѣдъ затѣмъ онъ рѣшилъ притянуть кобринскій авангардъ къ главнымъ силамъ; къ чему этотъ отрядъ уже и приготовился, отправивъ наканунѣ обозы; даже командующій генералъ часа за $1^1/_2$ до дѣла уѣхалъ къ Бресту. Такимъ образомъ кобринскій польскій авангардъ былъ истребленъ или взятъ въ плѣнъ (всего въ немъ состояло до 400 человѣкъ) единственно потому, что Русскіе не потеряли въ Дивинѣ и въ дальнѣйшемъ движеніи ни одного лишняго часа. Были они вознаграждены еще съ другой стороны: въ ихъ руки достался кобринскій провіантскій магазинъ, небольшой, но довольно хорошо снабженный, а терять время на заготовленіе продовольствія они не могли. И однако, все-таки пришлось хоть не на долго, отсрочить развязку. Обозы притащились къ Кобрину насилу, до того лошади были изнурены бездорожьемъ, и вслѣдствіе этого неустранимаго препятствія, Суворовъ вынужденъ былъ тутъ остановиться на остатокъ того дня и на весь слѣдующій [11]).

Уронъ Русскихъ въ кобринскомъ дѣлѣ былъ не великъ людьми; болѣе ощутительную потерю понесли они въ лошадяхъ; Поляковъ же полегло много, притомъ почти всѣ на-повалъ. Суворовъ приказалъ разъискивать на боевомъ полѣ раненыхъ и свозить ихъ въ Кобринъ, гдѣ открылъ госпиталь, а для погребенія убитыхъ велѣлъ собрать жителей. Засимъ онъ принялся наводить справки о польскихъ силахъ и донесъ Румянцову, что ему, Суворову, предстоитъ быть въ постоянномъ движеніи, такъ какъ Поляки въ разныхъ мѣстахъ усиливаются. Онъ писалъ между прочимъ, что просилъ Дивова идти на подкрѣпленіе по направленію къ Бресту и о томъ же писалъ Репнину, но сомнѣвается въ исполненіи этой просьбы, а потому ходатайствуетъ о содѣйствіи. Въ этомъ обстоятельствѣ сказалось не-

удобства двуначалія Румянцова и Репнина на двухъ частяхъ одного театра войны, противъ чего Суворовъ постоянно ратовалъ всю свою жизнь. Только благодаря военнымъ качествамъ Суворова, это неудобство осталось безъ вреднаго вліянія на выполненіе возложенной на него задачи.

Пятаго числа, рано утромъ, показались двѣ непріятельскія конныя партіи противъ праваго фланга и фронта позиціи русскихъ войскъ, занятой въ ожиданіи предполагаемаго наступленія со стороны Сѣраковскаго. Суворовъ приказалъ Исаеву, не вступая съ партіями въ серьезное дѣло, задерживать ихъ. Вечеромъ былъ захваченъ плѣнный, который показалъ, что Сѣраковскій до послѣдняго времени считалъ своими противниками въ смежномъ краю Буксгевдена и Маркова, что онъ слыхалъ о движеніи съ юга Суворова, но полагалъ его еще въ окрестностяхъ Варковичъ, узналъ же о его близкомъ сосѣдствѣ лишь въ Крупчицахъ, куда перешелъ изъ Бреста. Ко всему сказанному плѣнный прибавилъ, что Сѣраковскій на другой день собирается атаковать Русскихъ. Повѣривъ этому извѣстію, Суворовъ рѣшился выждать атаки, отвелъ всѣ тяжести назадъ, въ особый вагенбургъ, подъ защиту одного пѣхотнаго полка и казаковъ, и такъ какъ позиція была во многихъ отношеніяхъ не выгодна, то ночью, часа въ два, продвинулся верстъ 5 впередъ и занялъ новую. Поляки однако не показывались. Тогда Суворовъ рѣшился уже не выжидать ихъ, а идти самому. Въ 7 часовъ утра 6 сентября войска тронулись въ путь, казаки завязали перестрѣлку съ польскими разъѣздами и захватили нѣсколько плѣнныхъ. Плѣнные показали, что Сѣраковскій предпочелъ остаться на занятой имъ крѣпкой позиціи, за болотомъ, подъ защитою батарей, гдѣ находится и теперь.

Русскіе перешли рѣку Мухавецъ—пѣхота и артиллерія по мосту, конница въ бродъ; въ 8 часовъ утра они были уже въ 3 верстахъ отъ непріятеля и перестроились изъ колоннъ въ боевыя линіи. Поляки открыли артиллерійскій огонь изъ своихъ орудій большого калибра; русская артиллерія стала отвѣчать имъ часомъ позже. Польскія войска были расположены за ручьемъ, по окраинѣ топи шаговъ въ 200 шириною, окай-

мявшей все теченіе ручья; въ тылу ихъ находился крупчицкій монастырь, вправо и влѣво подымались небольшія лѣсистыя высоты, передъ фронтомъ было поставлено пять батарей. Позиція была крѣпкая, атака съ фронта грозила большими потерями, а для обхода не хватало войскъ, потому что силы Суворова численностью уступали польскимъ. Надо было придти къ какому нибудь рѣшенію и притомъ не медля, ибо канонада продолжалась, причемъ польская артиллерія заявляла свои добрыя качества. Суворовъ рѣшился обозрѣть мѣстность вблизи; онъ велѣлъ одному кавалерійскому полку атаковать часть польской кавалеріи, отходившей къ своей правой высотѣ, и самъ отправился съ атакующими. Конные егеря понеслись отважно, но черезъ топь перебраться не могли, и польская кавалерія ушла благополучно. Такимъ образомъ неудободоступность непріятельской позиціи подтвердилась опытомъ, но выбирать все-таки было не изъ чего, и Суворовъ удовольствовался тѣмъ, что давали ему обстоятельства.

Онъ приказалъ пѣхотѣ вести фронтальную атаку, но только не прямо на непріятельскую позицію, а правѣе, ближе къ лѣвофланговому ихъ холму; черезъ $^1/_4$ часа части конницы взять влѣво и стараться перейти топь около тѣхъ мѣстъ, гдѣ это ей не удалось первый разъ; черезъ другіе $^1/_4$ часа другой части кавалеріи, большей, произвести обходное движеніе вправо, верстахъ въ 2—3. Пѣхота, подъ начальствомъ Буксгевдена, бросилась впередъ съ сильнымъ порывомъ; Поляки участили артиллерійскій огонь. Въ особенности досталось Херсонскому гренадерскому полку; картечь вырывала у него цѣлые ряды, онъ два раза смыкался, но не останавливался и не колебался. Впрочемъ было бы еще хуже, еслибы Суворовъ не выставилъ на высотѣ батарею изъ 14 орудій; она порядочно вредила Полякамъ и облегчала атаку. Болото оказалось глубокимъ и трудно-переходимымъ; солдаты разобрали попутныя избы, сараи и проч. и запасались бревнами, досками и инымъ подходящимъ матеріаломъ. Съ помощью этихъ вспомогательныхъ средствъ, поддерживая одинъ другого и помогая другъ другу, они подъ картечнымъ огнемъ Поляковъ перебрались черезъ болото. Для

перехода потребовалось около часа времени; особенно затрудняли людей и замедляли движеніе четыре полковыя пушки, которыя несли на рукахъ. Вся прочая артиллерія осталась назади, подъ прикрытіемъ.

Перейдя болото, пѣхота выстроилась подъ тупымъ угломъ къ польской позиціи и ускореннымъ шагомъ двинулась впередъ. Это было передъ полуднемъ. Видя, что Русскіе переправляются влѣвѣ и стало быть по переправѣ могутъ ударить во флангъ, Поляки, пользуясь продолжительностью переправы, тоже перемѣнили позицію, подъ угломъ къ прежней, и встрѣтили Русскихъ готовымъ фронтомъ. Ударъ въ штыки былъ жестокій; ему предшествовали лишь нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, служившіе ничтожнымъ противувѣсомъ частому огню польской артиллеріи. Поляки защищались съ большой храбростью и упорствомъ, и несли большую потерю въ людяхъ въ рукопашномъ бою. Потомъ появились между ними признаки ослабленія энергіи, нѣкоторые бѣжали, торопясь укрыться за стѣнами монастыря, гдѣ впрочемъ были настигнуты и переколоты. Сѣраковскій построилъ колонны и каре, съ конницею по флангамъ, и началъ отступленіе тихо, шагъ за шагомъ.

Стойкости Поляковъ однако грозило новое испытаніе: почти одновременно на обоихъ ихъ флангахъ появилась русская кавалерія. Переяславскій конно-егерскій полкъ, предводимый генераломъ Исленьевымъ, не отыскавшій пути черезъ болото въ началѣ боя, теперь былъ счастливѣе и переправился чрезъ отысканный имъ полуразрушенный мостъ. Четыре конныхъ полка, посланные вправо подъ начальствомъ генерала Шевича, сдѣлали довольно дальній обходъ и перешли болото съ большимъ трудомъ, спѣшенные, ведя лошадей въ поводу и устилая топь древесными вѣтвями и валежникомъ. Несмотря на появленіе кавалеріи, Поляки продолжали отступленіе медленно и въ порядкѣ, поддерживаемые огнемъ своей многочисленной артиллеріи, которой Русскіе могли противопоставить лишь 4 полковыхъ орудія. Но пѣхотныя и кавалерійскія атаки Русскихъ учащались, смѣнялись одна другою, производились со всѣхъ сторонъ, и Поляки несли большія потери. Они пытались было своею конницею атаковать

Русскихъ съ тыла, но были отбиты. Тѣмъ не менѣе они все таки добрались до опушки густого лѣса и передъ закатомъ солнца втянулись въ лѣсную чащу, гдѣ Русскіе не могли уже продолжать дѣятельнаго преслѣдованія.

Поляки потеряли убитыми много; большинство исторіографовъ Суворова опредѣляетъ ихъ цифру въ 3000 человѣкъ. Вѣроятно она преувеличена, но во всякомъ случаѣ должна быть высока, такъ какъ бой отличался большимъ упорствомъ, и русская пѣхота почти постоянно дѣйствовала штыками. Въ своей реляціи Суворовъ говоритъ, что Поляки потеряли 3000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными; это ближе къ истинѣ. Потеря Русскихъ опредѣляется въ 325 человѣкъ; одинъ изъ писателей показываетъ гораздо больше, именно до 700 [12]).

Какъ только побѣдный исходъ сталъ очевиднымъ, Суворовъ послалъ къ Кобрину приказаніе—обозамъ съ ихъ прикрытіемъ двинуться впередъ, а ротнымъ повозкамъ ѣхать какъ можно скорѣе. Благодаря такой предусмотрительности, черезъ часъ по окончаніи боя артельныя повозки прибыли, и тотчасъ началось приготовленіе пищи для усталыхъ солдатъ. Очень усталъ и самъ Суворовъ; въ этой первой серьезной встрѣчѣ съ Поляками онъ принималъ дѣятельное личное участіе, безпрестанно переносясь съ мѣста на мѣсто по полю сраженія и немедленно являясь туда, гдѣ замѣчалъ колебаніе или недостаточную энергію. А такъ какъ онъ почти не спалъ въ продолженіе нѣсколькихъ ночей, то съ окончаніемъ дѣла, взъѣхавъ на небольшой холмъ, слѣзъ съ лошади, снялъ каску, перекрестился, произнесъ «слава въ вышнихъ Богу», выпилъ стаканчикъ водки, съѣлъ сухарь и, завернувшись въ плащъ, легъ отдохнуть на землю подъ деревомъ. Подкрѣпившись нѣсколько сномъ, онъ всталъ, пообѣдалъ и отправился объѣзжать войска. Останавливаясь въ каждомъ полку, онъ благодарилъ за одержанную побѣду и краткимъ, но огненнымъ словомъ поощрялъ солдатъ на будущіе успѣхи. При этомъ офицеры и солдаты окружали его сплошной толпой, такъ что лошади его негдѣ было повернуться; онъ это очень любилъ. Рѣчь свою онъ по обыкновенію заканчивалъ нѣсколькими выдержками изъ своего военнаго катехизиса: «субординація, экзер-

ниція; ученье — свѣтъ, неученье — тма; дѣло мастера боится» и т. под. Объѣхавъ весь отрядъ, Суворовъ скомандовалъ *къ заря*, по пробитіи *на молитву* снялъ каску и громкимъ, внятнымъ голосомъ прочелъ вмѣсто «Отче нашъ» другую молитву: «Всемогущій Боже, сподобившись святымъ Твоимъ промысломъ сего ночного достигнути часа»... Потомъ онъ проѣхалъ къ раненымъ, которыхъ продолжали перевязывать лекаря; легко-раненыхъ и плѣнныхъ приказалъ отправить къ назначенному для нихъ пункту пѣшкомъ, тяжелыхъ на обывательскихъ подводахъ въ кобринскій госпиталь; велѣлъ собрать жителей для погребенія умершихъ и убитыхъ; сносить въ одно мѣсто оружіе отъ нихъ, отъ раненыхъ и плѣнныхъ, переломавъ у ружей приклады, а у сабель эфесы. Суворову было доложено при этомъ однимъ изъ генераловъ, что мало хлѣба, что надо бы заняться теперь печеніемъ и сушкой, обождавъ прибытія транспорта съ мукой. Суворовъ отвѣчалъ вопросомъ: «а у Поляковъ развѣ нѣтъ хлѣба», намекая на польскія войска, находившіяся впереди [10]).

И въ самомъ дѣлѣ, не до печенія хлѣба было теперь, когда удалось нанести корпусу Сѣраковскаго хотя сильный, но далеко не сокрушившій его ударъ. Передъ двумя часами ночи Суворовъ поднялъ свой отрядъ на ноги, окатился холодной водой, одѣлся и сѣлъ на коня. Было отдано короткое словесное приказаніе: «патроновъ не мочить». Старые Суворовскіе сослуживцы поняли и объяснили новичкамъ, что будетъ значитъ переправа черезъ рѣку вбродъ, и придется подвязать патронныя сумы повыше. Войска двигались въ тишинѣ, безпрестанно натыкаясь на павшихъ лошадей, ибо Поляки уходили со спѣхомъ и торопились вывести обозы въ безопасное отъ Русскихъ мѣсто. Еще съ большею поспѣшностью уходили войска Сѣраковскаго, кратчайшимъ путемъ, лѣсами, избѣгая преслѣдованія и торопясь занять подъ Брестомъ позицію. Но Суворовъ и не преслѣдовалъ. Войска его и лошади были такъ изнурены послѣ похода и боя, что отдыхъ представлялся совершенно необходимымъ, а преслѣдованіе въ ночное время, по лѣсамъ, не обѣщало никакихъ существенныхъ результатовъ. Оставленіе же Сѣраковскимъ безъ новаго боя та-

кого важнаго пункта, какъ Брестъ, онъ не допускалъ, слѣдовательно давая своимъ войскамъ 8-часовой отдыхъ, считалъ, что ничѣмъ не рискуетъ.

Пройдя около 20 верстъ, корпусъ Суворова остановился при д. Бульковѣ на короткій отдыхъ и потомъ продолжалъ движеніе до д. Трещинъ, отстоявшей отъ Булькова приблизительно на столько же, а отъ Бреста верстъ на шесть. Сюда прибылъ онъ къ ночи, расположился подъ закрытіемъ лѣсистаго холма и на маломъ огнѣ сталъ готовить пищу, скрывая до послѣдней возможности свое присутствіе. Непріятель высылалъ небольшія партіи для развѣдыванія, но онѣ не подходили близко и потому могли замѣтить только передовую казачью партію, что еще не обозначало присутствія главныхъ силъ. Съ нашей стороны также производились необходимыя развѣдки, ибо Суворовъ не хотѣлъ идти прямою дорогой на Брестъ, а рѣшилъ обойти позицію Поляковъ, для чего и предположено было повернуть влѣво и идти полями къ переправѣ черезъ Мухавецъ и Бугъ. Былъ посланъ состоявшій при Суворовѣ подполковникъ Ивашевъ съ 20 казаками; ему удалось и броды развѣдать, и издали обозрѣть расположеніе непріятельскихъ войскъ, не возбудивъ тревоги. Ивашевъ не успѣлъ еще возвратиться, какъ казаки привели пробиравшагося изъ Бреста еврея, который сказался посланнымъ отъ своихъ земляковъ-единовѣрцевъ. По его словамъ, въ Брестѣ ожидали скораго прибытія русскихъ войскъ, и еврейское населеніе, заботясь о своей участи при предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, предлагало Русскимъ свои услуги. Посланный показалъ, что войска Сѣраковскаго очень утомлены, что рѣшено избѣгать новаго боя и утромъ ретироваться по направленію къ Варшавѣ, для чего обозы уже тронулись въ путь. Кромѣ того еврей разъяснилъ, на сколько могъ, разныя другія обстоятельства, важныя для Русскихъ: о свойствѣ мѣстности, ширинѣ Мухавца и Буга, бродахъ, и предложилъ себя въ проводники [13]).

Суворовъ собралъ генераловъ, продиктовалъ диспозицію и, въ часъ по полуночи 8 сентября, поднялъ войска съ привала. Конница шла въ одной колоннѣ, пѣхота съ артиллеріей въ другой. При лунномъ свѣтѣ перешли Мухавецъ, а черезъ 300 саженъ

другой его рукавъ. Воды было по колѣно, но вторая переправа потребовала много времени по вязкости и болотистости береговъ. Двинулись къ Бугу, до котораго оставалось версты три; начинало свѣтать. Приближеніе русскихъ войскъ было замѣчено, и съ брестскихъ и тереспольскихъ церквей раздались звуки набата; многіе жители поспѣшили въ церкви, подъ защиту святыни. Войска ускорили шагъ и подошли къ Бугу, переправа черезъ который считалась особенно трудною, такъ что пѣхотнымъ частямъ было придано по нѣскольку кавалеристовъ, дабы веревками-сѣновязками пособлять малорослымъ. Бродъ оказался однако не глубокъ, немного выше колѣна. Быстро перешли войска рѣку и стали выстраиваться въ боевой порядокъ.

Поляки были расположены въ двѣ линіи съ резервомъ, лицомъ къ Тересполю, откуда и ожидали Русскихъ, поставивъ у бугскаго моста сильный батальонъ съ двумя орудіями. Но когда выяснилось обходное движеніе Суворова, то Сѣраковскій измѣнилъ направленіе фронта подъ прямымъ угломъ, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ Тересполю, а правымъ къ лѣсу. Перемѣна фронта произведена быстро и въ порядкѣ; Поляки ожидали Русскихъ повидимому съ твердостью.

Суворовъ расположилъ свою пѣхоту въ центрѣ, конницу по флангамъ; правымъ крыломъ командовалъ Шевичъ, лѣвымъ Исленьевъ, пѣхотою Буксгевденъ, всѣмъ корпусомъ П. Потемкинъ, подъ главнымъ начальствомъ Суворова. Въ эту кампанію Суворовъ, несмотря на малую числительность предводимыхъ имъ силъ, устроилъ себѣ всю обстановку главнокомандующаго и имѣлъ даже дежурнаго генерала. Командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ считался П. Потемкинъ, онъ же представлялъ Суворову и реляціи, но подъ этими признаками новизны скрывалась прежняя сущность: Суворовъ, какъ и всегда, былъ дѣйствительнымъ распорядителемъ, все видѣлъ и за всѣмъ наблюдалъ. Потемкинъ на самомъ дѣлѣ не корпусомъ командовалъ, а завѣдывалъ хозяйственною частью, до которой Суворовъ былъ не охотникъ; также отправлялъ плѣнныхъ, учреждалъ госпитали, распоряжался заготовкою провіанта и т. под. Онъ былъ человѣкъ образованный, свѣдущій и не глупый, но не имѣлъ никакихъ боевыхъ

качествъ и даже не долюбливалъ запаха пороха. Нахожденіе подобнаго генерала въ высшихъ рядахъ войска, и роль, которую онъ игралъ хоть по одной наружности, могло бы быть вредно при другихъ условіяхъ, но не при Суворовѣ, который по прежнему оставался душой, жизненной силой, и выставлялъ Потемкина только потому, что къ нему благоволилъ [14]).

Всѣ распоряженія къ атакѣ были сдѣланы быстро; готовился ударъ съ фронта съ охватомъ фланговъ конницей, если представится возможность. Кромѣ того приказано одному пѣхотному полку и драгунскому эскадрону, оставшимся въ тылу за Бугомъ, для прикрытія обозовъ, сблизиться къ Бресту и угрожать переправой въ бродъ въ тылъ непріятеля. Какъ только русскія боевыя линіи выстроились и нѣсколько сблизились, польская артиллерія открыла огонь, который оказался дѣйствительнымъ. Но вслѣдъ затѣмъ, передовыми кавалерійскими частями было замѣчено въ польскомъ корпусѣ какое-то колебаніе, и точно, не дождавшись приближенія Русскихъ, онъ сталъ свертываться въ три большія колонны, которыя и перешли въ отступленіе. Артиллерія занимала интервалы, кавалерія расположилась частями по бокамъ колоннъ. Построеніе колоннъ и начало отступленія произведены въ полномъ порядкѣ, по направленію къ дер. Коршинъ, т.-е. въ сторону, противуположную отъ Тересполя. Вѣроятно Сѣраковскій былъ недоволенъ второй позиціей, которую Суворовъ заставилъ его занять, иначе ему былъ чистый разсчетъ начать ретираду раньше, не теряя времени.

Какъ только Суворову было доложено конными разъѣздами о начавшемся отступательномъ движеніи Поляковъ, онъ приказалъ кавалеріи атаковать, а пѣхотѣ спѣшить на поддержку кавалеріи. Четыре егерскіе батальона двинулись вслѣдъ за Исленьевымъ почти бѣглымъ шагомъ; за ними тронулся одинъ пѣхотный полкъ, за которымъ шла остальная пѣхота; такимъ образомъ движеніе производилось въ видѣ уступовъ или лѣстницы. Сѣраковскій тѣмъ временемъ успѣлъ занять двумя колоннами выгодную позицію, на высотѣ за дер. Коршинъ; на плотинѣ поставилъ три батареи по 4 орудія и показывалъ намѣреніе тутъ держаться, а конницею и 3-ю колонною атаковать нашъ лѣвый флангъ. Но

эта послѣдняя колонна, находившаяся отъ другихъ влѣвѣ, была сама атакована Исленьевымъ съ фронта и фланга. Атакѣ не благопріятствовала неровная, изборожденная рытвинами песчаная мѣстность, да и польская артиллерія била сильно и мѣтко; кромѣ того очень досаждали изъ лѣсу выстрѣлы засѣвшей тамъ части пѣхоты и артиллеріи. Двукратная атака Исленьева не удалась, но когда бригадиръ Исаевъ ударилъ во флангъ находившейся при колоннѣ конницѣ, смѣшалъ ее, насѣлъ ей на плечи и погналъ неотступно,—то третья атака имѣла успѣхъ. Было захвачено нѣсколько орудій, и русскіе эскадроны, врубившись въ непріятельскую пѣхоту, сильно ее растрепали. Разстроенная и порѣдѣвшая колонна отступила къ дер. Коршину, гдѣ и пыталась построиться на возвышенномъ мѣстѣ.

Исленьевъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы атаковать Сѣраковскаго съ двумя остальными колоннами въ его позиціи, да Сѣраковскій долго на ней и не оставался. Замѣтивъ приближеніе четырехъ егерскихъ батальоновъ, а за ними уступами остальную русскую пѣхоту, онъ перешелъ снова въ отступленіе. Лѣсъ былъ уже не очень далеко, и могъ спасти Поляковъ отъ полнаго пораженія, какъ спасъ при Крупчицахъ. Двѣ колонны потянулись вправо, третья влѣво, на поддержку замаскированной лѣсной батареѣ, которая сильно вредила Русскимъ и которой Исленьевъ грозилъ атакой.

Передъ этимъ временемъ подоспѣлъ Шевичъ съ кавалеріею праваго фланга, обскакивавшій Поляковъ справа. Онъ помогъ атакамъ Исленьева и затруднилъ вступленіе непріятеля въ деревню Коршинъ, но не могъ воспрепятствовать занятію позиціи. Когда же Сѣраковскій возобновилъ отступленіе, то Шевичъ, снова его обскакавъ, атаковалъ невдалекѣ отъ лѣса, куда Поляки направлялись въ двухъ колоннахъ. Несмотря на жестокій пушечный и ружейный огонь, русская кавалерія опрокинула польскую и врубилась въ пѣхоту. Непріятель защищался съ упорствомъ, которое граничило съ отчаяніемъ; мало кто просилъ пощады, и почти вся колонна полегла рядами, какъ стояла. Тогда Шевичъ обратился на вторую колонну, атакованную еще раньше нѣсколькими эскадронами. Она подверглась почти той же участи,

но съ меньшимъ урономъ, потому что многіе успѣли разсѣяться и добраться до лѣсу. При этомъ разгромѣ двухъ непріятельскихъ колоннъ взято 6 пушекъ.

Оставалась третья, раньше всѣхъ потерпѣвшая, а также замаскированная лѣсная батарея. Исленьевъ съ конницею лѣваго фланга взялъ батарею съ одного удара и потомъ обратился на колонну, которая въ свою очередь его атаковала, производя жаркій огонь изъ четырехъ орудій. Бой завязался упорный; русская кавалерія должна была пробиваться и пробилась; остатки послѣдней польской колонны направились къ дер. Добрину, находившейся вблизи, на варшавскомъ трактѣ, а отдѣльные изъ нея люди, также бѣглецы изъ другихъ колоннъ, въ одиночку и кучками спасались правѣе, по болоту, покрытому лѣсомъ и кустарникомъ, которое тянулось далеко въ обѣ стороны, т.-е. вправо къ Бугу, и влѣво за дер. Добринъ, по берегамъ рѣчки Красны. Въ эту пору подоспѣли русскіе егерскіе батальоны, т.-е. передній эшелонъ пѣхоты, съ однимъ орудіемъ, къ которому скоро присоединилось второе, а затѣмъ еще два, — такъ трудно было двигаться артиллеріи по пашнямъ, пескамъ и рытвинамъ боевого поля. Несмотря на плетни, рвы и другія препятствія, въ этомъ мѣстѣ особенно многочисленныя, Русскіе продолжали преслѣдованіе и атаки; разстроенный въ конецъ непріятель давалъ слабый отпоръ, бросалъ пушки, зарядные ящики, и напрягалъ всѣ усилія къ одному—достичь поскорѣе деревни, полагая въ ней свое спасеніе. Но и этой надеждѣ суждено было лопнуть: часть русской кавалеріи и егеря бросились въ обходъ Добрина, дабы отрѣзать путь отступленія, что и исполнили при чрезвычайномъ напряженіи силъ, особенно пѣхоты, которая прибыла туда почти вслѣдъ за конницей.

За дер. Добринъ протекаетъ рѣчка Красна, впадающая ниже Бреста въ Бугъ; отъ Добрина до рѣчки тянулась гать, а черезъ рѣчку былъ перекинутъ мостъ. Сюда-то и поспѣшили русскія войска и прибыли такъ скоро, что черезъ гать и мостъ бѣглецы успѣли перебраться лишь въ небольшомъ числѣ, а остальные были отрѣзаны. Русскіе разрушили мостъ, испортили гать и открыли артиллерійскій огонь по деревнѣ, гдѣ скопились

бѣглецы. Выгнанные оттуда, они попали подъ картечь, подъ сабли конницы и подъ штыки пѣхоты. Удалось уйти немногимъ, да и изъ тѣхъ не всѣмъ посчастливилось перебраться черезъ болото. Нѣкоторые бросали съ себя амуницію и оружіе, такіе попались въ плѣнъ; другіе не хотѣли сдаваться и погибали подъ ударами. Небольшой кавалерійскій отрядъ, коней въ сотню, завязъ; люди или потонули вмѣстѣ съ лошадьми, или были перестрѣлены; немногіе ушли пѣшими. Русская конница преслѣдовала спасшихся въ бою верстъ 15 отъ Бреста; казаки прошли еще дальше съ батальономъ егерей, а другія части войскъ тѣмъ временемъ очищали окрестные лѣса. Очищеніе это продолжалось два или три дня. Общаго настойчиваго преслѣдованія не было потому, что въ сущности некого было преслѣдовать: спасались бѣгствомъ отдѣльные люди, безъ хлѣба, частью безоружные; въ числѣ ихъ удалось уйти и Сѣраковскому въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ [14]).

Пѣхота русская, спѣшившая вслѣдъ за передовымъ своимъ эшелономъ—егерями на подкрѣпленіе конницѣ, была остановлена, когда стало ясно, что она во время не поспѣетъ и что затѣмъ въ ней нѣтъ и надобности. Все видимое глазу пространство было усѣяно тѣлами, которыя мѣстами лежали огромными кучами, и между ними довольно изрѣдка бѣлѣлись кителя Русскихъ. Дѣло было кровавое, какъ и при Крупчицахъ; разъяренные солдаты, бившіеся почти исключительно холоднымъ оружіемъ, наносили смертельные удары, такъ что убитыхъ было гораздо больше, чѣмъ раненыхъ. Это ожесточеніе было произведено главнымъ образомъ предшествовавшими событіями польской революціи, въ особенности избіеніемъ Русскихъ въ Варшавѣ, тѣмъ болѣе, что какъ ни кровавъ былъ варшавскій эпизодъ самъ по себѣ, но молва еще болѣе его раздула, возбуждая въ русскихъ сердцахъ негодованіе и ярость. Оттого брестское поле сраженія представляло необычную картину даже для закаленныхъ Суворовскихъ солдатъ. «Ну, поработали жъ мы», говорили они другъ другу, обводя глазами кругомъ, и въ словахъ ихъ звучало не только радостное, гордое чувство, но также жалость и соболѣзнованіе, столь свойственныя русскому человѣку,

переходящему отъ возбужденнаго состоянія къ спокойному. «Да кто-жъ и виноватъ», разсуждали солдаты: «сами они виноваты; прости насъ Господи Боже нашъ», прибавляли они, набожно крестясь: «а покойникамъ дай царствіе твое небесное».

Наибольшая потеря Русскихъ, особенно пѣхоты, происходила отъ дѣйствія польской артиллеріи, въ началѣ боя, при движеніи къ непріятельской позиціи; оттого уборка убитыхъ и раненыхъ началась въ то время, когда дѣло еще продолжалось подъ дер. Добриномъ. Раненыхъ сносили къ лѣкарямъ, русскимъ и плѣннымъ польскимъ, которыхъ впрочемъ было гораздо меньше, чѣмъ нужно; люди, розыскивавшіе живыхъ между убитыми, помогали имъ чѣмъ могли и какъ умѣли: поили водой, давали изъ ранцевъ сухари, старались остановить кровотеченіе, разрывали иногда для этого свое чистое бѣлье. Было объявлено, что находившійся подъ Добринымъ Суворовъ прислалъ приказаніе: «помогать раненымъ Полякамъ», т.-е. подтвердилъ, чтобы заботились не объ однихъ Русскихъ. Сносили и покойниковъ русскихъ, укладывали ихъ рядкомъ, по полкамъ, по ротно и эскадронно, ставили въ головахъ образа, читали Псалтырь; священники служили панихиды по убитымъ, молебны за избавленіе отъ смерти.

Въ развалъ этихъ занятій явился Суворовъ, возвращавшійся изъ подъ Добрина, измученный, въ поту, въ пыли, съ грязными потоками на лицѣ. За нимъ неслась конница, дальше тянулись егеря. Онъ здоровался съ людьми и благодарилъ ихъ за одержанную побѣду, шибко проѣзжая мимо; добравшись до своего помѣщенія, онъ пообѣдалъ и легъ спать. Вечеромъ началась для него новая работа. Всю ночь и весь слѣдующій день писались и диктовались бумаги, развозились приказанія и отправлялись въ разныя мѣста курьеры. Вплоть до 10 числа Суворовъ не выходилъ изъ дому. Тѣмъ временемъ были собраны окрестные жители съ лопатами, они копали большія и глубокія могилы и сносили туда тѣла убитыхъ Поляковъ. Этимъ же самымъ занимались и Русскіе, для честнаго преданія землѣ своихъ почившихъ сотоварищей. Къ утру 9 числа братскія могилы были готовы; собрались офицеры и представители отъ солдатъ всѣхъ

полковъ; совершено отпѣваніе, погребеніе, и священникъ одного изъ полковъ сказалъ надгробное слово. Суворовъ, занятый спѣшной работой, не присутствовалъ. Къ вечеру выросъ надъ могилою курганъ, и на немъ стояло множество простыхъ деревянныхъ крестовъ, а къ 10 числу мѣсто боя было уже совсѣмъ чисто, какъ будто на немъ ничего и не происходило.

Въ этотъ день, рано утромъ, опять собрались къ могилѣ офицеры и по нѣскольку солдатъ отъ каждой роты и эскадрона, прибылъ и Суворовъ. Отслужена общая панихида; Суворовъ молился усердно и по окончаніи ея сказалъ короткое слово, въ память сложившихъ тутъ свои кости. Нѣсколько стариковъ-солдатъ поднесли ему кутью; Суворовъ перекрестился, сказалъ: «Господи, помяни рабовъ Твоихъ, здѣсь лежащихъ», и съѣлъ ложку кутьи. Затѣмъ онъ отправился въ Брестъ, навѣстилъ раненыхъ въ открытомъ наканунѣ госпиталѣ и по возвращеніи объѣзжалъ войска. Они стояли лагеремъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были расположены Поляки, и Суворовъ квартировалъ въ Тересполѣ тамъ же, гдѣ передъ нимъ Сѣраковскій [10]).

Трудно опредѣлить съ точностью число участвовавшихъ въ этомъ кровопролитномъ дѣлѣ, продолжавшемся 6 часовъ. Подъ Крупчицами сила русскаго корпуса не могла превосходить 11,000 человѣкъ, а вѣрнѣе была нѣсколько ниже, такъ какъ высшая его цифра во время похода едва доходила до 13,000, откуда надо вычесть ежедневный и экстренный расходъ людей. Къ ежедневному расходу относились умершіе и больные, которыхъ не могло быть очень мало, по продолжительности и трудностямъ походнаго движенія; кромѣ того, по нѣскольку десятковъ солдатъ выбывало ежедневно изъ строя *залогами*, т.-е. помѣщикамъ и управляющимъ имѣніями давалось, по ихъ просьбамъ, по одному надежному солдату для охраны. Въ двухъ — трехъ мѣстахъ учреждены были госпитали, и при нихъ оставлены довольно большія команды; оставлялась также охрана для плѣнныхъ и трофеевъ. Взявъ все это въ разсчетъ и принявъ въ соображеніе потери въ стычкахъ при Дивинѣ, Кобринѣ и въ дѣлѣ при Крупчицахъ, приходится заключить, что подъ Брестомъ находилось Русскихъ отъ 8 до 9000 человѣкъ. Поляковъ было больше.

Польскіе источники показываютъ противное, но исчисленіе ихъ объясняется извѣстной задней мыслью. Ваврженцкій, главнокомандующій послѣ Косцюшки, арестованный по окончаніи войны и содержавшійся въ Петербургѣ,—въ своемъ показаніи говоритъ, будто у Сѣраковскаго было всего отъ 6 до 7000 человѣкъ. Но нѣкоторыя изъ его показаній, которыя можно повѣрить (напр. о численности польскихъ войскъ по окончаніи войны — съ одной стороны, и число выданныхъ имъ Суворовымъ паспортовъ— съ другой), свидѣтельствуютъ, что онъ ощутительно уменьшаетъ численность польскихъ войскъ. Другое лицо — Огинскій, утверждаетъ, что Поляки были подавлены подъ Брестомъ численнымъ перевѣсомъ Русскихъ. Если даже принять силу Поляковъ въ 7000, а силу Русскихъ наибольшую во время ихъ похода, т.-е. 13,000, то и тогда не только подавляющаго, но и никакого численнаго перевѣса въ бою не существовало, такъ какъ въ брестскомъ дѣлѣ приняла участіе только половина русскаго корпуса, считая съ егерями. Суворовъ опредѣляетъ силу Поляковъ, по показаніямъ плѣнныхъ, въ 16,500 человѣкъ; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что ихъ было противъ Крупчицъ на 3000 человѣкъ меньше, слѣдовательно считаетъ ихъ подъ Крупчицами въ 20,000. Этого не могло быть, при общемъ итогѣ польскихъ силъ на всемъ театрѣ войны, да и показанія плѣнныхъ рѣдко представляются достовѣрнымъ источникомъ для исчисленій. По соображеніи всѣхъ данныхъ, кажется слѣдуетъ остановиться на томъ, что подъ Брестомъ находилось Поляковъ до 10,000, а подъ Крупчицами приблизительно на 3000 больше. Значитъ, принявшія участіе въ дѣлѣ подъ Брестомъ русскія войска, были по крайней мѣрѣ вдвое слабѣе Поляковъ числомъ, а подъ Крупчицами на 2—3000 [15]).

Несмотря на такое неравенство силъ, польскій корпусъ былъ не только разбитъ, но почти истребленъ. По донесеніямъ Суворова, въ плѣнъ было взято больше 500 человѣкъ, число раненыхъ Поляковъ не опредѣлено, итогъ спасшихся бѣгствомъ показанъ сначала въ 500, а потомъ всего въ 150, и эта послѣдняя цифра снова подтверждена. Едва ли она вѣрна. Суворовъ не былъ строгимъ критикомъ выставляемыхъ въ его донесеніяхъ

цифръ; правда, онъ не сочинялъ ихъ и не выдумывалъ небывальщинъ, но изъ разнообразныхъ данныхъ бралъ то, что для него было выгоднѣе. Однажды въ Турціи, послѣ дѣла, адъютантъ докладывалъ ему, что число убитыхъ Турокъ показывается разными лицами различно, и потому спрашивалъ приказанія—бо̀льшую или мѐньшую цифру помѣстить въ реляцію. Суворовъ отвѣчалъ: «пиши больше, что̀ ихъ басурмановъ жалѣть». Этого же правила держался онъ конечно и не въ одной Турціи. Въ настоящемъ случаѣ онъ не имѣлъ никакой возможности знать точное число спасшихся Поляковъ; а потому вѣрнѣе принять показаніе нѣкоторыхъ писателей, что изъ корпуса Сѣраковскаго спаслось и пробралось въ Варшаву до 1000 человѣкъ. Что касается до потери Русскихъ, то Суворовъ опредѣляетъ ее въ 325 человѣкъ и въ 800 лошадей убитыми и ранеными; одинъ изъ писателей говоритъ, что убитыхъ и раненыхъ было больше 1000, а другой обозначаетъ число однихъ убитыхъ свыше 300. Цифра 1000 должна быть ближе къ истинѣ. Поляки потеряли всю артиллерію, 28 орудій, изъ нихъ 24 полевыхъ бронзовыхъ большого калибра; кромѣ того два корпусныхъ знамени (другихъ у нихъ не было): одно для пѣхоты, другое для конницы. Знамена эти были присланы изъ Варшавы, отъ Народной Рады; на нихъ была надпись золотыми буквами: «свобода, единство, независимость» [16]).

Суворовъ донесъ Румянцову на первыхъ порахъ: «Брестскій корпусъ, уменьшенный при монастырѣ Крупчицѣ 3000-ми, сего числа конченъ при Брестѣ... Поляки дрались храбро, наши войска платили ихъ отчаянность, не давая пощады... По сему происшествію и я почти въ невѣроятности. Мы очень устали». Побѣда эта, вычеркнувъ цѣлый корпусъ изъ счета вооруженной силы Поляковъ, имѣла значеніе громадное и должна была произвести впечатлѣніе потрясающее. Въ самомъ дѣлѣ, то былъ ударъ, надломившій польскую воинствующую революцію на столько, что она уже не могла оправиться. Первоначальные широкіе планы сразу съузились, по крайней мѣрѣ въ глазахъ людей, не утратившихъ трезвость мысли. Не было мѣста сомнѣніямъ въ горькой дѣйствительности, ни утѣшеніямъ въ преуве-

личеніи несчастія или въ неосновательности молвы, какъ то обыкновенно бываетъ. Поляки признавали, что Сѣраковскій былъ разбитъ *совершенно*. На завтра, по полученіи извѣстія, Косцюшко примчался въ Гродно, осмотрѣлъ наскоро войска и тотчасъ же уѣхалъ обратно въ Варшаву, озабоченный дурною вѣстью до такой степени, что не могъ этого скрыть, и настолько ею угнетенный, что имѣвшіе до него надобность военачальники, не могли съ нимъ переговорить обстоятельно. Можно изъ этого судить, каково было впечатлѣніе, произведенное брестскимъ пораженіемъ на польскія войска. Слава Суворова такъ выросла въ послѣднюю Турецкую войну, даже раньше Измаила, что въ Польшѣ, задиравшей въ то время Россію, очень интересовались тогда его личностью, и упорно держался въ 1790 году слухъ о его смерти отъ полученной раны, что Потемкинъ счелъ нужнымъ опровергнуть особымъ письмомъ къ русскому резиденту. Нынѣ, въ 1794 году, когда въ Польшѣ стало извѣстно, что назначенъ на театръ войны Суворовъ, былъ распущенъ для ободренія польскихъ войскъ слухъ, что это не турецкій побѣдитель, а его однофамилецъ. Теперь, по совершеннымъ Суворовымъ дѣламъ, всякій могъ убѣдиться въ присутствіи мастера и догадаться, чего отъ него слѣдуетъ ожидать впереди [17]).

Не менѣе сильно, хотя въ другомъ смыслѣ, было впечатлѣніе въ Петербургѣ. Суворову удалось, побѣдивъ Сѣраковскаго, побѣдить и многихъ изъ своихъ недоброжелателей и завистниковъ, по крайней мѣрѣ по наружности. Его восхваляли, его превозносили, разсказывали про него анекдоты, цитировали его письма. Сдѣлалось извѣстнымъ письмо его къ Платону Зубову, въ которомъ, поздравляя Зубова «со здѣшними побѣдами», онъ писалъ: «рекомендую въ вашу милость моихъ братцевъ и дѣтокъ, оруженосцевъ великой Екатерины, толико въ нихъ прославившейся». Сообщали другъ другу присланные Суворовымъ къ дочери весьма плохіе стихи, гдѣ онъ описываетъ свою трудовую жизнь:

Намъ дали небеса
Двадцать четыре часа.
Потачки не даю моей судьбинѣ,

цифръ; правда, онъ не сочинялъ ихъ и не выдумывалъ небывальщинъ, но изъ разнообразныхъ данныхъ бралъ то, что для него было выгоднѣе. Однажды въ Турціи, послѣ дѣла, адъютантъ докладывалъ ему, что число убитыхъ Турокъ показывается разными лицами различно, и потому спрашивалъ приказанія—бо̀льшую или мѐньшую цифру помѣстить въ реляцію. Суворовъ отвѣчалъ: «пиши больше, что̀ ихъ басурмановъ жалѣть». Этого же правила держался онъ конечно и не въ одной Турціи. Въ настоящемъ случаѣ онъ не имѣлъ никакой возможности знать точное число спасшихся Поляковъ; а потому вѣрнѣе принять показаніе нѣкоторыхъ писателей, что изъ корпуса Сѣраковскаго спаслось и пробралось въ Варшаву до 1000 человѣкъ. Что касается до потери Русскихъ, то Суворовъ опредѣляетъ ее въ 325 человѣкъ и въ 800 лошадей убитыми и ранеными; одинъ изъ писателей говоритъ, что убитыхъ и раненыхъ было больше 1000, а другой обозначаетъ число однихъ убитыхъ свыше 300. Цифра 1000 должна быть ближе къ истинѣ. Поляки потеряли всю артиллерію, 28 орудій, изъ нихъ 24 полевыхъ бронзовыхъ большого калибра; кромѣ того два корпусныхъ знамени (другихъ у нихъ не было): одно для пѣхоты, другое для конницы. Знамена эти были присланы изъ Варшавы, отъ Народной Рады; на нихъ была надпись золотыми буквами: «свобода, единство, независимость» [16]).

Суворовъ донесъ Румянцову на первыхъ порахъ: «Брестскій корпусъ, уменьшенный при монастырѣ Крупчицѣ 3000-ми, сего числа конченъ при Брестѣ... Поляки дрались храбро, наши войска платили ихъ отчаянность, не давая пощады... По сему происшествію и я почти въ невѣроятности. Мы очень устали». Побѣда эта, вычеркнувъ цѣлый корпусъ изъ счета вооруженной силы Поляковъ, имѣла значеніе громадное и должна была произвести впечатлѣніе потрясающее. Въ самомъ дѣлѣ, то былъ ударъ, надломившій польскую воинствующую революцію на столько, что она уже не могла оправиться. Первоначальные широкіе планы сразу съузились, по крайней мѣрѣ въ глазахъ людей, не утратившихъ трезвость мысли. Не было мѣста сомнѣніямъ въ горькой дѣйствительности, ни утѣшеніямъ въ преуве-

личеніи несчастія или въ неосновательности молвы, какъ то обыкновенно бываетъ. Поляки признавали, что Сѣраковскій былъ разбитъ *совершенно*. На завтра, по полученіи извѣстія, Косціюшко примчался въ Гродно, осмотрѣлъ наскоро войска и тотчасъ же уѣхалъ обратно въ Варшаву, озабоченный дурною вѣстью до такой степени, что не могъ этого скрыть, и настолько ею угнетенный, что имѣвшіе до него надобность военачальники, не могли съ нимъ переговорить обстоятельно. Можно изъ этого судить, каково было впечатлѣніе, произведенное брестскимъ пораженіемъ на польскія войска. Слава Суворова такъ выросла въ послѣднюю Турецкую войну, даже раньше Измаила, что въ Польшѣ, задиравшей въ то время Россію, очень интересовались тогда его личностью, и упорно держался въ 1790 году слухъ о его смерти отъ полученной раны, что Потемкинъ счелъ нужнымъ опровергнуть особымъ письмомъ къ русскому резиденту. Нынѣ, въ 1794 году, когда въ Польшѣ стало извѣстно, что назначенъ на театръ войны Суворовъ, былъ распущенъ для ободренія польскихъ войскъ слухъ, что это не турецкій побѣдитель, а его однофамилецъ. Теперь, по совершеннымъ Суворовымъ дѣламъ, всякій могъ убѣдиться въ присутствіи мастера и догадаться, чего отъ него слѣдуетъ ожидать впереди [17]).

Не менѣе сильно, хотя въ другомъ смыслѣ, было впечатлѣніе въ Петербургѣ. Суворову удалось, побѣдивъ Сѣраковскаго, побѣдить и многихъ изъ своихъ недоброжелателей и завистниковъ, по крайней мѣрѣ по наружности. Его восхваляли, его превозносили, разсказывали про него анекдоты, цитировали его письма. Сдѣлалось извѣстнымъ письмо его къ Платону Зубову, въ которомъ, поздравляя Зубова «со здѣшними побѣдами», онъ писалъ: «рекомендую въ вашу милость моихъ братцевъ и дѣтокъ, оруженосцевъ великой Екатерины, толико въ нихъ прославившейся». Сообщали другъ другу присланные Суворовымъ къ дочери весьма плохіе стихи, гдѣ онъ описываетъ свою трудовую жизнь:

Намъ дали небеса
Двадцать четыре часа.
Потачки не даю моей судьбинѣ,

А жертвую онымъ моей Монархинѣ,
И чтобъ окончить вдругъ,
Сплю и ѣмъ, когда досугъ.
Здравствуй Наташа съ домашними.

Екатерина пожаловала ему дорогой алмазный бантъ къ шляпѣ и три пушки изъ числа имъ отбитыхъ, а племянника его, полковника князя Горчакова, присланнаго отъ Румянцова съ реляціей, произвела въ бригадиры. Двухъ посланныхъ Суворовымъ вѣстниковъ объ одержанныхъ побѣдахъ, Румянцовъ произвелъ въ слѣдующіе чины, а третьяго князь Репнинъ. Румянцовъ былъ вдвойнѣ радъ его успѣхамъ, ибо выбралъ и послалъ его на свой страхъ, и этотъ выборъ оправдался теперь такимъ блистательнымъ образомъ. Румянцовъ неоднократно благодарилъ Суворова, въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, и относилъ причину успѣховъ «къ высшимъ дарованіямъ предводителя». О брестской побѣдѣ онъ выразился, что она «столько важна по существу, сколь рѣдка въ своемъ родѣ, и подтверждаетъ истину, что большое искуство и горячая ревность предводителя и подражанія достойный примѣръ въ подчиненныхъ,—преодолѣваютъ всѣ въ воображеніи возможные труды и упорности [18]).

Брестскій успѣхъ завершилъ побѣдоносное движеніе Суворова на долгое время. Прежде всего надо было спустить съ рукъ обузу—трофеи, плѣнныхъ и польскихъ дезертировъ, которыхъ накопилось около 500 человѣкъ. Суворовъ разсортировалъ плѣнныхъ и бѣглыхъ; не возбуждавшихъ подозрѣній распустилъ по домамъ, въ томъ числѣ 12 офицеровъ на реверсы и 212 косиньеровъ; а остальныхъ, 376 человѣкъ, отправилъ къ русской границѣ подъ конвоемъ, пославъ туда же и польскую артиллерію [3]). Надо было выдѣлить и для другихъ надобностей нѣсколько отрядовъ и партій; оставалось подъ ружьемъ всего около 5000 человѣкъ или нѣсколько больше, но не выше 6000. Съ такими силами нечего было думать о продолженіи наступательныхъ операцій, и Суворовъ остался въ Брестѣ во ожиданіи подмоги Очистили и выровняли мѣсто подъ лагерь, разбили палатки, вырыли землянки; образовался правильный городокъ, съ шатрами и бараками маркитантовъ, съ лавчонками мѣстныхъ

торгашей евреевъ. Во всѣхъ необходимыхъ потребностяхъ было обиліе и дешевизна, говядины фунтъ продавался по копѣйкѣ, ведро водки по 50 коп., пива 30 коп., курица стоила 5—6 копѣекъ. Солдатскій провіантъ замѣнялся на $^1/_3$ пшеничной мукой, въ скоромные дни выдавалось по $^1/_2$ фунта мяса на человѣка, въ постные пріобрѣталась свѣжая рыба по ничтожной цѣнѣ; солдаты получали также водку, а непьющіе водки — пиво.

Скоро начались ученья и производились ежедневно по два раза, исключая праздниковъ и суботы. Они никогда не продолжались болѣе $1^1/_2$ часа, за то отличались большою быстротою движеній и эволюцій. Суворовъ находился каждое ученье непремѣнно при какомъ нибудь полку, самъ училъ и командовалъ, но никогда не сердился и не бранился. Въ нѣсколько дней разъ дѣлалось ученье общее, всему отряду. Пѣхота обучалась драться противъ конницы, ходить въ штыки и ими работать, конница училась рубкѣ. Насыпались правильныя земляныя укрѣпленія, вооружались пушками и получали по нѣскольку ротъ въ гарнизонъ; укрѣпленія эти ночью штурмовались. Требовалась отъ всѣхъ ловкость, проворство и тѣсно-сомкнутый фронтъ. При ученьяхъ Суворовъ говорилъ свои афоризмы и наставленія: «полкъ — подвижная крѣпость; дружно, плечомъ къ плечу, и зубомъ не возьмешь». Послѣ ученья онъ произносилъ выдержки изъ своего военнаго катехизиса, дополняя ихъ поясненіями и наставленіями; разбиралъ произведенный маневръ; объяснялъ, что было хорошо и что худо; наставлялъ какъ поступать впредь. Утреннее ученье завершалось разводомъ, на которомъ Суворовъ находился постоянно; присутствовалъ онъ также при вечерней зарѣ и самъ читалъ молитву *Отче нашъ*.

Наканунѣ праздниковъ Суворовъ бывалъ у всенощной, а по праздникамъ у обѣдни, въ походной церкви какого нибудь полка, становился у праваго клироса и пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими по нотамъ, которыя иногда держалъ передъ нимъ регентъ пѣвчихъ, офицеръ; читалъ также Апостолъ. Ежедневную жизнь велъ онъ также дѣятельную; кромѣ обширной служебной переписки и занятій съ войсками, наблюдалъ лично за чистотою и поряд-

комъ въ лагерѣ, ѣздилъ въ госпиталь навѣщать больныхъ и раненыхъ, даже по два раза въ день; отвѣдывалъ ихъ пищу и дѣлалъ тоже въ ротныхъ кухняхъ; если же замѣчалъ злоупотребленія, то поступалъ съ безпощадною строгостью. Несмотря на такую неустанную дѣятельность, онъ находилъ время для чтенія, преимущественно по вечерамъ, имѣя въ своемъ походномъ багажѣ книги, и между ними Коментаріи Юлія Цезаря, своего любимаго героя [1]).

Такъ проходили дни за днями, спокойно и безмятежно для подчиненныхъ, въ волненіи и нетерпѣніи для начальника, остановленнаго на половинѣ побѣднаго пути. Долгимъ и скучнымъ показался ему мѣсяцъ такого бездѣйствія, но все это забылось въ день желаннаго выступленія въ дальнѣйшій походъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Польская война: Кобылка; 1794.

Обзоръ послѣднихъ событій. — Инструкціи Румянцову и Репнину; степень участія въ войнѣ союзниковъ Россіи; состояніе дѣлъ и положеніе Суворова въ Брестѣ; отношенія его къ Румянцову, Репнину и другимъ; безплодныя сношенія.—Дѣйствія Дерфельдена и Ферзена; пораженіе Косцюшки и плѣнъ. — Распоряженіе Суворова о присоединеніи къ нему Дерфельдена и Ферзена; военный совѣтъ въ Брестѣ; выступленіе Суворова; обращеніе его съ войсками. — Соединеніе съ Ферзеномъ; поиски на Окуневъ и Кобылку; упорное дѣло при Кобылкѣ; полное пораженіе Поляковъ; послѣпобѣдный пиръ. — Войска польскія и русскія; Суворовскій образъ дѣйствія въ Польшѣ; его боевые принципы; нѣкоторыя особенности въ дѣлахъ его съ Поляками. — Приписываніе его побѣдъ случаю или счастію; обвиненіе Суворова въ невѣжествѣ; объясненіе.

Слухъ, донесшійся до Суворова во время движенія его къ Бресту—объ отступленіи Прусскаго короля отъ Варшавы, оказался въ Брестѣ справедливымъ: въ концѣ августа Пруссаки отступили къ Рашину, а оттуда тремя колоннами направились на Ченстоховъ, Петроковъ и Закрочимъ, бросивъ въ Рашинѣ больныхъ, раненыхъ и часть обоза [1]). Причиною тому было возстаніе въ присоединенныхъ отъ Польши новыхъ провинціяхъ прусскихъ. Поляки не могли забыть своей недавней независимости и свободы, особенно подъ прусскимъ владычествомъ. Бремя русскаго подданства для нихъ было легче, потому что въ Россіи они видѣли врага открытаго и сравнительно болѣе сильнаго, бороться съ которымъ было мудрено. Пруссія же, подъ личиною союзника, друга, противодѣйствовавшаго пла-

намъ Россіи, скрывала тѣ же самыя намѣренія, что и Россія, лицемѣрила, обманывала Польшу, а потомъ сама же подала мысль о второмъ раздѣлѣ. Россія не торопилась вводить во вновь присоединенныя польскія области коренныя и крутыя реформы; Пруссія принялась сразу навязывать свои порядки и онѣмечивать Поляковъ форсированнымъ способомъ. Такимъ образомъ, въ присоединенныхъ къ Россіи польскихъ областяхъ не было ни заговора, ни попытокъ къ общему возстанію; происходили только частныя, мѣстныя покушенія, подавленныя безъ особенныхъ усилій. А въ новыхъ польско-прусскихъ провинціяхъ, заговоръ назрѣвалъ въ продолженіе 5 мѣсяцевъ и разразился въ самую затруднительную для Пруссіи пору.

Отступленіе Пруссаковъ изъ подъ Варшавы произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе и на друзей, и на враговъ. Варшава ликовала, польская армія какъ будто удвоилась въ силахъ, во всей Польшѣ подъемъ духа достигъ замѣчательной высоты. Европа недоумѣвала, пока не разъяснились причины; Россіи нанесенъ былъ косвенный ударъ, который требовалъ отъ нея новыхъ усилій и далеко отодвигалъ исходъ борьбы. И въ самомъ дѣлѣ, неудача Прусскаго короля, имѣвшаго въ осадномъ корпусѣ до 35,000 человѣкъ, кромѣ 12,000 Русскихъ, была явленіемъ знаменательнымъ и служила союзникамъ предостереженіемъ отъ излишней самоувѣренности. Такое впечатлѣніе она и произвела въ Петербургѣ, но потомъ тамъ успокоились, получивъ извѣстіе о побѣдахъ Суворова подъ Крупчицами и Брестомъ, которыя снова наклонили чашку вѣсовъ въ пользу Россіи. Тѣмъ не менѣе, Екатерина приказала усилить Репнина двумя полками изъ Ревеля, повелѣла ему торопиться усмиреніемъ Литвы и затѣмъ обратить къ Бугу все, что возможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ указано Румянцову, по соединеніи этихъ войскъ съ находящимися подъ начальствомъ Суворова, направить ихъ до береговъ Вислы, съ цѣлью обезпеченія края отъ покушеній инсургентовъ и занятія спокойныхъ зимнихъ квартиръ. Высочайшее повелѣніе дополнялось впрочемъ выраженіемъ желанія, чтобы въ случаѣ благопріятныхъ обстоятельствъ и при вѣроятности успѣха, было произведено внезапное нападеніе на городъ Варшаву. Румянцовъ,

не получивъ еще этого повелѣнія, писалъ Репнину почти тоже самое, говоря, что Суворовъ взялъ бы Варшаву, еслибы корпуса Дерфельдена и Ферзена были къ нему присоединены, еслибы время не стояло позднее, и продовольствіе войскъ было обезпечено. Одинъ Безбородко думалъ и выражался нѣсколько категоричнѣе, говоря, что содѣйствіе Суворова можетъ привести къ скорому концу усмиреніе Польши и что Варшава будетъ имъ взята, хотя бы и зимою [2]).

Графъ Безбородко былъ дальновиднѣе другихъ, но предположеніе его въ первое время мало походило на правду. Инсурекція въ Великой Польшѣ росла; исключая городовъ Познани, Ченстохова, Петрокова и Ленчицы, занятыхъ сильно Пруссаками, вся страна была въ возстаніи, поддерживаемая посланнымъ отъ Косцюшки генераломъ Домбровскимъ. Дошло до того, что Прусскій король потребовалъ на подкрѣпленіе нѣсколько полковъ изъ корпуса принца Гогенлое, со стороны Рейна. Въ другихъ мѣстахъ дѣло также плохо спорилось: послѣ брестской побѣды, Суворовъ оставался въ вынужденномъ бездѣйствіи; Репнинъ, несмотря на высочайшее повелѣніе, подвигался впередъ медленно. Австрійцы, слѣдуя своимъ традиціямъ, разсчитывали пріобрѣтать безъ риска и потерь, русскими и прусскими руками, а потому, по выраженію одного изъ русскихъ государственныхъ людей, «ни шили, ни пороли». Они заняли на польской територіи нѣсколько пунктовъ и остались спокойными зрителями всего происходившаго.

Сидя въ Брестѣ и, по пословицѣ, ожидая у моря погоды, Суворовъ не оставался безъ дѣла. Онъ разсылалъ партіи для собиранія фуража и провіанта, что требовало не мало людей, такъ какъ окрестъ бродили вооруженныя шайки инсургентовъ. Половина казаковъ его отряда была выслана по варшавской дорогѣ, для развѣдокъ и наблюденія; передовыя ихъ партіи дошли до полдороги и даже проникали дальше. Было ими сдѣлано нѣсколько мелкихъ поисковъ; происходили частыя стычки, большею частію удачно. Казаки собирали отъ проѣзжающихъ и населенія свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ другихъ мѣстахъ театра войны, но они были до того тенденціозны, невѣрны и часто не-

лѣпы, что почти ничего не разъясняли, а скорѣе могли сбивать съ толку. Такимъ образомъ Суворовъ долгое время не имѣлъ извѣстій объ окружающемъ, особенно о Ферзенѣ, который командовалъ корпусомъ, находившимся подъ Варшавой съ Прусскимъ королемъ. Большой бѣды впрочемъ въ этомъ не было, такъ какъ Суворовъ не могъ предпринять со своими ничтожными силами ничего серьезнаго и, во ожиданіи подкрѣпленій, только держался на готовѣ, чтобы производить удары близкіе, если непріятель вздумаетъ его атаковать, или приблизится безъ достаточной осторожности. Да еще приходилось ему исполнять разныя приказанія Румянцова, въ томъ числѣ разъискивать въ окрестностяхъ Бреста Косцюшкиныхъ сестеръ, разныхъ знатныхъ дамъ и арестовывать ихъ взамѣнъ Русскихъ, находящихся въ плѣну, что впрочемъ онъ не успѣлъ исполнить. Для дальнѣйшихъ операцій ему не доставало содѣйствія генераловъ Дерфельдена и барона Ферзена и присоединенія нѣсколькихъ мелкихъ отрядовъ; все это находилось въ подчиненіи большею частью у Репнина, меньшею — у графа Салтыкова. Суворовъ безпрестанно сносился съ ними и Румянцовымъ, но по его словамъ «время уходило на доклады». Нельзя сказать, чтобы у Репнина и Салтыкова не доставало доброй воли—помочь своему сотоварищу, на долю котораго выпала главная активная роль, или чтобы въ нихъ дѣйствовали себялюбіе и зависть. Но они были людьми не того разбора, какъ Суворовъ, и опасались нанести ущербъ своимъ собственнымъ задачамъ: Салтыковъ — охранить границу отъ вторженія, Репнинъ — очистить Литву отъ инсургентовъ. Кромѣ того оба они, а также Румянцовъ, находились такъ далеко одинъ отъ другого и отъ Суворова, что много времени должно было уходить даромъ, вопреки ихъ собственному желанію [3]).

На усиленіе Суворова прежде всего требовался Дерфельденъ. Находясь въ Люблинѣ и, принужденный уступить этотъ городъ втиснувшимся туда самымъ вѣжливымъ образомъ Австрійцамъ, Дерфельденъ отошелъ къ Слониму. Вѣсть объ этомъ Суворовъ получилъ вскорѣ по прибытіи въ Брестъ, и послалъ ему приказаніе—атаковать въ Гродно Макрановскаго,

имѣвшаго корпусъ въ 6,000 человѣкъ. Мотивомъ приказанія было то, что по полученнымъ извѣщеніямъ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Гродно Косцюшки, слѣдовало ожидать тамъ сосредоточенія польскихъ войскъ, разбросанныхъ по Литвѣ, а Дерфельдену до Гродна было почти вдвое ближе, чѣмъ Суворову. Суворовъ, соблюдая приличія, сообщилъ объ этомъ и Репнину, и просилъ его отдѣлить часть войскъ Дерфельдена къ Бресту. Репнинъ приказалъ Дерфельдену идти, «если справедливо извѣстіе, что въ Гродно только 6,000», а отъ отдѣленія части корпуса къ Бресту отказался, такъ какъ Дерфельденъ ослабленъ командированіемъ многихъ отъ него отрядовъ и находится отъ Бреста въ 200 верстахъ. У Дерфельдена состояло въ то время 8—10,000; съ такой силой Суворовъ пошелъ бы на инсургентовъ, не справляясь о ихъ числѣ; Репнину же непремѣнно требовался численный перевѣсъ. Разстояніе въ 200 верстъ Суворовъ сократилъ бы форсированными маршами вдвое; Репнинъ смотрѣлъ на этотъ ресурсъ иными глазами; не даромъ же еще въ первую Турецкую войну ему доставалось отъ Румянцова за медленность походныхъ движеній.

Дерфельденъ исполнилъ возложенное на него порученіе. Авангардъ его, подъ командою графа Валеріана Зубова, занялъ Гродно, взявъ около сотни плѣнныхъ и разные запасы; послѣ чего Репнинъ поручилъ удержаніе Гродна въ нашихъ рукахъ генералъ-маіору князю Циціанову, а Дерфельдену приказалъ направиться на Бѣлостокъ и продолжать очищеніе Литвы. Получивъ извѣстіе о занятіи Гродна, Суворовъ тотчасъ же написалъ Репнину, снова прося отдѣлить къ Бресту отрядъ, дабы онъ, Суворовъ, могъ наконецъ перейти въ наступленіе. Репнинъ отвѣчалъ, не промедливъ ни одного часа, что онъ не въ состояніи этого исполнить, ибо войска его разбросаны малыми отрядами по всей Литвѣ, для удержанія края въ спокойствіи, и не могутъ оставаться безъ прикрытія со стороны Варшавы, для каковой цѣли и служитъ корпусъ Дерфельдена, очищающій кромѣ того землю отъ непріятельскихъ войскъ. Подъ ружьемъ у Дерфельдена всего 8,000 человѣкъ; отдѣлить отъ него значительную часть въ Брестъ нельзя, безъ большого риска, а послать туда

весь корпусъ — тѣмъ менѣе. Въ заключеніе, благодаря Суворова за сообщеніе ему своихъ предположеній (сдѣлать наступленіе по варшавской дорогѣ, дабы отвлечь непріятеля отъ Ферзена), Репнинъ говоритъ, что по его мнѣнію Суворовъ могъ бы это сдѣлать безъ особеннаго риска собственными силами. Замѣчаніе было очень не основательно, потому что Суворовъ могъ взять для подобной операціи изъ Бреста меньше 4,000 человѣкъ; приходилось значитъ по прежнему сидѣть и ждать. Къ счастію, обстоятельства внезапно измѣнились.

Съ отступленіемъ Прусскаго короля изъ-подъ Варшавы, корпусъ Ферзена, занимавшій правый флангъ расположенія Пруссаковъ, отдѣлился отъ нихъ и направился лѣвымъ берегомъ Вислы вверхъ, по направленію къ Пулавамъ, для переправы на правый берегъ. Сначала его удержала необходимость — прикрыть тылъ отступавшихъ Пруссаковъ, дальше онъ не нашелъ перевозочныхъ средствъ, еще дальше нашелъ ихъ слишкомъ мало. Такъ Ферзенъ дошелъ до Козеницы, обмѣниваясь по временамъ пушечными выстрѣлами съ польскимъ генераломъ Понинскимъ, который зорко слѣдилъ за нимъ съ другого берега. Въ это время баронъ Ферзенъ былъ какъ-бы отрѣзанъ отъ остальнаго міра, и ни Суворовъ, ни Репнинъ не имѣли о немъ никакихъ извѣстій. Репнинъ послалъ ему въ половинѣ сентября предписаніе — соединиться съ Суворовымъ и состоять въ его распоряженіи, и сообщилъ объ этомъ Суворову, но тутъ же оговорился, что не увѣренъ въ полученіи этого предписанія. Суворовъ неоднократно доносилъ Румянцову, что о Ферзенѣ ни слуху, ни духу, и гдѣ находится — неизвѣстно. Сентября 28 онъ донесъ, что по слухамъ Ферзенъ еще не переправился и что ему необходимо помочь, но покуда Дерфельденъ не прибылъ, онъ, Суворовъ, сдѣлать этого не въ состояніи. На слѣдующій день Суворовъ получилъ отъ австрійскаго генерала Гарнонкурта вѣсть, что Ферзенъ совершилъ переправу благополучно, но куда пошелъ—неизвѣстно. Суворовъ послалъ Ферзену на авось такое приказаніе: такъ какъ Австрійцы, бросивъ передъ тѣмъ Люблинъ, теперь снова его заняли, то расположиться на полупути изъ Люблина въ Брестъ, именно въ Радзинѣ, а 5—6000 послать въ

Коцкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ сообщилъ Репнину, что въ командированіи отъ Дерфельдена войскъ къ Бресту, нынѣ надобности не настоитъ. Любопытно, что это распоряженіе Суворова на счетъ Ферзена, сообщенное имъ для свѣдѣнія и Репнину, подверглось со стороны послѣдняго критикѣ, впрочемъ по формѣ мягкой и приличной. Репнинъ написалъ Суворову, что по его мнѣнію, теперь не въ оборонительныя позиціи надо становиться, а стѣснять непріятеля, который собирается на него, Суворова, ударить. Суворовъ отвѣчалъ спокойно и сдержанно.

Дѣйствительно Ферзенъ перешелъ Вислу въ Козеницѣ, обманувъ Понинскаго, который имѣя подъ начальствомъ 4 или 5,000 человѣкъ, могъ бы нанести ему огромный уронъ, если бы не дался въ ловушку. Суворовъ получилъ и прямое объ этомъ отъ Ферзена донесеніе, но только черезъ 6 или 7 дней, тогда какъ между ними обоими не было и 150 верстъ разстоянія; до того сообщенія были затруднительны. Суворовъ, поблагодаривъ за извѣщеніе, отвѣчалъ, что «переходъ чрезъ Вислу полонъ искуства», сообщилъ вкратцѣ о всемъ происходившемъ въ послѣднее время на театрѣ войны и въ заключеніе прибавилъ, какъ будто для свѣдѣнія и руководства, что «ордеръ баталіи Поляковъ — настоящій галло-тактическій Фоллардовъ», что они «избираютъ боевыя позиціи въ крѣпкихъ и тѣсныхъ мѣстахъ» и проч. [4]).

Распоряженіе Суворова на счетъ занятія Радзина и Коцка осталось неисполненнымъ, вслѣдствіе поворота военныхъ обстоятельствъ. Понимая, что прибытіе Суворова на театръ войны представляетъ собою наиболѣе серьезную опасность въ ряду другихъ, Косцюшко сталъ стягивать всѣ сколько-нибудь свободные корпуса и отряды, чтобы воспрепятствовать соединенію Ферзена съ Суворовымъ; велѣлъ Понинскому слѣдить за первымъ неотступно, не допуская его до переправы, а самъ предположилъ занять центральный между ними пунктъ, Луковъ. Отсюда онъ хотѣлъ произвести на брестскій корпусъ Суворова сильный ударъ съ фронта, одновременно съ нападеніемъ на его тылъ генерала Макрановскаго, которому поручилъ общее командованіе надъ литовскими инсургентскими отрядами и, для распоряженій по этому предмету, съѣздилъ въ Гродно. Плану этому

не суждено было осуществиться: сосредоточенію войскъ Макрановскаго, для удара на Суворова со стороны Бѣльска, помѣшалъ Дерфельденъ, а самъ Косцюшко былъ отвлеченъ Ферзеномъ [5]).

Понинскій донесъ Косцюшкѣ, что небольшая часть корпуса барона Ферзена собирается переправиться у Козеницы, а остальная у Пулавы; вслѣдъ затѣмъ сообщилъ, что Русскіе у Козеницы переправились. Косцюшко спѣшно отправился на встрѣчу Ферзену съ войсками, находившимися подъ рукой, всего въ числѣ 9—10,000 человѣкъ. Встрѣча произошла при Мацеіовичахъ; Ферзенъ атаковалъ Поляковъ 28 сентября всѣмъ своимъ корпусомъ, силою около 12,000, предупреждая соединеніе Косцюшки съ Понинскимъ. Поляки были разбиты совершенно и понесли огромную потерю; самъ Косцюшко, тяжело раненый, попался въ плѣнъ.

По словамъ графа Безбородко, побѣда Суворова при Брестѣ сдѣлала въ Польской войнѣ переворотъ, а побѣда Ферзена при Мацеіовичахъ этотъ переворотъ закрѣпила. Дѣйствительно, она имѣла огромное значеніе и прежде всего отразилась на образѣ дѣйствій самого Суворова. Задержанный въ Брестѣ до октября, онъ начиналъ усвоивать мысль, что кампаніей того года война не окончится и что, прежде взятія Варшавы, придется расположиться на зимнія квартиры. Дерфельденъ, по его мнѣнію, возился надъ Гродномъ слишкомъ долго, «дѣлалъ томные марши»; у Репнина «время уходило на доклады»; о Ферзенѣ извѣстій не было, и помочь ему не представлялось никакой возможности. Ко всему этому Австрійцы, понимая слишкомъ узко свои интересы, то занимали, то очищали разные пункты польской территоріи, не предувѣдомляя союзника и не сообразуясь съ его потребностями; чрезъ что затрудняли, а подъ часъ и вовсе прекращали его сообщенія, препятствовали сбору провіанта и фуража, приводя въ негодованіе самого Румянцова. «Тако, сіятельнѣйшій графъ, близъ трехъ недѣль я недвижимъ», писалъ Суворовъ Румянцову: «и можно здѣсь сказать, что Магербалъ (сказалъ) Аннибалу — *ты умѣешь побѣждать, но не пользоваться побѣдой*. Канна и Брестъ подобіе имѣютъ; время упущено, приближаются винтеръ-квартиры, сходно высокому намѣренію ва-

шего сіятельства». Но эта печальная необходимость была устранена побѣдою Ферзена, т.-е. Суворовъ усмотрѣлъ въ ней средство для перехода къ наступленію.

Онъ тотчасъ же сдѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія. На отправляемой Румянцову офиціальной бумагѣ было приписано: «поздравляю въ живыхъ перваго героя, россійскаго Нестора; Господь силъ съ нами». Ферзену и Дерфельдену послано приказаніе—слѣдовать по направленію къ Прагѣ. Ферзенъ еще раньше получилъ отъ Репнина приказъ — состоять въ распоряженіи Суворова; Дерфельденъ же продолжалъ оставаться въ его, Репнина, командѣ, и никакихъ донесеній Суворову не дѣлалъ, чѣмъ этотъ былъ весьма недоволенъ. Потомъ, по настойчивымъ требованіямъ Суворова, Репнинъ подчинилъ ему и Дерфельдена; это распоряженіе было утверждено въ Петербургѣ, однако съ оговоркою, что Ферзенъ и Дерфельденъ отдаются подъ начальство Суворова только на нынѣшній случай, а по внутренней службѣ и довольствію остаются по прежнему въ вѣдѣніи Репнина. Но все это разрѣшилось поздно, передъ самымъ выступленіемъ Суворова изъ Бреста; Репнинъ уже собирался кончать кампанію и въ этомъ смыслѣ отдалъ приказаніе Дерфельдену. Не успѣлъ этотъ послѣдній сдѣлать распоряженій, какъ прискакалъ къ нему отъ Суворова курьеръ съ требованіемъ, именемъ Румянцова, пользуясь побѣдой Ферзена, бить и гнать литовскихъ инсургентовъ и идти на соединеніе съ нимъ, Суворовымъ. Дерфельденъ былъ въ недоумѣніи, какъ поступить, но начальникъ его авангарда, графъ Валеріанъ Зубовъ, убѣдилъ его идти по зову Суворова. Совѣтъ такого лица, какъ братъ фаворита, значилъ очень много и снималъ большую долю отвѣтственности въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній; кромѣ того Дерфельденъ самъ понималъ фальшь всякаго другого рѣшенія. Онъ донесъ Репнину и выступилъ изъ Бѣлостока на Бѣльскъ и Брянскъ [6]).

Будетъ кстати при этомъ замѣтить, что взаимное положеніе Суворова и Репнина было очень не нормальное и что особенно трудно было Репнину, на котораго возлагалась сложная и искусственная задача. Онъ писалъ въ Петербургъ, управляющему воен-

нымъ департаментомъ, что «не знаетъ, самъ ли командуетъ или отданъ подъ команду», говоря: «ради Бога разведите насъ, раздѣлите между нами войска» [7]). Если принять при этомъ въ соображеніе прежніе поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ между Суворовымъ и Репнинымъ (см. гл. XIII), то нельзя не удивиться, что въ настоящемъ случаѣ дѣло обошлось благополучно, не только безъ ссоры, но и безъ крупныхъ неудовольствій, и обстоятельство это слѣдуетъ поставить въ заслугу имъ обоимъ, особенно Репнину.

Ко времени мацеіовичской побѣды барона Ферзена, Суворовъ былъ усиленъ нѣсколькими мелкими частями. Рѣшивъ предпринять наступленіе, онъ отдѣлилъ около 2000 человѣкъ для занятія Бреста и для тыльной службы, подъ начальствомъ бригадира Дивова, и 6 октября собралъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали не только генералы, но также полковые и батальонные командиры, всего 21 человѣкъ. Совѣтъ постановилъ: пользуясь побѣдою Ферзена, выступить для покушенія на Варшаву, оставить въ Брестѣ бригадира Дивова и очистить отъ непріятеля край къ сторонѣ Бѣльска, взявъ съ собою провіанта по 1 ноября. Если непріятель изъ подъ Бѣльска уйдетъ на Варшаву, добровольно или разбитый Дерфельденомъ, то идти на Яновъ, Венгровъ, Станиславовъ и соединиться съ Ферзеномъ въ Минскѣ; соединиться и съ Дерфельденомъ, если подоспѣетъ, но не ожидать его. Просить австрійскаго генерала Гарнонкурта— протянуть цѣпь постовъ до Русскихъ и Пруссаковъ; прусскому генералу Латорфу написать въ Опатовъ о содѣйствіи въ покушеніи на Варшаву. Прежде атаковать Прагу, потомъ противъ Виллановы или въ другомъ мѣстѣ, переправиться черезъ Вислу, оставивъ при Прагѣ Дерфельдена съ 6000. Если же Дерфельденъ не прибудетъ, или прусскія войска не окажутъ содѣйствія, то расположиться на первый разъ по кантониръ-квартирамъ на правомъ берегу Вислы, а когда позади расположенія весь провіантъ и фуражъ будутъ выбраны, то сблизиться снова для винтеръ-квартиръ къ Бресту и Радзину.

Изъ совѣтскаго постановленія видно, въ какой мѣрѣ обдуманно и осторожно Суворовъ располагалъ своими будущими дѣй-

ствіями, отказываясь даже, при извѣстныхъ условіяхъ, отъ завладѣнія Варшавой въ нынѣшнемъ году. Правда, основаніемъ такому плану дѣйствій служило приведенное нами раньше высочайшее повелѣніе, но по своей условности оно не было строго обязательнымъ. Эта-то условность и была Суворову на-руку; онъ понималъ, что всякое предположеніе красно исполненіемъ. Внушивъ приведенный планъ военному совѣту, Суворовъ еще за два дня передъ тѣмъ приступилъ къ его выполненію. Октября 4 онъ писалъ Румянцову, что въ Брестѣ остается Дивовъ, что Гарнонкурта просилъ протянуть цѣпь вправо и влѣво, что прусскому генералу Латорфу написано въ Опатовъ о содѣйствіи въ предстоящемъ предпріятіи русской арміи на Варшаву, и что о томъ же онъ, Суворовъ, писалъ и Прусскому королю. Это даже не совсѣмъ понравилось Румянцову, который только что выражалъ ему (бумаги должно быть разошлись) свое желаніе,— «безъ всякаго содѣйствія союзниковъ, одними собственными силами одолѣть непріятеля, и не по держанному военному совѣту и не по нуждѣ, но по побѣдѣ въ квартиры возвратиться». Спустя нѣсколько дней, Румянцовъ подтверждаетъ тоже самое въ видѣ вѣжливой просьбы. Но Суворовъ не извиняется передъ нимъ, не оправдывается изложеніемъ причинъ предпринятаго рѣшенія, а предпочитаетъ дѣйствовать по слагающимся обстоятельствамъ. Румянцовъ зналъ Суворова хорошо, но все-таки не вполнѣ; другіе же имѣли о немъ представленіе еще болѣе неправильное. Графъ Безбородко, въ письмѣ одному изъ Воронцовыхъ описывая планъ предстоящихъ дѣйствій, между прочимъ говоритъ, что подъ Прагой Суворовъ будетъ имѣть больше 30,000 хорошаго войска, «съ которымъ не потеряетъ времени напрасно, особливо имѣя несомнительно перспективу за взятіе Варшавы сдѣлаться фельдмаршаломъ». Сужденіе косное; Суворовъ не потерялъ бы даромъ времени и безъ всякой перспективы: онъ былъ очень честолюбивъ, но еще больше славолюбивъ [8]).

Послѣ пораженія и плѣна Косцюшки, польскіе корпуса и отряды стали поспѣшно стягиваться къ Варшавѣ. Макрановскій торопился достигнуть Буга, Дерфельденъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ; авангардъ его имѣлъ съ польскимъ аріергардомъ нѣсколько

мелкихъ дѣлъ, въ одномъ изъ которыхъ графу Зубову оторвало ногу послѣднимъ пущеннымъ Поляками ядромъ. Поляки уходили форсированными маршами, и уходили успѣшно. Какъ бы предвидя это, Суворовъ, вообще недовольный, что Дерфельденъ не истребилъ непріятеля и такимъ образомъ сберегъ для Варшавы лишнее подкрѣпленіе, — рѣшился пособить Дерфельдену. За два дня до выступленія изъ Бреста, онъ доноситъ Румянцову: «къ сожалѣнію, вмѣсто прямой дороги на Венгровъ, я долженъ взять кружный маршъ на Бѣльскъ, для боя съ Макрановскимъ, чтобы не дать ему моего крыла, обезпечить Брестъ и очистить Литву». Макрановскій однако былъ дѣятельнѣе и искуснѣе, чѣмъ Суворовъ предполагалъ. Прибывъ въ Яновъ, Суворовъ узналъ, что польскаго генерала подъ Бѣльскомъ уже нѣтъ. Двинувшись дальше и остановившись верстахъ въ 20, онъ получилъ извѣстіе, что Макрановскій проскользнулъ по направленію къ Варшавѣ, и что одна изъ его колоннъ направилась къ Станиславову. Суворовъ послалъ Ферзену приказаніе—идти изъ Минска на Станиславовъ, прибыть туда къ 13 числу и поджидать тамъ его, Суворова. Но Ферзенъ не могъ поспѣть къ назначенному сроку и донесъ, что на сутки принужденъ опоздать. Суворовъ замедлилъ движеніемъ, давая время Ферзену и Дерфельдену съ нимъ сблизиться, и черезъ Соколовъ пришелъ къ Венгрову. Нѣсколько захваченныхъ казаками плѣнныхъ показали, что Макрановскій долженъ быть не далеко и къ Варшавѣ еще не пришелъ. Ферзену послано на всякій случай новое приказаніе—не ожидая Суворова, атаковать въ Станиславовѣ Поляковъ, которые не могутъ быть тамъ въ большомъ числѣ; самъ же Суворовъ въ Венгровѣ остановился не на долго, выжидая Макрановскаго и наводя о немъ справки. Но Поляки не показывались, и разъѣзды не могли собрать о нихъ никакихъ свѣдѣній. Суворовъ двинулся дальше по узкой, очень песчаной дорогѣ и 14 числа утромъ прибылъ въ Станиславовъ, куда передъ тѣмъ только что пришелъ Ферзенъ, также не встрѣтивъ никого на пути и не найдя непріятеля въ Станиславовѣ [9]).

Ферзенъ привелъ съ собою около 11,000 человѣкъ, Суво-

ровъ имѣлъ подъ ружьемъ при выступленіи изъ Бреста до 8,000. Суворовъ сдѣлалъ смотръ вновь прибывшему корпусу. Нѣкоторые полки служили подъ его начальствомъ въ Турецкую войну и потому знали его хорошо; другіе поступали въ его команду первый разъ, но онъ не былъ для нихъ человѣкомъ новымъ, какъ и для всей русской арміи. Суворовъ приказалъ тотчасъ же разослать въ полки свой военный катехизисъ и предъявить Ферзену постановленіе брестскаго военнаго совѣта. Ферзенъ и еще два генерала подписали его, прибавивъ слѣдующее: «съ положеніемъ, учиненнымъ на консиліумѣ корпуса его сіятельства, графа Суворова, мы согласны, прибавя къ тому, что за лучшее находимъ подступить къ Прагѣ на разсвѣтѣ, всѣми корпусами единовременно, для лучшей рекогносцировки тѣхъ пунктовъ, которые назначатся колоннамъ для штурмованія и для устрашенія смятенныхъ жителей, чѣмъ заставить можно скорѣе къ помышленію о сдачѣ». Это обстоятельство между прочимъ указываетъ, что Суворовскіе военные совѣты не были одной формальностью, и что заявленіе различныхъ мнѣній на нихъ допускалось со внесеніемъ въ протоколъ [10]).

Теперь до Варшавы было не далеко. По доходившимъ извѣстіямъ, Поляки сильно укрѣпляли Прагу и готовились къ отпору; Суворовъ не только не скрывалъ этого отъ солдатъ, а напротивъ заранѣе имъ внушалъ, что Прага даромъ въ руки не дастся. По своему обыкновенію, объѣзжая ежедневно на походѣ войска, онъ останавливался у каждаго полка, здоровался, балагурилъ, называлъ по именамъ знакомыхъ солдатъ, говорилъ о предстоящихъ трудахъ. Чуть не весь полкъ сбѣгался туда, гдѣ ѣхалъ и бесѣдовалъ съ солдатами Суворовъ; это безпорядкомъ не считалось. «Намъ давнымъ давно туда пора», говорилъ онъ: «помилуй Богъ, пора; Поляки конаются какъ кроты въ землѣ». Солдаты отвѣчали, что былъ бы приказъ—взять, такъ будетъ взято; что кто сердитъ, да не силенъ, тотъ козлу братъ; что другого Измаила не выстроятъ, а и тому не поздоровилось. Духъ войскъ былъ какъ нельзя лучше: долгое брестское сидѣнье не сопровождалось праздностью и бездѣльемъ; послѣдующій походъ былъ далеко не изъ трудныхъ, переходы не велики, отдыхи частые,

особенныхъ недостатковъ ни въ чемъ не ощущалось. Больше всего приходилось терпѣть отъ холода, такъ какъ въ холщевыхъ кителяхъ пронимало насквозь, особенно по ночамъ, но и это горе теперь миновало, ибо зимнее платье наконецъ къ полкамъ подвезли. Вѣрный самому себѣ во всемъ, Суворовъ мерзъ въ холщевомъ кителѣ вмѣстѣ съ войсками, и надѣлъ суконную куртку только тогда, когда всѣ облачились въ зимнее платье. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія солдатъ (оно солдатомъ и записано) и было оцѣнено ими по достоинству; много подобныя мелочи прибавляли къ репутаціи Суворова [11]).

Въ Станиславовѣ Суворовъ не мѣшкалъ. Ферзенъ не засталъ тутъ Поляковъ потому, что они успѣли, до его прибытія, отступить по направленію къ Варшавѣ и по слухамъ должны были находиться въ Окуневѣ, верстахъ въ 20 отъ Варшавы, и въ Кобылкѣ, въ томъ же разстояніи, но по другой дорогѣ. Суворовъ усилилъ свой собственный корпусъ (по прежнему состоявшій въ непосредственномъ командованіи П. Потемкина) частью кавалеріи Ферзена, послѣднему приказалъ съ приближеніемъ ночи сдѣлать поискъ на Окуневъ, а самъ въ тоже время выступилъ къ Кобылкѣ. Онъ употребилъ на эти поиски всѣ свои силы потому, что мѣстные слухи ходили о значительныхъ непріятельскихъ отрядахъ, особенно въ Кобылкѣ; кромѣ того оба эти пункта находились не вдалекѣ отъ Варшавы, съ которою могли сообщаться и получать оттуда подкрѣпленія, не считая возможной близости не дававшагося въ руки Макрановскаго.

Отряды тронулись въ путь; въ серединѣ ночи, пройдя 14 верстъ, Суворовъ остановился на отдыхъ. Въ авангардѣ шелъ бригадиръ Исаевъ съ нѣсколькими сотнями казаковъ и съ 10 слабыми эскадронами Переяславскихъ конныхъ егерей. Исаевъ узналъ отъ крестьянъ, что въ Кобылкѣ инсургенты дѣйствительно находятся и что въ эту же самую ночь къ нимъ пришла подмога. Онъ остановился, послалъ Суворову донесеніе и спрашивалъ—не будетъ ли подкрѣпленія; Суворовъ приказалъ ему продолжать путь. Пошли густой чащей, а потомъ, невдалекѣ отъ непріятеля, наткнулись на болотную мѣстность. Съ большими усиліями казаки и конные егеря одолѣли это препятствіе, осо-

бенно двигавшіеся въ хвостѣ колонны, и въ 6 часу утра 15 октября появились передъ непріятелемъ.

Поляки были расположены двумя линіями на равнинѣ, около $1^1/_2$ верстъ діаметромъ, окруженной лѣсомъ, который въ тылу позиціи тянулся густой чащей, прорѣзанной многими дорогами. Въ центрѣ ихъ расположенія стояла пѣхота, на флангахъ кавалерія; фланги обстрѣливались кромѣ того пѣшими егерями, скрытыми по опушкѣ лѣса вмѣстѣ съ нѣсколькими орудіями. Было видно сразу, что непріятель гораздо многочисленнѣе русскаго авангарда, и дѣйствительно Поляковъ тутъ находилось тысячи три-четыре, а Исаевъ едва имѣлъ и полторы. Онъ все таки произвелъ атаку немедленно, преимущественно на фланги, пренебрегая сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; причемъ особенно надоѣдали замаскированныя лѣсомъ батареи. Непріятель держался хорошо; нѣсколько смѣшалась и разстроилась только кавалерія, пѣхота же осталась почти нетронутой. Въ это время прибылъ Суворовъ, опередивъ свой корпусъ. Замѣтивъ большое неравенство силъ, онъ послалъ приказъ слѣдовавшей за нимъ кавалеріи—спѣшить, не переводя духа. Конница бросилась впередъ и стала прибывать къ полю сраженія, дефилируя на поляну какъ попало, не соблюдая очереди; каждый полкъ шелъ самъ по себѣ, стараясь лишь объ одномъ—прибыть поскорѣе. Какъ только прибывшіе эскадроны нѣсколько устроились, произведена атака. Исленьевъ врубился въ непріятельскую конницу лѣваго крыла, а также сбилъ и потопталъ часть пѣхоты; Шевичъ атаковалъ правый флангъ, опрокинулъ конницу и вогналъ ее въ лѣсъ. Поляки стали отступать двумя колоннами, съ замѣчательною стройностью и порядкомъ, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, но были настойчиво преслѣдуемы русской конницей, которая производила частыя атаки отовсюду, гдѣ только представлялась возможность. Пѣхоты еще не было; два батальона егерей только подходили.

Первая польская колонна, силою около тысячи человѣкъ, ретировалась по правой изъ лѣсныхъ дорогъ. Исленьевъ преслѣдовалъ ее, усиленный драгунами изъ резерва и батальономъ пѣшихъ егерей, нанесъ огромную потерю и заставилъ положить

оружіе послѣ атаки спѣшенными драгунами. Плѣнные офицеры, которыхъ было до 25, просили Суворова накормить ихъ, такъ какъ находясь въ постоянномъ и спѣшномъ движеніи нѣсколько дней, они все время голодали. Суворовъ приказалъ накормить какъ ихъ, такъ и плѣнныхъ солдатъ чѣмъ только можно, что и было исполнено Переяславскимъ конно-егерскимъ полкомъ, причемъ солдаты охотно дѣлились съ плѣнными скуднымъ запасомъ, который имѣли при себѣ.

Вторая колонна была гораздо многочисленнѣе первой и двигалась по большой варшавской дорогѣ. Въ обходъ ей была послана значительная часть кавалеріи съ однимъ изъ двухъ подоспѣвшихъ егерскихъ батальоновъ; отряду этому приказано— перехватить у Поляковъ путь отступленія. Потомъ къ нему присоединились еще два казачьи полка, отряженные Ферзеномъ. Польская колонна продолжала ретираду, усилившись уцѣлѣвшими остатками первой, разбитой Исленьевымъ. На пути лежала высота, хотя лѣсистая, но болѣе открытая, чѣмъ ближайшія окрестности. Поляки взобрались на нее и вдругъ увидѣли передъ собою русскую кавалерію и егерскій батальонъ съ пушками, которыя тотчасъ же и открыли огонь. Полякамъ приходилось и отбиваться, и пробиваться; они стали жаркимъ артиллерійскимъ огнемъ очищать свой путь отступленія. Пальба эта продолжалась однако не долго, потому что Русскіе произвели рѣшительный ударъ, въ которомъ приняли между прочимъ участіе и войска, загородившія Полякамъ дорогу въ Варшаву. Но такъ какъ съ этой стороны дѣйствіе въ конномъ строю, по лѣсному характеру мѣста было невозможно, то 4 эскадрона Маріупольскаго легко-коннаго полка и 2 эскадрона Глуховскихъ карабинеръ спѣшились и, о бокъ съ егерскимъ батальономъ, ударили на непріятельскую пѣхоту въ палаши и сабли. Поляки бились отчаянно и не сдавались; больше часа продолжалось побоище; плѣнныхъ было взято сравнительно мало; въ числѣ ихъ генералъ-адъютантъ Польскаго короля Бышевскій, раненый въ плечо. Спаслось немного.

Такъ кончилось это небольшое, но кровопролитное дѣло. Къ концу его подоспѣла часть войскъ Ферзена, который не нашелъ въ Окуневѣ непріятеля и потому хотѣлъ подать помощь Суворову,

но надобности въ этомъ не оказалось. Не участвовала въ бою и большая часть войскъ самого Суворова, именно пѣхота, за исключеніемъ двухъ егерскихъ батальоновъ. Причиною тому была, во первыхъ, очень дурная дорога и болотистая мѣстность передъ Кобылкой; весьма трудный и безъ того путь сдѣлался совершенно непроходимымъ послѣ кавалеріи, обратившей все въ жидкую грязь. Во-вторыхъ Суворовъ велъ дѣло особенно энергично, ибо близость Варшавы и предполагаемое сосѣдство Макрановскаго требовали спѣха, такъ что сраженіе продолжалось всего 5 часовъ. Онъ былъ правъ вполнѣ. Макрановскій, прибывшій къ Прагѣ 13 числа по полудни, послалъ къ Кобылкѣ подмогу, но посланный отрядъ, не дойдя 5 верстъ, повернулъ назадъ, вѣроятно опасаясь наткнуться на засаду или на слишкомъ сильнаго непріятеля [12]).

Въ рукахъ Русскихъ остались 9 польскихъ орудій, т.-е вся артиллерія непріятельская, и единственное его знамя; сверхъ того захваченъ обозъ отряда во время слѣдованія его къ Варшавѣ. Потеря Русскихъ опредѣлена Потемкинымъ въ 153 человѣка и 578 лошадей, убитыхъ и раненыхъ; если эта цифра и ниже дѣйствительной, то не на много, что объясняется ходомъ боя. Поляки потеряли напротивъ очень много; однихъ плѣнныхъ, по точному исчисленію, набралось 1073 человѣка, въ томъ числѣ множество офицеровъ. Изъ нихъ половина, именно добровольно сдавшіеся, была тотчасъ же распущена по домамъ. Въ донесеніи Суворова говорится, будто *всѣ* остальные люди польскаго корпуса были истреблены; исторіографы его утверждаютъ тоже самое, прибавляя, что некому было подать вѣсть въ Варшаву о пораженіи при Кобылкѣ и что тамъ узнали объ этомъ случайно. Тутъ очевидно преувеличеніе, основанное на слухахъ, показаніяхъ, предположеніяхъ и проч., а не на положительныхъ данныхъ, которыхъ побѣдители не имѣли и не могли имѣть. Противуположная сторона впадаетъ въ другую крайность, какъ и слѣдовало ожидать, опредѣляя свою потерю только въ 1500 человѣкъ со всею артиллеріею, что совсѣмъ невѣрно, если припомнить общій ходъ и подробности боя, а также вышеприведенное число плѣнныхъ, едва-ли подлежащее сомнѣнію. Ближе всего

1794 года, наступило полное разочарованіе относительно косіонеровъ, то это потому, что регулярныхъ войскъ стало слишкомъ мало сравнительно съ ними, да и утратили они, вслѣдствіе хода войны, всякую нравственную силу, кромѣ рѣдкихъ моментовъ возбужденія. Только избытокъ нравственнаго элемента и можетъ служить противувѣсомъ недостатку матеріальныхъ способовъ [14]).

Каковы бы впрочемъ ни были польскія войска, они во всякомъ случаѣ много уступали войскамъ русскимъ, которыя или уже были раньше *Суворовскими*, или успѣли ими сдѣлаться во время похода. Особенности Суворовскаго военнаго дарованія накладывали на нихъ и печать особенную. Со свойствами этого дарованія мы уже знакомы по прежнимъ его войнамъ, но въ войну 1794 года они пріобрѣтаютъ какъ будто еще больше выпуклости. Изъ числа его боевыхъ принциповъ, обращаетъ на себя вниманіе во-первыхъ *быстрота*. Онъ заполняетъ ею недостатокъ численной силы и предотвращаетъ сосредоточеніе непріятельскихъ массъ. Прибѣгая къ внезапному нападенію, онъ только возвышаетъ выгоды быстраго походнаго движенія и вселяетъ въ непріятеля преувеличенное понятіе о числительной силѣ его противника. И Суворовъ достигаетъ цѣли. Онъ является передъ лицомъ непріятеля тогда, когда тотъ считаетъ его за десятки верстъ; онъ бьетъ его потому, что тотъ, собираясь отступать, не торопится и остается на мѣстѣ лишнихъ 2—3 часа; онъ бьетъ его и потому еще, что идущій къ нему на помощь (подъ Брестомъ) генералъ Княжевичъ не торопится движеніемъ, и вѣсть о совершенномъ разбитіи Сѣраковскаго застаетъ его, Княжевича, на походѣ. До чего быстрота Суворова и внезапность появленія должны были сильно дѣйствовать на людей впечатлительныхъ, видно между прочимъ изъ того, что находившійся при Сѣраковскомъ комиссаръ народной рады бѣжалъ, едва замѣтивъ издали наступавшія русскія войска [15]).

Затѣмъ — *глазомѣръ*. Требуется большая военная смѣтка, чтобы ознакомиться съ мѣстностью и съ расположеніемъ непріятеля, притомъ такъ, чтобы по видимому пространству, вывести заключеніе объ остальномъ, не видимомъ, и еще при усло-

віи — не возбуждать вниманія противника до атаки, сохраняя неожиданность удара. Въ этомъ отношеніи взглядъ Суворова былъ изумительный и доходилъ до проницательности мало-вѣроятной; Суворовъ иногда зналъ мѣстность, занятую непріятелемъ, лучше чѣмъ самъ непріятель. Такой глазомѣръ былъ его природнымъ даромъ, развившимся отъ практики и опыта. Суворовъ пополнялъ его разспросами плѣнныхъ и мѣстныхъ жителей, мастерски вывѣдывая у нихъ все что нужно; прибѣгать же заурядъ къ посредству разъѣздовъ и патрулей не любилъ [16]).

Третье основное его правило — *натискъ*. Мало — поразить противника, надо заронить въ него зерно сознанія въ непобѣдимости того, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло или, что тоже, сомнѣніе въ своихъ собственныхъ побѣдныхъ качествахъ. Для этого, явившись предъ нимъ быстро и накрывъ его внезапно, надо тотчасъ же нанести ему жестокій ударъ. Въ описанныхъ дѣлахъ съ Поляками и нельзя было поступать иначе. Продолжительная канонада, методическое развертываніе силъ и сложное маневрированіе—обнаружили бы численную слабость Суворова. Вслѣдствіе этой слабости, онъ не могъ давать въ своихъ дѣйствіяхъ предпочтенія охватамъ и обходамъ, какъ оружію, въ настоящемъ случаѣ обоюдоострому; тѣмъ паче, что Поляки были сами достаточно сильны въ маневрированіи. Не имѣли же ихъ предводители того, что составляло главную силу Суворова — умѣнья владѣть волею войскъ, какъ своею собственною. Это нравственное вліяніе Суворова на подчиненныя ему войска, пробывшія въ его школѣ, было по-истинѣ громадно. Возможно ли и разсчетливо ли было ему отказаться отъ главнаго своего преимущества и стать въ уровень съ противникомъ, изъ-за одного принципа, который вовсе не имѣлъ первостепеннаго значенія въ его живомъ военномъ искуствѣ?

По этой и по другимъ равносильнымъ причинамъ, близорукіе цѣнители Суворова отзываются о его военныхъ дѣлахъ вообще, а въ Польшѣ особенно, какъ о незнаніи или отрицаніи всякихъ тактическихъ правилъ, т.-е. какъ о невѣжествѣ. Не вдаваясь въ своихъ сужденіяхъ въ глубь дѣла, они руководятся одною внѣшнею его стороною, да и то неправильно. По слабой

численности своего корпуса и по необходимости дорожить каждою минутой времени, чтобы не упустить непріятеля,—Суворовъ напримѣръ прибѣгалъ къ фронтальнымъ атакамъ, но онъ всетаки заставилъ своего противника въ двухъ первыхъ дѣлахъ спѣшно перемѣнить позицію, отказавшись отъ прежней, выгоднѣйшей. Кромѣ того онъ прибѣгалъ къ охвату фланговъ, къ угроженію тылу, къ отрѣзанію пути отступленія. Потомъ — атака непріятельскаго корпуса одной кавалеріей. Что другое могъ сдѣлать Суворовъ, не рискуя упустить противника? Артиллерія его уступала польской или числомъ, или калибромъ, или тѣмъ и другимъ; пѣхота не могла поспѣть; оставалось атаковать конницей. Въ Турціи онъ поступалъ иначе. Не особенно опасаясь ни пѣхоты, ни артиллеріи, онъ долженъ былъ беречься только лихой турецкой кавалеріи и потому атаковалъ обыкновенно пѣхотой, въ колоннахъ или кареяхъ, со стрѣлками впереди или по флангамъ. Въ Польшѣ ему болѣе всего былъ опасенъ огонь артиллеріи; кавалерія же, а тѣмъ паче пѣхота, опасеній не внушали, такъ какъ его собственная конница была не ниже, а пѣхота несомнѣнно выше польской. Кавалерійская атака оказывалась такимъ образомъ наиболѣе соотвѣтственной и по быстротѣ, и по своему почти разсыпному строю, особенно у конницы Суворова.

Кавалерійскія атаки подъ Брестомъ и подъ Кобылкой напоминаютъ, хотя и въ разной степени, такую же атаку Суворова подъ Ланцкороной, 22 года назадъ, кончившуюся пораженіемъ Дюмурье. Это показываетъ, что въ тактическихъ правилахъ Суворова была устойчивость, и что онъ поступалъ такъ не по минутному порыву. Въ этихъ пріемахъ, называемыхъ анти-тактическими, дѣйствовала не опрометчивость, а необходимое военное качество—смѣлость и съ нею трезвая осмотрительность. Пуская кавалерію въ атаку, Суворовъ непосредственно затѣмъ двигаетъ пѣхотныя части на ея поддержку. Не такъ поступаютъ люди, увлекаемые фантазіей, и кидающіеся на непріятеля очертя голову; не такъ дѣйствовали неразумные подражатели Суворова въ Польскую войну 1792 года и потому платились дорого. Наконецъ, для правильнаго освѣщенія дѣй-

ствій Суворова, укажемъ еще на его непрерывныя, злыя атаки и на настойчивое (подъ Брестомъ) преслѣдованіе. Такой способъ дѣйствій ошеломлялъ непріятеля, не давалъ ему придти въ себя и успокоиться, пока окончательно не подрывалъ его духа и физическихъ силъ, послѣ чего слѣдовали плѣнъ или смерть. Это ли не тактика?

Дѣло при Кобылкѣ, представляя собою подобно предшествовавшимъ наглядныя особенности Суворовской военной теоріи, имѣетъ еще одну характерную частность — атаку спѣшенной кавалеріи на пѣхоту съ ударомъ въ сабли. Атака эта была вызвана, какъ мы видѣли, необходимостью — мѣстностью и отсутствіемъ пѣхоты; Суворовъ не задумался прибѣгнуть въ крайности къ такому необычному средству, и оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Практикуя часто на поляхъ сраженій пріемы, которые нельзя найти въ учебникахъ, онъ уже привыкъ къ нимъ и пріучилъ свои войска, но настоящій случай даже и ему казался заслуживающимъ особеннаго вниманія. «Если-бы ты былъ при Кобылкѣ», говорилъ онъ потомъ одному французскому эмигранту, вступившему въ русскую военную службу: «ты бы увидѣлъ то, *чего и я никогда не видалъ*». Но спѣшивая эскадроны легкой и тяжелой кавалеріи и пуская ихъ на пѣхоту, Суворовъ постарался однакоже обезпечить успѣхъ атаки вспомогательными способами, какіе имѣлъ въ своемъ распоряженіи: онъ пустилъ въ атаку съ этими эскадронами единственный пѣхотный батальонъ, которымъ могъ распорядиться. И что же? Такое живое его отношеніе къ военному дѣлу осталось или незамѣченнымъ, или приравнено къ способу дѣйствій первобытныхъ полудикихъ воителей. У одного изъ новѣйшихъ военныхъ писателей сказано, что подъ Кобылкой «Суворовъ сдѣлалъ самое жалкое употребленіе изъ своей конницы, вваливъ одну часть ея въ болото, а другую—заставивъ спѣшиться и атаковать съ одними саблями пѣхоту, находившуюся въ лѣсной засадѣ». Какъ различно можно освѣтить одинъ и тотъ же фактъ, и до какой степени можетъ доходить путаница понятій! [17]).

Вообще страннымъ путемъ иногда складываются репутаціи

и долго держатся по одной инерціи, вопреки простому здравому смыслу. Такъ создалась и живетъ въ западной Европѣ репутація Суворова, какъ ни нелѣпо объяснять непрерывную цѣпь тождественныхъ явленій случаемъ, или, что тоже, счастьемъ. Цѣнители и судьи проглядѣли въ Суворовѣ самую важную его особенность — неограниченное нравственное владычество надъ своими войсками. Не замѣтили они и другой его черты—знанія своего противника со всѣхъ сторонъ и построеннаго на этомъ знаніи умѣнья — пользоваться его слабостями и недостатками, по указанію слагавшихся обстоятельствъ. Оттого онъ и могъ дѣлать многое такое, на что не осмѣливался никто другой, а еслибы и осмѣлился, то жестоко поплатился бы за свою дерзость. Откиньте эти Суворовскія особенности, и подведите его дѣйствія подъ одинъ формальный тактическій шаблонъ, — выйдетъ *счастье*; возьмите въ разсчетъ не одни внѣшнія данныя, а также животворящій ихъ духъ, — выйдетъ *геній*. Невольно припоминаются здѣсь слова Суворова, сказанныя имъ 10 лѣтъ передъ тѣмъ въ письмѣ къ Потемкину: «я былъ счастливъ, потому что повелѣвалъ счастьемъ».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Польская война: Прага; 1794.

Рѣшеніе—штурмовать Прагу; присоединеніе Дерфельдена; военный совѣтъ; посланія изъ Праги и Варшавы; отвѣты Суворова.—Расположеніе польскихъ силъ; состояніе Варшавы; избраніе Ваврженцкаго главнокомандующимъ; разномысліе его съ другими; интриги Колонтая.—Приготовленія Русскихъ къ штурму; приказъ по войскамъ; наставленіе Ферзену.—Укрѣпленія Праги; силы обѣихъ сторонъ; диспозиція Суворова.—Ночь передъ штурмомъ; распоряженія Ваврженцкаго.—Начало штурма и его ходъ; быстрые успѣхи Русскихъ; ихъ ожесточеніе; зажженіе моста; канонада до ночи; ея поводы; пожаръ въ Прагѣ и грабежъ.—Потери.—Суворовъ послѣ штурма; возводимыя на него обвиненія. — Паралель штурмовъ Праги и Измаила.

Послѣ Кобылки оставалась одна ступень до Варшавы—Прага. На защитѣ Праги Поляки должны были сосредоточить всю свою энергію, собрать всѣ средства, ибо Польша съ ея революціей заключалась теперь въ Варшавѣ, а съ потерей Праги погибала и Варшава, и Польша, и революція. Суворову надо было завладѣть Прагой во что бы то ни стало, а выборъ для этого средствъ оказывался не великъ. Для правильной осады время было слишкомъ позднее, и Русскіе не имѣли ни одного орудія осадной артиллеріи. Блокада Праги вмѣстѣ съ Варшавой можетъ и привела бы къ желаемому результату, такъ какъ продовольствія тамъ запасено было не много, но для этого требовались большія силы, помимо другого препятствія—поздняго времени. Оставалось одно—штурмовать. Средство это было рискованное, такъ какъ по свѣдѣніямъ укрѣпленія Праги были обширны,

грозны, вооружены крупнокалиберной и многочисленной артиллеріей, а гарнизонъ превышалъ 30,000 человѣкъ, не считая вооруженныхъ варшавянъ. Но все это не могло остановить Суворова. Почти вездѣ и всегда ему приходилось имѣть дѣло съ непріятелемъ, болѣе многочисленнымъ, чѣмъ его, Суворовскія войска; не задумывался онъ и надъ предпріятіями рискованными, неоднократно ставя на карту свою будущность и пріобрѣтенную репутацію. Онъ твердо вѣрилъ прежде всего въ самого себя и затѣмъ въ свои войска; теперь, послѣ блестящей кампаніи, такая увѣренность могла только возрасти. Онъ рѣшился сдѣлать послѣдній шагъ, къ которому былъ готовъ еще находясь въ Немировѣ, въ качествѣ зрителя, ибо разсчитывая покончить съ Польшей въ 40 дней, онъ конечно не имѣлъ въ виду ни осадъ, ни блокадъ. Какъ ни велико будетъ число жертвъ, но оно во всякомъ случаѣ окажется гораздо ниже цифры, которую принесетъ затянувшаяся война. Кромѣ того подобный рѣшительный ударъ потрясаетъ, наводитъ ужасъ, подсѣкаетъ остатки энергіи и изсушаетъ войну въ самомъ ея источникѣ. Суворовъ рѣшилъ штурмовать Прагу.

Дерфельденъ присоединился 19 числа и расположился на правомъ флангѣ, Ферзенъ стоялъ на лѣвомъ; общая числительность всѣхъ трехъ корпусовъ простиралась до 24—25,000 человѣкъ при 86 полевыхъ орудіяхъ. Суворовъ собралъ военный совѣтъ и передалъ ему свой взглядъ на дѣло; состоялось постановленіе—идти къ Прагѣ и брать ее приступомъ, несмотря ни на какія укрѣпленія. Началось приготовленіе штурмовыхъ лѣстницъ, фашинъ, плетней.

Казаки, очищая отъ инсургентовъ окрестности Кобылки, добрались почти до прагскихъ укрѣпленій и появленіемъ своимъ произвели большую тревогу, потому что были приняты за авангардъ приближающагося корпуса Суворова. Съ прагскихъ укрѣпленій открылась артиллерійская пальба, и запылали маяки вокругъ Варшавы. Вскорѣ послѣ того, 18 числа, стало быть раньше военнаго совѣта, большое число генераловъ и штабъ-офицеровъ произвели усиленную рекогносцировку прагскихъ окоповъ, подъ прикрытіемъ значительнаго кавалерійскаго отряда. Они

были встрѣчены сильнымъ огнемъ, впрочемъ безвреднымъ; конница наша потѣснила нѣсколько польскихъ пикетовъ, нанесла имъ нѣкоторый уронъ, захватила плѣнныхъ. Поляки не рѣшились на вылазку и серьезную атаку, и русскій рекогносцировочный отрядъ благополучно удалился, окончивъ свое дѣло. Въ этотъ же день прибыли къ Суворову посланные изъ Праги и Варшавы, по разнымъ дѣламъ. Посланный отъ короля просилъ отпустить генерала Бышевскаго въ Варшаву для леченія; Суворовъ тотчасъ же согласился и поручилъ ему засвидѣтельствовать королю глубочайшее его, Суворова, почтеніе. Другой посланный былъ отъ верховнаго народнаго совѣта, съ экипажемъ и врачемъ для Косцюшки; въ этомъ отказано, такъ какъ Косцюшко находился очень далеко и ни въ чемъ не нуждался. Третье посланіе послѣдовало отъ командующаго въ Варшавѣ и Прагѣ генерала Зайончека, который прислалъ Суворову черезъ трубача письмо, въ дополненіе къ просьбѣ народнаго совѣта. Зайончекъ требовалъ возвращенія Косцюшкинаго обоза, причемъ счелъ почему-то умѣстнымъ, не только обойти въ своихъ выраженіяхъ общепринятыя формы приличія и вѣжливости, но и трактовать русскаго военачальника свысока. Суворовъ былъ въ этомъ отношеніи очень щекотливъ, и потому выходка польскаго генерала задѣла его за живое. Онъ написалъ и послалъ Зайончеку отвѣтное письмо, короткое, энергическое и суровое, указавъ на неприличность его тона и на кичливость вождей инсурекціи по отношенію къ Россіи; причемъ возвратилъ самое письмо и предупредилъ, что никакія посланія не будутъ принимаемы, кромѣ тѣхъ, гдѣ будетъ говориться о раскаяніи и о забвеніи прошлаго [1]).

Всѣ приготовительныя къ штурму работы были окончены 22 числа; въ тотъ же вечеръ войска двинулись къ Прагѣ 3 колоннами и съ развернутыми знаменами, съ барабаннымъ боемъ и музыкой, вступили въ назначенныя имъ подъ Прагой лагерныя мѣста, отъ передовыхъ окоповъ дальше пушечнаго выстрѣла. Пикеты непріятельскіе были тотчасъ же сбиты, и русская цѣпь заняла ихъ мѣста. Въ тотъ же день вновь произведена рекогносцировка, такъ сказать повѣрочная, въ которой приняли участіе всѣ генералы; затѣмъ Суворовъ объѣхалъ и осмотрѣлъ лагерь.

Его собственный корпусъ подъ начальствомъ Потемкина занималъ центръ лагернаго расположенія, Дерфельденъ правый флангъ, Ферзенъ лѣвый. Около полуночи стали возводить передъ фронтомъ трехъ корпусовъ батареи; работали 2.000 человѣкъ подъ прикрытіемъ 6 батальоновъ. Къ 5 часамъ утра батареи были готовы: у Дерфельдена на 22 орудія, у Потемкина на 16, у Ферзена на 48. Возведеніе батарей предпринято, по донесенію Суворова Румянцову, для замаскированія готовящагося приступа, чтобы дать непріятелю поводъ ожидать осады. Утромъ батареи открыли огонь, къ удивленію защитниковъ Праги, которые не замѣтили производившихся ночью работъ; артиллерія непріятельская отвѣчала съ живостью. Суворовъ лично сдѣлалъ рекогносцировку съ нѣкоторыми лицами своей свиты и назначилъ штурмъ на ту же ночь, съ 23 на 24 число.

Всѣ приготовленія къ штурму были кончены, а диспозиція объявлена еще раньше, послѣ состоявшагося въ Кобылкѣ военнаго совѣта. Развязка приближалась; Суворовъ относился къ ней не слепка и все подумывалъ объ участіи союзниковъ. «Здѣсь на Пруссаковъ безнадежно», пишетъ онъ Румянцову 19 октября: «а Австрійцы малосильны». Три дня позже, обдумывая средства для овладѣнія Варшавой послѣ взятія Праги и находя, что для этого нужно прежде всего отрѣзать ей продовольствіе, Суворовъ говоритъ: «безъ содѣйствія Пруссаковъ съ Варшавой справиться будетъ очень трудно, паче по позднему времени». Передъ штурмомъ, 23 числа онъ доноситъ: «изъ приложеній изволите усмотрѣть добрую волю Пруссаковъ; мы времени тратить не будемъ, но жаль, что уже глубокая осень». Какъ бы въ утѣшеніе ему, Румянцовъ сообщаетъ: «я вижу внятно, что вы всѣ обстоятельства и происшествія и все, что касается до вашего предпріятія, съ лучшей пользой службѣ соображаете и все то въ себѣ самомъ и въ соревнованіи подчиненныхъ находите, чего отъ помощи союзныхъ ожидали. И то увѣрительно не безъ удивленія, что всѣ старанія и предложенія вашего сіятельства, въ семъ видѣ были вовсе тщетны и безъ всякаго уваженія на поводы, что вы тамъ наводили, и на саму видимую пользу общественныхъ дѣйствій, и что сіе единственно и едино виной было,

что Варшава могла безъ помѣхи жизненными средствами запасаться, и войска изъ Литвы и Пруссіи къ Варшавѣ скрытно пробрались» [2]).

Румянцовъ былъ правъ; союзники могли оказать Русскимъ не малое содѣйствіе, судя по занятымъ ими пунктамъ на польской територіи, но не оказали. Пока Русскіе сближались къ Прагѣ, Пруссаки стояли близко отъ Варшавы, въ Вышеградѣ, Закрочимѣ, Зегржѣ, Пултускѣ и Рожанѣ, всюду въ маломъ числѣ, также на Бзурѣ, въ Каменной и Сохачевѣ; а въ большихъ силахъ въ Ловичѣ, Равѣ и Петроковѣ. Австрійцы занимали разные пункты, преимущественно въ сандомирскомъ и радомскомъ воеводствахъ. Конечно, присутствіе союзныхъ войскъ служило инсургентамъ помѣхой, и оно облегчило Суворову взятіе Праги, оттянувъ отъ Варшавы часть польскихъ войскъ. Но этого было слишкомъ недостаточно, благодаря ихъ образу дѣйствій, или своекорыстному, или неумѣлому и вялому. Варшава снабжалась продовольствіемъ не только изъ дальнихъ мѣстъ, такъ какъ ближнія были разорены и обобраны, но и изъ отбитыхъ у союзниковъ транспортовъ, и хотя жила изо дня въ день, но большой нужды не ощущала. Неудобства такого порядка стали особенно ощутительны при приближеніи развязки, когда состояніе запасовъ въ Варшавѣ должно было прямо вліять на степень ея стойкости и упорства. Чрезъ посредство шпіоновъ и особенно бѣглыхъ, число которыхъ съ каждымъ днемъ возрастало, Суворовъ имѣлъ объ этомъ предметѣ свѣдѣнія. Октября 17 онъ донесъ Румянцову, что войска въ Варшавѣ получаютъ по фунту мяса и по полуфунту хлѣба, а лошади кормятся соломою съ крышъ. Четыре дня позже онъ пишетъ, что генералъ Гедройцъ отправился съ сильнымъ корпусомъ къ сторонѣ Кракова за сборомъ провіанта; что Пруссаки не съумѣли ему воспрепятствовать, а потому онъ, Суворовъ, просилъ графа Шверина и Прусскаго короля—разбить Гедройца на возвратномъ пути и отнять у него транспортъ, ибо въ Варшавѣ осталось хлѣба всего недѣли на двѣ, а рогатаго скота нѣсколько тысячъ, изъ коихъ тысячъ пять головъ недавно убито на солонину.

Дѣйствуй союзники иначе, Варшавѣ грозилъ бы буквально

голодъ, а съ нимъ и какая-нибудь катастрофа, ибо тамъ и безъ голода было смутно, тревожно, и въ душной политической атмосферѣ происходило глухое броженіе. Съ плѣномъ Косцюшки усилилась рознь; одни тянули на прусскую сторону, другіе — на русскую, третьи, не заглядывая вдаль, стояли за продолженіе борьбы до послѣдней крайности. Въ одномъ лишь всѣ сходились—въ искренней скорби о потерѣ Косцюшки. Это доказываетъ, что инсурекціонная Польша потеряла въ немъ очень многое, что она потеряла въ немъ все, хотя въ наше время, почти изъ столѣтней дали, видно довольно ясно, что этого *всего* было слишкомъ мало для успѣха польской революціи и возбужденной ею войны [3]).

Слѣдовало избрать Косцюшкѣ преемника; право это принадлежало верховному народному совѣту. Ксендзъ Колонтай предложилъ Зайончека, которому Косцюшко, уѣзжая, поручилъ главное начальство надъ варшавскими войсками; вѣдавшій иностранными дѣлами, Игнатій Потоцкій, выставилъ кандидатомъ Томаса Вавржецкаго, командовавшаго на курляндской границѣ. Нѣкоторые изъ адъютантовъ Косцюшки потомъ говорили, будто и онъ упоминалъ про Вавржецкаго, на случай своей смерти или плѣна, но это осталось недоказаннымъ. Большинство верховнаго совѣта не любило и боялось Колонтая,—подобія французскихъ террористовъ, а потому Вавржецкій взялъ верхъ. Объявили объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, армія присягнула; почти всѣ корпусные командиры сообщили, что и они, и ихъ подчиненные приняли выборъ совѣта съ удовольствіемъ. За то онъ самъ былъ не согласенъ, поѣхалъ въ Варшаву и заявилъ свой отказъ совѣту лично. Его уговаривали, приводя въ резонъ, что избраніе его привело разномыслящихъ къ единству, что всѣ довольны и что при его отказѣ нельзя отвѣчать за спокойствіе въ городѣ. Вавржецкій возражалъ, говоря, что сознаетъ себя неспособнымъ къ предложенному ему высокому посту, не видитъ впереди ничего хорошаго, не считаетъ возможнымъ исправить надѣланныхъ ошибокъ, ни согласить оборону Варшавы съ продолженіемъ революціи. Колонтай холодно и сухо совѣтовалъ ему не отказываться; прочіе члены говорили, что его опасенія

и предположенія гадательны, а опасность отъ народнаго возстанія близка. И точно, по улицамъ толпился народъ, передъ крыльцомъ совѣта скоплялась чернь, слышались крики, угрозы, застращиваніе возстаніемъ, анархіей. Ваврженцкій оставался при своемъ рѣшеніи. Члены совѣта приступили къ нему по одиночкѣ, говоря въ полголоса, что ихъ ненавидитъ Колонтай, что въ случаѣ возстанія черни они будутъ повѣшены, а находящіеся по подозрѣнію подъ арестомъ — замучены, и самъ король подвергнется серьезной опасности. Ваврженцкій не устоялъ, согласился,—какъ онъ самъ выражается, «съ отвращеніемъ». Не много могла выиграть революція, поставивъ во главѣ своей человѣка, который съ подобнымъ чувствомъ принималъ высокое назначеніе, будучи искренно убѣжденъ, что дѣло проиграно безвозвратно.

Мацеіовичскій погромъ и назначеніе новаго главнокомандующаго повлекли за собою большія перемѣны въ расположеніи боевыхъ силъ на театрѣ войны. Макрановскій предпринялъ отступленіе изъ Литвы къ Варшавѣ, которое и совершилъ не безъ значительныхъ потерь; Домбровскій и Мадалинскій болѣе счастливо ретировались изъ прусской Польши къ р. Пилицѣ. Домбровскій пріѣхалъ въ Варшаву и занемогъ; Зайончекъ остался командующимъ войсками подъ Варшавой; князь Понятовскій прикрывалъ лѣвый берегъ Вислы со стороны Варшавы. Продолжалось начатое Косцюшкой возведеніе укрѣпленій вокругъ Праги и, для успѣшнѣйшаго ихъ хода, принимались всевозможныя прямыя и косвенныя мѣры. Первое время работы исполнялись съ пыломъ, съ патріотическимъ увлеченіемъ и подвигались быстро; возникавшіе окопы видѣли на себѣ людей всѣхъ сословій и даже дамъ; ихъ присутствіе, горячія патріотическія слова и иногда непосредственное участіе въ работѣ, поддерживали энергію и прилежаніе работавшихъ. Ѣзжалъ сюда и король; онъ также, въ примѣръ другимъ, прикладывалъ свои руки къ дѣлу, но это не прибавило ему недостававшей популярности и даже не спасло отъ оскорбленій. Одна женщина язвительно посовѣтовала ему, для успѣха дѣла, не принимать въ немъ участія, такъ какъ всѣ его начинанія постоянно имѣли дурной конецъ. Потомъ пылъ

голодъ, а съ нимъ и какая-нибудь катастрофа, ибо тамъ и безъ голода было смутно, тревожно, и въ душной политической атмосферѣ происходило глухое броженіе. Съ плѣномъ Косцюшки усилилась рознь; одни тянули на прусскую сторону, другіе — на русскую, третьи, не заглядывая вдаль, стояли за продолженіе борьбы до послѣдней крайности. Въ одномъ лишь всѣ сходились—въ искренней скорби о потерѣ Косцюшки. Это доказываетъ, что инсурекціонная Польша потеряла въ немъ очень многое, что она потеряла въ немъ все, хотя въ наше время, почти изъ столѣтней дали, видно довольно ясно, что этого *всего* было слишкомъ мало для успѣха польской революціи и возбужденной ею войны [3]).

Слѣдовало избрать Косцюшкѣ преемника; право это принадлежало верховному народному совѣту. Ксендзъ Колонтай предложилъ Зайончека, которому Косцюшко, уѣзжая, поручилъ главное начальство надъ варшавскими войсками; вѣдавшій иностранными дѣлами, Игнатій Потоцкій, выставилъ кандидатомъ Томаса Вавржецкаго, командовавшаго на курляндской границѣ. Нѣкоторые изъ адъютантовъ Косцюшки потомъ говорили, будто и онъ упоминалъ про Вавржецкаго, на случай своей смерти или плѣна, но это осталось недоказаннымъ. Большинство верховнаго совѣта не любило и боялось Колонтая,—подобія французскихъ террористовъ, а потому Вавржецкій взялъ верхъ. Объявили объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, армія присягнула; почти всѣ корпусные командиры сообщили, что и они, и ихъ подчиненные приняли выборъ совѣта съ удовольствіемъ. За то онъ самъ былъ не согласенъ, поѣхалъ въ Варшаву и заявилъ свой отказъ совѣту лично. Его уговаривали, приводя въ резонъ, что избраніе его привело разномыслящихъ къ единству, что всѣ довольны и что при его отказѣ нельзя отвѣчать за спокойствіе въ городѣ. Вавржецкій возражалъ, говоря, что сознаетъ себя неспособнымъ къ предложенному ему высокому посту, не видитъ впереди ничего хорошаго, не считаетъ возможнымъ исправить надѣланныхъ ошибокъ, ни согласить оборону Варшавы съ продолженіемъ революціи. Колонтай холодно и сухо совѣтовалъ ему не отказываться; прочіе члены говорили, что его опасенія

и предположенія гадательны, а опасность отъ народнаго возстанія близка. И точно, по улицамъ толпился народъ, передъ крыльцомъ совѣта скоплялась чернь, слышались крики, угрозы, застращиваніе возстаніемъ, анархіей. Вавржецкій оставался при своемъ рѣшеніи. Члены совѣта приступили къ нему по одиночкѣ, говоря въ полголоса, что ихъ ненавидитъ Колонтай, что въ случаѣ возстанія черни они будутъ повѣшены, а находящіеся по подозрѣнію подъ арестомъ — замучены, и самъ король подвергнется серьезной опасности. Вавржецкій не устоялъ, согласился,—какъ онъ самъ выражается, «съ отвращеніемъ». Не много могла выиграть революція, поставивъ во главѣ своей человѣка, который съ подобнымъ чувствомъ принималъ высокое назначеніе, будучи искренно убѣжденъ, что дѣло проиграно безвозвратно.

Мацеіовичскій погромъ и назначеніе новаго главнокомандующаго повлекли за собою большія перемѣны въ расположеніи боевыхъ силъ на театрѣ войны. Макрановскій предпринялъ отступленіе изъ Литвы къ Варшавѣ, которое и совершилъ не безъ значительныхъ потерь; Домбровскій и Мадалинскій болѣе счастливо ретировались изъ прусской Польши къ р. Пилицѣ. Домбровскій пріѣхалъ въ Варшаву и занемогъ; Зайончекъ остался командующимъ войсками подъ Варшавой; князь Понятовскій прикрывалъ лѣвый берегъ Вислы со стороны Варшавы. Продолжалось начатое Косцюшкой возведеніе укрѣпленій вокругъ Праги и, для успѣшнѣйшаго ихъ хода, принимались всевозможныя прямыя и косвенныя мѣры. Первое время работы исполнялись съ пыломъ, съ патріотическимъ увлеченіемъ и подвигались быстро; возникавшіе окопы видѣли на себѣ людей всѣхъ сословій и даже дамъ; ихъ присутствіе, горячія патріотическія слова и иногда непосредственное участіе въ работѣ, поддерживали энергію и прилежаніе работавшихъ. Ѣзжалъ сюда и король; онъ также, въ примѣръ другимъ, прикладывалъ свои руки къ дѣлу, но это не прибавило ему недостававшей популярности и даже не спасло отъ оскорбленій. Одна женщина язвительно посовѣтовала ему, для успѣха дѣла, не принимать въ немъ участія, такъ какъ всѣ его начинанія постоянно имѣли дурной конецъ. Потомъ пылъ

уменьшился, энергія ослабѣла и хотя работы продолжались, но къ дню штурма не были окончены. Впрочемъ Косцюшко задумалъ ихъ въ слишкомъ большомъ размѣрѣ: внѣшній ретраншаментъ своимъ протяженіемъ почти равнялся окружности Варшавы за Вислой; вооружить всѣ укрѣпленія какъ слѣдуетъ было нечѣмъ, а собрать надлежащій гарнизонъ и того труднѣе. Вавржецкій считалъ невозможнымъ отстоять Прагу и говорилъ членамъ верховнаго совѣта, что Прага погубитъ Варшаву, но авторитетъ Косцюшки пересилилъ [4]).

Ознакомившись съ общимъ состояніемъ дѣлъ, Вавржецкій больше прежняго убѣдился въ безнадежности дальнѣйшей борьбы. Онъ считалъ самой благоразумной мѣрой—послать кого-нибудь къ Суворову, съ просьбой о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, а въ Петербургъ—съ мирными предложеніями, дабы обратить всѣ силы Польши противъ Пруссіи. Потоцкій былъ не прочь, или по крайней мѣрѣ не спорилъ, но спустя нѣкоторое время сообщилъ Вавржецкому, что обращался къ двумъ изъ русскихъ плѣнныхъ, барону Ашу и Дивову, съ предложеніемъ—съѣздить къ Суворову и узнать, приметъ ли онъ посольство, но оба они отказались. Этимъ попытка и кончилась. А между тѣмъ положеніе ухудшалось: Суворовъ приближался, увеличивая по пути свои силы; инсургенты были разбиты Пруссаками на Наревѣ и при Остроленкѣ; энергія Поляковъ видимо ослабѣвала; многіе генералы дѣйствовали сонливо, какъ бы не хотя, такъ что одному изъ нихъ, Понятовскому, Вавржецкій предложилъ отказаться отъ начальствованія, если онъ не считаетъ возможнымъ исполнять получаемыя приказанія. Конечно, численность польскихъ войскъ далеко не соотвѣтствовала обстоятельствамъ и потребности, но это самое и требовало особенной смѣлости, даже дерзости въ дѣйствіяхъ. Рискуя, Поляки ничего не теряли, а могли только выиграть. Но на войнѣ отразилось общее настроеніе: революція доживала послѣдніе свои дни.

Предстояло теперь сосредоточить въ Варшавѣ всю вооруженную силу, какую только можно притянуть; этого требовало принятое рѣшеніе—отстаивать столицу. Правда, опасности гро-

зили всюду, но изъ нихъ самая большая и близкая олицетворялась въ Суворовѣ. Въ другихъ мѣстахъ можно и по необходимости должно было дѣйствовать на авось, полагаясь на время, на случай и т. под.; здѣсь требовалось нѣчто болѣе солидное. А между тѣмъ Прагу не усиливали, а ослабляли. Ваврженцкій еще раньше выслалъ два отряда на обсервацію Вислы до Пулавы и въ сандомирское и радомское воеводства, благодаря которымъ Варшава получила водою и сухимъ путемъ немного хлѣба и большое количество скота. Эти отряды не были притянуты. Отъ Домбровскаго, Понятовскаго и другихъ не только ничего не взято, но еще отправленъ Гедройцъ съ сильнымъ корпусомъ въ 6—7,000 человѣкъ на соединеніе съ Домбровскимъ, для скорѣйшаго взятія Равы и Ловича. Ваврженцкій все убѣждалъ членовъ верховнаго совѣта оставить Прагу, укрѣплять варшавскій берегъ и не пропускать Суворова за Вислу; или же трактовать съ Русскими о капитуляціи, когда они займутъ Прагу; пользуясь проволочкой вывезти изъ Варшавы все что можно, идти въ Великую Польшу и перемѣстить туда короля и верховный совѣтъ. Ему отвѣчали, что Варшава доставитъ на защиту Праги «20,000 человѣкъ, вооруженныхъ оружіемъ и отчаяніемъ», что безчеловѣчно бросить столицу на мщеніе непріятеля и что этимъ по справедливости можно заслужить общее презрѣніе и вселить во всѣхъ уныніе. Ваврженцкій уступилъ и принялъ мѣру, не отвѣчающую ни тому, ни другому рѣшенію: притянулъ къ Прагѣ войска изъ ближайшихъ мѣстъ около Варшавы.

Узнавъ, что Суворовъ, находившійся въ Кобылкѣ, не соединился еще съ Дерфельденомъ, Ваврженцкій рѣшился его атаковать, но генералы Макрановскій, Зайончекъ и Ясинскій его отговаривали, объясняя, что солдаты обезкуражены и изнурены, лошади обезсилены, мѣстность въ Кобылкѣ неблагопріятная и тому подобное. Ваврженцкій послушался. Онъ хотѣлъ раздѣлить въ Прагѣ начальствованіе между Макрановскимъ и Зайончекомъ, но первый отказался, ибо не имѣлъ никакой надежды на успѣхъ. Готовясь противъ своей воли къ дѣлу, въ которое не вѣрилъ, главнокомандующій велѣлъ президенту города оповѣстить праг-

скихъ жителей, чтобы оставляли дома и выѣзжали изъ Праги. А между тѣмъ варшавская чернь волновалась; въ народѣ говорили съ неудовольствіемъ, что преемникъ Косцюшкинъ—врагъ гласности, что онъ есть «диктатура арбитральная». Вавржецкій потребовалъ, чтобы къ нему былъ приставленъ особый военный совѣтъ, но и это никого не успокоило. Мутилъ Колонтай, недовольный ни Вавржецкимъ, ни верховнымъ совѣтомъ, въ которомъ онъ не имѣлъ уже большого значенія, а игралъ роль всеобщаго пугала. Въ это критическое время, когда требовалось какъ можно больше дѣла и какъ можно меньше словъ, онъ предложилъ проектъ объ усиленіи совѣта новыми членами и основалъ клубъ «для поддержанія революціи и краковскаго акта». Вавржецкій объявилъ ему, что никакой новизны противъ Косцюшкинаго времени не допуститъ. Колонтай не угомонился и сталъ требовать, чтобы Вавржецкій принялъ отъ народа депутацію съ жалобою на верховный совѣтъ и на управленіе вообще; Вавржецкій отвѣчалъ, что съ народомъ не будетъ имѣть никакихъ сношеній помимо установленныхъ властей. Колонтай пустилъ слухъ, что будетъ объявлено равенство, и чернь стала собираться у дворца; Вавржецкій поскакалъ туда и разогналъ сборище въ самомъ началѣ [4]).

Вся эта сумятица происходила наканунѣ кровавой катастрофы, которая назрѣвала безъ шума и надвигалась какъ туча на небосклонѣ. Когда производилась большая русская рекогносцировка подъ Прагой, польскій главнокомандующій потребовалъ изъ Варшавы 10,000 вооруженныхъ, но пришло только 2,000. Не желая ограничиваться канонадой, а разсчитывая дѣйствовать противъ рекогносцировки активно, онъ послалъ двухъ офицеровъ на кобылкскій трактъ для развѣдокъ. Но къ нему приступили нѣкоторые генералы съ совѣтомъ—ничего не предпринимать, ибо въ ближнемъ лѣсу подозрѣвали засаду. Вавржецкій опять согласился. Вообще вслѣдствіе ли излишней его мягкости и недостатка характера, или по особенностямъ польской военной среды революціонной эпохи, когда могли импонировать лишь такіе авторитеты, какъ Косцюшко, но только внутренняя жизнь польской арміи носила на себѣ печать какой-то ненормальности,

чего-то гражданско-республиканскаго. Совсѣмъ не то было въ русской арміи, и контрастъ этотъ сказывался во всемъ; особенно же великъ онъ былъ между главнокомандующими, помимо ихъ военныхъ дарованій.

Всѣ приготовленія къ штурму въ русской арміи были уже окончены; выбраны въ полкахъ стрѣлки, назначены рабочіе, розданъ шанцовый инструментъ, объявленъ по войскамъ приказъ. Приказъ этотъ прочитанъ въ полкахъ вечеромъ 23 числа, до трехъ разъ, чтобы каждый солдатъ потверже его запомнилъ. Въ приказѣ сказано, чтобы полки строились въ колонны по ротно, стрѣлки впереди, съ ними рабочіе; людямъ съ шанцовымъ инструментомъ, подъ начальствомъ особаго офицера, быть на правомъ флангѣ колоннъ. У рабочихъ ружья черезъ плечо на погонномъ ремнѣ. Идти въ тишинѣ, ни слова не говорить; подойдя же къ укрѣпленію, быстро кидаться впередъ, бросать въ ровъ фашинникъ, спускаться, приставлять къ валу лѣстницы, а стрѣлкамъ бить непріятеля по головамъ. Лѣзть шибко, пара за парой, товарищу оборонять товарища; коли коротка лѣстница,—штыкъ въ валъ, и лѣзь по немъ другой, третій. Безъ нужды не стрѣлять, а бить и гнать штыкомъ; работать быстро, храбро, по-русски. Держаться своихъ въ середину, отъ начальниковъ не отставать, фронтъ вездѣ. Въ дома не забѣгать, просящихъ пощады—щадить, безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать, малолѣтковъ не трогать. Кого убьютъ—царство небесное; живымъ—слава, слава, слава [5]).

Кромѣ этого приказа, общаго для всѣхъ, Суворовъ дачъ дополнительную инструкцію Ферзену, передъ самымъ штурмомъ. Въ этой короткой запискѣ указывается: при малѣйшемъ сопротивленіи, атаковать и дѣйствовать наступательно, не давая опомниться, а если непріятель стоитъ спокойно на мѣстѣ, то прежде всего окружить его конницей. Кричать ему: *згода*, *пардонъ*, *отруцъ бронь* (бросай оружіе); кто послушается, такъ отдѣлять, давать имъ свободу и снабжать паспортами; кто вздумаетъ обороняться, тѣхъ бить какъ сказано. Операцію вести быстро, дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, принуждать къ сдачѣ и не отдыхать до тѣхъ поръ, пока всѣ не будутъ

забраны; о ходѣ дѣла доносить записками чрезъ каждые 3 часа [4]).

Прага, обширное предмѣстіе Варшавы, расположена на правомъ берегу Вислы, имѣющей тутъ значительную ширину; соединялась Прага съ Варшавой длиннымъ мостомъ (другой находился ниже города) и была населена почти исключительно евреями. Мостъ прикрывался небольшимъ укрѣпленіемъ; сама Прага была обнесена земляным валомъ, а въ верстѣ отъ него тянулся длинный ретраншаментъ, надъ возведеніемъ и вооруженіемъ котораго и работали варшавскіе жители цѣлое лѣто. Между ретраншаментомъ и валомъ, окружавшимъ Прагу, стояли лагеремъ польскія войска. Внѣшняя укрѣпленная линія имѣла видъ почти прямого угла; она начиналась отъ берега Вислы, противъ небольшого острова ниже города, и направлялась къ востоку почти на двѣ версты съ половиной, до песчаныхъ холмовъ, гдѣ поворачивала къ югу и тянулась безъ малаго на четыре версты до болотъ Саской Кемпы; остальная узкая полоса до Вислы защищена была тремя батареями. Ретраншаментъ этотъ, проектированный и возведенный искусными инженерами, прикрывался мѣстами передовыми отдѣльными укрѣпленіями и былъ усиленъ разными искуственными преградами, въ томъ числѣ нѣсколькими рядами волчьихъ ямъ. Особенно сильно былъ укрѣпленъ исходящій уголъ, гдѣ сходились оба фронта; онъ имѣлъ два крѣпкіе кавальера, одинъ изъ нихъ кирпичный. На всѣхъ этихъ укрѣпленіяхъ находилось свыше 100 орудій, большею частью крупнаго калибра; кромѣ того оборона усиливалась батареями той стороны Вислы, а лѣвый флангъ прагскаго ретраншамента обстрѣливался еще и съ острова, противу котораго примыкалъ къ берегу рѣки.

Такую позицію можно бы назвать недоступной для открытой атаки корпусомъ, едва имѣвшимъ 25,000 человѣкъ, въ томъ числѣ больше трети кавалеріи, и снабженнымъ артиллеріей, которая и числомъ орудій, и калибромъ ихъ уступала непріятельской. Но на сторонѣ Русскихъ былъ прежде всего рѣзкій перевѣсъ въ главномъ элементѣ побѣды, въ высшемъ предводителѣ, а затѣмъ и въ войскахъ. Закаленные не только въ бояхъ, но и

въ побѣдахъ русскіе полки, увѣренные въ себѣ и въ своемъ начальникѣ, представляли собою силу, далеко превышавшую число рядовъ. Нельзя сказать того же про Поляковъ. Безспорно храбрые, одушевленные любовью къ родинѣ, они однако вынесли уже много ударовъ; нравственная сила ихъ надломилась, между ними прокралось уныніе, и съ каждымъ днемъ усиливалось желаніе — окончить эту тяжелую, неравную борьбу. Первоначальный составъ польской арміи измѣнился; число дисциплинированныхъ, обученныхъ и хорошо вооруженныхъ заправскихъ солдатъ значительно убыло. Стали легче сдаваться въ плѣнъ, стали больше дезертировать. Все это видно изъ донесеній Суворова. Онъ принялъ правиломъ — отпускать по домамъ, снабдивши паспортами, тѣхъ изъ плѣнныхъ, которые сдались добровольно. Подъ Кобылкой такихъ оказалось половина. Онъ доносилъ оттуда же Румянцову, что по полученнымъ свѣдѣніямъ косиньеры бѣгутъ, кто только можетъ; отъ одного Макрановскаго ушло за Бугъ свыше 1,500. Въ день, предшествовавшій прагскому штурму, т.-е. 23 октября, перебѣжало въ русскій лагерь больше ста человѣкъ. Въ Варшавѣ, по словамъ самого Вавржецкаго, находилось большое число генераловъ и огромное число офицеровъ безъ войскъ, т.-е. безъ солдатъ, — тоже обыкновенный признакъ дезорганизаціи арміи [7]).

При такихъ условіяхъ, численный перевѣсъ надъ атакующимъ противникомъ значитъ не много, но и его не было. По донесеніямъ Суворова и печатнымъ источникамъ, Прагу обороняло до 30,000 человѣкъ, даже больше. Цифра эта преувеличена; она основана на данныхъ гадательныхъ, въ родѣ слуховъ, показаній плѣнныхъ и проч., и опровергается соображеніями и сопостановленіями, которыя однако же не даютъ точнаго вывода. Съ другой стороны не заслуживаетъ вѣры и показаніе Вавржецкаго, будто въ Прагѣ, въ ночь штурма, имѣлось не больше 10,000 войска, изъ коихъ до 6,000 рекрутъ и косіонеровъ. Тенденціозность цифръ Вавржецкаго очень естественна и слишкомъ очевидна. Онъ напримѣръ говоритъ, что не могъ собрать въ Прагу, въ ночь съ 23 на 24 октября, больше нѣсколькихъ сотъ вооруженныхъ варшавскихъ жителей (народной

гвардіи или стражи), вмѣсто 8,000, имъ потребованныхъ, а между тѣмъ ихъ полегло во время штурма гораздо больше. Да и общая потеря Поляковъ, какъ увидимъ ниже, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ цифрамъ Ваврженцкаго. Принимая въ разсчетъ, что вооруженная сила Варшавы не могла быть изъ нея выведена вся безъ остатка для обороны предмѣстья, такъ какъ въ столицѣ происходило анархическое броженіе, не будемъ далеки отъ истины, опредѣливъ цифру защитниковъ Праги тысячъ въ двадцать или немногимъ выше. У Суворова, какъ мы видѣли, было 24—25,000 [8]).

Диспозиція Суворова, основанная на одной рекогносцировкѣ и провѣренная другою, даже третьею, заключалась главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Армія раздѣлена на семь колоннъ, по двѣ Дерфельдена и Потемкина, три Ферзена. Первыя четыре назначались для атаки сѣверной, короткой стороны, остальныя— для восточной, болѣе длинной. При каждой колоннѣ по 128 стрѣлковъ, 472 работниковъ и 30 человѣкъ съ шанцовымъ инструментомъ; вторые и третьи несутъ штурмовыя принадлежности и очищаютъ путь, первые ихъ защищаютъ и содѣйствуютъ огнемъ штурмующимъ. За каждой колонной свой резервъ изъ пѣхоты и кавалеріи, отчасти спѣшенной. Назначены колоннамъ сборные пункты и часъ выступленія изъ лагеря, самая же атака производится по ракетѣ. По ней первыя четыре колонны срываютъ находящіяся передъ ними передовыя укрѣпленія, на плечахъ непріятеля врываются на валъ главнаго ретраншамента, овладѣваютъ имъ и затѣмъ—три атакуютъ укрѣпленную ограду Праги, а первая направляется вдоль по берегу и отрѣзываетъ непріятеля отъ моста. Колонны 5-я и 6-я начинаютъ атаку, когда первыя четыре сорвутъ передовыя укрѣпленія (дабы часть непріятельскихъ силъ была отъ нихъ оттянута), а 7-я выступаетъ двумя часами раньше другихъ, чтобы успѣть сдѣлать дальній обходъ, овладѣваетъ батареями праваго непріятельскаго фланга, по берегу Вислы врывается въ Прагу и содѣйствуетъ первой колоннѣ въ отрѣзаніи непріятеля отъ моста. Атака производится холоднымъ оружіемъ. Резервы выстраиваются, по взятіи перваго ретраншамента, на его парапетѣ и разработываютъ

проходы кавалеріи, а потомъ, по взятіи колоннами прагской ограды, занимаютъ ее. Вся полевая артиллерія, подъ прикрытіемъ трети кавалеріи, располагается на валахъ внѣшняго ретраншамента, а потомъ, когда Прага будетъ взята, ставится батарея на берегу, для обстрѣливанія Варшавы. Остальная кавалерія, подъ начальствомъ Шевича, подраздѣлена на четыре части: на правомъ флангѣ, въ большомъ промежуткѣ между 4 и 5 колоннами, правѣе 5 колонны и между 6 и 7. Казаки размѣщены въ разныхъ мѣстахъ, наибольшая часть въ промежуткѣ между 4 и 5 колоннами, остальные по флангамъ и при 6 колоннѣ. Войска очищаютъ отъ непріятеля Прагу, не отвлекаясь мелочами и не заходя въ дома; они дѣйствуютъ съ крайнею энергіей противу вооруженныхъ, но щадятъ безоружныхъ и сдающихся. Казаки между прочимъ развлекаютъ вниманіе обороняющихся при началѣ штурма, подъѣзжая къ валу съ криками *ура*.

Ночь спустилась тихая, но темная и мглистая; было холодно и сыро. Въ ротахъ запылали костры; солдаты надѣвали чистое бѣлье, осматривали оружіе, молились передъ ротными и полковыми образами, поставленными у огней. Во второмъ часу ночи пошла на назначенное мѣсто 7 колонна; въ 3 часа двинулись остальныя. Шли въ гробовой тишинѣ, которая не прерывалась и по прибытіи колоннъ на мѣста. Тутъ стали слышны оклики непріятельскихъ часовыхъ, да доносился неопредѣленный гулъ изъ польскаго лагеря. Колонны стояли и ждали ракеты. Она взвилась до разсвѣта, въ 5 часовъ. Четыре первыя колонны двинулись на приступъ, соблюдая по возможности тишину, но ускоряя шагъ.

Появленіе ихъ было для Поляковъ неожиданностью, хотя постройка Русскими батарей и не ввела ихъ въ полное заблужденіе. Открытой атаки они ждали, по крайней мѣрѣ такъ показываетъ Вавржецкій, но только по какому-то ложному извѣщенію не теперь, а нѣсколькими днями позже. Преслѣдуемый одною и тою же мыслью, онъ подъ конецъ рѣшился поступить по своему, т.-е. вывести изъ Праги войска и перевезти артиллерію, а затѣмъ разломать мосты. Написавъ объ этомъ въ верховный

совѣтъ съ объясненіемъ причинъ, Вавржецкій просилъ совѣтъ поручить варшавскому магистрату трактовать о капитуляціи города, убѣдить короля къ выѣзду въ Пруссію и туда же выѣхать самому совѣту. Дѣлая соотвѣтственныя распоряженія, особенно о сборѣ лошадей для вывоза изъ Праги артиллеріи, онъ отправился туда въ 4 часу ночи, волнуемый опасеніями или предчувствіемъ. Освѣдомившись прежде всего относительно отправленія сторожевой службы, онъ узналъ отъ адъютанта генерала Зайончека, только-что возвратившагося съ объѣзда, что все въ полной исправности, пикеты и часовые на мѣстахъ, рунды ходятъ, и другія мѣры усиленной осторожности соблюдаются. Успокоенный въ этомъ отношеніи, Вавржецкій сталъ убѣждать Зайончека въ опасности дальнѣйшаго удерживанія Праги, но Зайончекъ не соглашался и въ видѣ утѣшенія говорилъ, что Богъ дастъ, Русскіе найдутъ здѣсь себѣ могилу. Вавржецкій однако остался при своемъ рѣшеніи и принялся отдавать кому слѣдуетъ приказанія, какъ вдругъ раздались съ внѣшняго ретраншамента выстрѣлы. Зайончекъ поскакалъ къ правому флангу, Вавржецкій къ лѣвому.

Двѣ первыя русскія колонны (генералъ-маіора Ласси и полковника князя Лобанова-Ростовскаго, участниковъ измаильскаго штурма), атаковали подъ ружейнымъ и перекрестнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ ретраншамента и съ острова, но выдержали его не замявшись, накрыли волчьи ямы плетнями, закидали ровъ фашинами и взобрались на валъ. Тутъ стало имъ еще труднѣе; начальствовалъ генералъ Ясинскій, горячій патріотъ, храбрецъ и энтузіастъ, не задолго передъ тѣмъ говорившій, что или вернется въ Варшаву побѣдителемъ, или не вернется вовсе. Онъ сдержалъ свое слово, былъ убитъ съ саблею въ рукѣ; Поляки подались назадъ. Третьей и четвертой колоннамъ приходилось идти по глубокому сыпучему песку, что очень утомило людей; многіе изъ рабочихъ побросали плетни, и штурмующимъ пришлось перебираться чрезъ 6 рядовъ волчьихъ ямъ по наложеннымъ на нихъ лѣстницамъ. Но это только задержало, а не остановило Русскихъ. Третья колонна (генералъ-маіора Исленьева) перешла волчьи ямы и рвы двухъ передовыхъ шан-

цевъ, взобралась на парапетъ, выгнала непріятеля и бросилась къ главному ретраншаменту. Въ это время показалась невдалекѣ польская конница и готовилась ударить атакующимъ во флангъ. По приказу Исленьева, два батальона мгновенно развернулись фронтомъ къ сторонѣ непріятеля и съ крикомъ *ура* бросились на него въ штыки. Конница ретировалась, а другіе два батальона тѣмъ временемъ атаковали и взяли главный валъ. Четвертой колоннѣ (генералъ-маіора Буксгевдена) предстояла самая трудная задача — штурмовать наиболѣе укрѣпленный пунктъ линіи, т.-е. исходящій ея уголъ; тутъ находился каменный кавальеръ, главный валъ былъ усиленъ рядомъ палисадовъ, и еще далѣе впереди возвышалось передовое укрѣпленіе. Но порывъ войскъ былъ такъ стремителенъ, что всѣ преграды переходили въ ихъ руки одна за другою послѣдовательно, и кавальеръ былъ быстро занятъ. Чуть-ли еще не большей стремительностью отличались дѣйствія двухъ слѣдующихъ колоннъ, пятой (г.-м. Тормасова) и шестой (г.-м. Рахманова), принадлежавшихъ къ корпусу барона Ферзена, которыя завладѣли главнымъ валомъ и батареями чуть не въ одинъ мигъ. Седьмая колонна (г.-м. Денисова), сдѣлавшая обходный путь въ 8 верстъ, тоже съ полнымъ успѣхомъ выполнила свою часть диспозиціи: достигла гати, тянувшейся по топкому берегу Вислы, прорвалась чрезъ нее, завладѣла батареями и отбросила къ рѣкѣ непріятельскую конницу, нанеся ей огромную потерю.

Все это совершилось такъ скоро, что главнымъ польскимъ начальникамъ трудно было исправить дѣло; къ тому же Зайончекъ, въ самомъ началѣ раненый пулею въ животъ, уѣхалъ въ Варшаву. Ваврженцкій, поскакавшій отъ лѣваго къ правому флангу внѣшняго ретраншамента, встрѣтилъ солдатъ въ безпорядочныхъ кучахъ и 7-й литовскій полкъ въ полномъ бѣгствѣ. Онъ остановилъ ихъ, сдѣлалъ выговоръ начальствовавшему маіору и велѣлъ идти на помощь 5-му полку, который упорно держался на ввѣренномъ ему пунктѣ. Продолжая затѣмъ путь, польскій главнокомандующій наткнулся на 4-й полкъ тоже въ безпорядочномъ отступленіи, велѣлъ генералу Майену привести его въ порядокъ и атаковать, а самъ поскакалъ къ мѣсту, гдѣ по

его приказаніе. Отнимаю тотчасъ по тревогѣ, должны были собраться нѣкоторыя части конницы. Тамъ никого не было, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, одинъ изъ которыхъ сообщилъ ему что правый флангъ укрѣпленной позиціи, послѣ слабой обороны занятъ Русскими и Заньчекъ раненъ и давно уѣхалъ въ Варшаву. Возвращаясь назадъ къ Майеру, Вавржецкій встрѣтилъ еще полкъ ретировавшійся въ разбродъ. Паника вступила въ свои права, разстройство сдѣлалось общимъ.

Главная тому причина находилась конечно въ самихъ войскахъ, но способствовало этому хаосу и увеличивало его—энергическое наступленіе Русскихъ, не дававшее непріятелю опомниться и прийти въ себя. Завладѣвъ внѣшнею линіею укрѣпленій, русскія войска двинулись далѣе безъ малѣйшей потери времени. По открытому мѣсту между переднимъ ретраншаментомъ и валомъ, окружавшимъ непосредственно Прагу, происходило безпорядочное отступленіе польскихъ войскъ и преслѣдованіе ихъ русскими. Первыя двѣ русскія колонны были атакованы тотчасъ за ретраншаментомъ отрядомъ кавалеріи и частью выбитой пѣхоты, но приняли ихъ въ штыки, сбили и горячо преслѣдовали въ самую Прагу, причемъ генералъ Ласси былъ раненъ и сдалъ команду, но колонна продолжала преслѣдованіе, добралась до моста и отрѣзала бѣгущимъ путь отступленія за Вислу. Третья колонна дальнѣйшаго сопротивленія почти не встрѣтила, но четвертой пришлось имѣть упорное дѣло съ отступавшими. На ея пути, за валомъ, тянулся звѣринецъ съ засѣками и частоколомъ; этою мѣстностью и старались воспользоваться Поляки. Попытка не удалась: колонна раздѣлилась на двѣ части и повела атаку по двумъ направленіямъ. Поляки, обойденные и съ двухъ сторонъ атакованные, полегли во множествѣ, въ томъ числѣ чуть не поголовно 500-ный полкъ евреевъ, сражавшійся съ замѣчательной храбростью; но полковникъ ихъ избѣгъ общей участи, оставшись на это время въ Варшавѣ. По очищеніи и занятіи звѣринца, колонны продолжали наступленіе; въ этотъ моментъ взорвало непріятельскій погребъ съ артиллерійскими снарядами, что атакующихъ впрочемъ не остановило, и они стремительно ворвались въ Прагу.

Пятая колонна, прежде всѣхъ другихъ исполнивъ первую часть своей задачи, быстро дошла до Праги и добралась до моста вслѣдъ за первой колонной; шестая появилась во внутреннемъ ретраншаментѣ почти одновременно съ нею. Обѣ онѣ на своемъ пути почти не встрѣтили сопротивленія, также какъ и седьмая, послѣ взятія батарей и пораженія непріятельской конницы.

Резервы колоннъ исполняли свое дѣло безукоризненно, разработывали черезъ валъ проходы для конницы, перехватывали бѣгущаго непріятеля, поддерживали атакующихъ въ трудныхъ случаяхъ. Общій кавалерійскій резервъ, раздѣленный по частямъ, тоже способствовалъ одержанію побѣды въ той мѣрѣ, какъ ему было указано: производилъ ложныя атаки, зорко слѣдилъ за появленіемъ непріятельскихъ конныхъ частей изъ-за укрѣпленій и рубилъ ихъ; по занятіи внѣшняго ретраншамента, перебрался внутрь, помогалъ пѣхотѣ, преслѣдовалъ и захватывалъ въ плѣнъ бѣгущихъ. Артиллерія подъ прикрытіемъ и при пособіи части общаго резерва, къ ней приставленнаго, по взятіи ретраншамента, расположилась на немъ частями и выставила батарею на берегу Вислы.

Такимъ образомъ русскія войска, пройдя быстро пространство между первымъ и вторымъ ретраншаментами, ворвались съ разныхъ сторонъ въ Прагу, почти безотпорно захвативъ окружающій ее валъ. Едва ли много Поляковъ успѣло перебраться въ Варшаву до появленія Русскихъ у моста, а послѣ того никто. Вавржецкій успѣлъ спастись, сопровождаемый однимъ офицеромъ и двумя прагскими жителями; успѣлъ бы и Майенъ со значительною частью своихъ войскъ, если бы второпяхъ не ошибся улицей. Прискакавъ подъ выстрѣлами къ мосту, Вавржецкій не только не нашелъ тутъ караула, но даже ни одного человѣка для обороны, да и на варшавскомъ концѣ не видать было ни души. Русскіе егеря приближались, взошли на мостъ и стали въ Вавржецкаго стрѣлять; польскій главнокомандующій ужаснулся: такая страшная и близкая опасность грозила Варшавѣ. Но онъ напрасно тревожился: Суворовымъ было отдано приказаніе, чтобы русскія войска отнюдь не были на мостъ пускаемы. Черейдя черезъ мостъ пѣшкомъ, такъ какъ сопутники

ссадили его для большей безопасности съ коня, Ваврженцкій увидѣлъ на варшавскомъ концѣ пушку, пѣхотный же караулъ укрывался въ ближайшихъ домахъ. Главнокомандующій вызвалъ его оттуда, отъискалъ канонира, велѣлъ стрѣлять и послалъ за другими орудіями; двѣ пушки скоро прибыли, но гранаты не имѣли трубокъ. Ваврженцкаго больше всего озабочивала необходимость испортить мостъ (другой, ниже города, былъ уже испорченъ), а потому во ожиданіи снарядовъ, онъ послалъ для этого солдатъ на мостъ, но они были прогнаны русскими ядрами, такъ какъ нѣсколько русскихъ пушекъ уже прибыло къ Вислѣ. Ваврженцкій повелъ солдатъ самъ, съ топоромъ въ рукахъ, но былъ русскимъ огнемъ отбитъ. Въ это время прибыли артиллеристы, доставлены исправные снаряды, и польскія орудія у моста открыли огонь. Ваврженцкій поѣхалъ въ городъ, сзывать вооруженныхъ жителей на берегъ.

Суворовъ съ самаго начала штурма находился на холмѣ, въ верстѣ отъ передней линіи польскихъ укрѣпленій, и слѣдилъ оттуда за ходомъ боя. По скорости, съ которою Русскіе появились на укрѣпленіяхъ и двигались впередъ, и по донесеніямъ ординарцевъ и начальниковъ, онъ видѣлъ, что войска сражались не только съ особенной энергіей, но и съ крайнимъ ожесточеніемъ. Ожесточеніе это еще возрасло, когда они съ разныхъ сторонъ ворвались въ Прагу. Кровь полилась рѣкою; стоны, вопли, мольбы, проклятія и боевые крики стояли гуломъ, сопровождаемые барабаннымъ боемъ, ружейной трескотней и пушечными выстрѣлами. «Страшное было кровопролитіе», доносилъ Суворовъ: «каждый шагъ на улицахъ покрытъ былъ побитыми; всѣ площади были устланы тѣлами, а послѣднее и самое страшное истребленіе было на берегу Вислы, въ виду варшавскаго народа». На общую бѣду своихъ, многіе спрятавшіеся въ домахъ, не исключая и женщинъ, стали оттуда стрѣлять, бросать каменьями и всѣмъ тяжелымъ, что попадалось подъ руку. Это еще усилило ярость солдатъ; бойня дошла до апогея; врывались въ дома, били всѣхъ кого попало, и вооруженныхъ и безоружныхъ, и оборонявшихся и прятавшихся; старики, женщины, дѣти—всякій, кто подвертывался, погибалъ

подъ ударами. Въ ужасѣ и отчаяніи многіе бѣжали къ Вислѣ, надѣясь на мостъ, но и эта послѣдняя надежда ихъ обманула; бросались въ лодки, но ихъ было немного, и онѣ тонули отъ непомѣрнаго груза; кидались вплавь, но до другого берега было слишкомъ далеко, и вслѣдъ за пловцами летѣли пули [9]).

Суворовъ, самъ не ожидавшій такого ожесточенія, содрогнулся подобно Вавржецкому за участь Варшавы. Мостъ оберегали, но при томъ градусѣ возбужденія, до котораго дошли войска, гарантія становилась недостаточной. Военный разгромъ польской столицы не входилъ въ цѣли прагскаго штурма. Суворовъ отдалъ приказаніе—немедленно разрушить мостъ съ нашей стороны, т.-е. сдѣлать то, чего только что добивался польскій главнокомандующій. Мостъ запылалъ, путь въ Варшаву былъ закрытъ. Спустя нѣкоторое время загорѣлся мостъ и съ варшавской стороны, такъ какъ этому Русскіе уже не препятствовали [10]).

Между Прагой и Варшавой грохотала канонада. Отъ варшавскихъ батарей много потерпѣли русскія войска, сбившіяся въ Прагѣ; меньшій матеріальный вредъ, но болѣе сильный нравственный, несла Варшава отъ русской прибрежной батареи. Свистъ ядеръ и трескъ разрывавшихся гранатъ наводилъ ужасъ на жителей; унылый набатный звонъ, раздававшійся повсемѣстно, усиливалъ тяжелое впечатлѣніе. Варшавяне запирались въ домахъ, прятались въ погреба, бѣжали подъ защиту святыни церквей, искали спасенія у иностранныхъ посланниковъ. Верховный совѣтъ находился въ сборѣ, шло засѣданіе; влетѣла русская граната и убила секретаря. Совѣтъ вотировалъ полномочіе Вавржецкому и отправился съ письменнымъ постановленіемъ въ его домъ. Колонтая въ совѣтѣ не было, онъ бѣжалъ [11]).

Канонада замолкла въ 11 часу утра, послѣ полудня возобновилась и продолжалась до ночи. Цѣль ея съ русской стороны состояла не въ нанесеніи матеріальнаго вреда, который и былъ ничтоженъ, а въ нравственномъ дѣйствіи. Такимъ образомъ Варшава была пощажена, но несчастная Прага испила чашу бѣдствій до дна. Съ моста пламя перекинулось на ближайшія по-

с-ройки и пошло гулять дальше; въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ тоже вспыхнули пожары отъ бомбъ варшавскихъ батарей. Прага обратилась въ огненное море, видъ котораго усугублялъ ужасъ варшавскихъ жителей.

Въ 9 часовъ утра 24 числа все было кончено; продолжался лишь пожаръ, да шелъ грабежъ. Хотя ни въ диспозиціи, ни въ приказѣ не упоминалось о добычѣ, но таковъ уже былъ обычай времени, и въ Суворовскомъ военномъ катехизисѣ очень ясно говорилось: «возьмешь лагерь — все твое, возьмешь крѣпость — все твое». Грабежъ продолжался весь день и ночь, но разжились на немъ солдаты не много, потому что грабить было нечего. Еврейское населеніе Праги отличалось бѣдностью, а если кто и имѣлъ что нибудь получше и подороже, то конечно заблаговременно вывезъ вонъ, особенно изъ имущества не громоздкаго, которое только и могло пригодиться солдатамъ. Довольно много досталось лошадей, но онѣ были очень изнурены, ходить за ними было некогда и содержать рѣшительно нечѣмъ, такъ что казаки одного полка принуждены были продать добычныхъ коней евреямъ, по 2 рубля за голову. Вѣроятно тоже самое было и у другихъ [12]).

Тотчасъ послѣ боя, Суворову разбили простую солдатскую палатку; сюда собрались главныя начальствующія лица и знатные волонтеры, которыхъ при штурмѣ было не мало. Пошли взаимныя поздравленія, поцѣлуи, объятія. Какъ-то не вѣрилось, что уже все кончено въ такое короткое время. Суворовъ потребовалъ къ себѣ плѣнныхъ польскихъ генераловъ, пожалъ имъ руки и обошелся съ ними вообще очень привѣтливо. Стали тутъ же, вблизи кавальера, на оконечности звѣринца, собирать все что было подъ рукой, для подкрѣпленія силъ, и къ столу приглашены были плѣнные польскіе штабъ-офицеры, принятые также любезно. Послѣ импровизованнаго обѣда всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ; требовался отдыхъ послѣ крайняго нервнаго напряженія, ибо благодаря только усиліямъ воли, многіе могли быть дѣйствующими лицами въ минувшей кровавой драмѣ. Самъ Суворовъ былъ совсѣмъ боленъ и писалъ въ этотъ день одному изъ своихъ пріятелей, что «едва таскаетъ ноги». Ше-

вичъ страдалъ лихорадкой съ ежедневными пароксизмами; бригадиръ Поливановъ съ самого выступленія изъ Бреста едва говорилъ, что не помѣшало ему врубиться первымъ въ непріятельскіе ряды; Исаевъ оставался на ногахъ съ пулей въ рукѣ, пронизавшей ему предварительно грудь; Ферзенъ перемогался нѣсколько дней черезъ силу. Имѣя въ самомъ себѣ неизчерпаемый запасъ энергіи, Суворовъ умѣлъ вливать ее и въ подчиненныхъ. Теперь онъ легъ на солому отдохнуть. При палаткѣ находился караулъ по уставу, вблизи расположились разныя части войскъ, но не было ни движенія, ни шума. Солдаты соблюдали полную тишину и даже говорили вполголоса, чтобы не потревожить сна своего любимаго начальника. «Онъ не спитъ, когда мы спимъ», поясняли они: «и въ жизнь свою еще не проспалъ ни одного дѣла». Къ ночи разбили ему калмыцкую кибитку, такъ какъ погода стояла свѣжая. Въ тотъ же день онъ отправилъ къ Румянцову короткое донесеніе: «сіятельнѣйшій графъ, ура, Прага наша» [13]).

У нѣкоторыхъ исторіографовъ Суворова читаемъ, будто передъ штурмомъ, пріѣхалъ къ нему курьеръ отъ прусскаго генерала графа Шверина съ извѣщеніемъ, что онъ, Шверинъ, не въ состояніи оказать Русскимъ содѣйствія, будучи занятъ другими операціями противъ Поляковъ. Суворовъ отпустилъ будто бы курьера по окончаніи штурма, велѣвъ передать то, что видѣлъ, Шверину. Едва ли это было на самомъ дѣлѣ. Мы не находимъ ничего подобнаго ни въ офиціальныхъ документахъ, ни въ Суворовской перепискѣ, а сходство приводимаго эпизода съ такимъ же, бывшимъ будто бы подъ Измаиломъ, наводитъ еще больше сомнѣнія [14]).

Потери обѣихъ сторонъ можно опредѣлить только приблизительно. Въ реляціи Суворова отъ 7 ноября говорится, что сочтено убитыхъ Поляковъ 13,340, плѣнныхъ 12,860, потонуло больше 3000; въ числѣ плѣнныхъ 3 генерала и 442 офицера; въ числѣ убитыхъ 4 генерала; артиллеріи досталось побѣдителямъ 104 орудія. Свою потерю убитыми и ранеными онъ опредѣляетъ въ 1500 слишкомъ. Исчисленія нѣсколькихъ историковъ приблизительно таковы же, съ варьированіемъ частныхъ

цифръ. Все это весьма гадательно и отчасти произвольно, ибо какія напримѣръ данныя были для опредѣленія числа утонувшихъ? Существуютъ однако нѣкоторыя указанія, по которымъ можно добраться до истины, не задаваясь требованіями точности. Одинъ французскій эмигрантъ, поступившій къ Суворову на службу тотчасъ по окончаніи войны, говоритъ, что онъ слышалъ на мѣстѣ, будто потеря Русскихъ одними убитыми простиралась до 1100 человѣкъ, а общая потеря Поляковъ доходила до 21,000. Другое показаніе участника штурма, отличающагося впрочемъ невѣрностью своихъ цифръ, опредѣляетъ число убитыхъ и раненыхъ Поляковъ въ 14,000, причемъ говорится далѣе, что жители, собранные съ окрестныхъ селеній похоронили до 7000 польскихъ тѣлъ. Одинъ изъ польскихъ источниковъ утверждаетъ, что Поляковъ погибло съ оружіемъ въ рукахъ до 8000 и прагскихъ жителей 12,000. Принявъ въ соображеніе какъ эти, такъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія, можно придти къ слѣдующему приблизительному выводу. Убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и утонувшихъ непріятелей было 9—10,000; плѣнныхъ, т.-е. взятыхъ съ оружіемъ, безоружныхъ и раненыхъ 11—13,000, въ томъ числѣ около 450 офицеровъ; пушекъ осталось въ рукахъ побѣдителей 101 — 104. Потеря съ русской стороны заключалась не менѣе, какъ въ 2000 убитыхъ и раненыхъ, или нѣсколько выше. Изъ числа взятыхъ живьемъ и раненыхъ, роспущено по домамъ больше 6000; отправлено въ Кіевъ до 4000, изъ регулярнаго войска, безъ косиньеровъ, которые отпущены на свободу вмѣстѣ съ другими не военными [15]).

Многіе иностранные писатели называютъ штурмъ Праги простой бойней, гдѣ не видать никакого военнаго таланта, а дѣйствовала одна грубая сила, въ родѣ стихійной, и гдѣ успѣхъ былъ завершенъ невообразимымъ звѣрствомъ и кровожадностью войскъ и ихъ предводителя. Изъ приведенныхъ выше распоряженій Суворова передъ штурмомъ и изъ самаго хода дѣла видно, на сколько подобный приговоръ далекъ отъ истины. Суворову дали даже насмѣшливое названіе: «генералъ безъ диспозиціи». А между тѣмъ диспозиціи его, не будучи никогда педантскими,

отличались замѣчательною обстоятельностью; такова и прагская. Она въ основаніи совершенно однородна съ измаильскою и тождественна съ нею по многимъ крупнымъ частностямъ. Обѣ обнаруживаютъ замѣчательный военный разсчетъ, куда входятъ не однѣ цифры, а знаніе характера, свойствъ и вообще силы противника, вѣрная оцѣнка своихъ собственныхъ ресурсовъ, моральныхъ и матеріальныхъ, и основанный на этихъ данныхъ выборъ средствъ. Но еще болѣе плана, программы штурма, замѣчательно исполненіе, въ которомъ нѣкоторыя частности плана оказались даже лишними ступенями къ побѣдѣ. Такъ могутъ дѣйствовать только войска, отлично выученныя, и между которыми и ихъ предводителемъ существуетъ полная гармонія. Числомъ, массой—Русскіе взять не могли, потому что ихъ численный перевѣсъ надъ Поляками не превышалъ 4000 человѣкъ. Перевѣсъ былъ качественный, какъ въ Измаилѣ, особенно въ предводительствѣ, и если палъ Измаилъ, то тѣмъ болѣе не могла избѣжать этой участи и Прага.

Суворовъ въ реляціи своей говоритъ: «рѣдко видѣлъ я столь блистательную побѣду; дѣло сіе подобно измаильскому». Подобно, но не равно. Тамъ, при значительномъ численномъ перевѣсѣ обороняющагося, атакующій имѣлъ двѣ цѣлыя штурмовыя колонны изъ спѣшенныхъ казаковъ, да и едва не половина штурмующаго корпуса состояла изъ казачьихъ полковъ. Правда и подъ Прагой казаковъ было много, но на коняхъ; изъ нихъ штурмовыхъ колоннъ не формировали и хотя въ штурмѣ участвовала спѣшенная кавалерія, но не казаки, а драгуны (въ резервахъ 2, 3 и 4 колоннъ), и ихъ было сравнительно не много. Съ другой стороны, въ Измаилѣ была одна крѣпостная ограда, хоть и очень сильная, а тутъ двойная линія ретраншаментовъ, съ передовыми укрѣпленіями и тетъ-де-пономъ. Но укрѣпленія эти были заняты слабо, и оборонялась съ упорствомъ только первая линія, да и то не вездѣ, тогда какъ въ Измаилѣ Русскіе встрѣчали отпоръ что дальше, то сильнѣе. Обстоятельство это имѣетъ существенное значеніе; имъ объясняется и небольшая продолжительность всего дѣла подъ Прагой, и несоразмѣрно малый уронъ Русскихъ. По завладѣніи переднимъ ретраншамен-

томъ, Русскимъ лишь мѣстами и частями приходилось драться, а больше только гнать и бить. Вообще сравненіемъ Праги съ Измаиломъ подтверждается репутація чрезвычайнаго упорства Турокъ при защитѣ укрѣпленныхъ мѣстъ, и обнаруживается недостатокъ энергіи у Поляковъ при оборонѣ Праги, которая однако же была для нихъ гораздо важнѣе, чѣмъ Измаилъ для Турокъ.

Можетъ быть причина тому заключается въ необыкновенной энергіи русской атаки, энергіи, едва ли доходившей до такой степени развитія подъ Измаиломъ. Энергія эта, какъ и жестокое кровопролитіе въ самой Прагѣ, были слѣдствіемъ чрезвычайнаго возбужденія войскъ. Кровавыя апрѣльскія событія въ Варшавѣ постоянно держались у всѣхъ въ памяти, особенно въ корпусѣ Ферзена, гдѣ находилось нѣсколько батальоновъ, очевидцевъ варшавской рѣзни. Суворовъ подтверждалъ о милосердіи и пощадѣ; онъ даже далъ, какъ мы видѣли, особое наставленіе Ферзену, гдѣ люди были наиболѣе озлоблены, но недавнія воспоминанія оказались въ пылу боя болѣе сильными. Въ виду вѣроломной Варшавы, всѣ солдаты по примѣру Ферзеновыхъ дошли до остервенѣнія. «Смотри братцы, никому пощады», кричали они другъ другу еще не добравшись до Праги, а когда ворвались въ это несчастное предмѣстіе, то только и слышны были крики: «нѣтъ пардона». Какъ же можно въ этомъ винить Суворова, да и можно ли, положа руку на сердце, клеймить Суворовскаго солдата? Настроеніе его было исключительное, понятія того времени иныя, способъ веденія войны жестокій. Развѣ Поляки, убивая въ Варшавѣ Русскихъ, вооруженныхъ и безоружныхъ, не давая пардона имъ подъ Рославицами (о чемъ было публиковано въ свое время въ Варшавѣ) и обнаруживая при всякомъ случаѣ свою къ нимъ ненависть, не дѣлали тоже самое? Правда, Поляки побѣждены, на ихъ долю—состраданіе, и обвиненіе побѣдителей самое легкое къ тому средство; но способъ этотъ рано или поздно обнаруживаетъ свою несостоятельность. Кромѣ того, надо принимать въ соображеніе и осязательные результаты. Изъ всего изложеннаго выше, можно убѣдиться, что прагское кровопролитіе вовсе не доходило до та-

кихъ чудовищныхъ размѣровъ, которые принимаются за несомнѣнный фактъ, и что оно далеко не можетъ равняться съ измаильскимъ [16]).

Прагскій штурмъ имѣетъ историческое значеніе, несравненно выше измаильскаго. Революція была вырвана, война была подсѣчена въ самомъ корнѣ. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, полученнымъ Суворовымъ нѣсколько времени спустя, воеводства люблинское и сандомирское и вся Галиція готовились къ возстанію, для чего назначенъ былъ день въ первыхъ числахъ ноября, но взятіе Праги съ его послѣдствіями разрушило инсурекціонный планъ. Этотъ кровавый штурмъ, происходившій на глазахъ варшавянъ, навелъ ужасъ на польскую столицу, вселилъ въ нее трепетъ, по свидѣтельству самихъ Поляковъ. Населеніе Варшавы ждало той же участи отъ безжалостнаго побѣдителя. Нравственныя и матеріальныя силы инсурекціонной Польши были сломлены. Суворовъ достигъ своей цѣли; пролилась рѣка крови, но устранялось хроническое кровопролитіе затягивающейся войны. Не прошло сутокъ послѣ прагскаго побоища, и въ русскомъ лагерѣ явилось посольство отъ капитулирующей Варшавы [17]).

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Польская война: Варшава, обезоруженіе; 1794.

Варшава во время штурма Праги; депутація къ Суворову; умѣренность его условій; контръ-предложенія; отвѣтъ.—Уличный безпорядокъ въ Варшавѣ; сосредоточеніе правительства въ рукахъ короля; переговоры съ Суворовымъ; оттяжки Вавржецкаго.—Вступленіе Русскихъ въ Варшаву; аудіенція Суворова у короля; амнистія и освобожденіе 500 плѣнныхъ Поляковъ; объясненіе этого поступка.—Распоряженіе Суворова о преслѣдованіи и обезоруженіи польскихъ войскъ; общее ихъ желаніе воспользоваться амнистіей; противодѣйствіе генераловъ; непослушаніе войскъ, бунты и сдачи Русскимъ.—Денисовъ кончаетъ дѣло внезапно; совершенное обезоруженіе.—Признательность Екатерины; радость и выходки Суворова-фельдмаршала; восторженныя поздравленія его отовсюду; зависть.—Дурная репутація Суворова въ Европѣ со времени этой войны; объясненіе причинъ.—Нѣкоторыя слабыя стороны русскихъ войскъ.

Октября 25, вскорѣ послѣ полуночи, отъ варшавскаго берега Вислы отчалили двѣ лодки и при звукѣ трубы, съ развѣвавшимся бѣлымъ знаменемъ, поплыли къ Прагѣ. Въ Варшавѣ царила тишина, не неслось оттуда обычнаго городского шуму; было совсѣмъ тихо и на самомъ берегу, покрытомъ толпами народа, который съ фонарями и факелами, но безъ оружія, провожалъ взглядами и мыслями уполномоченныхъ и остался ждать ихъ возвращенія. Это отправилось къ Суворову три депутата отъ варшавскаго магистрата, съ депешею магистрата и съ письмомъ короля.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что окончившагося

прагскаго штурма и въ виду пожираемаго пламенемъ несчастнаго предмѣстія, верховный совѣтъ немедленно выслалъ изъ Варшавы свой архивъ, отправилъ казну въ корпусъ Понятовскаго и выпустилъ изъ тюремъ приверженцевъ русской партіи, или по крайней мѣрѣ подозрѣвавшихся въ этой приверженности. Еще недавно имъ и русскимъ плѣннымъ грозила серьезная опасность, вѣрнѣе сказать—могла грозить: Колонтай собирался внести въ верховный совѣтъ предложеніе о преданіи ихъ казни. Какъ ни боялись члены совѣта своего мрачнаго сотоварища, предложеніе его было бы по всей вѣроятности отклонено, но у Колонтая оставался другой рессурсъ, возмущеніе черни, при помощи которой онъ быть можетъ и добился бы своего. Теперь обстоятельства измѣнились, и подъ вліяніемъ нависшей бѣды, въ варшавскомъ населеніи взяли верхъ другія побужденія. Но такъ какъ анархическія стремленія все таки могли въ чемъ либо выказаться, то Вавржецкій послалъ приказаніе Гедройцу,—не дожидаясь подъ Равой Домбровскаго, вернуться къ Варшавѣ и остановиться подъ Мокотовымъ. Кромѣ того, преслѣдуя свой прежній планъ, Вавржецкій далъ королю письменный совѣтъ — выѣхать изъ Варшавы къ войскамъ.

Съ самаго утра 24 числа, изъ Варшавы потянулись длинныя вереницы экипажей, обозовъ и пѣшеходовъ; уѣзжали и уходили всѣ тѣ, которые не вѣрили въ благопріятный исходъ дѣла и торопились избѣгнуть участи, постигшей Прагу. Уѣзжали не только мирные граждане, но и офицеры; уѣхалъ между прочими и Зайончекъ, съ невынутой пулей. Колонтай убѣжалъ раньше, опасаясь за свою личную безопасность; Вавржецкій имѣя нѣсколько донесеній, что Колонтай увезъ съ собой большія деньги и драгоцѣнности, пожертвованныя частными лицами еще при Косцюшкѣ на патріотическое дѣло, послалъ въ погоню за нимъ одного генерала. По порученію послѣдняго, были съ дороги отправлены въ Козеницу 200 человѣкъ кавалеріи при двухъ офицерахъ, но они своей обязанности не исполнили, открывъ Колонтаю цѣль ихъ командировки и давъ ему возможность бѣжать дальше. Провинились передъ долгомъ и совѣстью и нѣкоторые другіе; свидѣтельствуя по приказанію верховнаго совѣта

казну, таможенный директоръ Зайончекъ передалъ больше 6,000 червонцевъ нѣсколькимъ офицерамъ, для доставленія въ указанное мѣсто, но не всѣ они это исполнили [1]).

Варшава переживала 24 октября часы, стоившіе многихъ лѣтъ. Требовалась крайняя энергія правительства для успокоенія обезумѣвшаго отъ ужаса населенія, а между тѣмъ и правительства почти не было. Послѣ полудня, когда возобновилась русская канонада, сформировалась депутація отъ горожанъ и представилась королю, Ваврженцкому и верховому совѣту; она требовала капитуляціи и рѣшительно отказывалась отъ всякихъ оборонительныхъ дѣйствій, дабы спасти городъ отъ мести и разоренія. Эти три власти думали тоже самое, различіе было лишь въ оттѣнкахъ, а потому рѣшеніе послѣдовало въ ту же ночь. Верховный совѣтъ поручилъ магистрату—отправить къ Суворову депутацію съ предложеніемъ капитуляціи; король далъ отъ себя письмо въ томъ же смыслѣ.

Депутація была принята прагскимъ комендантомъ Буксгевденомъ съ подобающею честью и отправлена къ правившему при Суворовѣ должность дежурнаго генерала, Исленьеву. Исленьевъ разспросилъ депутатовъ о цѣли ихъ посылки и далъ знать Суворову. Русскій главнокомандующій принялъ эту вѣсть съ особеннымъ удовольствіемъ, и тотчасъ же продиктовалъ одному изъ своихъ приближенныхъ условія капитуляціи. Они состояли въ слѣдующемъ. Оружіе, артиллерію и снаряды сложить за городомъ, въ условленномъ мѣстѣ; поспѣшно исправить мостъ, чтобы русскія войска могли вступить въ Варшаву сегодня послѣ полудня или завтра утромъ; дается торжественное обѣщаніе именемъ Русской Императрицы, что все будетъ предано забвенію, и что польскія войска, по сложеніи ими оружія, будутъ распущены по домамъ съ обезпеченіемъ личной свободы и имущества каждаго; тоже самое гарантируется и мирнымъ обывателямъ; Его Величеству королю – всеподобающая честь. Суворовъ вручилъ эти статьи Исленьеву и приказалъ прочесть ихъ присланнымъ уполномоченнымъ. Варшавскіе депутаты, озадаченные такою умѣренностью и ожидавшіе совсѣмъ другихъ условій, отъ радости прослезились и вмѣстѣ съ Исленьевымъ отправились къ Суворову.

Русскій главнокомандующій поджидалъ ихъ, сидя передъ своей калмыцкой кибиткой. Замѣтивъ, что депутаты подходятъ нерѣшительнымъ шагомъ, какъ бы волнуемые разными опасеніями, онъ вскочилъ со своего мѣста, кинулъ саблю на землю и бросился къ депутатамъ съ распростертыми руками, крича по польски: «миръ, миръ»! Обнявъ депутатовъ, онъ ввелъ ихъ въ кибитку, усадилъ около себя, сталъ угощать виномъ и разными закусками. Депутаты снова прослезились.

Переговоры велись въ видѣ пріятельской бесѣды и продолжались недолго. Депутаты предъявили депешу магистрата и письмо короля. Въ первой говорилось объ обязанности магистрата заботиться о благосостояніи города и его обывателей и вытекающей изъ того необходимости — устранить возможность всякихъ нежелаемыхъ случайностей, при вступленіи въ Варшаву русскихъ войскъ; на каковомъ основаніи онъ поручилъ вести переговоры тремъ своимъ уполномоченнымъ, прося Суворова гарантировать жизнь и собственность варшавскихъ жителей и прекратить военныя дѣйствія до заключенія капитуляціи. Король писалъ, что магистратъ Варшавы ходатайствуетъ о его вмѣшательствѣ въ переговоры, для разъясненія намѣреній Суворова относительно польской столицы, а потому онъ, король, проситъ по этому предмету отвѣта, предупреждая, что жители намѣрены защищаться до послѣдней крайности, если имъ не будетъ гарантирована личная и имущественная безопасность. Суворовъ вручилъ депутатамъ заготовленныя передъ тѣмъ условія капитуляціи, а также короткое письмо къ королю, тутъ же написанное, въ которомъ говорилось, что всѣ желанія короля выполнены. Затѣмъ депутаты были отпущены подъ эскортомъ, сѣли въ лодки и отправились къ варшавскому берегу. Тамъ по прежнему толпился народъ, ожидая отвѣта. Когда депутаты приблизились па столько, что могли быть услышаны, то стали кричать: «миръ, миръ». Весь берегъ загудѣлъ отъ радостныхъ криковъ народа, и депутаты были на рукахъ вынесены изъ лодки [2]).

Депутатамъ было Суворовымъ внушено, что отвѣтъ ожидается черезъ 24 часа, и затягиваніе дѣла не допускается. Въ ожиданіи вторичнаго ихъ прибытія, весь день 25 октября про-

шелъ въ очисткѣ улицъ и уборкѣ мертвыхъ тѣлъ. Вечеромъ Суворовъ перемѣстился къ Бѣлоленку, на прежнюю свою квартиру.

Когда уполномоченные магистрата передали королю отвѣтъ Суворова и условія капитуляціи Варшавы, главнокомандующій и верховный совѣтъ были призваны во дворецъ; туда же прибыли генералы Грабовскій, Макрановскій и князь Понятовскій, пріѣхавшій изъ своего корпуса тотчасъ по полученіи извѣстія о взятіи Русскими Праги. Здѣсь разъигрались сцены, доказавшія, какъ велико было разномысліе между людьми, управлявшими погибающей Польшей. Макрановскій объявилъ отъ имени генераловъ и арміи готовность повиноваться королю и главнокомандующему, но не верховному совѣту, и осыпалъ этотъ послѣдній горькими упреками за его неумѣлость и многочисленныя ошибки. Потомъ держалъ слово король. Онъ говорилъ о немедленномъ сложеніи оружія, какъ того требуетъ Суворовъ; обращаясь съ этими словами преимущественно къ Ваврженцкому, онъ настаивалъ на неизбѣжности этой мѣры, утверждая, что русскій главнокомандующій отъ своего требованія ни въ какомъ случаѣ не отступится. Ваврженцкій не согласился съ королемъ, утверждая, что имѣя 20,000 войска подъ ружьемъ и 100 орудій, можно если не поддержать революцію и спасти отечество, то по крайней мѣрѣ защитить народъ, или погибнуть со славою. Пусть столица и вся земля отдадутся Суворову, но арміи не подобаетъ слѣдовать ихъ примѣру; она можетъ направиться въ Пруссію и тамъ зимовать. Суворовъ, имѣя тутъ много дѣла, не пойдетъ за нею, да и во всякомъ случаѣ не рѣшится на такой важный шагъ безъ особаго повелѣнія Императрицы, хотя бы король Прусскій и звалъ его на помощь. Предпріятіе это обѣщаетъ успѣхъ, ибо прусскія войска весьма раздроблены и до зимы не въ состояніи собраться для сколько нибудь дѣйствительнаго отпора. А король Станиславъ можетъ тѣмъ временемъ написать Русской Императрицѣ, что если Поляки предъ нею и провинились, за то вся Польша разграблена безпримѣрнымъ образомъ, и ей грозитъ голодъ и долгое обнищаніе. Справедливое изображеніе нынѣшняго ужаснаго положенія, должно возбудить въ Русской Императрицѣ

чувство жалости и состраданія; Екатерина выскажется наконецъ, чего она отъ несчастной Польши хочетъ [3]).

Судя по послѣдствіямъ, надо думать, что мнѣніе Вавржецкаго одержало верхъ; онъ самъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ, будто король, хотя и по многомъ размышленіи, согласился ѣхать въ армію. Верховный совѣтъ, уменьшившійся за бѣгствомъ нѣкоторыхъ членовъ изъ Варшавы, собрался въ засѣданіе и снабдилъ городской магистратъ, какъ и въ первый разъ, пунктами для веденія дальнѣйшихъ переговоровъ о капитуляціи. Изъявлялось согласіе на обезоруженіе мирныхъ жителей и на сложеніе оружія въ условленномъ мѣстѣ, на исправленіе моста и на вступленіе затѣмъ русскихъ войскъ въ Варшаву; говорилось, что городъ Варшава всегда былъ полонъ почтенія къ своимъ королямъ и что отъ этой пріятной обязанности и впредь не отступитъ. Но на остальныя требованія Суворова представлялись контръ-предложенія, а именно: обезоружить войско, сдать артиллерію, снаряды и все воинское снаряженіе—городъ не можетъ, такъ какъ войско магистрату не подчинено, но постарается склонить армію къ принятію этого рѣшенія; не можетъ также починить мостъ въ назначенный срокъ, такъ какъ на это требуется не меньше нѣсколькихъ дней, да и польскія войска не въ состояніи двинуться изъ города раньше восьми дней. Магистратъ принялъ это постановленіе верховнаго совѣта къ исполненію [4]).

Октября 26, около 10 часовъ утра, прибыли прежніе депутаты съ отвѣтомъ магистрата. Суворовъ прочелъ депешу и пришелъ къ заключенію, что дѣло умышленно затягивается, тогда какъ успѣхъ переговоровъ обезпечивался именно ихъ быстротою, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прагскаго штурма. Суворовъ тотчасъ же подтвердилъ и развилъ прежнія свои требованія въ рядѣ новыхъ пунктовъ, изложивъ въ нихъ слѣдующее. Жители Варшавы немедленно обезоруживаются, ихъ оружіе перевозится въ Прагу на лодкахъ, а находящееся въ оружейныхъ магазинахъ — передается магистрату. Арсеналъ, порохъ и всѣ военные припасы Варшавы сдаются Русскимъ, по занятіи ими города, который вмѣстѣ съ тѣмъ обязывается

принудить войска тоже сложить оружіе, кромѣ гвардіи короля, или же заставить ихъ выйти за городскую черту. Для исправленія моста назначается срокомъ 28 октября; русскія войска будутъ также работать; до этого числа назначается перемиріе. Магистратъ встрѣчаетъ русскія войска, при ихъ вступленіи въ городъ, на мосту, съ городскими ключами; всѣ дома по пути слѣдованія Русскихъ будутъ закрыты; архивъ русской миссіи и всѣ ея бумаги сдаются по принадлежности; русскіе плѣнные получаютъ свободу завтра утромъ.

Вручивъ эти условія депутатамъ, Суворовъ снабдилъ ихъ еще особымъ заявленіемъ, въ которомъ просилъ о поддержаніи тишины и порядка при вступленіи русскихъ войскъ и снова удостовѣрялъ въ безопасности обывателей. Затѣмъ, онъ приказалъ отправить посланныхъ, не задерживая ихъ ни минуты, а Буксгевдену приступить тотчасъ же къ исправленію моста со стороны Праги. Сверхъ того, въ виду возможности выступленія польскихъ войскъ изъ Варшавы, а также на случай инсуреціи или какой-нибудь другой катастрофы въ городѣ, онъ призналъ нужнымъ имѣть на той сторонѣ Вислы сильный отрядъ войскъ. Поэтому тогда же отдано барону Ферзену приказаніе — отправить Денисова вверхъ по Вислѣ, въ Карачевъ, а за нимъ слѣдовать и самому Ферзену, совершивъ переправу на лѣвый берегъ Вислы, съ помощью мѣстныхъ судовъ [5]).

Въ это же утро было прислано къ Суворову еще посольство изъ Варшавы: Потоцкій упросилъ находившихся въ плѣну русскихъ дипломатическихъ чиновниковъ, бароновъ Аша и Бюлера, съѣздить къ Суворову, вѣроятно съ цѣлью его умилостивленія въ интересѣ всѣхъ плѣнныхъ. Ашъ и Бюлеръ пробыли въ русскомъ лагерѣ не долго и вернулись въ Варшаву вскорѣ послѣ полудня. Возвращеніе ихъ произвело впечатлѣніе на народъ, усилило его надежды на мирный конецъ и укрѣпило довѣріе къ русскому главнокомандующему. Результатъ этой миссіи остается неизвѣстнымъ; Суворовъ и безъ того рѣшился быть умѣреннымъ, лишь бы добиться скораго умиротворенія края.

Вскорѣ послѣ полуночи съ 26 на 27 число, понесся изъ Варшавы гулъ, потомъ раздались крики, вопли и другіе при-

знаки уличнаго безпорядка, а затѣмъ раздались и выстрѣлы. Въ русскомъ лагерѣ были приняты предосторожности и сдѣланы нѣкоторыя приготовленія. На утро говорили, будто польскія войска, собираясь выступать за-городъ, хотѣли увести съ собой короля и русскихъ плѣнныхъ, но народъ, боясь мщенія русской арміи, возсталъ противъ этого замысла и помѣшалъ привести его въ исполненіе. Такъ доносилъ Суворовъ, и въ такомъ смыслѣ передаютъ означенный случай многіе его исторіографы. Въ сущности дѣло происходило нѣсколько иначе. Безпорядки были вызваны распоряженіями Вавржецкаго, который правда желалъ, чтобы король удалился вмѣстѣ съ войскомъ, но къ насилію не прибѣгалъ, да и едва ли былъ къ такому поступку способенъ. Похищенія короля и избіенія его сторонниковъ добивалась одна «якобинская», т.-е. ультра-революціонная партія, притомъ съ помощью возстанія черни, которое и подготовлялось съ этою цѣлью еще до штурма Праги. Но этой партіи Вавржецкій былъ первый врагъ и противникъ. Въ настоящемъ случаѣ дѣйствовали на улицахъ Варшавы не анархисты, а толпы народа, добивавшагося во что бы то ни стало капитуляціи города. Они очень опасались отъѣзда короля, считая его присутствіе вѣрнѣйшимъ залогомъ мирнаго исхода, и подозрѣвали Вавржецкаго въ возможности противудѣйствія. Но главною причиною смуты былъ безхарактерный, малодушный король, который для успокоенія партій лавировалъ между ними и, не имѣя ни малѣйшей охоты раздѣлить съ войсками труды, опасности и рискъ дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій,—таилъ однако такой свой взглядъ и высказывалъ нѣсколько разъ намѣреніе—отправиться въ армію [6]).

Когда утреннія, окончательныя условія Суворова сдѣлались извѣстны въ городѣ, то большинство населенія осталось ими очень довольно, не исключая и офицеровъ, которые подобно королю предпочитали пребываніе въ Варшавѣ неудобствамъ и трудностямъ боевой жизни, безъ всякой надежды на успѣхъ. Огромное большинство, почти всѣ, чувствовали усталость отъ бурныхъ событій послѣднихъ лѣтъ; «ни въ комъ не видно было духа революціи», съ горечью говоритъ Вавржецкій. Такимъ

образомъ населеніе Варшавы добивалось скорѣйшаго заключенія капитуляціи, Вавржецкій же старался этотъ срокъ отдалить, чтобы успѣть вывезти за-городъ какъ можно больше. Король и магистратъ требовали отъ главнокомандующаго скорѣйшаго выступленія войскъ изъ Варшавы; онъ возражалъ, что долженъ прежде выпроводить военные транспорты. Приступалъ къ нему съ подобными требованіями и народъ; Вавржецкій отвѣчалъ упреками, что «затѣявъ революцію, хотятъ такъ подло ее кончить». Несмотря на мостовой караулъ, чернь прорвалась на мостъ и принялась его чинить; Вавржецкій послалъ батальонъ съ приказаніемъ — очистить мостъ и никого туда не пропускать, но народъ настаивалъ на своемъ намѣреніи. Вавржецкій приказалъ стрѣлять по работавшимъ картечью и такимъ образомъ прервалъ только-что начатую работу.

Видя упорство главнокомандующаго, король послалъ утромъ къ Суворову съ просьбою объ отсрочкѣ вступленія русскихъ войскъ, но Суворовъ отказалъ, усматривая тутъ ловушку, поставленную и королю, и ему. Послѣ этого отказа, революціонному правительству дѣлать уже было нечего; верховный совѣтъ закрылся, передавъ королю свои полномочія. Получивъ власть, король послалъ къ Суворову второе довѣренное лицо, а затѣмъ и третье, снабдивъ его полномочіями уже не по предмету капитуляціи Варшавы, а для трактованія о мирѣ между Россіей и Польшей. Узнавъ отъ уполномоченнаго о содержаніи письма, Суворовъ возвратилъ его нераспечатаннымъ, сказавъ, что войны между Россіей и Польшей нѣтъ; что онъ, Суворовъ, не министръ, а военачальникъ, присланный для сокрушенія мятежниковъ и, кромѣ отправленныхъ уже въ Варшаву статей, ни о чемъ другомъ трактовать не станетъ. Но дабы облегчить королю задачу умиротворенія и вывести его изъ затруднительнаго положенія, усложняющаго эту задачу и грозящаго ему опасностью, Суворовъ въ концѣ концовъ согласился измѣнить свое первоначальное рѣшеніе и отложилъ вступленіе войскъ въ Варшаву до 1 ноября [3]).

Въ числѣ трехъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ этотъ день къ русскому главнокомандующему отъ Польскаго короля, на-

ходился графъ Игнатій Потоцкій, одинъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ революціи. Суворову совѣтовали удержать Потоцкаго въ видѣ заложника, такъ какъ русскіе плѣнные не были еще освобождены, но онъ рѣшительно отказался, сказавъ, что подобный поступокъ былъ бы злоупотребленіемъ довѣрія, оказываемаго непріятелемъ, и ничего кромѣ худого въ происходящіе переговоры не внесетъ.

Прагская сторона моста была уже готова, на варшавскомъ концѣ работа кипѣла, никѣмъ не останавливаемая. Магистратъ написалъ Суворову отвѣтъ на послѣдне-присланныя условія капитуляціи; всѣ пункты принимались, кромѣ вступленія Русскихъ въ Варшаву 27 числа, такъ какъ день этотъ уже истекалъ; оружіе мирныхъ жителей было отобрано, сложено и готово къ отправленію на лодкахъ къ Прагѣ; обезоруженіе польскихъ войскъ или выводъ ихъ изъ города король принималъ на себя; оставлялось при оружіи только 1,000 человѣкъ гвардіи и 300 полиціи. Доставленіе этого отвѣта было однако оттянуто до слѣдующаго дня, вѣроятно по настоянію Вавржецкаго, для выигранія сутокъ времени на выходъ войскъ. Не ограничиваясь прямымъ отвѣтомъ на условія капитуляціи, магистратъ написалъ еще депешу, которою подтверждалъ, что все будетъ исполнено съ точностью и благодарилъ Суворова за его условія, принятыя населеніемъ съ радостью. На слѣдующій день, 28 октября, передъ разсвѣтомъ, въ Прагу прибыли прежніе магистратскіе депутаты, привезя съ собой два означенные документа; они были допущены къ Суворову и обратились къ нему со словесною просьбой о скорѣйшемъ вступленіи русскихъ войскъ въ Варшаву, такъ какъ городъ, и въ особенности короля, нельзя было считать обезпеченными отъ недовольныхъ капитуляціей. Вслѣдъ затѣмъ явился посланный съ письмомъ отъ короля, короткимъ, но любезнымъ, гдѣ Станиславъ-Августъ благодарилъ Суворова за его образъ дѣйствій, чистосердечный и честный, и выпускалъ на свободу русскихъ военныхъ, содержавшихся въ Варшавѣ, говоря, что передаетъ ихъ генералу, достойному ими командовать. Суворовъ назначилъ на завтра вступленіе въ Варшаву и отправилъ бригадира князя Лобанова-Ростовскаго съ отвѣтнымъ

письмомъ къ королю и съ порученіемъ — принять освобожденныхъ плѣнныхъ [7]).

Такимъ образомъ дѣло, приближаясь къ мирному концу, получало и оттѣнокъ мирный, почти дружественный. Одному изъ плѣнныхъ польскихъ генераловъ, старику Геслеру, Суворовъ дозволилъ перебраться въ Варшаву, къ семейству; сообщеніе между Варшавой и Прагой сдѣлалось свободнымъ; освобожденные русскіе плѣнные ѣздили въ Прагу навѣщать знакомыхъ, изъ прагскаго лагеря многіе отправились съ той же цѣлью въ Варшаву. А Вавржецкій тѣмъ временемъ спѣшилъ отправлять военные транспорты; такимъ образомъ было вывезено больше 50 пушекъ, много разныхъ другихъ предметовъ военной потребности, а также съ монетнаго двора золото и серебро въ слиткахъ на 157,000 злотыхъ; все остальное онъ надѣялся выпроводить вслѣдъ затѣмъ, поручивъ это коменданту Орловскому. Не обошлось безъ уличныхъ замѣшательствъ, такъ какъ народъ боялся выѣзда короля и подозрѣвалъ въ этомъ замыслѣ Вавржецкаго, а этотъ послѣдній сваливалъ всю вину на слабодушіе и лицемѣріе Станислава-Августа. Гедройцъ уже выступилъ изъ-подъ Мокотова въ Торчинъ, туда же направленъ Каменецкій съ бывшимъ корпусомъ Понятовскаго; Домбровскому съ Пилицы назначено быть въ аріергардѣ. Призванный къ королю, дабы снова выслушать убѣжденія въ необходимости сложить оружіе, Вавржецкій остался при своемъ проектѣ — уходить въ Пруссію, объясняя Станиславу-Августу, что это нисколько не можетъ вредить Россіи, что для нея подобное удаленіе польскихъ войскъ равносильно ихъ обезоруженію. Онъ просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ короля ходатайствовать предъ Русской Императрицей о милосердіи, а предъ Суворовымъ, чтобы допустилъ остаткамъ польскаго войска безпрепятственно уйти, не нападая на нихъ и не преслѣдуя. Сдѣлавъ затѣмъ послѣднія распоряженія, Вавржецкій выѣхалъ изъ Варшавы въ Торчинъ ночью съ 28 на 29 октября, т.-е. предъ самымъ вступленіемъ въ Варшаву русскихъ войскъ. Съ нимъ поѣхалъ и президентъ бывшаго верховнаго совѣта Закржевскій [3]).

Вступленіе въ Варшаву назначено было утромъ. Суворовъ,

съ самаго штурма Праги объѣзжавшій войска ежедневно, былъ въ лагерѣ и 28 числа, отдавъ въ этотъ день приказаніе — войскамъ вести себя порядочно и мирно, вступать въ городъ съ оружіемъ незаряженнымъ, и если бы даже были выстрѣлы изъ домовъ,—не отвѣчать. Такая миролюбивая осторожность главнокомандующаго показалась многимъ опасною, по крайней мѣрѣ головной колоннѣ было отдано начальникомъ ея Буксгевденомъ приказаніе — зарядить пушки и ружья, но тайно, чтобы никто этого не зналъ. Къ счастью такое ослушаніе не имѣло дурныхъ послѣдствій. Войска изготовились какъ на парадъ и глядѣли щеголями; даже у казаковъ Исаева «лошади были противъ обыкновенія вычищены», замѣчаетъ участникъ и очевидецъ. Движеніе черезъ мостъ началось въ восьмомъ часу; прежде шли войска Потемкина съ казаками Исаева во главѣ, потомъ корпусъ Дерфельдена. Шли съ музыкой и развернутыми знаменами. За передней колонной Буксгевдена ѣхалъ Суворовъ съ большой свитой, одѣтый въ ежедневную кавалерійскую форму, безъ орденовъ и знаковъ отличій. Городской магистратъ, въ черной церемоніальной одеждѣ, находился въ сборѣ на варшавскомъ концѣ моста; по приближеніи Суворова, старшій членъ поднесъ ему на бархатной подушкѣ городскіе ключи, также хлѣбъ и соль, и сказалъ короткое привѣтственное слово. Суворовъ взялъ ключи, поцѣловалъ ихъ и громко поблагодарилъ Бога за то, что Варшава куплена не такою цѣною, какъ Прага. Онъ передалъ ключи дежурному генералу Исленьеву и сталъ по-братски обниматься съ членами магистрата и съ многими изъ окружающаго народа, а другимъ пожималъ руки, обнаруживая непритворное душевное волненіе.

Съ моста войска вступили въ городъ тѣмъ же порядкомъ; передъ Суворовымъ ѣхалъ Исленьевъ, держа на подушкѣ городскіе ключи. Вопреки условію, городъ кипѣлъ жизнью, дома не были заперты, и во всѣхъ окнахъ и на балконахъ виднѣлись любопытные зрители, а на улицахъ толпился народъ. Часто раздавался *виватъ* Екатеринѣ и Суворову, перемежавшійся съ криками протестующихъ патріотовъ, но ни выстрѣловъ, ни другихъ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій не было: самые

горячіе, непримиримые революціонеры заблаговременно выѣхали. Когда проходили мимо кафедральнаго собора, Суворовъ на нѣсколько моментовъ остановился и совершилъ короткую молитву. Пройдя городъ, полки направились къ своимъ лагернымъ мѣстамъ, внутри ограды варшавскихъ укрѣпленій: корпусъ Потемкина къ сторонѣ Виланова, а Дерфельдена къ Маримонту. Суворовъ остановился въ гостинницѣ на городской окраинѣ, гдѣ и заказалъ себѣ обѣдъ, а послѣ того занялъ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ лагеремъ. Магистратъ представилъ ему прусскихъ, австрійскихъ и освобожденныхъ русскихъ плѣнныхъ; первыхъ было больше 500, вторыхъ 80, третьихъ 1,376; Австрійцы и Пруссаки были скованы; въ числѣ Русскихъ находилось три генерала и три дипломатическихъ чиновника высшихъ чиновъ. Разыгралась трогательная сцена; освобожденные падали передъ Суворовымъ на колѣни и горячо его благодарили; радость и благодарность ихъ были тѣмъ понятнѣе, что нѣсколько дней назадъ носились разные зловѣщіе слухи на счетъ ихъ судьбы [8]).

Припомнимъ, что Суворовъ въ письмѣ своемъ изъ Немирова къ Хвостову, считалъ возможнымъ «кончить съ Польшей въ 40 дней». Это не было обмолвкой самохвальства, а выводомъ мастерского соображенія: Суворовъ исполнилъ свое обѣщаніе съ точностью, почти математическою. Кромѣ 29 дней, проведенныхъ имъ не по своей волѣ въ Брестѣ, которые разумѣется въ счетъ идти не могутъ, вся его кампанія, отъ вступленія въ Польшу до занятія Варшавы, продолжалась 42 дня.

Въ то время, какъ русскія войска вступали въ Варшаву, Суворовъ командировалъ генералъ-поручика П. Потемкина въ распоряженіе Польскаго короля, возложивъ на него порученіе— заботиться о безопасности Станислава-Августа и испросить для него, Суворова, аудіенцію. Король пожелалъ видѣть Суворова на слѣдующій день. Суворовъ одѣлся въ полную форму, надѣлъ всѣ свои многочисленные орденскіе знаки и, въ 10 часовъ утра 30 числа, отправился въ королевскій дворецъ, сопровождаемый большой свитой и конвоемъ. Впереди скакалъ эскадронъ гусаръ, вокругъ кареты Суворова ѣхало верхомъ множество генераловъ

и офицеровъ разныхъ чиновъ; рядомъ съ нимъ сидѣлъ П. Потемкинъ, впереди бароны Бюлеръ и Ашъ. Эскадронъ конныхъ егерей замыкалъ кортежъ. Во дворцѣ былъ устроенъ церемоніальный пріемъ; Станиславъ-Августъ обошелся съ нимъ, Суворовымъ, особенно любезно, обнялъ его нѣсколько разъ и бесѣдовалъ съ нимъ глазъ на глазъ въ теченіе цѣлаго часа. Тутъ было условлено многое, чего еще не значилось на бумагѣ; между прочимъ положено, что король отдастъ приказаніе, дабы всѣ польскія войска (которыя Суворовъ называлъ не иначе, какъ бунтовщиками) положили немедленно оружіе и выдали пушки. Но такъ какъ такое приказаніе безъ соотвѣтственныхъ гарантій ничего не значило, то Суворовъ обѣщалъ доставить королю для объявленія всѣмъ войскамъ амнистію. Дѣйствительно на слѣдующій день онъ прислалъ такое заявленіе: «Симъ торжественно объявляю: 1) войска, по сложеніи оружія передъ ихъ начальниками, тотчасъ отпускаются съ билетами отъ ихъ же чиновниковъ въ свои дома и по желаніямъ, а оружіе, тожъ пушки и прочую военную амуницію, помянутые начальники долженствуютъ доставить въ королевскій арсеналъ; 2) вся ихъ собственность при нихъ; 3) начальники, штабъ и оберъ-офицеры, какъ и шляхтичи, останутся при оружіи» [9]).

Суворовъ, этотъ суровый военачальникъ, безпощадный къ вооруженному противнику, дѣлался совсѣмъ другимъ, когда противникъ бросалъ оружіе. Характеризуя свое отношеніе къ побѣжденнымъ Полякамъ, онъ приводилъ стихи Ломоносова:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ,
А хищный волкъ его лежащаго терзаетъ.

Такая метаморфоза происходила въ немъ и по внушенію сердца, и по разсчету ума. Въ настоящемъ случаѣ и то и другое усугублялось. Передъ нимъ находился король, вѣнчанный властитель, помазанникъ Божій, т.-е. лицо, передъ которымъ Суворовъ, глубоко убѣжденный монархистъ, всегда привыкъ преклоняться. Притомъ этотъ король былъ несчастенъ. Съ другой стороны, конецъ войны былъ обезпеченъ, и чѣмъ шире побѣдитель выказывалъ свое великодушіе и безбоязненность, тѣмъ полнѣе получался результатъ умиротворенія. По всѣмъ этимъ

побужденіямъ, Суворовъ рѣшился сдѣлать королю истинно-царскій подарокъ. Во время бесѣды, Станиславъ-Августъ попросилъ отпустить изъ числа плѣнныхъ одного офицера, который въ прежнее время служилъ при немъ, королѣ, пажомъ. Суворовъ тотчасъ же согласился и спросилъ, не пожелаетъ-ли король получить еще кого-нибудь. Не ожидая такой любезности, Станиславъ-Августъ обнаружилъ что-то въ родѣ удивленія, но Суворовъ, улыбаясь, предложилъ ему сто человѣкъ, даже двѣсти. Замѣчая, что недоумѣніе короля возрастаетъ, Суворовъ пошелъ дальше и сказалъ, что готовъ дать свободу 500 человѣкъ по королевскому выбору. Станиславъ-Августъ не зналъ, какъ выразить ему свою благодарность, и послалъ генералъ-адъютанта, съ приказомъ Суворова, догонять заднія партіи плѣнныхъ, отправленныхъ уже довольно давно къ Кіеву. Нагнавъ ихъ на пути, верстахъ въ 200 отъ Варшавы, посланный предъявилъ приказаніе Суворова, освободилъ свыше 300 офицеровъ, а остальныхъ, до полной цифры 500, выбралъ изъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Не трудно понять, какое благое впечатлѣніе произвелъ этотъ поступокъ Суворова не на однихъ освобожденныхъ.

Теперь, по занятіи Варшавы, очереднымъ спѣшнымъ дѣломъ стало обезоруженіе польскихъ войскъ. Первый къ тому шагъ былъ сдѣланъ еще до вступленія Русскихъ въ Варшаву, ибо Денисовъ переправился черезъ Вислу 28 числа подъ Гурой. Вверхъ по Вислѣ, въ сандомирскомъ воеводствѣ, находились разныя мелкія польскія команды, подъ начальствомъ бригадировъ Язвинскаго и Вышковскаго; но послѣ штурма Праги, Вышковскій бѣжалъ въ Галицію. Ваврженцкій приказалъ Язвинскому собрать всѣ команды и препятствовать переправѣ Русскихъ. Сопротивленіе Поляковъ было однако же слабое; русская кавалерія переправилась вплавь, артиллерія на судахъ, пѣхота частью на судахъ, частью вмѣстѣ съ кавалеріей; Язвинскій былъ отброшенъ. Вслѣдъ за Денисовымъ, выступилъ 29 числа баронъ Ферзенъ со всѣмъ своимъ корпусомъ. Въ это время, кромѣ войскъ Язвинскаго на Вислѣ, многочисленные отряды находились на Пилицѣ, подъ начальствомъ Домбровскаго и Мадалинскаго; Гедройцъ шелъ изъ Варшавы на соединеніе съ ними; корпусъ князя Іосифа По-

нятовскаго, племянника короля, находился въ Закрочимѣ и перешелъ подъ команду генерала Каменецкаго; наконецъ, отрядъ бригадира Ожаровскаго стоялъ подъ Торчиномъ. Считая свои силы слишкомъ слабыми, Ферзенъ просилъ высылки къ Торчину подкрѣпленія, но Суворовъ не призналъ этого нужнымъ, такъ какъ стало явственно обнаруживаться нежеланіе польскихъ войскъ продолжать войну. Взамѣнъ высылки подкрѣпленія, онъ рекомендовалъ Ферзену энергическія дѣйствія, при условіи которыхъ успѣхъ несомнѣненъ; приказалъ принуждать Поляковъ къ сдачѣ, а при отказѣ истреблять совершенно, настигая и побивая ихъ безъ остатка. «А кто сдастся, тому згода, пардонъ, если же сдастся до атаки, то и вольность, и вообще съ капитулирующими поступать весьма ласково и дружелюбно» [10]).

Въ этомъ сочетаніи энергіи съ мягкостью, дѣйствительно и лежалъ залогъ успѣха. Быстро разнесшійся слухъ объ амнистіи, съ перваго же дня сталъ увеличивать число отказывающихся отъ борьбы, а когда начали въ войска приходить изъ Варшавы письма отъ оставшихся тамъ военныхъ и являться лично эмиссары мира, то инсурекціонныя вооруженныя силы стали таять буквально не по днямъ, а по часамъ. Этому много помогъ король, обѣщавшій Суворову употребить мѣры къ обезоруженію инсургентовъ и сдержавшій свое слово: отъ его имени или съ его согласія и ѣздили эмиссары; онъ обнадеживалъ оставляющихъ оружіе полною безопасностью личною и имущественною; можетъ быть отъ него же пущенъ былъ слухъ, что только тѣ офицеры сохранятъ свои чины, которые безъ замедленія сложатъ оружіе и уговорятъ къ тому же свои части войскъ.

Вавржецкій выѣхалъ изъ Варшавы къ корпусу Домбровскаго и, проѣзжая чрезъ Рашинъ, оставилъ тамъ 300-ный конный наблюдательный отрядъ. Октября 30 показались казаки, и отрядъ положилъ оружіе. Пріѣхавъ въ Торчинъ, Вавржецкій нашелъ тамъ вмѣсто сильнаго въ нѣсколько тысячъ корпуса, заново обмундированнаго, всѣмъ обильно снабженнаго и оплаченнаго, жалкій остатокъ. Въ немъ произошло что-то въ родѣ открытаго бунта, такъ что Гедройцъ принужденъ былъ просить у короля разъясненія условій обезоруженія. Посланный не ус-

нѣлъ еще возвратиться, какъ офицеры и солдаты стали разбѣгаться, и Гедройцъ съ трудомъ удержалъ остатокъ подъ знаменами. Въ то же почти время Ваврженцкій получилъ отъ оставшихся въ Варшавѣ генераловъ и офицеровъ эстафету, съ просьбами объ отставкѣ подъ разными предлогами, но на нее не отвѣчалъ. Вслѣдъ затѣмъ Каменецкій донесъ, что его отрядъ (считавшійся въ ряду другихъ лучшимъ) не желаетъ ни драться, ни идти въ походъ, а отдается подъ начальство короля, ибо почти всѣмъ успѣли внушить изъ Варшавы, будто главнокомандующій дѣйствуетъ подъ вліяніемъ отчаянія и ведетъ на гибель. Въ разгаръ этой смуты подоспѣли ближайшія прусскія войска, переловили нѣсколько сотъ, зачислили ихъ въ свои ряды рекрутами и взяли 17 орудій. Ваврженцкій командировалъ туда генерала Неселовскаго съ приказаніемъ—принять начальствованіе отъ Каменецкаго, и вести остатки отряда на соединеніе съ главными силами. То же самое, даже хуже, произошло въ небольшомъ отрядѣ Ожаровскаго: не дождавшись отвѣта на посланный вопросъ объ амнистіи, люди просто разошлись, бросивъ 10 пушекъ, которыя были подобраны и увезены казаками.

Ваврженцкій прибылъ къ войскамъ Домбровскаго и Мадалинскаго; на соединеніе съ ними шелъ и Гедройцъ. Мадалинскій впрочемъ исчезъ; имѣя въ своемъ распоряженіи казенныя деньги, онъ взялъ изъ нихъ 4,000 червонцевъ и написалъ Ваврженцкому, что начавъ революцію, онъ, Мадалинскій, будетъ предметомъ мщенія Русскихъ, а потому удаляется, оставляя свое имѣніе на уплату взятыхъ денегъ. Получено донесеніе Неселовскаго, что онъ засталъ едва половину войскъ Каменецкаго, принялъ отъ него отрядъ и приказалъ выступать, но одинъ полкъ побросалъ ружья и разбѣжался. Неселовскій хотѣлъ усмирить бунтовщиковъ вооруженною рукою, но встрѣтилъ неповиновеніе и отказъ; проглотивъ эту пилюлю, онъ продолжалъ движеніе съ остальными, но когда дошелъ до перекрестка дороги на Варшаву и Торчинъ и повернулъ къ послѣднему, то почти всѣ отказались отъ повиновенія съ угрозами и, выпрягши лошадей изъ подъ артиллеріи и обоза, частью пошли къ Варшавѣ, частью разсыпались въ стороны.

Деморализація войскъ и нежеланіе ихъ вдаваться въ какія-либо военныя предпріятія били въ глаза, но не образумили главнокомандующаго. Заботясь о спасеніи своей военной чести, онъ какъ бы забывалъ про подчиненныя войска и направлялъ ихъ на поступки, которыхъ лучше было бы не вызывать. Кромѣ того, онъ встрѣтилъ въ своихъ подначальныхъ и другого рода затрудненіе, которое доказывало, какъ велика была внутренняя рознь, и до какой степени не къ порѣ и не къ мѣсту приходились всякіе грандіозные замыслы [11]).

Нѣсколько дней назадъ, когда надежда на успѣхъ революціи и войны была уже утрачена, Домбровскій сообщилъ Вавржецкому, въ Варшаву, свой планъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. По его преувеличенному счету, тогда состояло подъ ружьемъ до 40,000 Поляковъ при 200 орудіяхъ, съ 10 милліонами польскихъ флориновъ въ казнѣ. Армія должна выйти въ поле, вмѣстѣ съ королемъ и центральнымъ правительствомъ, не связывая своей судьбы и будущности отечества съ участью города Варшавы, и направиться къ границамъ Франціи по составленному маршруту. Русскія войска не могутъ воспрепятствовать этому движенію всѣми своими силами, ибо имъ будетъ довольно заботы съ занятымъ краемъ и столицей, а отряженный ими корпусъ ничего не сдѣлаетъ. То же самое и Пруссаки, тѣмъ болѣе, что Франція конечно употребитъ всѣ средства, чтобы помочь польской арміи сблизиться съ французскими войсками. Если даже соединеніе Поляковъ съ Французами окажется невозможнымъ по большой длинѣ пути, то все-таки такой способъ дѣйствій не останется безъ благотворныхъ для Польши послѣдствій: армія въ 40,000, съ королемъ и правительствомъ, будетъ представлять собою націю, и Россія съ Пруссіей конечно войдутъ съ нею въ переговоры не иначе, какъ на почетныхъ для Польши условіяхъ. Такимъ образомъ достигнется результатъ, гораздо болѣе выгодный, чѣмъ постыдная капитуляція, которая можетъ повести только къ временному спасенію Варшавы. Такова была сущность плана Домбровскаго. Вавржецкій отвѣчалъ, что предложеніе Домбровскаго разсмотрѣно въ военномъ совѣтѣ, по мысли одобрено, но въ исполненіи найдено не осуществимымъ,

такъ какъ король не желаетъ оставить Варшаву, и народъ грозитъ возстаніемъ въ случаѣ попытки къ его похищенію; кромѣ того, офицеры и солдаты упали духомъ и потеряли довѣріе къ своимъ начальникамъ. Домбровскій подчинился по неволѣ и впослѣдствіи, съ ухудшеніемъ обстоятельствъ, отказался отъ своего плана, оспаривая однако и проектъ Ваврженцкаго объ удаленіи арміи въ Пруссію. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что лучше всего перейти съ войсками въ прусскую службу; Ваврженцкій былъ объ этомъ предъувѣдомленъ и держался на сторожѣ [12]).

Притянувъ къ себѣ Гедройца и приказавъ Язвинскому присоединиться къ арміи за Пилицей, въ Конской, Ваврженцкій продолжалъ движеніе, 3 ноября перешелъ Пилицу въ Новомястѣ, съ присоединившими остатками отряда Неселовскаго, и разрушилъ за собою мостъ. Русскіе гнались за Поляками неутомимо, не упуская ихъ изъ виду своими передовыми войсками, но не могли во время достигнуть Пилицы съ достаточными силами. Впереди шелъ Денисовъ, за нимъ Ферзенъ. Денисовъ приспѣлъ къ Пилицѣ, когда мостъ былъ испорченъ, и тотчасъ принялся его чинить; это его задержало, и войска Ваврженцкаго успѣли снова отдалиться. Оставалось удовольствоваться брошеной польской пушкой и нѣсколькими сотнями инсургентовъ, положившими оружіе. Послѣ переправы Ферзенъ донесъ, что Поляковъ насчитывается до 20,000, а у него всего 7,000, и потому просилъ подкрѣпленія. По обыкновенію счетъ основывался на слухахъ и преувеличенныхъ показаніяхъ сдающихся; въ дѣйствительности у Ваврженцкаго, считая и отрядъ Язвинскаго, не было больше тысячъ 14, или и того меньше, и при ихъ деморализаціи, перевѣсъ въ силахъ тутъ ничего не значилъ, а все дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы настичь бѣгущихъ. Суворовъ такъ и понималъ дѣло, но все-таки послалъ Шевича съ 8 батальонами и 25 эскадронами, приказалъ доносить себѣ о ходѣ дѣйствій чрезъ каждые 6 часовъ, подтвердилъ вѣрнѣе считать непріятеля, возложилъ на Ферзена отвѣтственность «по всей строгости воинскихъ правилъ» и пояснилъ, что личнымъ своимъ присутствіемъ онъ, Суворовъ, устранилъ бы медлен-

ность въ ходѣ дѣла, но по понятной причинѣ не можетъ отлучиться изъ Варшавы. На слѣдующій день новое отъ него подтвержденіе: «рекомендую вашему превосходительству полную рѣшимость, вы генералъ; я издали, и вамъ ничего приказать не могу. Иначе стыдно бы было, вы локальный. Блюдите быстроту, импульсію, холодное ружье; вѣрить счетъ мятежниковъ» [13]).

Недавно Вавржецкій посылалъ въ Варшаву къ королю узнать о результатѣ его ходатайства предъ Суворовымъ въ пользу польскихъ войскъ. Теперь возвратился посланный; за нимъ прибылъ отъ Суворова офицеръ. Польскій главнокомандующій извѣщался, что при условіи сложенія оружія, инсургенты могутъ возвратиться въ свои дома съ паспортами за подписью командировъ. Какъ видно, это было тоже самое, что говорилось въ данной еще 31 октября амнистіи, но Вавржецкій остался недоволенъ и послалъ къ королю того же генерала Горенскаго, снова написавъ, что условія не выгодны, ничего не гарантируютъ, и онъ ихъ не понимаетъ. Между тѣмъ Поляки продолжали быстро уходить и прибыли въ Држевицу. Здѣсь Вавржецкій накрылъ письмо прусскаго генерала Клейста къ Домбровскому: именемъ короля Поляки призывались въ прусскую службу, а Домбровскій приглашался для переговоровъ. Вавржецкій продиктовалъ Домбровскому уклончивый отвѣтъ и приказалъ отправить это письмо къ Клейсту, но не прекратилъ происковъ. Корпусъ Домбровскаго былъ особенно вреденъ Пруссакамъ, съ успѣхомъ поддерживая и развивая возстаніе въ Великой Польшѣ; въ немъ находилось много великополянъ, которые не могли возвратиться съ безопасностью во свояси иначе, какъ передавшись Пруссакамъ на опредѣленныхъ условіяхъ. Домбровскій въ другой разъ приступилъ къ Вавржецкому съ убѣжденіями, при содѣйствіи нѣсколькихъ десятковъ офицеровъ; Вавржецкій отказалъ вторично. Онъ говорилъ, что нельзя вѣрить подписи Прусскаго короля, который вѣроломно измѣнилъ трактату съ Польшей; что ручательство Суворова надежнѣе, потому что Русскую Императрицу честь обяжетъ соблюсти данное ея военачальникомъ обѣщаніе. Но аргументація эта не убѣ-

дила никого; личный интересъ говорилъ противъ нея слишкомъ сильно.

Неутѣшительныя событія послѣднихъ дней не остались безъ вліянія на Ваврженцкаго. Упрямство его не было еще сломлено, но поколебалось. Убѣдившись въ невыполнимости своего первоначальнаго плана, онъ сталъ теперь заботиться лишь о томъ, чтобы гарантировать наиболѣе выгодныя условія обезоруженія войскъ. Въ дѣйствительности это было лишнее, ибо нельзя было ожидать, чтобы Суворовъ измѣнилъ объявленную амнистію, но Ваврженцкій вѣроятно увлекался желаніемъ—окончить свое несчастливое предводительство спасеніемъ, на сколько то возможно, своей собственной и національной военной чести. Побужденіе благородное, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ неумѣстное, такъ какъ почти всѣ во чтобы то ни стало хотѣли мира, только чаяли получить его—одни отъ Пруссаковъ, другіе—отъ Русскихъ, смотря по складу понятій или по направленію интересовъ. Ваврженцкій въ этомъ тотчасъ же и убѣдился, можетъ быть въ десятый разъ. Пикеты и высланные къ Новомясту разъѣзды перешли либо къ Русскимъ, либо къ Пруссакамъ; посланы были новые — тоже самое. Изъ опасенія дальнѣйшаго дезертированія, приказано было выступать дальше, прямо на Конскую, но Домбровскій просился идти чрезъ Опочно, гдѣ будто бы заготовленъ для него фуражъ. Ваврженцкій поспорилъ, но согласился, «не желая его раздражать». Въ Опочнѣ Домбровскій получилъ съ нарочнымъ изъ-за прусской границы письмо съ предложеніемъ, подобнымъ прежнему. Опять разыгралась сцена относительно перехода на службу къ Пруссакамъ, но Ваврженцкій опять настоялъ на своемъ. Почти тоже самое продолжалось и дальше, по дорогѣ къ Конской и оттуда къ Радошице. Въ одномъ мѣстѣ вся кавалерія аріергарда передалась напиравшимъ казакамъ; въ другомъ — разразился формальный бунтъ, съ пушечной и ружейной пальбой; въ третьемъ— часть войскъ, забравъ лошадей изъ-подъ артиллеріи и обоза, ушла къ Русскимъ и Пруссакамъ, такъ что 24 пушки пришлось закопать въ землю; въ четвертомъ — при одномъ слухѣ, что показались казаки, опять бунтъ съ пальбой, разъѣздъ не

возвратился, почти цѣлая бригада разсыпалась. Вавржецкій собиралъ офицеровъ, говорилъ, что необходимо обождать Горенскаго съ отвѣтомъ Суворова и до тѣхъ поръ удерживать солдатъ; что если отвѣтъ будетъ не удовлетворительный, то лучше пробиваться къ Французамъ и погибнуть со славой или сдаться всякой другой арміи, только не русской и не прусской. Офицеры соглашались, испуская крики энтузіазма, но дѣло все-таки шло по прежнему [3]).

Такъ Вавржецкій добрался до Радошице, соединившись, какъ онъ говоритъ, «съ незаражоннымъ» отрядомъ Язвинскаго изъ 3,000 человѣкъ съ 20 пушками. Однако «зараза» была такъ сильна и прилипчива, что вновь прибывшіе скоро подошли подъ общій уровень. Сюда вернулся 5 ноября Горенскій и привезъ отъ Суворова полную амнистію отъ 31 октября, уже опубликованную по трактату отъ Радошице до Варшавы. Вавржецкій все-таки этимъ не удовольствовался и хотя послалъ сказать Денисову и Ферзену, что изъ Радошице не сдѣлаетъ никуда ни шагу, а Суворову, что согласенъ положить оружіе, но затягивалъ развязку, пославъ королю просьбу, чтобы онъ сверхъ условій амнистіи, ходатайствовалъ объ освобожденіи взятыхъ раньше въ плѣнъ.

Польскому главнокомандующему ничего и не оставалось дѣлать, какъ остановиться въ Радошице. Послѣднее время Денисовъ сидѣлъ у него на плечахъ, а передовыя казачьи партіи и разъѣзды появлялись въ разныхъ мѣстахъ внезапно, и однимъ своимъ появленіемъ усиливали внутреннее разстройство Поляковъ. Были даже случаи, если вѣрить Вавржецкому, что отдавшіеся добровольно, направляли казаковъ на остававшихся подъ ружьемъ, дабы такимъ образомъ ускорить развязку. Трофеи доставались Русскимъ дешево: орудія приходилось только подбирать. Такъ, подъ Новомястомъ подобрано 1 орудіе, подъ Карачовымъ 4, подъ Радошицей 20, въ другихъ мѣстахъ тоже по нѣсколько. Но какъ дешево ни доставались, въ боевомъ смыслѣ, эти трофеи, все же они служили справедливымъ возмездіемъ за предшествовавшую побѣдную кампанію и за подъемлемые Русскими большіе труды при производившемся преслѣдованіи, въ

позднее и ненастное время года. Отрядъ Шевича напримѣръ прошелъ 170 верстъ меньше чѣмъ въ трое сутокъ. «Мы отдыхаемъ, а вы въ трудахъ», писалъ Суворовъ Ферзену, а въ другомъ письмѣ говорилъ: «о пора, пора подъ кровли». Дѣйствительно было давно пора, а потому приходилось торопиться, удваивая энергію и труды. Но результатами этихъ усиленныхъ трудовъ не всегда пользовались сами трудившіеся. Такъ въ Опочнѣ, гдѣ вслѣдствіе бунта части войскъ, были оставлены 24 орудія, наѣхали Пруссаки и завладѣли ими почти на глазахъ Денисова. Изъ этого возникла переписка, Ферзенъ спрашивалъ приказанія у Суворова — какъ поступить; Суворовъ отвѣчалъ: «съ сими пушками извольте поступить по вашему благоразсмотрѣнію: вы локальный, а я вдали; коли можно взять добрымъ манеромъ, то возьмите; коли нѣтъ, уступите; не стоитъ того, чтобы за нихъ ссориться». Но такъ какъ Суворовъ терпѣть не могъ служить другимъ «мартышкинымъ каштаннымъ котомъ», а въ настоящемъ случаѣ Пруссаки именно вытаскивали каштаны русскими руками, то Суворову стало досадно, и черезъ два дня онъ пишетъ Ферзену, что было бы очень желательно отобрать отъ Пруссаковъ пушки, захваченныя ими безъ всякаго на то права, и чтобы онъ, Ферзенъ, употребилъ на то всѣ усилія. Пушекъ однако не удалось добыть изъ цѣпкихъ рукъ союзниковъ [14]).

Отправивъ къ Суворову извѣщеніе о своей готовности положить оружіе, Ваврженцкій, во ожиданіи отвѣта, объявилъ объ этомъ войскамъ и находившимся при нихъ великополянамъ. Для удобства квартированія и довольствія, по представленію Домбровскаго, требовалось расквартировать кавалерію по окрестнымъ деревнямъ, на что Денисовъ согласился; но какъ только конница стала выходить изъ мѣстечка, на пѣхоту напало сомнѣніе, и она, захвативъ артиллерійскихъ лошадей изъ-подъ орудій, почти вся перешла къ Русскимъ. Вѣроятно въ пѣхотѣ прошелъ слухъ, что конница оставляетъ ее совсѣмъ, и слухъ этотъ оказался не совсѣмъ пустымъ. По условію съ Денисовымъ, кавалерію слѣдовало развести по деревнямъ въ 2—3 верстахъ отъ Радошице; между тѣмъ Домбровскій съ тремя полками пошелъ въ Лопушно,

за 20 верстъ, откуда намѣревался пройти еще 15 верстъ дальше, до Мологоща, по направленію къ Кракову. Вавржецкій послалъ въ догонку за нимъ генерала, съ напоминаніемъ о данномъ словѣ и съ приказаніемъ возвратиться; Домбровскій не ослушался, но своимъ самовольнымъ поступкомъ внушилъ Русскимъ недовѣріе къ даваемымъ польскими военачальниками обѣщаніямъ. Денисовъ прислалъ къ Вавржецкому офицера съ жалобой; Вавржецкій объяснилъ причину, постарался успокоить Денисова и подтвердилъ свое прежнее слово. Но такъ какъ происшедшій случай показалъ, что польскій главнокомандующій, при всей своей доброй волѣ, не можетъ почитаться достаточной гарантіей за подчиненныхъ, то Денисовъ обошелъ занятый Поляками раіонъ и расположилъ часть своихъ войскъ, загораживая пути въ Краковъ. Домбровскій заявилъ претензію, что два казачьихъ полка стали между деревнями, занятыми его войсками, отчего можетъ произойти сшибка. Вавржецкій просилъ Денисова удалить казаковъ; помня смыслъ наставленій Суворова, Денисовъ не упорствовалъ и отвелъ казаковъ нѣсколько назадъ, но все по той же краковской дорогѣ.

Все это происходило 6 ноября. Опасаясь ли какого-нибудь новаго подвоха, на манеръ движенія Домбровскаго, или вообще желая окончить скорѣе дѣло, исходъ котораго былъ все равно несомнѣненъ, Денисовъ не счелъ нужнымъ ожидать полученія Вавржецкимъ отвѣта отъ Суворова, тѣмъ болѣе, что условія обезоруженія были уже опубликованы. Поэтому утромъ 7 ноября онъ послалъ къ Вавржецкому двухъ офицеровъ при трубачѣ, съ требованіемъ обезоруженія. Въ то время, какъ Вавржецкій распоряжался о сложеніи оружія въ одно мѣсто, явился въ Радошице самъ Денисовъ съ двумя эскадронами и прямо вошелъ въ домъ, занимаемый главнокомандующимъ. Появленіе его было совершенною неожиданностью для Вавржецкаго и находившихся въ то время у него генераловъ Домбровскаго, Неселовскаго, Гедройца и Гелгуда, а произошло это потому, что польскіе аванпосты, при приближеніи русскихъ эскадроновъ, положили оружіе. Денисовъ, войдя въ комнату, пригласилъ Вавржецкаго и его собесѣдниковъ ѣхать въ Варшаву, къ Суворову. Придя въ

себя отъ изумленія, Вавржецкій возразилъ, что этого условія въ опубликованной амнистіи нѣтъ, что онъ самъ и его генералы, подобно всѣмъ прочимъ, имѣютъ право получить паспорты и свободно ѣхать домой. Денисовъ отвѣчалъ, что онъ и не арестуетъ никого и оружія не отбираетъ, а только исполняетъ присланное приказаніе (котораго на самомъ дѣлѣ не было) и не думаетъ, чтобы этимъ нарушалось объявленіе русскаго главнокомандующаго. Вавржецкій сказалъ, что поѣдетъ въ Варшаву, ибо считаетъ себя арестованнымъ. Вѣсть о произшедшемъ быстро разнеслась и произвела чрезвычайную суматоху. Польская кавалерія бросила своихъ лошадей, солдаты и офицеры ворвались къ Вавржецкому и съ криками и грубостью стали требовать паспортовъ, а нѣкоторые горячо и назойливо обратились съ тѣмъ же къ Денисову. Денисовъ отвѣчалъ, что грубостей отъ нихъ терпѣть не будетъ, и паспортовъ выдавать не станетъ, потому что это дѣло не его, а ихъ начальниковъ. Вслѣдъ затѣмъ, по совѣту Вавржецкаго, онъ вышелъ и оставался при своихъ эскадронахъ, близъ крыльца, пока Вавржецкій подписывалъ паспорты и увольнялъ людей, выслушивая отъ Домбровскаго упреки. Всего уволено нѣсколько больше 2,000 человѣкъ, — до такой ничтожной цифры растаяла инсурекціонная армія въ какіе-нибудь 9 – 10 дней [15]).

Вавржецкій съ 4 поименованными генералами, подъ эскортомъ Русскихъ отправился въ Варшаву, гдѣ и представился Суворову. Неизвѣстно, какой между ними происходилъ разговоръ, но польскій главнокомандующій показался русскому «подающимъ сомнѣніе въ спокойномъ пребываніи». Тѣмъ не менѣе, чтя данное слово, Суворовъ предложилъ ему паспортъ для свободнаго проживанія гдѣ угодно, конечно на общемъ для всѣхъ условіи— выдачѣ реверса, но Вавржецкій дать реверсъ не согласился. Тогда Суворову ничего больше не оставалось, какъ отправить его въ Кіевъ, подъ присмотромъ двухъ офицеровъ, откуда Румянцовъ препроводилъ его въ Петербургъ, по присланному оттуда приказанію. Остальнымъ четыремъ тоже предложены паспорты для проживанія гдѣ пожелаютъ, но реверсъ сразу согласился дать только Домбровскій, который и уѣхалъ тотчасъ же

въ Саксонію, въ свое имѣніе, и 5 лѣтъ спустя встрѣтился снова на боевомъ полѣ съ Суворовымъ, къ вящшей славѣ послѣдняго. Прочіе трое заупрямились и потому тоже были назначены къ отправленію въ Кіевъ, но передъ самымъ выѣздомъ изъ Варшавы измѣнили свое намѣреніе «и, по просьбѣ короля, обязавшись реверсами о спокойномъ пребываніи, уволены въ домы».

Еще передъ 7 ноября получивъ донесеніе, изъ котораго можно было усмотрѣть близкій конецъ, Суворовъ написалъ Ферзену: «ваше превосходительство, чудесныя вѣсти, одна другой радостнѣе! Господь Богъ увѣнчай васъ полнымъ окончаніемъ; не упустите ни единаго. Его превосходительству Федору Петровичу Денисову мое покорнѣйшее благодареніе». По полученіи же извѣщенія отъ 7 ноября, Суворовъ въ нескрываемомъ восторгѣ восклицаетъ: «ура, конецъ», передаетъ «братское цѣлованіе» Денисову, приказываетъ «не упускать ни одного, на то казаки», велитъ готовить войска къ выступленію на винтеръ-квартиры ближайшими трактами, безъ маршрутовъ, и обѣщаетъ чрезъ нѣсколько часовъ прислать квартирное росписаніе. Въ тотъ же день 8 ноября, онъ поздравлялъ графа Платона Зубова съ обезоруженіемъ Польши, а 17-го, когда уже были собраны всѣ главныя свѣдѣнія и цифры, пишетъ Румянцову: «виватъ великая Екатерина, все кончено; сіятельнѣйшій графъ, Польша обезоружена». Онъ торопится посылать трофеи и вывозить всякаго рода военное имущество въ Россію, и еще болѣе спѣшитъ размѣстить свои войска по квартирамъ, ибо выпалъ глубокій снѣгъ и наступили морозы.

Умиротвореннымъ инсургентамъ выдавались паспорты почти всюду, куда они являлись, и выдача эта едва ли была окончена въ ноябрѣ. По числу выданныхъ до 1 декабря паспортовъ видно, что послѣ занятія Варшавы инсургентовъ состояло подъ знаменами 29,500 человѣкъ; если же взять въ разсчетъ, что и въ декабрѣ по всей вѣроятности они являлись въ одиночку, а также, что были и не рѣшавшіеся явиться, то приведенная цифра должна быть нѣсколько повышена. Въ это число впрочемъ входитъ до 2,500 не солдатъ, а жителей краковскаго и сандомирскаго воеводствъ. Разогнано, отпущено и взято въ рекруты

Пруссаками 2,500 человѣкъ, остальные сдались Русскимъ. Изъ польской артиллеріи взято Пруссаками 17 орудій да 24 подобраны въ Опочнѣ; Русскимъ досталось гораздо больше; они кромѣ того получили большое количество пороха, ружей, другого оружія и всякаго рода военнаго имущества; но цифры или неизвѣстны, или противорѣчивы. Генераловъ, явившихся за паспортами, было 18 [16]).

Нечего и говорить, какое сильное впечатлѣніе произвела въ Россіи и во всей Европѣ эта блестящая и кратковременная кампанія, которою достигнуты такіе полные результаты. Ноября 19 пріѣхалъ въ Петербургъ отъ Румянцова посланный Суворовымъ генералъ-маіоръ Исленьевъ, съ ключами и хлѣбомъ-солью покорившагося города Варшавы. На другой день во дворцѣ былъ выходъ при большомъ съѣздѣ; графъ Безбородко читалъ «объявленіе о причинахъ войны съ Польшею», затѣмъ отслуженъ благодарственный молебенъ при пушечной пальбѣ, съ колѣнопреклоненіемъ. Дочь Суворова удостоилась самаго благосклоннаго пріема; между прочимъ Екатерина, отвѣдавъ варшавской хлѣба-соли, поднесла ихъ ей собственноручно. Потомъ былъ парадный обѣдъ, въ серединѣ котораго объявлено о возведеніи Суворова въ званіе фельдмаршала. Пили его здоровье при 201 пушечномъ выстрѣлѣ, стоя, причемъ Государыня говорила о немъ въ самыхъ любезныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ. Желая засвидѣтельствовать передъ всѣми самое полное вниманіе къ новому фельдмаршалу, она, при обратномъ отъѣздѣ въ Варшаву одного изъ приближенныхъ къ Суворову лицъ, ротмистра Тищенко, поручила ему заботиться о здоровьѣ фельдмаршала. Передавая обо всемъ этомъ одному изъ своихъ пріятелей, Суворовъ писалъ, что онъ отъ радости боленъ. Онъ получилъ отъ Государыни два рескрипта; въ одномъ изъ нихъ значилось, что не она, Екатерина, а онъ, Суворовъ, самъ произвелъ себя своими побѣдами въ фельдмаршалы, нарушивъ старшинство, отъ котораго Государыня отступать не любитъ. Племянникъ его, князь Алексѣй Горчаковъ, привезъ ему отъ Императрицы фельдмаршальскій жезлъ въ 15,000 рублей; кромѣ того доставленъ богатый алмазный бантъ къ шляпѣ, пожалованный за Крупчицы и Брестъ. Взаключеніе,

Государыня назначила Суворову въ его полное и потомственное владѣніе одно изъ столовыхъ имѣній Польскаго короля, Кобринскій Ключъ, съ 7,000 душъ мужского пола, т. е. увеличила его состояніе втрое [17]).

Суворовъ былъ такъ всѣмъ этимъ тронутъ, что не мудрено, если бы въ самомъ дѣлѣ захворалъ. Сдѣлавшись фельдмаршаломъ, онъ достигъ того, что было мечтой всей его долгой жизни. Туго развивалась его военная карьера; каждый шагъ впередъ приходилось брать съ бою и наконецъ, по засвидѣтельствованію самой Государыни, взято съ бою фельдмаршальство. Суворовъ не скрывалъ своего восхищенія. По приказу Хвостова, велѣно во всѣхъ имѣніяхъ Суворова отслужить молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Не обошлось и безъ причудливыхъ выходокъ. Когда прибылъ изъ Петербурга фельдмаршальскій жезлъ, который Суворовъ ожидалъ съ волненіемъ и упоминалъ про него въ своихъ письмахъ не иначе, какъ подъ одной начальной буквой ж...., то его отнесли въ церковь, для освященія. Суворовъ прибылъ туда въ курткѣ, безъ знаковъ отличій, и приказалъ разставить въ линію, съ интервалами, нѣсколько стульевъ. Затѣмъ онъ сталъ перепрыгивать эти стулья, одинъ за другимъ, приговаривая послѣ каждаго прыжка: «Репнина обошелъ», или «Салтыкова обошелъ», или «Прозоровскаго обошелъ», и такимъ образомъ поименовалъ всѣхъ генералъ-аншефовъ, которые были старше его. Послѣ того онъ велѣлъ убрать стулья, одѣлся въ полную фельдмаршальскую форму и, войдя снова въ церковь, велѣлъ начинать божественную службу [18]).

Въ этотъ же день освящались и ордена Краснаго Орла и большого Чернаго Орла, присланные Суворову королемъ Прусскимъ. Фридрихъ Вильгельмъ жаловалъ ихъ, какъ свидѣтельство его «ненарушимаго уваженія и особеннаго почтенія, хотя Суворовъ не нуждается въ этихъ орденахъ для возвышенія своей славы и конечно ихъ не ищетъ». Австрійскій императоръ тоже его не забылъ, пожаловавъ свой портретъ, богато осыпанный брильянтами; не скупился ни на рескрипты, ни на комплименты, поздравлялъ его съ фельдмаршальствомъ, называлъ оконченную кампанію «блестящею» и, упомянувъ про недавніе успѣхи ав-

стрійскихъ войскъ противъ Французовъ, изъявилъ увѣренность, что Суворовъ порадуется «за своихъ старыхъ учениковъ и товарищей по оружію». Оба государя старались выказать ему свое вниманіе и благосклонность, награждая орденами ближайшихъ его сотрудниковъ, родственниковъ и даже курьеровъ. Ихъ принимали всюду и приглашали къ себѣ самыя почетныя лица, «обращаясь съ ними какъ съ Донъ-Кихотами или оракулами», по шутливому замѣчанію Суворова. Вообще императоръ и король какъ бы соперничали въ этомъ отношеніи съ Русскою Императрицей, которая по своему обыкновенію награждала широко, щедрою рукой. Правда, и Суворовъ не стѣснялся ходатайствовать о своихъ подчиненныхъ, представляя длинные имъ списки, надоѣдая графу Платону Зубову и выхваляя нѣкоторыхъ изъ нихъ свыше мѣры, напр. Потемкина. Императрица это замѣтила и въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гримму говоритъ: «графъ двухъ имперій расхваливаетъ одного инженернаго поручика, который, по его словамъ, составлялъ планы атакъ Измаила и Праги, а онъ, фельдмаршалъ, только выполнялъ ихъ, вотъ и все. Молодому человѣку 24—25 лѣтъ, зовутъ его Глуховъ».

Оказывая Суворову, а ради его и другимъ лицамъ, свое вниманіе, оба иностранные государя въ сущности дѣлали еще очень немногое, потому что въ побѣдномъ шествіи Суворова и въ счастливомъ окончаніи кампаніи заключались ихъ прямые интересы. Въ сущности же на долю Суворова досталось немногое сравнительно съ нѣкоторыми другими, и онъ имѣлъ право сказать спустя нѣсколько лѣтъ, въ Италіи, подъ гнетомъ австрійской политики: «щедро меня за Лодомирію, Галицію и Краковъ въ князѣ Платонѣ Зубовѣ наградили». Платону Зубову, который находился все время въ Петербургѣ и только мѣшалъ правильному направленію польскихъ дѣлъ, выпала львиная доля наградъ; напримѣръ, изъ бывшихъ польскихъ коронныхъ имѣній ему досталось 13,000 душъ, т.-е. почти вдвое противъ Суворова. Въ своей наивности временщика и фаворита, онъ нисколько не сомнѣвался въ первоклассномъ размѣрѣ своихъ заслугъ, поддерживаемый въ этомъ убѣжденіи толпами льстецовъ и низкопоклонныхъ искателей. Даже Румянцовъ не постыдился

написать ему хвалебное письмо, въ которомъ главную долю достигнутаго успѣха приписываетъ ему же, Платону Зубову [19]).

Чѣмъ полнѣе былъ успѣхъ Суворова, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ затронуть личныя самолюбія и зависть. Высшая среда была настолько извѣстна съ этой стороны, что во избѣжаніе интригъ, искательствъ, клеветы и всякихъ иныхъ докукъ, держалось въ большомъ секретѣ принятое Императрицею рѣшеніе—возвести Суворова въ фельдмаршалы; объ этомъ не зналъ даже управлявшій военнымъ департаментомъ графъ Н. Салтыковъ, находившій, что покорителю Польши довольно будетъ званія генералъ-адъютанта. Когда же пожалованіе въ фельдмаршалы совершилось, то произвело большую и непріятную сенсацію между многими. Одинъ изъ членовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Морковъ, нашелъ такую награду даже неумѣстною, говоря, что всякій долженъ считать себѣ наградою одно то, если его употребляютъ на дѣло; «но себя онъ исключаетъ изъ этого правила», язвительно замѣчаетъ графъ Безбородко. Нѣкоторые изъ старшихъ генералъ-аншефовъ не скрывали своей досады; были между ними и такіе, что просили увольненія отъ службы, именно князь В. В. Долгоруковъ и графъ И. П. Салтыковъ, котораго къ тому же побуждали и неудовольствія съ Румянцовымъ. Не даромъ Суворовъ не любилъ эту высшую сферу и постоянно клеймилъ своихъ завистниковъ сарказмами. За то вся остальная Россія была на его сторонѣ, удивлялась ему, восхищалась имъ, съ гордостью произнося его имя. Русская литература, хотя и младенческая, отзывалась о немъ въ общій тонъ. В. Г. Рубанъ прислалъ къ нему акростихъ и пеанъ своего сочиненія при хвалебномъ письмѣ; по этому поводу Суворовъ спрашивалъ у Хвостова: «какъ вы думаете, не можно ли ему учинить приличнаго подарка»? Костровъ прислалъ въ Варшаву эпистолу; Державинъ—поздравительное письмо съ четверостишіемъ:

Пошелъ, и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ:
Поля и грады стали гробы;
Шагнулъ—и царство покорилъ.

Суворовъ поручилъ Хвостову выдать Е. И. Кострову 1000 рублей изъ доходовъ того или слѣдующаго года, смотря по возможности, и кромѣ того отвѣчалъ автору эпистолы письмомъ въ стихахъ:

Въ священный мудрые водворены бывъ логъ,
Ихъ смертныхъ просвѣщать есть особливый долгъ;
Когдажъ оставятъ свѣтъ, дѣла ихъ возвышаютъ,
Къ ихъ доблести другихъ примѣромъ ободряютъ.
Я въ жизни пользуюсь чѣмъ ты меня даришь,
И обожаю все, что ты въ меня вперишь.
Къ услугѣ общества что мнѣ не доставало,
То наставленіе твое въ меня вліяло:
Воспоминаю я, что были Юлій, Титъ,
Ты къ нимъ меня ведешь, изящнѣйшій піитъ.
Виргилій и Гомеръ, о если бы возстали,
Для превосходства бы твой важный слогъ избрали.

Это стихотвореніе достойно вниманія по изложенному въ въ немъ взгляду Суворова на поэзію, хотя бы взглядъ этотъ и былъ нѣсколько гиперболиченъ, въ видѣ комплимента поэту. Державину Суворовъ отвѣчаетъ смѣсью прозы и стиховъ; увѣряя, что «изливаетъ чувство своей души въ простотѣ солдатскаго сердца», онъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, становится на ходули, пишетъ высокопарно и темно. Первыя строфы еще выглажены: [20]).

Царица сѣверомъ владѣя,
Предписываетъ всѣмъ законъ,
Въ десницѣ жезлъ судьбы имѣя,
Вращаетъ сферу безъ препонъ.
Она свѣтила возжигаетъ,
Она и меркнуть имъ велитъ;
Чрезъ громы гнѣвъ свой возвѣщаетъ,
Чрезъ тихость благость всѣмъ явитъ.

Далѣе идетъ далеко не такъ гладко. Вызывая Державина на прославленіе Екатерины, Суворовъ прорицаетъ ему:

Парнасскій юноша на лирѣ здѣсь играетъ,
Имянникъ князя, музъ достойный стихъ сплетаетъ;

Какъ Майковъ возрастетъ, онъ усыпитъ сиренъ,
Попретъ онъ злобы ковъ,... правъ имъ ты, Демосфенъ.

Но всѣ заявленія сочувствія, удивленія и проч., которыя получалъ Суворовъ отовсюду, не могли быть для него неожиданностью. Настоящій сюрпризъ подготовилъ ему магистратъ города Варшавы въ Екатерининъ день 1794 года, поднеся именемъ варшавянъ золотую, эмальированную табакерку, съ лаврами изъ брильянтовъ. На серединѣ крышки былъ изображенъ городской гербъ, плывущая сирена; надъ нею надпись— *Warczawa zbawcy swemu*, а ниже еще другая, обозначающая день прагскаго штурма, 4 ноября (нов. ст.) 1784 года. Варшава назвала Суворова «своимъ избавителемъ» за разрушеніе моста въ разгаръ штурма. Не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого подарка; послѣ всего, что произошло, варшавяне не могли сдѣлаться внезапно руссофилами, считать Россію и Суворова своими благодѣтелями и т. под. Но очень естественно съ ихъ стороны было желаніе — засвидѣтельствовать Суворову благодарность за его человѣколюбивый поступокъ, тѣмъ болѣе, что Суворовъ оставался среди нихъ и, въ управленіи завоеваннымъ краемъ, руководился доброжелательными, человѣколюбивыми побужденіями. Правда, поднесеніе сдѣлано магистратомъ, который по словамъ самого Суворова не былъ враждебенъ Россіи, но магистратъ не могъ бы ни выдумать, ни исполнить такого заявленія благодарности города, если бы это расходилось съ направленіемъ мыслей и чувствъ городскихъ жителей [21]).

Имя Суворова, пріобрѣвшее въ Европѣ лестную извѣстность со времени послѣдней Турецкой войны, сдѣлалось теперь знаменитымъ. Генералъ Фавратъ, принявшій начальствованіе надъ прусскими войсками вмѣсто Шверина, отданнаго подъ судъ за то, что выпустилъ Мадалинскаго и Домбровскаго со всею добычею изъ предѣловъ прусскихъ, хотя они три дня переправлялись чрезъ р. Бзуру,—былъ пораженъ быстрымъ исходомъ кампаніи. Онъ написалъ Суворову восторженное письмо, въ которомъ сознается съ наивной откровенностью, что несмотря на всю свою неусыпность и добрую волю, прибылъ къ Петрокову такъ поздно, что ему оставалось только удивляться подвигамъ

«великаго Суворова». Письмо свое онъ начинаетъ словами: «Monsieur le comte, général en chef, grand général, grand homme et grand chevalier», а подписывается: «celui qui vous admire, qui vous honore, qui vous respecte». Разумовскій, русскій посолъ въ Вѣнѣ, служа отголоскомъ впечатлѣнія, произведеннаго Суворовымъ на столицу Римской Имперіи, обращается къ нему съ еще болѣе восторженными посланіями и говоритъ, что всѣ въ мірѣ солдаты завидуютъ его подчиненнымъ и всѣ монархи были бы рады ввѣрить ему свои арміи. И точно, вслѣдъ затѣмъ затронута была Вѣнскимъ дворомъ тема о назначеніи Суворова командующимъ русскимъ и австрійскимъ корпусами противъ Французовъ. Французскій эмигрантъ, Гильоманшъ-Дюбокажъ, только что принятый въ русскую службу и назначенный подъ начальство Румянцова, не желаетъ поступить ни къ кому другому, кромѣ Суворова. Русскій посланникъ въ Константинополѣ, Кочубей, пишетъ графу С. Воронцову, что польская кампанія Суворова произвела изумительный эфектъ въ Турціи, вслѣдствіе контраста съ предшествовавшими неудачными дѣйствіями союзниковъ. Въ глазахъ Турокъ русскія войска еще выросли; мусульмане напуганы, и Порта заявила полное свое невмѣшательство въ послѣдующее разрѣшеніе польскихъ дѣлъ. Кочубей замѣчаетъ, что онъ обязанъ Суворову особенною признательностью, потому что, благодаря ему, Порта стала питать къ Петербургскому двору удвоенное почтеніе. Одинъ изъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Германіи сообщаетъ въ частномъ письмѣ, что въ общественномъ мнѣніи Суворовъ занялъ тамъ весьма высокое мѣсто. Находятъ, что только Русскіе могутъ измѣнить веденіе войны съ Французами; гдѣ теперь армія въ 60,000 человѣкъ оказывается недостаточной, тамъ будетъ довольно 30,000 при Суворовѣ; если Фридрихъ Великій цѣнилъ Шверина въ 10,000 человѣкъ, то за Суворова можно дать втрое. Имѣй нѣмецкія войска своимъ начальникомъ полъ-Суворова, то не были бы прогнаны до Майнца; ибо будь они составлены сплошь изъ однихъ героевъ, все-таки ничего не могутъ сдѣлать, когда предводитель ихъ безголовый или обязанъ спрашивать у военнаго совѣта, что ему дѣлать. Курьеры Суво-

ровскіе привозятъ извѣстія о побѣдахъ, а курьеры императорскіе спрашиваютъ, дозволяется ли побѣждать [22]).

Таково было *свѣжее* впечатлѣніе Польской кампаніи Суворова. Но потомъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, оно забылось, изгладилось и замѣнилось мнѣніемъ противуположнымъ. Прежде въ Европѣ представляли себѣ Суворова военачальникомъ суровымъ, даже страшнымъ, который никогда не колебался при выборѣ рѣшительныхъ средствъ; знали, что онъ предпочиталъ кратчайшіе, хотя и труднѣйшіе пути къ цѣли, видя въ этомъ средство къ сохраненію и людей, и времени; что онъ былъ врагъ оборонительныхъ дѣйствій, совсѣмъ не допускалъ пассивной обороны, и атаки свои доводилъ до конца, не останавливаясь передъ жертвами. Но при этомъ не отрицали, что онъ не избѣгалъ ни капитуляцій, ни вообще мирныхъ рѣшеній, если они не умаляли результатовъ ощутительно и не вели къ проволочкѣ времени; равнымъ образомъ не находили въ его обращеніи съ побѣжденнымъ непріятелемъ мстительности и безжалостной свирѣпости. Образъ веденія войны того времени, особенно въ столкновеніяхъ Россіи съ Турціей, заставлялъ желать много лучшаго, но Суворовъ не выдѣлялся въ этомъ отношеніи изъ общаго уровня въ дурную сторону. Люди, интересовавшіеся ходомъ военныхъ дѣйствій и пріемами военнаго искуства, не указывали на Суворова какъ на отрицаніе этого искуства, какъ на олицетвореніе грубой силы, инстинкта войны. Напротивъ, онъ пріобрѣлъ почетную извѣстность, по крайней мѣрѣ въ сопредѣльныхъ съ Россіею государствахъ; его имя проникло тамъ даже въ народные слои; нѣкоторые изъ его подвиговъ послужили темой для дешевыхъ народныхъ изданій.

Теперь, послѣ Польской войны, Суворовъ преобразился въ полудикаго воителя, который умѣлъ побѣждать только при условіи ненужнаго и безпощаднаго пролитія крови, безъ всякаго пособія военнаго искуства; въ жестокосердаго мучителя побѣжденныхъ, услаждавшагося ихъ бѣдствіями и страданіями. Отчего же произошла такая метаморфоза? Оттого, что дѣло шло уже не о Турціи, а о Польшѣ; оттого, что съ лица Европы исчезло государство со свободными учрежденіями, которое было къ

ней внутреннею своею жизнью ближе не только Турціи, но и Россіи. Многочисленные представители правившаго въ Польшѣ класса разсыпались по Европѣ; эти люди, удрученные несчастіемъ, нуждою, возбуждали къ себѣ и къ своему отечеству соболѣзнованіе и симпатію; съ ихъ горькихъ словъ вошло много неправды въ пониманіе и изображеніе случившейся катастрофы. Паденіе Польши было подготовлено ея предшествовавшей исторіей, въ которой дѣйствовало преимущественно шляхетство; шляхетство же является и обвинителемъ другихъ въ паденіи отечества. Въ военномъ отношеніи главнымъ виновникомъ катастрофы былъ Суворовъ, и онъ дѣлается цѣлью нелѣпыхъ вымысловъ и клеветы; въ немъ отрицается дарованіе и искуство, тѣмъ легче, что ни то, ни другое не укладываются подъ ходячія понятія. Но такъ какъ бездарный невѣжда постоянно бьетъ даровитыхъ и искусныхъ, притомъ одушевленныхъ крайнею степенью патріотическаго возбужденія, то это объясняется численнымъ перевѣсомъ, грубою силой, которая не щадитъ непріятеля и не бережетъ своихъ, а затѣмъ кровопійствомъ и жестокостью. Недостатокъ энергіи и стойкости въ защитѣ послѣдняго оплота независимости, Праги, является добавочнымъ, хотя и тайнымъ поводомъ къ выгораживанію себя во что бы то ни стало и къ обвиненію непріятеля, и русскій главнокомандующій выставляется какимъ-то выродкомъ человѣчества, амфибіей, которой вмѣсто воды нужна кровь.

Польша, послѣ своего паденія, не могла пожаловаться на недостатокъ въ покровителяхъ, защитникахъ или сторонникахъ; причиною тому не только сочувствіе къ несчастію, но и политическая доктрина. Этой политической подкладкой и подбиты натянутыя, несправедливыя и даже нелѣпыя свѣдѣнія о Суворовѣ, усвоенныя многочисленными друзьями Польши, и выводы изъ этихъ данныхъ, вторгнувшіеся въ исторію. Если сочувствіе къ судьбѣ Польши, завлекло одного знаменитаго историка такъ далеко, что онъ не затруднился найти у русскихъ людей взоръ, напоминающій насѣкомыхъ, то не представляется особенно труднымъ сдѣлать изъ Суворова дикаго невѣжду и кровопійцу.

И въ русскихъ войскахъ, и въ Суворовѣ были дурныя стороны, но безпристрастная ихъ оцѣнка вовсе не ведетъ къ обобщеніямъ и заключеніямъ, въ родѣ приведенныхъ. Войны того времени не отличались нынѣшней сравнительной мягкостью или, лучше сказать, желаніемъ съузить сферу военныхъ бѣдствій, а военныя дѣйствія Русскихъ тѣмъ паче, благодаря ихъ предшествовавшей исторіи и войнамъ съ Турками. *Добыча* была узаконеннымъ явленіемъ войны, а слѣдовательно и грабежъ, особенно при штурмахъ. Румянцовъ, Суворовъ и нѣкоторые другіе старались урегулировать грабежъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его допускалъ военный обычай, но большею частію безплодно, ибо тутъ каждый солдатъ дѣлался самъ себѣ господиномъ и изъ рукъ начальства ускользалъ. Отмѣнить же совсѣмъ право на добычу, было дѣломъ невозможнымъ ни по понятіямъ времени, ни по традиціямъ; оно успѣло войти въ плоть и кровь и представлялось однимъ изъ залоговъ побѣды. А какъ только это право существовало, то солдаты старались примѣнить его всюду, гдѣ только могли: получалось мародерство и грабительство. И то, и другое преслѣдовалось и наказывалось, особенно Румянцовымъ и Суворовымъ, и такимъ образомъ умѣрялось, но не искоренялось, потому что такое требованіе начальства представлялось солдату непослѣдовательнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, грабительство было логическимъ послѣдствіемъ права на добычу; не уничтоживъ второго, нельзя было уничтожить и перваго.

Естественнымъ спутникомъ привычки къ грабежу была распущенность, которая особенно развилась при Потемкинѣ. Знаменитый впослѣдствіи Ростопчинъ, обыкновенно не жалѣвшій густыхъ красокъ и смѣлыхъ уподобленій, пишетъ одному изъ Воронцовыхъ о назначеніи Румянцова въ 1794 году главнокомандующимъ: «побѣда собирается вновь поступить на службу Россіи, вмѣстѣ съ порядкомъ и дисциплиной, которые при Потемкинѣ были отставлены безъ пенсіона». Не такъ хлестко, но въ дѣйствительности не мягче выражается Безбородко, Воронцовъ и другіе государственные люди того времени. Все это послѣ Потемкина стало по немногу исправляться, но слѣды оста-

лись на-долго, и въ Польскую войну давали себя знать. Нельзя конечно вѣрить польскимъ источникамъ въ описаніи русскихъ грабежей, ибо въ нихъ говоритъ тенденція и разсчетъ на эффектъ, но несомнѣнно, что солдаты сохранили и въ Польшѣ свои привычки, пріобрѣтенныя въ Турціи. Слѣдуетъ однако принять въ соображеніе, что польскія войны были борьбою партій, и Россія держала сторону одной изъ нихъ, а такія войны всегда и всюду носили характеръ особенной жосткости. Бывали случаи, когда эта жосткость заходила слишкомъ далеко. Въ эту войну Дерфельденъ получилъ повелѣніе—имѣній князей Чарторижскихъ, противниковъ Россіи, не щадить; поэтому была предана грабежу Пулава съ дворцомъ, прекрасными садами и парками, библіотекою и т. под. Дворецъ подвергся совершенному разоренію, картины были изорваны и испорчены, библіотека изъ 40,000 томовъ разметана и истреблена, кабинетъ естественной исторіи тоже, богатая коллекція окаменѣлостей раздроблена. Такія излишества были исключительно дѣломъ рукъ невѣжественныхъ солдатъ, вслѣдствіе невозможности регулировать грабежъ, чуть только онъ разрѣшенъ. Русское правительство разумѣется не желало такого вандальства, ибо не такъ оно поступило позже, въ Варшавѣ, съ библіотекою Залускаго; не такого рода инструкціи давало и въ другихъ случаяхъ. Впрочемъ приведенный случай есть исключительный; распущенность войскъ выражалась обыкновенно въ фактахъ болѣе мелкихъ, но за то и болѣе заурядныхъ. Приведемъ примѣры. Когда корпусъ Дерфельдена шелъ на соединеніе съ Суворовымъ, въ авангардѣ графа Зубова находилось нѣсколько сотъ Черноморскихъ казаковъ, подъ начальствомъ кошевого Чепеги. Проходя чрезъ одно мѣстечко, кошевой замѣтилъ бѣгающихъ по улицѣ поросятъ и обратился къ своему полковнику: «Алексѣй Семеновичъ, вишь какіе гадкіе поросята; чего глядишь!» Полковникъ соскочилъ съ коня, поймалъ нѣсколько поросятъ, закололъ ихъ, положилъ въ торбу и продолжалъ путь съ кошевымъ. На пути изъ Бреста къ Варшавѣ, передъ соединеніемъ съ Дерфельденомъ, Суворовъ замѣтилъ въ одной попутной деревнѣ человѣкъ пять русскихъ мародеровъ и велѣлъ своему конвою ихъ схватить; солдаты оказались корпуса

Дерфельдена. «Вилимъ Христофоровичъ, караулъ, разбой», сказалъ Дерфельдену Суворовъ при первомъ свиданіи: «помилуй Богъ, солдатъ не разбойникъ, жителей не обижать; субординація, дисциплина». Смущенный Дерфельденъ только кланялся и говорилъ: «виноватъ, не доглядѣлъ». Нѣсколько времени спустя, онъ остановилъ свой корпусъ и произвелъ экзекуцію: мародеры были прогнаны сквозь строй погонными ружейными ремнями [23]).

Въ излишествахъ разнаго рода обвиняютъ и лично Суворова, говоря, что онъ воспламенялъ войска до крайней степени возбужденія, разсчитывая на высшую энергію минуты, отчего солдаты превращались на нѣкоторое время въ звѣрей. Но безъ возбужденія, заглушающаго въ людяхъ чувство самосохраненія, невозможны боевые подвиги, выходящіе изъ ряда. Говорить противъ такого подъема духа, когда невозможное становится возможнымъ, легко, а производить подобное возбужденіе – трудно; это удѣлъ избранныхъ. Кромѣ того надо помнить, что возбуждая въ солдатахъ боевой духъ въ моменты высшихъ испытаній, Суворовъ непремѣнно напоминалъ о человѣколюбіи, о пощадѣ безоружныхъ, о женщинахъ и дѣтяхъ, и дѣлалъ это не для одной очистки совѣсти, а настойчиво и упорно. Затѣмъ ему оставалось взыскивать съ виновныхъ, что онъ и дѣлалъ, постоянно настаивая на поддержаніи строгой дисциплины. Но до него мало что доходило (въ чемъ онъ конечно самъ виноватъ), а въ случаяхъ огульныхъ, какъ напримѣръ въ Прагѣ, наказаніе виновныхъ становилось невозможнымъ. Разумѣется и тогда у военачальника есть способы—привести къ порядку и устранить излишества на будущее время. Суворовъ можетъ быть въ этомъ отношеніи и погрѣшалъ, подъ радостнымъ впечатлѣніемъ одержанной побѣды, но опять-таки слѣдуетъ помнить, что въ Польской войнѣ русскія войска дѣйствовали подъ вліяніемъ особеннаго, едва ли устранимаго ожесточенія. Наконецъ, руководясь указаніями современниковъ, приходится значительную долю вины отнести на высшихъ и низшихъ начальниковъ и на офицеровъ. Между офицерами было очень много людей совершенно необразованныхъ, грубыхъ, не возвышавшихся своимъ развитіемъ надъ простыми солдатами; они не только не

останавливали своихъ подчиненныхъ, но еще распаляли ихъ и сами имъ помогали. «Къ моему удивленію», говоритъ одинъ современникъ (русскій нѣмецъ): «эти офицеры большею частью не русскіе, а нѣмцы». Тоже самое отчасти замѣчено и въ войну съ барской конфедераціей[24]).

Существовали еще постороннія обстоятельства, которыя не только не отваживали войскъ отъ поползновенія—пользоваться чужимъ добромъ, но косвенно ихъ къ тому поощряли. Полки не получали амуничныхъ вещей за 3 и за 4 мѣсяца; высылка войскамъ денегъ на покупку фуража сильно замедлялась; нѣкоторыя части не получали въ концѣ года жалованья не только за майскую, но даже за январскую треть. Суворовъ былъ безсиленъ измѣнить дѣло къ лучшему; высшіе петербургскіе военно-административные органы находились внѣ его власти, и онъ ничѣмъ инымъ, кромѣ писанія, не могъ помочь горю. Онъ писалъ и просилъ, но не получалъ; доносилъ Румянцову, но безуспѣшно; доносилъ наконецъ самой Императрицѣ. А въ добавокъ, внутреннее хозяйство полковъ было плохо во все царствованіе Екатерины и изобиловало всякаго рода злоупотребленіями, которыя коренились въ самыхъ основахъ его организаціи. Въ этомъ отношеніи Суворовъ бывалъ не вполнѣ правъ, недостаточностью контроля и болѣе активнаго отношенія къ административно-хозяйственной части, но отъ этого недостатка до капитальнаго порока еще далеко, и конечно не изъ указаннаго обстоятельства родились обвиненія его въ безцеремонномъ обращеніи съ побѣжденными и мирными жителями, въ жестокости и кровопійствѣ. Они, эти обвиненія, выросли или изъ недоразумѣній, порожденныхъ поверхностнымъ знакомствомъ съ предметомъ, или изъ побужденій, не имѣющихъ ничего общаго съ исторической критикой.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Въ Польшѣ послѣ войны; 1794—1795.

Запоздавшія инструкціи; противорѣчія между ними и Суворовскимъ образомъ дѣйствій; отвѣты и возраженія Суворова; опасенія въ Петербургѣ. — Характеръ дѣятельности Суворова по умиротворенію края; иная политика Австріи и Пруссіи. — Затрудненія Суворова относительно экономическихъ условій края и содержанія войскъ; мягкіе его поступки съ Польскимъ королемъ; строгія указанія по этому предмету изъ Петербурга; перемѣщеніе короля въ Гродно.— Нѣкоторыя частности пребыванія Суворова въ Польшѣ и его распоряженій; заботы о войскахъ и эксцентрическія выходки; безпорядки и злоупотребленія по хозяйственной части; дѣло Вронскаго.— Трудность соглашенія союзниковъ на счетъ судьбы Польши; военныя приготовленія и слухи. — Мелкія неудовольствія и непріятности, особенно по нарушенію амнистіи. — Иностранные писатели о Суворовѣ въ Польшѣ.

Война 1794 года окончилась такъ неожиданно быстро, что союзныя правительства, особенно Русское, были застигнуты въ расплохъ. Взятіе Варшавы могло послужить русскому главнокомандующему источникомъ большихъ затрудненій на первыхъ порахъ, если бы онъ былъ человѣкъ нерѣшительный, такъ какъ ни изъ Петербурга, ни отъ Румянцова онъ не имѣлъ никакихъ наставленій и полномочій, на счетъ направленія и смысла его послѣдующихъ распоряженій. Если вѣрить графу Безбородко, то онъ, Безбородко, говорилъ неоднократно, особенно послѣ сраженія при Мацеіовичахъ, о необходимости дать Суворову инструкцію на случай взятія Варшавы, но на его настоянія не обратили достаточнаго вниманія. Такимъ образомъ Суворовъ, не имѣя

инструкцій, повелъ дѣло по собственному усмотрѣнію. Онъ во-первыхъ объявилъ амнистію именемъ Императрицы, считая это вѣрнѣйшимъ средствомъ къ умиротворенію Польши и къ обезоруженію польскихъ войскъ, тѣмъ болѣе, что стояла поздняя осень и требовалась большая спѣшность. Во-вторыхъ онъ отчасти возстановилъ законное правительство, существовавшее до революціи, или, лучше сказать, оно возстановилось само, ходомъ событій, а Суворовъ не счелъ полезнымъ этому препятствовать. За симъ на все остальное, какъ второстепенное, можно было ожидать инструкцій, что́ Суворовъ и сдѣлалъ, заботясь лишь, чтобы военное имущество побѣжденной Польши поступило цѣликомъ въ руки побѣдителя [1]).

Первое по времени предписаніе, на счетъ образа дѣйствій Суворова въ завоеванной Польшѣ, послѣдовало отъ Румянцова 6 ноября, т.-е. получено было тогда, когда не только вышеизложенное было уже сдѣлано, но и обезоруженіе окончилось. Румянцовъ писалъ, что сдача Варшавы «на дискрецію» дѣлаетъ ее нашимъ завоеваніемъ, а потому управленіе должно производиться русской военной властью, съ устраненіемъ короля отъ участія въ дѣлахъ; участниковъ революціи и войны надлежитъ забирать, лишая ихъ свободы; доходы, контрибуціи и предметы продовольствія войскъ собирать, не заботясь объ инсургентахъ, которые должны вполнѣ заслуженно нести эту тягость. Румянцовъ выражаетъ надежду, что «Варшава покорена едино и единственно высочайшей волѣ, что всѣ преступники въ злочиніи томятся» и прочее, въ этомъ родѣ, т.-е. значительно жостче, чѣмъ было сдѣлано Суворовымъ. Послѣдующія предписанія Румянцова проникнуты тѣмъ же духомъ и направленіемъ; въ нихъ встрѣчаются постоянно «я надѣюсь, я увѣренъ», указывается на нѣкоторыхъ подозрительныхъ, которыхъ слѣдуетъ забрать, но настойчивыхъ, безапеляціонныхъ приказовъ не дается, вѣроятно потому, что предполагается снабженіе Суворова категорическими инструкціями изъ Петербурга [2]).

Эти инструкціи послѣдовали въ формѣ высочайшаго повелѣнія отъ 21 ноября, которое значитъ получено Суворовымъ

чрезъ мѣсяцъ по покореніи Варшавы. Высочайшее повелѣніе въ сущности однородно съ предписаніемъ Румянцова, но подробнѣе въ изложеніи частностей, и въ немъ еще болѣе указаній по такимъ предметамъ, которые давно были исполнены и порѣшены. Повелѣвается преслѣдовать вышедшихъ изъ Варшавы инсургентовъ, не изнуряя войскъ; ввести затѣмъ русскія войска на зимнія квартиры по правому берегу Вислы, отъ устья Вепржа, куда примкнетъ линія Австрійцевъ, до устья Нарева, гдѣ начнется линія Пруссаковъ; причемъ Ферзена направить въ Литву, а Дерфельдену расположиться по Нареву до литовскихъ границъ. Все военное имущество отобрать и послать, такъ же какъ и плѣнныхъ, въ русскіе предѣлы; гарантированную неприкосновенность лицъ и имущества соблюсти, но главныхъ дѣятелей апрѣльскихъ событій и всѣхъ членовъ бывшаго верховнаго совѣта арестовать и прислать въ Петербургъ; короля препроводить въ Гродно; иностраннымъ посланникамъ объявить, что миссія ихъ кончена. Взять съ Варшавы сильную контрибуцію деньгами или предметами, полезными для войскъ, попуждая въ случаѣ надобности военною силой; арсеналы и все принадлежащее коронѣ отобрать въ казну, также регаліи королевскія, бунчуки, знамена, печати, маршальскіе жезлы и проч., равно публичную библіотеку, называемую Залускаго, и всѣ архивы, произведя тщательный пересмотръ монастырскихъ архивовъ, подъ предлогомъ отыскиванія оружія. Управленіе краемъ производить, по праву завоеванія, военной властью, отъ имени Русской Императрицы, уничтоживъ введенные послѣднею революціей совѣты и департаменты, и никакихъ протестовъ и манифестацій не допускать. Такъ какъ удержаніе Варшавы требуетъ большого числа войскъ, которыя очень трудно продовольствовать, особенно въ виду необходимой заботы о продовольствованіи городского населенія, то вслѣдствіе близости города къ прусской границѣ, предложено Прусскому королю взять ее на свое попеченіе и занять своими войсками; если же, по извѣщенію русскаго посланника изъ Берлина, окажутся къ тому съ прусской стороны препятствія, то разрѣшается въ крайности просто оставить Варшаву, предоставивъ ее собственному жребію. Окон-

ней внутреннею своею жизнью ближе не только Турціи, но и Россіи. Многочисленные представители правившаго въ Польшѣ класса разсыпались по Европѣ; эти люди, удрученные несчастіемъ, нуждою, возбуждали къ себѣ и къ своему отечеству соболѣзнованіе и симпатію; съ ихъ горькихъ словъ вошло много неправды въ пониманіе и изображеніе случившейся катастрофы. Паденіе Польши было подготовлено ея предшествовавшей исторіей, въ которой дѣйствовало преимущественно шляхетство; шляхетство же является и обвинителемъ другихъ въ паденіи отечества. Въ военномъ отношеніи главнымъ виновникомъ катастрофы былъ Суворовъ, и онъ дѣлается цѣлью нелѣпыхъ вымысловъ и клеветы; въ немъ отрицается дарованіе и искуство, тѣмъ легче, что ни то, ни другое не укладываются подъ ходячія понятія. Но такъ какъ бездарный невѣжда постоянно бьетъ даровитыхъ и искусныхъ, притомъ одушевленныхъ крайнею степенью патріотическаго возбужденія, то это объясняется численнымъ перевѣсомъ, грубою силой, которая не щадитъ непріятеля и не бережетъ своихъ, а затѣмъ кровопійствомъ и жестокостью. Недостатокъ энергіи и стойкости въ защитѣ послѣдняго оплота независимости, Праги, является добавочнымъ, хотя и тайнымъ поводомъ къ выгораживанію себя во что бы то ни стало и къ обвиненію непріятеля, и русскій главнокомандующій выставляется какимъ-то выродкомъ человѣчества, амфибіей, которой вмѣсто воды нужна кровь.

Польша, послѣ своего паденія, не могла пожаловаться на недостатокъ въ покровителяхъ, защитникахъ или сторонникахъ; причиною тому не только сочувствіе къ несчастію, но и политическая доктрина. Этой политической подкладкой и подбиты натянутыя, несправедливыя и даже нелѣпыя свѣдѣнія о Суворовѣ, усвоенныя многочисленными друзьями Польши, и выводы изъ этихъ данныхъ, вторгнувшіеся въ исторію. Если сочувствіе къ судьбѣ Польши, завлекло одного знаменитаго историка такъ далеко, что онъ не затруднился найти у русскихъ людей взоръ, напоминающій насѣкомыхъ, то не представляется особенно труднымъ сдѣлать изъ Суворова дикаго невѣжду и кровопійцу.

И въ русскихъ войскахъ, и въ Суворовѣ были дурныя стороны, но безпристрастная ихъ оцѣнка вовсе не ведетъ къ обобщеніямъ и заключеніямъ, въ родѣ приведенныхъ. Войны того времени не отличались нынѣшней сравнительной мягкостью или, лучше сказать, желаніемъ съузить сферу военныхъ бѣдствій, а военныя дѣйствія Русскихъ тѣмъ паче, благодаря ихъ предшествовавшей исторіи и войнамъ съ Турками. *Добыча* была узаконеннымъ явленіемъ войны, а слѣдовательно и грабежъ, особенно при штурмахъ. Румянцовъ, Суворовъ и нѣкоторые другіе старались урегулировать грабежъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его допускалъ военный обычай, но большею частію безплодно, ибо тутъ каждый солдатъ дѣлался самъ себѣ господиномъ и изъ рукъ начальства ускользалъ. Отмѣнить же совсѣмъ право на добычу, было дѣломъ невозможнымъ ни по понятіямъ времени, ни по традиціямъ; оно успѣло войти въ плоть и кровь и представлялось однимъ изъ залоговъ побѣды. А какъ только это право существовало, то солдаты старались примѣнить его всюду, гдѣ только могли: получалось мародерство и грабительство. И то, и другое преслѣдовалось и наказывалось, особенно Румянцовымъ и Суворовымъ, и такимъ образомъ умѣрялось, но не искоренялось, потому что такое требованіе начальства представлялось солдату непослѣдовательнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, грабительство было логическимъ послѣдствіемъ права на добычу; не уничтоживъ второго, нельзя было уничтожить и перваго.

Естественнымъ спутникомъ привычки къ грабежу была распущенность, которая особенно развилась при Потемкинѣ. Знаменитый впослѣдствіи Ростопчинъ, обыкновенно не жалѣвшій густыхъ красокъ и смѣлыхъ уподобленій, пишетъ одному изъ Воронцовыхъ о назначеніи Румянцова въ 1794 году главнокомандующимъ: «побѣда собирается вновь поступить на службу Россіи, вмѣстѣ съ порядкомъ и дисциплиной, которые при Потемкинѣ были отставлены безъ пенсіона». Не такъ хлестко, но въ дѣйствительности не мягче выражается Безбородко, Воронцовъ и другіе государственные люди того времени. Все это послѣ Потемкина стало по немногу исправляться, но слѣды оста-

лись на-долго, и въ Польскую войну давали себя знать. Нельзя конечно вѣрить польскимъ источникамъ въ описаніи русскихъ грабежей, ибо въ нихъ говоритъ тенденція и разсчетъ на эффектъ, но несомнѣнно, что солдаты сохранили и въ Польшѣ свои привычки, пріобрѣтенныя въ Турціи. Слѣдуетъ однако принять въ соображеніе, что польскія войны были борьбою партій, и Россія держала сторону одной изъ нихъ, а такія войны всегда и всюду носили характеръ особенной жосткости. Бывали случаи, когда эта жосткость заходила слишкомъ далеко. Въ эту войну Дерфельденъ получилъ повелѣніе—имѣній князей Чарторижскихъ, противниковъ Россіи, не щадить; поэтому была предана грабежу Пулава съ дворцомъ, прекрасными садами и парками, библіотекою и т. под. Дворецъ подвергся совершенному разоренію, картины были изорваны и испорчены, библіотека изъ 40,000 томовъ разметана и истреблена, кабинетъ естественной исторіи тоже, богатая коллекція окаменѣлостей раздроблена. Такія излишества были исключительно дѣломъ рукъ невѣжественныхъ солдатъ, вслѣдствіе невозможности регулировать грабежъ, чуть только онъ разрѣшенъ. Русское правительство разумѣется не желало такого вандальства, ибо не такъ оно поступило позже, въ Варшавѣ, съ библіотекою Залускаго; не такого рода инструкціи давало и въ другихъ случаяхъ. Впрочемъ приведенный случай есть исключительный; распущенность войскъ выражалась обыкновенно въ фактахъ болѣе мелкихъ, но за то и болѣе заурядныхъ. Приведемъ примѣры. Когда корпусъ Дерфельдена шелъ на соединеніе съ Суворовымъ, въ авангардѣ графа Зубова находилось нѣсколько сотъ Черноморскихъ казаковъ, подъ начальствомъ кошевого Чепеги. Проходя чрезъ одно мѣстечко, кошевой замѣтилъ бѣгающихъ по улицѣ поросятъ и обратился къ своему полковнику: «Алексѣй Семеновичъ, вишь какіе гадкіе поросята; чего глядишь!» Полковникъ соскочилъ съ копя, поймалъ нѣсколько поросятъ, закололъ ихъ, положилъ въ торбу и продолжалъ путь съ кошевымъ. На пути изъ Бреста къ Варшавѣ, передъ соединеніемъ съ Дерфельденомъ, Суворовъ замѣтилъ въ одной попутной деревнѣ человѣкъ пять русскихъ мародеровъ и велѣлъ своему конвою ихъ схватить; солдаты оказались корпуса

Дерфельдена. «Вилимъ Христофоровичъ, караулъ, разбой», сказалъ Дерфельдену Суворовъ при первомъ свиданіи: «помилуй Богъ, солдатъ не разбойникъ, жителей не обижать; субординація, дисциплина». Смущенный Дерфельденъ только кланялся и говорилъ: «виноватъ, не доглядѣлъ». Нѣсколько времени спустя, онъ остановилъ свой корпусъ и произвелъ экзекуцію: мародеры были прогнаны сквозь строй погонными ружейными ремнями [28]).

Въ излишествахъ разнаго рода обвиняютъ и лично Суворова, говоря, что онъ воспламенялъ войска до крайней степени возбужденія, разсчитывая на высшую энергію минуты, отчего солдаты превращались на нѣкоторое время въ звѣрей. Но безъ возбужденія, заглушающаго въ людяхъ чувство самосохраненія, невозможны боевые подвиги, выходящіе изъ ряда. Говорить противъ такого подъема духа, когда невозможное становится возможнымъ, легко, а производить подобное возбужденіе – трудно; это удѣлъ избранныхъ. Кромѣ того надо помнить, что возбуждая въ солдатахъ боевой духъ въ моменты высшихъ испытаній, Суворовъ непремѣнно напоминалъ о человѣколюбіи, о пощадѣ безоружныхъ, о женщинахъ и дѣтяхъ, и дѣлалъ это не для одной очистки совѣсти, а настойчиво и упорно. Затѣмъ ему оставалось взыскивать съ виновныхъ, что онъ и дѣлалъ, постоянно настаивая на поддержаніи строгой дисциплины. Но до него мало что доходило (въ чемъ онъ конечно самъ виноватъ), а въ случаяхъ огульныхъ, какъ напримѣръ въ Прагѣ, наказаніе виновныхъ становилось невозможнымъ. Разумѣется и тогда у военачальника есть способы—привести къ порядку и устранить излишества на будущее время. Суворовъ можетъ быть въ этомъ отношеніи и погрѣшалъ, подъ радостнымъ впечатлѣніемъ одержанной побѣды, но опять-таки слѣдуетъ помнить, что въ Польской войнѣ русскія войска дѣйствовали подъ вліяніемъ особеннаго, едва ли устранимаго ожесточенія. Наконецъ, руководясь указаніями современниковъ, приходится значительную долю вины отнести на высшихъ и низшихъ начальниковъ и на офицеровъ. Между офицерами было очень много людей совершенно необразованныхъ, грубыхъ, не возвышавшихся своимъ развитіемъ надъ простыми солдатами; они не только не

останавливали своихъ подчиненныхъ, но еще распаляли ихъ и сами имъ помогали. «Къ моему удивленію», говоритъ одинъ современникъ (русскій нѣмецъ): «эти офицеры большею частью не русскіе, а нѣмцы». Тоже самое отчасти замѣчено и въ войну съ барской конфедераціей[24]).

Существовали еще постороннія обстоятельства, которыя не только не отваживали войскъ отъ поползновенія—пользоваться чужимъ добромъ, но косновенно ихъ къ тому поощряли. Полки не получали амуничныхъ вещей за 3 и за 4 мѣсяца; высылка войскамъ денегъ на покупку фуража сильно замедлялась; нѣкоторыя части не получали въ концѣ года жалованья не только за майскую, но даже за январскую треть. Суворовъ былъ безсиленъ измѣнить дѣло къ лучшему; высшіе петербургскіе военно-административные органы находились внѣ его власти, и онъ ничѣмъ инымъ, кромѣ писанія, не могъ помочь горю. Онъ писалъ и просилъ, но не получалъ; доносилъ Румянцову, но безуспѣшно; доносилъ наконецъ самой Императрицѣ. А въ добавокъ, внутреннее хозяйство полковъ было плохо во все царствованіе Екатерины и изобиловало всякаго рода злоупотребленіями, которыя коренились въ самыхъ основахъ его организаціи. Въ этомъ отношеніи Суворовъ бывалъ не вполнѣ правъ, недостаточностью контроля и болѣе активнаго отношенія къ административно-хозяйственной части, но отъ этого недостатка до капитальнаго порока еще далеко, и конечно не изъ указаннаго обстоятельства родились обвиненія его въ безцеремонномъ обращеніи съ побѣжденными и мирными жителями, въ жестокости и кровопійствѣ. Они, эти обвиненія, выросли или изъ недоразумѣній, порожденныхъ поверхностнымъ знакомствомъ съ предметомъ, или изъ побужденій, не имѣющихъ ничего общаго съ исторической критикой.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Въ Польшѣ послѣ войны; 1794—1795.

Запоздавшія инструкціи; противорѣчія между ними и Суворовскимъ образомъ дѣйствій; отвѣты и возраженія Суворова; опасенія въ Петербургѣ. — Характеръ дѣятельности Суворова по умиротворенію края; иная политика Австріи и Пруссіи. — Затрудненія Суворова относительно экономическихъ условій края и содержанія войскъ; мягкіе его поступки съ Польскимъ королемъ; строгія указанія по этому предмету изъ Петербурга; перемѣщеніе короля въ Гродно.— Нѣкоторыя частности пребыванія Суворова въ Польшѣ и его распоряженій; заботы о войскахъ и эксцентрическія выходки; безпорядки и злоупотребленія по хозяйственной части; дѣло Вронскаго.— Трудность соглашенія союзниковъ на счетъ судьбы Польши; военныя приготовленія и слухи. — Мелкія неудовольствія и непріятности, особенно по нарушенію амнистіи. — Иностранные писатели о Суворовѣ въ Польшѣ.

Война 1794 года окончилась такъ неожиданно быстро, что союзныя правительства, особенно Русское, были застигнуты въ расплохъ. Взятіе Варшавы могло послужить русскому главнокомандующему источникомъ большихъ затрудненій на первыхъ порахъ, если бы онъ былъ человѣкъ нерѣшительный, такъ какъ ни изъ Петербурга, ни отъ Румянцова онъ не имѣлъ никакихъ наставленій и полномочій, на счетъ направленія и смысла его послѣдующихъ распоряженій. Если вѣрить графу Безбородко, то онъ, Безбородко, говорилъ неоднократно, особенно послѣ сраженія при Мацеіовичахъ, о необходимости дать Суворову инструкцію на случай взятія Варшавы, но на его настоянія не обратили достаточнаго вниманія. Такимъ образомъ Суворовъ, не имѣя

инструкцій, повелъ дѣло по собственному усмотрѣнію. Онъ во-первыхъ объявилъ амнистію именемъ Императрицы, считая это вѣрнѣйшимъ средствомъ къ умиротворенію Польши и къ обезоруженію польскихъ войскъ, тѣмъ болѣе, что стояла поздняя осень и требовалась большая спѣшность. Во-вторыхъ онъ отчасти возстановилъ законное правительство, существовавшее до революціи, или, лучше сказать, оно возстановилось само, ходомъ событій, а Суворовъ не счелъ полезнымъ этому препятствовать. За симъ на все остальное, какъ второстепенное, можно было ожидать инструкцій, что́ Суворовъ и сдѣлалъ, заботясь лишь, чтобы военное имущество побѣжденной Польши поступило цѣликомъ въ руки побѣдителя [1]).

Первое по времени предписаніе, на счетъ образа дѣйствій Суворова въ завоеванной Польшѣ, послѣдовало отъ Румянцова 6 ноября, т.-е. получено было тогда, когда не только вышеизложенное было уже сдѣлано, но и обезоруженіе окончилось. Румянцовъ писалъ, что сдача Варшавы «на дискрецію» дѣлаетъ ее нашимъ завоеваніемъ, а потому управленіе должно производиться русской военной властью, съ устраненіемъ короля отъ участія въ дѣлахъ; участниковъ революціи и войны надлежитъ забирать, лишая ихъ свободы; доходы, контрибуціи и предметы продовольствія войскъ собирать, не заботясь объ инсургентахъ, которые должны вполнѣ заслуженно нести эту тягость. Румянцовъ выражаетъ надежду, что «Варшава покорена едино и единственно высочайшей волѣ, что всѣ преступники въ злочиніи томятся» и прочее, въ этомъ родѣ, т.-е. значительно жостче, чѣмъ было сдѣлано Суворовымъ. Послѣдующія предписанія Румянцова проникнуты тѣмъ же духомъ и направленіемъ; въ нихъ встрѣчаются постоянно «я надѣюсь, я увѣренъ», указывается на нѣкоторыхъ подозрительныхъ, которыхъ слѣдуетъ забрать, но настойчивыхъ, безапеляціонныхъ приказовъ не дается, вѣроятно потому, что предполагается снабженіе Суворова категорическими инструкціями изъ Петербурга [2]).

Эти инструкціи послѣдовали въ формѣ высочайшаго повелѣнія отъ 21 ноября, которое значитъ получено Суворовымъ

чрезъ мѣсяцъ по покореніи Варшавы. Высочайшее повелѣніе въ сущности однородно съ предписаніемъ Румянцова, но подробнѣе въ изложеніи частностей, и въ немъ еще болѣе указаній по такимъ предметамъ, которые давно были исполнены и порѣшены. Повелѣвается преслѣдовать вышедшихъ изъ Варшавы инсургентовъ, не изнуряя войскъ; ввести затѣмъ русскія войска на зимнія квартиры по правому берегу Вислы, отъ устья Вепржа, куда примкнетъ линія Австрійцевъ, до устья Нарева, гдѣ начнется линія Пруссаковъ; причемъ Ферзена направить въ Литву, а Дерфельдену расположиться по Нареву до литовскихъ границъ. Все военное имущество отобрать и послать, такъ же какъ и плѣнныхъ, въ русскіе предѣлы; гарантированную неприкосновенность лицъ и имущества соблюсти, но главныхъ дѣятелей апрѣльскихъ событій и всѣхъ членовъ бывшаго верховнаго совѣта арестовать и прислать въ Петербургъ; короля препроводить въ Гродно; иностраннымъ посланникамъ объявить, что миссія ихъ кончена. Взять съ Варшавы сильную контрибуцію деньгами или предметами, полезными для войскъ, понуждая въ случаѣ надобности военною силой; арсеналы и все принадлежащее коронѣ отобрать въ казну, также регаліи королевскія, бунчуки, знамена, печати, маршальскіе жезлы и проч., равно публичную библіотеку, называемую Залускаго, и всѣ архивы, произведя тщательный пересмотръ монастырскихъ архивовъ, подъ предлогомъ отыскиванія оружія. Управленіе краемъ производить, по праву завоеванія, военной властью, отъ имени Русской Императрицы, уничтоживъ введенные послѣднею революціей совѣты и департаменты, и никакихъ протестовъ и манифестацій не допускать. Такъ какъ удержаніе Варшавы требуетъ большого числа войскъ, которыя очень трудно продовольствовать, особенно въ виду необходимой заботы о продовольствованіи городского населенія, то вслѣдствіе близости города къ прусской границѣ, предложено Прусскому королю взять ее на свое попеченіе и занять своими войсками; если же, по извѣщенію русскаго посланника изъ Берлина, окажутся къ тому съ прусской стороны препятствія, то разрѣшается въ крайности просто оставить Варшаву, предоставивъ ее собственному жребію. Окон-

чательное рѣшеніе участи Польши будетъ принято съ общаго согласія союзниковъ [3]).

Таковы были офиціальныя указанія, сдѣланныя Суворову въ его новомъ положеніи — правителя завоеваннаго края. Нельзя сказать, чтобы имъ были положительно недовольны за первые его самостоятельные шаги, такъ какъ не его была вина, что не поспѣли во-время инструкціи; но видно, что онъ затруднилъ правительство въ прямой и категорической постановкѣ дѣла на желаемую ногу. Суворовъ «не нашелся въ нужныхъ по обстоятельствамъ мѣрахъ», говоритъ неоднократно Безбородко въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ, и это же стереотипное выраженіе находимъ мы въ перепискѣ другихъ государственныхъ людей. Оно не совсѣмъ вѣрно выражаетъ дѣйствительный фактъ. Суворовъ не путался, не колебался въ выборѣ предстоящаго пути, а избралъ сразу единственный, отвѣчавшій по его мнѣнію обстоятельствамъ. Правительство уже знало, что Польша должна подвергнуться окончательному раздѣлу, а Суворову это было совершенно неизвѣстно. Такимъ образомъ онъ только не предусмотрѣлъ намѣреній правительства, не имѣя на то рѣшительно никакихъ руководящихъ данныхъ; не могли предусмотрѣть видовъ Петербургскаго кабинета и дипломатическіе чиновники высшихъ чиновъ, бароны Ашъ и Бюлеръ, освобожденные изъ плѣна и Суворову помогавшіе. А такъ какъ первые самостоятельные шаги Суворова, по взятіи Варшавы, повели прямо къ цѣли, т.-е. къ быстрому обезоруженію польскаго войска и умиротворенію края, то никакъ нельзя сказать, что онъ не нашелся.

Однако, вслѣдствіе поздно подоспѣвшихъ инструкцій, народились затрудненія, которыхъ иначе не было бы, ибо теперь приходилось уже не дѣлать на-ново, а передѣлывать сдѣланное. Съ этой стороны Суворовъ не отличался большой податливостью, и въ Петербургѣ не безъ основанія опасались, чтобы онъ, «взявъ совсѣмъ иное понятіе о королѣ и о прочихъ, не нанесъ безпокойствъ съ неугомонными Поляками». Онъ конечно не могъ не повиноваться, но и не расположенъ былъ смотрѣть на себя какъ на простое колесо, служащее лишь для механической передачи движенія. Онъ былъ на мѣстѣ, у самаго дѣла, и этому

условію всегда придавалъ большое значеніе; планъ могъ быть составленъ въ общихъ чертахъ въ Петербургѣ, но исполненіе его слѣдовало предоставить *локальнымъ*, такъ какъ средства къ удержанію края въ полномъ спокойствіи вытекали и изъ мѣстныхъ условій. Этого взгляда на предметъ Суворовъ и придержался [1]).

Онъ отвѣчалъ Румянцову, не имѣя еще приведеннаго выше рескрипта Екатерины. Съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ неудовольствія онъ говоритъ, что «кабинетной политики не знаетъ», вѣроятно намекая на необходимость знакомства съ мѣстными обстоятельствами, которыхъ изъ кабинета не видать. Затѣмъ онъ доноситъ, что все, что слѣдуетъ отправить внутрь Россіи, будетъ отправлено, и за симъ въ варшавскихъ цейхгаузахъ ничего не останется; что магистратъ остался при своемъ дѣлѣ подъ вѣдѣніемъ коменданта Буксгевдена; что по крайнему оскудѣнію земли, никакихъ сборовъ (контрибуціонныхъ) производить нельзя. «Все предано забвенію», говоритъ онъ дальше: «въ бесѣдахъ обращаемся какъ друзья и братья». Отношенія его къ Полякамъ были такъ хороши, что начальники инсургентовъ обращались къ нему (до обезоруженія) съ откровенною просьбою — дозволить имъ продолжать войну съ Пруссаками, на что Суворовъ отшучивался, говоря, что «это неприлично». За сообщенія между частями русскихъ войскъ, расположенными по зимнимъ квартирамъ, онъ не опасается нисколько, потому что инсургентовъ не существуетъ и вездѣ спокойно; для удержанія Польши съ Литвой въ такомъ состояніи спокойствія, считаетъ достаточнымъ 20,000 войска, а спустя нѣкоторое время довольно будетъ и половины. Засимъ на послѣдующія напоминанія Румянцова о необходимости постоянной бдительности и осторожности, Суворовъ всякій разъ отвѣчаетъ, что опасаться нечего, что вездѣ тихо и будетъ тихо.

Государынѣ онъ донесъ на ея рескриптъ слѣдующее. При сдачѣ Варшавы, объявлена Императорскимъ именемъ всѣмъ покоряющимся свобода и забвеніе, потому что эта мѣра успѣшнѣе всякихъ другихъ способна умиротворить край и прекратить въ немъ замѣшательства; отъ прощеныхъ взяты реверсы въ

томъ, что будутъ жить спокойно и воздержатся отъ вредныхъ для Россіи и ея союзниковъ замысловъ. Лица эти уволены съ паспортами по домамъ, а нѣкоторые остались жить въ Варшавѣ; изъ нихъ, согласно полученнаго повелѣнія, президентъ верховнаго совѣта Закржевскій и наличные члены Игнатій Потоцкій и Мостовскій будутъ отправлены въ Петербургъ, но онъ, Суворовъ, счелъ нужнымъ обнадежить ихъ помилованіемъ. Высочайшая воля будетъ объявлена Польскому королю по учрежденіи почтовыхъ станцій отъ Варшавы до Гродна. Варшава такъ оскудѣла, что едва пропитывается, а потому не только сильная, но и самая малая контрибуція совсѣмъ бы ее разорила; на этомъ основаніи контрибуція не была наложена и нынѣ не налагается, а взамѣнъ ея приказано забирать скарбовые доходы. Высшее Польское правительство упразднено, но городской магистратъ возобновленъ; онъ дѣйствуетъ подъ наблюденіемъ генерала Буксгевдена, отличаясь приверженностью къ Русской Императрицѣ; протесты, манифестаціи и подобнаго направленія книги и сочиненія запрещены. Архивы, библіотеку Залускаго и проч., приказано тайному совѣтнику Ашу отыскивать и приготовлять къ отправленію; артиллерія, оружіе, амуниція и другіе предметы военной потребности, забраны безъ остатка и перевозятся въ русскіе предѣлы. По сношенію съ прусскими и австрійскими властями, открытъ безпрепятственный ввозъ изъ-за границы жизненныхъ припасовъ, а потому и жители Варшавы, и квартирующія въ ней войска будутъ имѣть средства къ пропитанію, не чувствуя особенной нужды. Къ тому же теперь зима, перемѣщать отдыхающія на винтеръ-квартирахъ войска съ лѣвой на правую сторону Вислы, было бы затруднительно и для нихъ безпокойно, а потому всѣ они оставлены на нынѣшнихъ ихъ мѣстахъ, съ которыхъ и не тронутся впредь до новаго повелѣнія. На томъ же основаніи сообщено и Прусскому королю, что въ Варшавѣ русскія войска остаются, и чтобы онъ для занятія города своихъ войскъ не посылалъ [5]).

Спокойный, увѣренный тонъ донесенія Суворова, уступчивость по однимъ вопросамъ, отстаиваніе сдѣланныхъ распоряженій по другимъ, вообще сознательное отношеніе его къ дѣлу,

безъ упрямства и безъ вмѣшательства личнаго самолюбія, — все это не могло остаться безъ результата. Въ Петербургѣ нѣсколько успокоились, по-неволѣ помирившись съ мыслью, что новый фельдмаршалъ «не нашелся» во-время. Но такъ какъ миръ былъ вынужденный, то безпокойство по временамъ возвращалось, подымалась тревога, раздавались нареканія на Суворова. «Теперь, по положенію нашему, наиболѣе надлежитъ со всѣхъ сторонъ ожидать сквозныхъ вѣтровъ», писалъ Хвостову Курисъ, правитель канцеляріи Суворова. И дѣйствительно, «въ сквозныхъ вѣтрахъ» недостатка не было, потому что не было недостатка въ разныхъ тревожныхъ симптомахъ, которые Суворову представлялись пустыми, а въ глазахъ другихъ выростали до огромнаго размѣра.

Безбородко пишетъ одному изъ Воронцовыхъ, что «вся Галиція наполнена польскими эмигрантами, и тамъ всѣ готовы къ бунту, да и не встрѣтятъ много къ тому затрудненій». Кочубей сообщилъ Суворову изъ Константинополя, что по доходящимъ слухамъ, Французы стараются возбуждать въ Венгріи и Польшѣ духъ волненія и что неудовольствіе Поляковъ произведетъ взрывъ при первомъ удобномъ случаѣ; Кочубей этого не опасается, но считаетъ долгомъ донести. Румянцовъ пишетъ о грозящемъ въ Венгріи и Галиціи возмущеніи; о томъ, что прусскія и австрійскія войска двигаются по направленію къ мѣстамъ, занятымъ Русскими; что сверхъ находящихся въ Галиціи 24,000 человѣкъ, Австрійцы двинули чрезъ границы Венгріи еще 60,000; что духъ польскаго возмущенія далеко не исчезъ, какъ это доказывается разными признаками, особенно подметными и прибиваемыми письмами; что въ многія мѣста отправлены изъ Молдавіи эмиссары подъ видомъ купцовъ, и необходимо учредить строгій надзоръ надъ всѣми пріѣзжающими иностранцами. Князь Репнинъ извѣщаетъ Суворова (въ мартѣ 1795 г.), что разнесся ложный слухъ о бѣгствѣ Косцюшки изъ плѣна, а потому принимаются мѣры къ предупрежденію въ Литвѣ волненій [6]).

Суворовъ, зная близко положеніе дѣлъ, не даетъ серьезнаго значенія изложеннымъ тревожнымъ признакамъ и выросшимъ

изъ нихъ опасеніямъ. Онъ разубѣждаетъ Румянцова, ручается за спокойствіе; говоритъ, что въ Галиціи всего 12,000 австрійскихъ войскъ, а не 74,000; что если Австрійцы предпримутъ военный походъ, то не противъ насъ, а противъ Пруссаковъ и т. под. Но какъ ни убѣдительно говоритъ въ пользу Суворова и его системы время, проходящее въ совершенной тишинѣ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, петербургскіе руководители все не могутъ усвоить его взгляда, распаляютъ свое воображеніе ужасающими призраками будущаго, или просто будируютъ, такъ какъ Суворовъ уже слишкомъ много *напортилъ*, чтобы можно было все имъ сдѣланное *исправить*. Не безъ того, чтобы въ оцѣнку дѣйствующаго въ Польшѣ порядка не вмѣшивалось и оскорбленное самолюбіе дѣльцовъ-заправителей, изъ рукъ которыхъ ускользнула доля прямого дирижированія дѣломъ. Въ письмѣ одного изъ государственныхъ людей, Трощинскаго, къ А. Воронцову, читаемъ: «всѣ чувствуютъ ошибку Суворова, что онъ съ Варшавы не взялъ большой контрибуціи; но не хотятъ его въ этомъ исправить, изъ смѣха достойнаго уваженія къ тѣмъ обѣщаніямъ, какія онъ далъ самымъ злѣйшимъ Полякамъ о забвеніи всего прошедшаго и о неприкосновенности ни къ ихъ лицамъ, ни къ ихъ имѣніямъ». Таковы могли существовать понятія о силѣ обѣщаній, данныхъ именемъ Императрицы! Графъ Безбородко не столь категорически держался подобнаго взгляда, но все-таки не разъ относился критически къ порядкамъ, созданнымъ въ Польшѣ Суворовымъ. Въ особенности онъ не могъ помириться съ тѣмъ, что Суворовъ не отстранилъ сразу короля и другихъ высшихъ властей отъ управленія и не поставилъ русскихъ военныхъ начальниковъ. «Горячка въ Полякахъ дѣйствовать не перестаетъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «гетманъ Ржевускій прислалъ сюда своего адъютанта съ планомъ правленія Польши и заранѣе торгуется о власти гетманской». Въ другомъ его письмѣ излагается убѣжденіе, что Суворовъ «скорѣе всю Варшаву истребитъ до основанія, чѣмъ дастъ своихъ сюрпренировать», но все таки высказывается опасеніе, что тамъ существуетъ «мятежное гнѣздо», хотя и не отрицается, что полиція Буксгведена «очень бди-

тельна». Въ сущности грозящая опасность сводится къ тому, что Іосифъ Понятовскій живетъ свободно въ Варшавѣ, ходитъ безъ орденовъ, въ революціонномъ плащѣ, содержитъ на свои средства и угощаетъ множество офицеровъ, которые говорятъ Богъ знаетъ что на нашъ счетъ. Кромѣ того, безпокойныхъ изъ черни высылаютъ за прусскій кордонъ, гдѣ ихъ пишутъ въ солдаты, а слѣдовало бы, какъ предлагалъ Буксгевденъ, «посылать ради страха въ Кіевъ, для употребленія въ дальніе гарнизоны и работы». Цѣпь этихъ малоубѣдительныхъ и противорѣчивыхъ доводовъ, Безбородко замыкаетъ тѣмъ, что Суворовъ «взялъ на себя видъ слишкомъ большой кротости»; но Безбородко ошибается и тутъ, потому что Суворовъ вовсе не прикидывался, а сознательно держался системы, по его мнѣнію единственно ведущей къ цѣли. «Того только и ждать, что вспыхнетъ огонь», продолжаетъ Безбородко и затѣмъ, незамѣтно для самого себя, обнаруживаетъ одну изъ главныхъ причинъ своего недовольства. «Вообще дѣла послѣ взятія Варшавы пошли страннымъ ходомъ», говоритъ онъ: «наши новые министры и правители въ полномъ удостовѣреніи, что добрый оборотъ дѣлъ есть ихъ единственная работа,—зачали насъ худо трактовать, такъ что мы не знаемъ уже ничего, что тамъ дѣлается. Суворовъ себя исключаетъ самъ изъ зависимости стараго фельдмаршала (Румянцова), а сей послѣдній и самъ удаляется отъ распоряженій по той части; князь Репнинъ весьма малодушествуетъ и видитъ всякую бѣду втрое».

Странное заблужденіе! Развѣ не Суворову обязана была Россія скорымъ успокоеніемъ побѣжденной Польши и непрерывавшимся въ ней мирнымъ положеніемъ дѣлъ; развѣ не было это умиротвореніе прямымъ слѣдствіемъ того, что Суворова не успѣли снабдить заранѣе инструкціями и невольно предоставили ему полную свободу дѣйствій на первое, самое важное время? Или это видно только намъ, отдѣленнымъ отъ того времени почти столѣтіемъ, а современникамъ могло казаться иначе, подъ слишкомъ живымъ впечатлѣніемъ двигавшейся панорамы событій и подъ вліяніемъ сталкивающихся интересовъ и самолюбій? Должно быть такъ, но во всякомъ случаѣ взглядъ Безбородко, будучи въ

высшихъ сферахъ преобладающимъ, не былъ единственнымъ, и мы встрѣчаемъ изрѣдка въ перепискѣ высоко-стоящихъ людей эпохи если не полное признаніе заслуги Суворова, то засвидѣтельствованіе факта, что Польша находилась въ совершенномъ повиновеніи и серьезныхъ опасеній не возбуждала. Но Суворову тѣмъ не менѣе приходилось защищать свою систему отъ неправильныхъ толкованій и нареканій. И вотъ онъ насмѣшливо указываетъ на возможность удержанія Польши въ нашихъ рукахъ, мирною и спокойною, при окупаціи ея всего 10,000 человѣкъ, какъ бы вызывая на опытъ, а репресивныя побужденія клеймитъ сарказмомъ, говоря, что у Поляковъ взято уже все— пожитки, артиллерія, оружіе, военные запасы и пр., а взамѣнъ того выдано нѣсколько десятковъ тысячъ паспортовъ. «Острый и значущій отвѣтъ», замѣчаетъ лицо, приводящее его слова [7]).

Несмотря на осторожное, но все-таки замѣтное осужденіе его системы и особенно нѣкоторыхъ ея частностей, Суворовъ, дѣлая уступки гдѣ это было неизбѣжно, продолжалъ свой прежній путь, глубоко убѣжденный въ его благодѣтельности. Аресты производились лишь единичные, на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 21 ноября 1794 года. Еще до появленія Суворова на театрѣ войны въ роли первенствующаго лица, было отправлено въ Петербургъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ взятые въ плѣнъ Косцюшко, его секретарь Нѣмцевичъ и адъютанты Гофманъ и Фишеръ; затѣмъ арестованы Суворовымъ Вавржецкій, Закржевскій, Игнатій Потоцкій и Мостовскій; теперь тоже самое сдѣлано съ разорившимся банкиромъ Капустасомъ, близкимъ къ Колонтаю лицомъ, а также съ сапожникомъ (изъ шляхтичей) Килинскимъ, какъ съ лицами, принимавшими въ революціи выдающееся участіе, причемъ послѣдній кромѣ того былъ одною изъ главныхъ пружинъ варшавской апрѣльской рѣзни. Капустасъ и Килинскій (арестованный въ Познани и выданный Пруссаками) отправлены, подобно всѣмъ прежнимъ, сначала къ Румянцову, а отъ него въ Петербургъ. Затѣмъ, сколько извѣстно изъ документовъ, никакихъ арестовъ Суворовымъ произведено не было; но и эти немногіе, произведенные имъ противъ своей воли, онъ старался какъ бы возмѣстить поступками

милосердія и ходатайствами. Тотчасъ по взятіи Варшавы онъ доносилъ, что, хотя президентъ верховнаго совѣта Закржевскій куда-то скрылся (онъ уѣхалъ съ Ваврженцкимъ), но «по добродушію непремѣнно явится или письменно отзовется.» Нѣсколько позже, когда это сбылось, Суворовъ снова обращается къ Румянцову съ добрымъ словомъ о Закржевскомъ, указывая, что однажды, при народномъ волненіи въ Варшавѣ, онъ съ опасностью своей жизни избавилъ отъ смерти нѣсколькихъ благомыслящихъ магнатовъ. Одновременно съ этимъ, Суворовъ поручаетъ заступничеству своего начальника бывшаго польскаго коменданта Варшавы Орловскаго, называя его «добрымъ и достойнымъ человѣкомъ», который своими попеченіями о русскихъ плѣнныхъ, заслужилъ общую ихъ благодарность. Онъ обращается къ кіевскому коменданту съ просьбою освободить подъ реверсы 4 офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ въ разныхъ сраженіяхъ и отправленныхъ въ Кіевъ, объясняя, что «всѣ они люди честные, ни въ чемъ по дѣламъ невинные» и имѣютъ въ Польшѣ свои семейства и деревни. Генерала Гелгуда, того самаго, что не сразу согласился подписать реверсъ, и которому потомъ понадобилось ѣхать по дѣламъ въ Петербургъ, Суворовъ рекомендуетъ графу Платону Зубову и поручаетъ въ его покровительство. Около того же времени онъ проситъ Хвостова похлопотать объ освобожденіи Грабовскаго, взятаго въ одномъ изъ сраженій въ плѣнъ и находящагося въ Смоленскѣ, а также поручаетъ позаботиться объ оказаніи пособія бѣдной семьѣ одного польскаго чиновника. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, онъ обращается къ Платону Зубову за испрошеніемъ высочайшаго повелѣнія на счетъ принятія въ русскую службу многихъ офицеровъ бывшей польской арміи, «весьма достойныхъ людей, не имѣющихъ пропитанія». Когда исполненіе этого ходатайства затянулось, Суворовъ поручаетъ Хвостову подвинуть дѣло, ибо «безхлѣбные офицеры инсургентовъ здѣсь площадь бьютъ, весьма должно этимъ разрѣшеніемъ ускорить», говоритъ онъ: «за то они мною недовольны».

Было бы слишкомъ продолжительно перечислять всѣ просьбы, представленія и ходатайства Суворова о Полякахъ разныхъ об-

щественныхъ положеній, ихъ женахъ, семействахъ и проч. Онъ сносился даже по этому предмету съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, а число писемъ его къ Платону Зубову такого содержанія поистинѣ громадно. Чтобы понять, какъ широко примѣнялъ Суворовъ къ дѣлу свой принципъ милосердія къ безоружному непріятелю, стоитъ привести изъ донесенія Румянцова цифры. Отпущено на свободу генераловъ, взятыхъ на штурмѣ Праги—2, по покореніи Варшавы 5, генералъ-поручиковъ по покореніи Варшавы 5, генералъ-маіоровъ 6—тоже; штабъ и оберъ-офицеровъ, взятыхъ по покореніи Варшавы и позже явившихся—829, а взятые на штурмѣ Праги—всѣ, но точная цифра ихъ неизвѣстна. Не лишнее будетъ также указать на сохранившееся письмо коменданта Орловскаго къ плѣнному Косцюшкѣ, гдѣ прямо свидѣтельствуется, что въ обрушившейся на Польшу бѣдственной катастрофѣ, остается утѣшаться «тѣмъ великодушіемъ и мягкостью, съ которыми побѣдитель относится, на сколько можетъ, къ побѣжденнымъ» [8]).

По неимѣнію достаточныхъ данныхъ, нѣтъ возможности представить въ полнотѣ и системѣ правительственную дѣятельность Суворова въ завоеванномъ краѣ, но характеръ этой дѣятельности все таки видѣнъ изъ вышеизложеннаго и будетъ подтвержденъ еще нѣкоторыми фактами. Не то было у союзниковъ, въ особенности въ Пруссіи. Какъ только инсурекція въ Великой Польшѣ, по завоеваніи Суворовымъ Варшавы, прекратилась, и возстановился законный порядокъ, была учреждена спеціальная комиссія для разбора, сужденія и наказанія всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ возстаніи. Въ Пруссіи и до того было много недовольныхъ всякими тягостями и рекрутскими наборами; теперь гнетъ этотъ увеличивался новымъ денежнымъ сборомъ, которымъ были обложены всѣ, участвовавшіе прямо или косвенно въ инсурекціи. «Если бы Прусскій король вздумалъ предпринять что либо противъ Россіи», пишетъ Суворовъ Платону Зубову въ половинѣ 1795 года, когда война съ Пруссіей представлялась возможною: «то большая часть жителей употребитъ оружіе въ нашу пользу». Въ Австріи Поляки чувствовали себя менѣе угнетенными, но за то

занятыя области Польской республики Австрійцы обирали до тла и вымогали тамъ все, что только могли вынудить. Румянцовъ доноситъ Екатеринѣ въ іюнѣ 1795 года, что Австрійцы рѣшились наконецъ оставить часть занятыхъ ими земель и начали двигаться; что при этомъ выправляютъ всѣ ими назначенные налоги по самый день выхода и требуютъ обывательскія фуры для своза всего имъ принадлежащаго, даже соломы; что они забрали нѣсколько рекрутъ и пустили въ обращеніе нарочно чеканенныя для Польши деньги, которыхъ однако въ уплату податей и налоговъ не принимаютъ. Для бо̀льшей наглядности, продолжимъ въ паралель дѣйствія Суворова. Въ Польшѣ не было привычки къ бумажнымъ деньгамъ; ихъ принимали не охотно, имъ не довѣряли, и па нихъ стоялъ довольно низкій курсъ. При взятіи Вавржецкаго, такихъ денегъ было найдено въ его войсковой кассѣ 768,554 польскихъ злотыхъ; посовѣтовавшись съ варшавскимъ магистратомъ, Суворовъ приказалъ ихъ истребить.

Затрудненія по продовольствію войскъ были громадныя; во время военныхъ дѣйствій съ ними еще справлялись кое-какъ, пользуясь широкими правами войны, но по взятіи Варшавы, Суворовъ слѣдуя принципамъ своей политики, отвергъ эти способы, какъ не подходящіе. Препятствія къ пропитанію войскъ сдѣлались почти неодолимыми, такъ что Дерфельденъ и Ферзенъ, продолжавшіе состоять по внутренней службѣ въ подчиненіи у князя Репнина, нашли необходимымъ донести ему объ этомъ. Затрудненія были облегчены, какъ раньше сказано, открытіемъ безпрепятственнаго ввоза изъ-за границы; но Суворовъ все таки не призналъ удобнымъ собирать продовольствіе съ земли подъ квитанціи, а предоставилъ собственному попеченію Поляковъ покупку фуража, для чего назначилъ за сѣно и овесъ довольно высокія цѣны, которыя лишь въ будущемъ году, при новомъ урожаѣ, были уменьшены. Правда, мѣра эта была имъ принята и въ интересахъ русской казны, такъ какъ иной способъ заготовленія потребовалъ бы, по его удостовѣренію, большихъ лишнихъ затратъ, но довольно и того, что въ соображеніе входило и нежеланіе отягощать населеніе. Однако неис-

правности въ высшей военной администраціи и истощеніе государственнаго казначейства были такъ велики, что войска Суворова рѣшительно не получали денегъ, и предписанная имъ мѣра обращалась въ нуль. Суворовъ приказалъ заимствовать нужныя деньги изъ артельныхъ, экономическихъ и другихъ полковыхъ суммъ, но и эти источники скоро стали изсякать. Тогда онъ велѣлъ удовлетворить часть потребности подрядомъ, но денегъ все не было, и подрядчики стали отказываться отъ своихъ обязательствъ, за неполученіемъ задатковъ. Суворовъ все таки не хотѣлъ прибѣгать къ послѣднему ресурсу—сбору подъ квитанціи съ населенія, донося, что край истощенъ, что за удовлетвореніемъ потребности войскъ, жители будутъ доведены до крайности, и впереди можетъ быть голодъ. Онъ прибѣгнулъ къ иному средству: не опасаясь нимало за спокойствіе Польши, приказалъ 5 пѣхотнымъ и 7 коннымъ полкамъ готовиться къ выступленію въ Россію и просилъ у Румянцова на это разрѣшенія. Только тогда подоспѣли деньги, хотя и въ недостаточной цифрѣ; войска запаслись фуражомъ до близкаго по времени подножнаго корма, и Суворовъ отмѣнилъ, въ мартѣ 1795 года, выступленіе части войскъ въ Россію. Лишь спустя лѣто, при новомъ урожаѣ, который оказался довольно обильнымъ, онъ призналъ возможнымъ сдѣлать съ обывателей мѣстами сборъ хлѣба подъ квитанціи, подъ присмотромъ выборныхъ отъ населенія комиссаровъ, уравнительно, съ зачетомъ въ подлежащія подати, на что и получилъ разрѣшеніе изъ Петербурга съ повелѣніемъ—запретить вывозъ за границу хлѣба изъ мѣстъ, занимаемыхъ войсками [9]).

Направляя свои старанія къ облегченію населенія Польши, для удержанія края въ спокойствіи, Суворовъ не въ меньшей мѣрѣ обнаруживалъ заботливость по отношенію къ Польскому королю. Мы знаемъ, что онъ получилъ отъ Екатерины повелѣніе — отправить Станислава-Августа въ Гродно; но оно пришло въ концѣ ноября 1794 года, когда уже былъ сдѣланъ шагъ, противорѣчившій политическимъ видамъ Русскаго правительства больше, чѣмъ что-либо другое. Вѣроятно слѣдуя послѣднимъ совѣтамъ Вавржецкаго, передъ выѣздомъ его изъ Варшавы къ вой-

скамъ, Польскій король написалъ Русской Императрицѣ письмо. Сознаваясь, что судьба Польши въ ея рукахъ, Станиславъ-Августъ говоритъ, что считаетъ своею обязанностью обратиться къ великодушію Ея Величества. Военная сила Польши уничтожена, но нація осталась, пока воля побѣдительницы ее не уничтожитъ. Польша разорена надолго и начинаетъ походить на пустыню; тысячи земледѣльцевъ бѣжали въ сосѣднія страны, туда же удалились многіе землевладѣльцы; голодъ почти неминуемъ, особенно если продолжится окупація другихъ сосѣдей Польши. Одна побѣдительница, Русская Государыня, можетъ все это прекратить, объявивъ свою волю на счетъ своего завоеванія. Не рискуя пускаться въ предположенія по этому предмету, онъ, Станиславъ-Августъ, полагаетъ однако же несомнѣннымъ, что для Русской Императрицы имѣетъ болѣе правъ быть принятымъ то рѣшеніе, которое принесетъ ей наиболѣе истинной славы и сдѣлаетъ три милліона людей наименѣе несчастными. Это письмо Польскаго короля было отправлено въ Петербургъ съ курьеромъ 12 или 13 ноября; курьеръ повезъ также къ графу Платону Зубову письмо Суворова слѣдующаго содержанія: «король Польскій въ плачевномъ состояніи исторгаетъ мои слезы; припадите къ высочайшему престолу Ея Императорскаго Величества, испросите у премудрой Монархини Его Величеству милосердіе; вашего сіятельства великодушіе извѣстно свѣту».

Суворовъ поторопился, не выждавъ инструкцій. Его амнистія, обезоруженіе и проч. требовали спѣха, ибо отъ нихъ зависѣло спокойствіе покореннаго края и удержаніе его въ нашихъ рукахъ; вопросъ же о королѣ не имѣлъ такого значенія. Своимъ предстательствомъ Суворовъ нисколько не улучшилъ, а быть можетъ ухудшилъ положеніе короля. Въ Петербургѣ заговорили объ интригахъ Станислава-Августа, о томъ, что распоряженія и дѣйствія Суворова въ Польшѣ имѣютъ основаніемъ чувство соболѣзнованія къ королю, котораго поэтому необходимо удалить и поставить внѣ вліянія на ходъ дѣлъ. Письмо Станислава-Августа было принято очень дурно; письмо Суворова не произвело никакого дѣйствія, какъ и слѣдовало ожидать. Безбородко даже нашелъ первое «весьма непристойнымъ». Можетъ статься оно

было, по видамъ политики, неумѣстнымъ и неудобнымъ, но только не непристойнымъ, потому что ничто не можетъ быть для государя пристойнѣе, какъ заступничество за свое государство и за своихъ подданныхъ въ критическое время. Екатерина отвѣчала Станиславу-Августу сухо, что дѣло будетъ рѣшено, какъ требуютъ пользы и спокойствіе государства; что же касается лично до него, короля, то ему будетъ предложенъ переѣздъ въ Гродно, необходимый для его собственной безопасности, гдѣ онъ и получитъ извѣщеніе о послѣдующемъ. Написанъ вмѣстѣ съ тѣмъ рескриптъ Суворову. Въ немъ повелѣвается вручить королю отвѣтное письмо; объясняется, что выѣздъ короля изъ Варшавы нуженъ для облегченія народа, «лишеннаго многихъ способовъ къ продовольствію», а также и потому, что особа короля тамъ не безопасна, особенно если обстоятельства заставятъ передать Варшаву Пруссакамъ или предоставить собственному жребію. Въ силу этихъ причинъ, нельзя ожидать со стороны короля какихъ-либо затрудненій къ исполненію настоящаго повелѣнія; если же паче чаянія они окажутся, то Суворовъ обязывается ему объявить не обинуясь, что воля Екатерины неизмѣнна, основана на правѣ завоеванія, и король долженъ ей повиноваться. Перемѣщеніе короля въ Гродно произвести немедленно; подъ видомъ почета приставить къ нему одного изъ генералъ-маіоровъ, котораго снабдить 8,000 червонцевъ и приказать ему оказывать королю всевозможное уваженіе; до свѣдѣнія же короля довести, что попеченіе о приличномъ его содержаніи въ Гродно возложено на князя Репнина [10]).

Оба эти письма были отправлены къ Суворову вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 21 ноября. Прежде чѣмъ они были получены, король, благодарный Суворову за его расположеніе и услуги, пожелалъ сдѣлать ему 25 ноября визитъ. По приказанію Суворова, дежурнымъ генераломъ былъ составленъ церемоніалъ пріема; между прочимъ дежурные адъютанты должны были встрѣтить короля у кареты, дежурный генералъ у лѣстницы, а Суворовъ передъ пріемной. Но когда карета короля подъѣхала, Суворовъ безъ шляпы и шпаги бросился внизъ, подскочилъ къ каретѣ и сталъ было при-

нимать Станислава-Августа подъ руки, но спохватившись сказалъ: «да вѣдь по церемоніалу мнѣ не здѣсь слѣдуетъ быть; простите Ваше Величество, я такъ почитаю освященную особу вашу, что забылся». Вслѣдъ затѣмъ оставивъ короля, онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, занялъ свое мѣсто и принялъ короля какъ было назначено. Визитъ продолжался больше получаса, велась бесѣда въ присутствіи многихъ лицъ, отъѣздъ короля совершился по церемоніалу же. Немного дней спустя получены рескрипты Екатерины; для Станислава-Августа едва-ли воля Екатерины была большою неожиданностью, но на Суворова рѣшеніе Государыни должно было произвести дѣйствіе ушата холодной воды. Приготовленія къ отъѣзду короля были окончены въ продолженіе мѣсяца, и 27 декабря онъ выѣхалъ изъ Варшавы, не пожелавъ принять никакихъ соотвѣтственныхъ случаю почестей. Провожая его, Суворовъ какъ ни крѣпился, при офиціальномъ исполненіи воли Императрицы, не могъ удержаться отъ слезъ. Безъ малаго черезъ годъ, Станиславъ-Августъ, уступая совѣтамъ и настояніямъ Екатерины, отрекся отъ престола, получивъ отъ союзныхъ дворовъ ежегодное содержаніе въ 330,000 червонцевъ, а въ началѣ 1798 года умеръ въ Петербургѣ [11]).

Постоянно проводимое Суворовымъ доброжелательство къ Полякамъ, сдѣлавшееся лозунгомъ его управленія Польшей въ продолженіе цѣлаго года, конечно коренилось главнымъ образомъ въ его понятіяхъ о характерѣ политики, вызываемой обстоятельствами, а по отношенію къ Польскому королю, имъ руководило чувство благоговѣйнаго уваженія къ вѣнценосной особѣ, усугубляемое состраданіемъ къ его несчастіямъ. И то и другое во всякомъ случаѣ дѣлаетъ большую честь его сердцу, и для полноты его характеристики съ этой стороны, будетъ умѣстно привести еще нѣкоторыя данныя, хотя они не имѣли никакого соотношенія къ политикѣ. Пользуясь тѣмъ, что покореніе Польши сильно возвысило его значеніе и придало новый вѣсъ его предстательствамъ, Суворовъ старается осыпать благодѣяніями чуть не всѣхъ, къ нему прибѣгающихъ, обращаясь съ просьбами всюду. Приведемъ два примѣра. За какую-то, должно быть

крупную вину, четыре штабъ-офицера, Денисовы, подлежали тяжелому наказанію; Екатерина снизошла на ходатайство Суворова и простила ихъ. Во время пребыванія въ Херсонѣ, Суворовъ познакомился съ женою разжалованнаго изъ капитановъ 1-го ранга въ матросы, Вальронта, былъ тронутъ ея несчастнымъ положеніемъ, приглашалъ ее къ себѣ наравнѣ съ другими и танцовывалъ съ нею. Проступокъ Вальронта былъ изъ тяжкихъ. Во время Шведской войны, адмиралъ Грейгъ, послѣ сраженія 6 іюля 1788 года, отрѣшилъ нѣкоторыхъ офицеровъ отъ командованія судами, въ томъ числѣ Вальронта за то, что при началѣ боя онъ поворотилъ на другой галсъ, вышелъ самовольно изъ линіи и затѣмъ въ сраженіе не вступалъ. Судъ приговорилъ его къ разжалованію. Суворовъ не рѣшился изъ Херсона просить о прощеніи, а обѣщалъ г-жѣ Вальронтъ сдѣлать это при первомъ удобномъ случаѣ. Теперь это время подошло, Суворовъ обратился къ Государынѣ съ ходатайствомъ чрезъ Платона Зубова, и Вальронтъ былъ прощенъ [12]).

Всю зиму 1794—95 годовъ производилась перевозка разнаго государственнаго имущества изъ Польши въ Россію, преимущественно военнаго; однихъ артиллерійскихъ орудій перевезено 340. Наиболѣе важнымъ пріобрѣтеніемъ побѣдителя была библіотека Залускаго, въ которой состояло, по разнорѣчивымъ извѣстіямъ, отъ 200 до 400,000 томовъ, вѣрнѣе — больше 250,000. Она была учреждена въ Варшавѣ графомъ Залускимъ для всеобщаго употребленія и имѣла въ своемъ составѣ множество рѣдкихъ книгъ и рукописей. Она пользовалась большою извѣстностью; папа Бенедиктъ XIV издалъ въ 1752 году буллу, которою угрожалъ отлученіемъ отъ церкви всѣмъ, кто изъ этой библіотеки что-либо похититъ. На перевозку ея и нѣкоторыхъ архивовъ было ассигновано 30,000 руб.; библіотека Залускаго послужила основаніемъ нынѣшней Императорской публичной библіотеки въ Петербургѣ.

Занятый и крупными, и мелкими дѣлами по управленію завоеваннымъ краемъ, Суворовъ не имѣлъ уже возможности сосредоточивать по прежнему свое вниманіе на войскахъ. Въ продолженіе цѣлаго года онъ только однажды отлучился изъ Варшавы

на короткое время, для объѣзда войскъ, и то счелъ нужнымъ донести о своей отлучкѣ въ Петербургъ. Изъ сохранившихся отрывочныхъ данныхъ однако видно, что заботливость его о войскахъ была обычная, но отличалась преимущественно контрольнымъ характеромъ. Больше всего требовала его вниманія продовольственная часть, особенно при неисправномъ снабженіи войскъ деньгами; онъ не избавился впослѣдствіи отъ большихъ непріятностей по этому предмету, когда повидимому все было уже кончено. Затѣмъ находимъ приказанія и напоминанія о сохраненіи здоровья войскъ, объ устройствѣ лазаретовъ, о мѣрахъ къ уменьшенію мѣстами дезертирства,—все тоже, что бывало въ Финляндіи и Херсонѣ; только не встрѣчается здѣсь такихъ рѣзкихъ какъ тамъ аномалій, а слѣдовательно и экстренныхъ мѣръ. Безпокойствъ и смутъ не было никакихъ; «весьма всюду тихо», пишетъ Суворовъ Хвостову: «но паритъ еще земля тѣлесами». Происходили только мелкія недоразумѣнія между войсками и обывателями, безъ сколько-нибудь замѣтныхъ послѣдствій, причемъ Суворовъ не давалъ поблажки виноватымъ и всякій безпорядокъ относилъ къ нерадѣнію или упущенію командировъ [14]).

Объѣздъ войскъ онъ произвелъ въ августѣ 1795 года съ быстротой замѣчательной. Подъ его начальствомъ тогда находилось около 50 батальоновъ, 100 эскадроновъ и 14 казачьихъ полковъ; войска эти были расположены въ нѣсколькихъ лагеряхъ на довольно большомъ пространствѣ, въ окрестностяхъ Варшавы и въ брестскомъ воеводствѣ. На посѣщеніе и осмотръ этихъ войскъ, Суворовъ употребилъ всего около 15 дней. За то и смотры были своеобразны. Краткое извѣстіе объ одномъ изъ нихъ записано участникомъ; по немъ можно составить понятіе и объ остальныхъ. Въ Немировѣ, на Бугѣ, стояло лагеремъ два конныхъ и одинъ пѣхотный полкъ; Суворовъ явился сюда около полудня, когда люди послѣ обѣда отдыхали. Онъ былъ верхомъ, въ сопровожденіи трехъ лицъ своего штаба и казака. Быстро подскакавъ къ серединѣ пѣхотнаго полка, онъ сталъ кликать знакомаго ему барабанщика, стараго, сѣдого солдата, отличившагося въ эту войну: «Яковъ Васильевичъ,...

Кисляковъ!» Барабанщикъ выскочилъ, Суворовъ поздоровался съ нимъ и велѣлъ бить тревогу. Привычныя войска выстроились живо, Суворовъ тотчасъ же свернулъ ихъ въ колонны и повелъ по направленію къ Бугу; тутъ пѣхота подвязала патронныя сумы къ шеѣ и, поднявъ ружья надъ головами, направилась чрезъ рѣку въ бродъ; конница тоже, причемъ кавалеристы помогали своими веревками-сѣновязками малорослымъ изъ пѣхоты. Перейдя рѣку, войска шибкимъ шагомъ пошли впередъ. Верстъ пятнадцать выводилъ ихъ Суворовъ, маневрируя и атакуя, потомъ свелъ въ общее каре, держалъ рѣчь, произносилъ выдержки изъ своего военнаго катехизиса, благодарилъ за ученье и сдѣлалъ жестокій выговоръ командиру одного изъ кавалерійскихъ полковъ, за шалости солдатъ на квартирахъ. Потомъ, ѣдучи по фронту, онъ здоровался и заговаривалъ со знакомыми солдатами, иногда обращался къ цѣлымъ ротамъ, когда-либо отличившимся, и затѣмъ попрощавшись со всѣми, быстро ускакалъ. Начальникъ конной бригады и командиръ пѣхотнаго полка провожали его верстъ двадцать [15]).

Эти и подобные оригинальные пріемы, составлявшіе особенность Суворовской военной подготовки, зачастую сопровождались также исключительно Суворовскимъ чудачествомъ и прихотливыми странностями, на которыя онъ все меньше и меньше скупился. Изъ подъ причудливыхъ его выходокъ выглядывалъ обыкновенно какой-нибудь военный принципъ, но бывало и такъ, что маскирующая оболочка одна и бросалась въ глаза. Однажды зимой, послѣ смотра варшавскому гарнизону на городской площади, онъ держалъ передъ войсками обычную рѣчь. Морозъ былъ сильный, всѣ ежились, многіе невольно обнаруживали разные признаки нетерпѣнія. Замѣтивъ это, Суворовъ намѣренно затянулъ свою рѣчь и употребилъ на нее чуть не два часа. Почти всѣ, отъ генерала до солдата, вернулись домой съ сильными симптомами простуды, но самъ Суворовъ, хотя былъ одѣтъ въ одну бѣлую канифасную куртку, чувствовалъ себя совершенно здоровымъ и не скрывалъ удовольствія, что несмотря на свои годы, послужилъ войскамъ образцомъ военной выносливости. Въ другой разъ, въ ту же зиму, ему

представлялось большое число ново-поступившихъ офицеровъ. Пріемъ и угощеніе происходили въ великолѣпныхъ покояхъ примаса; несмотря на страшный морозъ, окна были настежь, для того, какъ объяснялъ Суворовъ, чтобы выморозить изъ новичковъ немогузнайство; подавались какія-то скверныя щи и ветчина на конопляномъ маслѣ, которыя однако всѣ ѣли, потому что ѣлъ Суворовъ и безпрестанно похваливалъ. Въ третій разъ, во время объѣзда въ августѣ лагерныхъ сборовъ, онъ былъ встрѣченъ въ Брестѣ дежурнымъ по полку, молодымъ офицеромъ родомъ изъ Ревеля. Почти дрожа отъ страха, подошелъ къ нему дежурный и сталъ рапортовать; Суворовъ перебилъ его отрывистымъ вопросомъ: «какой супъ готовили у васъ, въ Ревелѣ, въ четвергъ?» — «Капустный»,—отвѣчалъ смѣло дежурный.—«А въ пятницу?» — «Такой-то».—«А въ суботу» и т. д. Молодой офицеръ изложилъ ему такимъ образомъ menu за цѣлую недѣлю, послѣ чего и былъ отпущенъ благополучно. Дѣло въ томъ, что въ низшихъ чинахъ Суворовъ стаивалъ въ Ревелѣ, замѣтилъ особенность тамошнихъ домашнихъ порядковъ—назначать заблаговременно на каждый день недѣли особый супъ, и теперь, на этомъ не подходящемъ къ службѣ предметѣ, вздумалъ испытать молодого оробѣвшаго офицера. Многочисленныя причуды Суворова разносились всюду и составляли собою богатую тему для пересудовъ и разныхъ о немъ отзывовъ. Одинъ изъ государственныхъ людей охарактеризовалъ его фельдмаршальство такъ: «чинъ по дѣламъ, а не по персонѣ»; другой писалъ, что «Суворовъ просвѣщается въ Варшавѣ и не перестаетъ блажить»; третьи пожимали плечами и снисходительно улыбались [16]).

Все это было болѣе или менѣе колко, но безвредно; враги и завистники Суворова не могли нанести ему съ этой стороны сколько-нибудь существеннаго ущерба и даже просто непріятностей. Болѣе доступнымъ для атакъ недоброжелателей онъ былъ въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, напримѣръ какъ мы уже видѣли, со стороны внутренней политики; военно-хозяйственная администрація тоже представляла собою слабое, доступное мѣсто. Если имъ не воспользовались, и оставили Суворова въ

покоѣ, то вѣроятно потому, что оно было общимъ во всей русской арміи. Впрочемъ злоупотребленія по этой части въ Польшѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выходили изъ общаго уровня, благодаря военному, а потомъ—полувоенному положенію, въ которомъ находились тамъ русскія войска. Образовалась цѣлая система злоупотребленій. Говорятъ даже, что домашнее хозяйство Суворова велось во время Польской войны, какъ будто безъ его вѣдома, на счетъ экстраординарной суммы. Это однако мало вѣроятно, а совсѣмъ невѣроятно то, будто Суворовъ про это зналъ, дѣлая видъ, что не знаетъ [17]). Въ разныхъ мѣстахъ было изложено не мало фактовъ, опровергающихъ возможность такого поступка; припомнимъ хоть то, что при покупкѣ имѣній, онъ никогда не соглашался уменьшать по документамъ платную сумму, ради уменьшенія пошлины. А подобные пріемы были во всеобщемъ ходу и не представляли собою такой опасности, какъ подложная очистка расходовъ экстраординарной суммы. Кромѣ того, подобный подлогъ непремѣнно обнаружился бы при производствѣ скандальнаго «дѣла Вронскаго» (будетъ дальше), а между тѣмъ этого не было. Злоупотребленія существовали, но нѣсколько иного смысла, что видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Нѣсколькимъ казачьимъ частямъ, находившимся въ составѣ одного и того же отряда, слѣдовало получить отъ казны деньги на продовольствіе, изъ особой комиссіи, учрежденной въ Варшавѣ. Послали туда офицера съ довѣренностью, но онъ вернулся съ пустыми руками и осмѣянный. Послали другого, порасторопнѣе и бойчѣе, и тотъ возвратился ни съ чѣмъ. Нарядили третьяго, Мигрина, снабдивъ его наставленіемъ и полномочіемъ—не скупиться на взятку, такъ какъ безъ нея никто ничего изъ комиссіи не получалъ, особенно конные полки, которымъ приходилось денегъ сравнительно больше. Поѣхалъ третій, но въ Варшавѣ прожилъ безъ толку нѣсколько дней: его кормили одними отговорками да обѣщаніями. Онъ измѣнилъ способъ дѣйствій и сталъ грозить, что пожалуется Суворову; тогда сдѣлались сговорчивѣе, и одинъ изъ членовъ объяснилъ ему, что требованіе составлено неправильно, что

подлежитъ выдачѣ гораздо больше, и взялся самъ составить новое. Посланный согласился; итогъ новой требовательной вѣдомости, правильной, оказался въ 106,000 руб. ассигнаціями. Изъ нихъ въ комиссіи осталось 16,000 руб., въ карманѣ у посланнаго 10,000 руб., а полки получили 80,000 къ великому своему удовольствію, ибо на такую большую сумму никакъ не разсчитывали[18]).

Однажды назначена была повѣрка экстраординарной суммы, находившейся въ распоряженіи главнокомандующаго, комиссіею изъ трехъ штабъ-офицеровъ. Одинъ изъ состоявшихъ при Суворовѣ лицъ, подполковникъ Мандрыкинъ, выдалъ комиссіи всѣ документы и сказалъ, что въ 9 часовъ вечера поѣдетъ отъ Суворова курьеръ съ отчетомъ, а потому повѣрка должна быть окончена раньше. Комиссія заявила, что такъ скоро повѣрить 50,000 червонцевъ, израсходованныхъ по мелочамъ, едва-ли она будетъ въ состояніи; Мандрыкинъ съ грознымъ видомъ отвѣчалъ, что таково приказаніе Суворова, и не совѣтовалъ прибѣгать къ отговоркамъ. Комиссія окончила повѣрку къ назначенному сроку; все оказалось исправно, кромѣ двухъ ордеровъ на 150 червонцевъ, не подписанныхъ Суворовымъ. Мандрыкинъ взялъ ордера, пошелъ къ Суворову и вынесъ ихъ подписанными. Дѣло было тотчасъ же кончено и оформлено, къ великому удовольствію Мандрыкина, который вѣроятно имѣлъ причины опасаться противнаго. Съ радости онъ предложилъ свои услуги предсѣдателю комиссіи, Энгельгардту. Тотъ поблагодарилъ, сказавъ, что на этотъ разъ ни въ чемъ не нуждается. Тогда Мандрыкинъ вытащилъ и показалъ Энгельгардту рапортъ Ферзена съ просьбою о преданіи его, Энгельгардта, суду. Хотя по увѣренію Энгельгардта, приговора суда онъ рѣшительно не боялся, будучи совершенно правъ, но все-таки это обстоятельство представлялось крупною непріятностію, тѣмъ болѣе, что по тогдашнимъ правиламъ, нахожденіе офицера подъ судомъ во всякомъ случаѣ вносилось въ послужной списокъ. Замѣтивъ на лицѣ Энгельгардта огорченіе и смущеніе, Мандрыкинъ сказалъ: «не безпокойтесь, графъ никогда этого рапорта не увидитъ», и тутъ же разодралъ бумагу Ферзена. Не

успѣлъ Энгельгардтъ придти въ себя, какъ Мандрыкинъ обратился къ нему съ новымъ вопросомъ: «вы вѣдь просились въ отпускъ; скоро ли хотите ѣхать?» Энгельгардтъ отвѣчалъ, что уѣхалъ бы тотчасъ по полученіи паспорта. «Погодите немного», сказалъ Мандрыкинъ, пошелъ къ Суворову въ кабинетъ, вынесъ оттуда подписанный отпускной билетъ и отдалъ Энгельгардту [19]).

Не всегда лица Суворовскаго штаба своевольничали безнаказанно; обрушивалась и на нихъ гроза, но это бывало рѣдко, и еще рѣже гнѣвъ Суворова оставлялъ по себѣ глубокіе слѣды. Доказательствомъ тому можетъ служить *дѣло Вронскаго*.

Въ Варшаву пріѣхалъ, для свиданія съ братомъ, 2-го Чугуевскаго полка секундъ-маіоръ Вронскій, втерся къ Суворову въ довѣріе и подалъ ему доносъ на злоупотребленія по провіантской части. Суворовъ назначилъ слѣдственную комиссію, въ которую вошли генералы Исаевъ и Буксгевденъ, а также и Вронскій. Послѣдній, какъ видно, взялъ на себя всю черную работу и сдѣлался дѣйствительнымъ слѣдователемъ; допрашивалъ прикосновенныхъ лицъ съ угрозами и «пристрастіемъ»; одного провіантскаго поручика продержалъ цѣлую ночь въ ретирадномъ мѣстѣ и угрожалъ ему розгами. Злоупотребленія оказались не малыя: полученіе взятокъ подъ видомъ займовъ; продажа подрядчикамъ изъ провіантскихъ магазиновъ муки, якобы купленной смотрителями на свой счетъ; покупка дорогихъ вещей у подрядчиковъ безъ отдачи денегъ; игра въ банкъ и проч. Но цифра доноса не оправдалась: Вронскій доносилъ о расхищеніи полумилліона, а оказалось всего начету на 62,554 рубля. Слѣдствіемъ выяснено пятеро виновныхъ: три провіантскихъ чиновника и двое изъ штаба Суворова — Мандрыкинъ и Тищенко. Суворовъ велѣлъ ихъ арестовать, посадить на хлѣбъ и воду и взыскать съ нихъ всю сумму, которая по полученіи и была распредѣлена на разныя надобности,—на выдачи подрядчикамъ, на прогоны, въ пособіе бѣднымъ польскимъ офицерамъ, разореннымъ революціей, и наконецъ Вронскому 15,166 руб., «яко доносителю», по закону.

Вронскій этимъ не ограничился и, пользуясь пріобрѣтенною у Суворова довѣренностью, сталъ мѣшаться въ производство торговъ, объявленныхъ тогда на большую поставку хлѣба; входилъ въ сношеніе съ подрядчиками, грозилъ имъ, предлагалъ замѣнить подрядный способъ заготовки комиссіонерскимъ. Тѣмъ временемъ арестованные, высидѣвъ на хлѣбѣ и водѣ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, были освобождены Суворовымъ, и дней черезъ 20 — 25 послѣ того Вронскому приказано ѣхать въ свой полкъ. По всей вѣроятности, этимъ исходомъ онъ былъ обязанъ между прочимъ Суворовскому штабу, но главнымъ образомъ самому себѣ, такъ какъ наглость и безстыдство его превосходили всякую мѣру и совершенно отрицали его якобы честныя побужденія. Въ началѣ Вронскій проживалъ въ Варшавѣ безъ всякихъ средствъ, перехватывая гдѣ только можно по червонцу и по два; а втершись въ довѣренность къ Суворову, получивъ назначеніе въ слѣдственную комиссію, а потомъ и участіе въ производствѣ торговъ, онъ сталъ брать направо и налѣво, нанялъ домъ по 100 червонцевъ въ мѣсяцъ, обзавелся экипажемъ, большимъ штатомъ домашней прислуги и выѣздныхъ верховыхъ, держалъ любовницу, давалъ богатые обѣды. Суворовъ, начинавшій понимать истину, запретилъ ему вмѣшиваться въ производство торговъ. Вронскій какъ-то вздумалъ самовольно выѣхать изъ Варшавы; его остановили на прагскомъ мосту и, по жалобѣ подрядчика-еврея, у котораго онъ взялъ дорогіе часы и не заплатилъ денегъ,—отобрали карету и лошадей. Вскорѣ послѣ того онъ былъ, какъ сказано, выпровоженъ по приказанію Суворова изъ Варшавы въ свой полкъ [20]).

Всѣ участники этого грязнаго дѣла выступаютъ въ очень непригляднымъ видѣ; самъ Суворовъ, чистый отъ всякаго подозрѣнія въ корыстныхъ злоупотребленіяхъ, не свободенъ отъ упрека въ другихъ отношеніяхъ, такъ какъ поручилъ изслѣдованіе злоупотребленій самому доносчику; не предалъ виновныхъ суду на томъ основаніи, что они понесли наказанія, и ущербъ казны пополненъ; самовольно далъ назначеніе взысканнымъ деньгамъ; допустилъ вмѣшательство Вронскаго въ производство торговъ,

тогда какъ для этого была назначена особая комиссія изъ нѣсколькихъ генераловъ. Онъ и впослѣдствіи продолжалъ не придавать дѣлу Вронскаго серьезнаго значенія, будучи убѣжденъ, что главною всему причиной была карточная игра, завлекшая молодыхъ людей дальше, чѣмъ они сами хотѣли. Впрочемъ онъ сообщилъ обо всемъ этомъ происшествіи Зубову, а также донесъ Императрицѣ, но какъ о дѣлѣ маловажномъ. По понятіямъ административныхъ сферъ того времени, высшихъ и низшихъ, присмотрѣвшихся къ постояннымъ злоупотребленіямъ и воспитавшихся на своеволіи, варшавское происшествіе дѣйствительно представлялось дѣломъ мелкимъ и зауряднымъ, а потому рѣшеніе Суворова было безмолвно признано концомъ вѣнчающимъ. Но по странному самомнѣнію, Вронскій считалъ себя несправедливо обнесеннымъ и спустя нѣсколько мѣсяцевъ снова возбудилъ дѣло; старые грѣхи вышли на свѣтъ при новой обстановкѣ, и на долю Суворова достались новыя непріятности [21]).

Очень большую долю дурного, замѣчаемаго въ Суворовѣ, слѣдуетъ отнести къ худому выбору имъ приближенныхъ лицъ. Это были люди или недалекіе, или необразованные, грубые и значительною долею не совсѣмъ чистые. Мы видѣли образчикъ въ Мандрыкинѣ, которому не доставало ума или такта не рисоваться передъ посторонними своею силою и значеніемъ, а хранить это про себя. Таковы или въ такомъ же родѣ были и другіе, не безъ исключеній конечно, но исключенія только подтверждаютъ общее правило. Уже въ Турецкую войну это бросалось въ глаза, а въ Польскую и того больше. За то Суворовъ обращался съ ними безъ церемоній; тѣхъ кто помоложе, кликалъ «мальчикъ»; Мандрыкина звалъ просто *Андрыка* и никого изъ нихъ не вывелъ далеко въ люди, кромѣ своихъ племянниковъ, которые впрочемъ были людьми другой категоріи, да и не состояли при немъ постоянно. Въ этомъ же кружкѣ ежедневныхъ собесѣдниковъ, приспѣшниковъ и сотрапезниковъ, онъ не стѣснялся ни причудливыми выходками, ни проявленіями дурныхъ сторонъ своего характера; все выносилось, лишь бы не лишиться его милостей и своего положенія, на что люди съ самолюбіемъ и развитымъ благороднымъ чувствомъ были бы не способны. Кон-

троль надъ ними былъ такъ не великъ, что можно сказать самъ Суворовъ какъ будто поощрялъ ихъ къ дурнымъ поступкамъ. Онъ напримѣръ самъ не распечатывалъ конвертовъ, большею частью не читалъ бумагъ, а выслушивалъ, даже зачастую не читалъ, а выслушивалъ подносимое къ его подписи. Оттого въ дѣлѣ Вронскаго читаемъ, что одинъ изъ офицеровъ Суворовскаго штаба добился прусскаго ордена, давъ подписать Суворову бумагу, въ которую себя включилъ, а при чтеніи пропустилъ. Другой офицеръ вытащилъ на смотру изъ кармана Суворова жалобу, только что поданную постороннимъ лицомъ. Всего этого могло не быть, вѣроятно и не было, такъ какъ слѣдствіемъ не подтвердилось; но одно указаніе на подобные случаи свидѣтельствуетъ, что въ нихъ не признавалось ничего невозможнаго, нелѣпаго. И дѣйствительно, въ самой главной квартирѣ, такъ сказать подъ носомъ Суворова, дѣлалось иногда то, что прямо противорѣчило его волѣ. Въ числѣ его адъютантовъ находился ротмистръ Тищенко, человѣкъ грубый, невѣжественный, плохо грамотный, исполнявшій преимущественно экзекуторскія и полицейскія обязанности. Когда къ Суворову, конечно по его собственному выбору, былъ назначенъ постоянный вѣстовой изъ дворянъ, Столыпинъ, то Тищенко, вѣроятно изъ чувства ревности, не хотѣлъ его представить Суворову, потомъ старался не допускать его въ присутствіе фельдмаршала и, передъ отъѣздомъ Суворова въ Петербургъ, даже скрылъ отъ Столыпина время отъѣзда, тогда какъ именно при поѣздкѣ онъ и былъ нуженъ Суворову. Чего же послѣ этого могли отъ Тищенки ждать посторонніе? [22]).

Говорятъ, будто Суворовъ объяснялъ дурной выборъ своихъ приближенныхъ тѣмъ соображеніемъ, что честные люди слишкомъ рѣдки, а потому надо привыкать обходиться безъ нихъ. Это едва ли вѣрно, потому что Суворовъ не былъ мизантропомъ, а если бы приведенныя слова дѣйствительно принадлежали ему, то все таки они его не извиняютъ, такъ какъ за людьми сомнительной честности требуется дѣятельный надзоръ. Да наконецъ они, его приближенные, погрѣшали не противъ одной честности; что же его заставляло смотрѣть сквозь пальцы

на другіе ихъ недостатки? Дѣло въ томъ, что онъ самъ невольно отваживалъ отъ себя людей лучшихъ; выходки его иногда прямо задѣвали самолюбіе, даже оскорбляли и нарушали самыя элементарныя приличія. Одинъ штабъ-офицеръ, приглашенный Суворовымъ къ обѣду, Энгельгардтъ, замѣтилъ, что сержантъ гвардіи, разносившій водку, наливалъ ее не иначе, какъ строго держась старшинства чиновъ и въ чинахъ. Энгельгардтъ усмѣхнулся и за свою невѣжливость немедленно поплатился: Суворовъ выскочилъ изъ-за стола, закричалъ «воняетъ» и убѣжалъ въ другую комнату. Открыли окна, но это не помогло; не знали что дѣлать. «За столомъ вонючка», пояснилъ Суворовъ. Тогда адъютантъ подошелъ къ Энгельгардту и, выразивъ предположеніе, что у него грязные сапоги, просилъ его выйти изъ-за стола, вычистить ихъ и потомъ вернуться. Энгельгардтъ всталъ и ушелъ домой. Какъ ни мелокъ этотъ случай, но онъ достаточно характеренъ; такого же свойства бывали конечно и крупные [19]).

Тѣмъ временемъ, пока Суворовъ распоряжался въ завоеванномъ краѣ, проявляя на ряду съ мелкими недостатками крупныя достоинства, дипломатія работала на счетъ дальнѣйшей судьбы Польши. Задача ея была сложная и трудная, ибо требовалось согласить почти несогласимое. Сужденія объ этомъ предметѣ начались давно, когда война только что разгоралась. Англійскій и австрійскій посланники при Петербургскомъ дворѣ говорили, что по утушеніи революціи, слѣдуетъ дозволить Полякамъ жить и устраиваться какъ хотятъ; изъ перлюстраціи секретной переписки Берлинскаго кабинета усматривалось, что онъ помышляетъ о новомъ раздѣлѣ; въ Петербургскомъ кабинетѣ не сразу установилось категорическое рѣшеніе, но Безбородко склонялся больше къ раздѣлу. Къ половинѣ года мнѣніе это стало созрѣвать и потомъ утвердилось окончательно; дѣлиться предположено было тремъ державамъ, но Пруссія желала, чтобы Россія высказалась первою. Когда приступили затѣмъ къ разъясненію основаній дѣлежа, то тутъ и начались трудности, которыя что дальше, то выростали больше, потому что Пруссія собиралась мириться съ Франціей, стало быть измѣняла свои

взгляды, а Австрія просила подмоги противъ Французовъ и предпочитала отложить рѣшеніе польскаго вопроса до конца Французской войны. Побѣды Суворова и взятіе Варшавы поощрили Россію возвысить свой голосъ, настаивая на принятіи проекта раздѣла по русскому плану, и Литовскій край, который по этому плану предполагалось присоединить къ Россіи, уже получалъ новое устройство подъ управленіемъ князя Репнина. Къ концу 1794 года негоціяція съ Вѣнскимъ дворомъ была успѣшно окончена, но съ Пруссіей соглашеніе не достигнуто; приходилось, по выраженію Безбородки, «показать ей не только дѣятельность и твердость, но даже и зубы». Положено было заключить между Австріей и Россіей союзъ противъ Пруссіи, продолжая убѣждать Пруссію къ сговорчивости, а Австрію къ уступчивости, такъ какъ соглашеніе не достигалось изъ-за будущей австро-прусской границы. Но дѣло все таки не очень спорилось и даже угрожало дурнымъ поворотомъ, потому что Прусскій король рѣшительно шелъ къ миру съ Франціей, а тогда по мнѣнію Безбородко слѣдовало ожидать, что Пруссія захочетъ придержаться послѣдняго раздѣла и предложитъ Полякамъ составить конфедерацію подъ ея защитой.

Опасенія его скоро начали какъ будто сбываться. Въ апрѣлѣ 1795 года Пруссія заключила съ Франціею миръ, а въ маѣ и договоръ, который въ августѣ былъ въ Берлинѣ утвержденъ. Суворову было сообщено о приготовленіяхъ къ войнѣ, а нѣсколько погодя, въ іюнѣ, присланъ рескриптъ, начинавшійся словами: «вѣроломство Берлинскаго двора, заключившаго миръ съ Франціей, заставляетъ насъ быть на сторожѣ, ибо участь Польши не окончена, и наши предложенія на этотъ счетъ не приняты». Поэтому объявляется новое распредѣленіе войскъ и главнаго начальствованія надъ ними: войска въ Варшавѣ, окрестностяхъ и въ брестскомъ воеводствѣ подчинены Суворову; въ Литвѣ (кромѣ брестскаго воеводства) и Лифляндіи—князю Репнину; въ губерніяхъ волынской, подольской, врацлавской, вознесенской, екатеринославской и Малороссіи — Румянцову. Всѣ три арміи приблизительно одной силы. Суворову приказано подвозить заготовленный провіантъ и покупать вновь; учредить за-

пасный магазинъ, опредѣлить величину подвижного магазина; имѣть дружескія отношенія къ австрійскимъ войскамъ, но не подавать повода къ остудѣ и съ прусскими; развѣдывать, что̀ въ прусскихъ областяхъ будетъ происходить и соображать съ Румянцовымъ и Репнинымъ общія мѣропріятія.

Эти приготовленія не оставались въ тайнѣ и, въ связи съ усиліями дипломатіи, привели къ желаемому исходу. Въ октябрѣ 1795 года получено согласіе Прусскаго короля на разныя частности плана и на нѣкоторыя уступки въ пользу Австріи изъ новыхъ земельныхъ пріобрѣтеній, и въ томъ же мѣсяцѣ состоялось общее соглашеніе. Впрочемъ, формальная сторона дѣла была закончена еще не скоро, и конвенція по окончательному раздѣлу Польши заключена между тремя державами послѣ кончины Екатерины, въ январѣ 1797 года [23]).

Приготовляя боевую и хозяйственную часть арміи на случай войны съ Пруссіей, Суворовъ мало однакоже вѣрилъ возможности этой войны и чуть ли не болѣе интересовался сдѣланнымъ Австріей предложеніемъ—о совокупномъ дѣйствіи противъ Французовъ подъ его, Суворова, начальствомъ. Заводили рѣчь о 40—50,000-номъ корпусѣ, съ содержаніемъ на счетъ Австріи; у Вѣнскаго двора зародился даже проектъ о сформированіи 100,000-ной арміи изъ Русскихъ, Австрійцевъ, Пруссаковъ и французскихъ эмигрантовъ, для отправки на Рейнъ подъ предводительствомъ Суворова. Заботясь о скорѣйшемъ рѣшеніи польскаго вопроса, Петербургскій дворъ не отрицалъ прямо такой комбинаціи, а старался ласкать Австрію надеждой, не говоря ничего положительнаго. Суворовъ не разъ списывался по этому предмету съ Хвостовымъ, поручая ему слѣдить за ходомъ дѣла, и приказалъ имѣть въ готовности 12,000 червонцевъ. Онъ даже сдѣлалъ прибавку къ своему военному катехизису: «о вѣтренныхъ, безбожныхъ Французахъ, которые дерутся колоннами, и которыхъ надо бить колоннами же». Почти одновременно съ существованіемъ этихъ предположеній, зародился слухъ о новой войнѣ съ Турціей, неизвѣстно откуда взявшійся и не имѣвшій сколько-нибудь серьезныхъ основаній. Сплетня однако оформилась на столько, что назначала главныхъ начальниковъ, обходя Суво-

рова; это не замедлило его уколоть, и онъ вспомнилъ про представленный имъ въ 1793 году планъ войны съ Турціей. «Зубовъ—верховный начальникъ, главные генералы Волконскій и Дерфельденъ», пишетъ онъ Рибасу: «да здравствуетъ мой планъ... какъ мы глупы!» Однако и Турецкая война, подобно Французской, оказалась пуфомъ.

Кромѣ этихъ воображаемыхъ поводовъ къ неудовольствіямъ, у Суворова были и другіе, если не совсѣмъ мнимые, то все таки мелкіе, что однако не мѣшало ему воспринимать ихъ. Румянцовъ обращается къ нему какъ къ равному, но военная коллегія не удостоиваетъ его прямыми сношеніями — поводъ къ неудовольствію. Въ какой то газетѣ напечатано о немъ что то невѣрно, не сходно съ сенатскимъ указомъ—другой поводъ. Патентъ на чинъ фельдмаршала не совсѣмъ сходится съ патентомъ, даннымъ Потемкину; въ первомъ сказано: «за оказанную къ службѣ нашей ревность и прилежность», во второмъ: «по отличнымъ и знаменитымъ заслугамъ»; въ первомъ: «какъ вѣрному и доброму офицеру надлежитъ», во второмъ: «какъ вѣрному военачальнику нашему надлежитъ»; въ Потемкинскомъ патентѣ была живописная арматура, портретъ Екатерины и проч., а у Суворова ничего подобнаго. Новая причина указывать на несправедливость и быть недовольнымъ [24]).

Но всѣ эти мелочи были только аксесуарами, суть заключалась не въ нихъ: Суворовъ помнилъ, что обѣщаніе его, данное именемъ Императрицы инсургентамъ, не было исполнено съ буквальной точностью. Онъ не могъ ни оспаривать отданныхъ ему приказаній, ни дѣлать какихъ либо протестующихъ заявленій; дѣло было слишкомъ ясное, и если предписывались распоряженія, противорѣчившія его, Суворова, рѣшенію, то оставалось безпрекословно имъ подчиниться. Онъ такъ и поступилъ, въ надеждѣ, что арестованные вскорѣ будутъ освобождены. Но прошло три мѣсяца, а они содержались подъ арестомъ. Суворовъ удержался отъ вмѣшательства въ правительственныя распоряженія, но излилъ свое неудовольствіе въ письмѣ къ Хвостову, поручивъ своему родственнику позаботиться объ этомъ предметѣ косвенными, неофиціальными путями. «Графъ Игнатій Потоцкій,

Мостовскій, Закржевскій, банкиръ Капустасъ и башмачникъ Килинскій, въ угодность двора, въ Петербургѣ изрядно или хорошо содержатся, но мой пароль тѣмъ не содержанъ; въ немъ (обѣщано) забытіе прежняго, и они (должны быть) вольны. Стыдно Россіи ихъ бояться, ниже остерегаться; Польша обезоружена, пора имъ домой, и не въ коня кормъ. Вашему благоразумію это внушеніе весьма рекомендую; мнѣ совѣстно, хоть безъ торопливости. Графъ Игнатій вралъ, и раздраженіе имъ обстоятельствъ должно презрѣть». Вѣроятно по этому же предмету, съ намекомъ на предстоящій дѣлежъ Польши, онъ сдѣлалъ въ Варшавѣ, публично, слѣдующее темное, аллегорическое заявленіе. Когда его спросили, можно ли ожидать благихъ для Польши послѣдствій отъ мира Пруссіи съ Франціей, онъ отвѣчалъ: «могло бы быть; но внутреннія замѣшательства наиболѣе меня безпокоятъ; я не могу болѣе того сносить и принужденъ буду наконецъ принять нѣкоторыя мѣры». Повторивъ это нѣсколько разъ къ общему недоумѣнію, онъ прибавилъ: «такъ какъ крысы, мыши и кошки находятся въ безпрестанномъ движеніи въ семъ домѣ и ни на минуту не даютъ мнѣ покоя, почему я намѣреваюсь, какъ наискорѣе, перемѣнить квартиру». Ему дѣйствительно было мало покоя; его осаждали просьбами по всевозможнымъ предметамъ и со всѣхъ сторонъ; въ числѣ ходатайствъ попадалось не мало такихъ, которыя онъ и радъ бы былъ удовлетворить, но не могъ, вслѣдствіе взглядовъ правительства. Такъ по крайней мѣрѣ случилось однажды, когда къ нему прибыла депутація по подобнаго рода дѣлу. Освѣдомившись о содержаніи просьбы, Суворовъ вышелъ къ депутаціи, сталъ посреди пріемной, поднялъ руку вверхъ и прыгнулъ какъ можно выше, сказавъ: «Императрица вотъ какая большая»; затѣмъ присѣлъ къ землѣ на корточки, пояснивъ: «а Суворовъ вотъ какой маленькій», поклонился и выбѣжалъ изъ комнаты. Депутаты поняли и ушли [25]).

Ничего нѣтъ мудренаго, если всѣ эти непріятности, и крупныя и мелкія, и дѣйствительныя и мнимыя, въ общемъ итогѣ утомляли его и раздражали. Этому содѣйствовало и дурное состояніе здоровья, по крайней мѣрѣ въ началѣ. Послѣ трудной

кампаніи онъ очень утомился, «еле живъ», какъ писалъ онъ своимъ родственникамъ. Спустя нѣкоторое время онъ жаловался Румянцову, что здоровьемъ ослабѣлъ, что «надо временно отъ шума городского удалиться въ малое мѣстечко, какъ скоро дѣла перемежатся». Но дѣла не перемежались, и это не одно физическое, но и нравственное утомленіе продолжалось. «Я угрюмъ и молчаливъ, запертъ въ четырехъ стѣнахъ и скучаю, какъ подъячій», пишетъ онъ позже одному изъ своихъ пріятелей: «лобъ у меня въ морщинахъ, я нездоровъ». Правда, было и противоядіе: «здѣсь я имѣю утѣшеніе видѣть, что за мою откровенность платятъ мнѣ вездѣ дружбой и вѣрностью»; но отъ этого фонъ картины не измѣнялся. Суворовъ сталъ находить «жалкую сухость въ своемъ апофеозѣ» и упоминать про необходимость «спасти свою честь на склонѣ дней [26]).

Короче говоря, происходило съ нимъ тоже самое, что бывало раньше и что будетъ повторяться позже. Въ сущности ходъ дѣлъ въ Польшѣ оставался такимъ, какой съ самаго начала былъ данъ имъ же, Суворовымъ, лишь за нѣкоторыми частными изъятіями; самое крупное изъ нихъ состояло въ арестованіи пяти лицъ изъ главныхъ дѣятелей революціи. Подчиненное положеніе Суворова снимало лично съ него нареканіе за такое распоряженіе; всякому было извѣстно, что оно шло изъ Петербурга. Да и въ Петербургѣ вовсе не имѣли намѣренія лишать ихъ навсегда свободы; Безбородко говоритъ положительно, что «по окончаніи дѣлъ, положено отпустить ихъ на свѣтъ и дать полную всѣмъ амнистію». Правда, терминъ этотъ оказался очень длиннымъ, безъ малаго два года, такъ какъ и эти лица, и плѣнный Косціушко съ сотоварищами, получили свободу лишь при Императорѣ Павлѣ, тотчасъ по его воцареніи; но причиною тому могли быть обстоятельства, остающіяся намъ неизвѣстными. Судя по пріемамъ надзора, въ лишеніи означенныхъ лицъ свободы не было мести, а только опасеніе новой смуты. Содержались они хорошо; только двое, Капустасъ и Килинскій, вѣроятно вслѣдствіе ихъ сравнительно низкаго общественнаго положенія, находились въ крѣпости; прочіе содержались тамъ лишь въ началѣ, да и то не всѣ, и вскорѣ перемѣщены въ нанятые для нихъ

частные дома. Наиболѣе опаснымъ изъ всѣхъ считался конечно Косцюшко; между тѣмъ находясь въ крѣпости, онъ занималъ двѣ комнаты въ комендантскомъ домѣ и могъ прогуливаться, подъ наблюденіемъ двухъ офицеровъ, въ комендантскомъ саду, а потомъ перемѣщенъ въ частный домъ съ садомъ. Арестованные не могли жаловаться на недостатокъ къ нимъ вниманія; изъ отчетовъ видно, что нѣкоторымъ изъ нихъ посылались газеты, предлагались книги; въ случаѣ болѣзни оказывалось немедленное медицинское пособіе, даже собирались консиліумы. На столъ ихъ тоже не скупились; на Косцюшку напримѣръ, израсходовано въ 8 дней 188 руб., хотя онъ ѣлъ очень мало и ничего не требовалъ. Присмотръ былъ строгій, но не въ смыслѣ ненужнаго стѣсненія дома, а только относительно отлучекъ изъ дому, въ публику. Одинъ изъ приставовъ напримѣръ, былъ смѣненъ за то, что вдвоемъ съ арестантомъ (оба были молодые люди) отправился тайкомъ ночью въ маскарадъ, причемъ оба были костюмированы. Вообще матеріальная тягость заключенія ограничивалась предѣлами необходимости [27]).

Арестъ и заключеніе плѣннаго Косцюшки съ секретаремъ и двумя адъютантами, а также остальныхъ шестерыхъ, взятыхъ при Суворовѣ,—кромѣ опасенія за продолженіе смуты, были вызваны желаніемъ открыть связь польской революціи съ французскою, главныя ея пружины вообще и варшавскихъ апрѣльскихъ событій въ частности. Таково направленіе дѣланныхъ арестованнымъ допросовъ. Изъ отвѣтовъ видно, что между двумя революціями не было ничего общаго. Польская была порождена событіями послѣдняго 25-тилѣтія; ближайшая ея цѣль заключалась въ возстановленіи конституціи 3 мая. Варшавская рѣзня родилась оттуда же, и такъ какъ была слѣдствіемъ взрыва страстей, то и отличалась жестокостью и звѣрствомъ. Инсурекціонная Польша не имѣла своихъ представителей при иностранныхъ дворахъ; она была совершенно изолирована; правительство ея не состояло въ сношеніяхъ съ Франціей, что служило постоянной темой жалобъ ультра-революціонной партіи. Ниспроверженіе религіи, дворянства, духовенства не только не входило въ программу революціоннаго правительства, организо-

ваннаго Косцюшкой, но прямо ей противорѣчило; терроръ, царствовавшій тогда во Франціи, наводилъ на Косцюшку ужасъ и отвращеніе. Инсурекціонный актъ гарантировалъ права собственности каждаго; универсалы Косцюшки отнюдь не уничтожали помѣщичьихъ привилегій, а только уменьшали на время войны размѣръ крестьянскихъ повинностей. Верховный народный совѣтъ, учрежденный Косцюшкой, состоялъ исключительно изъ дворянъ; мѣщане были только замѣстителями первыхъ, въ случаѣ ихъ отсутствія, и имѣли голосъ не рѣшающій, а совѣщательный. Это было даже шагомъ назадъ, потому что вплоть до 28 мая 1794 года, въ Варшавѣ существовалъ временной совѣтъ на половину изъ дворянъ, на половину изъ мѣщанъ, съ одинаковымъ для всѣхъ правомъ голоса; преобразованіе этого совѣта Косцюшкой произвело въ народѣ большое неудовольствіе. Никакихъ французско-революціонныхъ образцовъ польское инсурекціонное правительство не принимало и на демократическія тенденціи смотрѣло какъ на наиболѣе опасныя. «Мы и безъ того могли легко склонить на нашу сторону мѣщанина и крестьянина», говорится въ показаніи одного изъ коноводовъ революціи: «они въ просвѣщеніи весьма отстали; облегчить нѣсколько ихъ жребій было совершенно достаточно, и не представлялось никакой нужды давать имъ полную вольность и равенство, которыхъ они не могутъ понимать, а тѣмъ паче благоразумно ими пользоваться».

Такимъ образомъ «шляхетская» Польша осталась и въ революціи не тронутой; ея задача не имѣла ничего однороднаго съ Франціей, перегоравшей въ переворотѣ, который измѣнялъ кореннымъ образомъ все, что существовало прежде. Этому выводу какъ будто противорѣчатъ факты: народныя волненія съ самосудомъ, якобинскій клубъ, громогласно выражаемыя сочувствія къ Франціи и къ ходу ея внутреннихъ дѣлъ, нахожденіе во главѣ правительства такихъ людей, какъ Колонтай, а въ арміи такихъ, какъ Ясинскій или Зайончекъ. Но все это только доказываетъ, что были въ Польшѣ и послѣдователи французскихъ революціонныхъ принциповъ и пріемовъ; подъ ихъ-то вліяніемъ и происходили по временамъ уличные безпорядки и даже злодѣйства.

Но подобные взрывы сдерживались и наказывались правительствомъ; такъ за уличный мятежъ, когда чернь перевѣшала нѣсколько человѣкъ за принадлежность ихъ къ русской партіи, Косцюшко велѣлъ арестовать и заковать въ кандалы 400 человѣкъ и изъ нихъ семерыхъ повѣсилъ. Но все-таки анархическіе эпизоды въ Варшавѣ напоминали ужасы французской революціи; они устрашали сосѣднія правительства и въ ихъ глазахъ окрашивали польскую инсурекцію въ непринадлежавшій ей цвѣтъ. Такимъ образомъ преувеличенное и невѣрное понятіе о свойствѣ и цѣляхъ польской революціи и затѣянной ею войны сложилось, обобщилось и безъ труда поддерживалось. Этому содѣйствовала между прочимъ внезапность взрыва, смѣлость, съ которою онъ былъ произведенъ, и быстрое распространеніе революціи по краю. Въ признакахъ этихъ усматривали обдуманность, зрѣлое приготовленіе, хорошо организованный и доведенный до конца заговоръ. На самомъ дѣлѣ было противуположное. Заговоръ существовалъ, но далеко не обнималъ всѣхъ польскихъ областей, и многія выдающіяся лица отказались въ немъ принять участіе. Взрывъ произошелъ раньше, чѣмъ вожаки желали и разсчитывали, когда очень многое еще не было готово; вызванъ онъ былъ, какъ объяснено въ своемъ мѣстѣ, Мадалинскимъ, не поддержать котораго Косцюшко считалъ дѣломъ не честнымъ и не патріотическимъ. Предполагалось поступить совсѣмъ иначе, именно выждать открытія войны Россіи съ Турціей, когда потребуется вывести изъ Польши часть русскихъ войскъ. Такимъ образомъ начало революціи и войны было необдуманное и неподготовленное; это наложило свою печать и на все послѣдующее. Одни дѣйствовали очертя голову, скользя по наклонной плоскости, безъ возможности остановиться; другіе увлекались самообольщеніемъ и, по удачному выраженію Косцюшкина секретаря Нѣмцевича: «принимали призраки за надежды, а надежды за дѣйствительность».

Суворовъ раздѣлялъ общее заблужденіе на счетъ происхожденія и зависимости польской революціи отъ французской, называлъ ее *карманьолкой*, а инсургентовъ *якобинами*. Но по взятіи Варшавы, онъ долженъ былъ въ этомъ разубѣдиться.

Прямого въ томъ признанія нѣтъ въ его письмахъ и бумагахъ, но оно выразилось въ его дѣйствіяхъ. Онъ сталъ заботиться только о скорѣйшемъ и общемъ обезоруженіи, считая его концомъ вѣнчающимъ: далѣе по его мнѣнію ничего не требовалось, конечно кромѣ упраздненія революціонной организаціи. И Суворовъ оказался совершенно правъ, потому что къ подобному результату не могло привести одно обезоруженіе, если бы польская революція была прологомъ переворота такой глубины и значенія, какъ французская. [28]).

Прошелъ годъ мирной дѣятельности Суворова въ завоеванной Польшѣ. Къ акту окончательнаго ея раздѣла, подписанному Россіей и Австріей, присоединилась наконецъ и Пруссія. Предстояло выводить войска Суворова изъ занятой ими территоріи, но передать Варшаву Пруссіи положено было не прежде, какъ Пруссаки сдадутъ Австрійцамъ Краковъ и другія отходящія къ Австріи по акту земли, остававшіяся еще въ прусскихъ рукахъ. Сдачу Варшавы и выводъ русскихъ войскъ въ предѣлы имперіи, приказано было Суворову передать Дерфельдену, а самому ѣхать въ Петербургъ для полученія новаго назначенія, на что и отпущено ему 10,000 рублей. Въ рескриптѣ по этому предмету отъ 17 октября 1795 года, Екатерина благодарила его за все имъ сдѣланное, за искуство, дѣятельность и усердіе; говорила, что «познаетъ цѣну его службы» и заявляла свою волю на счетъ его дальнѣйшаго служенія: «вы будете въ другихъ употребленіяхъ, вамъ свойственныхъ, или на иныхъ предѣлахъ имперіи, гдѣ мы въ спокойствіи не столь удостовѣрены». Суворовъ принялся заканчивать разныя дѣла, на что потребовалось не мало времени, сдалъ войска Дерфельдену и наконецъ изъ Варшавы выѣхалъ [29]).

Прошлое уходило вдаль, уступая мѣсто будущему. Три съ половиною года спустя, Суворовъ писалъ изъ Италіи русскому послу въ Вѣнѣ, Разумовскому: «не мщеніемъ, а великодушіемъ покорена Польша; такъ удобно покорить и Францію». Предшествовавшія страницы свидѣтельствуютъ, что Суворовъ имѣлъ право сказать эти слова. Многіе думаютъ иначе. Одни говорятъ, что по взятіи Варшавы, Суворовъ приказалъ отрубить кисти

рукъ у 6000 польскихъ шляхтичей; другіе утверждаютъ, что онъ не сморгнувъ глазомъ, перевѣшалъ 12,000 Поляковъ. Знаменитый историкъ французской революціи, руководствуясь такого рода «историческими» данными, характеризуетъ Суворова коротко: «знаменитый своими побѣдами въ Турціи и жестокостями въ Польшѣ» [30]).

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Суворовъ и его дочь; 1784—1795.

Дочь Суворова въ Смольномъ монастырѣ; переписка съ нею отца.— Окончаніе курса; она помѣщена во дворцѣ; Суворовъ беретъ ее къ себѣ.—Удвоенныя заботы отца по отъѣздѣ въ Финляндію; его наставленія дочери, Хвостову и другимъ; духовное завѣщаніе. — Появленіе жениховъ. — Перемѣщеніе Суворова въ Херсонъ; онъ чувствуетъ себя связаннымъ дочерью; затрудненія съ Хвостовымъ.— Новые женихи; предпочтеніе, отдаваемое Суворовымъ одному изъ нихъ; несогласіе съ этимъ Хвостова; переписка ихъ; письмо Суворова къ Платону Зубову; неудовлетворительный отвѣтъ.— Внезапный новый женихъ—графъ Н. Зубовъ; объясненіе этого обстоятельства. — Степень участія дочери въ выборѣ жениха; опроверженіе невѣрныхъ свѣдѣній. — Обрученіе дочери Суворова и вступленіе ея въ бракъ.

Разставшись съ женой въ 1784 году, Суворовъ, какъ мы знаемъ, помѣстилъ свою 9-лѣтнюю дочь въ Петербургѣ, въ надежныя руки Софьи Ивановны де-Лафонъ, начальницы Смольнаго монастыря. Вслѣдъ затѣмъ началась его переписка съ любимой Наташей, но эти первыя письма не сохранились; потомъ онъ находился на службѣ въ Петербургѣ, слѣдовательно видался съ дочерью лично и лишь въ концѣ 1786 года разлучился съ нею на довольно долгій срокъ. Къ этому времени, и именно къ 1787 году, относится начало дошедшей до насъ переписки Суворова съ *Суворочкой*, переписки, такъ хорошо очерчивающей отца и сдѣлавшей дочь извѣстностью. Горячая привязанность Суворова къ своему ребенку послужила его панегиристамъ темою для разъигрыванія разныхъ варьяцій, въ ко-

торыхъ истина перемѣшана съ вымысломъ. Для примѣра укажемъ на одно принятое всѣми на вѣру характерное свѣдѣніе, будто разойдясь съ женой, Суворовъ все-таки навѣщалъ по временамъ свой домъ, чтобы взглянуть на спящую дочь, благословить ее, поцѣловать и затѣмъ тотчасъ же уѣхать, не повидавшись съ женой. Этого не могло быть потому, что разставшись съ женой, онъ взялъ отъ нея и дочь.

Извѣстіями о своихъ побѣдахъ Суворовъ постоянно дѣлился съ дочерью, бесѣдовалъ съ нею вскользь и о другихъ предметахъ, поддѣлываясь, даже слишкомъ, къ уровню ребяческаго пониманія Наташи. Въ своихъ не длинныхъ письмахъ онъ любилъ разсыпать нравоучительныя сентенціи и разнаго рода наставленія; о женѣ, Наташиной матери, не упоминалъ никогда. Послѣ кинбурнской побѣды, оправившись отъ ранъ, онъ пишетъ: «Будь благочестива, благонравна, почитай свою матушку, Софью Ивановну, или она тебѣ выдеретъ уши да посадитъ за сухарикъ съ водицей.... У насъ драки были сильнѣе, нежели вы деретесь за волосы; а какъ вправду потанцовали,—въ боку пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрѣлили; насилу часовъ черезъ восемь отпустили съ театра въ камеру... Какъ же весело на Черномъ морѣ, на лиманѣ: вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики, по полямъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди, осетры,— пропасть!» Въ слѣдующемъ письмѣ его читаемъ: «Милая моя Суворочка, письмо твое получилъ, ты меня такъ утѣшила, что я по обычаю моему отъ утѣхи заплакалъ. Кто-то тебя, мой другъ, учитъ такому красному слогу... Куда бы я, матушка, посмотрѣлъ теперь тебя въ бѣломъ платьѣ! Какъ-то ты растешь? Какъ увидимся, не забудь мнѣ разсказать какую-нибудь пріятную исторію о твоихъ великихъ мужахъ древности. Поклонись отъ меня сестрицамъ (монастыркамъ); Божіе благословеніе съ тобою». Къ исторической темѣ, которую какъ видно затрогивала Суворочка, писавшая вообще складно (несомнѣнно подъ диктовку), Суворовъ возвращается и въ слѣдующихъ письмахъ. «Радъ я съ тобою говорить о старыхъ и новыхъ герояхъ; лишь научи меня, чтобъ

я имъ послѣдовалъ. Ай-да Суворочка, здравствуй душа моя въ бѣломъ платьѣ (въ старшемъ классѣ), носи на здоровье, рости велика. Ужъ теперь-то, Наташа, какой у нихъ (Турокъ) по ночамъ вой: собачки воютъ волками, коровы охаютъ, волки блѣютъ, козы ревутъ... Они (Турки) такъ около насъ, очень много, на такихъ превеликихъ лодкахъ, шесты большіе къ облакамъ, полотны на нихъ на версту. На иной лодкѣ ихъ больше, чѣмъ у васъ во всемъ Смольномъ мухъ—красненькіе, зелененькіе, синенькіе, сѣренькіе; ружья у нихъ такіе большіе, какъ камера, гдѣ ты спишь съ сестрицами». Продолжая угощать свою Суворочку или сестрицу, какъ онъ ее называлъ, подобными дѣтскими гиперболами и описаніями, Суворовъ въ томъ же 1788 году ей сообщаетъ: «Въ Ильинъ и на другой день мы были въ réfectoire съ Турками; ай-да охъ, какъ же мы подчивались! Играли, бросали свинцовымъ большимъ горохомъ да желѣзными кеглями въ твою голову величины; у насъ были такія длинныя булавки да ножницы кривыя и прямыя, рука не попадайся, тотчасъ отрѣжутъ, хоть и голову... Кончилось иллюминаціей, фейерверкомъ... Съ festin Турки ушли ой далеко, Богу молиться по своему и только; больше нѣтъ ничего. Прости душа моя, Христосъ Спаситель съ тобою»[1]).

Въ такомъ родѣ продолжалъ Суворовъ переписку съ дочерью всю вторую Турецкую войну, то по-русски, то по-французски, изрѣдка писалъ и по-нѣмецки. Онъ рекомендуетъ ей любить С. И. де-Лафонъ какъ мать, напоминаетъ про правила нравственности, про долгъ послушанія, про благочестіе; не вдаваясь въ подробности, пишетъ про результаты своихъ побѣдъ, высчитывая добытые трофеи, уронъ непріятеля, свои потери. Посылая ей письмо съ поля сраженія при Рымникѣ, онъ начинаетъ его такъ: «въ этотъ самый день побѣдилъ я Огинскаго». Иногда въ незамысловатыхъ посланіяхъ его къ ребенку-дочери, проскакиваютъ для внимательнаго глаза мелкіе блики, освѣщающіе исторически описываемый предметъ. Письма его къ Суворочкѣ пріобрѣтаютъ извѣстность въ Петербургѣ, ихъ иногда цитируетъ сама Императрица. Послѣ рымникской побѣды пожалованный въ графы и Русской, и Священной Римской имперіи,

Суворовъ съ гордостью начинаетъ свое письмо словами: «comtesse de deux empires», говоритъ, что чуть не умеръ отъ радости, будучи осыпанъ милостями Императрицы; «скажи Софьѣ Ивановнѣ и сестрицамъ, у меня горячка въ мозгу, да кто и выдержитъ!... Вотъ каковъ твой папенька за доброе сердце». Но настоящимъ перломъ этихъ писемъ слѣдуетъ признать то горячее, нѣжное чувство отца къ дочери, которое сквозитъ чуть не въ каждой строкѣ и прорывается въ безъискуственныхъ, трогательныхъ выраженіяхъ. «Мнѣ очень тошно; я ужъ отъ тебя и не помню когда писемъ не видалъ. Мнѣ теперь досугъ, я бы ихъ читать сталъ. Знаешь, что ты мнѣ мила; полетѣлъ бы въ Смольный на тебя посмотрѣть, да крыльевъ нѣтъ. Куды право какая, еще тебя ждать 16 мѣсяцевъ». Ровно черезъ мѣсяцъ онъ ей пишетъ: «Богъ дастъ, какъ пройдетъ 15 мѣсяцевъ, то ты поѣдешь домой, а мнѣ будетъ очень весело. Черезъ годъ я буду эти дни по арифметикѣ считать... Дѣла наши пріостановились, иначе я не читалъ бы твоихъ писемъ, ибо они бы мнѣ помѣшали, ради моей нѣжности къ тебѣ»[2]).

Время это пролетѣло, и Суворовъ, послѣ недружелюбнаго объясненія съ Потемкинымъ въ Яссахъ о наградѣ за взятіе Измаила, пріѣхалъ въ Петербургъ, не задолго до выпуска дочери изъ Смольнаго монастыря. Мы видѣли, что это время было тяжелымъ для Суворова, вслѣдствіе несбывшихся ожиданій и надеждъ; даже такое радостное событіе, какъ окончаніе дочерью курса и возвращеніе ея подъ родительскій кровъ, не на много умѣрило горечь тогдашняго его положенія. Съ другой стороны оно породило новыя тревоги и безпокойства. Выпущенная изъ института 3 марта и пожалованная впослѣдствіи во фрейлины, дочь Суворова была помѣщена сначала во дворцѣ, около Императрицы. Этотъ знакъ особой милости и вниманія Екатерины къ ея знаменитому полководцу, произвелъ на него совсѣмъ не то дѣйствіе, на которое разсчитывали. Подъ разными предлогами, которыя сводились къ желанію отца видѣть около себя дочь послѣ давней съ ней разлуки, Наташа черезъ нѣкоторое время перешла въ родительскій домъ. Государыня конечно не стала настаивать на своемъ, уступила, но этотъ поступокъ Суворова

не могъ не затронуть ея щекотливость, тѣмъ болѣе, что задѣвалъ вообще придворные круги, выказывая къ нимъ пренебреженіе. За соотвѣтственными внушеніями не стало дѣло, и многочисленные недоброжелатели Суворова постарались придать его поступку самое невыгодное освѣщеніе. Конечно это не навлекло на него немилости, но непріятное впечатлѣніе осталось несомнѣнно [3]).

Что же заставило Суворова поступать такъ неразсчетливо и безтактно, на перекоръ своимъ собственнымъ интересамъ? Сильная антипатія ко всему *придворному*, разжигаемая опасеніями на счетъ дочери. По своей натурѣ, по военно-солдатскому воспитанію, по вкусамъ, по внѣшнимъ качествамъ, вообще по всему,—Суворовъ не былъ человѣкомъ придворнымъ или даже способнымъ приспособиться къ требованіямъ придворнаго быта. Сначала, въ молодости и среднихъ лѣтахъ, онъ долженъ былъ только чувствовать себя тамъ не на мѣстѣ; потомъ, когда крупныя заслуги и пріобрѣтенное съ ихъ помощью положеніе придали ему апломбъ, онъ сталъ получать при дворѣ уколы, даже раны, которыя что дальше, то становились чаще и чувствительнѣе. Не даромъ же онъ впослѣдствіи говорилъ, что въ домашней жизни бывалъ раненъ гораздо больше, чѣмъ на войнѣ, а при дворѣ еще чаще, чѣмъ дома. Тогда, не избѣгая двора по разсчетамъ честолюбія, но не находя въ себѣ ничего съ нимъ общаго, онъ вооружился сарказмомъ и сатирою и щедро расплачивался ими за наносимые ему удары, уже ни мало не скрывая антипатіи къ своимъ зложелателямъ и ихъ средѣ.

Жизнеописанія Суворова полны его выходками противу двора и придворныхъ, изъ числа которыхъ конечно многія созданы современной молвой или присочинены впослѣдствіи. Это однако не мѣняетъ сущности дѣла и не опровергаетъ истинности основанія. Его саркастическое анти-придворное настроеніе особенно развилось въ послѣднее 10-лѣтіе его жизни, хотя въ меньшихъ размѣрахъ существовало несомнѣнно и прежде. Передъ производствомъ въ генералъ-аншефы, онъ напримѣръ сталъ однажды почтительно раскланиваться съ однимъ изъ дворцовыхъ истопниковъ, и когда ему замѣтили, что это служитель самаго низшаго

разряда, Суворовъ отвѣчалъ, что будучи новичкомъ при дворѣ, считаетъ полезнымъ пріобрѣсти себѣ на всякій случай благопріятелей, и что сегодняшній истопникъ можетъ быть завтра Богъ знаетъ чѣмъ. Потомъ его выходки сдѣлались еще язвительнѣе. Онъ называлъ придворныхъ угодниковъ «антишамбристами»; открыто говорилъ, что генералы бываютъ двухъ категорій, — одни генералами родятся, другіе дѣлаются; первые видны въ пороховомъ дыму, на поляхъ сраженій; послѣдніе отличаются на паркетѣ, передъ кабинетомъ, въ качествѣ полотеровъ. «А мундиръ на тѣхъ и другихъ одинаковый», прибавлялъ онъ съ усмѣшкой. Изъ двухъ его племянниковъ, князей Горчаковыхъ, старшій, Алексѣй, былъ военнымъ, пройдя подъ руководствомъ дяди практическую школу; младшій же, Андрей, поступилъ на придворную службу камеръ-юнкеромъ. Князь Горчаковъ-отецъ такъ описываетъ сыну Андрею впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ на Суворова. «Онъ началъ разсказывать, какъ Алешу училъ казакомъ, солдатомъ, капраломъ, сержантомъ, офицеромъ въ пѣхотномъ и кавалерійскомъ полку и егерскомъ батальонѣ служить, и похвалялъ, что онъ скоро понялъ и прошелъ всѣ должности съ усердіемъ, и такъ-де теперь самъ командуетъ съ похвалою.... А потомъ, о тебѣ не упоминая ни слова, разсказывалъ критики о придворныхъ, входъ, походки, поклоны, рѣчи льстивыя, улыбки безмолвныя, взгляды надменности, умствованія и прочее.... Изъ сего ясно, что ему неблагоугодно, и потому онъ о тебѣ ко мнѣ ни слова не писалъ». Про генераловъ, обращающихся и успѣвающихъ при дворѣ, Суворовъ говорилъ и писалъ, что для нихъ военное дарованіе есть талантъ «побочный». Иногда въ словахъ его переписки нѣтъ злости, но и хладнокровныя сужденія, при сравнительной мягкости выраженій, отличаются рѣзкостью понятій. Къ числу его наиболѣе категорическихъ представленій о дворѣ и придворныхъ, принадлежитъ высказанный Хвостову афоризмъ: «для двора потребны три качества — смѣлость, гибкость и вѣроломство»[4]).

Тогдашній дворъ и придворные не могли похвастаться строгими нравственными принципами въ жизни вообще и во взаим-

ныхъ отношеніяхъ двухъ половъ въ частности. Суворовъ же былъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ безукоризненныхъ правилъ, не допускавшихъ никакихъ уступокъ. Легко понять, какъ строги были его взгляды въ примѣненіи къ дочери, которая оставляла монастырь, не имѣя еще 16 лѣтъ отъ роду. Хотя она не блистала ни красотой, ни умомъ, ни другими видными качествами, но все это яснѣе было постороннимъ, чѣмъ отцу. Для объясненія его заботливости о дочери достаточно прибавить, что онъ называлъ дворъ *Цитерою* и въ особенности опасался распущенности нравовъ Потемкина. Сначала онъ думалъ отправить дочь въ Москву, къ своей сестрѣ княгинѣ Горчаковой, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе, можетъ быть не желая съ Наташею разстаться, можетъ быть избѣгая своей жены, тамъ же проживавшей, или опасаясь поступить слишкомъ рѣзко противъ воли Государыни. Онъ выписалъ въ Петербургъ другую свою сестру, Олешеву, и помѣстилъ ее вмѣстѣ съ Наташей въ своемъ домѣ. Потомъ около августа попечительство перешло къ Хвостову, мужу кузины Наташиной, Аграфены Ивановны; а ближайшій надзоръ, какъ бы въ качествѣ гувернера, по указанію Хвостова еще раньше былъ порученъ женатому подполковнику Петру Григорьевичу Корицкому, давнему сослуживцу и подчиненному Суворова, котораго онъ не разъ употреблялъ по своимъ частнымъ дѣламъ. Олешева однако оставалась тутъ же довольно долгое время. Вообще Суворовъ хватался за все подъ гнетомъ своихъ опасеній и подъ вліяніемъ разныхъ совѣтовъ; дѣло отъ этого конечно не выигрывало въ логичности, особенно когда онъ долженъ былъ уѣхать на службу въ Финляндію.

Какъ только онъ выѣхалъ туда изъ Петербурга, отстранять Наташу отъ двора стало невозможно, до того всякіе къ тому резоны представлялись странными и даже оскорбительными. Суворову писалъ объ этомъ Сакенъ, сослуживецъ его во вторую Турецкую войну, говоря, что надо поступать съ величайшею осторожностью и непремѣнно представить дочь ко двору въ тотъ самый день, какъ Государыня вернется въ концѣ лѣта въ Петербургъ. Убѣждая Суворова въ невозможности иного рѣшенія, Сакенъ успокоивалъ его тѣмъ, что главная причина опасеній не

существуетъ, что Потемкинъ уѣхалъ въ армію. Не боясь навлечь на себя гнѣвъ Суворова за противорѣчащіе его взглядамъ совѣты, Сакенъ указываетъ ему между прочимъ, что графиня Наталья Александровна не такъ удобно помѣщена; что домъ, гдѣ она живетъ, отличается величайшей нечистотой и проч. Суворовъ дѣйствительно былъ недоволенъ нѣкоторыми изъ указаній Сакена, назвалъ его въ письмѣ къ Хвостову браннымъ прозвищемъ «дипломатъ», но волей-неволей долженъ былъ послѣдовать его совѣту хоть отчасти, тѣмъ болѣе, что и Хвостовъ настаивалъ на томъ же самомъ [5]).

Во-первыхъ онъ приказалъ Хвостову всѣхъ вразумлять, что Наташа еще дитя, и года 2 или 3 не будетъ ничьею невѣстой. Во-вторыхъ онъ изложилъ ему цѣлую систему надзора, не зная мѣры въ своихъ подозрѣніяхъ и опасеніяхъ. Онъ говоритъ, что приходится отдать дочь баронессѣ Мальтицъ (гофмейстеринѣ) «безъ шуму, какъ казнили въ Бастиліи»; совѣтуетъ стеречься такой-то дамы, сынъ которой лазилъ черезъ потолокъ къ горничной Машѣ; опасаться «просвѣщенія» другой; третья по слухамъ способна «заповѣднымъ товаромъ промышлять»; не велитъ вѣрить «ни Граціямъ, ни Меркуріямъ». Истопника Суворовъ приказываетъ посадить на пенсію, камеръ-лакея задарить, другому дать двойное жалованье; горничной Машѣ тоже, коли не подозрительна, иначе замѣнить ее другою, сообщивъ кѣмъ именно; дѣвушекъ баронессы Мальтицъ одарить. Корицкому тоже нельзя довѣрять много: «я васъ объ этомъ предупреждалъ, но вы сами настояли. Онъ непостижимаго *лѣноумія* и дальше четырехъ стѣнъ постигнуть не въ состояніи. Отъ его обѣщаніевъ не ждите лучшаго; онъ природы своей перемѣнить не можетъ; четыре стѣны его, но и то за присмотромъ». Со сжимающимся сердцемъ приказываетъ Суворовъ готовить Наташу къ дежурству, къ баламъ, къ спектаклямъ въ эрмитажѣ: «бѣдная Наташа, не обольстись утѣхами!» Хвостову онъ даетъ наставленіе, какъ ее вести и что ей внушать, и проситъ непремѣнно найти въ баронессѣ Мальтицъ слабую сторону, на которую и дѣйствовать въ томъ же духѣ. «Для любопытства ничѣмъ изъ Жанъ-Жака не просвѣщать, на всякій соблазнъ имѣть бдитель-

ное око.... Изъ любомудрія и морали просвѣтите благовременно въ тленной заразѣ суетъ, гиблющихъ нравы и благосостояніе». Никого изъ молодежи ей у себя не принимать, кто подойдетъ къ рукѣ,—полтора шага назадъ. Проводить время въ благочестіи и благонравіи, отчуждаясь отъ людского шума и суеты, занимаясь чтеніемъ, рукодѣліемъ, играть, бѣгать, рѣзвиться. Вслѣдствіе обычной бережливости и въ особенности по ненависти къ роскоши и ея растлевающему вліянію на нравы, Суворовъ опредѣлилъ на содержаніе дочери немного, всего 600 руб. въ годъ, да на подарки ей къ праздникамъ 400. Впрочемъ, онъ не держался педантически этой мѣрки, ибо встрѣчаются по счетамъ большіе расходы; на одну карету напримѣръ было истрачено 1,000 руб., на платье подарено 300 руб., на шаль назначено 100 руб. [6]).

Не забывалъ Суворовъ наставлять свою дочь и непосредственно, напутствуя вступленіе ея въ жизнь, между прочимъ и собственнымъ примѣромъ. «Будь непререкаемо вѣрна великой Монархинѣ. Я ея солдатъ, я умираю за отечество; чѣмъ выше возводитъ меня ея милость, тѣмъ слаще мнѣ пожертвовать собою для нея. Смѣлымъ шагомъ приближаюсь я къ могилѣ, совѣсть моя не запятнана, мнѣ 60 лѣтъ, тѣло мое изувѣчено ранами, и Богъ оставляетъ меня жить для блага государства». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «помни, что дозволеніе свободно обращаться съ собою, порождаетъ пренебреженіе; берегись этого. Пріучайся къ естественной вѣжливости, избѣгай людей, любящихъ блистать остроуміемъ: по большей части это люди извращенныхъ нравовъ. Будь сурова съ мужчинами и говори съ ними немного, а когда они станутъ съ тобой заговаривать, отвѣчай на похвалы ихъ скромнымъ молчаніемъ... Когда будешь въ придворныхъ собраніяхъ, и если случится, что тебя обступятъ старики, показывай видъ, что хочешь поцѣловать у нихъ руку, но своей не давай [7]).

Въ Финляндіи онъ продолжалъ свои бесѣды съ дочерью почти такъ, какъ прежде, съ такими же гиперболами и дѣтскими сравненіями, но оттѣнокъ серьезности проглядываетъ все больше. Сентября 7 онъ шлетъ ей письмо: «сего числа

въ темнѣйшую ночь выступилъ я къ Рымнику, отчего и ты, Наташа, Рымникская. Я весьма благодарствую, что ты твоему бѣдному офицеру отдала для гостинца; ежели и послѣ будешь такъ думать и дѣлать, то Богъ станетъ тебѣ давать два гостинца». Нѣжность отца не слабѣетъ. Едва пріѣхавъ изъ Петербурга въ Финляндію, онъ уже пишетъ, что по дочери соскучился, что мѣсяцъ за годъ тянется, и справляется у Хвостова, сколько у нея прибавилось роста. Письма его испещрены такими задушевными выраженіями: «помни меня, какъ я тебя помню; я вездѣ буду тебя за глаза цѣловать; какъ будто мое сердце я у тебя покинулъ; смерть моя для отечества, жизнь моя для Наташи» и многое другое.

Въ свою очередь и дочь не лѣнилась отвѣчать отцу, писала часто, но очень по немногу, большею частію приписками на письмахъ Хвостова. Прежнихъ писемъ, какія посылались изъ Смольнаго, почти не видать, — новое доказательство, что они писались съ помощью другихъ лицъ. Тема писемъ если не совсѣмъ прежняя, то по прежнему узкая. Съ малыми измѣненіями безпрестанно повторяется стереотипная фраза: «милостивый государь батюшка, я слава Богу здорова, цѣлую ваши ручки и остаюсь ваша послушнѣйшая дочь Г. Н. С. Р.». Иногда прибавляется о посылкѣ апельсиновъ, бергамотъ, кошелька или рисунка своей работы, или же говорится о полученіи посланной отцомъ рябиновой пастилы, мамуры и проч. Отецъ обыкновенно надписывалъ: «благодарствую, Христосъ съ тобою», или что-нибудь подобное; противъ понравившейся дочери рябиновой пастилы написалъ: «берегись, Наташа, брюхо заболитъ». На тѣхъ же письмахъ встрѣчается приписка Анны Васильевны Олешевой; она благодаритъ за присылку чего-нибудь, или сама посылаетъ, называетъ Суворова «батюшка-братецъ, Александръ Васильевичъ», желаетъ здоровья, цѣлуетъ ручки и остается покорною и благодарною сестрой. Суворовъ обыкновенно надписывалъ: «благодарствую»; противъ цѣлованія ручекъ прибавлялъ: «и я тоже твои»; разъ тутъ же приписалъ: «по секрету» [8]).

Постоянныя заботы о дочери, вѣчная о ней тревога, должны были наконецъ утомить Суворова и натолкнуть его на мысль

о женихѣ, хотя недавно онъ самъ назначилъ Хвостову для руководства терминъ въ 2 или 3 года, раньше котораго Наташа не должна выходить замужъ. А затѣмъ, усвоивъ мысль о бракѣ дочери, онъ сталъ ее преслѣдовать со свойственною ему настойчивостью. Сознавая кромѣ того свою старость и возможность близкаго конца, онъ прежде всего позаботился о матеріальномъ обезпеченіи своей дочери. Въ февралѣ 1792 года составлено и подписано духовное завѣщаніе, которымъ отказывались дочери всѣ благопріобрѣтенныя имѣнія съ 834 душъ мужскаго пола, а изъ денегъ, что на лицо останется. Въ завѣщаніи говорилось, что если графиня Наталья Александровна выйдетъ замужъ при жизни отца, то ей предоставляется право получить всѣ завѣщанныя деревни и деньги, и вступить во владѣніе безъ всякаго со стороны его, отца, прекословія. Эти 834 души (а если считать оба пола крѣпостныхъ, то свыше 1,500) составляли въ то время отъ $^1/_4$ до $^1/_5$ всего его состоянія; что касается денегъ, то у него ихъ не было на лицо почти никогда, кромѣ небольшой суммы на его скромный прожитокъ, потому что всѣ они уходили преимущественно на новыя «завоеванія», т.-е. на покупку земель или населенныхъ имѣній. Слѣдовательно, денежная часть духовнаго завѣщанія была въ сущности фиктивною и ни къ чему опредѣлительному не приводила [9]).

Прежде, чѣмъ Суворовъ пришелъ къ рѣшенію пристроить дочь, не отлагая въ долгій ящикъ,—стали навертываться женихи. Первымъ кандидатомъ представился молодой сынъ графа Н. И. Салтыкова, управлявшаго военнымъ департаментомъ, когда графинѣ Натальѣ Александровнѣ не исполнилось еще 16 лѣтъ. Казалось бы, что по положенію графа Николая Ивановича, женихъ былъ подходящій, и союзъ этотъ для честолюбиваго Суворова, не ладившаго съ Салтыковымъ, представлялъ большія служебныя выгоды, но въ разсчеты Суворова эта сторона дѣла не входила. Онъ былъ даже того мнѣнія, какъ видно изъ его писемъ къ Хвостову, что свойство съ такимъ лицомъ какъ Салтыковъ, *связало* бы его. Кромѣ того женихъ былъ слишкомъ молодъ и не казистъ, по крайней мѣрѣ Суворовъ называетъ его то подслѣпымъ, то слѣпымъ, то кривымъ; говоритъ, что не

желаетъ «вязать себѣ на шею мальчика для воспитанія»; пеняетъ Хвостову, что первые подходы къ сватовству не были отклонены сразу. Графу Салтыкову—отцу Суворовъ отвѣтилъ, что не думаетъ «ни о богатствѣ, ни о свѣтскихъ просвѣщеніяхъ» дочери; не думаетъ и о женихахъ, потому что за-мужъ выходить ей еще рано. Однако отказъ не прекратилъ попытокъ; Суворовъ говоритъ, что онъ 3 раза былъ бомбардированъ «жалуемымъ Наташѣ подслѣпымъ женихомъ». Такой исходъ дѣла не могъ остаться совершенно безъ вліянія на взаимныя отношенія Суворова и Салтыкова. Если припомнимъ, какія непріятности перенесъ Суворовъ за время своей службы въ Финляндіи, то станутъ понятны слова его, что не состоявшемуся сватовству онъ обязанъ «тьмою и положеніемъ своимъ», и что графъ Н. И. Салтыковъ «за кривого жениха топчетъ достоинство титловъ и старшинства», хотя конечно, въ виду характера Суворова, эти выводы слѣдуетъ признать слишкомъ преувеличенными.

Въ слѣдующемъ 1792 году явился другой искатель. Въ маѣ молодой князь Сергѣй Николаевичъ Долгоруковъ, «по склонности къ военной наукѣ», захотѣлъ осмотрѣть финляндскія крѣпости и укрѣпленія, попросилъ у Хвостова рекомендательное письмо и явился къ Суворову. Онъ былъ принятъ ласково, объѣхалъ границу, передъ возвращеніемъ въ Петербургъ бывалъ нѣсколько разъ у Суворова, начиналъ было сквозь зубы комплименты графинѣ Натальѣ Александровнѣ, но это принято холодно. Однако онъ Суворову понравился, понравился первоначально и Хвостову, но потомъ взгляды ихъ разошлись. Немного дней спустя, Хвостовъ пишетъ Суворову письмо, хвалитъ сначала новаго искателя, но потомъ говоритъ, что по важности дѣла спѣшить не годится; что невѣста еще дитя и находится въ надежныхъ рукахъ, на его, Хвостова, отвѣтственности; что женихъ и его родня конечно радехоньки, но графинѣ онъ не пара и къ тому же бѣденъ. Кончая словами, что не дерзость, а усердіе руководитъ его замѣчаніями, Хвостовъ втираетъ въ свое письмо, какъ бы мимоходомъ, замѣчаніе, что искатель приходится правнучатнымъ племянникомъ графу Н. И. Салтыкову.

Суворовъ не зналъ про это родство, нашелъ, что Хвостовъ

судитъ благоразумно и согласился «дать времени играть». Но вслѣдъ затѣмъ онъ передумалъ, или по крайней мѣрѣ сталъ колебаться, и Хвостовъ получаетъ новое письмо, гдѣ приводятся доводы въ пользу Долгорукова. Суворовъ говоритъ, что эти Долгоруковы съ другими «не очень смежны», что «мать его изъ Строгоновыхъ, а сіи всѣ не горды», «что семейство это хорошихъ нравовъ и проч.» За этимъ письмомъ опять новое: «Наташу пора съ рукъ, выдать за-мужъ, не глотать звѣзды, довольно ей кн. С. Н. Долгорукова: не богатъ—не мотъ, молодъ—чиновенъ, рябъ—благонравенъ; что жъ еще, скажите. Мнѣ онъ кажется лучше другихъ; сродники не мѣшаютъ, бѣдности пособлю службою, поелику здравствую; благопріобрѣтенное уже ей отдѣлено... Самъ я и безъ того сытъ». Вѣроятно при этомъ же письмѣ онъ посылаетъ Хвостову собственноручную записку безъ числа и подписи: «Князь Сергій Николаевичъ, моя Наташа, ваша невѣста, коли вы хотите, (и если) матушка жъ ваша и Несторъ васъ благословятъ. Нѣтъ,—довольно сего слова; да,—покажите послѣ ихъ письма для скорыхъ мѣроположеніевъ. Sapienti sat». Хвостовъ отвѣчаетъ, что не измѣняетъ своихъ прежнихъ мнѣній; «графиня не можетъ быть вамъ бременемъ и препоною... большое бремя, сохрани Боже, ея несчастіе. Я доказалъ вамъ, что онъ низокъ женихъ; сверхъ того—не мое правило чернить и никого — извольте узнать его поведеніе, благонравіе; вѣра къ Богу—первѣйшее всего — знаетъ ли онъ ее?» Суворовъ помѣтилъ сбоку: «чтожъ за чортъ онъ или чертенокъ». Этимъ кончилась переписка, а съ нею повидимому и самое дѣло. Не по пустому писалъ Хвостову Суворовъ: «правьте моею судьбою, какъ я нахожусь за Валдаями». Впрочемъ годъ спустя, трактуя съ Хвостовыхъ о другихъ женихахъ, Суворовъ вспомнилъ о князѣ Долгоруковѣ и сказалъ мимоходомъ, что порокомъ его, разрушившимъ дѣло, были «не рябины или вѣтровѣріе, а свойствò» съ нежелаемыми людьми.

Былъ еще намекъ какъ будто на новаго претендента въ концѣ 1791 года. Въ одномъ изъ писемъ Суворова между прочимъ значилось: «дивитесь мечтѣ: царевичъ Маріамнъ Грузинскій женихъ Н. (очень тайно); Курисъ мнѣ сказывалъ, что онъ

въ Петербургѣ». Суворовъ прибавляетъ, что царевичъ «благонравенъ, но недостатокъ одинъ — они дики». Впослѣдствіи онъ снова упоминаетъ всколзь про царевича, какъ бы опровергая невыгодное о немъ мнѣніе Хвостова, но этимъ все и кончается [6]).

По перемѣщеніи Суворова въ концѣ 1792 года изъ Финляндіи на югъ, дочь его продолжала жить у Хвостова. По смыслу переписки надо полагать, что она являлась ко двору, но не часто, посѣщая только балы, спектакли и проч. Императрица продолжала быть къ ней милостивой, и пожаловала ей свой вензель, который препровожденъ Зубовымъ къ Суворову въ ноябрѣ 1792 года. Замѣтной при дворѣ особой, графиня Наталья Александровна конечно не была, не обладая нужными для того качествами; это впрочемъ совершенно соотвѣтствовало взглядамъ и вкусамъ ея отца, который говорилъ, что если «Наташѣ недостаетъ свѣтскаго, то научитъ мужъ по своему вкусу» [10]).

Усвоивъ мысль о замужествѣ дочери, Суворовъ уже въ Финляндіи привязался къ этой идеѣ со страстью. Заботы о любимой Наташѣ не дозволяли ему сосредоточиваться на одномъ предметѣ; онъ началъ чувствовать свои руки связанными, свою волю пригнетенною; ему трудно было рѣшаться на смѣлые шаги, въ родѣ отставки или заграничной службы, на все то, что онъ называлъ «переходомъ чрезъ Рубиконъ». Онъ пишетъ: «крамола вѣдая, что Наташею я обузданъ, злокозненно ею можетъ мою свободу отвращать». Даже перемѣна близкаго къ Петербургу мѣста службы на дальнее, въ родѣ командировки въ армію противъ Поляковъ или перевода въ Херсонъ, представлялась ему въ началѣ страшною изъ-за разставанья съ дочерью: «гдѣ она (какъ порохъ въ глазу), когда я буду удаленъ?» Его держало сердце, чувство его къ дочери вліяло даже на издавна намѣченную цѣль жизни: «Наташа правитъ моею судьбою, скорѣе замужъ: дотолѣ лѣвая моя сторона вскрыта». Тоже самое продолжалось и въ Херсонѣ, только шло crescendo. Правда, довѣренность его къ Хвостову была такъ велика, что уѣзжая вдаль, онъ оставлялъ на его рукахъ дочь безъ опасеній, но это успокоивало голову, а не сердце. Суворовъ до того озабоченъ въ

Херсонѣ будущностью Наташи, что рѣшается писать Зубову. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: «милое дитя мѣшаетъ службѣ, я жъ на 64 (году отъ роду); для ея участи должно мнѣ сказать Генриху: «Sir, il est temps». Въ другой разъ онъ сообщаетъ, что опредѣлилъ выдать дочь за-мужъ въ ея наступающемъ 20 году: «я ей отецъ, желаю ее при моей жизни пристроить; по службѣ заниматься мнѣ недосугъ; не юную невѣсту Рабнеръ играетъ въ лотерею» [11]).

Суворовъ имѣлъ основаніе тяготиться положеніемъ дочери еще и потому, что проживая у Хвостова, она и ему служила обузой, что видно изъ переписки Куриса съ Хвостовымъ. Усердствующій и радѣтельный племянникъ хотя ничѣмъ этого дядѣ не высказывалъ, но будучи недоволенъ своимъ служебнымъ положеніемъ и отсутствіемъ всякаго движенія впередъ, какъ бы намекалъ, что услуга требуетъ услуги же. Недовольство свое Хвостовъ показалъ Суворову еще въ Финляндіи, собираясь выдти въ отставку; тоже самое онъ повторилъ и теперь. Завязывалась послѣдняя война съ Польшей, изъ Петербурга высылали армейскихъ офицеровъ къ своимъ полкамъ, оберъ-полицмейстеръ разсылалъ имъ повѣстки и приглашенія, получилъ повѣстку и Хвостовъ. Онъ послалъ Суворову прошеніе объ увольненіи отъ службы. Суворовъ прошенія не принялъ, приказалъ Хвостову перечислиться въ войска на югъ, подъ его начальство, совѣтовалъ не слушаться подстрекательствъ жены, а слѣдовать единственно своимъ душевнымъ чувствамъ и расположенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ написалъ Зубову о переводѣ Хвостова, съ оставленіемъ его при Наташѣ до ея замужества; просилъ всесильнаго фаворита «воздвигнуть» пожилого Хвостова, котораго «судьба осадила противъ сверстниковъ»; за одно просилъ и о родномъ племянникѣ, Олешевѣ, именно о переводѣ его въ гвардію. Курисъ въ тоже время писалъ Хвостову, что со своей стороны старался внушать Суворову о совершенной справедливости его, Хвостова, претензій, но за это ему жестоко досталось, при внушеніи, что онъ, Суворовъ, самъ не спокоенъ еще больше и никогда племянника не оставитъ, но надо ждать времени. Хвостовъ послушался, и хорошо сдѣ-

лалъ, потому что былъ Суворову человѣкомъ незамѣнимымъ; требовались только выдержка, терпѣніе да выслѣживаніе случаевъ [12]).

Замужество графини Натальи Александровны сдѣлалось для отца ея, въ Херсонѣ, чуть не преобладающею темою для писемъ и разговоровъ съ близкими людьми. Навертывались новые женихи; первое мѣсто между ними, по серьезности своей кандидатуры, занималъ молодой полковникъ графъ Эльмптъ. Суворовъ познакомился съ нимъ въ мартѣ 1793 года и тогда же написалъ Хвостову: «Дмитрій Ивановичъ, не сей ли нашъ судебный (т.-е. назначенный судьбою)? Коли старики (родители) своенравны, то отецъ его развѣ въ пунктѣ благороднаго почтенія и послушанія; мать добродушна и по экономіи скупа; тѣмъ они богатѣе, кромѣ германскаго владѣнія. Юноша тихаго портрета, больше со скрытными достоинствами и воспитаніемъ; лица и обращенія не противнаго, въ службѣ безпороченъ и по полку безъ порицанія; въ нѣмецкой землѣ лучше нашего князя, въ Россіи полковникъ, деревни подъ Ригой и деньги. Вѣра— онъ христіанинъ, не мѣшаетъ иной вѣрѣ, и дѣти христіане. Далѣе по сему мнѣ судить не можно, при сестрицѣ вы». Эльмпта рекомендовалъ П. И. Турчаниновъ, женатый на его сестрѣ; Суворовъ написалъ Турчанинову, что онъ не прочь, да и домашніе его того же мнѣнія, только жаль, что у молодого человѣка рука не здорова, и онъ плохо ею владѣетъ. Желая познакомиться съ Эльмптомъ поближе, Суворовъ пригласилъ его къ себѣ погостить. Скоро обнаружилось, что больная рука есть послѣдствіе дуэли, изъ-за которой по всей вѣроятности Эльмптъ и долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга. Но это обстоятельство не повредило ему въ мнѣніи Суворова, у котораго онъ продолжалъ гостить и нравился все больше [13]).

Около этого же времени, лѣтомъ 1793 года, представился еще кандидатъ, князь А. Трубецкой, единственный сынъ отставного генералъ-поручика, владѣльца 7,000 душъ. Описывая его, Суворовъ даетъ ему 21 годъ отъ роду, говоритъ, что онъ «собою хорошъ, порядочныхъ поступковъ и воспитанія, премьеръ-маіоръ; онъ очень мнѣ показался и лучшій женихъ». То же самое напи-

салъ Хвостову и Курисъ, называя Трубецкого молодцомъ и отдавая ему предъ Эльмптомъ предпочтеніе. Но это розовое освѣщеніе скоро измѣнилось; черезъ два мѣсяца Суворовъ писалъ: «князь А. Трубецкой пьетъ, его отецъ пьетъ и въ долгахъ, родня строптивая, но паче мать его родная — тетка Наташѣ двоюродная». Дѣло въ самомъ началѣ порвалось, и Суворовъ былъ очень доволенъ, что «съ нимъ ни малой пропозиціи не было, лишь на воздухѣ». Затѣмъ онъ возвращается къ Эльмпту: «графъ Эльмптъ мнѣ лучшій, я его не упускаю и вамъ (совѣтую) тожъ; судебный онъ». Молодой Эльмптъ видя, что его первые шаги приняты благосклонно, написалъ отцу, въ Ригу. Генералъ-аншефъ графъ Эльмптъ пишетъ Суворову по-французски весьма вѣжливое и любезное письмо. Онъ не колеблясь ни минуты, даетъ сыну дозволеніе на бракъ съ дочерью Суворова и выражаетъ свое искреннее удовольствіе по случаю сдѣланнаго имъ выбора. Все свидѣтельствуетъ въ пользу такого рѣшенія — происхожденіе, общественное положеніе, возрастъ и личныя качества невѣсты, вмѣстѣ съ обоюднымъ сочувствіемъ двухъ молодыхъ сердецъ. Радость его, Эльмпта, увеличивается еще тѣмъ, что онъ дѣлается родственникомъ стараго друга (они были знакомы давно), который своими блестящими качествами пріобрѣлъ безсмертную репутацію и уваженіе всей Европы [9]).

Дѣло зашло далеко, но тутъ-то и стали обнаруживаться симптомы сомнительнаго исхода. Хвостовъ, обойденный ли Турчаниновымъ, или признававшій въ началѣ вмѣстѣ со своею женою затѣянное дѣло болѣе выгоднымъ, чѣмъ оно представилось ему потомъ, сталъ выдвигать препятствія. Онъ поступалъ такъ не по тупому инстинкту противодѣйствія, а въ интересѣ Суворова, которому несомнѣнно желалъ добра, а потому подъискивалъ для его дочери партію, какъ можно болѣе выгодную. Не подлежитъ сомнѣнію также и то, что желая по своимъ собственнымъ понятіямъ добра Суворову, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ работалъ и для самого себя. Онъ началъ съ того, что указалъ Суворову на довольно большую семью Эльмпта; Суворовъ нашелъ, что это никому и ничему не мѣшаетъ. Онъ выставилъ на видъ больную руку жениха; Суворовъ призналъ и это не важнымъ, сказавъ,

что «слаборукій не кривой». Онъ сдѣлалъ указаніе на другого, болѣе выгоднаго кандидата, князя Щербатова. Суворовъ отвѣчалъ, что «князь Щербатовъ долженъ быть богатъ, да и только; взрачность не мудрая, но паче непостояненъ и вѣтренъ, чего послѣдняго отнюдь въ Эльмптѣ не примѣчается, и никакой охулки я здѣсь на него не слыхалъ». Написано было старику Эльмпту и Турчанинову. Турчаниновъ, обрадованный желаннымъ исходомъ, далъ Суворову совѣтъ — испросить соизволеніе Императрицы, «яко матери и вашей и ея», что совершенно необходимо по существующимъ правиламъ. Эльмптъ-отецъ поблагодарилъ Суворова за доброту къ сыну, за похвалы ему и за согласіе на союзъ дѣтей, удостовѣряя, что ему очень лестно породниться съ «русскимъ Тюренемъ». Молодой Эльмптъ поѣхалъ въ Петербургъ; предположенная свадьба получила огласку, и въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ стали говорить и писать о ней какъ о дѣлѣ, окончательно рѣшонномъ. А между тѣмъ распространившійся слухъ оказался преждевременнымъ, благодаря тому, что Суворовъ, озабоченный, какъ мы видѣли, массою непріятностей и погруженный въ кучу дѣлъ, не могъ отлучиться съ мѣста службы и лично все порѣшить и покончить [14]).

Опять потянулась безконечная переписка между имъ и Хвостовымъ. Напрасно Суворовъ въ досадѣ спрашивалъ у него: «скажите мнѣ хоть на-угадъ, кто вашъ женихъ первой черты?» Есть основаніе думать, что невѣста не была расположена къ избранному отцомъ жениху и что между прочимъ это и побуждало Хвостова затягивать дѣло, хотя остается совершенно темнымъ — было ли нерасположеніе невѣсты къ жениху самостоятельное, или внушенное Хвостовымъ же. По характеру, воспитанію, развитію Натальи Александровны, послушаніе отцу было однимъ изъ самыхъ выдающихся ея свойствъ, и потому послѣднее предположеніе возможно, тѣмъ болѣе, что жена Хвостова, недовольная молодостью жениха, возмущалась сверхъ того его неправославіемъ и все это конечно внушала дочери Суворова. Какъ ни склоненъ былъ Суворовъ слѣдовать указаніямъ Хвостова, но въ настоящемъ случаѣ не отступался отъ своего взгляда и начиналъ терять терпѣніе. Въ апрѣлѣ 1794 года онъ

пишетъ: «Съ осени выдавайте Наташу за Эльмпта; гдѣ же лучшій женихъ? Лучшій—Чернышевъ, но тамъ гнѣздо сибаритово, гдѣ душевнаго спокойствія нѣтъ. Эльмпта жена живетъ (т.-е. будетъ жить) съ мужемъ отъ родителей (его) далеко; онъ спокоенъ, не роскошенъ и не забіяка; больше застѣнчивъ по строгому воспитанію, но уменъ и достоинъ; только по наружности стоитъ иногда фертомъ по нѣмецкому». Затѣмъ Суворовъ обращается къ женѣ Хвостова: «Груша не дури, вѣра его христіанская; Наташа и я уже изъ протекціи фамильной выжили; года его зрѣло-молодые, не вѣтрогонные». Въ серединѣ лѣта Суворовъ снова подтверждаетъ свою волю: «графъ Филиппъ Ивановичъ Эльмптъ лучшій женихъ Наташѣ; я въ немъ никакихъ пороковъ не нахожу, сколько ни стараюсь, и еще (будетъ) вѣрный мужъ. Какъ ни балансируйте, затѣи Груши уничтожьте, вообще всѣмъ семействомъ пріуготовляйте Наташу къ браку... Эльмптъ поѣдетъ на зиму въ Петербургъ». Затѣмъ чрезъ два дня опять письмо, короче и категоричнѣе прежняго: «Въ настоящую осень отправится графъ Ф. И. Эльмптъ въ Петербургъ; моя дочь его невѣста, я ей отецъ, онъ ей женихъ; предуготовляйте бракъ». Нѣсколько спустя Суворовъ посылаетъ письма по этому предмету къ дочери, къ Турчанинову и къ графу Платону Зубову. Послѣднему онъ пишетъ: «принимаю смѣлость поручить въ вашу милость полковника Эльмпта, избраннаго мною въ женихи моей дочери» [13]).

Наталья Александровна отвѣчала, что «она безъ отрицанія исполнитъ волю отца купно съ волею Императрицы», т.-е. дала согласіе не безусловное, такъ какъ волю Государыни еще не знала. Графъ Зубовъ написалъ въ своемъ отвѣтѣ, что Екатеринѣ можетъ показаться необычайнымъ и даже неприличнымъ, что дочь знаменитаго русскаго полководца, слывущаго столь привязаннымъ къ вѣрѣ и отечеству,—дочь, отличенная именемъ (вензелемъ) и покровительствомъ Государыни, выдается за иностраннаго иновѣрца. Графиня молода; она найдетъ себѣ партію болѣе подходящую, выгодную и приличную. Взаключеніе Зубовъ проситъ Суворова вѣрить, что излагая эти мысли, онъ руководится единственно чувствомъ доброжелательства [15]).

Зубовъ писалъ это письмо конечно съ вѣдома Императрицы, до того оно категорично, если не по формѣ, то по смыслу. Суворовъ получилъ его находясь въ Польшѣ, ибо его письмо къ Зубову объ Эльмптѣ, только 13 августа 1794 года прибыло въ Петербургъ, а 14 онъ уже выступилъ въ походъ. Дальнѣйшей переписки по этому предмету не найдено, да ее вѣроятно и не было; сватовство графа Эльмпта на этомъ фазисѣ и кончилось.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что дѣйствительною причиной расторгнутаго сватовства графа Эльмпта, было не протестантское его исповѣданіе. Екатерина II хотя къ тому времени состарѣлась и во многомъ противъ прежняго измѣнилась къ худшему, но такою узкостью понятій и взглядовъ все-таки не отличалась. Существовало впрочемъ еще одно обстоятельство не въ пользу этой фамиліи: генералъ-аншефъ графъ Эльмптъ былъ человѣкъ благороднаго характера, честныхъ взглядовъ и правилъ, но чрезвычайно заносчивъ, самолюбивъ и горячъ, а главное — отличался злымъ и острымъ языкомъ, который не умѣлъ и не хотѣлъ сдерживать. Суворову, знавшему Эльмпта давно, были очень хорошо извѣстны эти его качества, но онъ толковалъ ихъ не въ дурную сторону, какъ сказано выше, да и разсчитывалъ, что Наталья Александровна будетъ жить съ мужемъ вдали отъ его родителей. Екатерина была не такъ снисходительна и Эльмпта не долюбливала. Но этой причины все-таки недостаточно, чтобы расторгнуть рѣшенный родителями и оглашенный во всеобщую извѣстность брачный союзъ. И дѣйствительно, настоящую причину надо искать въ связи съ послѣдующимъ женихомъ, а затѣмъ и мужемъ дочери Суворова, графомъ Николаемъ Зубовымъ.

Онъ не былъ у Суворова на счету жениховъ дочери. Въ перепискѣ Суворова съ Хвостовымъ встрѣчаются въ двухъ-трехъ мѣстахъ намеки на какое-то лицо, обозначаемое начальными буквами и непонятными значками, но буквы эти не подходятъ къ именамъ и фамиліи Зубовыхъ; говорится про чьего-то сына, а не брата, и упоминается про него вскользь, безъ особеннаго къ нему вниманія. Писалось бы иначе, если бы шла рѣчь о

братѣ всесильнаго временщика. Слѣдовательно искательство Николая Зубова принадлежитъ позднѣйшему времени; по соображеніи обстоятельствъ, оно должно совпадать съ вышеприведеннымъ отвѣтнымъ письмомъ Платона Зубова къ Суворову.

Изъ сохранившагося письма Турчанинова къ Хвостову отъ 4 октября 1794 года видно, что молодой графъ Эльмптъ лично сообщилъ ему, Турчанинову, о полученномъ отказѣ 2 октября. Если взять въ разсчетъ разстояніе отъ Петербурга до мѣстонахожденій Суворова въ Польшѣ, то будетъ ясно, что письмо Платона Зубова пришло къ нему и затѣмъ сообщено Хвостову для отказа Эльмпту, послѣ побѣдъ при Крупчицахъ и Брестѣ, т.-е. когда Суворовъ оказалъ новыя заслуги предъ отечествомъ. Даже если отнести проекты Зубовыхъ на счетъ дочери Суворова къ болѣе раннему времени, все таки придемъ къ выводу, что Суворовъ тогда уже былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ Польшѣ, т.-е. находился на пути къ дальнѣйшему возвышенію. Это обстоятельство кажется имѣетъ цѣну при заключеніи такихъ браковъ по разсчету, каковъ былъ Николая Зубова съ Суворовой. Но такъ ли, нѣтъ ли, т.-е. разсчетъ Зубовыхъ доходилъ ли до предполагаемой тонкости, или все сладилось проще (что также возможно, ибо единственная дочь Суворова и безъ новыхъ побѣдъ отца представляла собою весьма крупную приманку), во всякомъ случаѣ дѣло сложилось послѣ выступленія Суворова въ польскій походъ и послужило естественнымъ поводомъ къ отказу графу Эльмпту. Самого Суворова нельзя упрекнуть въ неискренности и двуличіи, также какъ и въ эгоистическомъ разсчетѣ— возвысить свое положеніе съ помощію брака дочери. Этихъ побужденій не замѣчается въ немъ съ самаго начала сватовства за Натальею Александровной; нѣтъ ихъ и при развязкѣ дѣла, да и не могло быть: онъ стоялъ уже слишкомъ высоко, чтобы въ комъ либо заискивать, особенно по производствѣ въ фельдмаршалы, когда дѣло съ Н. Зубовымъ было окончательно рѣшено.

Нельзя также произшедшій оборотъ приписывать махинаціямъ Хвостовыхъ; если при этомъ и было ихъ вліяніе, то слиш-

рова помѣчено въ печати 4 октября 1794 года, и дѣйствительно въ немъ говорится о пораженіи Косцюшки, какъ о недавнемъ фактѣ; имя отвергаемаго жениха не упомянуто. До кого это посланіе могло касаться? Къ той порѣ подходятъ только два претендента — Эльмптъ и Зубовъ, всѣ остальные были раньше. Письмо касается не до Эльмпта, онъ еще передъ тѣмъ получилъ отказъ, какъ выше объяснено. Не можетъ оно относиться и къ Зубову, потому что съ нимъ дѣло тогда только что зарождалось, или еще готовилось зародиться, да и самую мысль объ этомъ брачномъ союзѣ нѣтъ основанія приписывать Суворову; она навѣяна извнѣ, вѣроятно съ вѣдома самой Императрицы. Это послѣднее утвержденіе какъ будто опровергается слѣдующими словами одного изъ писемъ Екатерины къ Гримму, въ апрѣлѣ 1795 года: «Суворовъ пригласилъ къ себѣ Николая Зубова и сказалъ ему: «вы человѣкъ порядочный и честный; сдѣлайте мнѣ удовольствіе, женитесь на моей дочери. Зубовъ согласился». Но Екатерина, въ своихъ письмахъ къ Гримму, не всегда говоритъ строгую правду, увлекаемая остроуміемъ, шутливостью и пикантностью сообщаемыхъ слуховъ. Суворовъ не могъ сдѣлать подобнаго предложенія Н. Зубову по одному тому, что увидался съ нимъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его свадьбы. Въ этомъ дѣлѣ Государыня не была холоднымъ, безучастнымъ зрителемъ; не даромъ же она прибавляетъ Гримму, что лучшей брачной пары, какъ Зубовъ и Суворова, никогда не видывала.

Итакъ Суворовъ не писалъ дочери упомянутаго письма въ стихахъ. Отвѣтъ Натальи Александровны еще сомнительнѣе; она не стала бы упираться противъ воли отца и Императрицы и стихотворствомъ вообще не занималась; наконецъ въ этихъ ей приписываемыхъ стихахъ, видна совсѣмъ не она [16]).

Чтобы покончить съ претендентами, кандидатами и неудавшимися сватовствами, остается упомянуть еще о полковникѣ Золотухинѣ, котораго нѣкоторые писатели выставляютъ, какъ намѣченнаго самимъ Суворовымъ жениха Натальи Александровны. Не существуетъ никакихъ данныхъ, которыя бы подтверждали это предположеніе. Золотухинъ пользовался его располо-

женіемъ какъ образцовый полковой командиръ (Фанагорійскаго полка), истинный воспитанникъ Суворовской боевой школы, много разъ оказавшій крупныя отличія, особенно при Рымникѣ и Измаилѣ; но въ числѣ близкихъ, домашнихъ людей Суворова его не видать. Золотухинъ убитъ во время Польской войны 1792 года, т.-е. въ то время, когда уже шли трактованія между Суворовымъ и Хвостовымъ о женихахъ, но при этомъ онъ не упомянутъ ни разу. Много подобныхъ выдумокъ дошло до насъ и получило ложно-историческую окраску [17]).

Графъ Николай Александровичъ Зубовъ, человѣкъ самый рядовой и ординарный, былъ попроще своихъ братьевъ, особенно Платона, безъ самомнѣнія, безъ убѣжденія въ какомъ то высшемъ призваніи. Суворову онъ былъ извѣстенъ довольно давно, когда братъ его, Платонъ, не вошелъ еще въ фаворъ и стоялъ въ ряду самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ. Н. Зубовъ имѣлъ еще ту хорошую сторону, что не задаваясь выспренними задачами, несъ службу добросовѣстно и усердно. Суворову приводилось съ нимъ переписываться; одно письмо дѣлового характера, писанное изъ подъ Кинбурна въ 1788 году, въ этомъ свидѣтельствуетъ. Такимъ образомъ они не были людьми незнакомыми, но никогда не состояли и въ близкихъ отношеніяхъ. Теперь судьба свела ихъ почти внезапно. Какъ именно все это произошло, не знаемъ; Суворовъ такъ былъ погруженъ въ войну съ Польшей, а потомъ занятъ умиротвореніемъ края, что у него хватало лишь времени на переписку, почти исключительно дѣловую, и въ бумагахъ почти нѣтъ указаній на этотъ неразъясненный предметъ. Да и послѣдующее время, вплоть до свадьбы, освѣщено очень недостаточно.

Мы знаемъ, что Наталья Александровна была заранѣе обеспечена отцомъ на случай его смерти или ея замужества, 1500 благопріобрѣтенныхъ душъ (мужского и женскаго пола). Когда брачный союзъ былъ рѣшенъ и начались переговоры о приданомъ, то Суворовъ назначилъ дочери кое-что изъ своихъ бриллянтовыхъ вещей (должно быть немного), денегъ же, видо[illegible] мать не давалъ, или далъ мало. Правда, около года послѣ свадьбы дочери, онъ переписывается съ Хвостовымъ о 60,000 рубл[illegible]

обѣщанныхъ зятю съ выплатою въ сроки, но какъ увидимъ позже, эти деньги не были приданымъ. Вообще переговоры о приданомъ велись черезъ Хвостова, такъ какъ и онъ и женихъ находились въ Петербургѣ, а Суворовъ въ Варшавѣ. Дѣло шло порядочно и прилично, по крайней мѣрѣ никакихъ признаковъ остраго свойства не видать; но было дано понять Суворову со стороны графа Н. Зубова, что укрѣпленная за невѣстою недвижимость имѣетъ слишкомъ скромные размѣры и что этотъ недостатокъ легко устранить, прибѣгнувъ къ милости и щедротамъ Императрицы. Суворовъ отказался на отрѣзъ отъ указываемаго пути, написавъ Хвостову, что этого «общаго правила» онъ никогда не держался; что такой его взглядъ долженъ быть Хвостову хорошо извѣстенъ; что Наташѣ 1500 душъ довольно, а если мало, то для него, Суворова, легче добавить впослѣдствіи, когда удастся пріобрѣсти новыя имѣнія собственными средствами. Такой отказъ однако подѣйствовалъ не сразу, и попытки возобновлялись, но постоянно безуспѣшно. Подъ конецъ уже не самъ Суворовъ, а по его порученію Курисъ написалъ Хвостову, что домогаться деревень Суворовъ не станетъ, что пожалованіе въ волѣ монаршей, а выпрашивать онъ рѣшительно не согласенъ, ибо во всю свою жизнь никогда этого не дѣлалъ [9]).

Суворовъ имѣлъ бы право указать своему будущему зятю другой путь для исполненія его желаній, именно обращеніе къ Государынѣ чрезъ его брата, графа Платона. Но это можетъ быть избавило бы Суворова отъ лишней докуки, а успѣха все равно не имѣло бы; Платонъ Зубовъ поступилъ бы также, какъ Суворовъ, хотя по другимъ побужденіямъ: онъ не любилъ утруждать Императрицу просьбами за другихъ, даже за своихъ родныхъ братьевъ.

Всѣ эти переговоры впрочемъ не имѣли значенія вымогательства, торга или непремѣннаго условія, отъ котораго зависѣло бы заключеніе брачнаго союза. Трактованіе шло, а вмѣстѣ съ тѣмъ двигалось и дѣло. Въ пятницу, на масляной 1795 года, совершилось торжественное обрученіе въ таврическомъ дворцѣ; Суворовъ по этому поводу писалъ: «благословеніе Божіе Наташѣ

и здравіе съ графомъ Николаемъ Александровичемъ; ай-да, куда какъ мнѣ это утѣшно». Апрѣля 29, въ отсутствіе Суворова, все еще находившагося въ Варшавѣ, они были обвѣнчаны. Дочь его сдѣлалась отрѣзаннымъ ломтемъ, произошла въ нѣкоторомъ отношеніи пустота на прежде занятомъ ею мѣстѣ. Пустоту эту Суворовъ вскорѣ заполнилъ сыномъ [18]).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Въ Петербургѣ и Тульчинѣ; 1796.

Переѣздъ Суворова изъ Варшавы въ Петербургъ; пріемъ у Императрицы; житье въ таврическомъ дворцѣ.—Поѣздка въ Финляндію для осмотра границъ; отказъ отъ персидской экспедиціи; назначеніе въ Тульчинъ.—Найденныя тамъ неустройства; распоряженія Суворова.—Ожиданіе войны; изученіе Суворовымъ послѣднихъ кампаній; назначеніе его въ заграничный походъ и приготовленіе войскъ къ походу. — Ходъ персидской экспедиціи; издѣвательства Суворова надъ нею и надъ Зубовыми. — Платонъ Зубовъ; удовлетворительныя отношенія между нимъ и Суворовымъ въ началѣ; измѣненіе къ худшему. — Отношенія Суворова къ зятю и дочери; появленіе Аркадія Суворова; другіе родственники; ихъ значеніе.—Щедрость Суворова при его скупости; образъ его жизни въ Тульчинѣ.

Когда Суворовъ выѣзжалъ изъ Варшавы, морозило и дулъ рѣзкій вѣтеръ; почему сберегая свои болѣвшіе глаза, онъ сидѣлъ въ дормезѣ, поднявъ всѣ стекла. Переѣхавъ Вислу и ѣдучи по Прагѣ, онъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ глядѣлъ по сторонамъ, замѣчая сглаживающіеся слѣды прошлогодняго бѣдствія и большое число новыхъ зданій, возводившихся на мѣстѣ пожарища. «Слава Богу, кажется забыто прошедшее», промолвилъ онъ взаключеніе, улыбаясь. Проѣхавъ Прагу, онъ часто обращался къ тому мѣсту, гдѣ послѣ штурма была разбита для него калмыцкая кибитка и гдѣ онъ принималъ депутатовъ варшавскаго магистрата. Ѣдучи черезъ передовую линію укрѣпленій, онъ замѣтилъ: «волчьи ямы еще не заросли и колья въ нихъ живутъ до времени», а потомъ перекрестясь, прибавилъ: «ми-

лостивъ Богъ къ Россіи, разрушатся крамолы и плевелы исчезнутъ».

И Варшава, и Прага скоро пропали изъ виду въ мглистой дали, и потянулась бѣлая однообразная дорога. Зимній путь еще не установился; кочки и выбоины смѣнялись на каждомъ шагу и награждали Суворова безпрерывными толчками. Не имѣя привычки къ продолжительной ѣздѣ въ крытомъ экипажѣ, онъ поминутно вскрикивалъ, но все-таки рѣшилъ продолжать путь безостановочно, отдыхая только по ночамъ. Впереди скакалъ курьеромъ въ кибиткѣ одинъ изъ его адъютантовъ, заготовлявшій лошадей, ночлеги и проч. На первомъ или второмъ ночлегѣ произошелъ комическій случай, показывающій какъ поразительны были для постороннихъ людей нѣкоторыя привычки и причуды Суворова. Генеральсъ-адъютантъ Тищенко приготовилъ и прибралъ для ночлега теплую хату, но не догадался осмотрѣть въ ней запечье, гдѣ спала глухая старуха. Когда пріѣхалъ Суворовъ, то по своему обыкновенію раздѣлся до нага, окатился холодною водой и, чтобы расправить одеревенѣвшіе отъ долгаго сидѣнья члены, сталъ прыгать по хатѣ, напѣвая по-арабски разныя изреченія изъ корана. Въ это время проснулась старуха, выглянула изъ-запечья, приняла Суворова за чорта и закричала во весь голосъ: «ратуйте, съ нами небесная сила». Перепугался и Суворовъ отъ этого внезапнаго вопля, и инстинктивно тоже поднялъ крикъ; явились люди и вывели старуху, полумертвую отъ ужаса.

На всемъ пути готовились новому фельдмаршалу торжественныя военныя встрѣчи, но онъ этого не пожелалъ и разослалъ самыя категорическія просьбы и запрещенія. Многіе послушались, но не всѣ, такъ какъ нѣкоторые считали своимъ служебнымъ долгомъ—представиться фельдмаршалу. Суворову пришлось прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, чтобы избѣжать встрѣчь: останавливаться для перемѣны лошадей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ почтовой станціи, пересаживаться въ передовую курьерскую кибитку и закрываться рогожей. Выходило это мѣстами не совсѣмъ ловко, напримѣръ въ Гродно, гдѣ ожидалъ его съ почетнымъ рапортомъ князь Репнинъ, одинъ изъ

тѣхъ, которыхъ Суворовъ обошелъ при производствѣ въ фельдмаршалы. Тутъ же, подъ Гродномъ, дошли до Суворова разные слухи о столичныхъ новостяхъ, въ томъ числѣ одинъ, очень для него непріятный. Онъ встревожился и послалъ одного изъ своихъ сопутниковъ впередъ, съ письмами къ Платону и Николаю Зубовымъ, на которыя и получилъ передъ Нарвой успокоительные отвѣты. Несмотря на это, онъ отправилъ къ своему зятю другого посланнаго, съ вопросами: «что, какъ, гдѣ», на которые графъ Н. Зубовъ отвѣчалъ: «охъ, ужъ вы мнѣ.... все хорошо».

Въ Стрѣльну была выслана по повелѣнію Государыни парадная придворная карета, при эскортѣ изъ чиновъ конюшеннаго вѣдомства; туда же выѣхалъ на встрѣчу своему тестю Н. Зубовъ; нѣсколько другихъ генераловъ встрѣтили его еще раньше. Въ Стрѣльнѣ Суворовъ облекся въ фельдмаршальскій мундиръ со всѣми орденами, сѣлъ въ присланный экипажъ и отправился въ Петербургъ. Это было 3 или 4 января 1796 года; морозъ стоялъ сильный, больше 20 градусовъ; несмотря на это Суворовъ просидѣлъ весь переѣздъ въ одномъ мундирѣ, съ открытою головой, держа шляпу въ рукахъ; сопутники его, Н. Зубовъ и генералы Исленьевъ и Арсеньевъ, поневолѣ слѣдовали его примѣру. Прибывъ въ Петербургъ, къ зимнему дворцу, Суворовъ зашелъ предварительно къ Платону Зубову, чтобы обогрѣться самому и дать отойти отъ стужи полузамерзшимъ спутникамъ. Исленьевъ и Арсеньевъ изъ субординаціи молчали, но Н. Зубовъ замѣтилъ съ неудовольствіемъ одному изъ свиты Суворова: «твой молодецъ насъ всѣхъ заморозилъ». Изъ покоевъ фаворита отправились въ пріемныя комнаты Императрицы. Тутъ Суворову былъ оказанъ самый благосклонный пріемъ; Екатерина на первыхъ же порахъ вступила съ нимъ въ разговоръ о предполагавшейся тогда персидской экспедиціи и предложила ему главное начальствованіе, но Суворовъ попросилъ нѣсколько времени на разсмотрѣніе дѣла. Она совершенно очаровала Суворова своимъ милостивымъ обхожденіемъ и простерла вниманіе до того, что зная нелюбовь Суворова къ зеркаламъ, приказала ихъ завѣсить на время пріема причудливаго фельдмаршала.

Суворову и его свитѣ назначенъ былъ на жительство таврическій дворецъ, куда они тотчасъ по окончаніи аудіенціи и отправились. Велѣно было заранѣе разузнать всѣ привычки Суворова и сообразно съ ними устроить его домашній обиходъ. Пріѣхавъ въ таврическій дворецъ, Суворовъ прытко пробѣжалъ по комнатамъ вплоть до спальни, не замѣтивъ, что его вездѣ встрѣчала придворная прислуга. Въ небольшой спальнѣ, съ диваномъ и нѣсколькими креслами, уже была готова пышная постель изъ душистаго сѣна и ярко горѣлъ каминъ; въ сосѣдней комнатѣ стояла гранитная ваза, наполненная невскою водой, съ серебрянымъ тазомъ и ковшомъ для окачиванія и прочею принадлежностью. Суворовъ раздѣлся, сѣлъ у камина и приказалъ подать варенья. Онъ былъ оживленъ, необыкновенно веселъ и особенно краснорѣчивъ; говорилъ съ воодушевленіемъ о милостивомъ пріемѣ Императрицы, но ввернулъ замѣчаніе, что «Государынѣ расцвѣтили, помилуй Богъ какъ красно, азіятскіе лавры». На другой день начались къ нему визиты, но приняты были весьма немногіе, въ томъ числѣ Державинъ и Платонъ Зубовъ. Державина Суворовъ встрѣтилъ дружески, безъ всякихъ церемоній и оставилъ обѣдать; также безцеремонно обошелся онъ и съ Платономъ Зубовымъ, но въ другомъ смыслѣ. Наканунѣ, когда Суворовъ пріѣхалъ въ зимній дворецъ изъ Стрѣльны, Зубовъ встрѣтилъ его не въ полной формѣ, а въ обыкновенномъ вседневномъ костюмѣ, что было принято за неуваженіе и пренебреженіе. Теперь Суворовъ ему отплатилъ, принявъ временщика въ дверяхъ своей спальни въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, а Державину объяснилъ причину своего поступка словами: «vice-versa»[1]).

Живя въ Петербургѣ, Суворовъ былъ предметомъ общаго любопытства и вниманія; онъ вошелъ на первое время въ моду, о немъ говорили, спорили, ему прислуживались и угождали, такъ что зависть и недоброжелательство до поры спрятались и замолкли. Онъ велъ прежнюю жизнь, съ нѣкоторыми уступками столичнымъ условіямъ, и обѣдалъ уже не въ 8 часовъ утра, а въ 10 или 11, причемъ всегда бывали у него гости. Во дворцѣ, у Государыни, онъ бывалъ рѣдко, въ особен-

ности избѣгая парадныхъ обѣдовъ. Узнавъ, что онъ ѣхалъ изъ Стрѣльны въ одномъ мундирѣ, Екатерина подарила ему соболью шубу, крытую зеленымъ бархатомъ, но Суворовъ бралъ ее съ собою только ѣдучи во дворецъ, да и то держалъ на колѣняхъ и надѣвалъ лишь выходя изъ кареты. Когда ему приходилось бывать въ собраніяхъ, онъ давалъ полную волю своему темпераменту и не скупился на насмѣшки и разныя выходки. Встрѣчаясь съ обоими Салтыковыми, обиженными его производствомъ въ фельдмаршалы, онъ зло надъ ними подшучивалъ, растравляя ихъ зависть и недоброжелательство. Принимая визиты отъ именитыхъ и чиновныхъ лицъ, онъ по своему оказывалъ имъ разную степень вниманія и уваженія. Увидѣвъ въ окно подъѣхавшую карету и узнавъ сидѣвшее въ ней лицо, онъ выскочилъ изъ-за стола, сбѣжалъ на подъѣздъ, вскочилъ въ карету, когда лакей отворилъ дверцу, и просидѣлъ въ ней нѣсколько минутъ, бесѣдуя съ гостемъ, а затѣмъ поблагодаривъ его за честь, распрощался и ушелъ. Въ другой разъ, тоже во время обѣда, при визитѣ другого лица, Суворовъ не тронулся съ мѣста, приказалъ поставить около себя стулъ для вошедшаго гостя, сказавъ ему: «вамъ еще рано кушать, прошу посидѣть», поговорилъ съ нимъ нѣкоторое время, и когда тотъ откланялся, то не всталъ его проводить[2]).

Обращеніе его съ Императрицей также было для придворной сферы необычное, рѣжущее глаза. Онъ былъ преданъ Государынѣ никакъ не меньше, если не больше всякого другого и въ заявленіи ей наружныхъ знаковъ почтенія шелъ дальше чѣмъ нужно, но отличался отъ другихъ подчасъ неумытой откровенностью, лагерною безцеремонностью и своеобразными воззрѣніями на приличія. Въ разговорахъ съ Екатериной онъ постоянно высказывалъ ей голую правду о дурномъ состояніи войскъ, вкоренившихся злоупотребленіяхъ и т. под., такъ что сталъ наконецъ однообразенъ, т.-е. скученъ. Въ своихъ выходкахъ онъ не стѣснялся касаться и личностей. Однажды за обѣдомъ, Екатерина желая оказать вниманіе сидѣвшему около нея князю С. Ф. Голицыну, сказала, что спала эту ночь очень спокойно, зная что въ караулѣ находится надежный офицеръ (сынъ Голицына.) Го-

лицынъ всталъ и поклонился. Суворовъ, сидѣвшій по другую руку Государыни, тотчасъ же обратился къ Голицыну съ вопросомъ, отчего тотъ не прислалъ кого нибудь изъ сыновей подъ Варшаву за Георгіемъ и, указывая на нѣкоторыхъ лицъ за столомъ, въ томъ числѣ на князя Барятинскаго, хвастившаго своими подвигами, прибавилъ: «они даромъ получили». Эфектъ вышелъ непріятный, особенно для Екатерины; но слова Суворова отдавали кромѣ того и большимъ цинизмомъ, потому что въ своемъ первомъ, короткомъ донесеніи о штурмѣ Праги, упоминая про небольшое число наиболѣе отличившихся, онъ помѣстилъ между ними и Барятинскаго. Такимъ образомъ издѣваясь надъ другими, онъ издѣвался и надъ самимъ собой, какъ надъ человѣкомъ, принужденнымъ по пословицѣ—съ волками жить, по волчьи выть. Въ другой разъ онъ находился на придворномъ балу и конечно скучалъ сильно. Обходя гостей и бесѣдуя съ ними, Государыня приблизилась между прочимъ къ нему и спросила: «чѣмъ подчивать дорогого гостя»? — Благослови, Царица, водочкой, — сказалъ Суворовъ кланяясь (былъ 9 часъ вечера). «А что скажутъ красавицы фрейлины, которыя будутъ съ вами разговаривать», замѣтила Екатерина.—Онѣ почувствуютъ, что съ ними говоритъ солдатъ, — отвѣчалъ простодушно Суворовъ. Екатерина собственноручно подала ему рюмку тминной, его любимой. Какъ-то цесаревичъ Павелъ Петровичъ пожелалъ его видѣть; Суворовъ вошелъ къ нему въ кабинетъ и началъ проказничать. Цесаревичъ этого терпѣть не могъ и тотчасъ же остановилъ шутника, сказавъ ему: «мы и безъ этого понимаемъ другъ друга». Суворовъ усмирился, но по окончаніи дѣлового разговора выйдя изъ кабинета, побѣжалъ въ припрыжку по комнатамъ, напѣвая: «prince adorable, despote implacable». Это было передано цесаревичу [3]).

Едва успѣлъ Суворовъ прожить въ Петербургѣ нѣсколько дней, какъ ему нашлось дѣло: Государыня предложила ему съѣздить въ Финляндію и осмотрѣть пограничныя укрѣпленія. Суворовъ много надъ ними поработалъ въ 1791 и 92 годахъ, кончивъ главное; но послѣ того исполненіе по его мысли и планамъ все-таки продолжалось, и никто лучше его самого не могъ

быть судьей въ этомъ дѣлѣ. Онъ съ радостью взялся исполнить волю Государыни, въ половинѣ декабря отправился и вернулся къ Рождеству, совершенно довольный всѣмъ найденнымъ, «ибо не осталось уголка, куда бы могли проникнуть Шведы, не встрѣтивъ сильныхъ затрудненій и отпора», писала Екатерина Гримму. Кромѣ этого оконченнаго дѣла, занимало Суворова еще другое—персидская экспедиція. Суворовъ согласился принять главное надъ нею начальство и сталъ къ ней подготовляться, но потомъ передумалъ и отказался «отъ азіатскихъ лавровъ», предпочитая остаться въ европейской Россіи, въ ожиданіи болѣе значительной войны, которая предполагалась. Тогда ему было предложено командованіе войсками на югѣ, въ знакомыхъ мѣстахъ, что онъ и принялъ, и хотя потомъ жалѣлъ, что отказался отъ экспедиціи, но поправить ошибку ужъ было нельзя. Впрочемъ сожалѣніе его не основывалось ни на чемъ положительномъ, ибо будущее оставалось въ туманѣ, только возбуждая въ немъ безотчетное тревожное состояніе. Впечатлѣніе недавняго тріумфа тѣмъ временемъ успѣло сгладиться и забыться; Суворовъ чаще бывалъ не въ духѣ, становился несносенъ и придирчивъ, находя напримѣръ неприличнымъ, что великій князь Александръ Павловичъ употребляетъ въ театрѣ лорнетку. Многіе въ это время попадали къ нему на зубокъ, много самолюбій было задѣто и себялюбій оскорблено. Оттого современники высшаго круга относились къ нему большею частію неблагосклонно, съ затаенной, но прорывающейся наружу досадой. Одинъ, упоминая про его странности, не распространяется на этотъ счетъ, а говоритъ полупрезрительно: «и прочее, и прочее»; другой, извѣщая своего пріятеля, что «Суворовъ продолжаетъ предаваться шутовству», находитъ, что онъ «самое гордое существо на свѣтѣ» и что «въ каждомъ его словѣ обнаруживается непомѣрное самолюбіе». Это замѣчаніе отчасти справедливо, но мелкіе недостатки не должны заслонять большихъ достоинствъ, а именно въ этомъ смыслѣ многіе современники и погрѣшали. Не такъ смотрѣла на своего знаменитаго подданнаго Екатерина, но и въ ея глазахъ внѣшняя оболочка Суворова дѣлала его человѣкомъ не-

удобнымъ при установившейся обстановкѣ. Государыня и прежде находила его здѣсь, около своей особы, не на мѣстѣ, а теперь онъ сталъ такимъ вдвойнѣ. Ростопчинъ въ это время писалъ: «не знаютъ какъ отдѣлаться отъ Суворова; его плоскія шутки наскучили Императрицѣ, и она отъ нихъ краснѣетъ». Ростопчинъ по своему обыкновенію прибавилъ, но въ основѣ его фразы лежала правда: Суворову пора было на дѣйствительную службу, тѣмъ болѣе, что и онъ самъ скучалъ отъ бездѣйствія.

Не знаемъ, что его задержало въ Петербургѣ до половины марта 1796 года; вѣроятно, кромѣ домашнихъ и семейныхъ дѣлъ, еще забота о томъ, чтобы какъ можно опредѣлительнѣе выяснить свое назначеніе и будущее служебное положеніе. Онъ выбралъ себѣ штабъ-квартирою Тульчинъ, разослалъ войскамъ росписаніе ихъ будущихъ квартиръ съ открытіемъ подножнаго корма и отправился въ дорогу. Путь свой онъ совершилъ почти безостановочно, завернувъ лишь къ старому начальнику, Румянцову. На послѣдней станціи передъ мѣстомъ его жительства, Суворовъ надѣлъ полную парадную форму, подъѣхавъ къ воротамъ дома, вышелъ изъ экипажа и, держа шляпу въ рукѣ, прошелъ весь дворъ пѣшкомъ. Бесѣда продолжалась часа два; они свидѣлись тутъ въ послѣдній разъ [4]).

По новому росписанію войскъ, состоявшемуся еще въ началѣ января, подъ начальство Суворова назначены были войска въ губерніяхъ врацлавской, вознесенской, екатеринославской, харьковской и въ таврической области, всего 13 кавалерійскихъ и 19 пѣхотныхъ полковъ, черноморскій гренадерскій корпусъ, три егерскихъ корпуса, 40 осадныхъ, 107 полевыхъ орудій и 48 понтоновъ; кромѣ того 3 полка чугуевскихъ и екатеринославское пѣшее и конное войско. Въ нѣсколькихъ сосѣднихъ губерніяхъ войска были отданы подъ главное начальство графа Румянцова; далѣе и въ Литвѣ они оставались подъ командою князя Репнина. Такимъ образомъ по южной и западной границамъ Россіи образовалось три арміи, во ожиданіи событій [5]).

По пріѣздѣ на мѣсто, въ Тульчинъ, Суворовъ прежде всего обратилъ вниманіе на благоустройство войскъ. Картина пред-

ставилась давно знакомая. Умирало огромное количество, какъ въ эпидемическое время, особенно на работахъ въ одесскомъ портѣ, гдѣ годовой процентъ умершихъ доходилъ до $^1/_4$ всего штатнаго состава войскъ, и между прочимъ вымерла одна отдѣльная команда почти цѣликомъ. Причины тому были тоже не новыя: многіе генералы состояли поставщиками въ войска; строитель Одессы де-Рибасъ наживался страшно; рекруты прибывали на укомплектованіе босые, полунагіе, изнуренные, со всѣхъ сторонъ «обиженные»; казармы были сырыя, безъ бань; солдаты находились на работахъ во всякое время, въ жару и непастье, а послѣ работы не могли въ сырыхъ казармахъ ни согрѣться, ни обсушиться; воды въ Одессѣ не хватало даже на приготовленіе пищи, такъ что иногда употреблялась вода съ грязью; наставленія и приказы Суворова, данные два года назадъ, забылись и не соблюдались. Суворовъ тотчасъ же отдалъ приказъ о дѣленіи больныхъ на разряды, о порядкѣ отправленія ихъ въ лазареты и леченія при полкахъ; послалъ штабъ-лекаря Бѣлопольскаго въ Одессу; одного наиболѣе виновнаго начальника, котораго онъ называлъ «торговой бабой», выгналъ изъ службы. Но въ особенности его «сердце было окровавлено» отъ поступка де-Рибаса. Живя зиму въ Петербургѣ и видясь съ Суворовымъ, де-Рибасъ скрывалъ отъ него дурное состояніе одесскихъ войскъ и, по назначеніи Суворова главнокомандующимъ на югѣ, послалъ въ Одессу 1,000 червонцевъ, чтобы «воскресить больныхъ по лазарету и меня омрачить», объясняетъ Суворовъ. Иначе говоря, этотъ давній его пріятель, разсчитывая на его снисходительность или заступничество, подкупилъ кого слѣдуетъ, дабы показать умершихъ живыми и перечислить снова въ умершіе потомъ, во время командованія Суворова. Теперь только прозрѣли глаза Суворова, и лукавый, двоедушный де-Рибасъ представился ему если еще не вполнѣ въ настоящемъ свѣтѣ, то по крайней мѣрѣ не подъ розовой дымкой, такъ что Суворовъ сталъ держаться отъ него на сторожѣ и уже не удостоивалъ его прежняго названія «intime ami».

Зоркій глазъ, не ослабѣвающая дѣятельность и практическая опытность грознаго Суворова не заставили долго ждать

доброй перемѣны. Едва прошло два мѣсяца, какъ въ Одессѣ смертность понизилась вчетверо, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ процентъ умершихъ еще ближе подошелъ къ нормальному. Суворовъ извѣщалъ объ этомъ то Хвостова, то Н. Зубова, приводя цифры. Но результаты все еще отставали отъ его надеждъ и ожиданій, и онъ съ удвоенной энергіей продолжалъ преслѣдовать свою цѣль. Въ августѣ онъ имѣлъ утѣшеніе донести Екатеринѣ, что въ іюлѣ умеръ одинъ изъ 792-хъ. Еще успѣшнѣе велась борьба съ какою-то опасною, заразительною болѣзнью, обнаружившеюся на Таманскомъ полуостровѣ уже при Суворовѣ, въ концѣ апрѣля. Она съ самаго начала стала развиваться такъ быстро, что число больныхъ въ населеніи и войскахъ дошло до 320 человѣкъ, но своевременными мѣрами была совсѣмъ прекращена [6]).

Внутреннее неустройство войскъ проявлялось и въ другихъ видахъ: въ большомъ числѣ бѣглыхъ, въ своевольствѣ и въ обидахъ мирныхъ жителей. Вслѣдъ за пріѣздомъ Суворова въ Тульчинъ, ковельскій окружной начальникъ донесъ, что многіе помѣщики приносятъ жалобы на квартировавшій тамъ драгунскій полкъ, команды котораго не только берутъ фуражъ насильно, подъ квитанціи, но отбиваютъ замки въ амбарахъ, забирая оттуда самовольно сѣно и овесъ. Надо думать, что такое самовольство было порождено невысылкою денегъ или какою-нибудь другою неисправностью провіантскаго вѣдомства. Это конечно не оправдываетъ насилій, и хотя остается неизвѣстнымъ, что именно сдѣлалъ Суворовъ по жалобамъ на драгунъ, но если припомнимъ его взгляды и распоряженія по однородному предмету въ послѣднюю войну, то убѣдимся, что ковельскія самовольства не остались безнаказанными. Впрочемъ такого рода явленія были болѣе или менѣе случайны, хроническое же зло состояло по прежнему въ дезертированіи. Для искорененія его паліативныя мѣры не годились, а распоряженія центральнаго военнаго начальства имѣли именно это значеніе, тогда какъ требовались коренныя реформы въ военномъ устройствѣ и управленіи. Суворовъ засталъ тутъ если не совсѣмъ тоже, что было 2 года назадъ,

то не многимъ лучше, и прибѣгалъ къ тѣмъ же мѣрамъ, но существенной перемѣны къ лучшему добиться не могъ. Пограничный начальникъ, князь Волконскій, который старался дѣйствовать прежде, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, на отстраненіе причинъ побѣговъ, теперь донесъ Суворову, что за поимку бѣглыхъ назначилъ премію: за первую 50 рублей, за слѣдующія по 5 рублей съ каждаго пойманнаго. Побѣги конечно отъ этого не прекратились [7]).

Будучи начальникомъ по военной части въ обширномъ пограничномъ краѣ, куда онъ былъ посланъ потому, что не были увѣрены въ мирѣ, Суворовъ считалъ кругъ своего вѣдѣнія недостаточно обширнымъ, ибо хотя войска были въ его рукахъ, но крѣпости и флотъ отъ него не зависѣли. Выждавъ нѣкоторое время, онъ пишетъ Хвостову, что при послѣднемъ свиданіи, Платонъ Зубовъ говорилъ о подчиненіи ему, Суворову, флотовъ, гребного и паруснаго, а между тѣмъ ничего писаннаго объ этомъ нѣтъ, флоты же находятся въ очень дурномъ состояніи. «Будетъ-ли что?» спрашиваетъ Суворовъ и чрезъ нѣсколько дней пишетъ Хвостову о томъ же, съ поясненіемъ, что неустройства во флотѣ, по слухамъ, быстро возрастаютъ. Результата не было никакого. Спустя нѣкоторое время Суворовъ рѣшается обратиться къ самому Платону Зубову и пишетъ, что въ Петербургѣ была объявлена ему, Суворову, высочайшая воля о подчиненіи ему паруснаго и гребного флотовъ, а между тѣмъ указа нѣтъ, на что и проситъ объясненія. Въ тотъ же день онъ посылаетъ письмо своему зятю, Н. Зубову, гдѣ между прочимъ говоритъ: «время проходитъ, люди мрутъ, суда гніютъ; князь Платонъ Александровичъ знаетъ, сколько нынѣ въ ломъ и передъ симъ было; противъ прежняго найдетъ, что оба (флота) уменьшились, а у Турокъ возрасли, многочисленнѣе и несказанно исправнѣе нашихъ». Но отвѣтовъ не послѣдовало. Суворовъ въ неудовольствіи махнулъ рукой: «пусть этими флотами князь Платонъ беретъ Стамбулъ изъ своего кабинета»; однако выждавъ нѣсколько недѣль, рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку. Донося Императрицѣ о произведенномъ имъ осмотрѣ войскъ, онъ замѣчаетъ, что флотовъ и крѣпостей не видалъ, потому что

они ему не подвѣдомы. Но и этотъ намекъ не имѣлъ послѣдствій [5]).

«При войнѣ будетъ поздно», объяснялъ Суворовъ Хвостову свое желаніе получить начальство надъ Черноморскимъ флотомъ. Дѣйствительно, ради возможности войны его сюда и назначили, но она оставалась до самой осени 1796 года въ неясныхъ предположеніяхъ. Грандіозный проектъ Платона Зубова, о которомъ было раньше упомянуто, продолжалъ существовать; одно время носились слухи о назначеніи Суворова для исполненія азіятской части этого предпріятія и, онъ ни мало такою задачею не затруднялся, говоря: «Тамерлановъ походъ мнѣ не важенъ, хоть до Пекина». Но европейскій театръ войны Суворовъ считалъ для себя болѣе предпочтительнымъ, поэтому отказался потомъ отъ персидской экспедиціи и, прибывъ въ Тульчинъ, сталъ добиваться высшаго начальствованія надъ флотомъ. Впрочемъ, фантастическія бредни Зубова далеко еще не дошли до одобреннаго и принятаго плана дѣйствій. Персидская экспедиція, состоявшая подъ начальствомъ графа Валеріана, меньшого брата фаворита, имѣла ближайшую, гораздо болѣе узкую цѣль, хотя и была обставлена довольно широко. О «Тамерлановомъ походѣ» не было пока и рѣчи. Изъ почти ежемѣсячныхъ донесеній Суворова Императрицѣ о состояніи войскъ и о положеніи дѣлъ въ Турціи видно, что Россія ожидала отъ Турціи войны, а не Турція отъ Россіи. Въ одномъ донесеніи говорится, что если черезъ мѣсяцъ турецкія войска не сблизятся къ Балканамъ, то войны нечего ожидать; въ другомъ значится, что Турки не дѣятельны, и раньше года ихъ нечего опасаться. Къ тому же въ 1796 году, являлась временами возможность непріязненныхъ дѣйствій со стороны Швеціи и Пруссіи, и такимъ образомъ не могло быть помышленія о чемъ-нибудь, что подходило бы къ завоевательнымъ планамъ Зубова [6]).

Собираясь выѣзжать изъ Польши и раздѣляя общія ожиданія на счетъ близкой войны съ тѣмъ или другимъ противникомъ, Суворовъ писалъ зятю, что желаетъ имѣть при себѣ генераловъ Шевича, Исленьева, Денисова и Буксгевдена. По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, передавая Хвостову свой афо-

ризмъ: «готовься въ войнѣ къ миру, а въ мирѣ въ войнѣ», онъ упоминаетъ про князя А. А. Прозоровскаго, желающаго служить подъ его начальствомъ, про Дерфельдена, про П. Потемкина, который «въ послѣднюю кампанію очень руку набилъ». Перечисляя этихъ лицъ, Суворовъ впрочемъ не настаиваетъ на нихъ, а даетъ Хвостову такую короткую инструкцію: «кто бы ни былъ, былъ бы первое — дѣятеленъ, второе — наступателенъ, третье — послушенъ». Послѣ того политическія обстоятельства начали разъясняться и военныя предположенія дѣлаться болѣе опредѣлительными; стали громко говорить о войнѣ съ Турціей и Франціей; толковали, что первая будетъ поручена Платону Зубову, а противъ Французовъ двинутъ вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ Дерфельдена. Какъ ни маловѣроятенъ былъ этотъ слухъ, но Суворова онъ сильно обезпокоилъ. Всполошились и его приближенные, говоря, что ихъ побѣдоноснаго вождя «хотятъ послать въ хижину, какъ Румянцова», а одинъ изъ нихъ, не допускавшій такого рѣшенія, изложилъ въ письмѣ къ Хвостову другой мотивъ: «какъ-де повѣрить ему управленіе, когда имъ самимъ управляютъ Арсеньевъ и Тищенко; да и гдѣ ему противъ Французовъ, его дѣло противъ Турокъ». Суворовъ рѣшился напомнить о себѣ, послалъ Екатеринѣ донесеніе о только-что оконченномъ осмотрѣ войскъ и въ заключеніе прибавилъ: «Карманьольцы по знатнымъ ихъ успѣхамъ могутъ простирать свой шагъ на Вислу... Всемилостивѣйшая Государыня, я готовъ съ побѣдоносными войсками Вашего Императорскаго Величества ихъ предварить» [9]).

О войнѣ съ Франціей говорили уже давно, только времени нельзя было опредѣлить, такъ какъ оно зависѣло отъ группировки обстоятельствъ. Время это подошло въ августѣ; правительство рѣшило окончательно — принять активное участіе въ войнѣ Австріи съ Франціей, снарядивъ вспомогательный корпусъ. Хотя 11 августа дано было по этому предмету высочайшее повелѣніе военной коллегіи, но Суворовъ узналъ про рѣшеніе Государыни стороной. Давно уже онъ мечталъ о войнѣ съ Франціей, и съ большимъ интересомъ слѣдилъ по газетамъ и другимъ свѣдѣніямъ за ходомъ военныхъ дѣйствій, изучая ихъ

въ подробностяхъ, съ картою на столѣ. Иногда даже онъ собиралъ изъ наличныхъ генераловъ подобіе военнаго совѣта, докладчикомъ котораго былъ инженеръ-полковникъ Фалькони, и предлагалъ на обсужденіе интереснѣйшіе эпизоды современной Французской войны, съ ихъ вѣроятными послѣдствіями. Въ іюнѣ онъ писалъ Государынѣ, что успѣхи Французовъ больше всего могутъ поощрить Турцію на войну съ Россіей; въ августѣ вызывалъ Екатерину на неотлагательное снаряженіе экспедиціи. Изъ его частной переписки видно, что не личные честолюбивые разсчеты заставляли его такъ говорить, а военныя и политическія соображенія. Онъ писалъ, что опасное для Европы Французское правительство безъ войны существовать не можетъ, что Франціи приходится дѣйствовать противъ Россіи или съ Турціей, или съ Пруссіей, или съ той и другой. Въ Турцію Французы могутъ снарядить корпусъ тысячъ въ 50, а чрезъ Пруссію могутъ придти въ Польшу съ сотнями тысячъ. Отдача Варшавы Пруссіи есть большая ошибка, доказывающая «слабость и недостатокъ предпріимчивости нашего министерства»; оно дало этимъ «Прусскому королю въ руки хлыстъ» противъ себя. Какъ бы то ни было, но если успѣхи Французовъ приведутъ ихъ въ Польшу и Турцію, то понадобится большая численная сила, чтобы ихъ одолѣть; если же не ожидать ихъ, а искать въ Германіи, то потребуется гораздо меньше. Но если будетъ принято послѣднее рѣшеніе, то слѣдуетъ приступить къ исполненію нимало не медля, ибо Французовъ необходимо побить основательно, «не на живую нитку», а для этого теперь понадобится войскъ вдвое меньше, чѣмъ въ будущемъ году, при продолжающихся успѣхахъ общаго врага. Если при ухудшившихся обстоятельствахъ, будетъ послана армія, численность которой соображена съ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ, то «послѣдняя лесть выйдетъ горше первой» [10]).

Въ октябрѣ сомнѣнія Суворова на счетъ его назначенія противъ Французовъ разсѣялись, хотя войной все еще не спѣшили, ведя переговоры съ Англіей. Усердный Хвостовъ всюду рыскалъ, всѣхъ разспрашивалъ, обо всемъ разузнавалъ и въ результатѣ сообщилъ дядѣ успокоительное извѣстіе. Онъ узналъ отъ ав-

стрійскаго посланника Кобенцеля, что императоръ требуетъ именно Суворова, и никого другого не возьметъ. Хотя графа Валеріана Зубова произвели въ генералъ - аншефы, продолжалъ Хвостовъ, но братъ его Платонъ очень раздосадованъ и обиженъ, что тотъ его въ чинахъ догналъ, и противъ Французовъ Валеріана Зубова не пошлютъ, какъ ни стараются объ этомъ нѣкоторые. Слухъ ходилъ о назначеніи туда Дерфельдена, но Безбородко говорилъ ему, Хвостову, что это вздоръ и что если война состоится, то пошлютъ никого другого, какъ Суворова. Государыня къ Суворову непоколебимо милостива и въ его способностяхъ на столько увѣрена, что никакого противуположнаго внушенія не приметъ.—Хвостовъ писалъ правду, и дѣло это пріобрѣло такую извѣстность, что въ Пруссіи начались вооруженія, въ смыслѣ демонстраціи въ пользу Франціи, которыя однакоже Екатерину не испугали.

Начались приготовленія по указаніямъ военной коллегіи, высочайшее же повелѣніе на имя Суворова все еще не послѣдовало. Назначено какія войска пойдутъ въ походъ, приказано ихъ укомплектовывать, ставить на военную ногу и подготовлять всѣ остальные предметы военной потребности. Суворовъ приказалъ изъ остающихся полковъ выбирать въ выступающіе самыхъ лучшихъ людей, а въ кавалерійскихъ и лошадей; хилыхъ же и ненадежныхъ, назначеннымъ въ кампанію частямъ сдавать въ остающіяся на мѣстѣ. Укомплектованіе и другія приготовленія шли быстро подъ зоркимъ его взглядомъ; многіе полки были уже готовы, когда о выступленіи не шла еще и рѣчь. Посыпались на Суворова кучи просьбъ отъ желавшихъ отправиться въ кампанію; онъ написалъ Хвостову, что просится генералъ-аншефъ князь Волконскій и генералъ-поручикъ Апраксинъ, что онъ не прочь, если чрезъ это не отстраняется Дерфельденъ. Потребовавъ къ себѣ провіантмейстера, полковника Дьякова, онъ приказалъ ему привести подвижные и запасные магазины въ полное комплектное, исправное состояніе и пригрозилъ въ противномъ случаѣ повѣсить его, Дьякова, на первой осинѣ, пояснивъ: «ты знаешь, другъ мой, что я тебя люблю и слово свое сдержу». Пока онъ такимъ образомъ готовилъ свои войска къ походу, въ

Петербургѣ, въ началѣ ноября, заготовлялся на его имя рескриптъ. Въ немъ значилось, что «составляется армія для отправки за границу, какъ на помощь союзникамъ, такъ и для охраненія правъ и безопасности имперіи нашей»; армія эта поручается начальству Суворова; формируется она, по особому росписанію, изъ войскъ Суворова, Румянцова и Репнина, численностью въ 51,094 человѣка, съ 8 генералъ-маіорами, 3 генералъ-поручиками и 1 генералъ-аншефомъ. Войска должны быть совершенно готовы къ выступленію на Краковъ не позже 4 недѣль; въ свое время послѣдуетъ повелѣніе съ подробнымъ наставленіемъ о времени выступленія, куда идти и проч., во ожиданіи чего войска должны быть укомплектованы по штатамъ военнаго времени; о ходѣ укомплектованія и о времени, когда все можетъ быть готово — доносить и наблюсти, «чтобы полки имѣли полное число воиновъ не на одномъ показаніи полковыхъ командировъ, но всѣ бы они находились подъ знаменами въ дѣйствительномъ строю». Но этотъ проектъ рескрипта такъ и остался проектомъ: въ ноябрѣ Екатерина скончалась, и вступившій на престолъ Императоръ Павелъ отмѣнилъ отправку войскъ за границу [11]).

Такъ лопнула надежда Суворова—помѣряться съ новымъ противникомъ, который уже нѣсколько лѣтъ, къ общему недоумѣнію, велъ съ коалиціей неравную борьбу счастливо и успѣшно. Суворовъ могъ утѣшаться тѣмъ, что произошло это не по его винѣ; но относительно персидской экспедиціи не было у него и такого утѣшенія. Она вызвана была желаніемъ — не давать Австрійскому императору вспомогательный корпусъ войскъ или денежную субсидію, что слѣдовало сдѣлать па основаніи заключеннаго съ нимъ трактата, если Россія не будетъ имѣть на рукахъ своей войны. Экспедиція обѣщала выгоду — утвердить русское владычество на берегахъ Каспійскаго моря, чего добивался Петръ Великій, а мѣстныя смуты давали для войны достаточно поводовъ. Офиціальною цѣлью похода было наказаніе Шейхъ-али-хана дербентскаго и Агу-Магометъ-хана, за ихъ непріязненные поступки противъ Россіи. Цѣль эта, и даже занятіе Испагани, въ Петербургѣ казалась очень легкою;

Валеріанъ Зубовъ хвасталъ, что доберется до Испагани не позже сентября; участники экспедиціи заранѣе распредѣляли между собою щедрыя награды. Вся черная подготовительная работа возложена была на командующаго Кавказскимъ корпусомъ, генералъ-аншефа Гудовича; во время военныхъ дѣйствій ему предстояла тоже второстепенная, но самая трудная роль,—забота о продовольствіи и завѣдываніе тыломъ,—хотя онъ былъ старше чиномъ Зубова, годился ему чуть не въ дѣды по лѣтамъ и считался въ числѣ самыхъ заслуженныхъ генераловъ. Вообще вся обстановка отзывалась придворными, закулисными соображеніями и разсчетами; пахожденіе у трона малоспособнаго, честолюбиваго временщика просвѣчивало во всемъ. Только этимъ и можно объяснить тотъ изумительный фактъ, что вмѣсто отказавшагося отъ экспедиціи побѣдоноснаго 66-лѣтняго фельдмаршала, имя котораго составляло военную гордость Россіи, главное начальство было поручено 25-лѣтнему юношѣ, безъ опытности, безъ обнаружившагося въ чемъ либо дарованія и безъ заслугъ, если прикинуть къ нему общую мѣрку, которою мѣряютъ всѣхъ. Командованіе въ послѣднюю Польскую войну небольшимъ авангардомъ, грабительства и насилія, да оторванная непріятельскимъ ядромъ нога,—вотъ въ сущности все, что показала бы эта мѣрка.

Подробности дѣла—какъ и почему Суворовъ отказался отъ экспедиціи, остаются неизвѣстными, но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что его уговорили Зубовы. Въ перепискѣ его съ Хвостовымъ читаемъ, что они еще въ Варшаву подсылали къ нему маіора Цылова, для отговариванія отъ персидской экспедиціи; затѣмъ находимъ упрекъ, что Николай Зубовъ сдѣлалъ его, Суворова, «ослушникомъ воли монаршей». Уговорить Суворова было не трудно, особенно такимъ людямъ, какъ Зубовы, да еще при туманныхъ политическихъ обстоятельствахъ начала 1796 года. Потомъ его брало раздумье, а по временамъ и раскаяніе, и потому онъ съ горькимъ чувствомъ слѣдилъ за ходомъ экспедиціи. Офиціально дѣло шло какъ нельзя лучше, а въ дѣйствительности пріобрѣтаемые успѣхи совсѣмъ не стоили средствъ и жертвъ, на нихъ затрачиваемыхъ. Эта оборотная сторона ме-

дали была очень хорошо извѣстна публикѣ, но только, какъ всегда бываетъ, офиціальныя прикрасы и умолчанія служили поводомъ къ преувеличенію дурныхъ слуховъ. Такими темами служили неудачный штурмъ передовой дербентской башни, истребленіе отряда подполковника Бакунина, падежъ воловъ, недостатокъ продовольствія, развившіяся отъ употребленія фруктовъ болѣзни, вредныя особенности климата, большое число бѣглыхъ, просьба Гудовича объ увольненіи его отъ командованія на линіи и пр. Взятіе Дербента, занятіе Баку, производство Валеріана Зубова въ генералъ-аншефы—не разубѣждало невѣрующихъ, ибо во всемъ этомъ звучала фальшивая нота, и пристрастіе высшей правительственной сферы къ молодому полководцу кидалось въ глаза. Если въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму, Екатерина проводила паралель между военными дѣйствіями Зубова и Петра Великаго, къ рѣзкой невыгодѣ послѣдняго, безъ соображенія условій прошедшаго и настоящаго времени, то какимъ же восхваленіямъ Зубова не было мѣста при дворѣ, и кого эти дутые панегирики могли обмануть? [12]).

Если объ экспедиціи Зубова строго судили дилетанты, то такому знатоку, какъ Суворовъ, имѣвшему вдобавокъ личныя причины относиться къ дѣлу непріязненно, представлялась богатая тема для саркастической критики, особенно въ горькія минуты. Про награжденія за Дербентъ онъ пишетъ Хвостову, что они назначены будто за Стамбулъ; надъ производствомъ В. Зубова въ генералъ-аншефы иронизируетъ: «графъ Валеріанъ за освобожденіе Грузинскаго царства и за завоеваніе знатной части Персіи, стыдно сказать, генералъ-аншефъ; случится ему изъ тамошнихъ нѣсколькихъ тысячъ, побить нѣсколько десятковъ тысячъ—и цѣлый фельдмаршалъ». Офиціальныя восхваленія В. Зубова Суворовъ преслѣдуетъ сарказмами: «Графъ Валеріанъ *освободилъ* Грузинское царство, — ложь, онъ тамъ и не былъ; *лютый* Махмудъ—онъ съ нимъ не встрѣчался; *покореніе* — покоряютъ ослушныхъ и противоборныхъ (а ихъ тамъ не было); *соблюденіе* (здоровья) войскъ, — послѣдняя ложь; здѣсь умираетъ въ годъ 50-й человѣкъ, а тамъ въ полгода 4-й и говорятъ 3,000 побито; запрещено о томъ разсу-

ждать подъ смертною казнью». Огромныя потери и издержки экспедиціоннаго корпуса въ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ умалчивались или сглаживались, но Суворовъ про нихъ зналъ и дѣлился ими съ Румянцовымъ; когда же доносились до него тревожные слухи о разныхъ небывалыхъ бѣдствіяхъ и катастрофахъ экспедиціи, тогда патріотическое чувство возбуждало въ немъ другого рода безпокойство, и онъ требовалъ отъ Хвостова разъясненій. Однако, несмотря на театральное значеніе графа В. Зубова, Суворовъ опасается его конкуренціи и боится подвоха. Когда назначеніе Суворова противъ Французовъ было уже дѣломъ окончательно рѣшеннымъ, онъ пишетъ Хвостову: «слышно, побѣдитель лютаго Махмуда, сдавши команду Исленьеву, скачетъ въ Петербургъ. Для чего? Вы скажете, для наставленіевъ по Анатоліи; можетъ быть то вѣрно, однако сумнѣніе, не для Французовъ ли?» Какъ бы въ доказательство возможности такой перемѣны, онъ приводитъ и причину: «и то резонъ, что онъ послушенъ предписаніямъ, а я исполняю по обстоятельствамъ». Но перемѣна царствованія одинаково наложила руку на обѣ экспедиціи [13]).

Относясь съ ироніей и сарказмомъ къ Валеріану Зубову, Суворовъ не отличался лучшими отношеніями и къ его братьямъ. Требовательный, неуживчивый, знавшій себѣ цѣну, онъ въ Польшѣ успѣлъ оказать отечеству новыя важныя услуги, и разница между нимъ и другими обозначилась еще рѣзче. А между этими другими находился фаворитъ, сдѣлавшійся всесильнымъ владыкой, котораго Суворовъ зналъ за человѣка самаго ординарнаго. Они стали, правда, свойственниками, но въ настоящемъ случаѣ это обстоятельство было не примиряющимъ, а обратно, потому что отъ свойственника больше требовалось, а между тѣмъ меньше получалось. Тоже самое произошло между Суворовымъ и Н. Зубовымъ, тестемъ и зятемъ.

Семейство Зубовыхъ, принадлежавшее къ извѣстной, но не знатной фамиліи, состояло въ концѣ 80-хъ годовъ изъ отца, 4 сыновей и дочери. Отецъ, Александръ Николаевичъ, далъ своимъ дѣтямъ довольно поверхностное образованіе и почти никакого воспитанія; всѣ они были люди заурядные. Одинъ изъ

нихъ, Платонъ, родившійся въ 1767 году и отличавшійся красотой, впрочемъ женственною, вышелъ въ люди благодаря придворнымъ интригамъ и покровительству Н. И. Салтыкова. За собою онъ потянулъ отца и братьевъ, и если они сдѣлали служебную карьеру не одинаковаго уровня, то опять-таки вовсе не пропорціонально своимъ личнымъ достоинствамъ или степени служебнаго рвенія, а въ силу разныхъ постороннихъ обстоятельствъ. Дѣйствительную службу несъ только одинъ, Николай, и однако это его не выдвинуло. Впрочемъ слишкомъ большое возвышеніе родни было вовсе не въ намѣреніяхъ Платона, вслѣдствіе развившагося въ немъ эгоизма. Вообще онъ въ началѣ своего «случая» былъ гораздо лучше, чѣмъ въ концѣ. Въ началѣ онъ былъ человѣкъ не злой, не злопамятный и довольно правдивый; къ новому своему положенію относился довольно серьезно и добросовѣстно, стараясь вникать въ дѣла, къ которымъ вовсе не былъ подготовленъ; не лѣнился и не отдавался однимъ забавамъ и удовольствіямъ. Но эти задатки пропали безслѣдно, потому что ни умъ Платона Зубова не отличался глубиною, ни характеръ устойчивостью, и голова его закружилась на высотѣ, куда его забросила судьба, и до которой онъ своими личными средствами никогда не достигъ бы.

Его испортила во-первыхъ чрезмѣрная благосклонность Государыни, уже состарившейся и утратившей прежнюю энергію мысли, но болѣзненно сохранившей энергію чувства. Она усмотрѣла въ Зубовѣ не то, что въ немъ было, а что ей было очень желательно въ немъ найти, и приняла его за Потемкина. Карьера Потемкина создалась не одними его государственными способностями, но и личнымъ расположеніемъ Екатерины, и послѣдняго было больше, чѣмъ первыхъ; карьера Зубова выросла исключительно на одномъ личномъ расположеніи Государыни. Его стали пріучать къ дѣламъ управленія, выдвигать на первыя мѣста, дѣлать опытныхъ и даровитыхъ государственныхъ людей его учителями, ставя ихъ въ тѣнь и маскируя ихъ дѣйствительное значеніе. Когда такая роль самолюбивымъ людямъ не нравилась, и происходили недоразумѣнія и столкновенія между дѣйствительными и показнымъ руководителями, первые замѣчали при-

могъ жаловаться только на равнодушіе и безразличность къ нему Платона Зубова. Въ Херсонѣ являются нѣкоторые симптомы неудовольствія Суворова, но больше въ смыслѣ общемъ, по отношенію къ двору и къ высшей администраціи, а не къ Платону Зубову лично. Щадилъ-ли Зубовъ чуткое самолюбіе Суворова, или Суворовъ старался быть ручнымъ,—трудно сказать; вѣрнѣе и то и другое. Въ Польшѣ, по завладѣніи Варшавой, поводовъ къ неудовольствіямъ явилось больше, вслѣдствіе различія политики «кабинетной» отъ «полевой», но опять-таки въ смыслѣ безличномъ, и тогдашнія отношенія между Зубовымъ и Суворовымъ скорѣе можно назвать хорошими. Въ эту же пору обѣ фамиліи породнились, что прибавило въ общественномъ мнѣніи новый устой для Зубовыхъ вообще и для Платона въ частности, да и Суворову могло послужить на пользу. Платонъ Зубовъ обратился въ февралѣ 1795 года къ Суворову съ письмомъ, очень любезно поздравляя его съ предстоящимъ бракомъ дочери. Суворовъ благодарилъ его «за чистосердечныя изъясненія», прибавивъ: «они по государевой службѣ дѣлаютъ меня спокойнымъ и увѣреннымъ въ особѣ вашей», и изъявилъ соболѣзнованіе о постигшемъ его, Платона Зубова, горѣ — потерѣ отца. На это послѣдовало новое письмо Зубова; изъявляя благодарность за присылку карты расположенія войскъ, состоящихъ подъ «знаменитымъ» начальствомъ Суворова, за прежнія подобныя сообщенія и за соболѣзнованіе о кончинѣ родителя, Зубовъ говоритъ: «все это подтверждаетъ ваше благосклонное ко мнѣ расположеніе, коего я видѣлъ всегдашніе опыты, и которое всемѣрно буду стараться сохранить съ моей стороны во всей его силѣ, увѣряя ваше сіятельство, что какъ въ собственномъ моемъ, такъ и по службѣ, найдете вы меня во всякое время готовымъ на угодное вамъ». Чрезъ нѣсколько дней, когда совершилось бракосочетаніе его брата съ дочерью Суворова, онъ опять пишетъ поздравительное письмо и получаетъ новый благодарственный отвѣтъ, съ обѣщаніемъ, что за обнаруживаемую имъ Зубовымъ искренность, онъ Суворовъ будетъ платить искренностью же. Такимъ образомъ въ 1795 году ихъ взаимныя отношенія были очень удовлетворительны, и если суще-

степи, а онъ, Зубовъ, завоевалъ плодоноснѣйшія страны (польскія). Ежедневно многочисленныя толпы наполняли его покои, ласкали послѣднихъ лакеевъ и терпѣливо сносили отъ нихъ толчки, а отъ любимой его обезьяны всякія проказы.

Бывали острые случаи, вызывавшіе какъ будто охлажденіе къ нему Императрицы, и всѣ съ замираніемъ сердца ожидали исхода. Но такіе эпизоды разрѣшались скоро мировою, и съ утратою Екатериною нѣкоторой доли ея генія, дѣятельности и силы, каждая мировая только увеличивала могущество Зубова. Онъ занялъ наконецъ безпримѣрно-высокое положеніе, и въ немъ утвердилось искреннее убѣжденіе, что его дарованія и способности вполнѣ этому положенію соотвѣтствуютъ. Наравнѣ съ такимъ гигантскимъ самомнѣніемъ развилось его властолюбіе, во все вмѣшивавшееся и все захватывавшее, а также надменность, размѣрамъ которой трудно теперь вѣрить. Она доходила не только до полнаго забвенія приличій, самыхъ общеупотребительныхъ и безусловныхъ, но и до низведенія людей на степень неодушевленныхъ предметовъ. Платонъ Зубовъ забывался даже до того, что дозволялъ себѣ дерзости въ обращеніи съ наслѣдникомъ престола, въ присутствіи его семейства и всего двора. Если прибавить ко всему этому жадность, скупость и эгоизмъ, развившіеся въ немъ по мѣрѣ его восхожденія кверху, то получится довольно полный очеркъ послѣдняго временщика Екатерининскаго времени. И однако, несмотря на непривлекательность портрета, слѣдуетъ сознаться, что низость приспѣшниковъ, раболѣпно предъ временщикомъ пресмыкавшихся, представляетъ собою картину, еще болѣе отталкивающую [14]).

Суворовъ не только не принадлежалъ къ нимъ, но выдѣлялся изъ общаго хора въ видѣ диссонанса. Онъ не будировалъ, не разыгрывалъ изъ себя Катона, старался даже сблизиться съ «универсальнымъ министромъ» или «великимъ визиремъ», какъ втихомолку многіе называли Платона Зубова, и пріобрѣсти въ немъ протектора у престола, но не покупалъ этого цѣною душевнаго раболѣпства и нравственнаго униженія. Въ началѣ поприща временщика, когда Суворовъ находился въ Финляндіи, между ними не происходило никакихъ столкновеній, и Суворовъ

могъ жаловаться только на равнодушіе и безразличность къ нему Платона Зубова. Въ Херсонѣ являются нѣкоторые симптомы неудовольствія Суворова, но больше въ смыслѣ общемъ, по отношенію къ двору и къ высшей администраціи, а не къ Платону Зубову лично. Щадилъ-ли Зубовъ чуткое самолюбіе Суворова, или Суворовъ старался быть ручнымъ,—трудно сказать; вѣрнѣе и то и другое. Въ Польшѣ, по завладѣніи Варшавой, поводовъ къ неудовольствіямъ явилось больше, вслѣдствіе различія политики «кабинетной» отъ «полевой», но опять-таки въ смыслѣ безличномъ, и тогдашнія отношенія между Зубовымъ и Суворовымъ скорѣе можно назвать хорошими. Въ эту же пору обѣ фамиліи породнились, что прибавило въ общественномъ мнѣніи новый устой для Зубовыхъ вообще и для Платона въ частности, да и Суворову могло послужить на пользу. Платонъ Зубовъ обратился въ февралѣ 1795 года къ Суворову съ письмомъ, очень любезно поздравляя его съ предстоящимъ бракомъ дочери. Суворовъ благодарилъ его «за чистосердечныя изъясненія», прибавивъ: «они по государевой службѣ дѣлаютъ меня спокойнымъ и увѣреннымъ въ особѣ вашей», и изъявилъ соболѣзнованіе о постигшемъ его, Платона Зубова, горѣ — потерѣ отца. На это послѣдовало новое письмо Зубова; изъявляя благодарность за присылку карты расположенія войскъ, состоящихъ подъ «знаменитымъ» начальствомъ Суворова, за прежнія подобныя сообщенія и за соболѣзнованіе о кончинѣ родителя, Зубовъ говоритъ: «все это подтверждаетъ ваше благосклонное ко мнѣ расположеніе, коего я видѣлъ всегдашніе опыты, и которое всемѣрно буду стараться сохранить съ моей стороны во всей его силѣ, увѣряя ваше сіятельство, что какъ въ собственномъ моемъ, такъ и по службѣ, найдете вы меня во всякое время готовымъ на угодное вамъ». Чрезъ нѣсколько дней, когда совершилось бракосочетаніе его брата съ дочерью Суворова, онъ опять пишетъ поздравительное письмо и получаетъ новый благодарственный отвѣтъ, съ обѣщаніемъ, что за обнаруживаемую имъ Зубовымъ искренность, онъ Суворовъ будетъ платить искренностью же. Такимъ образомъ въ 1795 году ихъ взаимныя отношенія были очень удовлетворительны, и если суще-

ствовали поводы къ неудовольствію, то при помощи обоюднаго желанія и сдержанности обѣихъ сторонъ, не выходили изъ зачаточнаго состоянія и не вели къ непріятностямъ [15]).

Не такъ пошло дѣло въ Тульчинѣ. Поводы къ перемѣнѣ еще народились въ Петербургѣ; они были не крупные, но при характерѣ Суворова и свойствахъ Платона Зубова, сдѣлали свое дѣло. Первымъ поводомъ были извѣстные читателю визитные костюмы. Затѣмъ кто-то пустилъ слухъ, будто Суворовъ совершилъ запись, опредѣливъ дочери 7,000 душъ, пожалованныя ему въ кобринскомъ уѣздѣ, 7,000 руб. годового содержанія и 100,000 руб. единовременно. Ничего подобнаго и въ поминѣ не было, а основаніемъ для молвы вѣроятно послужило составленное Суворовымъ нѣсколько лѣтъ завѣщаніе, по которому Наталья Александровна должна была получить всѣ *благопріобрѣтенныя* отцомъ имѣнія и наличныя деньги. Подкрѣпленіемъ слуху могло служить и то обстоятельство, что Суворовъ какъ будто забылъ про своего сына, который съ самаго рожденія оставался на рукахъ у матери. Недоразумѣніе конечно разъяснилось, Зубовы разочаровались, и это оставило въ нихъ слѣдъ. Правда, дѣло касалось собственно Николая Зубова, но не могло не интересовать и Платона, какъ фактическаго главы семейства. Суворовъ узналъ объ этихъ мечтаніяхъ позже другихъ и принялъ мѣры, объяснивъ Хвостову, что составляя завѣщаніе, онъ имѣлъ въ виду *благопріобрѣтенныя*, а не *жалованныя* имѣнія; что послѣднихъ тогда не было и на нихъ не разсчитывалось, а потому, если надо пополнить въ этомъ смыслѣ духовную, то чтобы Хвостовъ распорядился это сдѣлать.

Новымъ поводомъ къ послѣдующимъ непріятностямъ послужила персидская экспедиція, отъ которой Суворовъ хотя и отказался, но потомъ объ этомъ жалѣлъ и своего сожалѣнія ни мало не скрывалъ, такъ что о немъ открыто говорилъ Валеріанъ Зубовъ. Суворовъ задѣлъ Зубовыхъ еще тѣмъ, что до своего отказа отъ персидской экспедиціи, составилъ для нея списокъ генераламъ, въ который никого изъ Зубовыхъ не включилъ. Съ другой стороны, Платонъ Зубовъ далъ Суворову поводъ къ неудовольствію, не подчинивъ ему флота, что было однако обѣ-

мало, сверхъ того Суворовъ требовалъ изъ Гульчина на разныя надобности войскъ—5 милліоновъ рублей, а Зубовъ пытался удовлетворить его только 100.000. Наконецъ, Суворова удалило возведеніе Платона Зубова въ княжеское достоинство Римской имперіи. По этому поводу онъ писалъ въ апрѣлѣ 1796 года Хвостову: «Платонъ Александровичъ—князь по вступленіи моемъ въ Варшаву, это—мнѣ предопредѣляемое и вѣдомо возлюбленнымъ осѣклось». Успокоительный отвѣтъ Хвостова мало на него подѣйствовалъ, ибо «служить другимъ мартышкинымъ каштаннымъ ботомъ» онъ не любилъ, а только постарался замаскировать свое честолюбіе посторонними резонами: «Платонъ Александровичъ—князь взялъ мое; вы на это холодно взираете; титлы мнѣ не для меня, но для публики потребны». Держась своего взгляда, онъ поручилъ Хвостову «попенять Кобенцелю за императорову неблагодарность» и высказалъ даже свое неудовольствіе въ письмѣ къ Платону Зубову. Поздравивъ его съ полученіемъ княжескаго достоинства, Суворовъ замѣтилъ: «до меня жъ императоръ скупъ: я ему больше утвердилъ и подарилъ, нежели подобныя титла съ собой приносятъ».

Эти поводы дополнялись еще и другими. Явились подозрѣнія въ намѣреніи князя Зубова оттереть его, Суворова, отъ командованія арміей противъ Французовъ; не разрѣшавшееся ничѣмъ дѣло Вронскаго не давало ему покоя и внушало мысль, что оно затянулось не-спроста, а по зложелательству князя Платона; припутались сюда и иныя недоразумѣнія. «Вронскій лаялъ, но его никто палкой не ударилъ, хотя я того довольно стою, и вѣдомо отъ попущенія князя Платона», сообщилъ онъ Хвостову. Князь Зубовъ, будучи безмѣрно властолюбивъ, захватилъ въ свои руки множество высшихъ должностей, въ томъ числѣ управленіе всей артиллеріей и Черноморскимъ флотомъ. Суворовъ издѣвается надъ этимъ и говоритъ, что «алгебра чертящаго пушку фельдцейхмейстера и знающаго имена мачтъ и парусовъ адмирала» никогда не достигнетъ до назначенія противъ Французовъ его, Суворова. Такое подозрѣніе на счетъ свойствъ или силы Зубовской «алгебры», какъ мы видѣли не оправдалось, да и по дѣлу Вронскаго едва ли Суворовъ былъ правъ въ своихъ

подозрѣніяхъ: оно просто тянулось обычнымъ черепашьимъ шагомъ, а не дать ему хода было бы большой несправедливостью. Тѣмъ не менѣе, постоянно обнаруживавшееся кичливое самомнѣніе Зубова и случаи высокомѣрнаго его невниманія къ Суворову, дававшіе себя чувствовать даже въ тонѣ офиціальной кореспонденціи, а съ другой стороны крайняя чувствительность Суворова въ этомъ отношеніи,—продолжали подливать масла въ огонь. Суворовъ становился все злѣе въ своихъ сарказмахъ, срывая сердце въ интимныхъ письмахъ къ своему универсальному повѣренному. Онъ радуется, когда обстоятельства придвигаютъ графа Безбородко къ преобладающему участію въ дѣлахъ, называетъ его единственнымъ «надежнымъ членомъ кабинета», а Зубова «козломъ, который и съ наученіемъ не будетъ львомъ», и которому пора опомниться ради блага Россіи. Издѣваясь надъ его угодливостью и сговорчивостью, чтобы только сохранить милость состарѣвшейся Императрицы, Суворовъ пишетъ: «князь Платонъ добрый человѣкъ, тихъ, благочестивъ, безстрастенъ, какъ будто изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи; знаетъ намеку, загадку и украшается *какъ угоднымъ*, что называется въ общенародіи лукавымъ, хотя царя въ головѣ не имѣетъ...» Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «при его мелкоуміи, онъ уже нынѣ возвышеннѣе князя Потемкина, который съ лучшими достоинствами, въ своей злобѣ былъ откровеннѣе и, какъ великодушнѣе его, могъ быть лучше предпобѣжденъ... Я часто смѣюсь ребячьей глупости князя Платона и тужу о Россіи... Снять узду съ ученика, онъ надѣнетъ ее на учителя. Вольтеромъ правила кухарка, но она была умна, а здѣсь государство» [16]).

Какъ ни крѣпился Суворовъ, ограничиваясь саркастическими выходками на счетъ Зубова въ письмахъ къ Хвостову, однако не выдержалъ, послалъ ему самому записку, въ которой между прочимъ сказалъ: «Ко мнѣ стиль вашъ рескриптный, указный, повелительный, употребляемый въ атестованіяхъ!... Не хорошо, сударь». Не довольствуясь этимъ наставленіемъ, Суворовъ рѣшился прекратить съ зазнавшимся временщикомъ сношенія и обращаться впредь къ самой Императрицѣ. Хвостову онъ выставилъ поводами къ разрыву недостатокъ почтенія со

стороны Зубова, хотя вѣжливость и мало тутъ значитъ, «ибо вѣжливъ бываетъ и палачъ»; указалъ, что Зубовъ на многія бумаги вовсе не отвѣчаетъ, а въ послѣднее время и совсѣмъ пересталъ писать. «Князю Платону далъ я надъ собой много власти», говоритъ Суворовъ: «ослабить оную ни у кого нѣтъ силы, остается отнестись прямо къ престолу». Въ другомъ письмѣ онъ замѣчаетъ: «князь Платонъ не перестаетъ меня атестовать», и подтверждаетъ неоднократно-выраженное прежде желаніе, имѣть посредникомъ между собой и Императрицей графа Безбородко, который хотя «роскошенъ и лѣнивъ, но мудръ». Онъ говоритъ, что письма Зубова, какія будутъ, онъ безъ отвѣта не оставитъ, но со всякими представленіями намѣренъ обращаться прямо къ Императрицѣ; прекращаетъ посылку своихъ курьеровъ чрезъ зятя, Николая Зубова, и направляетъ ихъ къ Хвостову.

Хвостовъ обратился къ Безбородко, который, отклоняя комплименты насчетъ своего государственнаго значенія, охарактеризовалъ себя такъ: «я золотарь; я очищаю, что пакоститъ князь Зубовъ». Хвостовъ сталъ его убѣждать отъ имени Суворова въ необходимости меньшей уступчивости; говорилъ, что Екатерина отличается мудростію, любитъ Россію и свою славу, а онъ, Безбородко, проницателенъ и опытенъ; что Государыня и Европа ему вѣрятъ, а потому поддаваться не слѣдуетъ. Безбородко на это возражалъ, что ему вѣрятъ какъ дѣловому человѣку, а къ князю Зубову имѣютъ хотя неосновательное, пристрастное довѣріе, но оно сильнѣе и ближе. На дальнѣйшія настоянія Хвостова или, лучше сказать, Суворова—воспользоваться настоящимъ моментомъ, когда къ нему, Безбородко, силою обстоятельствъ возвратилось прежнее вліяніе (вслѣдствіе промаховъ Зубовской партіи по сватовству Шведскаго короля за одной изъ великихъ княженъ), Безбородко скептически отвѣчалъ, что эта перемѣна не надолго, а потомъ опять все пойдетъ по прежнему. Такимъ образомъ миссія Хвостова не удалась, и быть посредникомъ между Суворовымъ и Екатериной Безбородко не согласился. Несмотря на это, Хвостовъ одобрилъ принятое Суворовымъ рѣшеніе—обращаться прямо къ Государынѣ, а не къ Зубову, но курьеры

должны вручать бумаги все-таки Зубову; это будетъ пріятно Екатеринѣ и такъ совѣтуетъ Захаръ Константиновичъ (Зотовъ). Переписываться съ Зубовымъ нѣтъ надобности, кромѣ развѣ мелочей; онъ Суворову ничего худого сдѣлать не въ состояніи, но доводить дѣло до полнаго разрыва не слѣдуетъ, а лучше сохранить наружное согласіе «съ особою верховнаго избранія». «Онъ свойства добраго», заключаетъ Хвостовъ: «подлинно сержантъ гвардіи, но воздухъ вонючій — Рибасы, Марковы, Кутузовы». Такимъ образомъ Хвостовъ совѣтовалъ почти тоже самое, на что рѣшился Суворовъ, и хотя формальнаго разрыва съ княземъ Зубовымъ не произошло, но отношенія стали на столько холодными и натянутыми, что при неуступчивости обѣихъ сторонъ, дурной исходъ въ будущемъ не подлежалъ сомнѣнію, еслибы не былъ предупрежденъ катастрофой, перевернувшей все вверхъ дномъ и отразившейся и на Зубовѣ, и на Суворовѣ.

Неудовольствіе съ княземъ Платономъ отразилось и на отношеніяхъ Суворова къ зятю, графу Николаю, вдобавокъ къ другимъ, непосредственнымъ поводамъ. Эти послѣдніе почти не выходили изъ круга обыденныхъ непріятностей между тестемъ и зятемъ, отъ которыхъ никто и никогда не можетъ уберечься. Все дѣло лишь въ томъ, давать ли имъ значеніе, или пропускать безъ вниманія, ради сохраненія добрыхъ отношеній. Суворовъ не обладалъ такимъ миролюбивымъ качествомъ; онъ былъ слишкомъ воспріимчивъ, и всякое лыко шло у него въ строку; оттого съ его стороны не дѣлалось почти ничего для поддержанія доброй связи съ зятемъ. Н. Зубовъ тоже не отличался предупредительностью и не очень-то старался примѣниться, съ помощью уступокъ, къ неуживчивому старику. Служить Суворову въ томъ смыслѣ, какъ Хвостовъ, онъ былъ вовсе не расположенъ; быть для тестя ступенью къ брату Платону—тоже не желалъ, да едва ли и могъ, въ виду эгоизма временщика. Тесть съ зятемъ переписку вели не частую, и временами она прерывалась. Суворова очень затрогивало, что Николай Зубовъ пишетъ рѣдко, да еще иногда забываетъ подписывать свои письма, и онъ видѣлъ въ этомъ пренебреженіе, хотя

самъ часто писемъ не подписывалъ. Суворовъ находилъ еще, и не совсѣмъ несправедливо, что зять тянетъ больше къ брату, чѣмъ къ тестю и, при недоразумѣніяхъ и непріятностяхъ между ними, не оказываетъ послѣднему никакого содѣйствія. «Князь Платонъ лгалъ и обманывалъ», пишетъ Суворовъ Хвостову: «а графъ Николай ему потакалъ, и ему недосугъ было ажъ строчки писать, а досугъ было зайца гонять. Съ Зубовыми намъ наблюдать настояще-текущія правила, недовѣрія не уменьшать и цвѣтками какими не обольщаться... Я отъ несбыточныхъ услугъ Зубовыхъ удалился; графъ Николай можетъ быть скорѣе инструментомъ князя Платона, по недоразумѣнію или невинно; чего ради ему нѣтъ никакой нужды имѣть со мной переписку, а о здоровьѣ и вы скажете. Равно мнѣ, если онъ меня будетъ называть отцомъ или сыномъ; я ему пріятель». Н. Зубовъ какъ будто переставалъ быть близкимъ человѣкомъ и, такъ сказать, отчислялся отъ семейства Суворова къ фамиліи Зубовыхъ. «Наташа отдана мужу, тако съ нимъ имѣетъ связь; онъ ко мнѣ не пишетъ, я къ нимъ не пишу, — Божіе благословеніе съ ними! Естественно мужъ имѣетъ связь съ братьями; обоюдно для брака мужъ и я имѣли связь, по совершеніи его она кончилась. *Родство и свойство мое съ долгомъ моимъ: Богъ, Государь и Отечество.* Мѣсяцъ отъ васъ писемъ не было, я не хотѣлъ и къ вамъ писать,— Божья судьба всѣмъ правитъ». Впрочемъ это выдержки изъ писемъ за 7 или 8-мѣсячный періодъ, а потому кладутъ слишкомъ густую тѣнь, которая на самомъ дѣлѣ не была такой мрачной и перемежалась просвѣтами. Во всемъ этомъ сказывается Суворовъ, и если бы понадобился выводъ — кто же изъ нихъ двухъ, тесть или зять, былъ главною причиною ихъ неудовлетворительныхъ отношеній, то справедливость указала бы на Суворова [13]).

Къ дочери онъ продолжалъ питать привязанность, но прежнія горячія и нѣжныя ея заявленія встрѣчаются гораздо рѣже. Оно и понятно послѣ лихорадочнаго его желанія—выдать Наталью Александровну за-мужъ и стать человѣкомъ свободнымъ. Цѣль эта теперь была достигнута, дочь сдѣлалась отрѣзаннымъ

лонтемъ; она естественно тянулась къ мужу больше чѣмъ къ отцу, жила съ мужемъ хорошо, и отецъ утешался тѣмъ, что забываетъ ее почти на въ своемъ письмѣ къ Хвостову. Посылаетъ благословеніе и нѣжно обращается къ ней съ нѣсколькими словами. Въ январѣ 1794 года она родила мертваго мальчика, когда отецъ находился въ Петербургѣ, въ октябрѣ была уже во второй половинѣ своей второй беременности. Суворовъ по этому поводу писалъ ея мужу: «Бывшая Бѣгъ Наташу въ ея беременности: желаю ей благополучныхъ родовъ». Встрѣчаются со стороны Суворова и нѣжныя на нее неудовольствія за то, что рѣдко пишетъ, но послѣднихъ послѣдствій они не имѣютъ. Вообще отношенія между отцомъ и дочерью хорошія и семейныя; разногласія съ зятемъ не ведутъ къ размолвкамъ съ дочерью.

Но выдавъ дочь за-мужъ, Суворовъ не остался вполнѣ бобылемъ и не избавился отъ семейныхъ заботъ, такъ какъ на смѣну дочери явился сынъ. Дѣтскіе свои годы до 11-лѣтняго возраста онъ провелъ при матери, въ Москвѣ: эти 11 лѣтъ остаются для насъ совершенно темными: не знаемъ даже, видѣлся ли съ нимъ Суворовъ въ этотъ промежутокъ времени; если да, то проѣздами черезъ Москву. Въ сентябрѣ 1795 года Суворовъ первый разъ упоминаетъ о сынѣ, и именно въ письмѣ къ Платону Зубову: «монаршее къ сыну моему благоволеніе я имѣлъ счастіе получить; посредство вашего сіятельства въ семъ случаѣ обязываетъ меня всепокорнѣйшею вамъ благодарностью, и я желаю, чтобы онъ былъ полезенъ высочайшей службѣ». Изъ этого видно, что Аркадію предстояла тогда перемѣна судьбы и что Государыня, вѣроятно въ знакъ вниманія къ его отцу, оказала ему въ чемъ-то свое благоволеніе. Молодой сынъ Суворова однако въ то время еще не появляется въ Петербургѣ; изъ Москвы онъ былъ вызванъ лишь въ январѣ или февралѣ 1796 года и назначенъ камеръ-юнкеромъ къ великому князю Константину Павловичу. По свидѣтельству одного современника, 11-лѣтній сынъ Суворова «подъ униженной и странной личиной, скрывалъ гордую, повелительную и впечатлительную душу». Отецъ разумѣется не могъ взять на себя

его воспитанія и образованія; къ подобному труду онъ не былъ ни склоненъ, ни способенъ; къ тому же ему предстояла скорая поѣздка къ новому мѣсту службы, на югъ. Естественнѣе всего было поручить Аркадія попеченію его замужней сестры; Суворовъ такъ и поступилъ, а графъ Николай Зубовъ взялъ на себя надзоръ за педагогической стороной дѣла.

Въ перепискѣ Суворова изъ Тульчина, довольно часто упоминается имя его сына. Но если до той поры не имѣется никакихъ данныхъ для оцѣнки воспитанія и образованія Аркадія, то послѣдующее время, давая ихъ больше, все-таки крайне бѣдно этимъ матеріаломъ. Судя по нѣкоторымъ фактамъ и главное по послѣдствіямъ, педагогическій планъ, приложенный къ сыну Суворова, не отличался ни систематичностью, ни раціональностью, и молодой Аркадій подготовлялся къ жизненному поприщу отрывочно, неполно и неправильно. Оба они были одарены богатыми, хотя и несходными натурами, но отецъ имѣлъ и жажду, и время для самообразованія, сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, а сынъ этой возможности не имѣлъ, потому что вступилъ въ дѣйствительную жизнь на 15-лѣтнемъ возрастѣ. Поручивъ своего сына его сестрѣ и ея мужу, Суворовъ приставилъ къ Аркадію нѣчто въ родѣ гувернера или воспитателя и пріискалъ учителей. Воспитателемъ былъ взятъ иностранецъ де-Сіонъ, кажется по рекомендаціи Платона Зубова принятый въ русскую службу съ чиномъ маіора. Изъ учителей за первое время извѣстенъ Микулинъ, преподававшій во всѣхъ четырехъ фортификаціонныхъ классахъ кадетскаго корпуса.

Суворову сообщалось о ходѣ занятій его сына довольно часто, но изъ этой переписки сохранились только кое-какіе отрывки. Графъ Николай Зубовъ пишетъ ему, что Аркадій «учится математикѣ на основаніяхъ алгебры, но не такъ, какъ бы готовился въ академики; Микулинъ показываетъ ему при каждомъ урокѣ военные чертежи, кои онъ копируетъ изрядно и вообще къ рисованію имѣетъ безошибочное воображеніе. Сіонъ, со своей стороны, довольно попечителенъ и, не притупляя въ немъ врожденнаго живого характера, преподаетъ ему добрыя

правила; по желанію брата, князя Платона, Аркадій нерѣдко у него бываетъ и, однимъ словомъ, много предвѣщаетъ добраго». Со своей стороны Микулинъ пишетъ отцу, что сынъ «занимается разрѣшеніемъ задачъ, касающихся до общежитія, наипаче же до военнаго состоянія; притомъ для удовлетворенія его склонности и для предварительнаго приготовленія къ фортификаціи, началъ чертить архитектуру». На подобныя извѣщенія Суворовъ иногда отвѣчаетъ и дѣлаетъ замѣчанія, напримѣръ: «Аркадій учится методически, не лучше ли ему сократить алгебру,» но не настаиваетъ на этомъ и отдаетъ на усмотрѣніе Н. Зубова. Вообще же, какъ видно изъ его письма къ Н. Зубову въ ноябрѣ 1796 года, занятіями своего сына онъ «весьма доволенъ». Къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ для изслѣдованія его взгляда и повѣрки сдѣланной атестаціи [17]).

Выдавъ дочь за-мужъ и пристроивъ сына къ ея семейству, Суворовъ пріобрѣталъ желанную свободу дѣйствій далеко не въ томъ размѣрѣ, какъ предполагалъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе утрачивалъ, чѣмъ пріобрѣталъ, потому что дѣлался больше доступнымъ эксплоатаціи другихъ своихъ родственниковъ. Всѣ они чаяли отъ него разныхъ благъ и, кто только могъ, старались на него дѣйствовать не въ однихъ его собственныхъ, но и въ своихъ интересахъ. Благодаря своему значенію, онъ служилъ для нихъ обильнымъ источникомъ протекціи, и даже одно его имя, помимо его воли, дѣлало судьбу къ нимъ благосклонною. Главный изъ нихъ по вліянію на Суворова, Хвостовъ, хотя не далеко еще продвинулся, но это произошло отъ сплетенія разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и вознаградилось позже. Родственники Суворова, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ его приближенныхъ, образуютъ вокругъ него незримую сферу, гдѣ происходитъ борьба самолюбій и личныхъ интересовъ, зарождается и зрѣетъ интрига, но все это искусно отъ него маскируется, ибо дѣйствуютъ люди, подробно его изучившіе. Въ Тульчинѣ повторяется тоже, что было раньше, только покрупнѣе, такъ какъ Суворовъ недавно поднялся на новую, высшую ступень и потому искателями и эксплоататорами оцѣнивался дороже прежняго.

Старшій изъ князей Горчаковыхъ, племянниковъ Суворова, пишетъ Хвостову изъ Тульчина длинное письмо, ярко освѣщающее сферу, окружавшую его дядю. Описывая свое прибытіе въ Тульчинъ и радостное чувство, съ которымъ встрѣтилъ его Суворовъ, князь Алексѣй Горчаковъ объясняетъ это исключительно тѣмъ, что Суворову не передъ кѣмъ было срывать сердце и изливать свою желчь по поводу разныхъ непріятностей и недоразумѣній. Передавая затѣмъ смыслъ своихъ съ нимъ разговоровъ, Горчаковъ сообщаетъ, что причиною нѣкоторыхъ непріятностей онъ признаетъ дежурнаго генерала Арсеньева, о чемъ и далъ почувствовать дядѣ. Далѣе даются Хвостову наставленія по разнымъ предметамъ и испрашиваются у него совѣты — какъ поступать и что дѣлать. «Съ Зубовыми у насъ совершенный разрывъ», продолжаетъ Горчаковъ: «такъ по малой мѣрѣ съ нимъ (Суворовымъ) сохранимъ союзъ, а паче не дозволимъ восторжествовать тѣмъ, которые хотятъ насъ отъ него удалить. Онъ совершенно отступился отъ дочери и, что важнѣе, отъ зятя, не говоритъ больше о своемъ сынѣ и считаетъ тебя и меня своими единственными близкими людьми». Горчаковъ впрочемъ усматриваетъ тутъ одни слова и имъ не вѣритъ, но рѣшается остаться при дядѣ и «терпѣть всѣ мерзости, покуда силъ достанетъ». Арсеньевъ, имѣющій на Суворова большое вліяніе, желаетъ ему, Горчакову, всякаго зла и находится съ нимъ въ отношеніяхъ дипломатическихъ; Мандрыкинъ смотритъ туда же, но не слишкомъ къ Суворову близокъ; Тищенко черенъ по натурѣ, служитъ Арсеньеву послушнымъ орудіемъ, однако любезенъ; Прошка «насъ всѣхъ обожаетъ и передаетъ мнѣ все, что происходитъ во внутреннихъ покояхъ». Горчаковъ бесѣдуетъ съ Суворовымъ ежедневно, часа по два на-единѣ, «но дѣло не подвигается; впрочемъ, никакого новаго любимца нѣтъ и все идетъ по прежнему, т.-е. изъ него дѣлаютъ, что хотятъ». Дальше идетъ рѣчь, чтобы сестеръ Горчакова сдѣлать фрейлинами; дѣйствовать въ этомъ смыслѣ Суворовъ согласенъ, но не самъ и притомъ окольными путями, однако обѣщалъ каждой изъ нихъ по 300 душъ при выходѣ за-мужъ. «Но это все одни слова», снова замѣчаетъ Горчаковъ: «ежели нужны какія

письма отсюда его именемъ, наставь меня... О себѣ скажу, — я не генералъ и Богъ знаетъ когда имъ буду; я безъ деревень и Богъ знаетъ когда ихъ получу». Суворовъ затѣялъ устроить женитьбу Горчакова, но онъ на это не соглашается, пока не получитъ генеральскаго чина, а до тѣхъ поръ будетъ выжидать обстоятельствъ. «Если случится, что пошлютъ противъ Французовъ Ферзена, какъ тутъ толкуютъ, я хотѣлъ бы отправиться съ нимъ, чего ненасытно желаю; пожалуйста устрой это, потому что нужно же искать счастья гдѣ-нибудь. Дядя этимъ немного оскорбится, но если при немъ ничего нельзя выиграть, то надо пріискивать ресурсы индѣ». Въ заключеніе Горчаковъ проситъ передать свое письмо на прочтеніе брату и сестрѣ, «ради ихъ наученія».

Въ поясненіе этого извлеченія изъ письма, можно развѣ прибавить, что племянникъ, прослуживъ всего 7 или 8 лѣтъ до бригадира, въ послѣдующіе 3 года получилъ еще два генеральскіе чина безъ выдающихся заслугъ. Находясь въ видимомъ противорѣчіи съ самимъ собой, онъ говоритъ Хвостову, что оба они «служатъ Суворову прибѣжищемъ въ дурныхъ обстоятельствахъ и что на него, дядю, не дѣйствуютъ никакіе резоны, когда идетъ дѣло о немъ самомъ и его эгоизмѣ». А между тѣмъ, страницей раньше онъ пишетъ, что «внушилъ дядѣ по партикулярнымъ дѣламъ держаться Перекусихиной и Зотова, которые ему доброжелательствуютъ» и, заручившись его согласіемъ, отправилъ къ Хвостову письмо на имя Марьи Савишны, прося именемъ Суворова ея «посредничества» относительно назначенія сестеръ фрейлинами. «Внушеніе» его такъ хорошо подѣйствовало на Суворова, что тотъ счелъ нужнымъ подкрѣпить свою просьбу еще слѣдующими строками къ Хвостову: «осталось у меня нечаянно давнихъ драгоцѣнныхъ варшавскихъ венгерскихъ три бутылочки: двѣ Марьѣ Савишнѣ, одну Захару Константиновичу; при обязанности моей просите, чтобы на здоровье пили». Суворовъ былъ дѣйствительно погруженъ въ самаго себя, часто забывалъ о другихъ, не видя чужихъ интересовъ изъ-за своихъ собственныхъ, но упрекать его въ этомъ имѣлъ право не всякій. Впрочемъ такова ужъ была среда и ея воззрѣнія. Князь Але-

ксѣй Горчаковъ былъ вообще не дурной человѣкъ; другіе поступали еще болѣе беззастѣнчиво.

Суворовъ, почти всегда бережливый, даже просто скупой, былъ и въ этомъ отношеніи человѣкомъ своеобразнымъ, не похожимъ на всѣхъ. Въ каждомъ періодѣ его жизни можно найти тому доказательства; особенно въ послѣдніе годы встрѣчаемъ широкую щедрость на ряду чуть не со скаредностью. Пребываніе его въ Тульчинѣ ознаменовалось нѣсколькими примѣрами такой щедрости, и если не всѣ они реализировались, то причины тому народились послѣ. Сестрѣ своей, Олешевой, онъ велѣлъ производить по 1,000 руб. пенсіи, вѣроятно за ея услуги по отношенію къ его дочери до выхода за-мужъ. Была у него бѣдная родственница, дѣвица Евпраксія Федоровна Раевская; Суворовъ обѣщалъ ей на приданое 6,000 руб. и, когда она была въ іюнѣ сговорена, приказалъ Хвостову вручить ей обѣщанную сумму. Это не было исполнено потому, что свадьба не состоялась. Въ Тульчинѣ проживалъ одинъ французскій эмигрантъ, принятый въ русскую службу маіоромъ; онъ очень хворалъ, нуждался въ деньгахъ и въ уходѣ, и хотя желалъ выписать свою жену, но не могъ этого сдѣлать по крайней бѣдности. Суворовъ просилъ Императрицу, чрезъ графа Безбородко, о пожалованіи эмигранту пенсіи, далъ ему отъ себя 500 руб. на путевыя издержки жены и намѣревался назначить по 300 руб. ежегоднаго пособія. Послѣднее вѣроятно не состоялось, такъ какъ князь Горчаковъ, написавъ объ этомъ Хвостову, замѣтилъ, что если дядя будетъ такимъ образомъ содержать всѣхъ, то ему самому ничего не останется, почему и просилъ Хвостова собрать по этому предмету справки и увѣдомить.

Щедрость Суворова еще болѣе обнаружилась при слѣдующемъ случаѣ. Дежурный генералъ Арсеньевъ, человѣкъ ничѣмъ не замѣчательный и состоявшій при Суворовѣ не такъ давно, былъ боленъ чахоткой и осенью 1796 года умеръ, оставивъ вдову съ нѣсколькими сиротами, въ Петербургѣ или Москвѣ, да долгу 60,000 руб. Отсутствіе Арсеньевой и ея дѣтей казалось бы облегчало Суворову офиціальную, казенную сторону дѣла; не было ни плача, ни раздирающихъ сценъ, ни щемящаго

зрѣлища нужды; нервы оставались спокойными, и соболѣзнованіе могло ограничиться однимъ выраженіемъ вдовѣ сочувствія, да просьбою въ Петербургъ объ оказаніи милости. Суворовъ однако поступилъ не такъ: онъ назначилъ вдовѣ Арсеньевой 40,000 руб. единовременно, но съ уплатою въ нѣсколько сроковъ, о чемъ и вошелъ въ переписку съ Хвостовымъ. Письмо его замѣчательно между прочимъ тѣмъ, что не имѣя свободныхъ денегъ и не предвидя ихъ въ близкомъ будущемъ, онъ рѣшилъ было выдать Арсеньевой деньги, подлежавшія уплатѣ Зубовымъ. Нигдѣ прямо не говорится, какія это деньги, но разныя выраженія наводятъ на мысль, что Зубовы, по смерти ихъ отца Александра Николаевича, съумѣли привлечь Суворова, какъ своего свойственника, къ складчинѣ, на уплату оставленныхъ покойнымъ долговъ, и на долю Суворова причлось внести 60,000 руб. Хвостовъ разверсталъ эту сумму на 4-годовой срокъ, по 15,000 ежегодно; ни одного взноса еще не было сдѣлано. Желая непремѣнно пособить Арсеньевой въ ея трудныхъ обстоятельствахъ, Суворовъ, подъ впечатлѣніемъ дурныхъ своихъ отношеній къ Зубовымъ, въ особенности къ князю Платону, пришелъ къ убѣжденію, что платить Зубовымъ не слѣдуетъ Въ одинъ и тотъ же день, 11 ноября, онъ пишетъ Хвостову нѣсколько писемъ по этому предмету, приводя въ нихъ разные резоны въ подкрѣпленіе своего рѣшенія. Доводы его вертятся преимущественно на томъ, что отъ Зубовыхъ онъ ничего хорошаго не видалъ; что они богаты, а Вѣра Ивановна Арсеньева бѣдна, причемъ разбирается каждый изъ Зубовыхъ въ отдѣльности, и лучше всѣхъ оказывается графъ Дмитрій, наименѣе извѣстный. Суворовъ говоритъ какъ бы въ свое оправданіе: «я не денежникъ, счетъ въ нихъ мало знаю, кромѣ казенныхъ»; прибавляетъ, что «не хочетъ быть осломъ или шутомъ Зубовыхъ» и наконецъ указываетъ на главное доказательство въ свою пользу: «что мнѣ нужды до долга ихъ отца? я повиненъ былъ только приданымъ». Объ Арсеньевой Суворовъ пишетъ, что 20,000 рублей своего долга она должна выплатить сама, соблюдая экономію; если-же не въ силахъ будетъ, то онъ пожалуй и ихъ возьметъ на себя, вмѣсто уплаты Зубовымъ, и кромѣ того

обѣщаетъ устроить въ службѣ ея 15-лѣтняго сына. Онъ посылаетъ Хвостову особую, короткую записку, съ обязательствомъ уплаты Арсеньевой 40,000 рублей, и приписываетъ на ней: «сіе служитъ вамъ завѣщаніемъ, если бы мнѣ послѣдовала смерть». Но натянутость доводовъ, послѣ даннаго Зубовымъ обѣщанія, остается все-таки очевидною; самъ Суворовъ не можетъ этого не замѣтить и, отвѣчая на свою невысказываемую мысль, пишетъ въ одной изъ посылаемыхъ записокъ: «это правда, ежели особливо въ графѣ Н. Зубовѣ буянства не примѣтится, то предпочитая Вѣру Ивановну, долженъ я имъ (все таки) впередъ о 4 разъ 15,000; слово мое держать, поелику Богъ пособитъ». На этомъ дѣло и было кончено, но Вѣра Ивановна Арсеньева получила, какъ надо полагать по разнымъ соображеніямъ, только 10,000 рублей, которые ей были выплачены немедленно. Уплата остальныхъ должно быть не состоялась, по наступившимъ вскорѣ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ [18]).

Такимъ образомъ проходило время Суворова въ Тульчинѣ. Онъ жилъ въ замкѣ графини Потоцкой, занимая одинъ этажъ и оставляя другой въ распоряженіи хозяйки; обѣдалъ въ 8 часу утра, носилъ платье изъ грубой холстины, часто посѣщалъ церковь и пѣлъ на клиросѣ. Онъ очень сошелся съ Потоцкою и ея семействомъ, безпрестанно ихъ посѣщалъ, и они у него обѣдали почти каждый день. У Потоцкой было двѣ взрослыя дочери, одна въ Петербургѣ, другая въ Тульчинѣ; изъ доброжелательства къ матери, Суворовъ взялся за совершенно новое для себя дѣло, за сватовство. Въ женихи онъ прочилъ своего племянника, князя Алексѣя Горчакова, который жилъ въ Тульчинѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Потоцкая была какъ видно не прочь, но Горчаковъ не согласился; тогда Суворовъ выставилъ кандидатомъ въ женихи молодого Эльмпта, того самаго, который былъ женихомъ его дочери. Дѣло кажется сладилось, благодаря именно участію въ немъ Суворова. Вообще же и образъ его жизни, и всѣ привычки, и причуды оставались прежнія; замѣчается только нѣкоторое развитіе религіознаго чувства и внѣшнихъ его проявленій. Онъ напримѣръ постоянно посылалъ деньги на поминаніе родителей въ

церковь Федора Студита, въ Москвѣ, а въ 1796 году послалъ деньги на тотъ же предметъ и въ другую церковь, сдѣлавъ кромѣ того въ нее вкладъ; прежнее строгое соблюденіе постовъ еще усилилъ, не принимая никакой пищи въ продолженіе первыхъ трехъ дней страстной недѣли [19]). Во всемъ этомъ сказывалась старость, когда религіозное чувство нерѣдко просыпается даже у тѣхъ, у кого дотолѣ дремало, и усиливается у тѣхъ, кто никогда съ нимъ не разставался. Суворовъ дѣйствительно старѣлся и это чувствовалъ, но старался разными способами скрывать и отъ себя и отъ другихъ, такъ какъ, по его мнѣнію, военный человѣкъ долженъ быть постоянно крѣпокъ духомъ и тѣломъ, т.-е. вѣчно юнъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Въ Тульчинѣ: обученіе войскъ; 1796.

Любовь Суворова къ учебнымъ занятіямъ съ войсками. — „Наука побѣждать"; время составленія, ея первообразъ, историческое значеніе съ уставной стороны, военно-педагогическое съ внутренней.— Начала, положенныя въ основу „Науки побѣждать". — Нещадное преслѣдованіе немогузнайства.—Важность обученія по мнѣнію Суворова: направленіе и способъ приложенія уставныхъ правилъ, т.-е. боевая ихъ цѣлесообразность и прикладной смыслъ; связь между механическими пріемами обученія и нравственными требованіями боевого воспитанія.—Характеръ, свойства и нѣкоторыя частности Суворовскаго обученія; трудность службы съ нимъ для старшихъ чиновъ и приближенныхъ. — Устныя бесѣды съ войсками.—Соотвѣтствіе воспитательнаго метода съ боевымъ поприщемъ Суворова.—Отзывы иностранцевъ того времени о Суворовѣ и его войскахъ.

Не только въ мирное, но и въ военное время, когда имѣлась малѣйшая возможность, Суворовъ занимался обученіемъ войскъ. Въ мирное время онъ отдавался этому дѣлу преимущественно передъ всѣмъ другимъ, и пребываніе его въ Тульчинѣ, т.-е. въ южно-русскомъ раіонѣ, отличается особеннымъ развитіемъ этой дѣятельности. Онъ такъ любилъ учебныя занятія съ войсками, что очевидно исполнялъ не одну только обязанность, отдаваясь этому дѣлу, а слѣдовалъ своему призванію. Припомнимъ, что будучи еще солдатомъ, онъ добивался обучать другихъ и былъ въ полномъ удовольствіи, когда ему это удавалось. Съ годами его призваніе выражалось все яснѣе, когда же онъ сдѣлался фельдмаршаломъ и ожидалъ войны съ Франціей, то

предался своимъ любимымъ занятіямъ такъ усердно и широко, что они наконецъ были замѣчены и одними изъ лѣтописцевъ записаны, съ достаточною обстоятельностью для назиданія потомства.

Пріѣхавъ въ Тульчинъ въ началѣ весны, Суворовъ имѣлъ такъ много разнообразныхъ занятій, что не могъ посвятить себя сразу обученію войскъ. Нѣтъ однако сомнѣнія, что съ самаго его назначенія въ Тульчинъ и прибытія къ мѣсту, войска уже начали заниматься по Суворовской программѣ и въ Суворовскомъ смыслѣ, ибо въ томъ раіонѣ уже было не мало старыхъ его знакомыхъ и сослуживцевъ, а потомъ и съ нимъ прибыло нѣсколько генераловъ, усвоившихъ его систему военнаго образованія. Съ выходомъ войскъ въ лагери, Суворовъ самъ принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ ближайшей мѣстности, подъ Тульчиномъ. Состоявшій при немъ голландецъ Фалькони пишетъ Хвостову: «нашъ почтенный старикъ здоровъ; онъ очень доволенъ своимъ образомъ жизни; вы знаете, что наступилъ сезонъ его любимыхъ удовольствій, — поля, ученья, лагери, безпрестанное движеніе; ему ничего больше не нужно, чтобы быть счастливымъ». И дѣйствительно, учебныя занятія заслоняли отъ его вниманія все прочее и заставляли его хоть временно быть довольнымъ настоящимъ положеніемъ, въ особенности, когда разобравшись въ настоятельныхъ дѣлахъ и получивъ досугъ, онъ не ограничился уже ученьями и маневрами въ окрестностяхъ Тульчина, а отправился въ объѣздъ по всему своему раіону [1]).

Съ дороги онъ пишетъ разнымъ лицамъ, говоря, что всѣ у него обучаются и многіе безъ поправки; что войска очень хороши, не обучены только ночнымъ сраженіямъ, но это теперь пополняется. Вернувшись въ Тульчинъ, онъ сообщаетъ князю Зубову, что «возвратился отъ осмотра войскъ здоровъ и доволенъ», а Екатеринѣ доноситъ такими словами: «Вашего Императорскаго Величества побѣдительныя войска,—искуствомъ, прилежаніемъ и трудолюбіемъ генералъ-аншефовъ Каховскаго и князя Волконскаго, генералъ-поручиковъ Розенберга, Любовицкаго и Шевича, генералъ-маіоровъ Берхмана, Арсеньева и Те-

кутьева, весьма исправны къ дневнымъ, какъ ночнымъ баталіямъ и штурмамъ, и готовы къ увѣнчанію себя новыми лаврами»[2]).

Итакъ, Суворовское обученіе войскъ имѣло своимъ предметомъ точнымъ образомъ опредѣленную цѣль—*бой въ дневное и ночное время*, въ разныхъ его видахъ. Какимъ же путемъ шелъ Суворовъ къ этой цѣли и какіе пріемы онъ употреблялъ при исполненіи своей программы? Отвѣтъ на эти вопросы даетъ дошедшій до насъ документъ, военный катехизисъ Суворова, называемый обыкновенно «Наукой побѣждать»[3]).

Составленіе «Науки побѣждать», или по крайней мѣрѣ объявленіе ея по войскамъ въ видѣ обязательнаго руководства, относятъ обыкновенно къ 1796 году, а нѣкоторые даже къ концу года, по кончинѣ Екатерины. Послѣдніе основываются вѣроятно на томъ, что въ этомъ произведеніи Суворова упоминается имя Императора Павла,—доказательство слабое, потому что замѣна одного имени другимъ дѣло весьма легкое. Въ дѣйствительности руководство дано войскамъ гораздо раньше, а записано исторіографами Суворова лишь въ 1796 году. Изъ предшествовавшихъ главъ мы видѣли, что по «Наукѣ побѣждать» войска подъ начальствомъ Суворова обучались не только въ Польскую кампанію, но и до нея, когда Суворовъ находился въ Херсонѣ[4]). Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ «Науки» усматривается, что она объявлена по войскамъ послѣ второй Турецкой войны, и что затѣмъ кое-что прибавлено въ нее послѣ Польской. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что она существовала раньше, но только въ нѣсколько иномъ видѣ; нынѣшняя же окончательная редакція ей придана въ первой половинѣ 1796 года.

Первообразомъ этой замѣчательной инструкціи слѣдуетъ считать тотъ сборникъ правилъ, который подъ названіемъ «Суздальскаго учрежденія» былъ составленъ Суворовымъ во время командованія Суздальскимъ полкомъ. Хотя «Суздальское учрежденіе» до насъ не дошло, и мы знаемъ изъ него лишь немногія отдѣльныя мысли, изложенныя въ главѣ 3-й, но это немногое такъ существенно важно, что невозможно сомнѣваться въ полной внутренней тождественности «Суздальскаго учреж-

денія» и «Науки побѣждать». Оба они — произведеніе одной и той же мысли, одного и того же взгляда на предметъ; можно безъ особеннаго риска высказать предположеніе, что если бы «Суздальское учрежденіе» было найдено, то мы получили бы ту же самую «Науку побѣждать», какую имѣемъ, съ частными и внѣшними лишь различіями.

«Наука побѣждать» состоитъ изъ двухъ частей — «вахтъ-парада» и «словеснаго поученія». «Вахтъ-парадомъ» Суворовъ назвалъ приказъ или наставленіе — какъ производить ученье передъ разводомъ. Наставленіе это назначалось преимущественно для начальниковъ, но было очень хорошо извѣстно и солдатамъ. Начинаясь словами, что ученье передъ разводомъ имѣетъ вліяніе на обученіе, «вахтъ-парадъ» указываетъ на весь ходъ ученья сначала до конца, поясняетъ разныя частности и даетъ наставленія на многое, что признается болѣе важнымъ. «Словесное поученіе солдатамъ о знаніи, для нихъ необходимомъ», говорилось послѣ развода, громогласно, наизусть, передъ фронтомъ, командиромъ или другимъ штабъ-офицеромъ. «Поученіе» это состоитъ изъ небольшого числа уставныхъ правилъ того времени и, главною долею, собственно — Суворовскихъ наставленій и афоризмовъ, не только боевыхъ, но касающихся и разныхъ сторонъ внутренняго быта войскъ. (См. Приложеніе VII).

«Наука побѣждать», если смотрѣть на нее съ формальной, уставной стороны, представляется приложимой къ дѣлу только въ ту эпоху, когда была составлена, или вѣрнѣе сказать, пока оружіе и формы строя той эпохи не измѣнились. Въ этомъ отношеніи она имѣетъ въ наше время только историческій интересъ. Но этою стороною далеко не исчерпывается смыслъ Суворовскаго наставленія; напротивъ, она имѣетъ въ немъ сравнительно неважное значеніе. На войнѣ нравственная сила въ нѣсколько кратъ важнѣе матеріальной; слабый тѣломъ, неумѣлый, но крѣпкій духомъ, сдѣлаетъ гораздо больше, чѣмъ обученный, но малодушный силачъ. Оттого въ приготовленіи человѣка къ военному дѣлу, преимущественное вниманіе должно быть обращено на соотвѣтственное развитіе его духовной стороны, и только подъ вліяніемъ и по указаніямъ этого нравственнаго вос-

питанія должна складываться система физическаго образованія, говоря вѣрнѣе — обученія.

Для успѣха на войнѣ прежде всего нужно, чтобы человѣкъ какъ можно меньше боялся смерти; *какъ можно меньше* потому, что *совершенно* искоренить въ человѣкѣ чувство самосохраненія — невозможно, причемъ принимается въ разсчетъ конечно масса, а не исключительныя, единичныя натуры. Первымъ къ тому шагомъ будетъ — пріучить человѣка, въ виду предстоящей опасности, не ожидать ее, а идти ей на встрѣчу; не отражать удары, а наносить ихъ, въ томъ соображеніи, что если не наносить, то безъ отражанія дѣло никакъ не обойдется, стало быть опасности все равно не минуешь; если же обойдется, то можетъ представиться нѣчто худшее—опасность безъ возможности ея отражанія. Идти же на встрѣчу опасности—значитъ дѣйствовать наступательно, атаковать, что и составляетъ основной принципъ «Науки побѣждать». Давая такимъ образомъ безусловное предпочтеніе активному началу передъ пассивнымъ, атакѣ передъ обороной, и сводя такъ сказать клиномъ всю свою систему къ атакѣ,—Суворовъ разумѣется не могъ допустить въ свою программу ученіе о дѣйствіи діаметрально-противуположномъ, потому что учить ретирадѣ, значило бы знакомить войска съ понятіями и побужденіями, искорененіе которыхъ было основной задачей Суворова. Онъ не видѣлъ въ такой кажущейся неполнотѣ учебной программы, вредной односторонности или пробѣла. По его убѣжденію, въ отступательныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ обучать нечему; тутъ больше всего требуется упорство, т. е. развитіе нравственной силы, а не совершенство механическихъ манипуляцій; ретирада же будетъ тѣмъ упорнѣе, чѣмъ менѣе она признается въ принципѣ и чѣмъ въ войскахъ строже на нее взглядъ.

Развитіе въ войскахъ упорства, настойчивости—проводится въ «Наукѣ побѣждать» отъ первой до послѣдней строки съ замѣчательною послѣдовательностью и вниманіемъ. Слѣдуя своей руководящей мысли, Суворовъ и въ этихъ качествахъ старается развить активное начало, такъ какъ пассивнымъ упорствомъ русскій солдатъ и безъ того отличался искони. Въ связи съ та-

кимъ требованіемъ излагаются пріемы и наставленія, имѣющіе цѣлью между прочимъ воспитать и укрѣпить въ духовной натурѣ людей, особенно начальниковъ, рѣшимость, которая прямо содѣйствуетъ активной дѣятельности и порождаетъ иниціативу. Быть рѣшительнымъ во-время и въ пору, безъ колебаній и потери времени, очень трудно, а принимать быстро рѣшеніе, соотвѣтствующее данному случаю—и того труднѣе, для многихъ же и вовсе не достижимо по свойствамъ натуры. Между тѣмъ рѣшаться скоро, хоть бы выбирая и не лучшее изъ средствъ, — есть дѣло совершенной необходимости въ живомъ военномъ искуствѣ вообще, а при Суворовскомъ взглядѣ на это искуство—въ особенности. Суворовъ за то не распространяется въ аргументаціи по этому предмету, а напираетъ вездѣ на быстротѣ дѣйствій, слѣдовательно и рѣшеній, какъ на истинѣ безусловно вѣрной. Извѣдавъ долгимъ опытомъ, въ какой сильной степени рѣшительный образъ дѣйствій электризуетъ и подымаетъ духъ въ собственныхъ войскахъ, а на противника наводитъ опасеніе, вселяя въ него излишнюю осторожность и робкую осмотрительность,—Суворовъ даетъ въ этомъ смыслѣ и краткіе совѣты, въ родѣ: «атакуй, съ чѣмъ Богъ послалъ».

Но чтобы рѣшительность въ выборѣ мѣръ и затѣмъ въ самомъ дѣйствіи, какъ можно болѣе соотвѣтствовала обстоятельствамъ, требуется подкрѣпить ее находчивостью, сообразительностью, короче говоря — смѣткой. Обладая самъ необыкновенной военной смѣткой, т.-е. глазомѣромъ, и сознавая, что въ своемъ поприщѣ онъ много былъ обязанъ именно этому качеству, Суворовъ ставитъ его чрезвычайно высоко въ ряду другихъ, необходимыхъ для военнаго человѣка. Онъ внушаетъ своимъ подчиненнымъ, что хотя военное искуство состоитъ въ умѣньи одолѣвать непріятеля, но что есть много враговъ, въ ряду которыхъ непріятель занимаетъ далеко не первое мѣсто; что страшнѣе непріятеля—«богадѣльня» (госпиталь), а опаснѣе богадѣльни—«проклятая немогузнайка, намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вѣжливка». Вся эта вереница словъ изображаетъ цѣпь понятій, отрицающихъ точность, опредѣлительность, положительное знаніе, и обозна-

чающихъ уклончивость, неподвижность ума, лѣность мысли, страхъ отвѣтственности и т. под. Самымъ опаснымъ изъ этихъ «враговъ» Суворовъ считалъ «немогузнайство», питая къ нему ненависть искреннюю и глубокую. Преслѣдуя горячо этотъ недостатокъ, какъ обозначающій отсутствіе находчивости и смѣтливости, а потому чрезвычайно вредный для каждаго, Суворовъ такъ увлекался своею ненавистью и нетерпѣливымъ характеромъ, что впадалъ въ крайность противуположную, задавая неожиданные вопросы о количествѣ рыбы въ рѣкѣ, грибовъ въ лѣсу и т. под. Однако слѣдуетъ замѣтить, что отвѣты скорые, но глупые или пошлые, хотя и зажимали ему ротъ, но нисколько не удовлетворяли и не служили въ пользу обнаруживавшаго находчивость подобнаго свойства. Тѣмъ не менѣе «немогузнайство» постоянно претило Суворову, и что дальше, то больше, такъ что подъ конецъ жизни онъ подъ этимъ словомъ уже разумѣлъ чуть ли не всѣ человѣческіе недостатки и прибѣгалъ къ разнымъ забавнымъ пріемамъ для уменьшенія ихъ прилипчивости, въ родѣ открыванія оконъ, несмотря на сильный морозъ, окуриванія ладономъ и т. под.

Основавъ свою военно-педагогическую теорію на элементѣ нравственномъ, т.-е. на закалкѣ человѣческой души и на развитіи въ духовной натурѣ человѣка активныхъ боевыхъ качествъ, Суворовъ паралельно съ этимъ вырабатывалъ и внѣшнюю сторону дѣла. Важность «экзерциціи» онъ оцѣнялъ можно сказать больше, чѣмъ кто либо другой, и именно потому, что имѣлъ свою собственную, строго-осмысленную систему военнаго воспитанія, которой у другихъ не было. О необходимости хорошей подготовки войскъ на учебномъ полѣ, онъ заявляетъ въ своей «Наукѣ», внушая подчиненнымъ, что «ученье—свѣтъ, а неученье—тьма», даетъ наставленія о соблюденіи интерваловъ, о сохраненіи вездѣ строя и т. под. Но онъ не усложняетъ уставную оболочку дѣла, а упрощаетъ; не предлагаетъ ничего новаго въ *механизмѣ* обученія, а указываетъ только на его *направленіе* и на способы *приложенія*. Онъ требуетъ не слѣпого, а осмысленнаго исполненія устава, т.-е. спрашиваетъ то же самое, чему училъ Петръ Великій, грозившій жестокими нака-

заніями тѣмъ, кто будетъ держаться устава «яко слѣпой стѣны».

Настаивая на цѣлесообразности приложенія уставныхъ правилъ къ дѣлу обученія, Суворовъ этимъ самымъ настаивалъ и на простотѣ обученія, потому что и то и другое сводится къ исполненію лишь требуемаго боевой практикой, боевая же практика очень не сложна. «Солдаты ученье любятъ», пишетъ онъ Турчанинову: «лишь бы кратко и съ толкомъ» [5]). Краткость и простота обученія не служатъ однако у Суворова синонимомъ «легкости», потому что по его выраженію: «легко въ ученьѣ— тяжело въ походѣ, тяжело въ ученьѣ — легко въ походѣ». Въ «Наукѣ побѣждать» поэтому нисколько не избѣгаются «трудности»; за то въ ней нѣтъ ничего, не вызываемаго боевою надобностью, а есть все, что не нюхавшій порохового дыма новобранецъ можетъ встрѣтить въ военномъ походѣ и на боевомъ полѣ. По этой «Наукѣ», солдатъ усвоиваетъ смыслъ уставныхъ правилъ не абстрактный, а прикладной; во время ученья онъ находится постоянно въ обстановкѣ на столько близкой къ боевой, на сколько то возможно при мирныхъ упражненіяхъ; курсъ его сжатъ, но весьма полонъ, потому что знакомитъ съ разновидностями и даже со случайностями боя во-очію. Солдату не нужно слово, котораго онъ, безъ приложенія къ дѣлу, или не понимаетъ, или не усвоиваетъ, а потому Суворовъ даетъ ему въ руки прямое дѣло, въ видѣ примѣровъ на всѣ случаи. Солдатъ знакомится съ атаками разныхъ родовъ войскъ; онъ не только ихъ видитъ и понимаетъ, но и ощущаетъ, потому что испытываетъ извѣстную долю сопряженныхъ съ ними впечатлѣній. И цѣль всякаго дѣйствія, и средства къ ея достиженію усвоиваются имъ легко, вслѣдствіе наглядности способовъ ознакомленія; если же, какъ при односторонней атакѣ, онъ не видитъ цѣли, то по крайней мѣрѣ знаетъ ее: ему немногое остается предполагать или воображать. Отъ него не спрашивалось ничего лишняго противъ практическихъ требованій военнаго времени, даже мирной регулярности и стройности эволюцій и особенно атакъ. Не прибѣгая къ способамъ искуственнымъ, которые не научаютъ тому, для ознакомленія съ чѣмъ назначены, Суворовъ

естественнымъ путемъ освоивалъ свои войска съ «боевымъ безпорядкомъ».

Такимъ образомъ, между механическими пріемами обученія и нравственными требованіями, дѣйствующими воспитательно на духовную натуру человѣка, «Наука побѣждать» проводила всюду единство и непрерывающуюся связь. Выучивая это наставленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствуя въ полномъ съ нимъ согласіи на учебномъ полѣ, войска знакомились одновременно и съ теоріей и съ практикой военнаго дѣла, безъ сомнѣній или недоумѣній въ умѣ, безъ колебаній въ волѣ. Отличительнымъ свойствомъ всей системы были именно внутренняя стройность и осмысленность, и если многіе не усматриваютъ тутъ ничего, кромѣ грубой силы, отрицающей искуство, то причиною тому или предвзятость мысли, или легковѣсность критики. Укажемъ для примѣра на одну частность. Изъ трехъ направленій атаки — въ лобъ, во флангъ и въ тылъ, «Наука побѣждать» отдаетъ предпочтеніе двумъ послѣднимъ; если же Суворовъ учитъ не бояться первой и употребляетъ ее чаще, чѣмъ другія, то это потому, что въ бою она труднѣе, а войска должны быть пріучены именно къ средствамъ труднымъ, требующимъ большой моральной силы. И дѣйствительно, въ «Наукѣ» все направлено въ эту сторону; даже способъ изложенія—«лети, рви, ломи, скачи»—даетъ наставленію характеръ стремительности, бурной мощи, а именованіе тяжелой солдатской ноши, ранцевъ, — «вѣтрами», показываетъ, что матеріяльныя препятствія не принимаются въ счетъ при нравственномъ возбужденіи. Слогъ «Науки побѣждать» краткій, прерывистый, понятный для насъ лишь послѣ многократнаго чтенія, но онъ былъ вполнѣ вразумителенъ для Суворовскихъ войскъ, привыкшихъ къ оригинальной діалектикѣ своего предводителя. «Наука» не читалась, а произносилась устно; приложите къ Суворовскому слогу должную интонацію, и смыслъ каждой фразы сдѣлается ясенъ.

На ученьяхъ и маневрахъ Суворовъ производилъ марши, контръ-марши, обходныя движенія, развертывалъ фронтъ, свертывалъ колонны, выстраивалъ каре и т. д., т. е. исполнялъ эволюціи, требуемыя уставомъ, значитъ дѣлалъ тоже самое, что

дѣлалось въ другихъ частяхъ русской арміи и во всѣхъ иностранныхъ. Но все это у него имѣло смыслъ предварительныхъ фазисовъ обученія, ведущихъ къ одной конечной цѣли—атакѣ, до которой онъ и доходилъ сколько возможно скорѣе и прямѣе. А такъ какъ быстрота движеній и дѣйствій считалась у него однимъ изъ главнѣйшихъ условій всякаго хорошо-подготовленнаго войска, то вообще его учебныя упражненія, а тѣмъ паче предварительныя, не могли быть продолжительны вслѣдствіе усталости людей. Требовалось приберечь ихъ силы къ концу ученья, ибо при атакахъ развивалась двойная быстрота и энергія. Атаки, какъ и вообще маневры, бывали иногда одностороннія, но съ обозначеніемъ какими-нибудь признаками противника, большею же частію двустороннія. Въ послѣднемъ случаѣ обѣ стороны, которымъ досталось быть противниками, строились развернутымъ фронтомъ, или въ каре, или въ колонны разной глубины. Колоннъ къ атакѣ не было, употреблялись колонны походныя, длина фронта которыхъ измѣнялась по обстоятельствамъ, да и глубина тоже; хвостъ колонны служилъ головѣ резервомъ. Нормальнымъ строемъ былъ развернутый. Суворовъ не послѣдовалъ за Французами того времени, не принялъ колонну исключительнымъ строемъ для атаки, вѣроятно потому, что форма строя для атаки въ штыки не имѣетъ большого значенія для войскъ, получившихъ хорошую боевую подготовку и отличающихся крѣпостью духа, а Суворовскія войска именно этими качествами и обладали. Построившись какъ приказано, обѣ стороны одновременно начинали движеніе впередъ и, сблизившись на сотню шаговъ, бросались въ атаку по командѣ начальниковъ, пѣхота бѣгомъ, кавалерія галономъ. Пѣхота держала ружья на-руку и только въ моментъ встрѣчи съ противникомъ поднимала штыки, что было строго приказано, такъ какъ иначе многочисленныя несчастія были неизбѣжны.

Непремѣннымъ условіемъ сквозной атаки было ускоренное, безостановочное движеніе до самой встрѣчи и дальше. Остановка передъ встрѣчей значила бы, что войска замялись передъ ударомъ, т. е. именно то, противъ чего и было направлено обученіе;

тоже самое обозначало бы и замедленіе движенія. Кромѣ того, чтобы подобная фронтальная атака служила точнымъ подобіемъ настоящей, люди атакующихъ войскъ должны были въ моментъ встрѣчи идти прямо другъ на друга, не принимая въ сторону. Не дозволялось также вздваиваніе частей и рядовъ, для образованія интерваловъ къ свободному прохожденію атакующихъ сторонъ насквозь, какъ это было принято европейскими воинскими уставами, при смѣнѣ боевыхъ линій подъ непріятельскимъ огнемъ. Такая уступка вовсе не соотвѣтствовала задачѣ Суворова, который и самой смѣны боевыхъ линій не допускалъ, какъ противорѣчащей его боевымъ принципамъ. Только передъ самой встрѣчей, каждый пѣхотинецъ дѣлалъ въ родѣ полуоборота на право, что вмѣстѣ съ неизбѣжнымъ, при быстромъ движеніи, нѣкоторымъ размыканіемъ рядовъ, давало людямъ обѣихъ атакующихъ сторонъ возможность *протиснуться* и пройти насквозь.

Сквозныя атаки были не безопасны, если атакующія стороны состояли, одна — изъ пѣхоты, а другая — изъ конницы, или обѣ изъ конницы. При дѣйствіи пѣхоты противу пѣхоты, и движеніе было менѣе стремительно, и образованіе промежутковъ между рядами легче. Когда же конница неслась на пѣхоту, а пѣхота бѣжала ей на встрѣчу съ опущенными штыками, очень трудно было соблюсти всю иллюзію атаки, т. е. не допускать не только остановки, но и колебанія передъ самымъ ударомъ. Съ этою цѣлью, для образованія интерваловъ, фланговые люди кавалеріи принимали на скаку вправо и влѣво, что дозволяло и серединѣ разомкнуть нѣсколько ряды, до момента встрѣчи съ пѣхотой. Еще труднѣе становился маневръ, когда обѣ атакующія стороны состояли изъ конницы, потому что быстрое ихъ движеніе, при мало-мальски недостаточныхъ интервалахъ, грозило неловкимъ и оплошнымъ ѣздокамъ большою опасностью. Нерѣдко происходила настоящая свалка, съ выбитыми изъ сѣдла людьми, съ помятыми ногами и особенно съ поврежденными колѣнями; иной изъ пострадавшихъ не въ состояніи былъ ходить нѣсколько дней, случалось что и нѣсколько недѣль.

Трудноисполнимость сквозныхъ атакъ увеличивалась еще тѣмъ, что онѣ происходили при ружейномъ и артиллерійскомъ огнѣ. Облака порохового дыма иногда такъ густо обволакивали атакующихъ, что сообразиться съ интервалами было совсѣмъ нельзя, и тогда число несчастныхъ случаевъ возрастало. При встрѣчной атакѣ кавалеріи и пѣхоты, опасности подвергалась конечно больше пѣхота, а потому пѣхотинцы, вопреки положительному приказанію, мѣстами прибѣгали къ вздваиванію рядовъ, въ надеждѣ, что въ дыму и пыли это не будетъ замѣчено, въ чемъ часто и не обманывались. Буква Суворовскаго приказа такимъ образомъ не исполнялась, но духъ его солдаты все-таки усвоивали, потому что дѣлали описанныя отступленія тайкомъ, сознавая ихъ незаконность. Случалось также, что фронтъ атакующей кавалеріи слишкомъ растягивался, такъ что мѣстами разрывался; замѣтивъ это, ближайшіе люди пѣхоты толпою устремлялись въ образовавшіеся промежутки. Во всякомъ случаѣ, строгаго порядка и педантической регулярности во всѣхъ этихъ движеніяхъ не могло быть, да они и не требовались, потому что Суворовъ добивался не мирной чистоты маневра, а сходства его съ боемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настаивалъ, чтобы безпорядокъ прекращался какъ можно скорѣе, и чтобы батальоны или эскадроны были немедленно послѣ атаки готовы къ новому удару. Благодаря качествамъ обученія, это достигалось вполнѣ. Со стороны, на нѣкоторомъ разстояніи, было замѣтно лишь волнообразное движеніе линій при встрѣчѣ и свалкѣ, и затѣмъ, при дальнѣйшемъ движеніи все приходило въ прежній порядокъ въ самомъ скоромъ времени. Зритель не могъ себѣ ясно представить, какимъ образомъ эти массы людей и лошадей могли пронестись одна черезъ другую безъ большихъ бѣдъ. И дѣйствительно, подобный способъ обученія войскъ не могъ обойтись безъ несчастныхъ случаевъ, но они бывали не такъ часто, какъ слѣдовало бы ожидать, судя по наружнымъ признакамъ. Суворовъ понималъ, что миновать ихъ невозможно; тѣмъ не менѣе, когда кто нибудь падалъ во время атаки съ коня,—въ немъ, Суворовѣ, замѣчали невольное движеніе безпокойства; но все-таки онъ не измѣнялъ своего метода, ибо былъ

до такой степени убѣжденъ въ его цѣлесообразности, что скрѣпя сердце приносилъ мелкія жертвы крупной пользѣ.

Цѣль Суворова достигалась; сходство его учебныхъ атакъ съ боемъ было поразительное и для людей бывалыхъ. Бурная стремительность движеній; видъ несущихся другъ противъ друга массъ съ поднятыми саблями и опущенными въ полчеловѣка штыками, безъ соблюденія строгой регулярности; ружейные и пушечные выстрѣлы; застилающій всю картину пороховой дымъ; безостановочный переходъ атаки въ свалку, при крикахъ офицеровъ: «коли, руби», и раскатывающемся по рядамъ атакующихъ «ура»;—все это близко знакомило войска съ видомъ, требованіями и ощущеніями боя. Даже несчастные случаи, при всемъ желаніи ихъ избѣжать, содѣйствовали общему впечатлѣнію, особенно когда, по прискорбному стеченію обстоятельствъ, подобіе боя облекалось въ слишкомъ реальную форму. А это тоже изрѣдка случалось. Однажды, на двустороннемъ маневрѣ подъ Тульчиномъ, Суворовъ командуя одною стороною, велъ ее въ атаку, построивъ въ колонны. Описывающій это очевидецъ, молодой и расторопный офицеръ, задыхался отъ быстроты движенія, былъ весь въ поту и едва поспѣвалъ за наступающею пѣхотой; по его словамъ, такая удивительная скорость марша напоминала настоящее дѣло и происходила несомнѣнно отъ присутствія Суворова, которое электризовало войска. Артиллерія двигалась въ интервалахъ между колоннами, на высотѣ ихъ головныхъ частей, и производила жаркій огонь, но по прошествіи немногихъ минутъ отстала и очутилась шаговъ на сто позади линіи войскъ. Суворова нисколько это обстоятельство не озадачило и не заставило замедлить маршъ, чтобы огнемъ артиллеріи подкрѣплять атаку; по всей вѣроятности, въ энергіи пѣхотной атаки онъ видѣлъ больше залоговъ побѣды, чѣмъ въ слабой дѣйствительности выстрѣловъ артиллеріи, содѣйствіе которой приходилось покупать дорогою цѣной. Только одна батарея, двигавшаяся въ близкомъ сосѣдствѣ Суворова, не отстала отъ пѣхоты и, гордясь этимъ, употребляла не человѣческія усилія, чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ, продолжая стрѣлять и наступать. Можетъ быть

вслѣдствіе этой торопливости, одно орудіе, дурно пробаненное, произвело неожиданный выстрѣлъ, отъ котораго 5 человѣкъ артиллерійской прислуги повалилось на землю. Но таково было обученіе Суворовскихъ войскъ, что моментально при орудіи явились другіе люди, и оно продолжало движеніе и дѣйствіе наравнѣ съ прочими, какъ ни въ чемъ не бывало.

Другой разъ произошелъ случай иного свойства. Кавалерійскій полкъ, никогда не служившій подъ начальствомъ Суворова, прибылъ въ тульчинскій лагерь. Суворовъ назначилъ ему на другой день смотръ, т.-е. ученье въ видѣ двусторонняго маневра противъ кавалерійскаго же полка, хорошо обученнаго. Командиръ новоприбывшаго полка, убоясь, что его не проходившій Суворовскую школу полкъ не угодитъ грозному начальнику, приказалъ выдать своимъ людямъ, передъ ученьемъ, по порядочной порціи водки, для смѣлости. Водка произвела дѣйствіе; полку приходилось атаковать нѣсколько разъ, и атаки эти сопровождались не малымъ числомъ сабельныхъ ударовъ направо и налѣво. Къ счастію, по мирному времени, палаши и сабли не были отточены, иначе произошло бы много бѣдъ. Отъ Суворова скрыли эту подробность, а онъ самъ ее не замѣтилъ, или вѣрнѣе сказать, при наметанности его взгляда, сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ.

Кромѣ двустороннихъ маневровъ съ обоими наступающими противниками, Суворовъ воспроизводилъ на своихъ ученьяхъ и другіе виды боя. Пассивная оборона была не въ его духѣ, ибо рѣшающійся ограничиться обороной, какъ бы признаетъ превосходство противника и обнаруживаетъ сомнѣніе въ своихъ собственныхъ силахъ; но при неизбѣжности частныхъ оборонительныхъ дѣйствій даже въ наступательномъ бою, никакъ нельзя отрицать подобныхъ случаевъ и не давать о нихъ понятіе при обученіи. Поэтому у Суворова пѣхота часто выжидала атакующую конницу стоя на мѣстѣ, причемъ главный пріемъ обученія состоялъ въ открытіи огня на самомъ близкомъ разстояніи отъ налетавшаго противника. Въ программу его «Науки побѣждать» входили также штурмованіе и оборона укрѣпленій. Для этого возводились земляные окопы по всѣмъ правиламъ, съ глубокими

рвами, усиленные разными вспомогательными преградами въ видѣ палисадовъ, рогатокъ, засѣкъ, нѣсколькихъ рядовъ волчьихъ ямъ и т. под. Укрѣпленіе вооружалось артиллеріей и оборонялось пѣхотой. Атаки укрѣпленныхъ мѣстъ открытою силой—есть вообще дѣло трудное и кровопролитное, къ которому прибѣгаютъ рѣдко; но трудность чего-либо была для Суворова лишнею причиной для включенія въ программу мирнаго обученія войскъ. Учить тому, что считается исключеніемъ изъ правила и на что отваживаются въ рѣдкихъ случаяхъ, значило пріобрѣтать то, чего противники не имѣютъ. Но строго логичный въ своей военно-воспитательной системѣ, которая допускала оборонительный способъ дѣйствій лишь условно, Суворовъ поставилъ правиломъ, чтобы защитники штурмуемаго укрѣпленія, непремѣнно переходили затѣмъ къ активной роли, т.-е. дѣлались атакующими, а прежде-атаковавшіе—обращались въ обороняющихся.

Если Суворовъ не могъ выкинуть изъ программы обученія войскъ штурмовъ, то тѣмъ болѣе должны были входить въ нее всякаго рода упражненія ночью. Ночной бой имѣетъ ту особенность, что въ немъ не видно, кто изъ противниковъ сильнѣе, да и огнестрѣльное дѣйствіе, производимое на-удачу, значитъ очень мало: отвага и смѣлость одни одерживаютъ побѣду. Это какъ разъ подходило къ взглядамъ Суворова, и еще съ самаго начала своей боевой карьеры онъ не пренебрегалъ ночными военными дѣйствіями, какъ оружіемъ, въ обращеніи съ которымъ другіе не искусны. Въ ночномъ бою бываетъ столько случайностей, неожиданностей и даже такъ возможны катастрофы, что требуются отъ войскъ особенныя выдержанность и самообладаніе, — опять-таки лишній резонъ для Суворова сдѣлать его предметомъ обученія. Поэтому онъ повторялъ свои дневныя упражненія въ самыя темныя ночи, не исключая и штурмовъ, такъ какъ и дѣйствительные штурмы производилъ по ночамъ, передъ разсвѣтомъ. Ночные маневры у него всегда оканчивались, подобно дневнымъ, атакою холоднымъ оружіемъ; къ сожалѣнію неизвѣстно, какіе пріемы употреблялись для сходства учебной атаки съ боевой, такъ какъ сквозныя атаки едва

ли были исполнимы въ ночную темноту, безъ какихъ-нибудь перемѣнъ въ вышеобъясненномъ способѣ ихъ производства.

Воспитывая въ войскахъ энергію, настойчивость, упорство, и проводя для этого въ обученіе исключительно наступательный элементъ, Суворовъ не только отбрасывалъ все, напоминающее отступленіе, но и клеймилъ это понятіе злѣйшими сарказмами. «Ретираду» онъ ненавидѣлъ едвали не больше «немогузнайства» и старался свою ненависть перелить въ подчиненныхъ. Не любилъ онъ и слова défensive, увѣряя, что на русскомъ языкѣ соотвѣтственнаго слова нѣтъ, а «ретираду» произносилъ не иначе, какъ зажмурясь и на-распѣвъ. Однажды, при объѣздѣ на югѣ войскъ, онъ былъ встрѣченъ гдѣ-то молодымъ кавалерійскимъ офицеромъ. Суворовъ любилъ въ подобныхъ случаяхъ задавать разные озадачивающіе вопросы, чтобы испытать находчивость, и теперь обратился къ офицеру съ вопросомъ: «что такое ретирада»? Офицеръ отвѣчалъ, что не знаетъ [6]). Суворовъ готовъ былъ разразиться какой-нибудь рѣзкой выходкой, какъ офицеръ прибавилъ: «въ нашемъ полку это слово неизвѣстно, я его тамъ никогда не слыхалъ». «Хорошій полкъ», сказалъ Суворовъ успокоившись: «очень хорошій полкъ», а потомъ замѣтилъ: «въ первый разъ немогузнайка доставилъ мнѣ истинное удовольствіе». Этотъ взглядъ на злокачественность самаго понятія о ретирадѣ, издавна уже заставлялъ Суворова проектировать маневры такъ, чтобы отступательныхъ движеній не было; вмѣсто нихъ практиковались, какъ мы видѣли въ одной изъ главъ, обходные или боковые марши и вообще какой-нибудь пріемъ, хотя бы сшитый бѣлыми нитками, лишь бы предохранить дѣвственность воинскаго чувства отъ растлѣвающаго прикосновенія ретирады. Сквозныя атаки между прочимъ вполнѣ удовлетворяли этому условію; тамъ никто не отступалъ, всѣ шли впередъ, обѣ стороны были побѣдителями, потому что проходили насквозь одна черезъ другую и затѣмъ продолжали движеніе шаговъ съ сотню. Такой порядокъ маневра имѣлъ еще одно выгодное свойство, достигнуть котораго Суворову было очень важно. Обѣ стороны остановившись, поворачивались лицомъ другъ къ другу, т.-е. на третью шеренгу, и снова шли въ атаку; такимъ образомъ

задняя шеренга дѣлалась переднею, привыкала встрѣчаться съ противникомъ лицомъ къ лицу, и войска предохранялись отъ пагубнаго впечатлѣнія, которое обыкновенно производитъ внезапное появленіе непріятеля въ тылу. Въ понятіяхъ Суворовскихъ войскъ, привыкшихъ ходить въ атаку безразлично на заднюю и на переднюю шеренгу, этой слабой стороны не существовало, или по крайней мѣрѣ она была ощутительно парализована, что и подтверждалось не только послѣднею Польскою войною, но и обѣими Турецкими.

Брезгливость Суворова по отношенію къ ретирадамъ распространялась и на всякія движенія назадъ, хотя бы они вовсе не обозначали отступленія. Во время движенія, выдвинувшіеся впередъ люди не осаживались ни въ какомъ случаѣ, а по нимъ должны были равняться другіе, хотя бы цѣлый батальонъ. Тоже самое правило было обязательно и для войскъ, стоящихъ на мѣстѣ. «Шагъ назадъ—смерть», говорилъ Суворовъ: «впередъ 2, 3, 10 шаговъ дозволяю». Войска, послужившія подъ Суворовымъ, знали это правило твердо; новичковъ онъ испытывалъ и ловилъ. Разъ онъ направился верхомъ прямо на фронтъ, какъ бы желая черезъ него проѣхать насквозь; офицеръ, видя голову лошади у самаго фронта, приказалъ одному ряду вздвоить, отойдя назадъ. «Подъ арестъ», закричалъ взбѣшонный Суворовъ: «этотъ немогузнайка зачумитъ всю армію, учитъ ретирадѣ» [7]). Съ такою же тщательностью онъ оберегалъ войска отъ всякихъ намековъ и на другія вредныя понятія, напримѣръ отъ допущенія возможности понести пораженіе. Руководясь этой мыслью, онъ напримѣръ никогда не дозволялъ смѣны линій одной другою, и въ апрѣлѣ 1796 года писалъ Хвостову, по поводу одного дошедшаго до него изъ Варшавы слуха: «у В. Х. Дерфельдена, по выѣздѣ моемъ изъ Варшавы, хотя пріѣзжіе увѣряли, что онъ держится моихъ правилъ, – при прусскомъ Фавратѣ задняя линія смѣняла переднюю, якобы сія побита была; а сей строй ему отъ меня выше иного запрещенъ былъ» [1]). Точно также онъ сильно стоялъ за быстроту движеній, видя въ ней одно изъ средствъ возбужденія въ войскахъ боевой энергіи и подъема духа. Поэтому, замѣтивъ у одного изъ подчиненныхъ генераловъ «разводъ въ

двѣ шеренги, безъ штыковъ, шагъ тише», онъ не преминулъ сообщить о такомъ непониманіи дѣла своему племяннику. О князѣ Репнинѣ дошли изъ Литвы подобные же слухи, и Суворовъ снова пишетъ: «у князя Репнина экзерциціи нѣтъ, но приказано—тихій маршъ и залпы, опасное и вредное; мои, кои къ нему достались, очень пеняютъ». Послѣднему можно повѣрить, не считая эту фразу продиктованною авторскимъ самолюбіемъ. Суворовское обученіе было не только въ высокой степени логично, слѣдовательно понятно, но и усвоивалось сознательно, за чѣмъ онъ постоянно и слѣдилъ.

Изыскивая всѣ способы для освоиванія войскъ съ тѣмъ, что отъ нихъ потребуется передъ лицомъ непріятеля, онъ училъ кавалерію рубить, а пѣхоту колоть. Но такъ какъ обученіе этому дѣлу съ нанесеніемъ ударовъ въ пустомъ пространствѣ, не имѣло бы наглядности и реальнаго значенія, то приготовлялись чучелы изъ соломы и вязкой земли, на которыя пѣхота и конница (особенно послѣдняя) и ходили въ атаку. При этомъ обученіи требовалось исполненіе непремѣннаго условія—наносить удары не останавливаясь и продолжать движеніе, что опять таки совершенно отвѣчало основнымъ мыслямъ «Науки побѣждать». Онъ требовалъ также, вопреки близорукимъ толкователямъ его афоризма «пуля дура, штыкъ молодецъ»,—чтобы пѣхота какъ можно чаще упражнялась въ цѣльной стрѣльбѣ, потому что и при тогдашнихъ ружьяхъ стрѣльба могла быть болѣе мѣткою и менѣе мѣткою, и высшая степень мѣткости зависѣла отъ хладнокровія и отсутствія торопливости при прицѣливаніи. Суворовъ училъ (съ этими его мыслями мы уже встрѣчались), что громкая трескотня на-вѣтеръ не устрашаетъ, а ободряетъ непріятеля, который оцѣняетъ силу нашего огня лишь по числу выбиваемыхъ изъ строя людей. Суворовъ разумѣлъ, что подобная стрѣльба кромѣ того дурно характеризуетъ нравственное настроеніе стрѣляющихъ, и есть признакъ плохой на тотъ случай, если придется ударить въ штыки. Снабженіе арміи патронами, особенно при плохой организаціи этой части въ ту эпоху, представляло большія трудности, и Суворовъ учитъ беречь пулю «на цѣлую кампанію», стрѣлять «рѣдко, да мѣтко», имѣя въ виду конечно

и то, что выпускать пули изъ дула, особенно на авось, можетъ всякій, не исключая и трусовъ, а сойтись на штыкъ въ состояніи только люди крѣпкіе духомъ. Слѣдовательно Суворовъ не противуставлялъ штыкъ пулѣ, не исключалъ однимъ другую, а только указывалъ на относительныя ихъ свойства въ примѣненіи въ бою, и такимъ образомъ изреченіе его—«пуля дура, штыкъ молодецъ»—остается совершенно вѣрнымъ.

Огнестрѣльному дѣйствію кавалеріи онъ не придавалъ почти никакого значенія и съ первыхъ своихъ кампаній указывалъ ей на холодное оружіе, какъ на единственное, къ ней подходящее. Тѣмъ не менѣе онъ не упускалъ изъ виду и цѣльную стрѣльбу кавалеристовъ съ сѣдла, имѣющую примѣненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ боевой кавалерійской службы, а потому при атакѣ конницею чучелъ, приказывалъ иногда стрѣлять въ нихъ на скаку изъ пистолетовъ. Упражненіе это производилось впрочемъ очень рѣдко.

Говоря объ экзерциціяхъ войскъ подъ начальствомъ князя Репнина, Суворовъ назвалъ любимые Репнинымъ залпы пѣхоты «опасными». При долгомъ заряженіи ружей съ дула и при малой дальности тогдашняго ружейнаго выстрѣла, когда пѣхота могла встрѣчать залпомъ атакующую конницу почти въ моментъ самаго удара,—залпы дѣйствительно представлялись опасными для войскъ не выдержанныхъ, чему на глазахъ Суворова бывали и примѣры. Однако онъ все-таки ихъ употреблялъ, такъ какъ при отраженіи кавалерійскихъ атакъ, нельзя было безъ нихъ обойтись. Противоядіемъ въ настоящемъ случаѣ служилъ воспитательный методъ Суворова, дѣлавшій войска стойкими и близко знакомыми со штыкомъ, такъ что дурная сторона залповъ значительно сглаживалась. Но и при залпахъ слѣдовало заботиться о наибольшей мѣткости огня, одновременнаго же прицѣливанія отъ всего строя требовать невозможно; поэтому Суворовъ, какъ косвенно подтверждается нѣкоторыми мѣстами «Науки побѣждать», практиковалъ не общепринятый, а свой собственный залпъ. Когда произносилась команда, то каждый солдатъ долженъ былъ выстрѣлить, но не иначе, какъ порядочно прицѣлившись и не гоняясь за одновременностью звука всѣхъ выстрѣ-

ловъ. Такимъ образомъ выпускались всѣ пули по числу ружей, но предполагалось, что не на-вѣтеръ, ибо никто не торопилъ, кромѣ скачущей непріятельской конницы. Эфектъ звука утрачивался въ нѣкоторой степени, а эфектъ непріятельской потери увеличивался.

Хотя настоящая глава не имѣетъ предметомъ своимъ всесторонняго разсмотрѣнія Суворовскаго катехизиса въ частностяхъ, но нельзя не упомянуть еще про то производительное пользованіе каждой минутой привала (во время походныхъ движеній), которое Суворовъ предписывалъ къ руководству. Правило это цѣликомъ взято имъ изъ практики военнаго времени, въ чемъ имѣются свидѣтельства, слѣдовательно подобно всѣмъ прочимъ положеніямъ «Науки побѣждать», оно имѣло живое значеніе.

Полнаго и систематическаго курса Суворовскаго обученія войскъ, отъ перваго шага до послѣдняго, представить по неимѣнію данныхъ нѣтъ возможности, но и изъ сказаннаго на предшествовавшихъ страницахъ можно вывести заключеніе, что школа Суворова была школой не только самообладанія, энергіи и упорства, но и живого, прикладного знанія каждымъ своего дѣла. Знали не много, какъ разъ сколько было нужно на войнѣ, но знали въ совершенствѣ. Бой не представлялся для Суворовскихъ войскъ новостью; военныя качества, пріобрѣтаемыя войсками послѣ долгихъ кампаній, выражаемыя терминомъ *обстрѣленныя войска*, были Суворовскимъ солдатамъ присущи до открытія военныхъ дѣйствій въ такой степени, что разность между ними и *обстрѣленными* низводилась до минимума. Хорошо выученные рекруты стоили старыхъ, бывалыхъ солдатъ. Суворовскіе воспитанники атаковали съ несокрушимой энергіей, встрѣчали атаки спокойно и твердо. Неожиданностей для нихъ не существовало, ибо все было предусмотрѣно въ мирномъ обученіи; строй не имѣлъ слабыхъ частей, потому что въ людей, изъ которыхъ строй составляется, было вкоренено понятіе, что фронтъ тамъ, откуда появился непріятель. Общностью и всѣми частностями обученія влито въ офицеровъ и солдатъ сознаніе, что однимъ огнемъ не добьешься побѣды, и что въ этомъ убѣжденіи

заключается ихъ превосходство надъ всякимъ непріятелемъ; отрицаніемъ самой мысли о возможности отступленія, ретирада сдѣлана временнымъ фазисомъ боя, ей придано лучшее ея качество—упорство, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченъ переходъ въ наступленіе при первой возможности. Все обученіе было до послѣдней степени просто; оно требовало, при пониманіи основной мысли, много вниманія, но мало времени. Дурная его сторона заключалась въ возможности несчастныхъ случаевъ съ людьми, особенно съ новичками; но несчастные случаи не были часты, и неизбѣжность ихъ объяснялась не суетными требованіями эфекта отъ мирнаго зрѣлища, какъ это бывало и бываетъ у другихъ, а дѣйствительно-достигаемыми боевыми цѣлями. Не одни люди, но и лошади получали въ Суворовской школѣ боевую выдержку. Пріучившись проноситься, при ружейномъ и артиллерійскомъ огнѣ, чрезъ пѣхотные ряды, онѣ не заминались, не ортачились и передъ непріятельскимъ фронтомъ, встрѣчавшимъ кавалерію огнемъ съ близкаго разстоянія. Всѣ эти результаты были бы не достижимы, если бы въ основной мысли и пріемахъ обученія лежало невѣрное, сочипенное начало, или если бы вся учебная система сводилась къ формамъ одной механической дрессировки. Надо сознаться также и въ томъ, что они, результаты, не были бы такъ полны и въ томъ случаѣ, если бы все дѣло исходило не отъ такого непререкаемаго, авторитетнаго лица, какъ всегда побѣдоносный Суворовъ.

Вѣра солдатъ въ Суворова не знала предѣловъ; выросла она главнымъ образомъ на побѣдахъ его долгаго поприща, но содѣйствовали тому и другія характерныя особенности его личности. Онъ былъ на столько же генераломъ, насколько и солдатомъ; не впадая въ афектацію можно сказать, что наиболѣе соотвѣтствующее ему званіе или названіе было бы *солдатъ-фельдмаршалъ*. Въ сочетаніи этихъ двухъ понятій и заключается тайна его изумительнаго господства надъ войсками и полное себѣ подчиненіе коллективной воли множества людей. Частности его жизни, нѣкоторые обычаи и привычки, разныя причудливыя выходки и неразборчивыя дурачества могли не нравиться кому угодно, но только не солдатамъ. Умный Суво-

ровъ очень хорошо это понималъ и въ этомъ направленіи не стѣснялся. На разводахъ, ученьяхъ, маневрахъ, когда его побуждала необходимость, онъ исполнялъ естественныя надобности, не заботясь о присутствіи публики и какъ бы указывая солдатамъ, что и они, выполняя требованія природы, не дѣлаютъ ничего худого. Только будучи чистоплотенъ до брезгливости, онъ споласкивалъ послѣ того руки и вытиралъ ихъ полотенцемъ. Точно также, находясь передъ солдатами въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, вышитомъ золотомъ по всѣмъ швамъ, обвѣшанный орденами и осыпанный брильянтами на сотни тысячъ рублей, онъ не стѣснялся сморкаться по солдатски, двумя пальцами. Даже въ обиходѣ военной службы онъ напоминалъ во многомъ солдата; принимая представляющихся, или рапорты, или выслушивая какое нибудь служебное объясненіе, онъ стоялъ «стрѣлкой», съ плотно сжатыми каблуками, раздвинутыми носками и съ приложенною по уставу правою рукою къ козырьку гренадерской каски.

Онъ приходился солдатамъ по сердцу между прочимъ и потому, что не вмѣшивался въ разныя мелочи ни на учебномъ полѣ, ни на квартирахъ, и не любилъ, чтобы и другіе придирались къ солдатамъ и офицерамъ изъ за пустяковъ, на что обыкновенно бываетъ много охотниковъ. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ много общаго съ Потемкинымъ; но Потемкинъ баловалъ солдатъ, попуская имъ многое важное, Суворовъ же отличался большою строгостью во взысканіяхъ, за проступки противъ существенныхъ требованій военной службы. Это не наносило ущерба его популярности въ средѣ войскъ, скорѣе напротивъ. Вообще онъ былъ болѣе требователенъ къ высшимъ, чѣмъ къ низшимъ, такъ какъ отъ первыхъ исходитъ на послѣднихъ и добро, и зло. Старшимъ офицерамъ и генераламъ было трудно служить съ Суворовымъ, не навлекая на себя по временамъ его неудовольствія, какъ по его требовательности, такъ и по свойству самыхъ требованій, въ которыхъ было много необычнаго, лично Суворову принадлежащаго. Къ ихъ числу принадлежала необходимость быстрыхъ, точныхъ и толковыхъ отвѣтовъ на дѣлаемые Суворовымъ вопросы и скорая сообразительность при

полученіи отъ него приказаній; послѣднее было иногда очень трудно, особенно для новичковъ, потому что языкъ Суворова отличался прихотливой конструкціей, сжатостью и лаконизмомъ. А между тѣмъ то и другое требовалось во имя смѣтки и находчивости,—первостепенныхъ качествъ военнаго человѣка. «Если кто теряется отъ одного слова», говорилъ Суворовъ: «то на что же онъ будетъ годенъ при неожиданной непріятельской атакѣ?» Привыкали и къ слову, и даже просто къ звуку голоса или къ жесту; пріучались, подъ опасеніемъ ѣдкихъ сарказмовъ, понимать и приказанія въ формѣ намековъ, чуть не загадокъ. Однажды, въ послѣ-обѣденное время, Суворовъ кликнулъ дежурнаго адъютанта. Адъютантъ вошелъ къ нему въ спальню, которая служила въ тоже время и кабинетомъ; Суворовъ умывался и полощась въ водѣ, спросилъ: «завтра субота?» «Да, ваше сіятельство», отвѣчалъ адъютантъ. «Пушки не боялись бы лошадей, а лошади пушекъ», сказалъ Суворовъ, продолжая умываться и замолчалъ. Адъютантъ вышелъ, послалъ за дежурнымъ по тульчинскому лагерю и сказалъ ему, что на завтра назначается ученье кавалеріи противъ артиллеріи [4]).

Нельзя не упомянуть взаключеніе еще объ одномъ средствѣ, которое Суворовъ употреблялъ и для наставленія своихъ войскъ, и для укрѣпленія въ нихъ своей популярности. Послѣ каждаго развода, ученья или смотра, онъ держалъ передъ войсками рѣчь, иногда короткую, но иногда и длинную, съ часъ и больше. Темою для рѣчи служило прежде всего только что оконченное ученье; Суворовъ дѣлалъ замѣчанія, указывалъ на ошибки и переходя отъ частностей къ общему, въ подробности излагалъ отличительныя свойства хорошаго служиваго, какъ офицера, такъ и солдата, и условія, которымъ тотъ и другой должны удовлетворять. Затѣмъ онъ обращался къ давно прошедшему, припоминалъ и указывалъ ошибки, сдѣланныя тѣмъ или другимъ полкомъ въ томъ или другомъ дѣлѣ, подъ его, Суворова, начальствомъ; выставлялъ также подвиги или примѣры поучительные, достойные подражанія, и хвалилъ тѣхъ, кто оказалъ такое отличіе. Послѣ всего онъ сводилъ рѣчь на военное искусство вообще и излагалъ существенныя его основанія, указывая

и на нѣкоторыя частности. Затѣмъ войска распускались по домамъ.

Голосъ Суворова не отличался силою, ни рѣчь плавностью; говорилъ онъ кратко, отрывисто, какъ бы отдѣльными сентенціями или поговорками, совершенно такъ, какъ написана его «Наука побѣждать». Оттого его не могли слышать и понимать на большомъ разстояніи, но когда одинъ изъ иностранцевъ высказалъ сожалѣніе, что такими наставленіями могутъ воспользоваться лишь немногіе, то Суворовъ разубѣдилъ его. «Довольно и того, что передніе офицеры и солдаты меня услышатъ и поймутъ», сказалъ онъ: «вечеромъ они передадутъ смыслъ моихъ словъ товарищамъ, а завтра будетъ ихъ знать вся армія». Лицо, записавшее это объясненіе, прибавляетъ, что Суворовъ сказалъ истинную правду, и что рѣчи его служили между солдатами предметомъ разговоровъ, сильно ихъ интересуя. И дѣйствительно солдаты, съ чувствомъ гордости и удовольствія видѣвшіе, что фельдмаршалъ обращается прямо къ нимъ и удостоиваетъ ихъ частыми и долгими поученіями, не могли пропускать мимо ушей его наставленій, тѣмъ паче, что на каждомъ шагу убѣждались въ ихъ справедливости и вѣрности.

Нельзя взаключеніе не замѣтить, что въ могущественное значеніе и силу своего военно-педагогическаго метода Суворовъ вѣрилъ вполнѣ и совершенно, почти столько же, какъ и въ свое личное военное дарованіе. Онъ признавалъ возможнымъ, что его войска будутъ и безъ него, съ другимъ начальникомъ, побѣдоносны, если хорошо имъ, Суворовымъ, обучены. Косвенныхъ доказательствъ такого убѣжденія можно бы привести много, но довольно будетъ указать на одно прямое. Онъ пишетъ Хвостову: «я экзерцирую, *симъ непріятеля бью;* я выэкзерцирую войска, ихъ могутъ отъ меня отбирать, и *ими они будутъ бить;* для того мнѣ не надлежитъ экзерцировать. Коли жъ вдругъ мнѣ самому надлежать будетъ драться, не поспѣю выэкзерцировать, будетъ бѣда, какъ подъ Кинбурномъ. Постигая вѣрно, что я буду дѣйствовать безъ препонъ, остался бы я при моей экзерциціи. Сумнительно, — не хочу я на иныхъ работать и *моимъ хребтомъ ихъ прославлять*». Положимъ, всѣ эти

сомнѣнія и колебанія нельзя принимать за чистую монету, потому что Суворовымъ руководили неудовольствіе и подозрительность, но въ основаніи все таки остается глубокое убѣжденіе педагога въ непогрѣшимой вѣрности принятаго имъ метода [8]).

Изложенныя въ настоящей главѣ данныя, соображенія и выводы могутъ быть легко повѣрены; стоитъ только привести ихъ въ связь съ предшествовавшею военною жизнью Суворова. Царствованіе Екатерины заключаетъ въ себѣ наибольшую долю военнаго поприща Суворова и для подобныхъ сопоставленій даетъ матеріалъ болѣе чѣмъ достаточный. Повѣрка показываетъ, что военно-педагогическій методъ Суворова былъ неизмѣнно одинъ и тотъ же и служилъ образомъ и подобіемъ его характерной боевой дѣятельности. Но соотвѣтствіе это не было замѣчено и оцѣнено почти никѣмъ изъ его современниковъ, какъ не была оцѣнена самая дѣятельность, благодаря именно ея оригинальнымъ, конкретнымъ свойствамъ. «На войнѣ все просто, но эта простота дается трудно», говоритъ одинъ военный писатель. Суворову эта трудная простота далась сразу, онъ даже почти не вырабатывалъ ее опытомъ; но она осталась непонятой другими, продолжавшими упорно смотрѣть на военное искуство чрезъ призму Фридриховскихъ традицій, сохранившихъ однѣ омертвѣлыя формы. Въ виду всего этого и ради полноты представленія о Суворовскомъ обученіи войскъ, въ связи съ ихъ образомъ дѣйствій на боевомъ полѣ, приведемъ выдержку изъ мнѣній иностранцевъ, имѣвшихъ случаи наблюдать самого Суворова и его войска въ послѣднюю Польскую войну, т. е. непосредственно передъ тѣмъ временемъ, которое въ настоящей главѣ описывается. Коротенькая записка эта, составленная по отзывамъ Пруссаковъ и отчасти Австрійцевъ, была представлена въ Петербургъ въ 1796 году и доложена Императрицѣ. Авторъ ея—маіоръ Вронскій, тотъ самый, что подалъ доносъ на злоупотребленія Суворовской администраціи. По словамъ записки — Суворовъ есть разумнѣйшій, добродѣтельнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, который однако имѣетъ слабость по себѣ судить о другихъ и потому не допускаетъ мысли, что его могутъ обманывать, тогда какъ его жестоко обманываютъ. Онъ преисполненъ

военныхъ дарованій, не подражаетъ правиламъ обыкновенной тактики «и стремится открыть путь къ новому военному обороту». Онъ не любитъ сложныхъ маневровъ, требующихъ большого размышленія, а расчитываетъ преимущественно на смѣлую и быструю атаку, отчего и прибѣгаетъ къ такимъ средствамъ, какъ штурмъ или ударъ пѣхоты на кавалерію линіею и кареемъ. Всѣ подобныя новости должны сильно удивлять тѣхъ, кто къ нимъ не привыкъ. Самый выдающійся его недостатокъ — своенравіе, а большое достоинство — во мгновеніе ока узнавать истинное состояніе непріятеля и схватывать слабыя его стороны. Что касается до его войскъ, то по твердости, выносливости и послушанію, русскій солдатъ безспорно первый въ мірѣ. Кавалерія русская способнѣе брать батареи, чѣмъ наносить пораженіе пѣхотѣ, въ чемъ имѣетъ преимущество предъ прусскою и австрійскою. Суворовскія войска, особенно конница, не соблюдаютъ въ атакѣ ни линій, ни дистанцій, ни порядка и часто не заботятся о своихъ флангахъ. Они могутъ быть побѣждены тотчасъ по одержаніи ими побѣды, потому что не наблюдаютъ порядка и предаются пьянству; но до сего времени имъ приходилось имѣть дѣло только съ такими противниками, которые не умѣли пользоваться этой слабой ихъ стороной. Коль скоро русская армія въ разстройствѣ, она будетъ непремѣнно побита, потому что забыла про ретирады; даже генералы не имѣютъ понятія объ отступленіи и того ради принуждены всегда атаковать. При скопленіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ, подобныя войска могутъ сильно потерпѣть. Побѣды надъ русскими войсками можно достигнуть лишь съ помощью, во первыхъ, маневрированія, не допускающаго ихъ до атакъ холоднымъ оружіемъ, во вторыхъ—ретирадъ, способныхъ ихъ завлечь, и въ третьихъ—сильнаго, безпрестаннаго огня, котораго больше всего боятся казаки. Можно еще замѣтить, что Русскіе слишкомъ привыкли къ своему «ура», прислушались къ этому боевому крику и употребляютъ за-урядъ то, что надо приберегать для однихъ важныхъ случаевъ[9]).

Едва ли нужны коментаріи на эту характеристику Суворова и его войскъ послѣ объясненій, изложенныхъ на предшество-

вавшихъ страницахъ. Но изъ того, что отчасти сказано критиками прямо, а еще больше изъ того, что сквозитъ въ ихъ словахъ, можно догадываться, какое внушительное впечатлѣніе производилъ Суворовъ со своими войсками не только на противниковъ, но и на стороннихъ наблюдателей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Екатерина II и Павелъ Петровичъ; 1754—1797.

Дѣтскіе годы Павла Петровича; недостатки, обнаружившіеся въ немъ съ ранняго возраста; двукратное супружество; вліяніе на Павла Петровича каждой изъ супругъ; заграничныя путешествія; дурные ихъ слѣды.—Взаимное отчужденіе Екатерины и Павла; сосредоточеніе послѣдняго на гатчинскихъ войскахъ; увлеченіе прусскимъ образцомъ; выработка односторонняго, формальнаго взгляда.—Несогласимость взглядовъ матери и сына; кончина Императрицы Екатерины; ея духовное завѣщаніе.—Воцареніе Павла Петровича; перемѣны въ политикѣ; рѣзкое измѣненіе общественной жизни и отправленія службы; щедрыя награды и опалы.—Изнанка Екатерининскаго времени по военной части.—Необходимость реформъ.—Военныя преобразованія Павла I; хорошія и дурныя ихъ стороны; заурядное употребленіе крайнихъ мѣръ; результатъ преобразовательной дѣятельности.

Ноября 6 Императрица Екатерина скончалась; на престолъ вступилъ сынъ ея, Павелъ Петровичъ.

Павелъ Петровичъ родился въ 1754 году и съ самыхъ юныхъ лѣтъ обнаруживалъ зачатки тѣхъ качествъ, которыя впослѣдствіи сдѣлались характеристическими его особенностями. Ни отецъ его, ни мать, не отличались привязанностью къ своему сыну и мало слѣдили за его воспитаніемъ; однако онъ былъ обставленъ и веденъ, какъ вообще дѣти его высокаго положенія, и имѣлъ при себѣ главнымъ наставникомъ и наблюдателемъ человѣка съ выдающимися достоинствами, Никиту Панина. Педагогическая критика нашла бы много ошибочнаго въ системѣ первоначальнаго воспитанія Павла, но

это въ настоящемъ случаѣ къ дѣлу не идетъ, потому что въ воспитаніи почти всякаго другого царственнаго ребенка можно указать на такіе же или однородные недостатки, а между тѣмъ Павелъ вышелъ не похожимъ на другихъ. Достаточно замѣтить, что указаній на систематическую порчу духовной натуры Павла Петровича съ младенческихъ лѣтъ—не существуетъ.

Съ ранняго возраста въ немъ замѣчена перемѣнчивость и непостоянство. Онъ безпрестанно переходилъ съ одного предмета на другой и не имѣлъ почти ни къ чему терпѣливаго вниманія. Представлялось дѣломъ гораздо болѣе легкимъ — понравиться Павлу, пріобрѣсти его расположеніе и привязанность, чѣмъ сохранить эту привязанность на долгое время. Онъ былъ чрезвычайно воспріимчивъ и горячъ, съ большимъ трудомъ сдерживалъ свои порывы и принималъ всякаго рода рѣшенія весьма быстро и необдуманно. Ему была присуща настойчивость, которую скорѣе можно назвать капризомъ воли, чѣмъ ея твердостью; онъ съ трудомъ сносилъ отказы или необходимость подождать, потерпѣть. Не углубляясь въ предметъ своего вниманія, онъ прельщался больше его внѣшностью и склоненъ былъ находить въ людяхъ дурныя стороны со словъ другихъ, особенно если наговоры дѣлались ловко, не прямымъ обращеніемъ къ нему, Павлу, а въ видѣ разговора двухъ лицъ между собою. При всемъ своемъ непостоянствѣ въ поступкахъ и занятіяхъ, Павелъ обнаруживалъ однакоже склонность преимущественно къ военному дѣлу.

Въ послѣдующее время, т.-е. въ возрастѣ юношескомъ, эти черты его характера развиваются и дополняются. Въ немъ несомнѣнно видѣнъ острый умъ, хорошая память, чувствительное сердце; въ его взглядахъ, сужденіяхъ и поступкахъ сквозитъ что-то рыцарски-благородное; но все это оттѣняется большими недостатками. Въ умѣ его, не мелкомъ и не узкомъ, не достаетъ однакоже порядка; характеръ, который несправедливо было бы назвать слабымъ, тѣмъ не менѣе лишонъ всякой выдержки и служитъ игралищемъ воображенія. Образованіе Павла Петровича не глубокое, воображеніе развилось въ ущербъ

положительному мышленію; впечатлѣнія легко воспринимаются, скользятъ и затѣмъ забываются; серьезнаго убѣжденія нѣтъ, а вмѣсто него упрямство. Перемѣнчивость и непостоянство Павла Петровича поддерживаются подозрительностью и недовѣрчивостью, ибо слѣдуя совѣтамъ другихъ, онъ бывалъ неоднократно обманутъ; вспыльчивость и раздражительность уже составляютъ рѣзкую его особенность.

Двукратная женитьба не измѣнила Павла Петровича. Первая супруга, Наталья Алексѣевна, не имѣла привязанности ни къ нему, ни къ его матери, не оказывала Императрицѣ подобающаго уваженія, управляла мужемъ деспотически, болѣе прежняго разстроила отношенія его къ матери и увеличила горечь въ его сердцѣ. Второй бракъ, съ Маріей Федоровной, одаренной богатыми душевными качествами, повліялъ на Павла Петровича въ началѣ благодѣтельно, такъ что при контрастѣ распущеннаго, безнравственнаго Екатерининскаго двора, семейная жизнь Павла Петровича и его супруги не замедлила привлечь къ нимъ симпатіи петербургскаго не придворнаго общества. Но это продолжалось не вѣчно, какъ увидимъ ниже [1]).

Цесаревичъ предпринималъ между прочимъ двукратное путешествіе за границу; однако вояжи эти не послужили лекарствомъ въ извѣстномъ направленіи, а скорѣе на-оборотъ. Правда, супруги обогатили себя познаніями, осматривая все достойное вниманія и находясь безпрестанно въ сообществѣ ученыхъ, писателей, художниковъ; но Павелъ усвоилъ ультрааристократическія идеи и вкусы, которые между тѣмъ отживали въ то время, наканунѣ французской революціи, свои послѣдніе годы. Еще большій вредъ ему нанесло личное знакомство съ Фридрихомъ Великимъ, которое, да позволено будетъ такъ выразиться, совершенно обратило его въ прусскую военную вѣру. Присутствіе геніальнаго короля-полководца, скромно называвшаго себя инвалидомъ; размѣренныя движенія маневрировавшихъ войскъ; доведенная до апогея стройность; отсутствіе отдѣльнаго человѣка, исчезавшаго въ массѣ, и доведеніе массы до значенія машины,—все это поражало и изумляло. Закон-

ченная система, вытекавшая изъ условій организаціи арміи, ея быта и особенностей положенія Прусскаго государства, была очень наглядна и доступна для пониманія большинства; въ ней все было размѣрено, урегулировано и при помощи тщательной дрессировки приведено къ механической исполнительности. Цесаревичъ былъ въ полномъ восторгѣ и не зналъ какъ выразить свое восхищеніе. Онъ сдѣлался такимъ же «пруссакомъ», какимъ былъ его отецъ, и простеръ свое увлеченіе до того, что копировалъ Фридриха Великаго во всемъ, даже въ мелочахъ костюма и въ посадкѣ на конѣ. Такому нежелаемому обращенію наслѣдника Русскаго престола въ «пруссака», много способствовалъ также пышный пріемъ и почести во владѣніяхъ Фридриха, къ которымъ Павелъ Петровичъ не привыкъ на родинѣ; въ Пруссіи его прославляли и воспѣвали какъ ни одного германскаго принца, и совсѣмъ вскружили ему голову. Впечатлѣніе на этотъ случай оказалось такимъ полнымъ и прочнымъ, что не могло быть сглажено ничѣмъ и не ограничилось одной военной системой. Во время второго заграничнаго путешествія цесаревича, Австрійскій императоръ и его родственники въ Неаполѣ, Флоренціи, Парижѣ, Пармѣ и Голландіи усиленно старались привлечь его на сторону Австріи, но безъ всякаго успѣха: пруссофильство его осталось незыблемымъ [2]).

Не на радость возвращался цесаревичъ оба раза домой. Еще будучи 10-лѣтнимъ ребенкомъ, онъ сознавался, что ему у матери скучно, что онъ чувствуетъ себя въ ея присутствіи связаннымъ; потомъ, войдя въ юношескій возрастъ, онъ могъ уже сознательно оцѣнить эту ненормальность, тѣмъ паче, что условія, на которыхъ она коренилась, съ годами умножались или выяснялись. Послѣ заграничнаго путешествія стало еще хуже. Екатерина, всегда строго державшаяся приличій, не считала этого обязательнымъ въ отношеніи къ сыну, часто была къ нему невнимательна, суха, иногда принимала даже тонъ государыни. Холодность между матерью и сыномъ увеличивалась и переходила въ чувство непріязненное. Екатерина выказывала Павлу Петровичу не только равнодушіе, но и

пренебреженіе, а къ супругѣ его, своей невѣсткѣ, относилась зачастую съ какимъ-то оттѣнкомъ оскорбительнаго снисхожденія, которое маскировало зависть или сознаніе, что Марья Федоровна обладаетъ семейными добродѣтелями, которыхъ у нея, Екатерины, нѣтъ. Со своей стороны Павелъ не скрывалъ и не могъ скрыть отъ нея чувства отчужденія и иногда прямо выказывалъ свое неудовольствіе, а это ни къ чему доброму конечно не вело, ибо сила реванша и репрессалій находилась на сторонѣ Екатерины. Никто не могъ быть ему дѣятельнымъ союзникомъ, а противъ него были фавориты-временщики, которые обращались съ нимъ и его супругой какъ съ лицами, не имѣющими никакого значенія, а кому изъ нихъ не хватало ума и честнаго чувства, тотъ даже не удерживался отъ дерзостей и оскорбленій [1]).

Цесаревичъ не имѣлъ ни опредѣленныхъ государственныхъ занятій, ни какого либо дѣлового значенія. Онъ носилъ званіе генералъ-адмирала, но въ управленіи морскою частью не принималъ участія; ему было предоставлено право пожалованія орденомъ св. Анны, учрежденнымъ его дѣдомъ, герцогомъ Карломъ Фридрихомъ, но право сводилось къ подписыванію грамотъ, а назначеніемъ ордена Екатерина распоряжалась сама. Цесаревичъ не присутствовалъ ни въ совѣтѣ, ни въ сенатѣ; лишь изрѣдка Государыня говорила съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ, да дважды въ недѣлю являлся онъ къ ней для слушанія депешъ русскихъ посланниковъ. Она не любила, если кто либо обращался къ цесаревичу съ просьбами или искалъ у него заступничества, и зорко слѣдила, чтобы этого не было. Павелъ Петровичъ сталъ больше и больше уходить въ самого себя; но его внутренній строй не могъ дать ему ни утѣшенія, ни успокоенія, а только усиливалъ желчь и гнѣвъ. Цесаревичъ уединился въ загородныхъ дворцахъ Павловска и Гатчины и предался своему наиболѣе любимому, военному дѣлу, такъ какъ въ этой сферѣ у него уже сложились свои непререкаемые идеалы. Онъ сформировалъ нѣсколько полковъ пѣхоты и кавалеріи, части пѣшей и конной артиллеріи и флотилію; все это приводилось въ исполненіе медленно, исподволь; полки имѣли микроскопическіе размѣры въ періодъ

ченная система, вытекавшая изъ условій организаціи арміи, ея быта и особенностей положенія Прусскаго государства, была очень наглядна и доступна для пониманія большинства; въ ней все было размѣрено, урегулировано и при помощи тщательной дрессировки приведено къ механической исполнительности. Цесаревичъ былъ въ полномъ восторгѣ и не зналъ какъ выразить свое восхищеніе. Онъ сдѣлался такимъ же «пруссакомъ», какимъ былъ его отецъ, и простеръ свое увлеченіе до того, что копировалъ Фридриха Великаго во всемъ, даже въ мелочахъ костюма и въ посадкѣ на конѣ. Такому нежелаемому обращенію наслѣдника Русскаго престола въ «пруссака», много способствовалъ также пышный пріемъ и почести во владѣніяхъ Фридриха, къ которымъ Павелъ Петровичъ не привыкъ на родинѣ; въ Пруссіи его прославляли и воспѣвали какъ ни одного германскаго принца, и совсѣмъ вскружили ему голову. Впечатлѣніе на этотъ случай оказалось такимъ полнымъ и прочнымъ, что не могло быть сглажено ничѣмъ и не ограничилось одной военной системой. Во время второго заграничнаго путешествія цесаревича, Австрійскій императоръ и его родственники въ Неаполѣ, Флоренціи, Парижѣ, Пармѣ и Голландіи усиленно старались привлечь его на сторону Австріи, но безъ всякаго успѣха: пруссофильство его осталось незыблемымъ [2]).

Не на радость возвращался цесаревичъ оба раза домой. Еще будучи 10-лѣтнимъ ребенкомъ, онъ сознавался, что ему у матери скучно, что онъ чувствуетъ себя въ ея присутствіи связаннымъ; потомъ, войдя въ юношескій возрастъ, онъ могъ уже сознательно оцѣнить эту ненормальность, тѣмъ паче, что условія, на которыхъ она коренилась, съ годами умножались или выяснялись. Послѣ заграничнаго путешествія стало еще хуже. Екатерина, всегда строго державшаяся приличій, не считала этого обязательнымъ въ отношеніи къ сыну, часто была къ нему невнимательна, суха, иногда принимала даже тонъ государыни. Холодность между матерью и сыномъ увеличивалась и переходила въ чувство непріязненное. Екатерина выказывала Павлу Петровичу не только равнодушіе, но и

пренебреженіе, а къ супругѣ его, своей невѣсткѣ, относилась зачастую съ какимъ-то оттѣнкомъ оскорбительнаго снисхожденія, которое маскировало зависть или сознаніе, что Марья Федоровна обладаетъ семейными добродѣтелями, которыхъ у нея, Екатерины, нѣтъ. Со своей стороны Павелъ не скрывалъ и не могъ скрыть отъ нея чувства отчужденія и иногда прямо выказывалъ свое неудовольствіе, а это ни къ чему доброму конечно не вело, ибо сила реванша и репрессалій находилась на сторонѣ Екатерины. Никто не могъ быть ему дѣятельнымъ союзникомъ, а противъ него были фавориты-временщики, которые обращались съ нимъ и его супругой какъ съ лицами, не имѣющими никакого значенія, а кому изъ нихъ не хватало ума и честнаго чувства, тотъ даже не удерживался отъ дерзостей и оскорбленій [1]).

Цесаревичъ не имѣлъ ни опредѣленныхъ государственныхъ занятій, ни какого либо дѣлового значенія. Онъ носилъ званіе генералъ-адмирала, но въ управленіи морскою частью не принималъ участія; ему было предоставлено право пожалованія орденомъ св. Анны, учрежденнымъ его дѣдомъ, герцогомъ Карломъ Фридрихомъ, но право сводилось къ подписыванію грамотъ, а назначеніемъ ордена Екатерина распоряжалась сама. Цесаревичъ не присутствовалъ ни въ совѣтѣ, ни въ сенатѣ; лишь изрѣдка Государыня говорила съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ, да дважды въ недѣлю являлся онъ къ ней для слушанія депешъ русскихъ посланниковъ. Она не любила, если кто либо обращался къ цесаревичу съ просьбами или искалъ у него заступничества, и зорко слѣдила, чтобы этого не было. Павелъ Петровичъ сталъ больше и больше уходить въ самого себя; но его внутренній строй не могъ дать ему ни утѣшенія, ни успокоенія, а только усиливалъ желчь и гнѣвъ. Цесаревичъ уединился въ загородныхъ дворцахъ Павловска и Гатчины и предался своему наиболѣе любимому, военному дѣлу, такъ какъ въ этой сферѣ у него уже сложились свои непререкаемые идеалы. Онъ сформировалъ нѣсколько полковъ пѣхоты и кавалеріи, части пѣшей и конной артиллеріи и флотилію; все это приводилось въ исполненіе медленно, исподволь; полки имѣли микроскопическіе размѣры въ періодъ

лучшаго ихъ процвѣтанія, а офицерами въ нихъ опредѣлялись, по словамъ современника, «почти оборышъ изъ арміи». Цесаревичъ одѣлъ свои войска по прусскому образцу и ввелъ прусскій уставъ. Обученіе и служба производились съ выполненіемъ послѣднихъ мелочей, при весьма строгой оцѣнкѣ; все опредѣлялось уставомъ и инструкціями; требовалось одно повиновеніе да исполнительность, и офицерамъ внушалось, что они ничто иное, какъ машина. Гатчинскія войска были совершеннымъ антиподомъ тогдашнихъ русскихъ войскъ вообще, Суворовскихъ въ особенности. Взысканія отличались безпощадною строгостью; въ этомъ отношеніи помощники и подручники цесаревича далеко его превосходили. Каждый гатчинецъ былъ постоянно на вытяжкѣ, всегда при какомъ нибудь дѣлѣ и подъ страхомъ отвѣтственности; служба отнимала все его время, ибо доведена была до послѣдней степени педантства и обставлена массою формальностей, которымъ придавалось важное значеніе. И обученіе, и смотры утратили смыслъ военныхъ приготовительныхъ упражненій, перестали быть средствомъ для достиженія въ будущемъ военныхъ цѣлей, а сами сдѣлались какъ бы конечной цѣлью. Маленькіе размѣры полковъ и другихъ частей не препятствовали цесаревичу съ полною серьезностью смотрѣть на свою гатчинскую гвардію и производить съ нею всевозможные эволюціи и маневры. Иногда они бывали и сухопутные и водяные, съ десантами и вообще съ довольно сложными задачами, какъ напримѣръ въ 1796 году маневръ, извѣстный подъ названіемъ: «на гатчинскихъ водахъ». Вообще же и эти упражненія и сами гатчинскія войска, съ ихъ физіономіею и особенностями, обнаруживали въ Павлѣ Петровичѣ страсть къ военному дѣлу почти того же характера, какая была у отца его, т.-е. доходила иногда до значенія дѣтской игры [3]).

Екатерина не мѣшала воинскимъ забавамъ Павла Петровича уже по одному тому, что они повидимому должны были отвлечь его вниманіе отъ занятій государственныхъ и избавить ее отъ присутствія критика, большею частью безмолвнаго, но непримиримаго. На какіе нибудь насильственные съ его стороны поступки она, зная своего сына, не разсчитывала, и потому гатчинской

военной силѣ не придавала никакого значенія, тѣмъ болѣе, что гатчинскія войска пользовались въ средѣ преданной ей гвардіи большой антипатіей и были мишенью постоянныхъ сарказмовъ. Не войска Павла Петровича, ничтожныя по своей численности, были причиною опасеній Екатерины, а самъ Павелъ, устраненный временно отъ престола дворско-военнымъ переворотомъ 1762 года. Въ царствованіе Екатерины не совсѣмъ исчезло сознаніе о правахъ Павла на престолъ; мысль объ этомъ проявлялась временами въ толкахъ, пересудахъ народныхъ и въ заговорахъ отдѣльныхъ лицъ; Пугачовщина тоже признавала права Павла. Все это оставалось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, но не могло не производить въ Екатеринѣ нѣкоторой тревоги и поддерживало ея недовѣріе къ сыну, чему со своей стороны содѣйствовали и лица, имѣвшія на нее вліяніе, такъ какъ прочность ихъ положенія зависѣла отчасти отъ этой розни.

Впрочемъ инсинуаціи и наговоры могли имѣть значеніе развѣ только въ началѣ; для объясненія послѣдующаго времени они совсѣмъ не нужны. Рознь, посѣлившаяся на благодарной почвѣ, сама себя питаетъ и роститъ, ибо сама родитъ новыя причины вдобавокъ къ прежнимъ, если прежнія остаются не искорененными. Въ этомъ круговоротѣ недоразумѣній, неудовольствій, подозрѣній—довольно трудно различить, что именно дѣйствуетъ какъ причина и что является послѣдствіемъ: и первая, и послѣднее безпрестанно смѣшиваются и взаимно замѣняются. Отстраненіе наслѣдника престола отъ государственныхъ дѣлъ, говоря принципіально, должно быть поставлено Екатеринѣ въ крупную вину; но нельзя не сознаться, что содѣйствіе цесаревича было бы отрицательнымъ, такъ какъ онъ осуждалъ сплошь почти все, что она дѣлала. Во вторую половину своего царствованія, Екатерина придерживалась сближенія съ Австріей, а Павелъ былъ неотвратимый пруссофилъ; Екатерина вела безпрестанныя войны и расширяла предѣлы государства, Павелъ былъ противъ этого; Екатерина отличалась щедростью къ своимъ выдающимся слугамъ и сотрудникамъ (хотя бы при несправедливой оцѣнкѣ заслугъ),—Павелъ стоялъ за строгую экономію, говоря, что «доходы государственные—государства, а не госу-

даря». Екатерина предоставляла высшимъ военнымъ начальникамъ большую инициативу и просторъ въ дѣйствіяхъ; Павелъ подалъ ей записку о необходимости ограничивать каждаго, отъ фельдмаршала до рядового, подробными на все инструкціями, а на все не указанное инструкціями, испрашивать высочайшее повелѣніе, и такимъ образомъ «дать имъ способъ быть хорошими, отнявъ способъ быть дурными». Онъ проектировалъ нѣчто въ родѣ военныхъ поселеній, осуждалъ существовавшій способъ комплектованія арміи несвободными людьми и предпочиталъ вербовать иностранныхъ наемниковъ. Говоря о правѣ дворянъ служить и не служить, Павелъ Петровичъ замѣтилъ, что «свобода должна быть однако управляема прямымъ понятіемъ оной, которое не инымъ пріобрѣтается, какъ воспитаніемъ, но оное не можетъ быть инымъ управляемо, какъ фундаментальными законами, а сего послѣдняго нѣтъ». Вообще не только система управленія Екатерины, но склонности и связи Государыни, ея образъ жизни,—все служило Павлу темою для осужденія.

Правъ онъ былъ или нѣтъ, это все равно; для него первое даже было хуже, потому что должно было больнѣе дѣйствовать на Екатерину, по пословицѣ: «правда глаза колетъ». Выслушивая сына, что бывало рѣдко, а больше узнавая про его взгляды и сужденія отъ великаго множества охотниковъ подслужиться на его счетъ, Государыня убѣждалась все болѣе въ глухой, пассивной, но упорной опозиціи наслѣдника и укрѣплялась въ мысли о необходимости устранить его отъ престола, чтобы онъ потомъ не испортилъ все ею сдѣланное. Хотя со вступленіемъ Екатерины на престолъ, присяга приносилась не только ей, но и наслѣднику ея Павлу, однако это обстоятельство не могло служить серьезнымъ препятствіемъ къ замышляемой перемѣнѣ, и Государыня остановилась на мысли о назначеніи себѣ преемникомъ внука, великаго князя Александра Павловича. Тайное ея предположеніе или намѣреніе не миновало молвы, да еслибъ его и вовсе не существовало, то такого рода слухи были бы неизбѣжны; они естественно должны были возникнуть изъ всѣмъ извѣстныхъ взаимныхъ отношеній Государыни и ея сына. Не замедлила молва дойти и до Павла Петровича, да и послѣ, при разныхъ подходя-

щихъ случаяхъ, снова возникала. Такое постоянство летучихъ слуховъ, обыкновенно перемѣнчивыхъ, служило дурнымъ предзнаменованіемъ для Павла Петровича [1]).

Для того, чтобы такъ поступить съ сыномъ, Екатеринѣ ничего не требовалось, кромѣ рѣшимости, потому что закона о правильномъ престолонаслѣдіи не было. Екатерина собиралась издать законъ о преемствѣ престола и изложила нѣкоторые его пункты, но онъ остался до ея кончины не законченнымъ или по крайней мѣрѣ не обнародованнымъ. Такимъ образомъ, на основаніи «Правды воли монаршей» Петра Великаго, Государыня обладала несомнѣннымъ правомъ избирать себѣ преемника и могла воспользоваться этимъ правомъ со спокойною совѣстью, потому что видѣла въ своемъ сынѣ такіе капитальные недостатки, которые, по ея искреннему убѣжденію, дѣлали для государства весьма опаснымъ переходъ верховной власти въ его руки. Но убѣжденіе это Павелъ Петровичъ разумѣется не раздѣлялъ и смотрѣлъ на него какъ на новую, самую большую несправедливость въ ряду другихъ, которыя ему приходилось испытывать. Онъ видѣлъ всѣ недостатки своей матери; въ его положеніи они заслоняли ея достоинства, и онъ не могъ къ нимъ относиться сколько нибудь снисходительно. Онъ имѣлъ возможность постоянно наблюдать ея тщеславіе выше всякой мѣры, славолюбіе въ ущербъ пользѣ и самолюбіе, похожее на самообожаніе; она была часто несправедлива и пристрастна; любила разорительную пышность; щедрость ея къ фаворитамъ переходила въ мотовство, которое разстроивало государственное хозяйство и дурно отражалось на внутренней политикѣ; это однакоже не мѣшало Государынѣ быть скупой по отношенію къ сыну. Внутренняя жизнь двора представляла зрѣлище распущенности и безпорядка; самыя низкія эгоистическія побужденія прикрывались маскою лицемѣрія и выражались подобострастіемъ и беззастѣнчивою лестью, на которую Екатерина ловилась особенно легко. Годы не укрощали ея страстей, а усиливали; слабость ея въ этомъ отношеніи доходила до болѣзненныхъ проявленій, которыя наполняли сыновнее сердце горечью и негодованіемъ, такъ какъ въ немъ не было уже мѣста для всепрощаю-

щей любви. Все это видѣлъ, сознавалъ и ощущалъ Павелъ Петровичъ, но былъ безсиленъ измѣнить, а потому поневолѣ подчинялся, возлагая надежды на будущее. Но роковая воля Императрицы грозила ему такимъ же безсиліемъ и въ будущемъ; съ этимъ онъ помириться не могъ.

Такимъ образомъ цесаревичъ все рѣже имѣлъ душевный покой, все больше подвергался напору тревожныхъ мыслей и чувствъ. Онъ настойчивѣе прежняго удалялся въ уединеніе своихъ загородныхъ дворцовъ и находился почти постоянно въ мрачномъ расположеніи духа; подозрительность и раздражительность его росли. Въ началѣ онъ проявлялъ замѣтную наклонность къ пріобрѣтенію популярности; теперь наступила другая крайность — невниманіе и пренебреженіе къ окружающимъ лицамъ; онъ даже отталкивалъ своихъ сыновей грубыми выходками и пренебрежительнымъ съ ними обращеніемъ. Воображеніе его было наполнено видѣніями и призраками; малѣйшее противорѣчіе производило вспышки гнѣва; столкновенія съ разными лицами сдѣлались нормальнымъ явленіемъ; всюду ему чудились недостатокъ уваженія къ нему, непочтительность, революціонное направленіе; четыре офицера были посажены подъ арестъ за революціонныя тенденціи, выразившіяся въ недостаточной длинѣ косичекъ. Онъ не могъ уже находить прежняго успокоенія и въ семьѣ, потому что сталъ отличать и преслѣдовать фрейлину Нелидову и чрезъ это унижать свою рѣдкую супругу. Нельзя представлять Павла Петровича въ этомъ дѣлѣ одной только жертвой интриги, задумавшей внести смуту въ его семейную жизнь; иначе пришлось бы допустить, что сердечная связь между имъ и супругой была очень эфемерна [4]).

При такомъ внутреннемъ состояніи цесаревича послѣдовала кончина Императрицы. Павлу Петровичу по прежнему были присущи благочестіе, великодушіе, горячее желаніе добра, правдолюбіе, ненависть ко лжи и особенно къ лихоимству, отсутствіе злопамятности и рыцарское благородство побужденій. Но эти качества оставались абстрактною его характеристикой и если имѣли прикладное значеніе, то случайно, безъ системы и безъ общей взаимной связи, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда

обстоятельства не вызывали напора противодѣйствующихъ силъ. На практикѣ все доброе уничтожалось бурной горячностью, необычайной раздражительностью и подозрительностью, неразумной требовательностью, нервическимъ нетерпѣніемъ, отсутствіемъ всякой во всемъ мѣры и надменнымъ непризнаваніемъ въ комъ либо человѣческаго достоинства и свободной воли. Короче говоря и употребляя выраженіе одного изъ преданныхъ Павлу I лицъ, «разсудокъ его былъ потемненъ, сердце наполнено желчи и душа гнѣва».

Существуютъ свидѣтельства, что Екатерина изготовила завѣщаніе, одною изъ статей котораго сынъ ея Павелъ устранялся отъ престола. Преданіе объ этомъ шло отъ Безбородки. Говорятъ, что завѣщаніе было засвидѣтельствовано нѣсколькими государственными людьми, въ томъ числѣ графами Румянцовымъ и Суворовымъ. Участіе послѣдняго въ этомъ дѣлѣ подлежитъ сильному сомнѣнію. Суворовъ никогда не находился въ близкой довѣренности у Императрицы и не выходилъ изъ своей военной колеи. Онъ не былъ человѣкомъ партіи, не интриговалъ ни за, ни противъ Павла Петровича и вдобавокъ, какъ по обязанности своего званія, такъ и по монархическому убѣжденію, всегда оказывалъ наслѣднику престола должное почтеніе. Екатерина уважала Суворова и подъ конецъ стала цѣнить его по достоинству, но нельзя сказать, чтобы питала къ нему особенное благоволеніе и чтобы включала его въ свой близкій кружокъ. Правдолюбіе Суворова, его грубоватое чудачество и ненависть ко двору и всему придворному достаточно тому препятствовали. Наконецъ, при той сильной степени раздраженія и неудовольствія, которыя были въ немъ возбуждены реформами вступившаго на престолъ Павла I, Суворовъ хоть полусловомъ обмолвился бы въ своей интимной перепискѣ съ Хвостовымъ о неисполненной волѣ покойной Императрицы; но ничего подобнаго не было.

Завѣщаніе Екатерины, хотя бы и безъ подписи Суворова, вѣроятно существовало; ибо если нѣтъ тому неопровержимыхъ положительныхъ доказательствъ, то нѣтъ и отрицательныхъ, такъ что преданіе объ этомъ можетъ быть принято, пока не бу-

детъ опровергнуто. Въ такой же степени имѣетъ вѣроятность и указаніе на графа Безбородко, какъ на виновника неисполненія воли покойной Екатерины, т.-е. будто онъ указалъ Павлу Петровичу на завѣщаніе, которое затѣмъ и было уничтожено. Безбородко былъ человѣкъ, нравственныя основы котораго не отличались твердостью и строгой честностью. При извѣстіи о безнадежномъ состояніи Екатерины, онъ потерялъ голову отъ страха и выказалъ большое малодушіе, а между тѣмъ не только остался при Павлѣ, но былъ повышенъ и осыпанъ наградами. Приписывать это однимъ его дѣловымъ способностямъ едва ли можно, потому что Павелъ I принималъ подобныя данныя къ соображенію только при другихъ условіяхъ; да и по смерти Безбородко, замѣтивъ общее сожалѣніе объ утратѣ такого способнаго министра, выразился рѣзко: «у меня всѣ Безбородки». Суворовъ на своемъ поприщѣ былъ никакъ не ниже, чѣмъ Безбородко на своемъ; однако Государь ни мало не задумался отказаться отъ его службы [5]).

Внезапная кончина Екатерины и воцареніе Павла произвели на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Въ гвардіи плакали; рыданія раздавались и въ публикѣ, по церквамъ. Въ Петербургѣ дрожь всѣхъ пронимала, «и не отъ стужи», замѣчаетъ современникъ: «а въ смыслѣ эпидеміи». Наступающее новое время называли торжественно и громогласно возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно, вполголоса — царствомъ власти, силы и страха; втайнѣ, межъ четырехъ глазъ — затмѣніемъ свыше. Тоже самое было всюду, хоть и не въ такой степени: отдаленность въ этомъ случаѣ много значила. Но не всѣ имѣли пессимистскій взглядъ на будущее, и если очень мало насчитывалось поклонниковъ Павла, то гораздо больше критиковъ Екатерины. Въ Петербургѣ за Павла было ничтожное число гатчинцевъ. Въ Москвѣ, со временъ Петра Великаго пріютѣ недовольныхъ настоящимъ положеніемъ, «умные люди» перешоптывались, что «въ послѣдніе годы, отъ оскудѣнія бдительности, темныя пятна вездѣ пробивались чрезъ мерцаніе славы». Въ простомъ народѣ перемѣна царствованія произвела радость, потому что время Екатерины было для него чрезвычайно тяжело [6]).

Съ первыхъ же дней новаго царствованія произошла перемѣна политики внутренней и внѣшней. Прекращена война съ Персіей, и войскамъ графа В. Зубова приказано возвратиться въ предѣлы Россіи; изъ недовѣрія къ Зубову, приказъ о возвращеніи войскъ былъ посланъ не только ему, но и каждому полковому командиру въ отдѣльности. Прекращены военныя приготовленія противъ Франціи; рекрутскій наборъ, объявленный въ сентябрѣ 1796 года, отмѣненъ; эскадрамъ, находившимся въ Англіи и въ Нѣмецкомъ морѣ, велѣно плыть въ свои порты. Остановленъ новый выпускъ ассигнацій и мѣдной монеты низшаго достоинства; уничтожена хлѣбная подать; сдѣланы шаги къ расширенію свободы торговли, къ устройству крѣпостныхъ, имѣвшихъ право на освобожденіе, и проч. Произведены въ фельдмаршалы на первыхъ порахъ графъ Н. Салтыковъ, князь Н. Репнинъ и графъ И. Чернышевъ, послѣдній по флоту; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще Каменскій и графы Эльмптъ и Мусинъ-Пушкинъ, а потомъ князь Прозоровскій, графъ И. Салтыковъ и Гудовичъ. Было много и другихъ пожалованій чинами, орденами, имѣніями; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, по случаю коронаціи, послѣдовали еще болѣе щедрыя награды: однихъ крѣпостныхъ роздано до 200,000 душъ. Щедрѣе всѣхъ былъ награжденъ графъ Безбородко, получившій между прочимъ и княжеское достоинство Россійской имперіи съ титуломъ свѣтлости; онъ самъ говорилъ, что, благодаря щедротамъ Павла, имѣнія его округлились до цифры 40,000 душъ.

На ряду съ этими повышеніями и награжденіями разныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ конечно находились и гатчинскіе сотрудники Павла Петровича, происходили также смѣщеніе и замѣна лицъ, ему неугодныхъ. Немилость и кары новаго Государя коснулись сначала немногихъ; гроза разразилась не сразу, но съ кончиною Екатерины тотчасъ же почувствовалось ея приближеніе. Жизнь двора и высшаго круга столицы измѣнилась немедленно и рѣзко; вельможи, нѣжившіеся въ своихъ роскошныхъ палатахъ, должны были въ 7 часовъ утра уже быть у Государя. Дѣятельность правительственныхъ учрежденій закипѣла, служащіе сидѣли въ присутственныхъ мѣс-

тахъ съ 5 часовъ; сенаторы находились за краснымъ столомъ въ 8 часовъ; военные разводы производились въ 9 часовъ ежедневно; караульная служба и казарменный бытъ круто повернули на новую колею. Государь принялся неотлагательно за преобразованія по всѣмъ частямъ, преимущественно же по военной [8]).

Блестящая военная эпоха Екатерининскаго царствованія имѣла свою оборотную сторону, которая лицевой сторонѣ во многомъ и далеко не соотвѣтствовала. Поэтому невѣрно было бы утверждать, что перемѣны по военной части, произведенныя новымъ Государемъ, истекали исключительно изъ его опозиціи предшествовавшему царствованію и коренились единственно на духѣ противорѣчія или противодѣйствія покойной Императрицѣ Екатеринѣ.

Петръ Великій, составивъ свой «артикулъ» по лучшимъ образцамъ, преимущественно по шведскому, не увлекся однакоже подражаніемъ и ввелъ въ него многія особенности, которыя сдѣлали этотъ знаменитый законодательный актъ вполнѣ соотвѣтствующимъ русской арміи. Послѣ Петра военная часть въ Россіи упала и хотя возродилась при Екатеринѣ II въ небываломъ дотолѣ блескѣ, но уже съ измѣненіями относительно состава войскъ, хозяйственной ихъ части и хода службы. Сдѣланныя измѣненія повели, между прочимъ, къ расширенію власти полкового командира въ полковомъ хозяйствѣ. «Не могу понять, почему къ полковничьимъ чинамъ довѣренность стала велика», писалъ Румянцовъ Императрицѣ послѣ первой Турецкой войны. Но не такъ былъ худъ законъ, какъ его примѣненіе къ дѣлу. Злоупотребленія выросли потому, что законъ посѣянъ былъ въ благодарную для нихъ почву. Они существовали и въ прежнія времена, но скрытно, какъ зло; при Екатеринѣ же зло принарядилось, потеряло робость и перестало скрываться. Главною тому причиною была система временщичества и фаворитизма, которая обыкновенно развиваетъ общественные пороки и понижаетъ уровень общественной нравственности. Господство Потемкина было именно временемъ развитія всякихъ злоупотребленій; его самовластіе, властолюбіе, лѣность,

безпечность, эгоизмъ—служили другимъ и примѣромъ, и ширмою, и щитомъ. Не только безнаказанно проходило то, что было достойно наказанія, но еще награждалось. Надзоръ за дѣятельностью учрежденій ослабѣлъ и проявлялся только капризными порывами; покровительство силы парализовало законъ и власть; служебное достоинство отошло на задній планъ. Многіе высшіе начальники жили въ столицахъ или въ своихъ помѣстьяхъ; ихъ примѣру старались слѣдовать и младшіе; управленіе происходило заглазно и безконтрольно. Безпрестанныя преобразованія Потемкина путали, отнимали у постановленій и уставовъ всякую устойчивость и облегчали возможность ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ послѣднія 5 лѣтъ царствованія Екатерины, т.-е. во времена всемогущества Зубова, безпорядокъ еще увеличился, ибо Потемкинъ обладалъ умомъ, дарованіями и по годамъ проживалъ на мѣстахъ, которыми управлялъ, а Зубовъ, при своей неспособности, забравъ въ руки еще больше Потемкина, изъ Петербурга не отлучался [8]).

При производствѣ въ офицеры и повышеніи ихъ въ чинахъ, покровительство, протекція были самымъ могущественнымъ рычагомъ; невниманіе къ заслугѣ доходило до цинизма. Говорилось между офицерами не о томъ, кто что сдѣлалъ и въ чемъ оказалъ отличіе, а чьей милостью заручился, и какая знатная дама взялась его протежировать. Армія наполнилась иностранцами, людьми безъ рода и племени, казаками, которымъ Потемкинъ раздавалъ лучшіе полки. Люди, бывшіе сержантами гвардіи, въ два года и меньше достигали по арміи чина подполковника. Чины доставались и тѣмъ, кто вовсе не служилъ; купцы, чтобы получить право на пріобрѣтеніе деревень, записывались въ гвардію, назначались къ генераламъ адъютантами и выходили въ отставку съ чиномъ. У Потемкина находилось во дворѣ до 200 человѣкъ, служившихъ конюхами, лакеями, гусарами, и онъ производилъ ихъ въ офицеры когда кто-нибудь понравится или за кого попросятъ. Не ограничиваясь этимъ, онъ давалъ офицерскіе чины разнымъ ремесленникамъ. Такъ, подъ Хотиномъ онъ произвелъ одного булочника въ подпоручики; въ Бендерахъ пожаловалъ въ поручики портного за

прекрасно сшитое платье княгинѣ Долгорукой. Всѣ были заражены легкимъ взглядомъ на серьезный предметъ, и всякій дѣлалъ тоже самое, только въ меньшемъ масштабѣ. Суворовъ, стоявшій вмѣстѣ съ немногими другими выше современнаго общества по честности понятій и убѣжденій, тоже былъ далеко не безгрѣшенъ, какъ мы видѣли въ предшествовавшихъ главахъ. На просьбу одного сановника — перевести сына изъ гвардіи подъ его, Суворова, начальство, онъ изъявляетъ полную готовность и «ручается, что Богъ поможетъ молодому человѣку попасть въ штабъ-офицеры въ самое короткое время». Такова ужъ была атмосфера; довольно того, что Суворовъ смотрѣлъ на протекцію, какъ на компромисъ съ существующими порядками [9]).

Многіе служили только номинально, находясь постоянно въ отсутствіи; въ иныхъ полкахъ офицеровъ состояло на лицо одна треть; изъ остальныхъ двухъ третей, кто скакалъ курьеромъ по частнымъ надобностямъ начальства, кто находился въ негласномъ отпуску, уступивъ полковому командиру часть своего содержанія. Многое изъ этого относится и къ Суворову. Мы видѣли въ главѣ IX, что онъ употреблялъ подвѣдомственныхъ офицеровъ на свои частныя дѣла по имѣніямъ; такими же услугами пользовался онъ и отъ постороннихъ. Въ 1786 году прибылъ въ Кончанскъ, въ помощь управляющему Качалову, подпоручикъ весьегонской команды Ивановъ, вѣроятно по сношенію Качалова съ начальникомъ команды. Доброй воли Иванова тутъ не было, ибо едва прошло два мѣсяца, какъ онъ униженно просится домой, говоритъ, что можетъ «добрести пѣшкомъ, ибо путь сухъ», но молитъ о пожалованіи ему на пропитаніе въ дорогѣ. Качаловъ выдалъ ему 5 рублей. Курьеры возятъ къ Суворову людей изъ деревни, разныя вещи въ столицу и изъ столицы и иногда ѣздятъ безъ служебной надобности, по однимъ частнымъ его дѣламъ. Про другихъ начальниковъ и говорить нечего, а про Потемкина и подавно: у него курьеры дѣлали тысячи верстъ изъ-за какой-нибудь икры или дамской шляпки. Такимъ образомъ, за огромнымъ расходомъ, остающимся въ полку бѣднякамъ приходилось нести двойную службу. Вытре-

бовать офицера изъ незаконной отлучки въ полкъ было тоже не легкимъ дѣломъ; передъ послѣдней Польской войной были разосланы отсутствовавшимъ генераламъ и офицерамъ самыя строгія приказанія, которыя однако исполнялись медленно. Бывало и такъ, по крайней мѣрѣ случилось при воцареніи Павла, что офицеры, возвращавшіеся къ своимъ полкамъ, блуждали ихъ отъискивая, такъ какъ полки успѣли, можетъ и не одинъ разъ, перемѣнить свои квартиры во время ихъ отсутствія.

Ни эти, ни другіе безпорядки и злоупотребленія, не имѣли подъ собой законной почвы, если разумѣть букву устава 1763 года, но вытекали изъ значенія, полученнаго полковниками, отчасти по смыслу устава и инструкцій, а болѣе вслѣдствіе недостаточнаго надзора и контроля со стороны высшихъ военныхъ властей. Въ началѣ 70-хъ годовъ, такое фактическое преобладаніе полковыхъ командировъ во всѣхъ частяхъ полкового управленія уже успѣло окрѣпнуть, а затѣмъ пошло логически развиваться изъ прецедентовъ. Участіе офицеровъ въ контролѣ хозяйственной части, какъ-то свидѣтельствованіе денежныхъ суммъ, получаемыхъ предметовъ снаряженія и довольствія, выборъ лицъ, командируемыхъ для покупокъ и проч.,—сдѣлалось вслѣдствіе начальническаго давленія полковниковъ номинальнымъ, а потому прямо вреднымъ, такъ какъ этимъ ничто не удостовѣрялось, а только прикрывались злоупотребленія. Офицеры свидѣтельствовали своею подписью законность цифръ, подъ которыми скрывались «наглое похищеніе полковыхъ денегъ и поддѣлка расходныхъ статей въ книгахъ», по выраженію современника-генерала, дѣлая это подъ страхомъ лишенія полковничьей милости и потери мѣста въ полку. Честнымъ и заслуженнымъ офицерамъ, навлекшимъ на себя неудовольствіе полкового командира, приходилось выносить отъ него обиды и несправедливости, при представленіи къ производству въ чины и въ другихъ многочисленныхъ случаяхъ. «Подъ тиранскимъ полковничьимъ правленьемъ», говоритъ тотъ же современникъ, подтверждая своими словами многочисленныя свидѣтельства другихъ: «офицеры находятся въ рабствѣ, полковникъ въ гордости

и славолюбіи, а все вмѣстѣ въ совершенномъ невѣжествѣ и въ незнаніи существа службы» [10]).

Своеволіе полковниковъ было главною, но не единственною причиной незавиднаго положенія офицеровъ на службѣ. Съ этой неприглядной картиной лучше всего знакомитъ сохранившійся документъ — анонимная жалоба офицеровъ одного полка, безъ подписей, безъ числа, года и безъ означенія полка или мѣста его расположенія. Адресована жалоба къ какому то графу; время ея составленія и подачи должно быть отнесено къ концу 80-хъ или къ началу 90-хъ годовъ. Вѣроятно прошеніе было адресовано къ графу Н. Салтыкову, управлявшему военнымъ департаментомъ; правда, въ прошеніи говорится, что его «истинная слава, со звукомъ плавающая въ свѣтѣ», побудила просителей на такой поступокъ, а Салтыковъ ни въ какой славѣ былъ не повиненъ,—но на такія выраженія надо смотрѣть какъ на реторическую фигуру. Прошеніе написано сдержанно, весьма прилично, безъ всякихъ рѣзкостей. Жалуются на свою нищету; говорятъ, что часто стыдятся своихъ хозяевъ, гдѣ квартируютъ, скрывая онъ нихъ свое состояніе; во время обѣда собираются тамъ, гдѣ не было бы постороннихъ, и насыщаются хлѣбомъ и водою. Приложенъ разсчетъ расходамъ: поручикъ получаетъ 120 рублей, изъ нихъ вычитается на парадныя вещи 41 р., на одежду и бѣлье нельзя издержать меньше 62 р., изъ остатка приходится кормить 2 лошадей, а самимъ такимъ образомъ «питаться манною». Разсчетъ этотъ нисколько не дутый; напримѣръ срокъ службы сюртуку выведенъ трехъ-годовой. Просители говорятъ, что недостатокъ средствъ для самой скромной жизни заставляетъ ихъ входить въ долги и что они не могутъ съѣздить домой, къ родителямъ, такъ что иные по 12 лѣтъ дома не бывали. Но главное зло заключается все-таки не въ этомъ. «Бѣдные, благородные дворяне преданы въ подданство полковникамъ, должны имъ не по службѣ и законамъ повиноваться, а во всякомъ случаѣ раболѣпствовать, всѣ его движенія усматривать и угождать. Если кто не желаетъ быть скверно руганъ и всеминутно сидѣть за профосомъ, принужденъ отъ него въ подлыя партикулярныя должности употребляться». Ого-

вариваясь, что упоминаютъ въ своей жалобѣ только про часть испытываемыхъ гоненій, просители продолжаютъ: «не хотимъ именоваться доносщиками, пишемъ отъ недостающихъ силъ и терпѣнія; отчего по малу въ сердцахъ нашихъ ревность къ службѣ и расторопность въ должностяхъ исчезаетъ, а врождаетъ нерадѣніе къ отечеству, пренебреженіе присяги и совѣсти.... Кто имѣетъ кусокъ хлѣба, уходитъ, да и остальные ушли бы, если бы не надежда на перемѣну обстоятельствъ»[11]).

Изъ этого между прочимъ видно, какое хищническое хозяйство велось въ полкахъ и какъ подобная система должна была отзываться на содержаніи нижнихъ чиновъ. Не всѣ конечно полковники были одинаковы, но результатъ получался почти однородный, судя по словамъ Румянцова, въ донесеніи его Императрицѣ: «одинъ употребляетъ остатокъ казны на украшеніе полка, а другой на себя; между ними разницы мало». Въ томъ же донесеніи онъ говоритъ: «у насъ иной счетъ на бумагѣ, а иной на дѣлѣ,—и служивымъ, и всему имъ подобному». Слова эти подтверждаются со всѣхъ сторонъ. Жалованье и все довольствіе получалось по списочному числу, а расходовалось по дѣйствительности, которая была гораздо ниже; остатокъ удерживался полковникомъ. Тысячи солдатъ, особенно знавшихъ ремесла, жили въ помѣстьяхъ начальствующихъ лицъ (лично у Суворова никогда) и были очень этимъ довольны, избавляясь отъ тягостей тогдашней суровой службы. Другіе отпускались прислугою къ партикулярнымъ лицамъ; при вступленіи Павла I на престолъ, такихъ обнаружено не мало. По словамъ Безбородко, «растасканныхъ» разными способами изъ полковъ людей было въ 1795 году до 50,000, при 400,000-ной арміи. Вопреки точному указанію закона, полковые командиры, а за ними и всѣ офицеры, брали наличныхъ людей къ себѣ въ услуженіе; у генераловъ ихъ было человѣкъ по 20 (у Суворова не было). Сверхъ того, слѣдуя общей модѣ, всякій полковникъ старался блеснуть своими хорами музыкантовъ и пѣвчихъ, — новый расходъ людей изъ строя. И все это дѣлалось почти открыто, не особенно стѣсняясь, такъ что однажды въ 1784 году Императрица, въ своей резиденціи, «усмотрѣла гренадера ѣдущаго за каретой въ

воинскомъ мундирѣ». По этому поводу изданъ былъ строжайшій указъ въ подтвержденіе многимъ прежнимъ, чтобы нижнихъ чиновъ ни въ какія несоотвѣтственныя должности и партикулярныя услуги не употреблять, но онъ остался мертвой буквой [12]).

Въ конницѣ злоупотребленія были чуть ли не крупнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ. Зачастую конные полки не имѣли половины лошадей, положенныхъ штатомъ, и командиры старались употреблять наличныхъ какъ можно рѣже, чтобы экономнѣе ихъ содержать. Отъ этого страдало обученіе кавалеріи, и она въ боевыхъ качествахъ далеко уступала пѣхотѣ. По словамъ Австрійскаго императора, командиръ русскаго кавалерійскаго полка «считалъ естественнымъ и законнымъ ежегодный доходъ въ 20—25,000 руб.»; тутъ едва-ли много преувеличенія, такъ какъ кавалерійскіе полки имѣли сильный численный составъ. А въ это время младшіе офицеры, послушные во всемъ волѣ полковника, разорялись отъ безмѣрнаго и вынужденнаго щегольства, солдаты же «обираемые и лишаемые предметовъ насущной потребности, озирались, какъ бы выискать случай бѣжать». Изъ южныхъ пограничныхъ мѣстъ бѣгали къ Туркамъ капральствами, переплывали Днѣстръ толпами, въ томъ числѣ и во время командованія тамъ Суворова. Одинъ изъ нашихъ государственныхъ людей видѣлъ ихъ тысячами на службѣ у Пруссаковъ и Австрійцевъ; въ небольшой шведской арміи насчитывалось ихъ больше 2000 человѣкъ. По воцареніи Павла, вслѣдствіе наступившихъ строгостей, въ одной екатеринославской губерніи разъискано бѣглыхъ до 400 человѣкъ [13]).

Дезертированіе, капитальнѣйшее зло тогдашней арміи, поддерживалось еще дурнымъ обращеніемъ съ нижними чинами. Взысканія были суровыя; двѣсти палокъ считались дисциплинарною мѣрою заурядною. Еще при Императрицѣ Елисаветѣ была замѣчена излишняя строгость обращенія начальниковъ съ солдатами, выражавшаяся нерѣдко въ серьезныхъ увѣчьяхъ, не дозволявшихъ людямъ продолжать службу, почему и былъ изданъ запретительный указъ. Сравнительная мягкость правительственныхъ принциповъ Екатерины сдѣлала однако въ этомъ

отношеніи меньше улучшеній, чѣмъ можно было ожидать, благодаря именно безнаказанному своеволію ближайшихъ начальниковъ и недостаточному за ними надзору.

Своеволіе полковниковъ выказывалось и во внѣшнемъ видѣ войскъ. Одни полки были одѣты въ темнозеленое сукно, другіе въ свѣтлозеленое, смотря по вкусу и прихоти полкового командира. Прихоть эта въ особенности выражалась на предметѣ соперничества полковъ, — музыкантскихъ хорахъ, которые, въ ущербъ строевому составу небольшихъ двухъ-батальонныхъ полковъ, состояли изъ 50, 60 и болѣе человѣкъ, одѣтыхъ въ тонкое сукно, подъ управленіемъ нанятыхъ за большую плату капельмейстеровъ. Щегольство внѣшностью не ограничивалось музыкантскими хорами; полковники сильно напирали вообще на щеголеватость ихъ полковъ, а потому солдаты выводились на смотры въ самомъ блестящемъ видѣ, что удостовѣряютъ иностранцы. Но за то рукоять тесака горѣла какъ огонь, а полоса, закрытая ножнами, не была отчищена отъ ржавчины; ружье блестѣло какъ зеркало, а прикладу дана была удобная форма не для цѣльной стрѣльбы, а для прямого держанія ружья въ плечѣ; огнива не закалены, и т. п. Обученіе войскъ тоже подгоняли къ наружному эфекту и вели его очень разнообразно, но безпрестанныя войны Екатерининскаго времени, при 25-лѣтнемъ срокѣ службы солдатъ, исправляли прихоти начальниковъ и клали на войска боевую печать. Въ концѣ концовъ, полки русской арміи не походили одинъ на другой, хотя подобное разнообразіе было запрещено закономъ. Конечно разнообразіе это не имѣло само по себѣ большого значенія, но оно было признакомъ другихъ, существенныхъ пороковъ военнаго управленія.

Чтобы кончить съ изнанкою быта русской арміи въ Екатерининское время, остается замѣтить, что хозяйство, плохое внизу, велось еще хуже на верхнихъ ступеняхъ и въ учрежденіяхъ, не принадлежавшихъ частямъ войскъ. Жалованье и прочее довольствіе поступало въ полки неисправно, запаздывая иногда на полгода и больше, что поощряло солдатъ къ распущенности и насиліямъ, особенно въ военное время. Комиссаріатъ еще кое-какъ велъ свое дѣло, но провіантскій департаментъ

былъ, по выраженію Безбородко, «самый пакостный». Злоупотребленія по провіантской части были феноменальныя, подряды отличались страшною дороговизной, и отъ нихъ сторонились люди честные, дорожившіе своей репутаціей. Въ особенности знамениты были подряды госпитальные. Припомнимъ, какъ не любилъ госпитали Суворовъ; другой современникъ, генералъ-поручикъ Ржевскій, говоритъ, что госпитальная часть ужасала всякаго, «кто только каплю чести и человѣколюбія имѣетъ» [14]).

Мы разсматривали однѣ дурныя стороны арміи, потому что въ настоящемъ случаѣ только это и нужно, но она, вопреки многочисленнымъ язвамъ, служила отечеству блистательно, и боевымъ ея качествамъ могла позавидовать любая армія въ Европѣ. Значитъ, основной и конечной цѣли своего существованія она отвѣчала. Нельзя того же сказать про привилегированный ея корпусъ, существовавшій на особыхъ правахъ, про гвардію. Въ гвардіи можетъ быть не было мѣста злоупотребленіямъ и хищничеству въ армейскомъ размѣрѣ; нѣкоторыя изъ внутреннихъ золъ арміи и вовсе не могли къ гвардіи привиться по мѣстнымъ условіямъ, но за то она совсѣмъ не несла боевой службы въ продолжительную эпоху Екатерининскихъ войнъ (да и раньше), и являлась учрежденіемъ дорого стоющимъ и выродившимся. Одинъ иностранный писатель говоритъ: «не гвардіей можетъ блестѣть Россія; съ 1742 года ни одинъ человѣкъ изъ гвардіи въ кампаніи не бывалъ». Это было сказано въ 1771 году; съ тѣхъ поръ прошло времени почти столько же, и въ военномъ отношеніи гвардія осталась на прежнемъ градусѣ, слѣдовательно, въ виду выросшихъ боевыхъ свойствъ арміи, спустилась сравнительно еще ниже. Участіе нѣкоторыхъ гвардейскихъ частей въ Финляндской войнѣ такого заключенія измѣнить не въ состояніи, а присутствіе отдѣльныхъ лицъ въ различныхъ дѣлахъ на другихъ театрахъ войнъ, и того меньше. Подобные волонтеры и «фазаны» ѣздили туда за наградами, до черной боевой работы не касались, и были тамъ совсѣмъ не нужны; отъ нихъ только увеличивались размѣры штабовъ и свитъ. Въ послѣднюю Польскую войну, при графѣ Валеріанѣ Зубовѣ, командовавшемъ небольшимъ авангардомъ небольшого

корпуса Дерфельдена, состояло такихъ штабъ-офицеровъ человѣкъ сорокъ, изъ коихъ старшему было 27 лѣтъ отъ роду [15]).

Гвардія, ядромъ которой послужили «потѣшные» Петра Великаго, была въ его время учрежденіемъ въ высшей степени полезнымъ, даже необходимымъ. Подъ огненнымъ взглядомъ и желѣзною рукой великаго преобразователя, она служила и работала много и сильно; благодаря ей, формировалась и выростала русская армія. Гвардейцы были не одними учителями, а мастерами на всѣ руки, довѣренными лицами Государя въ его нескончаемой и разнообразной дѣятельности. Служба гвардіи при Петрѣ была страдною порой. Въ Екатерининское время видимъ уже совсѣмъ не то; первоначальное Петровское значеніе гвардіи успѣло утратиться, а между тѣмъ она продолжала рости, и съ нею росли ея привилегіи, увеличивалась льготная обособленность. Одною изъ главныхъ тому причинъ было участіе гвардіи или гвардейцевъ въ переворотахъ престолопаслѣдія и дворскихъ интригахъ государственнаго значенія. Гвардія сдѣлалась баловнемъ царствующихъ особъ и особенно Екатерины; ряды ея пополнялись изъ лучшихъ фамилій, людьми образованными или по крайней мѣрѣ свѣтскими. Между гвардіей и дворомъ образовалась тѣсная внутренняя и даже наружная связь; праздная жизнь, любовь къ роскоши, погоня за удовольствіями—дѣлались насущными потребностями; гвардейцы, не исключая нижнихъ чиновъ, щеголяли въ богатыхъ гражданскихъ нарядахъ; строевая служба пришла въ небреженіе; дисциплина упала и получила оттѣнокъ не военный.

А между тѣмъ гвардейцы получали армейскіе полки; дѣлались начальниками частей, закалившихся въ боевой службѣ и во всяческихъ лишеніяхъ, и оттирали людей, заслужившихъ повышенія кровью. Такая аномалія порождала недовольныхъ, на гвардію стали смотрѣть въ арміи косо и съ завистью, образовалась и укоренилась въ войскахъ антипатія къ привилегированному петербургскому корпусу. Это было замѣчено; задумали поставить гвардейскіе полки на иную ногу, назначая туда офицеровъ изъ арміи, но зло слишкомъ уже укоренилось, и реформа не состоялась. Еще указомъ Елисаветы въ 1748 году повелѣно,

безъ высочайшаго разрѣшенія не принимать въ гвардейскіе полки солдатами дѣтей моложе 15 лѣтъ, и въ 1762 году это запрещеніе подтверждено указомъ Екатерины, но осталось безъ исполненія. Такъ дожила гвардія до царствованія Павла, имѣя въ себѣ очень мало военнаго и ровно ничего боевого.

Ненормальное положеніе гвардіи бросалось въ глаза всѣмъ, даже людямъ необразованнымъ, изъ низшихъ слоевъ. Возникали слухи, что гвардіи не будетъ, проносилась молва о какихъ-то въ этомъ отношеніи преобразованіяхъ. По большей части въ слухахъ и молвѣ не было ни протеста, ни злого намѣренія; выскакивавшіе изъ общей массы болтуны допрашивались въ тайной экспедиціи и затѣмъ отпускались, потому что въ ихъ словахъ не всегда можно было добраться даже до какой-нибудь логики. Такъ въ 1763 году, пьяный купецъ Ларіоновъ подошелъ въ Петербургѣ къ одному гренадеру и, едва ворочая языкомъ, сказалъ, что гвардіи не будетъ, а будетъ гвардіею артиллерія. Онъ былъ взятъ и допрашиваемъ; выросло цѣлое дѣло, а Ларіоновъ и не помнилъ, что въ пьяномъ видѣ говорилъ. Иногда однакоже высказывались мнѣнія не въ пользу гвардіи изъ высшихъ слоевъ общества. Въ 1786 году, генералъ-аншефъ князь Н. Репнинъ обратился къ Государынѣ съ предложеніемъ о передачѣ гвардіи изъ военнаго въ придворное вѣдомство. Какъ велико было негодованіе Екатерины, видно изъ слѣдующаго письма ея къ Потемкину. «Репнинъ сюда пріѣхалъ и сталъ хуже старой бабы; вздумалъ въ егорьевской думѣ заражать сумнѣніемъ первый корпусъ арміи, гвардію, которой я полковникъ, а онъ, дуракъ, за честь почитать долженъ, что подполковникъ. Почитать ли тотъ корпусъ и инженерный— за военный,—съ тѣмъ пришелъ словесно мнѣ доложить. Вы понимаете, что я ему намылила голову; но какъ я думала, что ушамъ своимъ могу едва-ли вѣрить и не ослышалась ли я, то требовала, чтобы о томъ подалъ записку, и онъ оную подалъ. Что же мудренѣе всего, что въ той думѣ сидѣли вице-президентъ военной коллегіи и три маіора гвардіи, аки сущіе болваны, и не единый вопреки не растворилъ уста; то-то люди, ниже мухи съ носа не сгонятъ». Екатерина дальше называетъ предложеніе Репнина «нелѣпостью»; но изъ всего сказаннаго выше и изъ

молчанія членовъ георгіевской думы видно, что другимъ это нелѣпостью не казалось [16]).

Такимъ образомъ самыя основанія, на коихъ существовала Екатерининская гвардія какъ военная сила, были ложны, ставили этотъ корпусъ войскъ ниже другихъ и указывали, что если коренная реформа нужна, то прежде всего по отношенію къ гвардіи. Но ясное издали и со стороны, не всегда бываетъ очевиднымъ для стоящихъ у самаго дѣла, особенно при предвзятыхъ мысляхъ.

Императоръ Павелъ принялся за реформы. Есть поводы думать, что онъ спрашивалъ мнѣнія престарѣлаго фельдмаршала Румянцова, къ которому не разъ летали курьеры изъ Петербурга. Румянцовъ сообщилъ Государю свои мысли откровенно, но онѣ во многомъ не сходились со взглядами Государя, а потому ни къ чему не привели, да и Румянцовъ въ очень скоромъ времени умеръ. Съ Суворовымъ совѣтовъ не было; по характеру Суворовскихъ военныхъ понятій, Государь не могъ дорожить его мнѣніемъ. Другое дѣло Репнинъ, противникъ Суворовскаго «натурализма»; для Государя онъ былъ лицомъ авторитетнымъ, и его Государь не чуждался [17]).

Командующіе дивизіями были уничтожены и замѣнены инспекторами, т.-е. измѣнены ихъ значеніе и обязанности. Генералъ-аншефы переименованы въ генералы отъ инфантеріи, кавалеріи и пр., генералъ-поручики названы генералъ-лейтенантами. Всѣ генералы, начиная отъ фельдмаршаловъ, сдѣланы шефами полковъ, которымъ и даны названія по фамиліямъ ихъ шефовъ; а такъ какъ шефовъ по числу полковъ не доставало, то многіе полковники произведены въ генералы. Обращено особенное вниманіе на расходъ въ полкахъ людей, внутренній и внѣшній. Шефы, а въ отсутствіе ихъ полковые командиры, могли давать офицерамъ отпуски не болѣе 28 дней, а въ лѣтнее время ни на одни сутки. Безъ дозволенія губернатора или коменданта, офицеръ не смѣлъ отлучаться отъ гарнизона вовсе, даже на одну ночь. Число ординарцевъ у начальствующихъ лицъ ограничено; фельдмаршалу дозволялось имѣть только двухъ. Предписано разъискивать нижнихъ чиновъ, находившихся въ партикулярномъ услуженіи по домамъ, дачамъ, деревнямъ, и возвращать въ

полки. Обмундированіе, введенное по почину Потемкина, которое было просто, удобно, нравилось войскамъ и между прочимъ очень одобрялось Суворовымъ, измѣнено совершенно. Принята одежда точнаго прусскаго образца: мундиръ съ узкими панталонами, чулки со штиблетами и повязками, лакированные башмаки; на затылкѣ напудренной головы красовалась коса, уставной длины, увитая черною лентой. Въ нѣкоторыхъ мелочахъ Павелъ пошелъ даже дальше Фридриха [18]).

Рѣзкая перемѣна произведена также въ уставѣ строевой службы. Основанія устава и безъ того были прусскія, но онъ не былъ коніей Фридриховыхъ регламентовъ; кромѣ того, при Екатеринѣ, начальники могли вносить свой личный взглядъ въ методъ примѣненія устава къ дѣлу. Павелъ ввелъ прусскій уставъ 1760 года, но съ нѣкоторыми исключеніями и добавками, которые имѣли смыслъ не компромисса съ существующимъ порядкомъ, а протеста противъ него. Тутъ все было предусмотрѣно, взвѣшено и смѣряно, начиная съ приравненія фельдмаршала къ простымъ генераламъ (такъ какъ требовалось отъ всѣхъ одинаковая исполнительность) и кончая мѣрою косъ; ничто не предоставлялось усмотрѣнію и свободной волѣ, ничто не было условнымъ. На точномъ примѣненіи и исполненіи этого устава, а также какой-то добытой въ Пруссіи нѣсколько лѣтъ назадъ «секретной» инструкціи, и основывались всѣ надежды ближайшихъ сотрудниковъ Государя по преобразованію русскихъ войскъ изъ безпорядочной орды въ регулярную армію. Одинъ изъ нихъ, Аракчеевъ, находясь въ 1814 году въ Парижѣ, наивно признавался: «въ наше время мы были убѣждены, что чѣмъ ближе своимъ уставомъ подойдемъ къ прусскому, чѣмъ ровнѣе шагъ и чѣмъ правильнѣе плутоножная пальба, тѣмъ и надежды больше на побѣду». Уставъ проводился съ настойчивостью и послѣдовательностью изумительными. Посѣдѣвшіе въ бояхъ военачальники учились маршировать, равняться, салютовать эспонтономъ; гатчинскіе генералы и штабъ-офицеры разъѣзжали съ полномочіями Государя, дѣлали смотры, производили ученья, указывали ошибки, разъясняли уставныя требованія.

Государь слилъ свои гатчинскія войска съ гвардейскими пол-

ками. Сдѣлано это не только для награжденія подчиненныхъ минувшаго тяжелаго времени, но и для того, чтобы скорѣе переучить гвардію. А такъ какъ въ его мысляхъ гвардія должна была оставаться разсадникомъ начальниковъ арміи, то этимъ путемъ онъ и надѣялся съ наибольшимъ успѣхомъ привести армію къ строгому однообразію. Въ тѣхъ же видахъ Государь ежедневно, во всякое время года, присутствовалъ на разводахъ, длившихся отъ 9 часовъ утра иногда до полудня, куда должны были собираться всѣ генералы и офицеры петербургскихъ войскъ, свободные отъ должностей. Кромѣ того былъ учрежденъ въ зимнемъ дворцѣ «тактическій классъ», преподавателемъ котораго назначенъ полковникъ Каннабихъ, а надзирателемъ генералъ-маіоръ Аракчеевъ, петербургскій комендантъ. Въ сущности все дѣло сводилось на разъясненіе новаго устава. Каннабихъ ломанымъ русскимъ языкомъ толковалъ разныя части устава, преимущественно налегая на обязанности офицеровъ, какъ и гдѣ имъ находиться, что и когда командовать и проч., размахивалъ эспонтономъ и показывалъ эспонтонные пріемы. Посѣщеніе этихъ «тактическихъ» лекцій было обязательно только для штабъ и оберъ офицеровъ, но изъ желанія угодить Государю присутствовали и многіе генералы, бывалъ часто и фельдмаршалъ князь Репнинъ. Государь также старался не пропускать чтеній Каннабиха, иногда вызывалъ слушающихъ и предлагалъ имъ вопросы.

Въ русской арміи генеральный штабъ существовалъ только въ слабыхъ зачаткахъ, въ немъ чувствовалась настоятельная надобность, и въ новое царствованіе было обращено на это вниманіе. Генералъ-квартирмейстеромъ былъ назначенъ Аракчеевъ же, который и принялся приготовлять къ службѣ офицеровъ, вновь назначенныхъ въ свиту Государя по квартирмейстерской части. Съ семи часовъ утра до семи вечера (на обѣдъ давалось два часа), въ зимнемъ дворцѣ, подъ квартирою Аракчеева, сидѣли молодые офицеры надъ перечерчиваніемъ старыхъ плановъ, большею частью безполезныхъ; другихъ занятій не было. Аракчеевъ требовалъ прилежанія и быстроты въ чертежной работѣ—ничего больше, являлся внезапно нѣсколько разъ въ день изъ своей квартиры, напускалъ страху и опять исчезалъ [19]).

Эти и подобныя имъ реформы слѣдовали быстро однѣ за другими, въ системѣ и въ одиночку. Не представляемъ полной ихъ картины, потому что для послѣдующаго повѣствованія довольно знать характеръ военныхъ преобразованій Павла I и практическіе пріемы примѣненія ихъ къ дѣлу. Пріемы эти отличались такою страстностью и отсутствіемъ всякихъ уступокъ, что указывали въ преобразователѣ не только на глубокую увѣренность въ пользѣ реформы, но и на непримиримую ненависть къ недавнему прошлому. Строгость была непомѣрная; за сущую бездѣлицу генералы и офицеры исключались изъ службы, сажались въ крѣпость и ссылались въ Сибирь; аресты считались за ничто, до того они были многочисленны. На петербургскихъ гаубтвахтахъ сиживало по нѣскольку арестованныхъ генераловъ одновременно. Одинъ генералъ-маіоръ уволенъ отъ службы за постройку полковыхъ вещей, не сходныхъ съ образцами; другой отставленъ за неформенную тесьму на гренадерскихъ шапкахъ; одинъ генералъ-лейтенантъ уволенъ за командированіе съ лошадьми строевыхъ солдатъ вмѣсто нестроевыхъ; другой «исключенъ безъ абшита изъ службы за ложное показаніе себя больнымъ для отбытія отъ инспекторскаго смотра»; фельдмаршалу Салтыкову объявленъ въ приказѣ выговоръ «за незнаніе службы». При вступленіи Государя на престолъ, приказано было исключить изъ службы всѣхъ офицеровъ, не находившихся при своихъ полкахъ на лицо; одинъ изъ нихъ свидѣтельствуетъ въ своихъ мемуарахъ, что находился въ это время въ дорогѣ, возвращаясь въ полкъ; но все таки понадобилась протекція, чтобы удержаться въ службѣ. Донесенія, признанныя Государемъ неудовлетворительными, возвращались «съ наддраніемъ»; вошелъ въ практику новый терминъ для нѣкоторыхъ случаевъ недобровольной отставки—«выкинутъ изъ службы»; объ офицерахъ, просрочившихъ въ отпуску, доносилось самому Государю и объявлялось «повсюду съ барабаннымъ боемъ», и многое другое.

Эта система зауряднаго употребленія крайнихъ мѣръ естественно должна была распространяться, переходя отъ верхнихъ ступеней къ нижнимъ, тѣмъ болѣе, что приближенные и довѣренные Государя были преимущественно гатчинцы, привыкшіе

къ ней раньше. И точно, обращеніе на службѣ старшихъ съ младшими, особенно съ солдатами, не отличавшееся мягкостью и при Екатеринѣ, теперь пріобрѣло еще болѣе жосткости. Если прежде зачастую грѣшили противъ человѣколюбія, то соблюдали по крайней мѣрѣ извѣстный родъ приличія, предоставляя расправляться съ низшими непосредственнымъ ихъ начальникамъ. Въ гатчинскихъ войскахъ смотрѣли на это иначе, и ихъ понятія привились въ арміи быстро. Генералы не брезгали собственноручно надѣлять солдатъ палочными ударами, благо введены были новымъ уставомъ для всѣхъ офицеровъ форменныя палки; тѣлесныя наказанія стали доходить въ отдѣльныхъ случаяхъ до истинной жестокости. Одно изъ самыхъ довѣренныхъ у Государя лицъ, генералъ-маіоръ Аракчеевъ, обучая Преображенскій полкъ, ругался не выбирая словъ, поправлялъ стойку солдатъ ударами палки, рвалъ усы у гренадеръ. Такъ же поступалъ онъ объѣзжая и повѣряя караулы, по званію петербургскаго коменданта; если караулъ не скоро выбѣгалъ или вяло выстраивался, палочные удары щедро сыпались на неисправныхъ, безъ различія—были то простые солдаты или юнкера. Обращеніе его съ офицерами отличалось равносильною грубостью, даже хуже. «Исполненною отчаянія»—называетъ свою службу одинъ изъ свитскихъ офицеровъ по квартирмейстерской части, обучавшихся въ зимнемъ дворцѣ подъ руководствомъ Аракчеева. Генералъ-квартирмейстеръ разражался площадными ругательствами при малѣйшемъ поводѣ и подъ ничтожнѣйшими предлогами. Однажды онъ дошелъ до того, что одному изъ колонновожатыхъ далъ пощечину; другой разъ осыпалъ позорною бранью завѣдывавшаго свитскими офицерами, подполковника Лена. Ленъ, служившій подъ начальствомъ Суворова и награжденный георгіевскимъ крестомъ, сдержался, безмолвно выслушалъ брань и остался при своихъ занятіяхъ до конца дня; но вернувшись домой, написалъ Аракчееву короткое письмо и застрѣлился.

Въ то время, какъ Государь не скупился на взысканія и кары, отъ престола лились широкимъ потокомъ и награды, въ видѣ чиновъ, орденовъ, деревень. Особенно быстро шло повышеніе въ чинахъ, потому что при ежедневномъ увольненіи въ

отставку служащихъ, ваканціи безпрестанно открывались, а кто получалъ къ тому же награды чинами, то подвигался впередъ со скоростью вдвойнѣ не нормальной. Что касается до орденовъ, то Павелъ I не раздавалъ ихъ, а разметывалъ. Такъ какъ Государь былъ гнѣвливъ, въ движеніяхъ своего гнѣва скоръ, но не злопамятенъ, то случалось нерѣдко, что лица, подвергшіяся карѣ, почему-либо замедленной въ исполненіи, не только не получали назначеннаго имъ наказанія, которое затѣмъ отмѣнялось, но были осыпаемы милостями. Знаки монаршаго благоволенія лились на иныхъ истиннымъ дождемъ. Нелидовъ изъ камеръ-пажей сдѣлался генералъ-адъютантомъ въ годъ и три мѣсяца и въ такой же почти срокъ попалъ въ тайные совѣтники; Каннабихъ дослужился до полковничьяго чина чуть ли не скорѣе Нелидова. Но быстрое возвышеніе и обиліе другихъ полученныхъ наградъ, не только никого не гарантировали отъ внезапной немилости, а напротивъ. Въ такой перемѣнчивости Павла I винятъ обыкновенно интриги, зависть и наушничество его приближенныхъ. Они дѣйствительно не отличались доблестями и усугубляли зло, но существовавшій въ его царствованіе порядокъ вещей нельзя приписать постороннимъ вліяніямъ. Государь былъ самъ первымъ и злѣйшимъ себѣ врагомъ; въ немъ самомъ заключались дурныя особенности тогдашняго правительства. Отвергать это и всю бѣду возлагать на постороннія воздѣйствія и вліянія, значитъ дѣлать изъ Павла верховнаго вождя, не имѣвшаго никакой самостоятельности и служившаго послушнымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ. А этого не было [20]).

Но такъ какъ въ Государѣ было много очень хорошаго, то это хорошее не могло не выказаться въ преобразованіяхъ. Внутри государства стало нѣсколько спокойнѣе; боясь жестокихъ каръ, власти сдѣлались осторожнѣе въ своихъ своевольствахъ и насиліяхъ; грабежи по дорогамъ, уснѣвшіе мѣстами перейти въ хроническое состояніе, или ослабѣли или вовсе прекратились; на Волгѣ, бывшей мѣстомъ частыхъ и дерзкихъ разбоевъ, въ годъ времени установилось такое спокойствіе, котораго давно не знали. Въ военномъ законодательствѣ проведено желаніе огра-

какъ въ наслѣдство отъ Екатерины онъ получилъ Румянцова и Суворова, которыхъ знала и которыми гордилась вся Россія. Также точно ослабленъ былъ въ своемъ значеніи вообще генеральскій чинъ, искуственнымъ расположеніемъ генераловъ и производствомъ въ нихъ юношей. Учрежденіе шефовъ уронило въ глазахъ офицеровъ полковниковъ, которые оказались связанными по рукамъ и ногамъ, — крайность еще болѣе вредная, чѣмъ практиковавшаяся при Екатеринѣ, ибо начальникъ теперь обращался въ куклу. Заимствуя изъ прусскаго устава все, что безполезно и неприложимо, передѣлали внутренній составъ частей войскъ, освященный привычкою и долгимъ боевымъ опытомъ; ссадили штабъ-офицеровъ пѣхоты съ коней, такъ что въ строю они ничего не могли видѣть; уничтожили подраздѣленія унтеръ-офицерскихъ чиновъ, дали имъ алебарды вмѣсто ружей, т.-е. сдѣлали безполезными для боя 100 человѣкъ въ полку. Вмѣсто прежней удобной и простой одежды, принята самая причудливая и стѣснительная; «смѣшная», какъ ее справедливо называли многіе современники; введены лакированные башмаки, которые никогда не употребляются русскими людьми и которые мѣшали пѣхотѣ ходить. На походѣ, по грязнымъ дорогамъ, солдату было истинное мученье со штиблетами, штиблетными подтяжками, крючками, башмачными петельками и проч. Прежнюю прическу, дозволявшую содержать голову въ чистотѣ, замѣнила сложная куафюра съ саломъ, пудрой и прямыми ихъ послѣдствіями — паразитами; нужно было заводить парикмахеровъ; въ ночь передъ смотрами нельзя было ложиться спать, чтобы не испортить прическу, ибо два парикмахера въ эскадронѣ едва успѣвали кончить свое дѣло, работая цѣлую ночь.

Въ службѣ завелась надоѣдливая, мертвящая мелочность; въ мелочахъ путались начальники, изъ мелочей не могъ выбраться солдатъ. Все шло за предметъ первостепенной важности, задняго плана не существовало, сущность дѣла улетучивалась. Самъ Государь, бывая ежедневно на разводахъ, снисходилъ до того, что пріѣзжалъ на мѣсто развода заранѣе, назначалъ линію фронта, послѣ развода присутствовалъ при смѣнѣ главнаго караула въ зимнемъ дворцѣ. Присылаемые Го-

цузами, изъ которыхъ одинъ давно уже сошелъ съ ума, и его велѣно помѣстить въ домъ умалишенныхъ, а другого, Боно, *держать по прежнему* въ заключеніи, такъ какъ онъ присланъ Сиверсомъ изъ Варшавы по подозрѣнію *въ шпіонствѣ*. Косцюшкѣ предложено вступить въ русскую службу, но онъ отказался и пожелалъ выѣхать изъ предѣловъ Россіи, что и разрѣшено; онъ снабженъ денежными средствами и уѣхалъ въ Стокгольмъ въ сопровожденіи двухъ сопутниковъ, изъ числа находившихся при немъ приставовъ. Графу Потоцкому пожаловано 1000 душъ; прочимъ выданы на проѣздъ деньги. Капустасъ и Килинскій получили по 100 червонцевъ и поѣхали въ прусскіе предѣлы, но въ мартѣ слѣдующаго 1797 года появились въ Литвѣ, высланные изъ прусской Польши, какъ опасные люди. Литовскій генералъ-губернаторъ пришелъ въ большое замѣшательство, не зная что съ ними дѣлать, послалъ донесеніе въ Петербургъ и испрашивалъ приказанія. Онъ доносилъ, что Капустасъ и Килинскій просятъ дозволенія поселиться въ польско-русскихъ областяхъ, но это невозможно, такъ какъ они люди «со всѣхъ сторонъ опасные»; кромѣ того, по ихъ слѣдамъ, Прусское правительство станетъ пожалуй высылать и другихъ. Государь не согласился съ генералъ - губернаторомъ и приказалъ: «предоставить Канустасу и Килинскому свободу жить, гдѣ пожелаютъ». Они поселились въ Вильнѣ, и взглядъ Государя на неосновательность опасенія мѣстнаго начальства оправдался [22]).

Но доброе и благое въ дѣятельности Павла I сверкало лишь въ видѣ бликовъ на фонѣ мрачной картины его преобразовательной дѣятельности. Противуположныя качества преобладали въ подавляющемъ количествѣ и съ подавляющею силой, оставляя по себѣ послѣдствія, въ которыхъ тонуло почти все хорошее. Такъ было и въ крупномъ, и въ мелочахъ. Желаніе—все урегулировать и подвести подъ одну мѣрку механической исполнительности — побудило Государя, отступивъ отъ прусскаго образца, унизить фельдмаршаловъ и дать имъ одинаковыя съ низшими генералами обязанности. Къ этой же цѣли привело производство въ фельдмаршалы, въ мирное время, почти десятка генераловъ, въ томъ числѣ самыхъ заурядныхъ, тогда

какъ въ наслѣдство отъ Екатерины онъ получилъ Румянцова и Суворова, которыхъ знала и которыми гордилась вся Россія. Также точно ослабленъ былъ въ своемъ значеніи вообще генеральскій чинъ, искуственнымъ расположеніемъ генераловъ и производствомъ въ нихъ юношей. Учрежденіе шефовъ уронило въ глазахъ офицеровъ полковниковъ, которые оказались связанными по рукамъ и ногамъ, — крайность еще болѣе вредная, чѣмъ практиковавшаяся при Екатеринѣ, ибо начальникъ теперь обращался въ куклу. Заимствуя изъ прусскаго устава все, что безполезно и неприложимо, передѣлали внутренній составъ частей войскъ, освященный привычкою и долгимъ боевымъ опытомъ; ссадили штабъ-офицеровъ пѣхоты съ коней, такъ что въ строю они ничего не могли видѣть; уничтожили подраздѣленія унтеръ-офицерскихъ чиновъ, дали имъ алебарды вмѣсто ружей, т.-е. сдѣлали безполезными для боя 100 человѣкъ въ полку. Вмѣсто прежней удобной и простой одежды, принята самая причудливая и стѣснительная; «смѣшная», какъ ее справедливо называли многіе современники; введены лакированные башмаки, которые никогда не употребляются русскими людьми и которые мѣшали пѣхотѣ ходить. На походѣ, по грязнымъ дорогамъ, солдату было истинное мученье со штиблетами, штиблетными подтяжками, крючками, башмачными петельками и проч. Прежнюю прическу, дозволявшую содержать голову въ чистотѣ, замѣнила сложная куафюра съ саломъ, пудрой и прямыми ихъ послѣдствіями — паразитами; нужно было заводить парикмахеровъ; въ ночь передъ смотрами нельзя было ложиться спать, чтобы не испортить прическу, ибо два парикмахера въ эскадронѣ едва успѣвали кончить свое дѣло, работая цѣлую ночь.

Въ службѣ завелась надоѣдливая, мертвящая мелочность; въ мелочахъ путались начальники, изъ мелочей не могъ выбраться солдатъ. Все шло за предметъ первостепенной важности, задняго плана не существовало, сущность дѣла улетучивалась. Самъ Государь, бывая ежедневно на разводахъ, снисходилъ до того, что пріѣзжалъ на мѣсто развода заранѣе, назначалъ линію фронта, послѣ развода присутствовалъ при смѣнѣ главнаго караула въ зимнемъ дворцѣ. Присылаемые Го-

сударемъ инспекторы имѣли возможность повѣрять лишь строевое уставное ученье, знакомиться съ внѣшнимъ видомъ войскъ, т.-е. ревизовать то, что бросалось прямо въ глаза. Доискиваться до сути имъ было недосужно, да и многіе ли изъ нихъ понимали эту суть, выйдя изъ узкой гатчинской школы? А между тѣмъ они, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Государя, были такъ сказать рѣшителями судебъ, безапеляціонными судьями. Стройность, точность, однообразіе во всемъ,—вотъ чего не доставало Екатерининскимъ войскамъ при первомъ взглядѣ и чѣмъ, на-оборотъ, отличались гатчинскія войска цесаревича; этотъ идеалъ и преслѣдовался инспекторами-гатчинцами. Развились разныя ухищренія и уловки. Такъ, при прохожденіи одного коннаго полка чрезъ Ригу, при недостаткѣ новыхъ высокихъ сапоговъ, кои не успѣли заготовить, людямъ были надѣты на правую ногу новые сапоги, а на лѣвой—красовались старые. Уловка удалась, но куплена она дорогой цѣною—заговоромъ полкового командира и офицеровъ съ солдатами, чтобы обмануть начальство. И такое безнравственное отношеніе къ дѣлу коренилось въ самомъ характерѣ требованій; оно развивалось самимъ закономъ, который плодилъ на своихъ страницахъ мелочность ненужную, иногда неисполнимую. Уставъ предписывалъ напримѣръ офицерамъ имѣть сюртуки, зимой подбитые байкою, а лѣтомъ—стамедомъ, «но не имѣть для сего двухъ сюртуковъ». Правило объ обѣденныхъ столахъ генералитета, на время полевыхъ кампаній, назначало число столовъ, блюдъ и кувертовъ даже у фельдмаршала; прочимъ генеральскимъ чинамъ эти цифры точнымъ образомъ соотвѣтственно уменьшались, а ужины запрещались подъ опасеніемъ вычетовъ изъ жалованья [23]).

Увлеченіе мелочами и подражательностью доводило до неуваженія къ существенному, вело къ перемѣнамъ, затрогивавшимъ преданіе и исторію. Чтобы больше сроднить войска съ ихъ знаменами, Петръ Великій далъ каждому полку названіе по имени русскихъ городовъ и земель; теперь это было измѣнено, и полки назывались по имени своихъ шефовъ. Послѣ Голландской экспедиціи 1799 года, русскій посланникъ въ Англіи обходя нашихъ больныхъ въ портсмутскомъ госпи-

талѣ, спросилъ одного изъ нихъ, какого онъ полка. «Не знаю», отвѣчалъ солдатъ: «прежде былъ такого-то, а потомъ какому-то нѣмцу данъ полкъ отъ Государя». Это «незнаніе» заключало въ себѣ нѣчто такое, чего не должно быть въ арміи, во всякомъ случаѣ—былъ ли отвѣтъ насмѣшливъ или простодушенъ. «Не знали» не одни солдаты, а иногда и высшіе начальники. Въ Прагѣ, на обратномъ пути въ Россію изъ Швейцаріи, Суворовъ спросилъ вновь назначеннаго ординарца, какого онъ полка. «Драгунскаго Шепелева», — былъ отвѣтъ. «Я этого не знаю»,—возразилъ Суворовъ: «какъ полкъ назывался прежде?»—«Петербургскій»,—отвѣчалъ ординарецъ. «А знаю, знаю»,—сказалъ Суворовъ: «славный полкъ» и т. д. Вообще производившіяся перемѣны, особенно по предмету строевого образованія, должны были возбуждать въ войскахъ недоумѣніе, для чего все это дѣлается. Мирной гвардіи, къ тому же слитой съ гатчинскими войсками, недоумѣвать было не надъ-чѣмъ; не даромъ же, по свидѣтельству современника, въ началѣ царствованія Павла, Суворовъ переставалъ уже въ столицѣ слыть за знатока службы. Но боевымъ армейскимъ войскамъ, понимавшимъ разницу между мирными и военными условіями службы, педантическія требованія новаго устава несомнѣнно представлялись не вразумительными. Имъ не могло придти въ голову, что ихъ тридцатилѣтнія побѣды ничего не значатъ, а между тѣмъ такъ выходило. На донесеніе одного мѣстнаго инспектора о неполученіи до сего времени (1797 г.) однимъ полкомъ медалей за прагскій штурмъ, Павелъ I отвѣчалъ: «медалей за прагскій штурмъ бывшимъ на немъ отпущено не будетъ, понеже я его не почитаю дѣйствіемъ военнымъ, а единственно закланіемъ жидовъ». Не объявить это полку, значило оставить справедливую претензію безъ удовлетворенія и даже безъ объясненія; передать солдатамъ причину неотпуска медалей точными словами рескрипта, значило сдѣлать еще гораздо болѣе вредное.

Хорошо еще, если Павелъ I написалъ это сгоряча (не задолго передъ тѣмъ Суворовъ былъ посланъ въ ссылку) и потомъ свое рѣшеніе измѣнилъ, но едва-ли такое предположеніе

справедливо, потому что взглядъ Государя на военное дѣло образовался подъ особеннымъ угломъ, и Суворовское военное искуство онъ долженъ былъ цѣнить очень не высоко. Въ такомъ случаѣ въ результатѣ опять являлось *незнаніе* со стороны войскъ, чего отъ нихъ требуютъ. Скорость и горячность Павла I давали къ тому безпрестанные поводы, если не войскамъ, то начальствующимъ лицамъ, и ставили ихъ въ невозможность — уберечься отъ поступковъ, не угодныхъ Государю. Издано было правило, чтобы унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ производитъ въ подпоручики по способностямъ и достоинствамъ, «притомъ не безобразныхъ». Одинъ изъ инспекторовъ, вѣроятно подъ страхомъ возможнаго взысканія, представилъ, что поручикъ Рагузинъ горбатъ, а потому къ полевой службѣ не способенъ. «На это я вамъ замѣчу»,—пишетъ ему Государь: «что многіе весьма хорошіе полководцы были въ такомъ же состояніи, что ни мало не препятствовало имъ продолжать службу». Въ концѣ приписано собственноручно: «я и самъ горбатъ, хотя я и не полководецъ» [24]).

Страхъ былъ главнымъ двигателемъ службы; изъ страха послѣдовало донесеніе о горбатомъ, изъ страха генералъ-лейтенантъ Загряжскій не пошелъ на инспекторскій смотръ, какъ было сказано выше. Все и отъ всего трепетало; участникъ прагскаго штурма увѣряетъ, что шелъ съ полкомъ на смотръ съ ужасомъ, котораго не испытывалъ идя на штурмъ. Никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ; бѣда налетала нежданно—негаданно. Внѣшняя дисциплина процвѣтала, но внутренняя была потрясена въ глубинѣ ея основъ; уваженіе къ старшимъ потеряно, потому что всѣхъ уравнивали вспышки гнѣва или болѣзненное проявленіе подозрительности Павла I. Громадныя заслуги сводились къ нулю, достоинство не принималось въ разсчетъ, даже недавнія милости и благоволеніе Государя ничего не значили въ этой азартной игрѣ счастья и несчастья. Вмѣсто того, чтобы бережно регулировать иниціативу и самодѣятельность, ихъ подсѣкли въ самомъ корнѣ; требовались только послушаніе и исполнительность. Служба впадала въ карикатуру: на лекціяхъ у гатчинскихъ наставниковъ

учились боевые генералы; старые побѣдоносные вожди встрѣчали не нюхавшихъ пороха штабъ-офицеровъ—мальчиковъ съ рапортами и представляли имъ свои полки. Офицеры или тяготились службой и сотнями ее оставляли, разсчитывая убраться до большой бѣды, или подчинялись своему жребію съ тупымъ чувствомъ равнодушія ко всему, или же выказывали къ ней явное пренебреженіе, пускаясь на разныя шалости и проказы, осмѣивавшія вновь заведенные порядки.

А между тѣмъ, эти новые порядки прививались очень туго, исключая развѣ одной гвардіи, и вовсе не изъ-за недостатка доброй воли. Служили тогда долго, служебныя правила, привычки и злоупотребленія въѣдались глубоко, и отрѣшиться отъ нихъ было трудно. Вводимыя по всѣмъ отраслямъ преобразованія представлялись хаосомъ, гдѣ разобраться было дѣломъ непосильнымъ для людей, лишившихся самообладанія, а боязнь кары, страхъ бѣды—только увеличивали суматоху и заставляли терять голову. И кары не медлили, разражаясь по всѣмъ направленіямъ. Въ 4 года и 4 мѣсяца царствованія Павла I, уволено, отставлено и выкинуто изъ службы 7 фельдмаршаловъ, болѣе 300 генераловъ и свыше 2,000 штабъ и оберъ-офицеровъ, а вся армія едва доходила численностью до 400,000 человѣкъ.

Въ прежнее время Павелъ Петровичъ говорилъ и писалъ не то, что теперь дѣлалъ. Онъ указывалъ на необходимость незыблемаго закона для воспитанія военнаго сословія, дабы начальствующимъ не было повода къ произволу и дабы все, не предусмотрѣнное закономъ, рѣшалось верховною властью. Теперь онъ самъ колебалъ обаяніе и непогрѣшимость этой власти такимъ страстнымъ образомъ дѣйствій, который вносилъ въ умы смущеніе, въ сердца трепетъ и олицетворялъ власть въ видѣ капризовъ воли, порывовъ гнѣвливой души. Прежде, охуждая военныя реформы Екатерины, онъ писалъ, что «часто ищутъ лучшаго, теряютъ оттого хорошее, пороча все, что было, когда надо исправить только худое»; нынѣ поступалъ несравненно радикальнѣе своей матери. Будучи цесаревичемъ, онъ писалъ Петру Панину: «покойный мой отецъ вступилъ на престолъ и

принялся заводить порядокъ, но стремительное его желаніе — завести новое, помѣшало ему благоразумнымъ образомъ приняться за оный; прибавить къ сему должно, что неосторожность можетъ быть была въ его характерѣ, и отъ ней дѣлалъ вещи, наводящія дурныя импрессіи, которыя соединившись съ интригами противъ его персоны, а не самой вещи, погубили его и заведеніямъ порочный видъ старались дать... Чего интрига не въ состояніи повести, если благоразуміе, осторожность и твердость духа не противустоятъ ей». Сдѣлавшись Императоромъ, Павелъ I сталъ образомъ своихъ дѣйствій отвергать именно эти принципы [25]).

Какъ велось дѣло въ военномъ вѣдомствѣ, такъ шло оно и всюду. Страхъ, боязнь за себя—сдѣлались всеобщими двигателями; наказанія потеряли нравственный смыслъ, а сохранили одно матеріяльное значеніе; награды тоже. Особенно тяжело жилось въ Петербургѣ; обязанность — выходить изъ экипажа хоть бы въ грязь для привѣтствованія проѣзжающаго Государя, проходить мимо дворца съ непокрытою головой во всякую погоду, недозволеніе употреблять тѣ или другія статьи одежды извѣстнаго покроя или фасона, и проч. и проч., выростали одно за другимъ. Нравственная атмосфера сдѣлалась тяжелою до удушливости; въ ней не могли долго жить люди, сознававшіе въ себѣ духовную природу и не считавшіе себя за манекеновъ. Менѣе чѣмъ кто-либо могъ въ ней жить Суворовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ Тульчинѣ и Кобринѣ; 1796 — 1797.

Впечатлѣніе, произведенное на Суворова кончиною Императрицы Екатерины. — Отношенія его къ цесаревичу Павлу Петровичу; первыя сношенія съ новымъ Императоромъ и одобрительные отзывы. — Благоволеніе къ нему Государя, на ряду съ признаками противуположнаго свойства.— Снова возникшее дѣло Вронскаго.— Первыя неудовольствія; поводы къ нимъ; двукратное прошеніе Суворова о годовомъ отпускѣ; интимная его переписка; прошеніе объ отставкѣ; одновременное съ этимъ прошеніемъ увольненіе его отъ службы. — Задержка Суворова въ Тульчинѣ; его фальшивое тамъ положеніе; мнимое прощаніе съ войсками; отъѣздъ въ Кобринъ.—Впечатлѣніе, произведенное отставкою Суворова.—Переселеніе въ Кобринъ офицеровъ, оставившихъ службу по приглашенію Суворова. — Не сбывшіеся его разсчеты; ссылка въ село Кончанское. — Объясненіе опалы.

Екатерина II скончалась 6 ноября, но вѣсть объ этомъ дошла въ Тульчинъ лишь 13 числа. Впечатлѣніе было такое же, какъ и всюду: замѣшательство, инстинктивный страхъ, разговоры шопотомъ, а въ глубинѣ всего — зашелившееся чувство самосохраненія. Суворовъ былъ поражонъ грустною вѣстью; приближенные его это предвидѣли, а потому онъ узналъ ее не сразу и сохранилъ наружное самообладаніе. Назначили божественную службу, отдано приказаніе—всѣмъ собираться въ церковь, въ полной формѣ, священнику быть въ самомъ богатомъ облаченіи. Суворовъ явился въ церковь въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, при всѣхъ орденахъ, осыпанный бриліантами, пожалованными покойною Императрицей, и прямо прошелъ въ алтарь.

Пока шла литургія, онъ все время стоялъ на колѣняхъ, горько плакалъ и усердно молился, а къ благодарственному молебну вышелъ изъ алтаря и сталъ на клиросѣ. Здѣсь онъ былъ совершенно спокоенъ, на лицѣ его нельзя было замѣтить и слѣдовъ слезъ. Отошелъ молебенъ; всѣ вышли на площадь, гдѣ стояли войска; Суворовъ самъ командовалъ. По окончаніи присяги, всѣ снова вернулись въ церковь; Суворовъ опять прошелъ въ алтарь, всю панихиду плакалъ и, стоя на колѣняхъ, молился. Затѣмъ онъ вернулся домой, обѣдать; разговаривалъ съ окружающими, тая свою печаль; былъ серьезенъ, но спокоенъ; никто изъ собесѣдниковъ не могъ въ немъ подмѣтить признаковъ горя. Однако такая разладица между ощущеніями и наружнымъ поведеніемъ сдѣлалась ему въ самомъ скоромъ времени не по силамъ, и онъ переселился въ деревню, верстахъ въ 12 отъ Тульчина[1]).

Ноября 24, въ день тезоименитства покойной Императрицы, Суворовъ пріѣхалъ къ заутренѣ и, по окончаніи службы, долго оставался въ алтарѣ одинъ, на колѣняхъ, обливаясь слезами. «Неблагодарный успшему Государю будетъ неблагодаренъ и царствующему», поясняетъ онъ въ письмѣ къ Хвостову, прибавляя: «въ Херсонѣ я ходилъ на гробъ князя Потемкина, помня одни его благодѣянія», а въ заключеніе говоритъ: «подарите моимъ русскимъ крестьянамъ (т. е. не кобринскимъ) всѣмъ по рублю изъ оброковъ».

Отношенія между цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ и Суворовымъ были постоянно удовлетворительныя. Пріѣзжая въ Петербургъ и представляясь Императрицѣ Екатеринѣ, Суворовъ непремѣнно являлся на поклонъ и къ цесаревичу, и неизмѣнно оказывалъ ему знаки почтительной преданности, какъ наслѣднику престола. Правда, онъ не удерживалъ своихъ странностей и причудъ въ присутствіи Павла Петровича, особенно въ послѣдніе годы, когда сдѣлался чудакомъ по преимуществу, и это было непріятно Павлу, который не любилъ вообще никакихъ отклоненій отъ общепринятой колеи обычаевъ, приличій и проч. Происходили въ подобныхъ случаяхъ и нѣкоторыя съ обѣихъ сторонъ рѣзкости, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться раньше, но все это было дѣломъ обычнымъ и для того, и для другого. Въ

выходкахъ своихъ Суворовъ на стѣснялся нигдѣ, въ томъ числѣ и въ присутствіи Екатерины, которой говорилъ даже многое очень для нея досадное; слѣдовательно Павелъ Петровичъ не имѣлъ причины видѣть въ дурачествахъ Суворова что-нибудь спеціальное, для него, цесаревича, предназначенное и потому лично оскорбительное. Въ этомъ могло его убѣдить и то обстоятельство, что Суворовъ никогда не принималъ участія въ интригахъ большого двора противу него, цесаревича, его семейства и приближенныхъ, и вообще держалъ себя внѣ сферы дворской дѣятельности.

Цесаревичъ писалъ Суворову письма по разнымъ случаямъ, напримѣръ о бракосочетаніи своихъ дѣтей, получалъ отъ него почтительныя поздравленія съ пожеланіями и прочее, въ подобномъ родѣ; но это доказывало добропорядочность, а не близость ихъ отношеній. Существовали причины и къ холодности со стороны Павла: глубокая преданность Суворова Екатеринѣ и сочувствіе его многимъ нововведеніямъ Потемкина. Подозрительный Павелъ Петровичъ, какъ глава небольшой партіи, не въ авантажѣ обретавшейся, не могъ или не хотѣлъ смотрѣть на приверженцевъ своей матери иначе, какъ на своихъ враговъ; онъ какъ будто забывалъ, что мать его есть царствующая Государыня, занимающая престолъ не со вчерашняго дня, и что можно быть вѣрнымъ ей слугой, а затѣмъ когда придетъ время, сдѣлаться вѣрнымъ слугой ему, новому Императору, безъ всякой непослѣдовательности. Что касается до Потемкинскихъ нововведеній, то Павелъ Петровичъ ненавидѣлъ ихъ сплошь, гуртомъ, больше всего на свѣтѣ; онъ не признавалъ въ нихъ ничего хорошаго и всѣхъ, кто былъ на ихъ сторонѣ, считалъ сообщниками Потемкина, своими противниками и людьми вредными для общаго блага. Стало быть къ числу такихъ лицъ Павелъ Петровичъ относилъ отчасти и Суворова, который расходился съ нимъ еще и въ томъ, что былъ творцомъ своеобразнаго военнаго искуства, по мнѣнію Павла — дикаго, безпорядочнаго, противорѣчащаго единственно-вѣрнымъ принципамъ великаго Прусскаго короля.

Такимъ образомъ, не имѣя противу Суворова ничего прямо непріязненнаго, Государь однако не чувствовамъ къ нему распо-

ложенія. Почти тоже самое, по рефлексіи, происходило и въ Суворовѣ, помимо преданности вѣрноподданнаго государю. Но живя почти всегда въ провинціи, далеко отъ Петербурга и появляясь въ придворной сферѣ случайно, какъ лицо постороннее, Суворовъ не представлялъ себѣ Павла Петровича такимъ, какимъ его олицетворяли другіе, стоявшіе ближе къ центру дѣлъ и закулисныхъ тайнъ. Оттого, по вступленіи Павла на престолъ, въ Суворовѣ было гораздо меньше опасеній за будущее, чѣмъ печали и грусти о прошедшемъ. Первое время онъ находилъ въ новомъ царствованіи даже не мало хорошаго, сравнительно съ прежнимъ, и лишь по прошествіи нѣсколькихъ недѣль передъ нимъ развернулось настоящее въ истинномъ видѣ. Этому не мало способствовали и письма Хвостова, изображавшаго дѣйствительность въ розовомъ свѣтѣ, подъ вліяніемъ воздвигнутаго Государемъ гоненія на многое худое, унаслѣдованное имъ отъ Екатерины.

Одно изъ самыхъ первыхъ (если не первое) представленій Суворова Государю, имѣло своимъ предметомъ обезпеченіе судьбы Вѣры Ивановны Арсеньевой, вдовы дежурнаго генерала, и ходатайство объ освобожденіи содержавшихся въ Петербургѣ поляковъ, вопреки данной Суворовымъ амнистіи. Послѣднее, какъ писалъ Суворовъ Хвостову 18 ноября 1796 года, истекало «изъ угрызеній его совѣсти». Не знаемъ, вышло ли что̀ изъ первой просьбы; вѣрнѣе — нѣтъ, судя по нѣкоторымъ позднѣйшимъ признакамъ. Что касается до поляковъ, то они, какъ мы видѣли, были Государемъ освобождены, неизвѣстно только—по собственному ли побужденію или вслѣдствіе просьбы Суворова. Однимъ изъ первыхъ рескриптовъ Государя на имя Суворова засвидѣтельствовано ему высочайшее благоволеніе; затѣмъ оказаны разныя милости его родственникамъ. «Посвящаю мою жизнь службѣ Вашего Императорскаго Величества», отвѣчаетъ ему Суворовъ и потомъ неоднократно благодаритъ за высочайшее вниманіе къ его, Суворова, роднымъ. Не разъ высказывается и въ письмахъ къ Хвостову удовольствіе Суворова по случаю многаго происходящаго: «ура, мой другъ графъ Безбородко — первый министръ»; «вы меня восхищаете милосерд-

нымъ нашимъ государемъ; для себя я начинаю забывать, но не какъ неблагодарный, невозвратную потерю»; «Боже благослови намѣренія великаго Государя»; «съ одной стороны я плачу, съ другой возношу хвалу Вышнему, что повалилъ кумировъ (гл. образомъ князя Зубова): великому Государю я вѣренъ полвѣка». Какъ бы втягиваясь въ колею новой жизни, Суворовъ изъявляетъ готовность нѣсколько сойтись съ близкими и довѣренными у Государя лицами: «они честные люди; ниже когда косого вида отъ кого изъ нихъ я къ себѣ не видалъ, и Ростопчинъ вновѣ знакомъ; къ нимъ и прочимъ высочайшаго штата душевное почтеніе, безъ ласкательства, и поздравленіе мое кому приличествуетъ». Впрочемъ онъ не увлекается черезъ мѣру и указываетъ Хвостову на осторожность и сдержанность: «къ ихъ довѣренностямъ отнюдь не сближаться».

Скоро начали сквозить чрезъ розовую окраску темныя пятна. Милости и награды лились отъ Государя полной рѣкой, но Суворова миновали. Онъ самъ по этому предмету не проговаривается ни однимъ словомъ, но приближенныя его лица обращаются къ Хвостову съ вопросами, обнаруживая недоумѣніе и безпокойство. Еще бо̀льшее безпокойство въ штабѣ Суворова произвело возникшее снова дѣло Вронскаго, да и самого Суворова оно повергло въ досаду и негодованіе, которыя отражались на расположеніи его духа, даже на состояніи здоровья и высказывались въ рѣзкости писемъ [2]).

Высланный въ сентябрѣ 1795 года изъ Варшавы въ свой полкъ, Вронскій явился къ Румянцову и, получивъ отъ него 6-мѣсячный отпускъ, отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ написалъ и подалъ генералъ-поручику Исленьеву (засѣдавшему раньше въ варшавской комиссіи по его доносу) прошеніе, гдѣ писалъ, что всѣ смотрятъ на него, Вронскаго, какъ па опозореннаго; что онъ самъ стыдится самого себя, лишившись невинно милостей и благоволенія Суворова; что возвратить себѣ доброе имя онъ не можетъ иначе, «какъ совершеннымъ себя оправданіемъ передъ его сіятельствомъ и публикой», и что «всякое другое наказаніе не можетъ быть ему унизительнѣе». Такъ какъ это письмо осталось безъ послѣдствій, то Вронскій подалъ

въ іюлѣ того же года прошеніе на имя Императрицы о дальнѣйшемъ разслѣдованіи обнаруженныхъ имъ въ Варшавѣ злоупотребленій, причемъ выгораживаетъ Суворова — лично, а всю вину расхищенія приписываетъ его подчиненнымъ. Узнавъ объ этомъ тогда же, Суворовъ донесъ Императрицѣ почти тоже, что писалъ въ предшествовавшемъ году изъ Варшавы, объяснивъ, что виновные достаточно наказаны и что дѣло это можно считать оконченнымъ. Такъ вѣроятно смотрѣла и Екатерина II, потому что, хотя по приказанію генералъ-прокурора и были отобраны отъ Вронскаго нѣкоторые объясненія и документы, но дальнѣйшаго хода дѣло не получило. Когда вступилъ на престолъ Императоръ Павелъ I, Вронскій, по его собственному признанію чувствовавшій на себѣ всеобщее, явное презрѣніе и слышавшій даже мнѣніе о его помѣшательствѣ,—черезъ 10 дней подалъ новое прошеніе о продолженіи производившагося въ 1795 году слѣдствія. Это совершенно совпадало съ намѣреніями Государя, задавшагося мыслію—уничтожить съ корнемъ злоупотребленія предшествовавшаго царствованія, а потому онъ приказалъ: «всѣхъ лицъ, оговоренныхъ Вронскимъ, отрѣша отъ мѣстъ и должностей, предать строгому изслѣдованію и воинскому суду по законамъ», для чего немедленно собрать ихъ въ Петербургъ, удержавъ здѣсь и Вронскаго. Находившійся въ Петербургѣ отъ полевыхъ войскъ кригсрехтъ нашелъ было нужнымъ предварительно затребовать отъ Суворова нѣкоторыя объясненія, но Государь на это не соизволилъ.

Къ исходу 1796 года дѣло однако не только не подвинулось, но и не начиналось, потому что изъ 13-ти прикосновенныхъ лицъ, прибылъ въ Петербургъ только одинъ. Военная коллегія подтвердила о немедленной высылкѣ остальныхъ и о доставкѣ затребованныхъ документовъ, а затѣмъ еще подтверждала не разъ, но безуспѣшно. Суворовъ, въ раіонѣ командованія котораго находилось наибольшее число оговоренныхъ Вронскимъ, не только не отправлялъ Мандрыкина и Тищенко, но и запретилъ тульчинской провіантской комиссіи высылать другихъ, пока не послѣдуетъ рѣшеніе на сдѣланное имъ Государю представленіе по этому предмету. Тѣмъ временемъ былъ упраздненъ въ Петербургѣ

кригсрехтъ и учрежденъ генералъ-аудиторіатъ, который и открылъ судную комиссію при петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ. Подтвержденіе было сдѣлано строжайшее, приказано исполнить безъ отговорокъ, и высочайшимъ повелѣніемъ, отданнымъ при паролѣ 30 января, Мандрыкинъ и Тищенко переведены въ дальнія войска. Но время это уже почти совпало съ выходомъ Суворова въ отставку, когда строгія мѣры, направленныя противъ него, были въ полномъ ходу [3]).

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1796 года, сношенія Суворова съ Государемъ не имѣли въ себѣ ничего непріятнаго Суворову или неугоднаго Государю. Какъ сказано, Суворовъ остановилъ отправку въ Петербургъ потребованныхъ военною коллегіею лицъ, ожидая рѣшенія его всеподданнѣйшаго донесенія; въ донесеніи этомъ однако никакой просьбы изложено не было, а только сказано въ нѣсколькихъ строкахъ про сущность дѣла съ Суворовской точки зрѣнія, причемъ упомянуто, что Вронскій одержимъ «частымъ разума помраченіемъ». Императоръ Павелъ I усмотрѣвъ въ его донесеніи только безпокойство, отвѣчалъ собственноручнымъ рескриптомъ отъ 15 декабря. «Не безпокойтесь по дѣлу Вронскаго», писалъ Государь: «я велѣлъ комиссіи разсмотрѣть, его же употребить Что было прежде, того не воротишь; commençons de nouveau; кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ; у иныхъ правда и безъ того по одному глазу было. Поздравляю съ новымъ годомъ и зову пріѣхать къ Москвѣ, къ коронаціи, если тебѣ можно. Прощай, не забывай старыхъ друзей. *Павелъ*. Приводи своихъ въ мой порядокъ пожалуй». Такое благосклонное или, по крайней мѣрѣ милостивое, отношеніе къ Суворову высказывается въ рескриптахъ Павла I еще раза два—три. Такъ, на одной дѣловой бумагѣ онъ приписываетъ собственноручно по французски: «Мои чувства, любезный фельдмаршалъ, вамъ извѣстны; я разсчитываю на вашу дружбу и на то, что вы ее выкажете также во всемъ, касающемся блага службы. Будьте здоровы, прощайте».

Но это продолжалось не долго, да и такихъ заявленій Суворову казалось мало. Онъ видѣлъ, какія щедрыя милости и награды сыпались на другихъ, но самъ подобныхъ знаковъ

монаршаго благоволенія не удостоивался. Въ письмахъ его и его приближенныхъ къ Хвостову стала проглядывать по отношенію къ Государю какая-то сдержанность, въ родѣ недовѣрчивости. Екатерининъ день разбудилъ старыя воспоминанія, смерть Румянцова произвела также впечатлѣніе не веселое, строгій режимъ новаго царствованія выразился запрещеніемъ производить радостную пальбу въ торжественные дни. Какъ будто одолѣвала скука; Суворовъ сталъ каждую почти недѣлю ѣздить за нѣсколько верстъ на охоту, любителемъ которой никогда не былъ. Вслѣдъ затѣмъ проявились первыя неудовольствія Государя [4]).

Декабря 15 были посланы къ Суворову два фельдъегеря для посылокъ вмѣсто офицеровъ, а между тѣмъ къ новому году прибылъ отъ него въ Петербургъ адъютантъ, капитанъ Уткинъ, притомъ съ партикулярными письмами, безъ служебной кореспонденціи. Петербургскій комендантъ Аракчеевъ доложилъ объ этомъ Государю; Павелъ I приказалъ капитана Уткина опредѣлить въ одинъ изъ тамошнихъ полковъ, а Суворову выразилъ свое неудовольствіе, называя подобное употребленіе офицеровъ «неприличнымъ ни службѣ, ни званію ихъ». Кромѣ того, изъ разспросовъ Уткина Аракчеевымъ, Государь увидѣлъ, что Суворовъ не распустилъ еще, какъ было приказано, своего штаба, а потому въ томъ же рескриптѣ, сообщая ему объ этомъ «съ удивленіемъ», подтвердилъ свою волю къ непремѣнному и немедленному исполненію. Не успѣлъ Суворовъ получить этотъ рескриптъ, какъ сдѣлалъ три новыя провинности. Во-первыхъ, онъ вошелъ съ представленіемъ о нѣкоторомъ измѣненіи въ дислокаціи подчиненныхъ ему войскъ, что дѣлывалъ прежде безбоязненно и даже измѣнялъ дислокацію самъ собою, по заранѣе данному ему полномочію. Во-вторыхъ, вслѣдствіе полученнаго приказанія о роспускѣ домой казаковъ съ днѣстровской кордонной линіи и о замѣнѣ ихъ гусарами, Суворовъ обратился къ Государю съ ходатайствомъ объ оставленіи подъ его, Суворова, начальствомъ, генералъ-маіора Исаева, командовавшаго казачьими форпостами по Днѣстру, а мотивомъ ходатайства выставилъ совмѣстную съ Исаевымъ службу въ послѣднюю Польскую войну, отличныя качества этого генерала и желаніе его остаться подъ начальствомъ

Суворова. Въ-третьихъ, вопреки новому уставу, Суворовъ уволилъ въ отпускъ, въ Петербургъ, подполковника Батурина. Батуринъ былъ тотчасъ-же высланъ изъ Петербурга назадъ, и Суворову сообщено 14 января, чтобы впредь «въ отпускъ сюда никого не увольнять, не испросивъ прежде на то высочайшаго соизволенія». Кромѣ того послѣдовалъ на имя Суворова рескриптъ: «съ удивленіемъ вижу я, что вы безъ дозволенія моего отпускаете офицеровъ въ отпускъ, и для того надѣюсь я, что сіе будетъ въ послѣдній разъ. Не меньше удивляюсь я, почему вы входите въ распредѣленіе командъ, прося васъ предоставить сіе мнѣ. Что же касается до рекомендаціи вашей, то и сіе въ мирное время до васъ касаться не можетъ; развѣ въ военное время, если непосредственно подъ начальствомъ вашимъ находиться будетъ. Вообще рекомендую поступать во всемъ по уставу». Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высочайшемъ приказѣ 15 января, былъ сдѣланъ Суворову выговоръ.

Не успѣли эти высочайшія повелѣнія дойти до Суворова, какъ онъ послалъ въ Петербургъ вновь офицера—капитана Мерлина—съ донесеніемъ, что онъ, Суворовъ, не получалъ повелѣній о неупотребленіи офицеровъ въ курьерскія должности. Государь сильно разгнѣвался, велѣлъ Мерлина помѣстить въ Ригу, въ гарнизонный полкъ, «для примѣра другимъ», и выразилъ Суворову въ рескриптѣ свое крайнее неудовольствіе, сказавъ въ концѣ: «удивляемся, что вы тотъ, кого мы почитали изъ первыхъ ко исполненію воли нашей, остаетесь послѣднимъ». Затѣмъ Суворову былъ опять объявленъ въ высочайшемъ приказѣ выговоръ.

Весь этотъ потокъ непріятностей не успѣлъ еще излиться на Суворова, какъ послѣдній принялъ уже рѣшеніе. По полученіи перваго рескрипта Государя съ выраженіемъ неудовольствія (отъ 2 января), онъ положилъ устраниться временно отъ службы. Онъ написалъ и послалъ 11 января всеподданнѣйшее донесеніе, что въ войскахъ все обстоитъ благополучно, умираетъ мало, дисциплина соблюдается и проч. Въ заключеніи онъ прибавилъ: «мои многія раны и увѣчья убѣждаютъ Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше просить, для исправленія ото дня въ день ослабѣвающихъ моихъ силъ, о всемилостивѣйшемъ увольненіи

меня въ мои здѣшнія кобринскія деревни на сей текущій годъ». Павелъ I сухо отказалъ, написавъ 19 числа, что «обязанности службы препятствуютъ отъ оной отлучиться». Между тѣмъ требованія о введеніи новыхъ порядковъ дѣлались настойчивѣе и безусловнѣе, давались на все правила, изъ опасенія злоупотребленій отнималась всякая самодѣятельность у высшихъ начальниковъ. При этомъ самый способъ введенія реформъ былъ спѣшный, нервическій, не дававшій возможности вникнуть въ дѣло, и сопровождался рѣзкостью пріемовъ, которая съ каждымъ днемъ увеличивалась. Суворовъ, какъ извѣстно, выражался лаконически и обладалъ своеобразнымъ языкомъ, не всѣмъ сразу понятнымъ; это обстоятельство тоже было поставлено ему въ строку. Получивъ одно изъ его донесеній, Павелъ I написалъ 26 января: «донесеніе ваше получа, немедленно повелѣлъ возвратить его къ вамъ, означа непонятныя въ немъ два мѣста; по предписаніямъ нашимъ исполнять въ точности, не доводя о напоминовеніи долгу службы». Но случилось ли еще какое-нибудь обстоятельство, раздражившее Государя, или подписавъ рескриптъ, онъ нашелъ заключительныя свои слова слишкомъ слабыми, сравнительно съ виновностью Суворова, только принялъ тотчасъ же другое рѣшеніе, болѣе радикальное, и въ тотъ же день написалъ ему слѣдующее повелѣніе: «съ полученія сего немедленно отправьтесь въ Петербургъ» [5]).

Тѣмъ временемъ Суворовъ, получивъ отказъ въ годовомъ отпускѣ, раздумывалъ о своемъ положеніи. Тяжело ему было оставлять службу и военное дѣло, которому онъ отдалъ всю свою жизнь, и перейти къ занятіямъ, которыя со своей военной точки зрѣнія онъ отождествлялъ съ бездѣльемъ и праздностью. «Я только военный человѣкъ и иныхъ дарованіевъ чуждъ», писалъ онъ впослѣдствіи генералъ-прокурору. Однако иного рѣшенія не представлялось: продолжать службу было безполезно для нея и вредно для него. Она измѣнялась не только въ формахъ, но и въ содержаніи, а Суворовъ, имѣвшій за собою длинное, славное прошлое, не могъ переродиться, сдѣлаться не-Суворовымъ. Вынуждаемый обстоятельствами отказъ отъ службы не только не противорѣчилъ долгу подданнаго и чувству преданности и

вѣрности къ Государю, но напротивъ выражалъ серьезный взглядъ на первое, строгое отношеніе ко второму. Участвовало во всемъ этомъ и раздраженіе, и оскорбленное самолюбіе, и гордость; но они одни не въ состояніи были произвести переворотъ, безъ основной, руководящей причины. Суворовъ былъ человѣкъ съ большими недостатками, но достоинствъ у него было гораздо больше, и онѣ лежали глубже.

Оцѣнить горечь положенія Суворова, сложившагося подъ вліяніемъ реформъ Павла I, можно только познакомившись съ интимною его перепиской. Изъ этой переписки видно, что еще въ декабрѣ 1796 года, когда Государь не обнаруживалъ къ нему неблаговоленія, а потому личныхъ причинъ къ неудовольствію у Суворова не было, онъ уже критически относился къ реформамъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ доходили до его свѣдѣнія. Началось это даже въ концѣ ноября. Вся переписка Суворова по обыкновенію происходила съ неизмѣннымъ довѣреннымъ лицомъ, Хвостовымъ, изрѣдка съ другими. Иногда попадаются не письма, а записки, никому не назначенныя, а писанныя какъ будто для себя, подъ напоромъ впечатлѣній; записки эти по всей вѣроятности тоже посылались Хвостову, если-же нѣтъ, то остались у Суворова, но впослѣдствіи вмѣстѣ съ прочими его бумагами перешли къ Хвостову же.

Въ концѣ ноября 1796 года, когда стали обозначаться мелочность и педантскій методизмъ прусскихъ порядковъ во вновь вводимыхъ реформахъ, Суворовъ пишетъ: «методикъ подо мною, я выше правилъ; я не уступалъ Юлію Цезарю, наставнику моему, до Кобрина. Мальчикъ Ростопчинъ (одинъ изъ ближайшихъ къ Государю дѣятелей реформы) много добра (сдѣлалъ бы), еслибъ отнялъ пустокрашеніе солиднаго» (пустыя украшенія отъ того, что требуетъ солидности). Эта бѣглая замѣтка остается одинокою долгое время; потомъ къ концу декабря, когда новыя требованія сдѣлались совсѣмъ ясными, слѣдуетъ цѣлый рядъ писемъ и записокъ. Называя себя «вождемъ вождей» (такъ величали его Костровъ и другіе поэты), Суворовъ съ гордостью говоритъ, что «всѣ степени до сего бралъ безъ фавора»; что «генералъ-аншефъ велика степень—вождь, было

ихъ со мною два, нынѣ ни одного». Онъ сожалѣетъ, что традиція теперь уже не имѣетъ никакой силы; говоритъ, что онъ не наемникъ, и Русскіе не наемники, а составляютъ національную армію; клеймитъ сарказмами «мерсенеровъ» и страсть — переносить въ русскую національную армію наемническія особенности арміи прусской. Намекая на то, что Екатерининская система военнаго управленія больше соотвѣтствуетъ Россіи, чѣмъ вновь вводимая, Суворовъ поясняетъ, что Россія не Пруссія, и Русскому Государю не достанетъ зрѣнія за всѣмъ самому усмотрѣть. Не одобряя отказъ Государя отъ военнаго предпріятія противъ Французовъ, онъ говоритъ: «карманьольцы бьютъ Нѣмцевъ; отъ скуки будутъ бить Русскихъ, какъ Нѣмцевъ»; затѣмъ, какъ бы спохватясь, поясняетъ: «я далеко зашелъ, но подозрѣніе — мать премудрости». Переходя къ учрежденію инспекторовъ, онъ съ горечью замѣчаетъ, что фельдмаршалъ понижается до генералъ-маіора; еслибы фельдмаршала сдѣлали не инспекторомъ, а генералъ-инспекторомъ, то и тогда не его дѣло этимъ заниматься. «Онъ имѣлъ право самъ таковыхъ инспекторовъ изъ нижняго генералитета посылать, а довольно съ него быть, какъ прежде, всегда главнокомандующимъ, до котораго званія я служилъ больше полувѣка и честно его заслужилъ больше всѣхъ иныхъ ранами, увѣчьями и многими побѣдами, и на краткую уже мою жизнь грѣхъ его отъ меня отнимать».

Новый 1797 годъ Суворовъ начинаетъ запискою, давъ ей заглавіе: «Буря мыслей». Онъ говоритъ тутъ неодобрительно объ иностранной политикѣ, объ ослабленіи русскихъ пограничныхъ областей выводомъ войскъ внутрь и о разномъ иномъ, отрывочно, вразумительно лишь мѣстами, и заключаетъ записку словами: «солдаты, сколько ни веселю, унылы и разводы скучны. Шагъ мой уменьшенъ въ три четверти, и тако на непріятеля вмѣсто сорока—тридцать верстъ. Фельдмаршалы кассированы безъ прослугъ... я пахарь въ Кобринѣ, лучше нежели только инспекторъ, каковымъ я былъ подполковникомъ. Въ Москвѣ (на коронаціи) я безгласенъ и для декораціи Величества. Со дня на день умираю». Сѣтуя такимъ образомъ на

всеобщую нивелировку, на разныя нѣмецкія нововведенія и на то, что Государь не желаетъ съ нимъ посовѣтоваться, Суворовъ на слѣдующій день переходитъ къ нѣмцу Штенверу, свѣтилу гатчинскаго военнаго искуства, который «показывалъ прусскія ухватки», и благодаря которому народился «опытъ военнаго искуства», т.-е. нынѣ вводимый воинскій уставъ. «Вообразительно симъ побѣдитъ заяцъ Александра (Македонскаго)»,—язвительно замѣчаетъ Суворовъ и издѣвается надъ слѣпою подражательностью новаго устава. «Русскіе Прусскихъ всегда бивали, чтожъ тутъ перенять»—прибавляетъ онъ, замѣчая съ горечью, что теперь не нужны ни достоинства, ни практика, что фельдмаршалы сравнены съ обыкновенными генералами, дабы (иронически) они не пользовались царскими преимуществами, это-де невозможно! «А прежде того я буду въ сырой землѣ»,—заключаетъ Суворовъ.

На слѣдующій день, 4 января, онъ набрасываетъ въ немногихъ строкахъ абрисъ драматической сцены — пародіи, изъ которой понятно лишь кое-что. Ирисъ, отнявъ отъ Діогена золотой горшокъ съ простоквашей, подноситъ его Аристиду (Суворову), въ видѣ подарка отъ Фабіуса, но предварительно снявъ сметану для другихъ. «Знакомо отъ Финляндіи»,—ѣдко замѣчаетъ авторъ. Раздается громъ, является Меркурій съ декретомъ боговъ. «Не остракизмъ ли», — спрашиваетъ Аристидъ: «всего покойнѣе». Меркурій отвѣчаетъ, что такъ опредѣлено тремя граціями (графы Н. и И. Салтыковы и князь Н. Репнинъ, пользовавшіеся тогда особенною милостью Императора Павла); «дали онѣ мнѣ себя чувствовать за мою правду», — говоритъ Аристидъ. Однако у него остается еще надежда: на Олимпѣ Юпитеръ съ вѣсами въ рукѣ; чашка съ истиной тяжела; граціямъ ее не свернуть. Кончается обращеніемъ къ Хвостову: «не обольщайтесь розами, терніи подъ ними; для граціевъ потребно мое низложеніе, начинаютъ пониженіе уравненіемъ; забудутъ ли онѣ, что я провидѣніемъ отъ моего запада взялъ ихъ востокъ». Въ нравоученіи этомъ видѣнъ прежній Суворовъ; онъ не могъ или не хотѣлъ уразумѣть, что теперь все измѣнилось,—и основанія, и обстановка, и что въ этомъ новомъ мірѣ

самъ собой выросталъ на него неотвратимый «остракизмъ», къ которому «граціи» могли, правда, прибавить горечи, или ускорить развязку, но она все-таки не отъ нихъ зависѣла.

Слѣдующіе дни, 5 и 6 января, Суворовъ пишетъ новыя записки. Изъ нихъ видно, что онъ былъ не близко знакомъ съ подробностями обстоятельствъ, выростившихъ тактическія и уставныя преобразованія новаго царствованія; путаетъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ фамиліи, и характеризуетъ пруссака Штенвера словами: «открытель шаржирнаго огня и ретирадъ прусскихъ наемниковъ». Онъ выражаетъ нежеланіе ѣхать въ Москву на коронацію, ибо «Москва мнѣ гробъ», разумѣя подъ этимъ, что личное его присутствіе, въ мѣстѣ нахожденія Государя и двора, не обѣщаетъ ему ничего хорошаго. Онъ говоритъ, что всѣ его пріятели «безъ пристрастія судятъ, что лучшій мнѣ нынѣ случай отойти отъ службы». По видимому Суворовъ и самъ уже усвоилъ эту мысль, но выжидалъ случая, или лучше сказать повода. Ему однако не приходило въ голову просить ни формальной отставки, ни дозволенія поступить на службу въ какую-нибудь иностранную армію, а тѣмъ менѣе «надѣть военный поясъ противъ герба Россіи», развѣ онъ, Суворовъ, будетъ «безъ головы или съ прусской головой въ прусской службѣ» [6]).

Таково было настроеніе Суворова въ декабрѣ и въ началѣ января, до полученія отъ Государя перваго замѣчанія. Легко понять, какое тяжелое впечатлѣніе должно было произвести на него высочайшее повелѣніе отъ 2 января, съ рѣзкимъ выраженіемъ неудовольствія, и за нимъ нѣсколько послѣдующихъ, еще болѣе категорическихъ и грозныхъ. Первый рескриптъ Суворовъ получилъ 8—10 января, и съ 10 января его внутреннее волненіе опять выражается массою писемъ и записокъ, написанныхъ въ продолженіе 4 дней.

Прежде всего онъ обращается съ упрекомъ къ Хвостову, зачѣмъ тотъ расписывалъ ему изъ Петербурга новое положеніе дѣлъ въ розовомъ свѣтѣ: «ваши розы крыли Россіи терны; ваши лавровые листы открываютъ трухлый корень, древо валится... Какое благовоніе отъ цвѣтовъ вашихъ и каковъ контрастъ».

Потомъ онъ выступаетъ съ горячею критикой на все происходящее. Вниманіе его обращается преимущественно на нововведенія въ обмундированіи войскъ, въ обученіи ихъ, въ содержаніи, въ дисциплинѣ. «Нѣтъ вшивѣе Пруссаковъ», пишетъ онъ: «лаузеръ или вшивень назывался ихъ плащъ; въ шильтгаузѣ и возлѣ будки безъ заразы не пройдешь, а головною ихъ вонью вамъ подарятъ обморокъ. Мы отъ гадины были чисты, и первая докука нынѣ солдатъ—штиблеты: гной ногамъ, за артельныя телѣги идутъ на половинное жалованье (т.-е. перечисляются въ нестроевые). Карейныя казармы, гдѣ ночью запираться будутъ,—тюрьма, а прежде (солдаты) дѣлили провіантъ съ обывателями, ихъ питомцами (т.-е. кормильцами)... Опытъ военнаго искуства (новый уставъ) найденъ въ углу развалинъ древняго замка, на пергаментѣ, изъѣденномъ мышами, свидѣтельствованъ Штенверомъ и Линденеромъ и переведенъ на нѣмороссійскій языкъ... Милосердіе покрываетъ строгость, при строгости надобна милость, иначе строгость—тиранство. Я строгъ въ удержаніи (въ войскахъ) здоровья, истиннаго искуства благонравія: милая солдатская строгость, а за симъ общее братство. И во мнѣ строгость по прихотямъ была бы тиранствомъ. Гражданскія доблести не замѣнятъ безполезную жестокость въ войскахъ... Въ титлѣ строгости (бываетъ) прицѣпка для тиранства заслуженнаго человѣка. Строгій Валенштейнъ не давалъ себѣ время къ размышленію: скоръ и кратокъ — вели бестію повѣсить... Всемогущій Боже, даруй, чтобы зло для Россіи не открылось прежде ста лѣтъ!»

Четырехъ-дневная филиппика Суворова постоянно перемежается ссылками на самого себя; видно, что онъ сильно оскорбленъ недостаткомъ вниманія къ его побѣдному прошлому. «Государь лучше Штенвера не видалъ; я лучше Прусскаго покойнаго великаго короля; я милостью Божіей баталіи не проигрывалъ... Я генералъ генераловъ, тако не въ общемъ генералитетѣ. Я пожалованъ (въ фельдмаршалы) не при паролѣ (на разводѣ)... Новый титулъ—я инспекторъ. Я вамъ объяснялъ, что былъ такимъ подполковникомъ. Я быть такимъ не хочу и не могу; я главнокомандующій... Мою тактику прусскія (войска)

принимаютъ, а старую, протухлую оставляютъ: отъ сего Французы ихъ били. (Позже онъ сознается, что этотъ слухъ не вѣренъ). Не зная моей тактики, Вурмзеръ (теперь) въ опасности». Вѣроятно отвѣчая на совѣтъ Хвостова—обратиться къ Государю съ изложеніемъ своего мнѣнія, Суворовъ говоритъ: «если кого (хотятъ) слушать,—спрашиваютъ; если кого не спрашиваютъ, того не будутъ слушать; тѣмъ болѣе это относится ко мнѣ... Сколь же строго, Государь, ты меня наказалъ за мою 55-лѣтнюю прослугу! Казненъ я тобою штабомъ, властью производства, властью увольненія отъ службы, властью отпуска, знаменемъ съ музыкою при приличномъ караулѣ, властью переводовъ. Оставилъ ты мнѣ, Государь, только власть высочайшаго указа 1762 года (о вольности дворянства—служить или не служить)». Наконецъ, онъ указываетъ и на настоящую, основную причину, по которой не въ состояніи оставаться на дѣйствительной службѣ. «Хоть бы я остался при всѣхъ прежнихъ моихъ преимуществахъ, но опытъ воинскаго искуства (т.-е. новый уставъ), неудовольствіе солдатъ и чиновниковъ (т.-е. офицеровъ), Васильчиковъ, Татищевъ, Митусовъ — гонятъ меня немедленно въ Кобринъ, гдѣ на сей годъ буду ждать лучшаго. Потомъ или продолжу тамъ, или вовсе оставлю, какъ долгъ велитъ естественнаго Божьяго закона. Нынѣ чуть что отъ князя Алексѣя (Горчакова, племянника), оставляя до того все по прежнему, переѣду тотчасъ въ деревню, а оттуда по полной резолюціи мгновенно въ Кобринъ».

Все это Суворовъ писалъ послѣ полученія перваго замѣчанія со стороны Государя, и этотъ сравнительно-легкій знакъ монаршаго неудовольствія окончательно побудилъ его просить годового отпуска. Можно догадаться, до какого градуса поднялась его внутренняя буря чрезъ нѣсколько дней, когда были получены одинъ за другимъ два рескрипта, съ выраженіемъ Государева гнѣва, и два высочайшіе выговора, объявленные Суворову по войскамъ. Суворовъ этого не ожидалъ, былъ озадаченъ и огорченъ въ высшей степени, а потому со жгучимъ, лихорадочнымъ нетерпѣніемъ сталъ ждать изъ Петербурга дозволенія уѣхать въ отпускъ. Но около 26 января онъ получилъ

сухой отказъ; приходилось или подчиниться и приняться тотчасъ же за предписанныя преобразованія, или же вторично ходатайствовать объ исполненіи просьбы. Первое было для Суворова духовнымъ самоубійствомъ; на этомъ рѣшеніи онъ не остановился ни минуты и принялъ второе. Надо было однако привести новые резоны для повторенія просьбы, и Суворовъ совершенно чистосердечно донесъ, что время стоитъ мирное, а потому онъ снова ходатайствуетъ объ отпускѣ, такъ какъ для него и дѣла теперь нѣтъ. Отправивъ это прошеніе, Суворовъ не сомнѣвался уже въ полученіи отпуска, но когда, нѣсколько дней спустя, онъ получилъ суровое напоминаніе объ исполненіи обязанностей, свою возвращенную бумагу съ требованіемъ поясненія непонятныхъ выраженій и наконецъ призывъ въ Петербургъ, то онъ тотчасъ же принялъ рѣшеніе—во что бы то ни стало выйти изъ своего ненормальнаго и даже лично для него опаснаго положенія. Онъ написалъ прошеніе объ отставкѣ и 3 февраля отправилъ въ Петербургъ.

Въ нравственномъ смыслѣ это было для Суворова крайнимъ средствомъ, рѣшеніемъ безнадежности, такъ какъ онъ дожилъ до 66 лѣтъ и всегда разсчитывалъ умереть на службѣ. Въ матеріяльномъ же отношеніи сдѣланный имъ новый шагъ почти ничего не измѣнялъ: Суворовъ разсчитывалъ, какъ и прежде, поселиться въ Кобринѣ и заняться хозяйствомъ. Обдумывая свое намѣреніе, онъ заранѣе обзавелся помощниками и подручниками, такъ какъ кобринское имѣніе было велико, а именно предложилъ нѣсколькимъ офицерамъ оставить службу и ѣхать въ Кобринъ, обѣщавъ вознаградить ихъ деревнями въ полное владѣніе. Офицеры согласились. Одинъ изъ нихъ пишетъ Хвостову, что Суворовъ «*приказалъ* имъ подать въ отставку, и они по привязанности къ нему оное выполнили», причемъ умалчивается про условія, имъ предложенныя. Суворовъ не приказывалъ и не могъ приказывать въ такомъ не служебномъ дѣлѣ; сверхъ того онъ уже рѣшился оставить въ то время службу, и всѣ въ Тульчинѣ знали про это рѣшеніе. Слѣдовательно, не желавшіе идти въ отставку, имѣли полную возможность—отказаться отъ предложенія Суворова безбоязненно. Однако всѣ они послушались,

никто не отказался, только подъ рукой постарались на всякій случай обезпечить себѣ путь отступленія. Представитель ихъ, Тихановскій, обратившійся съ письмомъ къ Хвостову 14 января, т.-е. вслѣдъ за поданною Суворовымъ первою просьбою объ отпускѣ, даетъ племяннику Суворова такое наставленіе: если Государь отпуститъ Суворова, притомъ безъ неудовольствія, то всѣ 18 просьбъ отъ отставкѣ подать въ военную коллегію; въ противномъ же случаѣ и при неблагосклонныхъ отзывахъ Государя о фельдмаршалѣ,—удержать [7]).

Передъ половиною февраля Суворовъ получилъ *отставку*, хотя его прошеніе объ отставкѣ не могло придти въ Петербургъ и вернуться въ Тульчинъ съ разрѣшеніемъ такъ скоро. И дѣйствительно, отставка послѣдовала до полученія о ней просьбы. Февраля 6 отданъ на разводѣ высочайшій приказъ: «фельдмаршалъ графъ Суворовъ, отнесясь Его Императорскому Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы». Вмѣстѣ съ тѣмъ, баталіонъ Преображенскаго полка, носившій имя Суворова, переданъ генералъ-лейтенанту князю Голицыну. Произошло ли это вслѣдствіе дошедшихъ до Государя новыхъ дурныхъ извѣстій о Суворовѣ, или просто по внушенію порывистаго темперамента Павла I, —трудно сказать. Вѣрнѣе всего допустить обѣ эти причины, такъ какъ раздраженіе Государя противъ Суворова выростало уже по самому ходу описаннаго дѣла, а съ другой стороны Суворовъ, соблюдая должное къ высокой особѣ Государя почтеніе, изощрялся однако въ насмѣшкахъ надъ новыми порядками и новыми людьми, въ домашней бесѣдѣ и публично, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ и какъ бы намѣренно давая своимъ словамъ огласку. Во всей Россіи повторялись тогда шопотомъ или въ тѣсныхъ кружкахъ остроты и сарказмы Суворова; добрая ихъ половина, если не больше, была выдумана разными досужими остряками, но молва и поддѣлку принимала за чистую монету. Нѣтъ сомнѣнія, что слухи достигали и Государя, благодаря усердствующимъ себѣ на пользу, ближнему во вредъ. Несомнѣнно также, что многое дѣйствительно принадлежало Суворову, наприм. присловіе: «косой не колоть, буклей не палить,

пудрой не стрѣлять», или другое, пріобрѣвшее громкую извѣстность: «пудра не порохъ, букля не пушка, коса не тесакъ, и я не нѣмецъ, а природный русакъ». Но Суворову приходилось расплачиваться и за свое, и за чужое [8]).

Худо кончилось дѣло, но все таки кончилось; въ этомъ было своего рода утѣшеніе Суворову, хотя и тупое. Онъ сталъ подготовляться къ сдачѣ, спѣша удалиться въ свое мирное пристанище, но принужденъ былъ проглотить еще горькую пилюлю. Одинъ изъ приближенныхъ Государя, Ростопчинъ, написалъ ему 14 февраля: «Государь Императоръ, получа донесеніе вашего сіятельства отъ 3 февраля, соизволилъ указать мнѣ, доставить къ свѣдѣнію вашему, что желаніе ваше предупреждено было и что вы отставлены еще 6 числа сего мѣсяца». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ имѣлъ нѣкоторое утѣшеніе окончательно убѣдиться, что продолжая службу, спустился бы до степени простого генерала: на его мѣсто назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Беклешовъ.

Къ концу февраля Суворовъ былъ совершенно готовъ къ отъѣзду. Занимаясь въ это время служебными и домашними дѣлами, онъ продолжалъ также зорко слѣдить за политикой и за ходомъ военныхъ дѣйствій противъ Французовъ. Видно, что война эта сильно его занимала. Онъ относится критически къ дѣйствіямъ обѣихъ сторонъ и сообщаетъ короткія свои замѣчанія Хвостову, но попадаются его письма по этому предмету и къ другимъ лицамъ. Такъ 27 февраля онъ пишетъ къ нашему послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, о тогдашнемъ положеніи военныхъ дѣйствій: дрожитъ за Мантуу, боится, что эрцъ-герцогъ Карлъ опоздаетъ; говоритъ, что нечего поджидать артиллеріи, а слѣдуетъ бить просто впередъ; что изъ всѣхъ дѣлъ этого принца, ему, Суворову, пріятнѣе всего Вюрцбургъ и т. под. Онъ сѣтуетъ, что не только новыя, но и старыя войска «не разумѣютъ штыка», несмотря на то, что чувствуютъ на себѣ «гибельный карманьольскій», и кончаетъ свое письмо крутымъ поворотомъ къ своей дѣйствительности: «я команду сдалъ какъ сельскій дворянинъ и ѣду въ кобринскія деревни» [9]).

Однако для отъѣзда требовалось какое то особенное разрѣ-

шеніе,—съ тою ли цѣлью, чтобы въ Петербургѣ могли прежде удостовѣриться въ исправности сдачи, или почему либо иному. Суворовъ былъ готовъ къ выѣзду, но не выѣзжалъ. Отъѣздъ его несправедливо относятъ обыкновенно къ 1 марта; онъ состоялся гораздо позже. Марта 3 Суворовъ писалъ Государю изъ Тульчина: «во ожиданіи увольненія на всеподданнѣйшія мои прошенія, которое по слуху уже и воспослѣдовало, отдавши давно уже команду, на сихъ дняхъ ѣду я въ мои кобринскія деревни». Но и это не состоялось почему-то; 23 марта Суворовъ пишетъ еще изъ Тульчина къ своему повѣренному въ Кобринѣ объ отставныхъ офицерахъ, туда отправляющихся. Между тѣмъ его тянуло въ Кобринъ и потому, что тамъ ждало дѣло, и потому, что положеніе его въ Тульчинѣ было фальшивое. И въ самомъ дѣлѣ, что было дѣлать тамъ, среди войскъ, отставному фельдмаршалу, уволенному отъ службы даже безъ права ношенія мундира? Его любили, каждый его шагъ интересовалъ, каждое его слово ловилось на лету. Не заключается ли отчасти въ этомъ положеніи Суворова корень молвы, звонившей по всей Россіи о сатирическихъ его въ то время выходкахъ? [10]).

Рѣдкое о немъ сочиненіе не украшается описаніемъ драматической сцены прощанія его съ войсками. Одинъ повѣствуетъ, что Суворовъ, одѣтый простымъ гренадеромъ, явился передъ собраннымъ Фанагорійскимъ полкомъ, снялъ ордена, положилъ ихъ на барабанъ и сказалъ: «прощайте ребята, молитесь Богу... можетъ быть придетъ время, когда Суворовъ опять явится среди васъ и возьметъ назадъ эти ордена, которые онъ заслужилъ побѣдами». Другой, не ограничиваясь однимъ полкомъ, говоритъ про цѣлую армію, передъ которой ставится не барабанъ, а пирамида изъ барабановъ, и заставляетъ Суворова произносить приблизительно тѣ же слова. Все это крайне сомнительно. Суворовъ, въ порывѣ увлеченія, былъ дѣйствительно способенъ на многое такое, на что другой не осмѣлился бы; но при выходѣ въ отставку онъ испытывалъ непріятность хроническую, съ которою мало по малу свыкся и къ ней примѣнился въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ. Есть и свидѣтельство противъ приведенной сцены прощанія; одинъ изъ состоявшихъ при Суворовѣ въ то

время адъютантовъ, говоритъ, что ничего подобнаго не было. Да и нельзя предположить, чтобы Суворовъ, уволенный отъ службы и сдавшій командованіе другому, могъ собрать войска или даже одинъ полкъ, явиться передъ нимъ и держать рѣчь. Очевидно сплетня и молва раздули въ цѣлое событіе какой нибудь мелкій случай [11]).

По видимому военное поприще Суворова кончилось. Ему было 66 лѣтъ; его дарованія, опытность и энергическій, упорный характеръ отрицали всякую возможность уступки; компромиссъ со стороны Государя представлялся еще менѣе вѣроятнымъ. Оставленіе Суворовымъ службы почти всѣ считали громадной потерей, невознаградимой утратой. Имя его успѣло сдѣлаться священнымъ для русской арміи; не всѣ подъ его начальствомъ служили, но всѣ его знали, и для всякаго онъ былъ предметомъ восторженнаго поклоненія. Громко гремѣло это знаменитое имя и во всей Россіи; катастрофа еще усилила къ нему симпатіи и сочувствіе, кромѣ развѣ высшихъ служебныхъ слоевъ, гдѣ групировались его завистники и враги. Тягостное впечатлѣніе, произведенное удаленіемъ Суворова отъ дѣлъ, особенно въ войскахъ, правда ничѣмъ явственно не высказывалось, но въ ту пору неудовольствія и страха, прятались даже сами неудовольствіе и страхъ. Въ гробовомъ молчаніи была принята затѣмъ и вѣсть о ссылкѣ Суворова, до кого она только дошла; многіе не знали, а разспрашивать и разузнавать было опасно. Въ высшемъ слоѣ общества или молчали, или находили образъ дѣйствія Государя по отношенію къ Суворову слишкомъ милостивымъ; въ войскахъ и низшихъ слояхъ всю тяжесть вины возлагали на его враговъ и людей новаго порядка, пользовавшихся довѣренностью Государя съ нечестными и непатріотическими побужденіями. Офицеры Преображенскаго полка, съ трудомъ вынося начальствованіе Аракчеева, распространяли между своими многочисленными родными и знакомыми, что «гатчинскій капралъ» былъ главнымъ виновникомъ опалы Суворова. Между офицерами армейскихъ войскъ, квартировавшихъ въ смоленской губерніи, сильно развилось неудовольствіе на рѣзкія мѣры и преобразованія вообще и на оскорбленіе Суворова въ особенности. По доносу одного изъ гатчин-

цевъ было назначено слѣдствіе, которое впрочемъ ничего серьезнаго не открыло, и хотя просвѣчивало въ немъ намѣреніе—замѣшать въ дѣло имя Суворова, но осталось безъ успѣха. Слѣдствіе прекратили, однако не всѣмъ удалось отдѣлаться однимъ страхомъ, и знаменитый впослѣдствіи Ермоловъ былъ сосланъ въ Кострому. На югѣ, гдѣ Суворовъ на послѣдяхъ командовалъ, воспоминаніе о немъ жило самое свѣжее; солдаты не знали, гдѣ онъ находится, здоровъ ли, даже живъ ли; но каждый вечеръ, приходя въ сборныя избы за полученіемъ приказаній, толковали о немъ и творили по немъ молитву [12]).

Выѣхавъ изъ Тульчина въ послѣднихъ числахъ марта и прибывъ въ Кобринъ, Суворовъ принялся знакомиться со своимъ имѣніемъ, котораго еще не видалъ. На это нужно было время; кобринское имѣніе почти втрое превышало всѣ прочія помѣстья Суворова, за выдѣломъ приданаго дочери. По числу душъ, оно было даже значительно выше той цифры, которая была обозначена при пожалованіи; по документу числилось 6927 душъ, а по донесенію подполковника Корицкаго, производившаго пріемъ, оказалось 8,087. Распоряженія Суворова по имѣнію однако до насъ не дошли, да и вообще кратковременное пребываніе его въ Кобринѣ не оставило по себѣ почти ничего, достойнаго замѣчанія; даже его кореспонденція за этотъ періодъ очень скудна. Съ Хвостовымъ онъ мѣнялся немногими письмами по денежнымъ дѣламъ, особенно по уплатѣ сдѣланныхъ долговъ, писалъ о недостаткѣ прислуги и о прочемъ въ подобномъ родѣ. Родственница его Евпраксія Раевская, имѣвшая около 30 лѣтъ отъ роду, отказала своему жениху, и свадьба разстроилась; а такъ какъ нѣсколько мѣсяцевъ раньше, Суворовъ опредѣлилъ ей въ приданое 6,000 руб., то теперь пишетъ, чтобы денегъ ей не выдавать, ибо «она можетъ браковать жениховъ другія 30 лѣтъ». Впрочемъ, утрированной бережливости, по случаю прекращенія служебнаго содержанія, въ немъ не замѣчается ни въ Кобринѣ, ни въ Тульчинѣ, скорѣе на оборотъ; такъ, онъ приказываетъ Хвостову выдать старшему изъ племянниковъ, князей Горчаковыхъ, 5,000 рублей «для его необходимыхъ нуждъ». Житье его въ Кобринѣ было скрашено пріятною новостью: дочь его,

графиня Зубова, разрѣшилась отъ бремени сыномъ Александромъ. По собственному признанію Суворова, «онъ дрожалъ отъ радости», получивъ это извѣстіе, и послалъ дочери слѣдующее письмо: «Наташа, привези графа Александра Николаевича ко мнѣ, а онъ пусть о томъ же попроситъ своего батюшку, твоего мужчину» [13]).

Почти одновременно съ Суворовымъ, т.-е. нѣсколько раньше и позже, въ разные сроки, пріѣхали въ Кобринъ и тѣ 18 офицеровъ, которымъ онъ предложилъ оставить службу на извѣстныхъ условіяхъ. Это были: полковникъ Борщовъ, подполковники Фалькони, Гессъ, Тихановскій, маіоры Трескинъ, Грессеръ, Тимашевъ, князь Ухтомскій, Зыбинъ, Сіонъ, капитанъ Капустянскій, ротмистры Павловскій и Вишневскій, поручики Ставраковъ, Матюшинскій, Корбутъ, Покровскій и штабъ-лекарь Бѣлопольскій. Кромѣ нихъ въ Кобринѣ находился подполковникъ Корицкій, какъ кажется съ самаго пріема этого имѣнія, что ему не мѣшало считаться на дѣйствительной службѣ. Офицеры эти, подавшіе въ свое время прошенія объ отставкѣ, отослали ихъ къ Хвостову, какъ мы видѣли условно, но измѣнили ли потомъ свое условіе, или оно Хвостовымъ не было почему либо исполнено, только прошенія ихъ получили дальнѣйшій ходъ. Въ ожиданіи указовъ объ отставкѣ, Суворовъ, еще состоя на службѣ, снабдилъ ихъ временными паспортами, съ которыми они въ Кобринъ и пріѣхали. Изъ нихъ Корицкій былъ управляющимъ и полномочнымъ повѣреннымъ Суворова по всему кобринскому имѣнію; о прочихъ точныхъ указаній нѣтъ; быть можетъ они служили ему подручниками, т.-е. завѣдывали разными частями обширнаго помѣстья. Надѣлъ ихъ деревнями еще не состоялся, но Суворовъ снабдилъ каждаго изъ нихъ «партикулярнымъ письмомъ», на владѣніе извѣстнымъ числомъ крестьянъ, съ землею и угодьями, при чемъ цифра крестьянъ мужского пола колебалась между 25 и 100 душами на каждаго. Въ общемъ итогѣ составилось 1184 души на 18 человѣкъ (безъ Корицкаго), но эти «партикулярныя письма» не имѣли силы законнаго обязательства до предъявленія въ судебномъ мѣстѣ и занесенія въ протокольную книгу, съ засвидѣтельствованіемъ собственноручною подписью Суворова [14]).

Что касается до Корицкаго, то онъ получилъ документъ отъ Суворова годомъ раньше, на деревню Хабовичи съ 120 душъ, или около того. Есть основаніе полагать, что Суворовъ просилъ (или хотѣлъ просить) покойную Государыню о пожалованіи Корицкому небольшой деревни, руководясь предшествовавшимъ примѣромъ, когда Екатерина, согласившись на подобное ходатайство, пожаловала правителю его канцеляріи, подполковнику Курису, имѣніе въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Одессы. Но на этотъ разъ почему-то ходатайство или не состоялось, или не имѣло успѣха, и потому Суворовъ отблагодарилъ Корицкаго за его услуги изъ собственныхъ средствъ. Документъ былъ однако не окончательный, а «до данія формальной крѣпости». Такимъ образомъ получилъ 100 душъ въ кобринскомъ имѣніи и Мандрыкинъ, почти одновременно съ Корицкимъ [15]).

Въ числѣ лицъ, окружавшихъ Суворова въ Кобринѣ, мы не видимъ ни Мандрыкина, ни Тищенки, ни Куриса. Первые двое были отчислены отъ Суворова высочайшимъ приказомъ еще 30 января, съ переводомъ въ гарнизонные полки Риги и Оренбурга, и истребованы въ Петербургъ, гдѣ и преданы суду по дѣлу Вронскаго. Куриса встрѣчаемъ послѣдній разъ при Суворовѣ въ Варшавѣ; затѣмъ онъ перешелъ на какую-то другую службу и во время кончины Суворова находился на Уралѣ [16]).

Выбравъ Кобринъ своимъ мѣстопребываніемъ, съ цѣлью заняться устройствомъ этого имѣнія, Суворовъ жестоко ошибся въ разсчетѣ. Не успѣлъ еще онъ осмотрѣться надлежащимъ образомъ, какъ получилъ приказаніе о перемѣнѣ мѣста жительства. Апрѣля 22, вечеромъ или ночью, пріѣхалъ въ Кобринъ коллежскій ассесоръ Николевъ и предъявилъ Суворову слѣдующее именное высочайшее повелѣніе: «ѣхать вамъ въ Кобринъ или другое мѣстопребываніе Суворова, откуда его привезть въ боровицкія его деревни, гдѣ и препоручить Вындомскому (боровицкому городничему), а въ случаѣ надобности требовать помощи отъ всякаго начальства». Неожиданность эта поразила не только Суворова, но и отставныхъ офицеровъ, положеніе которыхъ не было еще обезпечено и даже не опредѣлилось. Ихъ обуялъ страхъ, и не безъ основанія, потому что существовали

неутѣшительные прецеденты, и Корицкій, сообщая Хвостову объ отъѣздѣ Суворова, пишетъ, что находится «всякую минуту въ ужасѣ, ожидая жребія, подобно случившагося съ Мандрыкинымъ и Тищенко». Офицеры успѣли однако принять кое-какія мѣры въ свое обезпеченіе. Данныя имъ Суворовымъ «партикулярныя письма» они предъявили въ кобринскомъ судѣ (неизвѣстно— когда именно), съ занесеніемъ въ протокольную книгу на польскомъ языкѣ. Всѣмъ дѣломъ орудовалъ Корицкій, но для поднесенія Суворову къ подписи, удобнаго момента не нашелъ; поступая же безъ соображенія обстоятельствъ и минуты, можно было все испортить. Теперь, съ отбытіемъ Суворова, могло лопнуть дѣло, а потому слѣдовало дѣйствовать немедленно. По закону засвидѣтельствованіе подписью статей, внесенныхъ въ протокольную книгу, должно было совершаться въ судѣ; высылка книги на-домъ допускалась только въ случаѣ болѣзни лица, отъ котораго подпись требовалась. Сговорившись съ кѣмъ слѣдуетъ, Корицкій истребовалъ протокольную книгу на-домъ къ Суворову 23 апрѣля утромъ; привезъ ее регентъ кобринскій Воротынецкій. Когда Суворову надо было уже садиться въ экипажъ, т.-е. въ 10 часовъ утра, Воротынецкій былъ введенъ въ комнату, Корицкій взялъ у него протокольную книгу, раскрылъ статью съ партикулярными письмами офицерамъ и съ довѣренностью шляхтичу Красовскому, на законное утвержденіе за офицерами правъ на землю, и подалъ Суворову къ подписи. Суворовъ, не говоря ни слова, подписалъ, потомъ прошелъ въ другую комнату, вышелъ на подъѣздъ, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ новгородскую губернію [17]).

Красовскій, состоявшій въ то время при управленіи кобринскимъ имѣніемъ Суворова въ качествѣ юристъ-консульта и адвоката, тоже не остался съ пустыми руками и обезпечилъ себя лучше офицеровъ, количественно и качественно. Еще 31 марта онъ получилъ отъ Суворова запись: «симъ пожизненнымъ документомъ, который почитаю за равно какъ всѣ крѣпости, за оказанные г. Красовскимъ, повѣреннымъ моимъ, разные труды въ интересахъ моихъ, яко и по доброй моей волѣ», Суворовъ давалъ Красовскому и его женѣ, до смерти ихъ обоихъ, фоль-

варокъ Сосновку или Планту, безъ внесенія какой-либо платы, кромѣ чиншевыхъ денегъ отъ крестьянъ. Красовскій тотчасъ далъ законное движеніе этому документу, который и былъ въ томъ же году утвержденъ судомъ. Такимъ образомъ Красовскій получилъ 434 души крестьянъ мужского пола, изъ коихъ только малая доля, 75 душъ, были признаны впослѣдствіи, по смерти Суворова, незаконно-присвоенными, а остальныя 359 душъ остались въ его безспорномъ владѣніи [18]).

Отъѣздъ Суворова изъ Кобрина былъ до того внезапенъ и неожиданъ, что представлялся какъ бы сномъ. Не сдѣлано никакихъ распоряженій, не отдано никакихъ приказаній; не взяты даже бриліанты, стоимостью въ 300,000 рублей слишкомъ, и другія цѣнныя вещи. Не успѣли подвести счеты и снабдить Суворова деньгами, такъ что онъ принужденъ былъ занять у Корицкаго 1,000 рублей. Обождать, не снѣшить — было какъ видно нельзя [19]).

Какая была причина этой новой немилости Государя къ Суворову? Категорическаго отвѣта мы не находимъ, но объясненіе факта лежитъ во всемъ предшествующемъ. Выше изложены въ хронологическомъ порядкѣ фазисы дѣла, упомянуто также про слухи, но все это является въ системѣ и послѣдовательности лишь послѣ изысканій. На самомъ дѣлѣ происходило не такъ; одни обстоятельства доходили до свѣдѣнія Государя раньше, другія позже; одни прикрашивались молвой, другія перетолковывались наушниками и доносчиками; есть и такія, которыя остаются не разъясненными, напр. долгое пребываніе Суворова въ Тульчинѣ, послѣ высочайшаго приказа объ его отставкѣ, или подробности его жизни въ Кобринѣ. Неподатливость Суворова и его открытое охужденіе многихъ нововведеній служили широкимъ полемъ для пересудовъ, сплетенъ и доносовъ. Изъ одного частнаго письма того времени узнаёмъ, что про Суворова разсказывались «ужасныя вещи»: тенденціозное прощаніе съ войсками, писаніе къ Государю слишкомъ смѣлыхъ писемъ, возвращеніе въ военную коллегію всѣхъ русскихъ орденовъ на томъ основаніи, что они получены въ прошлое царствованіе; ношеніе однихъ иностранныхъ орденовъ и проч. Справедливо ли все это разсказывалось,

писалось и разносилось? Конечно нѣтъ; самъ авторъ письма говоритъ въ заключеніе: «признаюсь, я вѣрю только половинѣ всего этого». Таково ужъ свойство молвы вообще, а въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, въ особенности.

Но молва рѣдко выдумываетъ небывальщину, она только сильно преувеличиваетъ, изъ мухи дѣлая слона и разцвѣчивая тему безконечными варьяціями. Въ настоящемъ случаѣ отвергать все сплошь—нельзя, потому что гдѣ дымъ, тамъ и огонь; разграничить истину отъ добавковъ—тоже невозможно, въ виду характерныхъ свойствъ Суворовскаго темперамента и недостатка документальныхъ данныхъ. А что существовали прикрасы,—это несомнѣнно. Приведемъ одинъ примѣръ, изъ болѣе рѣзкихъ. Во всѣхъ почти сочиненіяхъ о Суворовѣ принятъ на вѣру анекдотъ о присылкѣ отъ Государя фельдъегеря съ пакетомъ и о непринятіи этого пакета Суворовымъ, что относятъ ко времени пребыванія отставного фельдмаршала въ селѣ Кончанскомъ. Изъ упоминаемаго письма, писаннаго раньше, слѣдуетъ заключить, что это случилось (если только дѣйствительно случилось) или въ Кобринѣ, или въ Тульчинѣ, послѣ отставки. Пріѣзжаетъ фельдъегерь въ то время, когда Суворовъ находился въ банѣ, и требуетъ, чтобы его допустили немедленно. Суворову докладываютъ, онъ приказываетъ ввести. Фельдъегерь входитъ въ жарко натопленную баню; Суворовъ, парившійся на полкѣ, спрашиваетъ—на чье имя и отъ кого привезенъ пакетъ; фельдъегерь отвѣчаетъ, что отъ Государя фельдмаршалу графу Суворову. Суворовъ говоритъ ему, что фельдмаршалъ находится обыкновенно при арміи, а онъ, Суворовъ, проживаетъ въ деревнѣ, стало быть пакетъ не къ нему, и онъ его не приметъ. Несмотря на убѣжденія фельдъегеря, Суворовъ остается при своемъ, и фельдъегерь принужденъ ѣхать, увозя обратно пакетъ. Нѣтъ никакихъ фактовъ, съ помощью которыхъ истинность этого анекдота прямо опровергалась бы, но онъ все-таки подлежитъ сильному сомнѣнію. Императоръ Павелъ былъ большой ригористъ на счетъ всякихъ формъ, что уже доказывается характеромъ очень многихъ изъ его военныхъ преобразованій и требованій, а потому назвать фельдмаршаломъ того, кто имъ не былъ въ дѣйствительности, онъ не могъ. Отня-

тіе отъ Суворова его высокаго званія, притомъ въ недавнее время, за цѣлый рядъ провинностей, тоже противорѣчитъ возможности подобнаго его титулованія Государемъ, не говоря уже про то, что съ точки зрѣнія Павла I, такое именованіе Суворова отъ высочайшаго лица было бы равносильно возвращенію ему званія [20]).

Особыхъ причинъ, побудившихъ Государя усилить свою немилость къ Суворову, отнявъ у него свободу избранія мѣста жительства, вѣроятно не было, или же онѣ остаются неизвѣстными; послѣднее довольно трудно предположить, потому что когда нибудь и въ чемъ нибудь онѣ высказались бы хоть намекомъ. Новой немилости не было, какъ не было новой для нея причины; существовалъ рядъ немилостей и цѣпь причинъ; выдѣлять изъ тѣхъ или другихъ что либо въ видѣ особаго факта и объяснять этотъ фактъ внѣ общей послѣдовательности,—невозможно, кромѣ немногихъ случаевъ, очень хорошо освѣщенныхъ.

Если же между винами и карами оказывается несоотвѣтствіе, т. е. если не были взвѣшены заслуги Суворова, то это объясняется всѣмъ внутреннимъ складомъ Государя и издавна усвоенными имъ взглядами. Да и существовали неоспоримые факты, которые говорили сами за себя и противъ Суворова. Въ письмѣ Тихановскаго къ Хвостову читаемъ: «у насъ все по прежнему, отмѣны ни въ чемъ ни на волосъ нѣтъ». Только со смѣною Суворова Беклешовымъ, начались въ войскахъ Екатеринославской дивизіи преобразованія. Можно себѣ представить, какой гнѣвъ должно было вызвать это извѣстіе въ раздражительномъ Павлѣ I [21]).

Во всякомъ случаѣ выѣздъ Суворова изъ Кобрина въ новгородскую деревню обозначалъ худое: Кобринъ олицетворялъ собою опалу, а Кончанскъ — и опалу, и ссылку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Въ селѣ Кончанскомъ; 1797 — 1798.

Село Кончанское. — Пріѣздъ туда Суворова; присмотръ за нимъ боровицкаго городничаго Вындомскаго. — Арестованіе въ Кобринѣ отставныхъ офицеровъ; отправленіе ихъ въ Кіевъ; слѣдствіе надъ ними. — Прибытіе къ Суворову дочери и сына; разъѣзды его и пріемы; донесенія Вындомскаго. — Замѣна Вындомскаго Николевымъ; инструкція ему; первое свиданіе съ нимъ Суворова.—Отъѣздъ гостей; домашняя жизнь Суворова. — Донесенія Николева; перехватываніе кореспонденціи. — Разные на Суворова иски и жалобы; взысканія по нимъ; грабительство въ кобринскомъ имѣніи; рѣшеніе Суворова—раздѣлаться съ отставными офицерами.—Приглашеніе Суворова въ Петербургъ; отозваніе Николева и отмѣна надзора.

Село Кончанское, боровицкаго уѣзда, новгородской губерніи, лежитъ верстахъ въ сорока отъ Боровичей и, во времена Суворова, принадлежало къ разряду мѣстностей, которыя обыкновенно называютъ глухими или медвѣжьими углами. Оно окружено озерами, болотами и лѣсами; рыболовство однако не процвѣтало; лѣсу было много, но строевого очень мало; каменистая и песчаная земля не отличалась плодородіемъ. Во всей вотчинѣ, состоящей изъ сопинской и кривинской волостей, жили пашней и покосами, разводимыми по расчищенному кустарнику и жженымъ лѣснымъ порослямъ; нанимались также на барки; промысловъ почти никакихъ не знали; пчеловодство не существовало, во всемъ округѣ насчитывалось всего два-три улья. Не отличаясь особенной зажиточностью, Суворовскіе крестьяне не были [illegible]ны; въ эту пору они довольно легко платили оброку

по 5 рублей въ годъ и не несли никакихъ натуральныхъ повинностей, кромѣ одного села Кончанскаго, гдѣ рубили и ставили дрова для надобностей господской усадьбы, да наряжали иногда подводы въ Москву и Петербургъ.

Вотчина Суворова, имѣвшая 1000 душъ мужского пола, была въ это время уголкомъ полузабытымъ, полузаброшеннымъ. Слишкомъ 20 лѣтъ передъ тѣмъ она составляла собою предметъ вниманія и заботъ своего владѣльца, Василія Ивановича Суворова, который наѣзжалъ сюда и живалъ тутъ часто, особенно вскорѣ послѣ покупки; но съ его смертью все измѣнилось. Александръ Васильевичъ Суворовъ, занятый по горло службой и своими честолюбивыми задачами, не жилъ тутъ никогда, въ первый разъ посѣтилъ свою вотчину чрезъ 9 лѣтъ послѣ смерти отца и затѣмъ бывалъ въ ней рѣдко, случайно и на самое короткое время. Двухъ-этажный помѣщичій домъ ветшалъ; садъ, разведенный въ 1784 году на десятинѣ, разростался медленно и содержался небрежно; господская усадьба имѣла видъ унылый; даже построенная А. В. Суворовымъ въ концѣ сада маленькая деревянная церковь, во имя св. Александра Невскаго, замѣтно старилась и своимъ не изящнымъ очертаніемъ вторила общему угрюмому, нежилому виду.

Сюда-то внезапно прибылъ 5 мая Суворовъ, послѣ 12-ти дневнаго, утомительнаго пути по весенней распутицѣ. Помѣщичій домъ оказался очень ветхимъ, но невзыскательный хозяинъ нашелъ возможнымъ въ немъ поселиться, утѣшаясь тѣмъ, что наступало теплое время года. Исполнивши свое порученіе, Николевъ передалъ обязанность присмотра за отставнымъ фельдмаршаломъ боровицкому городничему Вындомскому и уѣхалъ.

Обязанность эта была дѣломъ нетолько непріятнымъ, но и труднымъ. Сочувствіе, которымъ пользовался въ русскомъ обществѣ Суворовъ, заранѣе окрашивало его опальную судьбу въ цвѣтъ мученичества, а роли его надсмотрщиковъ придавало значеніе крайне не завидное; личный же характеръ Суворова грозилъ имъ большими неудобствами въ положеніи, которое теперь создавалось. Все это понималъ боровицкій городничій, преміеръ-маіоръ Алексѣй Львовичъ Вындомскій, но отказаться отъ пору-

ченія не могъ, при тогдашнихъ правительственныхъ принципахъ и понятіяхъ. Ему было дано повелѣніе: «имѣть за Суворовымъ бдительный надзоръ и смотрѣть, чтобы онъ никуда не отлучался». Донесеній Вындомскаго за первые два мѣсяца, пока новгородскимъ губернаторомъ былъ Архаровъ, не сохранилось (или не найдено); но надо полагать, что онъ былъ человѣкъ гибкій и ловкій, потому что съумѣлъ удержаться въ хорошихъ съ Суворовымъ отношеніяхъ, даже больше, ибо Суворовъ писалъ Хвостову: «иногда мнѣ больше себя жаль честнаго человѣка, здѣшняго городничаго Алексѣя Львовича Вындомскаго, при мнѣ страждущаго». Обстоятельныя свѣдѣнія о Суворовѣ начинаются съ половины іюля; но прежде, чѣмъ къ нимъ перейти, необходимо вернуться нѣсколько назадъ и ознакомиться со всѣмъ, что произошло въ Кобринѣ послѣ Суворовскаго отъѣзда[1]).

Всѣ офицеры, пріѣхавшіе по приглашенію Суворова въ Кобринъ, остались тамъ и по его отъѣздѣ; къ нимъ присоединилось въ разное время еще нѣсколько другихъ. Вѣроятно они, подобно Корицкому, чуяли надъ собою бѣду, но подавъ давно въ отставку и переселившись въ Кобринъ, зашли уже такъ далеко, что оставалось только ждать. Прождали они не долго: 20 мая пріѣхалъ Пиколевъ, арестовалъ ихъ всѣхъ и повезъ въ Кіевъ, гдѣ они и были посажены въ крѣпость. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе, на имя тогдашняго кіевскаго военнаго губернатора графа И. Салтыкова, о производствѣ дознанія относительно намѣреній и замысловъ этихъ офицеровъ. Салтыковъ допросилъ ихъ и донесъ, что они ничего не знаютъ и никакихъ особыхъ намѣреній, выходя въ отставку и уѣзжая въ Кобринъ, не имѣли; что они «были заблуждены» обѣщаніями и обнадеживаніями Суворова — жить на свободѣ и владѣть деревнями. По мнѣнію Салтыкова, ихъ не зачѣмъ было возвращать на службу, кромѣ одного Капустянскаго, который жилъ «въ семъ скопищѣ безъ паспорта и всякаго вида», а потому отправленъ въ полкъ и посаженъ подъ арестъ. Отвѣтомъ Государя было повелѣніе: Салтыкову поступить съ арестованными по своему усмотрѣнію. Салтыковъ распустилъ ихъ по домамъ, кромѣ капитана Капустянскаго, продолжавшаго находиться

подъ арестомъ при полку, и полковника Борщова, высланнаго въ свой полкъ, въ Омскъ. Съ прочихъ взята подписка, что они безъ вѣдома губернатора не будутъ никуда отлучаться изъ мѣстъ жительства и по первому зову обязуются явиться куда будетъ приказано. Изъ нихъ маіоръ Антингъ поѣхалъ въ Петербургъ къ своему семейству, а маіоръ Грессеръ и ротмистръ князь Четвертинскій просились вновь на службу. Отвѣтомъ на это донесеніе послужило высочайшее повелѣніе отъ 5 августа, объ исключеніи изъ службы Антинга, Грессера и князя Четвертинскаго и о томъ, чтобы мѣстное гражданское начальство имѣло наблюденіе за сношеніями Борщова и Капустянскаго. Отъ того же числа послѣдовало повелѣніе петербургскому коменданту — имѣть за Антингомъ всегдашнее наблюденіе, а новгородскому губернатору Митусову написано собственноручно: «Имѣйте смотрѣніе, чтобы исключенные изъ службы маіоры Антингъ, Грессеръ и ротмистръ князь Четвертинскій, и подобные имъ свиты Суворова, не имѣли никакого сношенія и свиданія съ живущимъ въ новгородской губерніи бывшимъ фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ» [2]).

Кромѣ этихъ лицъ и Корицкаго, остальные вернулись въ Кобринъ послѣ 2-мѣсячнаго отсутствія и поселились по прежнему въ помѣщичьемъ домѣ; Корицкій же проѣхалъ въ свою полтавскую деревню, чтобы «опамятоваться и придти въ себя». Такъ кончилась вторая часть кобринскаго эпизода и началась третья, совсѣмъ иного характера, продолжавшаяся до смерти и даже послѣ смерти Суворова.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ пріѣхали къ Суворову дорогіе гости — сынъ, дочь и внукъ. Онъ звалъ ихъ еще въ Кобринъ, когда считалъ себя совершенно свободнымъ; а теперь, при иныхъ условіяхъ, свиданіе съ близкими сердцу становилось для него двойнымъ праздникомъ. Суворовъ послалъ въ Петербургъ письмо съ нарочнымъ (значитъ присмотръ Вындомскаго былъ тогда не очень еще бдителенъ), за разными порученіями, въ томъ числѣ и къ дочери. Она находилась въ Петербургѣ одна, безъ мужа, который по требованіямъ службы проживалъ почти безотлучно въ Павловскѣ. Вѣсть о ссылкѣ отца поразила ее, и она написала

ему слѣдующее письмо: «Все, что скажетъ сердце мое—молить Всевышняго о продолженіи дней вашихъ при спокойствіи душевномъ. Мы здоровы съ братомъ и сыномъ, просимъ благословенія вашего. Необходимое для васъ послано при запискѣ къ Прокофью. Желаніе мое непремѣнное — скорѣе васъ видѣть; о семъ Бога прошу, онъ нашъ покровитель. Цалую ваши ручки». Возможность посѣтить отца представилась ей однако не тотчасъ же: требовалось разрѣшеніе Государя, а для полученія его—удобный моментъ; можетъ были и другія препятствія. Приблизительно черезъ мѣсяцъ, графиня Зубова однако уже была въ с. Кончанскомъ, вмѣстѣ съ братомъ, сыномъ, родственницей Евпраксіей Раевской, воспитателемъ брата—маіоромъ Сіономъ и его женой. Кончанское помѣщеніе, и для одного Суворова сносное съ горемъ пополамъ, для такого числа гостей было изъ рукъ вонъ плохо, тѣсно и неудобно. Суворовъ поѣхалъ за 45 верстъ въ свою деревню Каменку, лично осмотрѣть тамошній домъ—не будетъ ли лучше; домъ оказался еще хуже, пришлось оставаться въ Кончанскѣ. Здѣсь провелъ онъ слишкомъ два мѣсяца въ своей семьѣ, и это время много усладило горечь его положенія. «Графа Николая Александровича обнимаю», писалъ онъ Хвостову, «какъ руки и ноги графа Александра Николаевича (внука) и наслаждаюсь съ его любезною Наташей. Провидѣнію я преданъ, служу небесному Богу и вѣренъ богу земному» [3]).

Донесенія о Суворовѣ составлялись и отправлялись отъ Вындомскаго къ Митусову еженедѣльно, а затѣмъ представлялись къ генералъ-прокурору Куракину. Изъ нихъ видно, что Суворовъ постоянно жаловался на дурное состояніе здоровья, и пріѣздъ дѣтей подкрѣпилъ его только временно. Его заботило впереди зимнее и даже осеннее время, такъ какъ жить въ Кончанскомъ домѣ, въ холодъ или ненастье, рѣшительно было нельзя. Онъ рѣшилъ переѣхать за 45 верстъ, въ село Ровное, къ свойственницѣ своей Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой (рожденной Зубовой). Можно ли ему это дозволить? Маіора Сіона онъ отправилъ въ Кобринъ за брильянтами и другими вещами, которые хочетъ хранить здѣсь, въ нашемъ лѣсистомъ, малолюд-

номъ краѣ, а ихъ будетъ слишкомъ на 300,000 рублей. Можно ли ему это разрѣшить? Пріѣзжали евреи для разсчетовъ по поставкѣ изъ кобринскихъ деревень провіанта въ казну, но до него не были допущены. Прочитавъ это донесеніе, Государь приказалъ: въ Ровное Суворову переселиться можно, хранить при себѣ брильянты тоже; но подтверждается строгое наблюденіе за его поведеніемъ и образомъ жизни.

Вындомскій доноситъ, что Суворовъ ѣздилъ въ Каменку осматривать домъ и вернулся черезъ два дня, заѣхавъ на обратномъ пути къ помѣщицѣ Мякининой. Черезъ нѣсколько дней онъ снова выѣхалъ къ сосѣдкѣ Лупандиной, за 7 верстъ, отобѣдалъ тамъ и вернулся домой въ тотъ же день. Митусовъ спрашиваетъ генералъ-прокурора, — можно ли Суворову такъ разъѣзжать? Повелѣно: запретить.

Митусовъ доноситъ, что пріѣхалъ изъ Кобрина ротмистръ Павловскій, требовалъ свиданія съ Суворовымъ и говорилъ, что многіе еще пріѣдутъ. Ему было отказано и велѣно ѣхать въ Петербургъ, подъ присмотромъ нарочнаго. Павловскій заупрямился и ѣхать подъ присмотромъ не захотѣлъ, развѣ-де свяжете. Вындомскій его арестовалъ и отправилъ со всѣми найденными при немъ бумагами. Повелѣно: по допросѣ Павловскаго въ тайной экспедиціи, выпустить съ обязательствомъ никому не говорить, гдѣ содержался и о чемъ спрашиванъ.—Перехвачено письмо Хвостова къ Суворову; въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, но оно все-таки отправлено къ генералъ-прокурору, и Вындомскій не ручается, чтобы переписка не производилась чрезъ живущую здѣсь графиню Зубову. Приказано: стараться перехватывать всѣ письма, но переписки графини Зубовой и ея людей не свидѣтельствовать.— Перехвачено новое письмо Хвостова къ Суворову, а также письма камердинера Прохора Дубасова къ графу Н. Зубову и Хвостову о денежныхъ дѣлахъ, но есть и жалоба. Относительно ожидаемаго изъ Кобрина въ Кончанскъ Сіона приказано: допустить его къ сдачѣ Суворову, въ присутствіи Вындомскаго, привезенныхъ брильянтовъ и вещей, и затѣмъ велѣть ему немедленно уѣхать; но потомъ приказаніе это отмѣнено и Сіону, воспитателю графа Аркадія,

разрѣшено оставаться при Суворовѣ.—Донесено, что Евпраксію Раевскую Суворовъ хочетъ выдать за боровицкаго помѣщика капитанъ-лейтенанта Александра Румянцова, съ назначеніемъ ей въ приданое 100 душъ, но на условіи, чтобы они жили въ его, Суворова, домѣ. Вындомскій старается отговорить отъ этого послѣдняго условія. Повелѣно: разрѣшить.

Таковы были обстоятельства и результаты двухмѣсячнаго надзора за Суворовымъ. Вындомскій очень тяготился своимъ въ этомъ дѣлѣ участіемъ, со времени назначенія новгородскимъ губернаторомъ Митусова вмѣсто Архарова, вѣроятно вслѣдствіе усиленія за опальнымъ фельдмаршаломъ надзора. Вындомскій тогда же рѣшился обратиться къ новому губернатору съ просьбой объ увольненіи отъ этой обязанности, причемъ приводилъ въ резонъ, между прочимъ, возможность захворать и такимъ образомъ оставить Суворова безъ всякаго наблюденія. Онъ указывалъ даже на лицо, которое могло бы замѣнить его при фельдмаршалѣ, именно на директора боровицкой конторы статскаго совѣтника Гензеля. Митусовъ какъ видно согласился съ неудобствами положенія Вындомскаго, но кандидатура Гензеля не удостоилась въ Петербургѣ утвержденія, а назначенъ надворный совѣтникъ Феофилактъ Долгово-Сабуровъ, помѣщикъ боровицкій, находившійся въ отставкѣ, и выборъ этотъ сдѣланъ между прочимъ потому, что Долгово-Сабуровъ «можетъ бывать у Суворова часто, не возбуждая подозрѣній».

Въ Петербургѣ или не составили себѣ яснаго понятія о взаимномъ положеніи надзирателя и надзираемаго, или сами себя обманывали для мнимаго сохраненія наружныхъ приличій, если полагали, что присмотръ можетъ не возбуждать въ Суворовѣ подозрѣній. Дѣло было для него совершенно ясное, да и не могло быть инымъ, если правительственный агентъ находился постоянно на его глазахъ, письма пропадали, пріѣзжіе (о которыхъ онъ могъ знать отъ своихъ людей) до него не допускались, и ему самому былъ запрещенъ выѣздъ за какія-нибудь 7 верстъ. Тѣмъ не менѣе продолжали держаться этой системы, можетъ быть изъ желанія не оскорблять Суворова слишкомъ грубыми формами лишенія свободы, что и заставило обратиться

къ одному изъ частныхъ, не служащихъ лицъ. Отказъ не предполагался; Долгово-Сабуровъ однако отказался, конечно на основаніи вѣскихъ причинъ. Онъ отвѣчалъ губернатору, что готовъ всячески служить Государю, но не можетъ, потому что боленъ чахоткой и еле живъ. Донося объ этомъ, Митусовъ удостовѣрилъ, что слова Сабурова справедливы и что онъ самъ, Митусовъ, видѣлъ внезапные припадки его болѣзни. Пришлось пріискивать другого. Московскій военный губернаторъ И. П. Архаровъ рекомендовалъ еще раньше отставного коллежскаго ассесора Николева, когда шла рѣчь только объ арестованіи Суворова въ Кобринѣ. Порученіе это Николевъ исполнилъ успѣшно; потомъ арестовалъ и отвезъ въ Кіевъ изъ Кобрина офицеровъ, тоже безъ всякихъ проволочекъ и неудачъ; на немъ и теперь остановился выборъ.

Юрій Алексѣевичъ Николевъ по прослуженіи 15 лѣтъ вышелъ въ отставку, какъ онъ говоритъ «не получа ни малѣйшаго вознагражденія», и проживалъ въ своемъ имѣніи (160 душъ), которое досталось на его долю по дѣлежу съ 4 братьями наслѣдства ихъ дяди, генералъ-маіора Николева, но находилось подъ секвестромъ по комиссаріату. Ю. Николевъ былъ въ описываемое время человѣкъ пожилой, имѣлъ двухъ сыновей на службѣ и двухъ дочерей. Онъ, если вѣрить его словамъ, порядочно бѣдствовалъ, проживая въ своемъ секвестрованиомъ имѣніи, пока Архаровъ не «сжалился надъ нимъ», отрекомендовавъ какъ сказано. По сдачѣ въ Кіевѣ кобринскихъ офицеровъ, Николевъ опять уѣхалъ въ свою деревню, подъ Москвою, но 16 сентября получилъ повелѣніе — явиться снова, такъ какъ на него возлагается присмотръ за Суворовымъ въ селѣ Кончанскомъ. Николевъ донесъ безграмотною запиской, что въ тотъ же день выѣзжаетъ и поѣдетъ прямо въ с. Кончанское, что иначе поступить по его мнѣнію неудобно и что онъ проситъ выслать ему инструкцію на мѣсто.

Сентября 20 онъ былъ уже въ Кончанскѣ, но Вындомскій, не получивъ еще приказанія о передачѣ ему присмотра за Суворовымъ, нѣсколько дней продолжалъ состоять при опальномъ. Онъ доносилъ, что пріѣхалъ изъ Кобрина шляхтичъ Красовскій,

привезъ Суворову бриліанты, 3,000 р. денегъ, получилъ наставленіе и уѣхалъ обратно. Перехвачено нѣсколько писемъ; Сіонъ и Павловскій просятъ о перемѣнѣ подаренныхъ имъ деревень на другія; первый пишетъ своей женѣ, что дѣла Суворова въ Кобринѣ въ величайшемъ разстройствѣ; Антингъ извѣщаетъ, что исключенъ изъ службы, находится съ семьею въ нищетѣ; Фалькони благодаритъ за деревню и проч. Здоровье Суворова по прежнему слабо. Приказано: перехваченныя письма передать по принадлежности, такъ какъ въ нихъ ничего нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, или вскорѣ, выслана инструкція Николеву, а Вындомскому приказано возвратиться къ своей должности [4]).

Инструкція предписывала Николеву отправиться въ Боровичи, жить тамъ для наблюденія за поведеніемъ и образомъ жизни Суворова и еженедѣльно доносить генералъ-прокурору во всей подробности. Сколько возможно скрывать отъ всѣхъ возложенное на него порученіе, дѣлая видъ, что пріѣхалъ туда и проживаетъ тамъ по своимъ дѣламъ,—торговымъ, судебнымъ или инымъ. Освѣдомляться, отъ кого будутъ къ Суворову посѣщенія, съ какимъ намѣреніемъ, чѣмъ онъ съ посѣтителями или одинъ будетъ заниматься или съ кѣмъ пересылаться; въ послѣднемъ случаѣ—что станетъ посылать, кому, куда и зачѣмъ. Лицамъ его бывшей свиты, нынѣ исключеннымъ изъ службы, не дозволять съ нимъ, Суворовымъ, имѣть ни свиданій, ни сношеній, кромѣ одного маіора Сіона. Наблюдать за кореспонденціей, разузнавая, что̀ Суворовъ пишетъ, кому и черезъ кого; особенно слѣдить «какими бы то путями ни было» за адресуемыми ему письмами. Съ этою цѣлью приказано боровицкому почтмейстеру всѣ письма пересылать черезъ Вындомскаго къ нему, Николеву, а земскому исправнику велѣно, въ случаѣ отлучки Николева изъ уѣзда, наблюдать и извѣщать его чрезъ Вындомскаго о письмахъ, получаемыхъ или отправляемыхъ съ нарочными, также о «посѣщеніяхъ и упражненіяхъ» Суворова; для чего ему, Николеву, рекомендуется повидаться съ исправникомъ и переговорить съ нимъ. До переписки дочери, графини Зубовой, или ея близкихъ, не касаться. Вындомскій будетъ оказывать всякое содѣйствіе и пособіе. Если

паче чаянія будетъ замѣчено что нибудь подозрительное, то объ этомъ должно быть немедленно донесено генералъ-прокурору. Такъ какъ онъ, Николевъ, съ нѣкотораго времени съ Суворовымъ знакомъ, то долженъ сохранять къ нему должное почтеніе, не давать поводъ ни ему, ни домашнимъ къ неудовольствію, «оказывать ласку и доброхотство». Если бы Суворовъ вздумалъ куда-либо въ гости ѣхать, то представлять ему учтиво, что по теперешнему его положенію онъ не можетъ этого дѣлать; если же не послушается, то объявить ему высочайшее повелѣніе, отказать на-отрѣзъ и донести генералъ-прокурору.

Какъ только появился Николевъ, дочь Суворова и другія лица, съ нею пріѣхавшія, собрались домой и выѣхали на другой день. Можетъ быть это совпаденіе случайное, такъ какъ становилось холодно, и въ ветхомъ домѣ нельзя уже было жить, не рискуя здоровьемъ. Самъ Суворовъ тоже покинулъ домъ тотчасъ же и переселился въ избу, на краю деревни, за неимѣніемъ другого жилого помѣщенія, ибо новый домъ хотя строился, но былъ еще не готовъ. Во ожиданіи близкаго отъѣзда дочери, Суворовъ былъ очень печаленъ, а по ея отъѣздѣ много плакалъ. Въ такомъ настроеніи онъ встрѣтился первый разъ съ Николевымъ и спросилъ его: «откуда пріѣхалъ?» — Заѣхалъ по дорогѣ въ Тихвинъ», — отвѣчалъ Николевъ, понимавшій свою роль, хотя инструкція не была еще получена. «Я слышалъ, что ты пожалованъ (за Кобринъ) чиномъ», продолжалъ улыбаясь Суворовъ: «правда, и служба большая; выслужилъ, выслужилъ; продолжай такъ поступать, еще наградятъ». Николевъ отвѣчалъ, что «исполнять монаршую волю есть первѣйшій долгъ вѣрноподданнаго». Суворовъ замѣтилъ: «я бы этого не сдѣлалъ, а сказался бы больнымъ». Николевъ выразилъ удивленіе по поводу такого взгляда на службу; Суворовъ замолчалъ, а потомъ, по словамъ Николевскаго донесенія, сдѣлался гораздо снисходительнѣе и ласковѣе.

Изъ этого перваго донесенія видна домашняя жизнь Суворова. Онъ вставалъ за 2 часа до свѣта, пилъ чай, обливался водою, на разсвѣтѣ шелъ въ церковь, гдѣ стоялъ заутреню и

обѣдню, причемъ самъ читалъ и пѣлъ. Обѣдъ подавался въ 7 часовъ, послѣ обѣда Суворовъ спалъ, потомъ обмывался, въ свое время шелъ къ вечернѣ, послѣ того обмывался раза три и ложился спать. Скоромнаго онъ не ѣлъ, былъ весь день одинъ и разговаривалъ лишь со своими людьми, нѣсколькими отставными солдатами. Носилъ онъ обыкновенно канифасный камзольчикъ, одна нога въ сапогѣ, другая (раненая) въ туфлѣ; по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ надѣвалъ егерскую куртку и каску; въ высокоторжественные дни куртку замѣнялъ фельдмаршальскимъ мундиромъ безъ шитья, но съ орденами. Свой простой ежедневный костюмъ Суворовъ впрочемъ еще упрощалъ до минимума: ходилъ безъ рубашки, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, какъ дѣлывалъ обыкновенно въ лагерное время. Онъ жаловался на нездоровье, на параличные симптомы въ разныхъ частяхъ тѣла, но Николевъ доносилъ, что ничего подобнаго не замѣтилъ, что вообще здоровье Суворова, если взять въ разсчетъ его годы, находилось въ состояніи удовлетворительномъ. Предшествовавшія донесенія Вындомскаго не совсѣмъ съ этимъ согласны, и въ письмахъ своихъ къ Хвостову Суворовъ неоднократно упоминаетъ о своихъ недугахъ, говоритъ даже про «дюжину тульчинскихъ параличей». Хотя послѣднее выраженіе неправильно, по по всему видно, что здоровье Суворова нѣсколько пошатнулось, и если онъ не былъ буквально боленъ, то благодаря преимущественно своей энергіи.

Кончая свое первое донесеніе, Николевъ говоритъ, что присмотръ за Суворовымъ оказывается въ дѣйствительности невозможнымъ; изба, занимаемая Суворовымъ, удалена отъ села, не вдалекѣ отъ нея находится лишь церковь; приставнику нѣтъ помѣщенія, откуда можно было бы наблюдать. Нѣтъ и путей для наблюденія: Суворовъ постоянно окруженъ своими людьми, ближайшіе къ нему—камердинеръ и два отставныхъ солдата—люди «не покорливые и не трезвые». Хотя ему, Николеву, предоставлено въ распоряженіе 1,000 душъ Карелъ (та мѣстность населена Карелами), но изъ нихъ мало кто, да и то плохо, разумѣетъ по-русски; нельзя усмотрѣть за отправкою и полученіемъ п[illegible]а по неимѣнію военной команды,

не съ кѣмъ отсылать донесенія. Въ силу такихъ обстоятельствъ Николевъ проситъ снабдить его дополнительнымъ повелѣніемъ, или вызвать для личныхъ объясненій. Повелѣно: надзирать непримѣтнымъ образомъ, а потому нѣтъ нужды ни въ новыхъ наставленіяхъ, ни въ новыхъ средствахъ [5]).

Два послѣдующія донесенія Николева не заключая въ себѣ ничего особеннаго, все-таки даютъ кое-что для характеристики обстоятельствъ. Николевъ проситъ дать въ его распоряженіе нѣсколько солдатъ (вѣроятно для разсыльной службы); Митусовъ присылаетъ двухъ. Суворовъ находится въ прежнемъ состояніи здоровья, но однажды больно ушибся, набѣжавъ ночью на лежащую собаку. У него прибавилось новое препровожденіе времени: по утрамъ и послѣ обѣда поетъ духовные концерты. Разсердившись на Николева за то, что тотъ назвалъ его *вы*, вмѣсто *ваше сіятельство*, онъ однако сдѣлался съ нимъ на другой день по прежнему ласковъ. Перехвачены письма; изъ нихъ одно отъ баронессы Карничай, изъ Пешта: проситъ Суворова быть в оспреемникомъ сына Александра; другое—отъ г-жи фонъ-Тилленъ, изъ Силезіи: проситъ о томъ же—для младенца, котораго она должна родить чрезъ два мѣсяца. Приказано: письма отдать по принадлежности.—Баронъ Карачай, боевой товарищъ и пріятель Суворова, пишетъ ему изъ Венгріи, спрашивая о состояніи здоровья. Новелѣно: письмо не отдавать, всѣ подобныя удерживать и вообще переписку Суворова съ Карачаемъ прекратить.—Между людьми Суворова идутъ разговоры, будто онъ собирается уѣхать въ Петербургъ. Ему не трудно это исполнить и вести кореспонденцію внѣ надзора; бурмистру приказано, въ случаѣ попытки къ отъѣзду, не давать ему лошадей, а чтобы не быть въ отвѣтѣ, Николевъ испрашиваетъ на этотъ предметъ приказаній. Никакихъ приказаній не послѣдовало, вѣроятно потому, что усердіе Николева увлекало его къ слишкомъ большимъ и несбыточнымъ опасеніямъ.

Дальнѣйшія донесенія Николева вращаются въ тѣхъ же границахъ, и резолюціи изъ Петербурга въ томъ же родѣ. Приказано маіора Сіона, находившагося въ Кобринѣ, къ Суворову не допускать, въ отмѣну прежняго разрѣшенія, но по просьбѣ

графа Н. Зубова снова дозволено на условіи, чтобы Николевъ за Сіономъ смотрѣлъ. Отправленнаго Суворовымъ въ Петербургъ камердинера Прохора приказано допросить; оказалось, что онъ пріѣхалъ къ графу Зубову съ порученіемъ отъ Суворова—ускорить платежи по казеннымъ взысканіямъ (о нихъ будетъ дальше). Перехвачены многія письма къ Суворову, большая ихъ часть оказались просительными. Суворовъ пересталъ надѣвать по праздникамъ фельдмаршальскій мундиръ, но за то носитъ на шеѣ орденъ св. Анны (любимый Императора Павла); ночью его изба однажды загорѣлась, но во-время потушена; здоровье его по прежнему, но съ чего-то подошвы на ногахъ распухли, такъ что онъ нѣсколько дней съ трудомъ ходилъ. Печаль его по уѣхавшей дочери перешла въ хроническое грустное настроеніе, вслѣдствіе неполученія никакихъ отъ графини Зубовой извѣстій; но превратилась въ сильнѣйшую радость, когда пришло отъ нея письмо. Потомъ, какъ можно догадываться, наступили дни томительной скуки; недовольство настоящимъ обострилось и перешло въ раздражительное состояніе, которое выросло съ наступленіемъ святокъ, потому что Суворовъ привыкъ всегда проводить праздники въ разныхъ забавахъ. Николевъ доноситъ въ концѣ декабря, что Суворовъ становится все сердитѣе; не проходитъ дня, чтобы онъ не побилъ кого-нибудь изъ людей; даже 25 числа за обѣдней далъ Прошкѣ пощечину. При этомъ Николевъ не упускаетъ однако же замѣтить, что «Суворовъ былъ въ канифасномъ камзольчикѣ, но съ Анной на шеѣ» [6]).

Тяжело было положеніе Суворова, но описанными данными далеко не исчерпывается итогъ непріятностей, которыя ему приходилось выносить. Нежданно-негаданно на него обрушилась цѣлая масса казенныхъ взысканій и нѣсколько частныхъ претензій, а въ Кобринѣ установилась неурядица, перешедшая наконецъ въ безцеремонное грабительство.

Пока Суворовъ былъ въ чести, славѣ и силѣ, все молчало; народилось и появилось на дневной свѣтъ только дѣло Вронскаго, но оно было направлено не противъ него лично, и доносчикъ выгораживалъ его особу всяческими оговорками. А едва собралась гроза и грянулъ громъ, свергнувшій побѣдоноснаго

полководца съ высоты его положенія въ безпомощное состояніе опальнаго, стали возникать разныя темныя дѣла, появляться жалобы за прежнее время, нарождаться иски.

Первый открылъ этого рода кампанію маіоръ Донского войска Чернозубовъ. Какъ только Суворовъ отправленъ былъ въ ссылку, Чернозубовъ заявилъ претензію въ томъ, что остается по настоящее время не удовлетвореннымъ за употребленные имъ съ 16 октября 1795 по январь 1796 года на фуражъ 8,021 руб., которые онъ, находясь въ Польшѣ, израсходовалъ по словесному приказанію Суворова, за неимѣніемъ тогда прямого на этотъ расходъ источника. А такъ какъ, по сдѣланной справкѣ, Суворову уже была отпущена въ то время сумма на продовольствіе войскъ, то 6 мая повелѣно: взыскать съ него 8,021 руб.

Суворовъ былъ очень удивленъ, получивъ первое объ этомъ извѣстіе и, не зная подробностей, тотчасъ же выслалъ Хвостову вѣрющее письмо на заемъ 10,000 рублей подъ залогъ 250 душъ. Потомъ, сообразивъ обстоятельства, онъ сталъ приводить въ свое оправданіе, что удовлетвореніе Чернозубова относится до провіантскаго вѣдомства, имѣющаго на все свои законы и правила, которые главнокомандующій измѣнить не въ силахъ; что если провіантская канцелярія имѣя деньги, ихъ не отпускала, то на ней и вина, а не на главнокомандующемъ, который обязанъ заботиться, чтобы войска были сыты. Онъ съ ѣдкостью замѣчаетъ, что Философовъ, въ инспекціи котораго возникло это дѣло, должно быть сошелъ съ ума или, не бывши 30 лѣтъ въ военной службѣ, забылъ, что словесные приказы о деньгахъ не исполняются. Онъ замѣчаетъ, что на него, Суворова, наложено взысканіе безъ разсмотрѣнія дѣлъ и счетныхъ книгъ штаба; что даже не былъ сдѣланъ отвѣтчику предварительный запросъ по заявленной на него претензіи; что поступать такимъ образомъ, значитъ дать поводъ другимъ заявлять что угодно, безъ всякаго съ ихъ стороны риска, и тогда претензіи могутъ вырости до милліоновъ. Уже одинъ полковникъ прислалъ ему, Суворову, частное письмо, требуя 3,500 руб. и угрожая обратиться въ противномъ случаѣ съ

прошеніемъ къ Государю; подобнымъ случаямъ и конца нельзя предвидѣть, а между тѣмъ они, помимо основной своей несправедливости, кладутъ пятно и на его, Суворова, честь.

Все это однако не привело ни къ чему, и Суворову оставалось только платить. Хвостовъ просилъ Митусова обождать взысканіемъ, пока деньги будутъ собраны, но въ октябрѣ послѣдовало изъ военной коллегіи вторичное, строжайшее требованіе, такъ что приходилось налагать секвестръ на часть боровицкаго имѣнія. Хвостовъ сбился кое-какъ съ деньгами и заплатилъ.

Слова Суворова сбывались: въ октябрѣ заявлена новая жалоба, и по ней повелѣно: деньги, употребленныя умершимъ полковникомъ Шиллингомъ, по словесному приказанію Суворова, на продовольствіе полка,— взыскать съ Суворова. Нѣсколько позже приказано дополнительно: деньги, израсходованныя въ томъ же Низовскомъ мушкетерскомъ полку изъ офицерскихъ и церковныхъ суммъ на ту же потребность, — взыскать съ него же, что составляло въ итогѣ 4,232 рубля. Суворовъ писалъ Хвостову по этому поводу тоже, что и о претензіи Чернозубова, но также безполезно: взысканія обращены на доходы съ кобринскаго имѣнія, и немного погодя строго подтверждено не затягивать исполненіе.

Въ декабрѣ состоялось высочайшее повелѣніе о новомъ взысканіи. Въ послѣднюю войну войска Суворова проходили чрезъ гор. Брестъ-Литовскій; здѣсь былъ сложенъ въ сараѣ поташъ, а въ плотахъ на р. Бугѣ находился корабельный лѣсъ, — то и другое сплавлялось къ Данцигу. Суворовъ приказалъ приставить къ амбару и плотамъ караулъ и велѣлъ потомъ бригадиру Дивову эту военную добычу продать. Купилъ одинъ еврей и получилъ отъ Дивова удостовѣреніе на бумагѣ въ томъ, что лѣсъ и поташъ дѣйствительно ему проданы, а деньги за нихъ получены. Цифра полученныхъ денегъ не была въ роспискѣ обозначена, и такимъ образомъ продажная цѣна осталась неизвѣстной; вѣроятно она была ниже 700 червонцевъ, потому что еврей вскорѣ перепродалъ лѣсъ и поташъ другому, взявъ съ него именно эту сумму. Въ іюнѣ 1797 года бывшій литовскій

подстолій, графъ Ворцель, подалъ прошеніе, объясняя, что лѣсъ и поташъ принадлежали ему, стоили 5628 червонцевъ, а потому просилъ взыскать понесенный имъ убытокъ съ Суворова, какъ главнокомандующаго. Надо замѣтить, что Ворцель былъ въ это время по горло въ долгахъ, кредиторы его съ каждымъ днемъ становились настойчивѣе, и подавъ имъ нѣкоторую надежду на уплату, онъ пріобрѣталъ хоть временное спокойствіе. Прошеніе свое онъ написалъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ и цифру претензіи не подкрѣпилъ ничѣмъ. Должно быть это обстоятельство кидалось въ глаза, потому что взысканіе съ Суворова не послѣдовало тотчасъ же, а было приказано князю Репнину привести въ ясность обстоятельства дѣла. Репнинъ употребилъ на это не мало времени, а разъяснилъ очень не многое; приведенное выше изложеніе дѣла есть результатъ не только Репнинскаго изслѣдованія, но и розысковъ Суворовскаго управляющаго, Красовскаго, который собиралъ справки въ Данцигѣ, Варшавѣ и другихъ мѣстахъ, и добылъ копію съ росписки Дивова. Не былъ спрошенъ даже этотъ послѣдній, хотя все дѣло на немъ вращалось. Черный годъ Суворова взялъ верхъ, и въ декабрѣ приказано взыскать съ него 5628 червонцевъ (по тогдашнему курсу около 28.000 рублей бумажныхъ), опять безъ предварительнаго его спроса о справедливости принесенной на него жалобы.

Суворовъ указывалъ на корыстолюбивое побужденіе просителя, на то, что жалоба принесена черезъ $2^1/_2$ года не безъ причины, что главнокомандующій не можетъ быть отвѣтственнымъ лицомъ за каждаго изъ своихъ подчиненныхъ, что истина не разъяснена производившимся дознаніемъ, что разница между 5628 и 700 червонцами слишкомъ разительна, что если Ворцель и справедливо показывалъ бы, то все-таки привлеченіе виновнаго къ дѣлу можетъ имѣть мѣсто по отношенію къ Дивову, а не къ нему, Суворову. Онъ дѣйствительно совсѣмъ позабылъ про подробности этого дѣла и даже не могъ припомнить, куда дѣвались вырученныя за лѣсъ и поташъ деньги. Для обезпеченія взысканія, на кобринское имѣніе наложенъ секвестръ.

Апетитъ хищниковъ на чужое добро разгорался, и въ январѣ 1798 года бывшихъ польскихъ войскъ маіоръ Выгановскій по-

далъ прошеніе о взысканіи съ Суворова 36.000 рублей за опустошеніе и истребленіе во время послѣдней войны его имѣнія. Польскій генералъ Сѣраковскій, ретируясь чрезъ Крупчицы, навлекъ на мѣстечко и на стоявшій за нимъ домъ Выгановскаго огонь русской артиллеріи; отъ гранатъ пострадало мѣстечко и сгорѣлъ домъ. Уже этого краткаго изложенія достаточно, чтобы убѣдиться въ нелѣпости иска Выгановскаго. «Я не зажигатель и не разбойникъ», говоритъ Суворовъ и ставитъ вопросъ прямо: «война или миръ?» И дѣйствительно отъ наложенія на него взысканія удержались, но жалоба Выгановскаго нелѣпою все-таки не признана, и кобринскому суду приказано произвести разслѣдованіе. Оказалось между прочимъ, что не только крупчицкій домъ, но и все имѣніе Выгановскаго, тронутое войной и не тронутое, не стоитъ 36.000 рублей; что за годъ до революціи оно было заложено владѣльцемъ въ 6000 червонцевъ; что домъ былъ деревянный, ветхій и стоялъ совершенно пустой, безъ всякой мебели. Разслѣдованіе продолжалось около года, если не больше, и ко взысканію съ Суворова не привело; но Суворовъ считалъ его возможнымъ, такъ какъ и предшествовавшія претензіи признавалъ не многимъ основательнѣе. Поэтому искъ Выгановскаго, подобно другимъ, сильно его безпокоилъ и раздражалъ; лишь притерпѣвшись ко всему и убѣдившись въ своемъ безсиліи противу этого потока непріятностей и огорченій, онъ махнулъ рукой и нашелъ въ себѣ самомъ утѣшеніе. «Въ несчастномъ случаѣ — бриліанты», пишетъ онъ: «я ихъ заслужилъ, Богъ далъ, Богъ и возьметъ и опять дать можетъ».

Только этотъ облегчающій доводъ ему и оставался. Всѣ взысканія были безапеляціонныя, и лишь въ концѣ 1798 года, когда было уже поздно, Суворовъ получилъ возможность подать въ первый разъ голосъ въ защиту своей чести и собственности. Опроверженія же, приведенныя выше, онъ излагалъ въ частной перепискѣ, да и то подъ зоркимъ взглядомъ надсмотрщиковъ, перехватывавшихъ кореспонденцію; такимъ образомъ она и въ счастливомъ случаѣ къ практическому результату не приводила, а служила лишь нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ смыслѣ раздѣленнаго съ кѣмъ нибудь огорченія[7]).

Кромѣ описанныхъ офиціальныхъ вымогательствъ, Суворовъ сдѣлался предметомъ нападеній въ томъ же отношеніи и съ другихъ сторонъ. Какой-то купецъ пишетъ ему въ концѣ мая изъ Москвы, что $1^1/_2$ года назадъ сторговали его домъ Суворовскимъ именемъ комиссіонеры, но задатку не дали, а между тѣмъ онъ, владѣлецъ, уничтожилъ ситцевую въ домѣ фабрику, не пускаетъ жильцовъ и вообще несетъ большіе убытки. Суворовъ послалъ письмо это къ Хвостову, съ надписью: «Дмитрій Ивановичъ, я дома держусь, считалъ что тò и кончено; исправьте, а потомъ хоть три сѣрыхъ камня Оссіановыхъ». Въ октябрѣ прибылъ къ нему нарочный отъ давно забытой жены, съ письмомъ. Варвара Ивановна пишетъ, что крайность принуждаетъ ее сдѣлать этотъ шагъ; что она въ бѣдности, живетъ у брата, который весь въ долгу и продаетъ теперь свой домъ, такъ что ей придется скитаться по чужимъ угламъ. «Тринадцать лѣтъ васъ (пишетъ ему то *ты*, то *вы*) не безпокоила», продолжаетъ она: «воспитывала нашего сына въ страхѣ Божіемъ, внушала почтеніе, повиновеніе, послушаніе, привязанность и всѣ сердечныя чувства къ родителямъ, надѣясь, что Богъ приклонитъ и ваше къ добру расположенное сердце къ вашему рожденію; что вы, видя дѣтей вашихъ, вспомните и про ихъ несчастную мать». Объясняя дальше, что «въ разные годы получала разную малую пенсію» и вошла въ долги, которые нынѣ простираются до 22.000 рублей, она кончаетъ письмо словами: «развяжите душу мою, прикажите дочери нашей меня, несчастную мать, знать, какъ Богомъ узаконено». Письмо написано складно; очевидно составляла его не Варвара Ивановна; о пенсіи сказано не-совсѣмъ вѣрно, потому что съ начала разлуки Суворова съ женой, Варварѣ Ивановнѣ выдавалось ежегодно по 1200 р., а потомъ по 3000; эту послѣднюю сумму она получала и въ послѣднее время. Суворовъ отправилъ посланнаго, не видавъ его и приказавъ передать женѣ, что онъ самъ много долженъ, а потому помочь ей теперь не въ состояніи, но въ будущемъ постарается. Вскорѣ послѣ того онъ написалъ Хвостову: «я вѣдаю, что графиня Варвара Ивановна много должна, но мнѣ сіе постороннее».

Такъ думалъ или хотѣлъ думать Суворовъ, но не такъ вышло. Николевъ донесъ Куракину о просьбѣ Варвары Ивановны и объ отвѣтѣ Суворова; повелѣно: сообщить графинѣ Суворовой, что можетъ обратиться къ генералъ-прокурору. Вслѣдъ затѣмъ Суворовъ пишетъ зятю, графу Н. Зубову: «я слышу, что Варвара Ивановна желаетъ жить въ моемъ московскомъ домѣ; съ симъ я согласенъ, да и рождественскій домъ къ ея услугамъ; только бы никакихъ иныхъ претензіевъ не было: знакомо, что я въ немощахъ». Написалъ онъ объ этомъ и своему давнему пріятелю, Н. Ф. Скрипицыну, московскому управляющему, но Варвара Ивановна уже успѣла войти въ переписку съ Куракинымъ, по его приглашенію. «Угнетена будучи должайшее время отъ несчастнаго своего положенія крайнимъ недостаткомъ», она прилагаетъ копію съ письма своего къ мужу, оставленнаго безъ письменнаго отвѣта, и проситъ домъ для жительства, 8000 руб. въ годъ содержанія и уплату 22,000 р. долгу. Она возлагаетъ все свое упованіе на высочайшее благоволеніе, признавая его «единственнымъ закономъ, который можетъ ее извлечь изъ настоящаго бѣдственнаго положенія». Потребована отъ Хвостова справка о размѣрѣ состоянія Суворова и количествѣ дохода, и затѣмъ повелѣно: назначить Варварѣ Ивановнѣ домъ для жительства и ежегодное денежное содержаніе въ 8000 рублей, о чемъ и сообщено какъ Суворову, такъ и его женѣ. Суворовъ коротко сообщилъ своему зятю высочайшее повелѣніе къ исполненію; Варвара Ивановна разсыпалась передъ Куракинымъ въ благодарностяхъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Скрипицынъ сообщилъ ей, что оба дома, въ Москвѣ и селѣ Рождественѣ, передаются ей въ хозяйство съ мебелью, всѣмъ убранствомъ и прислугой. Варвара Ивановна отвѣчала ему благодарственнымъ письмомъ, которое, выйдя изъ подъ другого пера, было бы злой ироніей, такъ какъ оно кончается увѣреніемъ: «не премину оказать послушаніе мужу, ибо пріятнымъ долгомъ себѣ поставляю всегда исполнять его волю». Въ такомъ же смыслѣ она пишетъ и Куракину, но намекаетъ, что Скрипицынъ не очищаетъ домъ и вѣроятно не скоро очиститъ, ибо живетъ въ немъ по найму. Куракинъ успокоиваетъ ее, потому что мужу ея дано высочайшее пове-

лѣніе; Варвара Ивановна отвѣчаетъ, что на мужа она положиться не можетъ, ибо «вслѣдствіе вліянія на него близкихъ лицъ, мнѣ лицедѣйствующихъ, можно ждать ежевременной перемѣны», и напоминаетъ о своей просьбѣ на счетъ 22,000 р. долга. Куракинъ подтверждаетъ графу Н. Зубову о передачѣ графинѣ Суворовой московскаго дома, а ей сообщаетъ, что объ уплатѣ долга надлежитъ просить установленнымъ законнымъ путемъ. Этимъ письмомъ отъ 3 февраля 1798 года переписка пока и закончилась, и претензія Варвары Ивановны осталась удовлетворенною не вполнѣ [8]).

Если все сосчитать, то итогъ покажетъ, что жалобы, иски и претензіи на Суворова превысили цифру 100,000 рублей, а по современному свидѣтельству Хвостова, не совсѣмъ впрочемъ вѣрному, годовой его доходъ простирался только до 50,000 р. Но главный матеріяльный ущербъ, нанесенный Суворову въ это несчастливое для него время, шелъ изъ Кобрина и заключался въ безпорядкѣ, который развился тамъ послѣ его отъѣзда въ Кончанскъ и грозилъ перейти въ полный хаосъ. Офицеры, положеніе которыхъ оставалось неопредѣленнымъ, болтались безъ дѣла, жили на счетъ Суворова, или же, завладѣвъ участками, вели хищническое хозяйство. Къ нимъ прибавилось нѣсколько новыхъ, именъ которыхъ не находимъ въ первоначальномъ спискѣ; какъ они сюда попали и на какомъ основаніи пристроились къ дѣлу или получили участки, — остается темнымъ. Легкій способъ получать даромъ хоть небольшое, но обезпеченное состояніе, послужилъ соблазнительнымъ примѣромъ для другихъ, и Суворовъ былъ засыпанъ прошеніями о надѣлѣ. Маіоръ фонъ-Ваде проситъ пожаловать ему данную на 60 душъ; французъ Морисъ умоляетъ «по бѣдности» о такой же цифрѣ; отставной маіоръ Суховъ, съ письмомъ отъ Корицкаго, ходатайствуетъ о томъ же и даже пріѣхалъ за этимъ въ село Кончанское лично; множество другихъ выпрашиваютъ просто пособія. Корицкій, за время своего управленія имѣніемъ, до отправки въ кіевскую крѣпость, роздалъ разнымъ шляхтичамъ въ пожизненное владѣніе 209 душъ, съ землею и угодьями. Другіе бомбардируютъ Суворова и даже Прохора письмами о перемѣнѣ назначенныхъ имъ Корицкаго

кимъ и занесенныхъ въ протокольную книгу участковъ; самъ Сіонъ, посланный для приведенія всего въ ясность и порядокъ, трижды проситъ Суворова письмами о перемѣнѣ подаренной ему деревни; Фалькони ничего не проситъ, а только благодаритъ, ибо очень доволенъ своей судьбой. Антингъ пишетъ къ Суворову, къ Вындомскому, къ Хвостову, что онъ обиженъ, что во все время ревностной своей службы Суворову, ничѣмъ не одаренъ. Между тѣмъ въ сохранившейся перепискѣ Суворова можно насчитать 5 или 6 разъ, когда ему приказано было выдать отъ 500 до 1000 рублей. Красовскій высматриваетъ и лавируетъ; получивъ 434 души въ пожизненное владѣніе и закрѣпивъ ихъ за собою надлежащимъ образомъ, онъ, какъ разсказывали злые языки, добился 2000 р. дохода съ помощью Прохора, пообѣщавъ ему благодарность въ нѣсколько тысячъ рублей, но не сдержалъ слова [9]).

Неустройство кобринскихъ дѣлъ проглядываетъ чуть не въ каждой строкѣ писемъ, оттуда посылаемыхъ къ Суворову, Зубову, Хвостову, Вындомскому, Прохору, и поддерживается самимъ Суворовымъ, помимо его воли. Получивъ первыя извѣстія о тамошнихъ безпорядкахъ, онъ проситъ Хвостова послать туда довѣренное лицо, съ полномочіями для управленія имѣніемъ и приведенія всего въ надлежащее устройство. Черезъ мѣсяцъ, воспользовавшись пріѣздомъ въ Кончанскъ Сіона, онъ отрываетъ его отъ сына и посылаетъ въ Кобринъ почти на полгода, давая довѣренность въ нѣсколькихъ строкахъ и уполномочивая его избрать предъ обратнымъ отъѣздомъ главнаго управляющаго. Является такимъ образомъ два уполномоченныхъ, изъ которыхъ одинъ остается ни при чемъ. Налетѣвшіе со всѣхъ сторонъ на добро Суворова, какъ вороны на неподвижное тѣло, отставные офицеры и шляхтичи стараются урвать что можно, ссорятся, сплетничаютъ другъ на друга, посылаютъ Суворову, Хвостову, Зубову предостереженія и доносы. Корицкому, Сіону и Красовскому, т.-е. бывшему, настоящему и будущему главноуправляющимъ, достается больше всѣхъ и, сколько можно разобраться въ этой массѣ писемъ и путаницѣ дѣлъ, значительною долею не напрасно. Сгораетъ строевой лѣсъ, по

1,000 руб. десятина, дававшій 3,000 рублей годового дохода; подожженъ онъ для того, чтобы было больше валежника и подешевѣли дрова на продажу. Хлѣбъ проданъ по хорошей цѣнѣ, а въ отчетахъ цѣна поставлена малая. Сіонъ не имѣетъ никакого понятія о веденіи хозяйства и, будучи иностранцемъ, подозрѣвается въ возможности забрать деньги и уѣхать за-границу. Красовскій занимается ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ и интересы Суворовскаго имѣнія не блюдаетъ. Сіонъ угощаетъ безпрестанно окрестное шляхетство; однажды у него обѣдало 130 человѣкъ и ужинало больше 60. У Красовскаго ежедневные столы, музыка, охота въ лѣсахъ Суворова. Уѣзжая изъ Кобрина, Сіонъ оставилъ по себѣ 500 руб. долгу и совершенно пустымъ погребъ Суворова, въ которомъ находилось вина на 300 рублей [10]).

Все это (а если не все, то многое) доходило до Суворова разными путями, возбуждало въ немъ безпокойство и заставляло искать выхода изъ такого положенія. Выходъ найти было трудно; самое прямое средство — личное присутствіе въ Кобринѣ, было невозможно; да и другіе способы почти не существовали: переписка перехватывалась и если возвращалась, то поздно; личные переговоры съ немногими лицами дозволялись только временами, а съ прочими запрещались безусловно. Положеніе создалось по истинѣ безвыходное, и на перемѣну къ лучшему не представлялось надежды. Суворовъ, вышедшій въ отставку съ разсчетомъ хозяйничать въ Кобринѣ, сталъ убѣждаться, что привлеченіе туда офицеровъ, съ надѣломъ ихъ деревнями, представляется теперь капитальнымъ зломъ, мѣрою, достигающею цѣли какъ разъ противуположной той, которая имъ предполагалась при оставленіи службы. Извѣстія изъ Кобрина поддерживали такой поворотъ его мыслей, а разговоръ съ Красовскимъ, привезшимъ бриліанты, убѣдилъ его въ томъ совершенно. Хитрый, плутоватый шляхтичъ еще въ Кобринѣ уразумѣлъ Суворова до тонкости и рѣшился добиться полной его довѣренности. Онъ сообщилъ Суворову, что многіе изъ офицеровъ, благодаря Корицкому, получили самыя лучшія деревни, притомъ на условіяхъ, для него, Суворова, крайне не выгод-

ныхъ; что отъ этого происходитъ путаница, и правильное управленіе имѣніемъ невозможно; что многіе изъ получившихъ надѣлы отсутствуютъ и т. под. Убѣдить Суворова было тѣмъ легче, что приведенные доводы были большею частью справедливы; Красовскій же указалъ Суворову и средство избавиться отъ офицеровъ: раздѣлаться съ ними деньгами, для чего въ итогѣ требовалось, по его исчисленію, не больше 30,000 рублей. Суворову эта мысль понравилась и, соображая всѣ обстоятельства, въ ноябрѣ онъ остановился на такомъ рѣшеніи: офицерамъ дать отступного по двумъ нормамъ — 40 и 20 руб. за душу или около того, но не больше. Тѣ, которые возвратятся на службу или пожелаютъ оставить Кобринъ, получаютъ по 20 рублей; тѣ, которые останутся и обяжутся жить въ окрестностяхъ Кобрина до его, Суворова, смерти, получаютъ по 40 рублей. Впредь до заключенія съ ними законнымъ путемъ сдѣлки въ этомъ смыслѣ, они пользуются данными имъ деревнями. Корицкому, если справедливы его поступки и лихоимство, Суворовъ затрудняется дать и по рублю.

На этомъ фазисѣ остановилось дѣло въ зиму 1797 — 98 годовъ. Соображенія и разсчеты составлялись одною заинтересованною стороной, не спросившись другой, а потому, какъ ниже увидимъ, почти ни къ чему путному не привели.

Тѣмъ временемъ жизнь Суворова текла своимъ чередомъ; однообразные и тоскливые дни смѣнялись одинъ другимъ, и не видно было просвѣта въ этой опальной тьмѣ ежедневнаго прозябанія. По прежнему жилъ въ Кончанскѣ и Николевъ, наблюдая за своимъ узникомъ и посылая періодическія донесенія. Пріѣхалъ Сіонъ, пробылъ довольно долго; каждый день, часа по два подрядъ, просиживалъ онъ у Суворова, давая ему отчетъ и посвящая его въ тайны кобринскихъ порядковъ. Привезъ онъ не мало писемъ отъ кобринскихъ офицеровъ, арендаторовъ и разныхъ просителей, но Суворовъ ихъ не принялъ, далъ Сіону нѣсколько наставленій и отпустилъ его въ Петербургъ. Сіонъ уѣхалъ 6 февраля 1798 года; вскорѣ послѣ того

Суворовъ отпустилъ бывшихъ при немъ отставныхъ солдатъ; уединеніе его стало еще глуше и безжизненнѣе. Февраля 14 вдругъ все измѣнилось: передъ Суворовымъ совершенно неожиданно предсталъ племянникъ его, подполковникъ князь Андрей Горчаковъ, флигель-адъютантъ Императора Павла, съ приглашеніемъ ѣхать въ Петербургъ [11]).

Что побудило Государя обратить вниманіе на опальнаго фельдмаршала? Вопросъ, трудно разрѣшимый при характерѣ Павла Петровича; но въ числѣ причинъ главною, судя по послѣдующимъ даннымъ, было намѣреніе поставить Суворова въ необходимость, или по меньшей мѣрѣ въ возможность и желаніе, повиниться предъ Государемъ и сдѣлать первый шагъ къ выходу изъ настоящаго положенія. Опала Суворова, человѣка съ громкимъ и популярнымъ именемъ, могла только увеличить общее къ опальному сочувствіе и представляла большія неудобства. Да и все происшествіе имѣло дурной видъ борьбы двухъ волей, положить которой конецъ слѣдовало въ интересахъ принципа. Поэтому февраля 12 князь Андрей Горчаковъ получилъ въ Петербургѣ такое высочайшее повелѣніе: «ѣхать вамъ, князь, къ графу Суворову; сказать ему отъ меня, что если было что отъ него мнѣ, я сего не помню; что можетъ онъ ѣхать сюда, гдѣ надѣюсь не будетъ повода подавать своимъ поведеніемъ къ наималѣйшему недоразумѣнію». Въ тотъ же день написано генералъ-прокурору: «дозволивъ графу Суворову пріѣхать въ Петербургъ, находимъ пребываніе Николева тамъ не нужнымъ». Горчаковъ тотчасъ же поскакалъ въ Кончанскъ и, пріѣхавъ туда, сообщилъ Николеву на словахъ приказаніе Куракина—возвратиться къ себѣ домой. Николевъ уѣхалъ не медля подъ Москву, въ свое имѣніе [12]).

Николевъ несъ службу безвозмездно и, пріѣхавъ въ Москву, донесъ генералъ-прокурору, что всѣ 5 мѣсяцевъ жилъ въ Кончанскѣ на свой счетъ, съ трудомъ добрался по бѣдности до Москвы и потому просилъ хоть небольшого награжденія. Еще прежде, въ началѣ января, онъ просилъ о томъ же, говоря, что «своимъ настоящимъ положеніемъ по рвенію къ службѣ Его Императорскаго Величества удовлетворяется сердечно, но нахо-

дится безъ жалованья», а потому ходатайствуетъ о снятіи съ его имѣнія секвестра и о денежномъ пособіи. Жизнь его въ Кончанскѣ была не легка; Суворовъ ни въ чемъ и ничѣмъ ему не пособлялъ, исполняя лишь то, на что получилъ высочайшее повелѣніе, которое этого предмета не коснулось; жить приходилось въ простой избѣ, питался чѣмъ попало, да и доставать все было очень трудно. Въ мартѣ ему пожаловано 5000 рублей; кромѣ того въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ получилъ три чина. Служба при Суворовѣ открыла ему карьеру. Въ томъ же 1798 году его командировали въ ярославскую губернію, для развѣдокъ о намѣреніяхъ крестьянъ, хотѣвшихъ будто бы произвести смятеніе въ проѣздъ Государя, а потомъ послали въ Калугу, для разъузнаванія о злоупотребленіяхъ губернатора и чиновниковъ, по доносу генералъ-маіора Линденера. Послѣ того, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Николевъ ѣздилъ въ Батуринъ для собиранія свѣдѣній о Кирилѣ Разумовскомъ и его окружающихъ; въ Москву—для того же относительно двухъ Куракиныхъ, Плещеева и княгини Долгоруковой; въ Шкловъ—для развѣдыванія о генералѣ Зоричѣ и проживавшихъ тамъ отставныхъ и исключенныхъ изъ службы; на Донъ—для секретнаго разъясненія и повѣрки анонимной жалобы на двухъ генераловъ Иловайскихъ. Всѣ эти порученія онъ исполнилъ удовлетворительно, не выставляя на показъ одну черную сторону и не злоупотребляя своими опасными для другихъ полномочіями. Однако, въ одномъ изъ своихъ донесеній изъ Москвы, онъ говоритъ: «всѣ меня боятся и отъ меня бѣгаютъ», и проситъ награды. При Суворовѣ его служба уже не возобновлялась [13]).

Узнавъ отъ племянника о цѣли его пріѣзда, Суворовъ принялъ это извѣстіе равнодушно и отъ поѣздки въ Петербургъ отказался: мудрено ему было обманывать себя надеждами на счетъ соглашенія своихъ взглядовъ и требованій съ Государевыми. Племянникъ принялся его убѣждать, справедливо представляя, что такое упорство можетъ вывести Государя изъ себя. Нельзя было съ этимъ не согласиться, и Суворовъ пришелъ къ убѣжденію, что ѣхать необходимо, но только поставилъ условіемъ, что по старости и болѣзни отправится не иначе какъ на долгихъ, про-

селочными дорогами. Горчаковъ пришелъ въ ужасъ, зная нетерпѣливый нравъ Государя, и сталъ уговаривать дядю ѣхать на почтовыхъ, такъ какъ путь требуетъ всего двухъ сутокъ времени. Но Суворовъ ничего не хотѣлъ слушать, и Горчаковъ отправился обратно въ Петербургъ, торопясь всѣми силами, такъ какъ былъ увѣренъ, что Государь его ждетъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Въ Петербургѣ и селѣ Кончанскомъ; 1798 — 1799.

Пріѣздъ Суворова въ Петербургъ; пріемъ у Государя; выходки его на разводѣ и при другихъ случаяхъ; явное его нежеланіе поступить снова на службу; посредничество его племянника, князя Горчакова. — Просьба Суворова о дозволеніи удалиться снова въ деревню; возвращеніе въ Кончанскъ. — Неудачныя попытки Суворова привести кобринскія дѣла въ порядокъ; уплата долговъ жены; плачевное состояніе денежныхъ дѣлъ; возможность новыхъ взысканій; обращеніе къ Государю. — Окончаніе дѣла Вронскаго. — Заботы Суворова о сынѣ; духовное завѣщаніе.—Образъ жизни Суворова; занятія; крайняя раздражительность; тоска; прошеніе о поступленіи въ монастырь. — Вызовъ Суворова въ Петербургъ для войны противъ Французовъ.

Прискакавъ изъ села Кончанскаго въ Петербургъ, князь Горчаковъ тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ и убѣдился, что Императоръ Павелъ дѣйствительно его ждалъ. Увидѣвъ Горчакова, Государь спросилъ: «а что, пріѣдетъ графъ?» Горчаковъ отвѣчалъ, что пріѣдетъ непремѣнно и приглашеніе Государя принялъ съ радостью, но по слабости здоровья скакать на почтовыхъ не можетъ, а принужденъ ѣхать на своихъ лошадяхъ и потому явится въ Петербургъ не такъ скоро. Государь потребовалъ опредѣлить время пріѣзда хоть приблизительно; Горчаковъ по своему соображенію назначилъ день.

Государь ждалъ съ нетерпѣніемъ, спрашивая Горчакова по временамъ о здоровьѣ Суворова, находится ли онъ въ дорогѣ и проч. Къ назначенному Горчаковымъ дню Суворовъ не поспѣлъ, а прибылъ только на завтра, вечеромъ. Горчаковъ въ ту же ми-

нуту доложилъ объ этомъ Государю, который уже раздѣлся на ночь, но надѣвъ шинель, вышелъ и сказалъ, что принялъ бы Суворова тотчасъ же, если бы не было такъ поздно, а потому будетъ ждать его завтра утромъ, въ 9 часовъ. Такъ какъ Суворовъ былъ отставленъ отъ службы безъ мундира, то Горчаковъ спросилъ, въ какой формѣ быть его дядѣ. Приказано — въ общей армейской формѣ. Суворовъ военнаго платья съ собою не взялъ, а потому одѣлся въ мундиръ племянника, худощаваго 19-лѣтняго юноши, оказавшійся впору, и раньше 9 часовъ былъ уже во дворцѣ. Къ 9 часамъ вернулся Государь съ утренней прогулки и только что сошелъ съ коня, какъ спросилъ у Горчакова, ожидавшаго на подъѣздѣ, здѣсь ли его дядя; затѣмъ пройдя въ пріемную, онъ взялъ Суворова за руку и ввелъ его въ кабинетъ. Тутъ они пробыли больше часу, затѣмъ Суворовъ вышелъ и поѣхалъ къ разводу, а вскорѣ послѣ него и Государь.

До сихъ поръ дѣло шло довольно гладко, хотя Суворовъ оставался прежнимъ Суворовымъ: ожидая Государя въ пріемной, онъ подшучивалъ надъ находившимися тамъ придворными, а съ гардеробмейстеромъ Кутайсовымъ, крещенымъ турченкомъ, будущимъ графомъ, заговорилъ по турецки. Но впереди, на разводѣ, предстояла опасность, ибо тамъ было чувствительное мѣсто и Государя, и Суворова. Такъ и вышло. Желая сдѣлать Суворову пріятное, Государь производилъ батальону ученье не такъ, какъ обыкновенно, а водилъ его скорымъ шагомъ въ атаку и проч.; но Суворова это не подкупило. Онъ отворачивался отъ проходившихъ взводовъ, подсмѣивался и подшучивалъ надъ окружавшими, всячески выказывалъ свое умышленное невниманіе и безпрестанно подходилъ къ князю Горчакову, говоря: «нѣтъ, не могу болѣе, уѣду». Горчаковъ убѣждалъ его потерпѣть; внушалъ, что оставить разводъ, когда на немъ находится Государь, было бы въ высшей степени неприлично; но Суворовъ не принималъ никакихъ доводовъ. «Не могу, брюхо болитъ», сказалъ онъ племяннику и уѣхалъ.

Государь замѣтилъ продѣлки Суворова, но смолчалъ; вернувшись же во дворецъ, позвалъ Горчакова. Павелъ былъ замѣтно взволнованъ; вспоминалъ свой разговоръ съ Суворовымъ

во всей подробности; говорилъ, что дѣлалъ ему разные намеки, съ цѣлью убѣдить его проситься снова на службу, но безъ всякаго успѣха. Суворовъ вспоминалъ про Измаилъ, длинно разсказывалъ штурмъ; Государь терпѣливо слушалъ и когда, вставивъ свое слово, наводилъ рѣчь на прежнюю тему, т.-е. что Суворовъ могъ бы оказать новыя заслуги, вступивъ на службу,— онъ кидался въ Прагу или въ другое мѣсто. Такъ прошелъ цѣлый часъ, потомъ странное поведеніе Суворова на разводѣ. . . . «Извольте, сударь, ѣхать къ вашему дядѣ», сказалъ въ заключеніе Государь: «спросите у него самого объясненіе его поступковъ и тотчасъ же привезите мнѣ отвѣтъ; до тѣхъ поръ я за столъ не сяду». Горчаковъ поскакалъ къ Хвостову, гдѣ остановился Суворовъ, торопясь исполнить порученіе, такъ какъ обѣденное время Государя было очень близко. Суворовъ, раздѣтый, лежалъ на диванѣ. Выслушавъ племянника, онъ отвѣчалъ раздражительно, что вступитъ на службу не иначе, какъ съ полною властью Екатерининскаго времени, съ правомъ награждать, производить въ чины до полковника, увольнять въ отпускъ и проч.; что онъ былъ инспекторомъ въ чинѣ подполковника, быть имъ снова не хочетъ, поѣдетъ лучше опять въ деревню и т. п. Горчаковъ возражалъ, что не можетъ передавать ничего подобнаго Государю; Суворовъ отвѣчалъ: «передавай что хочешь, а я отъ своего не отступлюсь». Горчаковъ поѣхалъ во дворецъ и сказалъ Государю, что дядя его былъ слишкомъ смущенъ въ присутствіи Его Величества, не помнитъ хорошо, что говорилъ, крайне огорченъ своей неловкостью и т. под., т.-е. представилъ извиненія общаго, неопредѣлительнаго характера, прибавивъ, что дядя его съ радостью подчинится монаршей волѣ о поступленіи на службу, если таково будетъ высочайшее соизволеніе. Едва ли Государь всему этому повѣрилъ, зная Суворова и видя смущеніе его юноши - племянника, и хотя сдѣлалъ видъ, что удовлетворенъ, однако пригрозилъ Горчакову, что именно онъ будетъ отвѣчать, если не вразумитъ своего дядю.

Послѣ того Государь не разъ приглашалъ Суворова къ своему столу и на разводъ, обращался съ нимъ милостиво, наводилъ разговоръ на прежнюю тему о поступленіи на службу, но

получалъ въ отвѣтъ уклончивыя заявленія о старости и болѣзняхъ. Мало того, Суворовъ не переставалъ «блажить», не упуская случая подшутить и осмѣять новыя правила службы, обмундированіе, снаряженіе,—не только въ отсутствіи, но и въ присутствіи Государя. Садясь въ карету, онъ находилъ большое къ тому препятствіе въ прицѣпленной сзади наискось шпагѣ, которая якобы не дозволяла пролѣзть ему въ каретную дверцу; онъ запиралъ дверцу, обходилъ карету, отворялъ другую дверцу, старался въ нее протискаться, но опять безуспѣшно. Цѣлые четверть часа иногда у него уходило на усаживаніе въ экипажъ, и все это дѣлалось, по его обыкновенной манерѣ шутить, съ серьезнымъ, даже озабоченнымъ видомъ, что усиливало комичность положенія и возвышало ѣдкость выходки. На разводѣ онъ дѣлалъ видъ, что не можетъ справиться со своей плоской шляпой: снимая ее, хватался за поля то одной рукой, то другой—все мимо, и наконецъ ронялъ ее къ ногамъ сумрачно смотрѣвшаго на него Государя. Между проходившими церемоніяльнымъ маршемъ взводами, Суворовъ бѣгалъ и суетился, что считалось крайнимъ нарушеніемъ порядка и строевого благочинія; при этомъ онъ выражалъ на лицѣ своемъ то удивленіе, то недоумѣніе, шепталъ что-то себѣ подъ носъ и крестился; когда же Государь спросилъ однажды, что такое онъ дѣлаетъ, то Суворовъ отвѣчалъ, что читаетъ молитву: «да будетъ воля Твоя». Черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ приказъ о благочиніи на разводахъ, которымъ строго подтверждались правила порядка, нарушенныя Суворовымъ, но имя его въ приказѣ не упоминалось.

Послѣ каждой выходки Суворова, Государь обращался къ молодому Горчакову и грозно требовалъ объясненія. Горчаковъ, на долю котораго приходилось по пословицѣ—въ чужомъ пиру похмѣлье, былъ въ положеніи очень затруднительномъ. Онъ ѣздилъ къ дядѣ, объяснялся съ нимъ, убѣждалъ его безуспѣшно, получалъ отъ него прежнія реплики, возвращался къ Государю и передавалъ отвѣты собственнаго вымысла, діаметрально противуположные дѣйствительнымъ, такъ какъ поступить иначе считалъ невозможнымъ. Государь, передъ которымъ все трепетало и безмолвствовало, въ которомъ малѣйшее противорѣчіе

не въ добрый часъ производило взрывы страшнаго гнѣва, переламывалъ себя и оказывалъ Суворову необыкновенную снисходительность и сдержанность, но вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣвалъ о причинахъ упорства стараго военачальника. А между тѣмъ дѣло было простое: Суворовъ жилъ для военнаго ремесла и олицетворялъ его въ издавна-усвоенномъ, извѣстномъ смыслѣ, отреченіе отъ котораго было для него самоотреченіемъ. Кромѣ того онъ обладалъ особенностью, развитію которой въ русскихъ людяхъ не благопріятствовали историческія условія, — твердымъ, независимымъ характеромъ. Усвоивъ многіе недостатки эпохи, онъ однако не пропитался ими до глубины нравственныхъ основъ; сгибалъ передъ обстоятельствами шею, но не гнулъ ни передъ кѣмъ волю; былъ полонъ благоговѣйнаго почтенія и преданности своему Государю, но правдолюбіе и моральную стойкость считалъ не противорѣчіемъ, а непремѣнною ихъ принадлежностью. Эти свойства Суворова, въ соединеніи съ его военною славой, и сдѣлали его лицомъ, привлекавшимъ къ себѣ особенное вниманіе современниковъ и дорогимъ для потомства.

Все безцѣльнѣе и скучнѣе становилось его пребываніе въ Петербургѣ; наконецъ выбравъ время, онъ прямо попросилъ у Государя дозволенія—возвратиться въ деревню. Государь выслушалъ просьбу съ видимымъ неудовольствіемъ, но отвѣтилъ, что не хочетъ удерживать его противъ воли. Суворовъ поцѣловалъ Императору руку, откланялся Императрицѣ и въ тотъ же день выѣхалъ изъ Петербурга. Какъ ни худо было его житье въ Кончанскѣ, но зрѣлище новыхъ порядковъ и жизнь въ ихъ сферѣ оказались еще тяжеле [1]).

Первое время по возвращеніи въ деревню, Суворовъ блаженствовалъ: петербургскія впечатлѣнія были еще свѣжи, Николевъ не появлялся и никакихъ признаковъ прежняго надзора не замѣчалось. Онъ принялся за свои обычныя занятія, сталъ изрѣдка посѣщать сосѣдей и принимать ихъ у себя. Однако особеннаго рвенія къ хозяйственнымъ дѣламъ у него по документамъ не замѣчается (кромѣ переписки по кобринскому имѣнію), можетъ быть потому, что онъ сталъ вчетверо богаче и, удерживая за собою общее руководительство, предоставлялъ

теперь все остальное своимъ управляющимъ. Впрочемъ были предметы, которыми онъ интересовался преимущественно. Въ кончанской усадьбѣ строился одноэтажный домъ для самого помѣщика и заготовлялся лѣсъ для новыхъ службъ, устраивались въ саду бесѣдки, на сосѣдней горѣ Дубихѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ окрестныхъ пунктахъ ставились свѣтелки, перекидывались черезъ рѣчки мостики, сажались фруктовыя деревья. Часть дворовыхъ обучалась пѣнію, и изъ нихъ сформировался порядочный церковный хоръ, которымъ Суворовъ даже нѣсколько хвасталъ. Дворовые мальчики учились грамотѣ; дворовымъ улучшалось содержаніе и прибавлялось жалованье, нѣкоторымъ вдвое; отцу Прохора назначена пенсія во 100 рублей; самому Прохору (и особо его женѣ въ Кобринѣ) выдавалось гораздо больше, но цифры въ разныхъ отчетахъ разнорѣчивы. Изъ письма Прохора къ Хвостову видно, что Суворовъ обѣщалъ ему вольную, но что она лежала не подписанная; вѣрнѣе будетъ сказать, что Суворовъ обѣщалъ камердинеру волю послѣ своей смерти — это и было исполнено впослѣдствіи. Онъ такъ привыкъ къ Прохору, несмотря на его пьянство и грубость, что на замѣну его другимъ не могъ рѣшиться [2]).

Наибольшая доля вниманія Суворова, его распоряженій и переписки относилась къ Кобрину, гдѣ хотя порядокъ началъ возстановляться, но только по наружности и по отчетамъ, въ сущности же происходило совершенно обратное. Главноуправляющимъ былъ тамъ Красовскій, искусившійся дѣлецъ и крупный плутъ, который умѣлъ ловко обойти Суворова, внушить ему безграничную къ себѣ вѣру и оттереть Корицкаго отъ дѣла, для того, чтобы еще больше обирать своего довѣрителя. Подполковникъ Петръ Григорьевичъ Корицкій, малороссъ, служилъ съ Суворовымъ довольно давно, но только ни въ военныхъ дѣлахъ, ни даже въ службѣ мирнаго времени имя его не встрѣчается; состоялъ онъ при своемъ начальникѣ по части домашнихъ его дѣлъ. По выходѣ дочери Суворова изъ Смольнаго монастыря на попеченіе Хвостова, этотъ послѣдній просилъ къ себѣ въ помощь Корицкаго, съ тѣмъ, чтобы тотъ непосред-

ственно состоялъ при молодой графинѣ. Суворовъ не одобрялъ выбора; говорилъ, что мѣсто Корицкаго въ деревнѣ или на хуторѣ; что внѣ этой сферы онъ никуда не годится, отличаясь замѣчательною неповоротливостью ума. Когда Хвостовъ настоялъ на своемъ, Суворовъ согласился, но предупреждалъ его: «Петръ Григорьевичъ добрый человѣкъ, но лѣноуміе его не препобѣдимо; вамъ въ его мудрственныхъ недоумѣніяхъ придется преспособлять, какъ бы то ни было скучно, паче, что всякое съ нимъ трактованіе тяжелѣе, нежели съ Кондорсетомъ». Ближайшее въ то время къ Суворову лицо, Курисъ, шелъ гораздо дальше и предостерегалъ Хвостова такъ: «вы судите его совѣсть противъ каждаго, а между тѣмъ онъ и отца при малѣйшемъ случаѣ своемъ въ годы не пожалѣетъ; я тысячными опытами видѣлъ сіе отъ него къ себѣ, а что хуже, что не помнитъ никакого ему добра». Вскорѣ дѣйствительно послѣдовали у Хвостова разныя непріятности, въ которыхъ «лѣноуміе» и нравъ Корицкаго играли главную роль. По этому поводу Суворовъ даетъ Хвостову практическій совѣтъ: «съ Корицкимъ смиреніе лучше; не открывайте ему слабой стороны, не отвѣчайте; лаетъ песъ, — идите мимо; я вамъ то предсказалъ годъ назадъ, пеняйте съ Наташею на себя». Послѣ того его отправили въ объѣздъ Суворовскихъ деревень, для хозяйственныхъ распоряженій, собиранія оброка и т. д.; въ послѣдующіе годы онъ или жилъ въ своемъ имѣніи въ полтавской губерніи, или исполнялъ разныя порученія Суворова по вотчинамъ и наконецъ производилъ пріемъ кобринскаго имѣнія [3]).

Корицкій былъ знающій и опытный сельскій хозяинъ, поэтому Суворовъ поручилъ ему управленіе своимъ большимъ имѣніемъ съ широкими полномочіями. Но довѣріе его къ старому сослуживцу не оправдалось. Къ сказанному по этому предмету въ предшествовавшей главѣ можно прибавить, если вѣрить имѣющимся указаніямъ, что Корицкій распредѣлилъ участки офицерамъ весьма невыгодно для имѣнія, роздалъ нѣсколько документовъ на денежныя суммы, по которымъ пришлось потомъ уплачивать, и взаключеніе, уѣхавъ послѣ кіевскаго ареста въ свое полтавское имѣніе, неизвѣстно куда дѣ-

валъ 16,240 рублей и не давалъ въ нихъ отчета, несмотря на настоянія Красовскаго. Красовскій кромѣ того сообщалъ Хвостову, что «Корицкій говорилъ о кончанскихъ такое, что нельзя писать», и что прочіе офицеры стараются поддержать съ нимъ связь. Трудно опредѣлить, сколько въ этомъ правды и сколько лжи; но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что Корицкій злоупотреблялъ довѣріемъ Суворова, такъ что послѣдній приказалъ Красовскому взыскивать съ Корицкаго 16,240 руб. судебнымъ порядкомъ, отобравъ отъ него и Хабовичи, что впрочемъ сдѣлать было уже нельзя.

Кратковременное управленіе Сіона кобринскимъ имѣніемъ тоже сопровождалось разными злоупотребленіями и растратою суммъ, такъ что Суворовъ рѣшился совсѣмъ разстаться съ воспитателемъ своего сына. Больше всѣхъ его удовлетворилъ шляхтичъ Красовскій, добрыя отношенія съ которымъ онъ сохранилъ до самой смерти; но разные факты управительской дѣятельности Красовскаго и состояніе, въ которомъ оказалось кобринское имѣніе въ 1800 году, удостовѣряютъ, что подъ рукою этого шляхтича продолжала рости и развиваться, съ бо̀льшимъ противу прежняго успѣхомъ, система хищничества и грабительства. Наплывъ въ Кобринъ людей, жаждущихъ попользоваться на счетъ Суворова, увеличивается; кромѣ явившихся сюда, по окончаніи дѣла Вронскаго, отставныхъ Мандрыкина, Тищенко, Головлева, Носкова,—попадаются фамиліи Ширая, Шкодры и другихъ, никогда доселѣ не встрѣчавшіяся. На жалованьѣ состоитъ масса лицъ; кромѣ того имъ производится до 1,500 рублей на столъ, что по смерти Суворова было кассировано безъ всякихъ хлопотъ, слѣдовательно производилось безъ законнаго основанія. Сверхъ этого встрѣчаются періодическія выдачи на говядину, на постъ; за одну и ту же бричку Суворова заплочено двумъ лицамъ, одному 400, другому 500 злотыхъ. Новая отдача фольварковъ и ключей въ аренду состоялась очень дешево, и вмѣсто 3-лѣтняго на 6-лѣтній срокъ, при томъ на очень невыгодныхъ для владѣльца условіяхъ, съ отнесеніемъ напримѣръ на его счетъ градобитій и скотскаго падежа. Суворовъ уплачивалъ «десятый грошъ» (казенную подать) за всѣхъ офицеровъ,

что послѣ его смерти прекращено опять-таки безъ всякаго труда и споровъ. Розданные Корицкимъ въ пожизненное пользованіе участки, Красовскимъ не только не отобраны, но еще переведены на новыя, болѣе невыгодныя для Суворова условія, тогда какъ въ 1800 году оказалось возможнымъ ихъ отобрать по бездоказательности правъ, хотя при этомъ и пришлось употребить военную силу. Арендная плата вносилась не исправно и не вполнѣ; нѣкоторые арендаторы вошли въ соглашеніе съ Красовскимъ и потомъ совсѣмъ отказывались платить, вслѣдствіе особыхъ съ нимъ разсчетовъ. Вообще характеристикой положенія дѣлъ въ Кобринѣ могутъ служить слова отчета, составленнаго постороннимъ лицомъ, по смерти Суворова: «это имѣніе было такъ распоряжаемо и управляемо, какъ своимъ собственнымъ, только съ тою разницей, что кто хотѣлъ, тотъ бралъ и никому отчета не отдавалъ» [4]).

Задумавъ по совѣту Красовскаго отобрать отъ офицеровъ розданные имъ участки, Суворовъ утвердился окончательно въ своемъ намѣреніи, когда плутоватый шляхтичъ убѣдилъ его въ удобоисполнимости и законности такой мѣры. Красовскій, съ помощью приличной благодарности, привлекъ на свою сторону Воротынецкаго, привозившаго протокольную книгу къ Суворову въ кобринскій его домъ, и Воротынецкій подалъ въ судъ заявленіе на самого себя, т.-е. противъ незаконности своего поступка. Съ этого и началось дѣло. Суворовъ не только не отказывался отъ вознагражденія деньгами своихъ «тамошнихъ пріятелей», но даже увеличилъ отступное, написавъ въ августѣ Красовскому, что какъ его, Суворова, въ Кобринѣ на лицо нѣтъ, то для него и наличные и отсутствующіе офицеры фактически сравниваются, а потому тѣмъ и другимъ можно одинаково предложить по 40 рублей за душу. На эту сдѣлку согласились однако немногіе; сколько именно— не знаемъ, но къ числу ихъ принадлежали отсутствовавшіе князь Ухтомскій и Борщовъ, а также находившійся въ Кобринѣ Ставраковъ, который не хотѣлъ противъ воли Суворова владѣть его деревней. По этому поводу Суворовъ писалъ Красовскому: «честному человѣку Семену Христофоровичу Ставракову, по возвращеніи деревни, извольте

опредѣлить по смерть съ юными братьями ежегодный пенсіонъ 300 рублей, а Воротынецкому награжденіе въ вашемъ разсмотрѣніи». Изъ остальныхъ лицъ, Капустянскій, котораго Суворовъ по собственному сознанію и въ глаза никогда не видалъ, не пользовался подаркомъ Суворова и не предъявлялъ своихъ правъ на обѣщанную деревню, а предпочелъ сдѣлать это по смерти Суворова, когда возникло па покойника множество разныхъ претензій. Затѣмъ прочіе, всѣ или почти всѣ, не пошли на сдѣлку и предпочли подчиниться приговору суда. Въ началѣ слѣдующаго года Суворовъ обращался къ новому генералъ-прокурору Лопухину, съ просьбою о содѣйствіи, однако Государь какъ видно не согласился признать это дѣло исключительнымъ и оставилъ его идти обыкновеннымъ путемъ. Опредѣленіе суда состоялось по смерти Суворова и, какъ кажется, не въ его пользу.

Не въ его же пользу окончилось и другое дѣло,—по претензіямъ его жены. Варвара Ивановна, получивъ домъ для жительства и 8,000 руб. годового содержанія, потребовала еще уплаты 22,000 руб. долга, въ чемъ и успѣла. Суворовъ подчинился своей судьбѣ безпрекословно и въ октябрѣ занялъ въ банкѣ деньги, но велѣлъ поставить женѣ на счетъ издержки по займу, на поѣздки, полупроцентные и проч., а московскому своему управляющему, Скрипицыну, приказалъ выдать деньги не Варварѣ Ивановнѣ, а ея заимодавцамъ [5]).

Такимъ образомъ общее состояніе денежныхъ дѣлъ Суворова было плачевное, что и отозвалось на всемъ. Уплата 30,000 р. В. И. Арсеньевой не производилась; изъ 60,000 руб., обѣщанныхъ зятю Зубову въ 1796 году, тоже ничего еще не было уплочено; другихъ долговъ по роспискамъ считалось до 55,000 рублей; Ворцелю приходилось еще внести до 18,000 рублей. А между тѣмъ годовой доходъ едва превышалъ 40,000 рублей, тогда какъ при нормальныхъ условіяхъ одно кобринское имѣніе должно было дать больше 50,000 руб. Чѣмъ же было жить самому Суворову и содержать въ столицѣ своего сына? Онъ и пишетъ Хвостову, что ума приложить не можетъ. Въ особенности заботилъ его сынъ, потому что воспитатель его оказался въ де-

нежномъ отношеніи человѣкомъ не надежнымъ не только въ Кобринѣ, но и дома. То и дѣло Суворовъ насчитывалъ за нимъ или сотни рублей, или цѣлыя тысячи; спрашивалъ Хвостова— куда онѣ дѣвались, спрашивалъ Н. Зубова, называлъ Сіона «гайдамакомъ», ждалъ отвѣта «съ трепетомъ». На содержаніе Аркадія шло немного, всего 2,500 рублей въ годъ, но и эту цифру пришлось понизить до 2,000 рублей, а себѣ самому Суворовъ опредѣлилъ всего 3—4,000 рублей. «Теперь бѣдный юноша почти скуднѣе меня», писалъ онъ Хвостову: «пособите ему временно отъ себя, доколѣ опомнюсь» [6]).

Эти тѣсныя обстоятельства, которыя лишь въ рѣдкія минуты оптимизма Суворовъ считалъ пустяками и сравнивалъ «съ неурожаемъ одного года», т.-е. съ обыкновеннымъ, неизбѣжнымъ зломъ,—заставили его прибѣгнуть къ экстренной мѣрѣ — обратиться къ Государю. Но чтобы обезпечить насколько возможно успѣхъ ходатайства, онъ хотѣлъ заручиться содѣйствіемъ новаго генералъ-прокурора, Петра Васильевича Лопухина, назначеніемъ котораго на эту должность былъ очень доволенъ и называлъ его человѣкомъ милосердымъ, правосуднымъ, нелицемѣрнымъ блюстителемъ законовъ. Наладить начало этого дѣла Суворовъ поручилъ Хвостову: «вы внидете съ нимъ по сей матеріи въ конференцію и преподадите мнѣ сего честнаго мужа совѣтъ или и исправленіе». Но для этого онъ совѣтуетъ Хвостову «съ Лопухинымъ дѣло исковъ трактовать просто, ясно и тѣмъ вразумительнѣе, безъ украшеніевъ, не обременять слога элоквенціею и особливо безъ проклятаго экивока, коимъ сжимается всякій переговоръ, предается на угады и подъ харею лукавства закрытъ видъ глупаго обмана». Однихъ «конференцій» Хвостова съ Лопухинымъ впрочемъ не могло быть достаточно, и Суворовъ съ крайней неохотой пишетъ генералъ-прокурору два письма, одно въ ноябрѣ, другое къ концѣ декабря. Сущность ихъ въ томъ, что болѣзни и раны, а въ особенности непривычные долги, препятствуютъ ему «наслаждаться высочайшими милостями» въ Петербургѣ, а потому онъ продолжаетъ жить въ деревнѣ на скудномъ содержаніи. За симъ Суворовъ проситъ предстательства Лопухина предъ Государемъ, говоря, что взысканія послѣ-

довали при Куракинѣ, «можетъ быть безъ надлежащаго разбирательства и справокъ», и проситъ «подвергнуть дѣло существенному разбирательству, ежели сочтется за нужное». Одновременно съ этими письмами, онъ посылаетъ два прошенія на имя Государя, излагая въ нихъ, что взысканія послѣдовали по несправедливымъ просьбамъ и причинили стыдъ ему, не корыстолюбивому солдату, который привыкъ довольствоваться малымъ; что онъ, Суворовъ, ищетъ не убытковъ, а принимаетъ случившееся за гнѣвъ Государя и опасается, чтобы неблагомыслящіе люди не покусились на сомнѣніе о его чести, а потому проситъ—недоплаченное взысканіе сложить и кобринское имѣніе отъ секвестра освободить [7]).

Легко быть можетъ, что изъ двухъ паръ писемъ была послана только одна, декабрьская, потому что обѣ онѣ однородны, а прошенія къ Государю даже тождественны. Совѣтовалъ Хвостовъ еще просить заступничества у наслѣдника престола, черезъ Императрицу, и сохранилась черновая просьба, Хвостовымъ писанная, но по всей вѣроятности это осталось безъ исполненія. Во всякомъ случаѣ переписка не привела къ желаемой цѣли, и хотя 25 января 1799 года Суворовъ послалъ Хвостову письмо: «при семъ должное мое приношеніе къ великодушному князю Петру Васильевичу, недостающее вы дополните», но остается неизвѣстнымъ—что именно приносилось и за какую «великодушную» услугу. Знаемъ также, что Государь поручилъ (до 12 февраля) Лопухину разсмотрѣніе дѣла о наложенныхъ на Суворова взысканіяхъ, однако это порученіе направлялось не только къ повѣркѣ сдѣланнаго, но и къ отъискиванію причинъ для новыхъ оштрафованій. Изъ центральныхъ управленій собирались справки за старые годы, и военною коллегіей положено уже было взыскать съ Суворова 97 рублей, слѣдовавшіе къ уплатѣ въ 1793 году. Другая справка показывала, что въ 1791 и 1792 годахъ, за бытность Суворова въ Финляндіи, четыре статьи расходовъ, общею суммою почти на 122,000 рублей, не очищены подробными отчетами. Въ третьей говорилось, что за 1793 годъ не получено изъ Херсона отчета объ израсходованіи 810,000 рублей на крѣпостныя постройки; нѣтъ извѣщенія объ

израсходованіи въ 1794 году 6,000 червонцевъ на чрезвычайные случаи; не доставлены въ счетную экспедицію оправдательныя статьи о 265,000 рубляхъ въ 1795 году. Если все это осталось безъ дальнѣйшаго движенія, то конечно потому, что Суворовъ понадобился для войны противъ Французовъ [8]).

Но и этимъ не совсѣмъ еще исчерпывались невзгоды, готовыя на него обрушиться: оставалось дѣло Вронскаго. За множествомъ необходимыхъ справокъ и разъясненій, первое время дѣло почти не подвигалось, хотя всѣ привлеченные къ суду были въ сборѣ, и изъ военной коллегіи безпрестанно сыпались всюду напоминанія и подтвержденія. Особенно торопили военно-судную комиссію, хотя дѣло стояло не за нею, а за недостаткомъ данныхъ. Она должна была еженедѣльно представлять донесенія о ходѣ своихъ занятій; засѣдала каждый день по два раза; каждое засѣданіе продолжалось пять часовъ, а иногда и больше; бывали дни, что засѣданіе не прерывалось даже для обѣда. Въ октябрѣ 1797 года Государь, долго сдерживавшій свое нетерпѣніе, указалъ: «кончить военный судъ, не ожидая болѣе справокъ, и заключить сентенцію по теперешнимъ доказательствамъ». Послѣ того дѣло пошло ходко и къ марту 1798 года было окончено.

Всѣхъ подсудимыхъ было 16, изъ нихъ одинъ находившійся во время варшавскаго происшествія въ отставкѣ, другой подрядчикъ-еврей, остальные всѣ служащіе, преимущественно въ провіянтскомъ вѣдомствѣ. Военно-судная комиссія признала семерыхъ невиновными, въ томъ числѣ Тищенко; изъ остальныхъ приговорила трехъ къ денежному взысканію въ 2,056, 3,750 и 6,373 рубля; на четвертаго наложила взысканіе втрое противъ причитавшейся съ него суммы, именно около 42,000 рублей. Кромѣ того, съ троихъ опредѣлено взыскать по 1,111 р. 11 к. за незаконную карточную игру, а съ одного двухгодовое жалованье. Затѣмъ одинъ приговоренъ къ лишенію чиновъ; четверыхъ рѣшено «жестоко на тѣлѣ наказать и изъ числа добрыхъ людей выключить», въ томъ числѣ Мандрыкина и Вронскаго, послѣдняго «за ложный большею частью доносъ, клевету на генераловъ и взятки»; наконецъ одинъ приговоренъ къ повѣшенію. Относительно Суворова опредѣлено: взыскать съ него во-первыхъ

9,418 рублей, не довзысканные въ Варшавѣ съ одного изъ подсудимыхъ; во-вторыхъ 47,488 рублей, взысканные въ Варшавѣ съ оказавшихся виноватыми, но не представленные куда слѣдуетъ по закону, а издержанные на разныя потребности; въ третьихъ—обратить на него же все то, чего ко взысканію съ подсудимыхъ доставать не будетъ.

Генералъ-аудиторъ, князь Шаховской, съ приговоромъ комиссіи согласился лишь относительно оправданія и освобожденія семерыхъ невинныхъ, въ остальномъ же нашелъ сентенцію большею частью неправильною и слишкомъ строгою. Въ мнѣніи своемъ онъ изложилъ, что комиссія нашла подсудимыхъ виновными въ тѣхъ самыхъ преступленіяхъ, за которыя они уже были въ Варшавѣ оштрафованы, а новыхъ злоупотребленій за ними не открыла. Принимая къ соображенію это обстоятельство, давнее содержаніе подсудимыхъ подъ арестомъ, пополненные убытки казны и другія облегчающія причины, генералъ-аудиторъ полагалъ: взыскать съ одного 3436 рублей (вмѣсто 42,000); съ троихъ по 1,111 руб. 11 коп.; никого не подвергать ни казни, ни тѣлесному наказанію; двухъ выключить изъ службы, а третьяго, Вронскаго, «лишить чиновъ и выкинуть изъ службы». Что касается до Суворова, то законъ повелѣваетъ «безъ отвѣта никого не винить», спрашивать же фельдмаршала было высочайше воспрещено 31 января 1797 года; взявъ это во вниманіе, а также и то, что казна, согласно опредѣленію варшавской комиссіи, пополнена и никакого убытка не понесла, слѣдуетъ признать, что судная комиссія осудила Суворова къ взысканію беззаконно, а потому объявить ей выговоръ.

Государь написалъ 17 марта 1798 года: «какъ виновные давно уже наказаны сколько надлежало, ибо семеро изъ нихъ исключены изъ службы, а прочіе, въ числѣ коихъ и маіоръ Вронскій, долговременно содержатся подъ арестомъ, то дѣло оставить, и имъ быть свободными» [9]).

Такъ миновала Суворова новая бѣда. Правда, военно-судное дѣло велось кое-какъ, лишь бы скорѣе кончить, не вызывая гнѣва Государя; въ приговорѣ суда есть непослѣдовательности; одна изъ главныхъ пружинъ варшавскаго происшествія не от-

крыта, хотя фамилія лица въ дѣлѣ вскользь упомянута, и на него же встрѣчается указаніе въ письмѣ Мандрыкина Хвостову; но такимъ дурнымъ веденіемъ дѣла и увеличивалась опасность для Суворова. Другое отягчающее обстоятельство заключалось въ томъ, что рѣшонное дѣло было поднесено на высочайшую конфирмацію какъ разъ въ то время, когда Суворовъ, уклоняясь отъ вторичнаго поступленія на службу, уѣхалъ изъ Петербурга въ деревню, оставивъ Государя при дурномъ впечатлѣніи. Однако все прошло благополучно, и одной лишней заботой на душѣ Суворова стало меньше.

Довольно было съ него и остальныхъ, тѣмъ паче, что въ эту тяжелую пору приходилось думать о сынѣ. Аркадію исполнилось 14 лѣтъ; наступилъ возрастъ, требующій наибольшаго вниманія къ юношѣ и попечительности, а между тѣмъ отецъ и сынъ жили постоянно врозь. Зашла было рѣчь о присылкѣ Аркадія въ Кончанскъ, но Суворовъ отказалъ, говоря, что юношѣ нечего тутъ дѣлать. Онъ былъ совершенно правъ, потому что не только при тогдашней, но и при всякой другой обстановкѣ, въ педагоги къ мальчику рѣшительно не годился. Аркадій жилъ у графа Зубова, подъ надзоромъ своей сестры и непосредственнымъ руководительствомъ Сіона. Особенныхъ попеченій о немъ тутъ не могло быть, раціональной педагогической системы тоже, но всетаки онъ былъ пристроенъ по мѣрѣ практической возможности. Въ настоящую зиму однако и это условно-хорошее разстраивалось: между Суворовымъ и Зубовымъ пошли недоразумѣнія, потомъ Зубову съ женою понадобилось ѣхать въ Москву. Суворовъ написалъ Хвостову: «долженъ я прибѣгнуть къ дружбѣ вашей; при выѣздѣ Наташи изъ Петербурга, прошу принять Аркадія на ваши руки и содержать его такъ, какъ предъ симъ реченную его сестру содержали». Письмо было получено Хвостовымъ поздно; Сіонъ уже успѣлъ нанять небольшую квартиру, вести хозяйство поручилъ своей женѣ и собирался начать со своимъ воспитанникомъ визиты, дабы завязать порядочное и выгодное въ будущемъ знакомство. Суворовъ не одобрилъ этого, написавъ Хвостову, что «Аркадію потребны непорочные нравы, а не визиты и контръ-визиты; не обращеніе съ младоумными,

гдѣ оные терпятъ кораблекрушеніе, а бесѣда съ мертвыми пріятелями не усильно; уголъ его у васъ, знакомство его—Андрюша и развѣ Вася, и такъ до 18 лѣтъ, а тамъ посмотримъ. Аристотель его вы; Наташа воспитана вами, онъ ей наслѣдникъ». Къ этому времени у Суворова уже набралось не мало разныхъ резоновъ, чтобы не довѣряться Сіону съ денежной стороны, а тутъ воспитатель сына прислалъ еще ему «разбойничій» счетъ, хотя только передъ тѣмъ увѣрялъ, что не выйдетъ изъ назначенной суммы. Былъ ли Суворовъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ правъ или нѣтъ, но только рѣшился разстаться съ Сіономъ; графъ Н. Зубовъ вздумалъ было его уговаривать, но это только подлило масла въ огонь.

Молодой сынъ Суворова перешелъ на попеченіе Хвостова, который однако не могъ взять на себя ничего, кромѣ общаго надзора и руководства; слѣдовало пріискать воспитателя или гувернера, который находился бы при мальчикѣ безотлучно. Суворовъ добылъ, не знаемъ откуда и по чьей рекомендаціи, Ивана Дементьевича Канищева, можетъ быть служившаго раньше подъ его начальствомъ. По этому случаю Суворовъ пишетъ Хвостову: «я полагаю Аркадія у васъ на воспитаніи; причемъ къ нему для ассистенціи И. Д. Канищевъ, не ради наукъ, но для благонравія. Онъ получаетъ отъ меня 300 руб. въ годъ; онъ у васъ и на квартирѣ съ Аркадіемъ». Тогда же онъ сообщилъ объ этомъ и сыну, прибавивъ: «будь благонравенъ, послѣдуй моимъ правиламъ, будь почтителенъ къ Дмитрію Ивановичу, употребляй праздное время къ просвѣщенію себя въ добродѣтеляхъ; Господь Богъ съ тобою». Вообще въ своихъ довольно рѣдкихъ письмахъ къ сыну и даже въ припискахъ къ письмамъ Хвостову, Суворовъ любилъ обращаться къ Аркадію съ краткими наставленіями, въ родѣ приведеннаго или слѣдующаго: «Аркадію—благочестіе, благонравіе, доблесть; отвращеніе къ экивоку, энигму, фразѣ; умѣренность, терпѣливость, постоянство». Едва прошелъ мѣсяцъ по прибытіи въ Петербургъ Канищева, какъ Суворовъ, вѣроятно получивъ одобрительный отъ Хвостова отзывъ о новомъ воспитателѣ, пишетъ сыну: «доколѣ при насъ И. Д. Канищевъ, онъ получаетъ

ежегодно 300 рублей; по кончинѣ жъ моей, опредѣли ему ту жъ сумму ежегодно до его смерти». Это показываетъ, до какой степени Суворовъ былъ отзывчивъ къ впечатлѣніямъ и скоръ въ рѣшеніяхъ, особенно если находился подъ вліяніемъ контраста, который въ настоящемъ случаѣ олицетворялся Сіономъ.

Дѣлая сыну такой завѣтъ, Суворовъ основывался на недавно состоявшемся заявленіи своей воли на случай смерти. Написавъ нѣсколько лѣтъ назадъ завѣщаніе, онъ обозначилъ въ немъ только то, что касалось дочери, т.-е. упомянулъ про меньшую долю своего состоянія; остальною же, наибольшею, не распорядился. Послѣ того недвижимое его имущество увеличилось вчетверо, а здоровье ухудшилось и временами возникали недоразумѣнія и непріятности съ зятемъ. Все это заставило его подумать объ обезпеченіи будущности сына, и въ сентябрѣ 1798 года онъ составилъ новое духовное завѣщаніе, въ смыслѣ дополненія перваго. Сыну онъ оставлялъ всѣ свои родовыя и за службу пожалованныя имѣнія, домъ въ Москвѣ и жалованные бриліанты, а дочери назначалъ по прежнему благопріобрѣтенныя имѣнія и купленные бриліанты. Распоряженіе свое Суворовъ представилъ Государю, прося утвержденія, что̀ Государь и исполнилъ рескриптомъ 9 октября; копію съ рескрипта Суворовъ препроводилъ къ Хвостову, прося его «что надлежать будетъ, выполнить послѣ моей смерти», а также къ сыну, заключивъ свое короткое письмо пожеланіемъ: «Господь Богъ продолжи тебѣ долгій вѣкъ» [10]).

Не переводившіяся безпокойства и тревоги дѣлали для Суворова необходимыми развлеченія и разнообразіе занятій, а этого-то и не было. Впрочемъ, лѣтомъ еще представлялось кое-что: постройки въ усадьбѣ, уходъ за садомъ, посѣщеніе крестьянскихъ работъ, купанье, прогулки. Любимымъ его мѣстомъ была гора Дубиха, въ полуверстѣ отъ дома; самое ея названіе показываетъ, какимъ лѣсомъ она была покрыта, но это относилось къ очень давнему времени, а при Суворовѣ дубовъ и въ поминѣ не было. Росли огромныя ели (какъ и теперь); съ вершины горы, въ просвѣтахъ между лѣсомъ, открывались дальніе виды, которые оживлялись большимъ ко-

личествомъ воды. Здѣсь Суворовъ построилъ двухъ-этажный домикъ съ кухней и людской, приходилъ сюда часто и оставался по долгу, такъ какъ не утратилъ живого чувства природы; тишина и нѣкоторая унылость мѣста не наводили на него тоску, какъ на людей, искалѣченныхъ городской жизнью и вкусами, а напротивъ успокоивали его. Часто посѣщалъ онъ и крестьянскіе дворы, устраивалъ свадьбы, бывалъ на вѣнчаньяхъ и крестинахъ, ласкалъ крестьянскихъ ребятишекъ и принималъ участіе въ ихъ играхъ. Однажды онъ игралъ съ крестьянскими подростками на кончанской улицѣ въ бабки; тутъ его засталъ какой-то гость, который не съумѣлъ скрыть своего удивленія. Суворовъ объяснилъ, что въ Россіи развелось очень много фельдмаршаловъ, дѣлать имъ нечего, а потому приходится играть въ бабки. Зимою программа лѣтняго препровожденія времени съуживалась, и приходилось чаще просиживать дома. Онъ устроилъ себѣ «птичью горницу», нѣкоторое подобіе зимняго сада, о которомъ было говорено въ главѣ IX; напустилъ туда птицъ, сидѣлъ въ этой комнатѣ, прохаживался, даже обѣдалъ. Каждую недѣлю онъ парился въ жарко-натопленной банѣ, часто посѣщалъ церковь, самъ звонилъ въ колокола, самъ читалъ громогласно апостолъ и съ пѣвчими пѣлъ на клиросѣ.

Привыкнувъ съ юныхъ лѣтъ къ умственнымъ занятіямъ, Суворовъ разумѣется не могъ безъ нихъ обойтись въ своемъ уныломъ уединеніи. Читалъ онъ много, сколько только дозволяли глаза, начинавшіе слабѣть; въ Кончанскѣ была библіотека; онъ ее по временамъ пополнялъ, но не знаемъ—чѣмъ именно; одинъ только разъ встрѣчаемъ въ его перепискѣ, что требовались, «между прочимъ», ода Хвостова — на Измаилъ, ода Кострова—на Варшаву, пѣснь — на Варшаву Державина, Оссіанъ въ переводѣ Кострова. Надо полагать, что чтеніе Суворова было, какъ и до того времени, энциклопедическое, но преимущественно историческое, а также современныя газеты. Онъ жадно слѣдилъ за ходомъ политическихъ и военныхъ дѣлъ въ Европѣ и искренно смѣялся надъ замышляемою высадкою Французовъ въ Англіи, называя приготовленія къ ней «репетиціею

траги-комической военной драмы, которая никогда не будетъ разъиграна». Въ началѣ сентября, въ виду усложнившихся обстоятельствъ и становившейся возможною войны съ Франціей, Государь пожелалъ узнать мнѣніе Суворова по этому предмету, для чего и послалъ къ нему генералъ-маіора Прево-де-Люміана, стараго знакомаго и сослуживца Суворова еще въ 1791 году, въ Финляндіи. Суворовъ передалъ ему на словахъ свои мысли и даже продиктовалъ въ общихъ чертахъ планъ кампаніи (см. Приложеніе VIII). Изъ этого ничего не вышло, потому что предположенія, выросшія изъ Суворовскаго военнаго взгляда и дарованія, требовали для своего исполненія этого же самаго своеобразнаго дарованія; для другихъ они должны были представляться или непосильными, или невразумительными и причудливыми. Въ этомъ легко убѣдиться по прочтеніи самого плана [11]).

Но всѣ эти занятія были не то, чѣмъ могъ удовлетвориться Суворовъ, привыкшій къ практической дѣятельности и для нея одной считавшій себя предназначеннымъ и подготовленнымъ. Скука и тоска одолѣвали его все больше, тѣмъ паче, что онъ не имѣлъ самаго необходимаго условія для довольства настоящимъ, — личной свободы. Онъ вернулся въ свою глушь по доброй волѣ, прежній надзоръ былъ съ него снятъ, переписка его не контролировалась, а между тѣмъ симптомы опалы и ссылки продолжали существовать. Подобная непослѣдовательность, странная въ другое время и при другомъ режимѣ, въ ту пору не поражала, потому что проглядывала во всемъ. Государь былъ недоволенъ Суворовымъ за его нежеланіе поступить на службу, и это должно было въ чемъ нибудь выразиться. Узнавъ, быть можетъ по внушенію Суворовскихъ недоброжелателей или по излишнему усердію своихъ приближенныхъ, что Суворовъ дѣлаетъ частые выѣзды и пріемы, Государь въ порывѣ раздражительности приказалъ исключить изъ службы своего флигель-адъютанта, младшаго Горчакова. Хотя сердце у него скоро прошло, и на другой или на третій день онъ приказалъ снова зачислить на службу племянника Суворова, но случай этотъ служилъ дурнымъ предзнаменова-

ніемъ. Суворовъ растревожился и счелъ нужнымъ снабдить Хвостова объясненіемъ образа своей жизни, упомянувъ и про наговоры своихъ зложелателей, до него дошедшіе или имъ предполагаемые. Въ письмѣ его говорилось: «меня желаютъ»,—я Цинцинатъ; «солдаты меня любятъ»,—я ихъ люблю; «дворяне меня любятъ»,—я ихъ люблю и морально безгрѣшенъ; «весело живу»,—весело жилъ, весело умру, веселъ родился, не мизантропъ; «много ѣздятъ»,—въ торжественные дни препровождаемъ весело императорскіе праздники и даже до полуночи, иначе счелъ бы я за преступленіе; итакъ гласъ бездушныхъ крамольниковъ предавать насмѣшеству. Рѣдко мой выѣздъ; прочіе многіе дни я, какъ Цинцинатъ, препровождаю въ глубокомъ уединеніи».

Съ приближеніемъ въ 1798 году святокъ, которые Суворовъ издавна привыкъ проводить въ забавахъ, онъ какъ будто опасается въ этомъ помѣхи и снова возвращается къ той же темѣ. «Бездушные крамольники»,—пишетъ онъ: «да не вмѣнятъ во зло, что я здѣсь иногда упражняюсь съ моими сосѣдями непорочно въ дружескихъ утѣхахъ; они меня любятъ за мое чистосердечіе, какъ любили солдаты; тако препроводя святые вечера, изготовлюсь къ великому посту». Высчитывая свой домашній бюджетъ на слѣдующій годъ и опредѣляя себѣ на первое полугодіе, въ виду крайняго разстройства дѣлъ, всего 1,600 рублей, Суворовъ указываетъ на свой образъ жизни: «5—6 дней собранія и иногда съ виватомъ изъ пушекъ за высочайшее здоровье; обѣды съ друзьями, въ числѣ полудюжины, вдвоемъ и втроемъ пріѣзжающихъ нечаянно, иногда самъ другъ со священникомъ—вдвое, втрое противъ того; да сверхъ того въ расходѣ дюжина дней,—самъ въ гостяхъ, согласились мы на непорочныя игрища въ святые вечера; неужто въ семъ вы мнѣ воспретите?» Не довольствуясь этимъ предупрежденіемъ, а можетъ быть и вслѣдствіе новыхъ дошедшихъ до него слуховъ, Суворовъ обращается къ самому Лопухину: «войскъ здѣсь нѣтъ, обращеніе мое двѣ трети года съ дворянами, въ государскіе дни званы были разъ 5—6: ихъ не торжествовать я считалъ за грѣхъ. Не званые, по дружбѣ,—и въ другіе праздники были у меня къ службѣ Божіей и одному

обѣду разъ до восьми, человѣкъ отъ трехъ до полдюжины; самъ я былъ въ гостяхъ меньше 10 разъ; прочее время препровождалъ я въ глубокомъ уединеніи, самъ другъ, самъ третей, или со священникомъ».

Были и другіе признаки неудовольствія Государева и опальнаго характера Суворовскаго пребыванія въ деревнѣ; для примѣра приведемъ одинъ. Въ серединѣ 1798 года маіоръ Антоновскій представилъ въ петербургскую цензуру небольшое сочиненіе, «Опытъ о генералъ-фельдмаршалѣ графѣ Суворовѣ-Рымникскомъ», совершенно безвредное и даже въ полномъ смыслѣ невинное. Но такъ какъ на книжку набросилась бы читающая публика, и въ результатѣ получилось бы увеличившееся сочувствіе къ отставному фельдмаршалу, то цензурное разрѣшеніе не послѣдовало.

А между тѣмъ, одновременно съ непріятностями и утѣснительными требованіями, сыпались на Суворова косвенныя милости: 19 или 20-лѣтній его племянникъ произведенъ въ полковники; другой, не многимъ старше, былъ уже генералъ-маіоръ; Хвостовъ повышенъ въ генеральскій чинъ и одно время имѣлъ у Государя доклады; наконецъ Аркадій, сынъ Суворова, несмотря на свои 14 лѣтъ, пожалованъ въ камергеры. Но эти знаки Государева благоволенія еще болѣе оттѣняли противуположную сторону; они доставляли Суворову временное утѣшеніе, но не облегченіе. Прибавимъ, что война надвигалась, а надежды на призывъ къ дѣлу не было никакой. «Зима наградила меня влажнымъ чтеніемъ и унылой скукой», — писалъ онъ Хвостову. Его неуживчивый, крутой нравъ прорывался все чаще, природная живость и веселость уступали мѣсто тоскѣ, воспоминанія приносили не утѣшеніе, а жгучую боль. Все окрашивалось въ черный цвѣтъ и пропитывалось горечью. Мелкія неудовольствія выростали до крупныхъ непріятностей, размолвки до вражды, взыскательность переходила въ придирчивость. Отношенія Суворова къ зятю приняли остро-непріязненный характеръ изъ-за разныхъ недоразумѣній по денежнымъ дѣламъ; говорилось про «похищеніе казны», по поводу отъискиваемыхъ за два года назадъ 10,000 рублей; про «пограбленіе»,

по поводу не оплаченныхъ еще 4,000 р. за грамоту на кобринское имѣніе; про «шпіонство», за время пребыванія Суворова въ Петербургѣ въ началѣ 1796 года; кончилось тѣмъ, что Суворовъ прекратилъ кореспонденцію съ Н. Зубовымъ: «по многимъ на меня налогамъ». Не обошлось даже безъ заподозрѣванія любимой дочери въ корыстныхъ побужденіяхъ [12]).

Для насъ не существенно, какая во всемъ этомъ была доля правды; намъ важенъ градусъ душевнаго настроенія, до котораго былъ доведенъ Суворовъ обстоятельствами переживаемаго имъ тяжелаго времени. Онъ самъ понималъ, что находился въ состояніи крайней раздражительности и по временамъ круто понижалъ тонъ. Такъ въ одномъ изъ писемъ къ Хвостову, послѣ страстнаго изложенія, онъ вдругъ говоритъ: «но войдемъ въ умѣренность», и переходитъ къ сдержанному обсужденію. Послѣ дерзкаго письма къ Зубову (быть можетъ не отправленнаго), онъ пишетъ къ дочери и проситъ передать поклонъ «любезному зятю». Упрекая Хвостова въ недостаточномъ вниманіи къ его, Суворова, интересамъ, въ непрактичности, «въ витаніи за облаками», Суворовъ тепло благодаритъ его въ другомъ мѣстѣ «за искреннюю дружбу, за благодѣянія», говоритъ, что «во всѣхъ частяхъ слѣдуетъ его волѣ», и въ особенно-горькую минуту пишетъ ему: «не оставляйте меня, Богъ васъ не оставитъ». Для объясненія тогдашняго душевнаго настроенія Суворова слѣдуетъ еще принять къ соображенію, что вопреки донесеніямъ Николева, здоровье его пошатнулось довольно замѣтно. Въ началѣ своей ссылки, онъ говоритъ мимоходомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ о пользѣ съѣздить за-границу съ лечебною цѣлью, затѣмъ упоминаетъ часто про свои увеличивающіеся недуги, а въ декабрѣ 1798 года пишетъ: «лѣвая моя сторона, болѣе изувѣченная, уже 5 дней нѣмѣетъ, а больше мѣсяца назадъ я былъ безъ движенія во всемъ корпусѣ». Ему было уже 68 лѣтъ; годы брали свое, и имъ много помогалъ безпримѣрный переворотъ, постигшій его въ концѣ блестящаго поприща. Душевная его сила не поколебалась, воля не была сломлена, но тѣмъ сильнѣе сказывалось внутреннее потрясеніе [13]).

Такое состояніе требовало какого нибудь исхода, и религіоз-

ное чувство Суворова подсказало ему этотъ исходъ. Онъ былъ всегда и въ одинаковой степени глубоко-вѣрующимъ человѣкомъ и исполнительнымъ сыномъ церкви, но подъ старость сдѣлался еще строже въ обрядовой сторонѣ и вообще во внѣшнемъ богопочитаніи, особенно же въ с. Кончанскомъ. Видя для себя закрытою практическую дѣятельность, онъ рѣшился уединиться въ монастырѣ и отдаться одному Богу. «Со стремленіемъ спѣшу предстать чистою душою передъ престоломъ Всевышняго», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, а въ другомъ пишетъ: «усмотря приближеніе моей кончины, готовлюсь я въ иноки». На тоже самое довольно явственно указываютъ распоряженія его по имуществу, и особенно усиленная заботливость о разъясненіи всѣхъ недоразумѣній по денежнымъ счетамъ. Переходя отъ слова къ дѣлу, онъ пишетъ въ декабрѣ 1798 года Государю: «Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову новгородскую пустынь, гдѣ я намѣренъ окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, милосердый Государь». Подъ прошеніемъ подпись: «всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ». Принялъ ли Государь просьбу Суворова за минутный, скоропреходящій порывъ, или въ то время уже начала разъясняться потребность въ отставномъ фельдмаршалѣ для войны съ Французами, — но отвѣта не послѣдовало. Развязка приближалась, только совсѣмъ другая[14]).

Февраля 6 пріѣхалъ въ с. Кончанское флигель-адъютантъ Толбухинъ и вручилъ Суворову собственноручный высочайшій рескриптъ, помѣченный 4 февраля: «сейчасъ получилъ я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи Вѣнскаго двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идутъ. Итакъ по сему и при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ, долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну». Послѣ всего только что описаннаго, не трудно понять, что Суворовъ былъ ошеломленъ поворотомъ своей судьбы. Онъ отправилъ Толбухина и

назадъ съ отвѣтомъ, что исполняя монаршую волю, выѣзжаетъ въ Петербургъ, а самъ принялся на скорую руку изготовляться къ отъѣзду. Принеся въ своей маленькой церкви горячую молитву, онъ 7 числа выѣхалъ, но не такъ, какъ въ прошлый разъ, а на почтовыхъ, и ѣхалъ быстро. Какъ тогда, такъ и теперь, Государь ждалъ его нетерпѣливо; онъ не былъ совершенно свободенъ отъ сомнѣнія — приметъ ли старый, больной и причудливый фельдмаршалъ посланное ему приглашеніе, послѣ выраженнаго имъ годъ назадъ нежеланія поступить на службу. Государь не совсѣмъ вѣрно понималъ Суворова и причины его отказа; Суворовъ *тогда* не могъ принять мирной службы на немыслимыхъ по его разумѣнію началахъ; *теперь* онъ не могъ отказаться отъ службы боевой, призваніе къ которой было его жизнью. Февраля 8 возвратился въ Петербургъ Толбухинъ; прочитавъ привезенное отъ Суворова письмо, Государь приказалъ тотчасъ же отнести письмо къ Императрицѣ и сказать австрійскому послу Кобенцелю, что Суворовъ пріѣзжаетъ и что Вѣнскій дворъ можетъ имъ располагать по желанію. На другой день пріѣхалъ и Суворовъ[15]).

ССЫЛКИ И ПОЯСНЕНІЯ.

Краткое понятіе о матеріалахъ, на которые здѣсь сдѣланы ссылки, дано въ отдѣлѣ третьяго тома, озаглавленномъ „Источники“. Сокращенія въ наименованіяхъ источниковъ будутъ понятны, если предварительно ознакомиться съ этимъ отдѣломъ.

КЪ ГЛАВѢ XIV.

1. Суворовскій сборникъ, Н и В.

2. Сувор. сборникъ, В.—Сборникъ одесскаго общества.—Записки Храповицкаго. — Записки одесск. общества, т. 8. — Рус. архивъ 1878 г.

3. Сувор. сборникъ, В.—Журналъ минист. народн. просвѣщенія 1856 г. (Данилевскій).

4. Сувор. сборникъ, II и В.—Государств. архивъ, XIX, 418 и XX, 339.

5. Сувор. сборникъ, II и V.

6. Сувор. сборникъ, II и К.—Госуд. архивъ, XX, 339.

7. Сувор. сборникъ, В.—Саковичъ, 1775—1780.

8. Моск. главный архивъ, сношенія съ Польшей, св. 7.—Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 2.—Военно-учен. архивъ, 1220.

9. Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 2.—Моск. главный архивъ, сношен. съ Польшей, св. 7 и 11. — Государств. архивъ, XX, 339.—Суворовск. сборн., В.—Рус. архивъ 1878 г.

10. Русскій архивъ 1878 года.

11. Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 2 и 4.—Сувор. сборникъ, В.

12. Сувор. сборникъ, папка.—Матеріалы гр. Милютина.

13. Сувор. сборникъ, папка.

14. Госуд. архивъ, XV, 475.

15. Разсказы стараго воина.

16. Моск. арх. гл. штаба, оп. 196, св. 2 и 42.

17. Тоже.—Рус. архивъ 1878 г.

18. Сувор. сборн., В.—Госуд. архивъ, XX, 339.

19. Сувор. сборникъ, II и V. — Государств. архивъ, XX, 339. — Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 42. — Сборникъ рус. истор. общества, т. I.

20. Сувор. сборн., II. — Госуд. архивъ, XX, 339. — Моск. главный архивъ, сношенія съ Польшей, св. 7. — Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 42.

21. Сувор. сборникъ, II.—Моск. главный архивъ, сношн. съ Польшей, св. 7.

22. Тоже.—Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 42.

23. Государств. архивъ, XX, 339.

24. Сувор. сборникъ, II.—Записки одесск. общества, т. 8.

25. Сувор. сборн., II и V.—Рус. архивъ 1866 г.

26. Сувор. сборн., тоже. — Военно-ученый архивъ, 204.—Записки одесск. общества, т. 8.

27. Сувор. сборникъ, тоже.—Моск. главный архивъ, сношн. съ Польшей, св. 7.

28. Сувор. сборникъ, II, В и К.

29. Разсказы ст. воина.—Маякъ 1842 г., т. I.

30. Сувор. сборн., II.—Анекдоты Фукса.

31. Сувор. сборникъ, II.

32. Сувор. сборникъ, V. — Моск. главный арх., VII, 37, картонъ С; сношенія съ Польшей, св. 11.

33. Сувор. сборникъ, II и V.—Рус. архивъ 1877 г.—Рус. старина 1875 и 1876 гг.

34. Сувор. сборн., II.—Моск. главный архивъ, VII, 37, карт. С.

35. Сувор. сборникъ, II, V и В. — Записки одесск. общ., т. 8.

36. Сувор. сборникъ, Г.—Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 2.

37. Сувор. сборникъ, Г, В и К. — Моск. главный архивъ, сношн. съ Польшей, св. 7 и 11.

38. Военно-ученый архивъ, 1220.—Антингъ.—Лавернъ.

39. Воен.-учен. архивъ, 1212.—Рус. архивъ 1866 г.—Антингъ.

40. Сувор. сборникъ, II и V.—Рус.архивъ1866 г.—Антингъ.

41. Матеріалы г. Дубровина.—Рус. архивъ 1866 г.

42. Суворовъ и паденіе Польши, Смитта.—Воронц. архивъ, кн. 17.—Сборникъ рус. истор. общества, т. 23.

Екатерина пишетъ про Суворова Гримму: «il a des singularités sans fin; il y en a même qui lui nuisent».

43. Воен.-учен. архивъ, 1219.—Матеріалы г. Дубровина.—Воронц. архивъ, книга 17.

КЪ ГЛАВѢ XV.

1. Госуд. архивъ, XII, 168.—Сборникъ рус. истор. общества, т. 29.

2. Oginski, Mémoires etc.

3. Военно-ученый архивъ, 1219 и 1220.

4. Разсказы стараго воина.

5. Воен.-учен. архивъ, 1220. — Моск. архивъ гл. штаба, опись 196, связка 4.—Антингъ.—Лавернъ.

6. Воен.-учен. архивъ, 1219. — Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 9.

7. Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 9.

8. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Суворовъ находился въ сношеніяхъ съ Репнинымъ, который конечно сообщилъ ему со своей стороны повелѣніе Екатерины, да и сохранилась приведенная записка при бумагахъ именно Репнина. (Госуд. архивъ, XII, 232).

9. Моск. арх. гл. штаба, оп. 196, св. 9. — Воен.-учен. арх., 1220.

10. Разсказы стараго воина.—Антингъ.

11. Воен.-учен. архивъ, 1219 и 1220.—Антингъ.

12. Воен.-ученый архивъ, 1220.—Антингъ.—Лавернъ.—Разсказы ст. воина.

О потерѣ въ 700 человѣкъ говоритъ писатель, цифры котораго вообще крайне сомнительны, а фактическая сторона дѣла очень перепутана, такъ какъ онъ излагаетъ давнія свои воспоминанія. (Разск. ст. воина).

13. Воен.-учен. архивъ, 1220. — Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 9.—Антингъ.

14. Моск. архивъ гл. штаба, тоже.—Разсказы ст. воина.—Антингъ.

15. Государств. архивъ, VI, 549. — Воен.-учен. архивъ, 1219 и 1220. — Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 9. — Campagnes des Austro-Russes, 1800.—Огинскій.—Лавернъ.—Антингъ.

16. Воен.-учен. архивъ, 1219 и 1220. — Моск. арх. гл. штаба, оп. 196, св. 9.—Разсказы ст. воина.—Лавернъ.—Антингъ.

У Лаверна говорится про надпись на польскихъ знаменахъ — *равенство* (вмѣсто *единство* у Антинга); но это противорѣчитъ самому смыслу польской революціи и опровергается сохранившимися знаменами.

17. Госуд. архивъ, VI, 549.—Воен.-учен. архивъ, 1220.—Рус. архивъ 1871 г.—Огинскій.

18. Сувор. сборникъ, В.—Воен.-учен. арх., 1219. — Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 16. — Рус. архивъ 1876 г. — Сѣверн. архивъ 1822 г., № 20.

КЪ ГЛАВѢ XVI.

1. Мемуары Огинскаго.

2. Моск. архивъ гл. штаба, опись 196, связка 9.—Военно-ученый архивъ, 1219. — Сборникъ рус. истор. общества, т. 29.—Огинскій.—Лавернъ.

3. Моск. архивъ гл. штаба, тоже.—Военно-ученый архивъ, 1220. — Рус. архивъ 1876 г. — Огинскій.

4. Воен.-учен. архивъ, тоже. — Моск. архивъ гл. штаба, тоже. — Сувор. сборникъ, папка.

5. Лавернъ. — Огинскій.

6. Воен.-учен. архивъ, 1219 и 1220. — Моск. арх. гл. штаба, оп. 196, св. 8 и 9. — Сборникъ рус. истор. общества, т. 29. — Записки Энгельгардта.

7. Восемнадцатый вѣкъ, Бартенева, кн. 4.

8. Воен.-учен. архивъ, 1219 и 1220.—Сборникъ рус. истор. общества, т. 29.

9. Воен.-учен. архивъ, 1220.—Лавернъ.

10. Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 9. — Разсказы ст. воина. — Лавернъ.

11. Разсказы стараго воина.

12. Военно-ученый архивъ, 1220.

13. Тоже. — Государств. архивъ, VI, 549. — Лавернъ.

14. Воен.-учен. архивъ, тоже. — Огинскій. — Лавернъ. — Антингъ.

15. Воен.-учен. архивъ, тоже. — Антингъ.

16. Антингъ. — Гильоманшъ-Дюбокажъ.

17. Таже книга Дюбокажа. — Gens de guerre, par général baron Ambert.

КЪ ГЛАВѢ XVII.

1. Воен.-уч. арх., 1220 и 1221.—Лавернъ.—Дюбокажъ.

Письмо Суворова къ Зайончеку не приведено цѣликомъ потому, что копіи съ него въ документахъ не сохранилось, а напечатано оно въ разныхъ изданіяхъ въ неодинаковой редакціи.

2. Военно-ученый архивъ, 1219, 1220, 1221.

3. Госуд. архивъ VII, 549. — Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 9. — Воен.-уч. архивъ, 1220. — Огинскій.

4. Госуд. архивъ, VI, 549.

5. Разсказы ст. воина. — Сынъ отечества 1831 года, часть 140. — Военный сборникъ 1868 г.

Приказъ этотъ въ архивныхъ документахъ не отъисканъ; приведенный здѣсь вкратцѣ записанъ участникомъ дѣла по воспоминаніямъ.

6. Матеріалы г. Дубровина. — Сынъ отеч., 1831 г., ч. 140.

7. Государств. архивъ, VI, 549. — Воен.-ученый архивъ, 1220.—Сынъ отечества 1831 г., ч. 140.

8. Госуд. и Воен.-ученый архивы, тоже.—Лавернъ, Дюбокажъ и нѣк. другіе.

9. Госуд. архивъ, тоже.—Воен.-учен. архивъ, 1221.—Сынъ отечества 1831 г., ч. 140.—Разсказы ст. воина.

О выстрѣлахъ изъ домовъ и бросаніи оттуда въ Русскихъ каменьями и разными тяжестями упоминается только въ одномъ источникѣ, послѣднемъ. Авторъ этихъ воспоминаній хотя и часто перепутываетъ факты, заслуживаетъ однако въ настоящемъ случаѣ вѣры, ибо былъ участникомъ дѣла, и память едва ли могла ему измѣнить въ такого рода обстоятельствѣ.

10. Государств. архивъ, VI, 549.—Дюбокажъ.—Сынъ отеч. 1831 г., ч. 140.

11. Госуд. архивъ, тоже.—Сынъ отеч., тоже.—Воен.-учен. архивъ, 1221.

12. Госуд. архивъ и Сынъ отеч., тоже.—Рус. старина 1874 и 1878 годовъ.

13. Воен.-учен. архивъ, 1220.—Сынъ отеч., тоже.—Лавернъ.—Дюбокажъ.—Рус. архивъ 1866 г.—Анекдоты Фукса.

14. Сынъ отечества, тоже.

15. Воен.-учен. архивъ, 1220 и 1221.—Сынъ отеч., тоже.—Разсказы ст. воина.—Лавернъ.—Огинскій.—Дюбокажъ.

16. Госуд. архивъ, XII, 168.—Воен.-учен. архивъ, тоже.—Сынъ отеч., тоже.

17. Воен.-учен. архивъ, тоже.—Огинскій.

Кромѣ перечисленныхъ источниковъ, для составленія главы служила книга Антинга.

КЪ ГЛАВѢ XVIII.

1. Госуд. архивъ, VI, 549.—Разск. ст. воина.—Огинскій.

Итогъ увезенныхъ Колонтаемъ денегъ и драгоцѣнностей опредѣляется различно, отъ 40.000 до 150.000 червонцевъ.

2. Госуд. архивъ, тоже.—Военно-ученый архивъ, 1220.—Сувор. сборникъ, Н.—Разсказы стар. воина.

3. Государств. архивъ, тоже.

4. Воен.-учен. архивъ, 1220.—Огинскій.

5. Воен.-учен. архивъ, тоже.—Госуд. архивъ, VI, 549.—Разсказы ст. воина.—Огинскій.—Лавернъ.

6. Тоже, безъ Разсказовъ ст. воина.

7. Воен.-уч. архивъ, 1220.—Сувор. Сборникъ, Н.—Дюбокажъ.

8. Разсказы ст. воина.—Рус. старина 1878 г.

9. Военно-ученый архивъ, 1220.

10. Тоже.—Госуд. архивъ, VI, 549.—Матеріалы г. Дубровина.—Отечеств. записки 1822 г., ч. 10.—Глинка.

11. Государств. архивъ, тоже.—Воен.-ученый архивъ, 1220.

Въ разныхъ печатныхъ источникахъ и въ донесеніяхъ Суворова читаемъ, будто первоначальное намѣреніе Поляковъ состояло во вторженіи въ австрійскіе предѣлы, но потомъ, вслѣдствіе настойчиваго преслѣдованія Денисова и Ферзена, планъ этотъ былъ оставленъ, и рѣшено идти въ Пруссію. Изъ показаній Ваврженцкаго видно, что перваго плана онъ никогда въ головѣ не имѣлъ, а постоянно держался второго. Ваврженцкій иногда путаетъ въ своихъ показаніяхъ, потому что дѣлая ихъ, не имѣлъ подъ рукою документовъ и забылъ подробности, но къ настоящему случаю это не приложимо.

12. Госуд. архивъ, VI, 549.—Огинскій.

13. Воен.-учен. архивъ, 1220.—Матеріалы г. Дубровина.—Отеч. записки 1822 г., ч. 10.

14. Тоже.—Государств. архивъ, VI, 549.

15. Госуд. архивъ, тоже.—Воен.-учен. архивъ, 1220.

16. Тоже.—Матеріалы г. Дубровина.—Сѣв. архивъ 1822 г., № 20.—Рус. архивъ 1866 г.

17. Госуд. архивъ, тоже.—Рус. архивъ, тоже.—Сувор. сборникъ, Н.—Левшинъ.

18. Сувор. сборникъ, Н.—Кончанск. сборникъ, 24.—Сегюръ.

19. Воен.-ученый архивъ, 1220 и 1221.—Моск. главный архивъ, сношенія съ Польшей, связка 11.—Сувор. сборникъ, К и Н.—Сборникъ рус. историч. общества, т. 29.—Рус. архивъ 1866 и 1878 годовъ.

20. Воен. учен. архивъ, 217.—Сувор. сборникъ, II.—Матеріалы г. Дубровина.—Сборникъ рус. истор. общества, 19.—Рус. архивъ 1876 г.—Левшинъ.

21. Воен. ученый архивъ, 1220.—Дюбокажъ.

22. Моск. главный архивъ, сношн. съ Польшей, св. 11. — Госуд. архивъ, XI, 1272.—Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 5.—Сувор. сборникъ, II.—Военно-учен. архивъ, 1225.

23. Воронцовскій архивъ, кн. 13.—Рус. архивъ 1866 и 1876 год.—Разсказы ст. воина.—Энгельгардтъ.

24. Рус. архивъ 1877 г.—Разсказы ст. воина.

Сверхъ того матеріаломъ для главы служила книга Антинга.

КЪ ГЛАВѢ XIX.

1. Сборникъ рус. истор. общества, т. 29.

2. Военно-ученый архивъ, 1219.

3. Суворовскій сборникъ, В.

4. Сборникъ рус. истор. общества, т. 29. — Воронцовскій архивъ, кн. 12.—Воен.-учен. архивъ, 1219 и 1220.

5. Военно-ученый архивъ, 1220.

6. Сувор. сборникъ, II.—Моск. архивъ гл. штаба, оп. 197, связка 11. — Военно-ученый архивъ, 1225. — Сборникъ рус. истор. общества, 29.

7. Сборникъ рус. истор. общ., 29.—Воронц. архивъ, кн. 12.

8. Государств. архивъ, VI, 548 и 549; XI, 1272.—Сувор. сборникъ, II.—Моск. главный архивъ, сношенія съ Польшей, св. 7 и 11.—Моск. архивъ гл. штаба, оп. 197, св. 11.

9. Сувор. сборникъ, К.—Моск. гл. архивъ, сношн. съ Польшей, св. 11.—Воен.-учен. архивъ, 217, 1220 и 1225. — Огинскій.

10. Сувор. сборн., К.—Моск. гл. архивъ, сношн. съ Польшей, св. 7.—Сборникъ рус. истор. общества, 29.

11. Моск. гл. архивъ, тоже.—Воен.-учен. архивъ, 1220.—Сувор. сборн., II.—Сборникъ рус. истор. общ., 29.—Рус. архивъ 1866 г.—Энгельгардтъ.

12. Моск. гл. архивъ, сношн. съ Польшей, св. 11. — Анекдоты Фукса.

13. Сувор. сборникъ, В.—Воен. учен. архивъ, 1225.—Сборникъ одесск. общества.

14. Сувор. сборникъ, II.—Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 5.—Рус. архивъ 1866 г.—Разсказы ст. воина.

15. Моск. гл. архивъ, сношн. съ Польшей, св. 11.—Антингъ. -Разсказы ст. воина.

16. Левенштернъ. — Дюбокажъ. — Рус. архивъ 1863 г. — Воронц. архивъ, кн. 12.

Анекдотъ на счетъ ветчины представляется мало вѣроятнымъ, но приведенъ потому, что по свидѣтельству источника, передавалъ его А П. Ермоловъ, какъ очевидецъ.

17. О госпиталяхъ въ военное время, Затлера.

18. Рус. старина 1878 г.

19. Записки Энгельгардта.

20. Моск. архивъ гл. штаба, оп. 99, св. 1, № 6.

21. Тоже.— Сувор. сборникъ, 3.

22. Моск. арх. гл. штаба, тоже.—Энгельгардтъ.—Разсказы ст. воина.

23. Моск. главн. архивъ, сношн. съ Польшей, св. 11.—Сувор. сборникъ, В.—Воронц. архивъ, кн. 12. — Сборникъ рус. истор. общества, 29.

24. Два послѣдніе, тоже.—Сувор. сборникъ, II.—Рус. архивъ 1866 г.—Разсказы ст. воина.

25. Матеріалы гр. Милютина.—Сувор. сборникъ, II.—Сборникъ рус. истор. общества, 29.

26. Сувор. сборникъ, II.—Воен.-учен. архивъ, 1220.—Рус. архивъ 1866 г.

27. Государств. архивъ, VI, 548. — Сборникъ рус. истор. общества, 29.

28. Госуд. архивъ, VI, 548 и 549.

29. Сувор. сборникъ, В.

30. Сувор. сборникъ, Н.—Отеч. записки 1841 года.—Рус. старина 1878 г.—Дюбокажъ.—Histoire de la révolution française, par Thiers.

КЪ ГЛАВѢ XX.

1. Сувор. сборникъ, II. — Журналъ мин. нар. просв. 1856 г. (Данилевскій).—Глинка.

2. Рус. архивъ 1866 г.—Глинка.

3. Рус. архивъ 1866 г.—Смиттъ.—Храповицкій.

4. Сувор. сборникъ, V.—Левшинъ.—Анекдоты Фукса.

5. Сувор. сборникъ, V.—Смиттъ.

6. Сувор. сборникъ, I и V.

7. Рус. архивъ 1866 г.

8. Сувор. сборникъ, I и V.—Глинка.

9. Сувор. сборникъ, II.

10. Сувор. сборникъ, A.

11. Государств. архивъ, XX, 324. — Моск. главн. архивъ, снош. съ Польшей, св. 11.—Сувор. сборникъ, I и II.

12. Моск. гл. архивъ, тоже.—Сувор. сборн., II.

13. Сувор. сборникъ, I и II.

14. Сувор. сборникъ, II.—Рус. архивъ 1876 г.

15. Сувор. сборникъ, II.—Журналъ мин. нар. просв. 1856 г. (Данилевскій).

16. Сувор. сборникъ, II. — Сборникъ рус. истор. общества, 23.—Рус. архивъ 1866 г.

17. Рус. архивъ 1863 г.

Одни невѣрно называютъ Золотухина Золотаревымъ; другіе невѣрно говорятъ, что онъ убитъ подъ Измаиломъ.

18. Сувор. сборникъ, II. — Вотчинный архивъ, тетр. 7. — Рус. старина 1876 г.

КЪ ГЛАВѢ XXI.

1. Разсказы ст. воина. — Сборникъ рус. истор. общества, 16.—Отечеств. записки 1841 года.

2. Тоже самое.—Сувор. сборникъ, II.—Воронц. архивъ, кн. 16.—Лавернъ.

3. Военно-ученый архивъ, 1220. — Рус. старина 1872 и 1876 год.—Анекдоты Фукса.

4. Сувор. сборникъ, В.—Сборникъ рус. истор. общества, 16 и 23. — Рус. архивъ 1876 г. — Отечеств. записки 1841 г. — Разсказы ст. воина.

5. Сувор. сборникъ, 3 и В.

6. Моск. главный архивъ, Campagnes, св. 2 и 7; снош. съ Польшей, св. 11.—Сувор. сборникъ, 3. — Рус. архивъ 1866 и 1876 гг.

7. Моск. архивъ гл. штаба, опись 196, св. 19.

8. Моск. главный архивъ, Campagnes, св. 2; снош. съ Польшей, св. 11.—Сувор. сборникъ, 3. — Рус. старина 1876 г. — Рус. архивъ 1866 г. — Сборникъ рус. истор. общества, 16, 23 и 29.

9. Сувор. сборникъ, 3 и 4.—Моск. главн. архивъ, снош. съ Польшей, св. 11.—Рус. архивъ 1866 г.

10. Моск. главн. архивъ, Campagnes, св. 2.—Сувор. сборникъ, 3 и V.—Разсказы ст. воина.

11. Моск. гл. архивъ, тоже.—Сувор. сборникъ, 3. — Сборникъ рус. истор. общества, 23.—Разсказы ст. воина.

12. Сувор. сборникъ, 3 и 4. — Записки одесск. общества, т. 11.—Военный сборникъ 1874 г. (Дубровинъ).—Рус. старина 1876 г.—Рус. архивъ 1878 г.—Воронц. архивъ, кн. 14 и 18.

13. Сувор. сборникъ, 3, 4 и V.

14. Сборникъ рус. истор. общества, 29. — Рус. старина 1875 и 1876 гг.

15. Моск. главный архивъ, снош. съ Польшей, св. 11. — Моск. архивъ гл. штаба, оп. 197, св. 11.

16. Сувор. сборникъ, 3 и V.—Рус. архивъ 1866 и 1876 гг.— Рус. старина 1876 г.—Воронц. архивъ, кн. 15.

17. Сувор. сборникъ, 3. — Моск. главн. архивъ, снош. съ Польшей, св. 11.—Сборникъ рус. истор. общества, 23.—Рус. архивъ 1866 г.

18. Сувор. сборникъ, 3 и 4.

19. Сувор. сборникъ, 4. — Вотчинный архивъ, 9. — Рус. архивъ 1876 г.

КЪ ГЛАВѢ XXII.

1. Суворовскій сборникъ, 3.

2. Тоже.—Моск. главн. архивъ, снош. съ Польшей, св. 11.—Рус. архивъ 1866 г.

3. „Наука побѣждать“ дошла до насъ и въ цѣломъ видѣ, и въ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ разныхъ сочиненіяхъ о Суворовѣ, которыя изданы въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Самое раннее изъ ея изданій принадлежитъ г. Антоновскому, которое въ настоящемъ сочиненіи и принято основнымъ матеріаломъ, причемъ его брошюра сличена съ разновидностями другихъ сочиненій. Разнорѣчія впрочемъ не велики и не существенны. Въ цѣломъ видѣ, съ очень хорошими толкованіями, „Наука побѣждать“ издана отдѣльной брошюрой военно-ученымъ комитетомъ главнаго штаба, имѣла нѣсколько изданій и потомъ, съ тѣми же коментаріями, вошла въ позднѣйшій Сборникъ статей г. Драгомирова. У лѣтописцевъ Суворова она имѣла разныя заглавія, между прочимъ и „дѣятельнаго военнаго искуства“.

4. Разсказы стараго воина.

5. Сборникъ рус. истор. общества, 1.

6. Литературная лѣтопись 1861 г., № 14.

7. Анекдоты Фукса.

8. Сувор. Сборникъ, С.

9. Госуд. архивъ, VII, 2898.

Главнымъ матеріаломъ для главы, кромѣ „Науки побѣждать“, служила книга Гильоманшъ-Дюбокажа, и были автору полезны, въ объяснительномъ смыслѣ, нѣкоторыя статьи г. Драгомирова, изъ числа помѣщенныхъ въ его Сборникѣ статей.

КЪ ГЛАВѢ XXIII.

1. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Кобеко.

2. Тоже.—Рус. архивъ 1869 г.

3. Mémoires de Catherine II.—Записки Энгельгардта.—Военный сборникъ 1864 г., № 1.

4. Государств. архивъ, X, 12.—Кобеко.—Рус. архивъ 1877 г.

5. Рус. архивъ 1869 и 1877 гг.—Сборникъ рус. истор. общества, 29.—Кобеко.

6. Левенштернъ.—Рус. архивъ 1869 г.—Воронц. архивъ, 18.—Воспоминанія Лубяновскаго.

7. Воен. сборникъ 1864 г., № 1. — Сборникъ рус. истор. общ., 29.—Рус. старина 1877 г.—Лубяновскій.

8. Чтенія въ моск. обществѣ 1866 г.—Рус. старина 1872 и 1876 гг.—Рус. архивъ 1876 г.—Сегюръ.

9. Рус. старина 1875 г.—Чтенія въ москов. обществѣ 1859 и 1864 гг.—Воен. сборникъ 1864 и 1865 гг.

10. Сувор. сборникъ, папка.—Воен. сборникъ 1864 г.—Рус. арх. 1878 и 1879 гг. — Рус. старина 1872 г. — Чтенія въ моск. обществѣ 1864 г.—Инструкція коннаго полку полковнику.

11. Государств. архивъ, XX, 370.

12. Вотчин. архивъ, 1.—Чтенія въ моск. обществѣ 1866 года.—Воен. сборникъ 1864 года.—Воронц. архивъ, 13.—Рус. архивъ 1879 г.—Рус. старина 1875 г.

13. Чтенія въ моск. обществѣ 1858 и 1864 гг. — Воронц. архивъ, 14.—Воен. сборникъ 1864 г.—Сегюръ.

14. Государств. архивъ, XX, 216.—Воен. сборникъ 1864 г.—Разсказы ст. воина.—Чтенія въ московск. общ. 1864 г.—Рус. архивъ 1878 и 1879 гг.—Воронц. архивъ, 13.—Воинскій уставъ 1797 г.

15. Энгельгардтъ.—Варнери.

16. Государств. архивъ, VII, 2089; XX, 232.—Варнери.—Сборникъ рус. истор общества, 27.—Рус. старина 1872, 1876 и 1877 гг.

17. Біографіи Бантышъ-Каменскаго. — Военный сборникъ 1864 г.

18. Энгельгардтъ. — Воен. сборникъ 1864 г. — Чтенія въ моск. обществѣ 1858 г.—Рус. старина 1877 г.—Воин. уставъ 1797 г.

19. Энгельгардтъ.—Лубяновскій.—Рус. старина 1877 г.—Воен. сборникъ 1864 г.

20. Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 5.—Энгельга

Левенштернъ.—Воин. уставъ 1797 г. - Рус. старина 1877 г.—Воен. сборникъ 1864 г.

21. Воен. сборникъ 1864 г.—Воин. уставъ 1797 г.—Чтенія въ моск. обществѣ 1859 г.—Лубяновскій.

22. Государств. архивъ, VI, 548.

23. Левенштернъ.—Рус. старина 1877 года.—Рус. архивъ 1869 и 1876 гг.—Воен. сборникъ 1864 и 1865 гг.—Разсказы ст. воина.—Воин. уставъ 1797 г.

24. Матеріалы гр. Милютина.—Лубяновскій.—Рус. архивъ 1876 г.—Воин. уставъ 1797 г.—Рус. Бесѣда 1860 г., т. 1.

25. Рус. старина 1877 г.—Энгельгардтъ.—Кобеко.

КЪ ГЛАВѢ XXIV.

1. Разсказы стараго воина.

2. Суворовскій сборникъ, 3 и V.

3. Моск. архивъ гл. штаба, опись 99, связка 1, № 6.

4. Сувор. сборникъ, 3, В и Г.

5. Сувор. сборникъ, 3 и В.—Воен. сборникъ 1864 г., № 1.

6. Сувор. сборникъ, 3, 4 и В.

7. Сувор. сборникъ, 3, V и В.

8. Воен. сборникъ 1864 г.—Рус. архивъ 1871 г.—Дюбокажъ.

9. Сувор. сборникъ, 3 и В.—Моск. архивъ гл. штаба, оп. 196, св. 7.—Госуд. архивъ, XI, 1272.

10. Моск. архивъ гл. штаба, военно-походной канцеляріи, 1797 г.—Вотчин. архивъ, 15.—Разсказы ст. воина.

11. Біографіи Бантышъ-Каменскаго.—Дюбокажъ.—Разсказы ст. воина.

12. Воен. сборникъ 1864 г.—Рус. архивъ 1878 г.—Разсказы ст. воина.

13. Сувор. сборникъ, 3.—Вотч. архивъ, 15.—Рус. архивъ 1866 г.

14. Вотч. архивъ, 10.—Сувор. сборникъ, 4 и Д.

15. Вотч. архивъ, 10.—Журналъ мин. нар. просв. 1856 г.

Всѣ эти мелкія подробности понадобятся для ясности однороднаго предмета въ слѣдующей главѣ.

16. Моск. архивъ гл. штаба, оп. 99, св. 1, № 6.—Вотч. архивъ, 12.—Воен. сборникъ 1864 г.

17. Госуд. архивъ, VII, 3038.—Сувор. сборникъ, 3.

18. Вотчинный архивъ, 10.

19. Сувор. сборникъ, 3 и Д.

20. Воронц. архивъ, 15.

21. Сувор. сборникъ, 3.

КЪ ГЛАВѢ XXV.

1. Сувор. сборникъ, V. — Вотчинный архивъ, 8 и 15.—Государств. архивъ, VII, 3038.

2. Госуд. архивъ, тоже.—Моск. архивъ гл. штаба, воен. пох. канцел. 1797 и высоч. повелѣнія 1796—1797 г.

3. Госуд. архивъ, тоже.—Кончан. сборникъ, 24.—Сувор. сборникъ, 3.

4. Государств. архивъ, VII, 3038 и 3086.

5. Госуд. архивъ, VII, 3038.—Сувор. сборникъ, V.

Инструкція Николеву и первое его донесеніе были напечатаны въ Чтеніяхъ моск. общества за 1862 годъ, впрочемъ списаны не совсѣмъ исправно.

6. Госуд. архивъ, тоже.

7. Сувор. сборникъ, 4, V и Д.—Сенатскій архивъ 1 отд. 5 департ. 1798 г., № 34.

8. Сувор. сборникъ, 3.—Госуд. архивъ, VII, 3038.

Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ помѣщены въ печатн. сборникахъ.

9. Госуд. архивъ, тоже.—Вотчин. архивъ, 5, 10 и 15.

10. Сувор. сборникъ, 3.—Кончан. сборникъ, 24.—Вотчин. архивъ, 11.

11. Сувор. сборникъ, 3 и Д.—Государств. архивъ, VII, 3038.

12. Госуд. архивъ, тоже.—Сувор. сборникъ, С.

13. Государств. архивъ, VII, 3038, 3086, 3222, 3347 и 3498.

14. Матеріалы гр. Милютина.

КЪ ГЛАВѢ XXVI.

1. Матеріалы гр. Милютина. — Война 1799 г., его же.— Воен. сборникъ 1864 г., и нѣк. др.

2. Сувор. сборникъ, папка и Д.—Вотчин. архивъ, 11 и 15.

3. Сувор. сборникъ, I и V.

4. Сувор. сборникъ, Д и папка.—Вотч. архивъ, 11, 14 и 15.

5. Сувор. сборникъ, 3, 4 и Д.—Вотч. архивъ, 10.

6. Сувор. сборникъ, тоже.—Государств. архивъ, VII, 3038.

7. Сувор. сборникъ, 4, V и Д.

8. Сувор. сборникъ, 4.—Моск. архивъ гл. штаба, оп. 54, св. 291, № 45.

9. Моск. архивъ гл. штаба, оп. 99, св. 1, № 6.

10. Сувор. сборникъ, 3, 4, В, Д и папка. — Вотч. архивъ, 15.

11. Сувор. сборникъ, Д.—Рус. архивъ 1871 г.—Рус. старина 1875 г.—Анекдоты Фукса.—Біографіи Бантышъ-Каменскаго.—Война 1799 г. гр. Милютина.—Глинка.

12. Государств. архивъ, VII, 3119. — Сувор. сборникъ, 4, V и Д.—Матеріалы гр. Милютина.

13. Сувор. сборникъ, 4 и V.

14. Сувор. сборникъ, 4.—Біографіи Бантышъ-Каменскаго.—Левшинъ.

15. Госуд. архивъ, X, 498.—Сувор. сборникъ, В.—Воронц. архивъ, 8.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

КЪ ГЛАВѢ XIV.

Plans de campagnes et d'opérations contre les Turcs, dictés à Kherson, le 10 novembre 1793, en langue française, par le comte Souworov-Rimniksky, et envoyés par ordre suprême au Souverain.

(Изъ матеріаловъ графа Милютина; доставлено княземъ М. С. Воронцовымъ генералу Михайловскому-Данилевскому).

Les Turcs se préparent à la guerre; les jacobins leur influent, que jadis ils étaient vainqueurs des chrétiens pour n'avoir reposé que dans des guerres, et que c'était à eux d'attaquer au dépourvu, ne suivant pas en celà l'usage des puissances européennes, en déclarant la rupture. Depuis l'arrivée de notre ambassadeur à Constantinople, les lettres de notre ministère m'ont manqué. Mais ils n'ont point raison de l'entreprendre avant d'avoir mis leurs forteresses en état respectable et, en attendant, ils pourraient donner une autre consistance à leur armée. Sur le pied adopté en Europe comme ils l'ont entrepris, et quoi qu'ils manqueront de Pierre le Grand, ils ne seront point totalement dépourvus d'officiers étrangers aventuriers. Ils peuvent expliquer l'alcoran à leur convenance,—lisez le Petit Traité en français du vieux archevêque Eugène.

Leur armement naval n'est pas à mépriser, comme l'excellent vaisseau „Іоаннъ Предтеча", pris par eux le démontre; leurs matelots chrétiens sont très bons, et quoique plusieurs officiers ne sont pas conséquents, des *Seitali*.

Le défaut qu'ils placent sur les ponts des vaisseaux des canons de différents calibres, peut être facilement redressé. Il n'est pas vrai, qu'ils ont craint notre flotte dans son enfance; les dernières campagnes de la guerre passée ils ont démontré qu'ils ne sont plus les mêmes qu'à Tchesmé. C'est pourquoi il faut leur opposer de notre part une flotte à voiles, qui puisse se mesurer avec eux, et gagner par là la prépondérance pour protéger notre flotte à rames et assurer les bords de notre côte contre les descentes. Ceci appartient à messieurs les amiraux.

Notre flotte à rames agira, en cas de rupture, en combinaison avec les troupes de terre; or jetons un coup d'œil sur son état et ce qui n'en faudrait détacher, pour les moyens défensifs, que nous laisserons au dos. Cette flotte à rames, en cas de rupture, livrera au canal de Jenikalé les 6 doubles chaloupes qui serviront trois campagnes; et lançons et kirlangitchs qui peuvent servir 4 campagnes, se trouvant à Taganrog,—en tout 17 bâtiments; on y ajoutera des 50 lotkas actuellement à Taman, — de 30 à 40, qui ne pourront pas servir à la guerre offensive, ayant servi pendant toute la dernière guerre. Pour la défense de l'entrée dans le liman du Dniéper, entre Kinbourn et Otchakoff, des bâtiments qui se trouvent à Nicolaeff, des 34 lançons—15, qui ne sauront pas servir au delà de deux campagnes. De Kherson — 5 vielles chaloupes canonnières et 2 batteries que l'on armera; 1 trebocq et 1 fombas. Nombre total pour cette dernière défense—24 bâtiments à rames, protégés par 2 frégates et soutenus par nos ouvrages de la pointe de la langue de terre de Kinbourn.

Par le résumé, il restera donc en tout, pour l'action offensive de la flotte, des bâtiments à rames: brigantins à Nicolaeff 1 bon et 9 pour 2 campagnes, à Kherson—2 pour 4 campagnes et 3 bons,—en tout 15 bâtiments. Lançons de Nicolaeff, 3 bons et 19 pour 2 campagnes, à Kherson, 8 bons et 1 pour 4 campagnes,—en tout 31 lançons. Doubles chaloupes de Nicolaeff—6, simple chaloupe—1, 2 cutters pour 3 campagnes; le reste sont de mauvais bâtiments de transport, corsaires et autres. Le total de la flotte sera 55 bâtiments

Messieurs les amiraux sont mieux au fait de l'état de cette flotte et n'ignorent pas qu'on y doit une prompte et efficace réparation et une augmentation suffisante.

A Taganrog 58 lotkas du Don à l'usage des Tchernomorsky cosaques, dont 43 sont bonnes pour être armées en guerre; le reste sera réparé vers le mois d'avril. Comme ces cosaques Tchernomortzis sont indispensables pour la flotte à rames, on en équipera les lotkas qui peuvent monter de 60 à 65 bâtiments, y compté ce qui peut être mis en service offensif de Taman.

Des susdits cosaques, il doit se trouver sur cette flotte de 5 à 6000 hommes. Si l'on n'ajoute rien à ces bâtiments, il en restera peu pour les impulsions sur l'Anatolie, qui d'ailleurs, n'aboutiraient qu'à quelques dévastations, occasioneraient peu de diversions et pourraient être quelquefois dangereuses sans la protection de la flotte à voiles qui aura des objets plus solides à remplir. Ce plan pourrait être mieux rempli par des armateurs, comme le commerçant de Kherson Hakousi, qui propose déjà d'armer 6 bâtiments et promet de pouvoir les augmenter jusqu'à 15; il ne requiert à cette fin que les canons.

Les cosaques Tchernomortzis qui resteront en leurs habitations du Taman et à la forteresse de Phanagoria qu'on ne peut pas exposer à la merci du sort, sont plus aisément soutenus par le corps du Kouban que de la Tauride, d'au-delà du canal de Jenikalé. Ce corps était ordinairement composé de 4 régiments d'infanterie, de 20 escadrons de cavalerie, de 2 à 6 régiments de cosaques du Don selon les circonstances. Du fort Yaij jusqu'au Taman il avait quelques redoutes de communication, avec peu de monde et de canons; son capital était à Copil comme point central, endroit malsain (on pourrait le changer pour un meilleur sans trop s'éloigner), et sur le Kouban dont l'eau en été est de mauvaise salubrité. Elle n'est bonne et potable que des puits.

Le corps de la Tauride sera fort de 6 a 7,000 hommes d'infanterie et de 1,000 hommes de cavalerie avec 3 régiments de cosaques, on y laissera de l'artillerie à proportion.

Pour Kinbourn et ses points détach[illegible] 2 régi-

ments d'infanterie, 1 régiment de cavalerie et 1 régiment de cosaques.

Première campagne.

Supposant les Turcs dans la situation actuelle, les forteresses cédées par la paix ne pouvant soutenir un siège, et s'il paraîtra bon de vouloir bien les prévenir en commençant la campagne de bonne heure et avant qu'ils aient rassemblé leurs troupes et se fussent portés vers le Danube, ce qui n'arrive ordinairement que vers le mois de juin.

Le corps du Caucase doit tâcher d'être en bonne intelligence avec les races tcherkesses pour faciliter ses opérations. Laissant pour la garde de sa ligne autant de troupes qu'il faudra, avec le reste ou la plus grande partie, conjointement avec le corps du Kouban, il se portera sur Anapa, s'en emparera de vive force et la rasera tout aussitôt; ce qu'il éxécutera de même avec Soudjouk-kalé et Ghélendjik. Ayant fini cette besogne, les deux corps retourneront sur leurs pas.

Opérations au delà du Dniéster.

Passant au cou de Bender, un corps détaché № 2, fort de 15,000 hommes, longera les bords de la Mer Noire, s'emparera d'Ackermann, Palanque, Kilia, Ismaïl et par le côté gauche de Sunnia, pour faciliter l'entrée à notre flotte à rames par cette embouchure dans le Danube, qui prendra possession de Toultcha et d'Jsaktcha avec ses troupes de débarquement qui doivent être suffisantes. Tous ces points doivent être bien rasés exepté Kilia, qui servira de point de protection en seconde ligne aux postes considérables à fortifier de l'embouchure du Danube et du cap Tchertal. Sunnia surtout sera bien fortifiée, comme le seul passage pour des bâtiments de quelque chartre et servira de défense pour ne pas laisser entrer par cette embouchure les escadres à rames turques qui pourraient survenir.

Uu autre corps, № 1, fort d'au delà de 20,000 hommes,

donnera droit sur la forteresse de Brahilov, sans s'amuser en sa marche ailleurs s'il n'y est pas obligé, en fera le siège en forme, et tâchera de l'emporter en 21 jours. La flotte à rames, ayant fini avec les autres places de sa tâche, se joindra au plutôt avec ce corps pour seconder le siège qui néanmoins ne l'attendra pas en poussant ses travaux.

De même le corps № 3, fort de 15,000 hommes passé, donnera en premier lieu sur Khotin pour l'emporter de vive force, en démolissant ses ouvrages pour éviter de trop se partager en garnisons. Il se portera sur Giurgievo qu'il emportera d'emblée s'il le pourra ou autrement de siège, quoiqu'en moins de jours qu'il est dit de Brahilov, comme celle-là étant plus faible; et tout de suite il s'emparera de Roustchouk qui n'a jamais été une forteresse. Ces deux places seront ruinées et rasées, évacuées des habitants, les notres n'ayant pas besoin de postes permanents. Il serait bon, si le temps est favorable de se défaire une fois de la même façon de Tourna et de Nicopolis.

Brahilov, capitale, reste bien fortifié avec une garnison suffisante selon les circonstances, quoique le général du corps № 3 doit y obvier à toute entreprise de l'ennemi en le battant en rase campagne. C'est pourquoi il faut qu'il ait de 36 à 40,000 hommes sans compter les Arnaouts qu'il pourrait lever. Si ce n'est pendant la première campagne, ce sera dans la suivante qu'avec la partie de ce corps il s'emparera sans perdre de temps de Silistrie, de Girsova, de Tourtoukay et du reste des nouveaux établissements des Turcs qui doivent être tout-à-fait rasés comme les autres, pour n'y jamais tenir des postes fixes et disperser les troupes. Après la prise de Giurgievo, il s'emparera facilement de la Valachie, mais comme il doit rester sur la défensive, il s'amusera peu avec Boukharest; son quartier général est plutôt aux environs de Fokschani et selon les circonstances. Il est de même de Jassy—il livrera garnison à Kilia, Sunnia, Kaptchadal et Brahilov et, outre les piquets et petites parties non superflues, il restera toujours ramassé avec les trois quarts de son corps, pour bien battre les infidèles en rase campagne qui, pour faire diversion aux corps agissants vers le Balkan

ou le tourner, se hazarderaient à passer le Danube audessus de Brahilov ou par le Banat, puisqu'ils ne pourraient le faire au dessous—notre flotte à rames y dominant jusqu'à son embouchure.

Nous voilà 100 mille hommes, y comptées les troupes de débarquement sur la flotte à rames; même en entrant en opération avec 60 mille hommes, le reste doit suivre aussitôt; en cas d'obstacle on pourrait en rabattre très peu, le temps est le plus cher,—il faut savoir le ménager; souvent nos victoires précédentes étaient sans suites faute de monde. C'est un très faux principe de croire après une défaite de l'ennemi avoir tout fini, lorsqu'il reste à s'occuper de plus grands succès. Ainsi pourraient agir avec plus de solidité aussitôt après la prise de Brahilov les corps №№ 2 et 1; mais augmentés à 60 mille combattants, ils se combineront vis-à-vis de Toultcha, passeront le Danube, pénétreront jusqu'à Varna, l'emporteront d'emblée ou de vive force selon les circonstances. La flotte à rames qui agira avec 30 de ses plus gros bâtiments et 40 lotkas, laissant sur le point de Toultcha le reste, consistant en 25 bâtiments et 25 lotkas. Elle ne pourra entrer en rade à Varna jusqu'à ce que notre flotte à voiles n'y ait taillé en pièces, battu ou chassé l'escadre turque. Notre flotte à rames doit être augmentée, mais toujours protégée par celle à voiles — dès ce temps les opérations resteront compliquées avec celles des troupes de terre.

Pour percer jusqu'à Varna les Turcs qui, vers ce temps, ne pourront manquer de rassembler leur armée sous Schoumla et viendront dans ce trajet à notre rencontre, on tâchera de les bien battre et poursuivre avec célérité jusqu'à Schoumla qu'il faut attaquer et raser; et comme de là à Varna il y a une marche de près de 13 jours, il faudra que les mouvements de notre flotte à rames soient bien mésurés et qu'elle y trouve déjà la rade libre par notre flotte à voiles.

Alors si Varna ne peut être emportée de vive force, elle le sera par un siège de quelques jours. Cette entreprise deviendra difficile, si une escadre turque reste postée en sa rade, ce qui endommagerait beaucoup nous et nos travaux; c'est pourquoi aucun des moyens combinés ne doit manquer

pour la prompte réussite de l'entreprise. Il est évident que la flotte turque sera alors en mer, elle ira à la rencontre de la nôtre qui lui livrera combat, tâchera de la défaire au possible et lui donnera la chasse jusqu'au canal de Constantinople: alors il serait facile pour notre flotte de tourner voile sur Varna.

Pour se défaire d'une telle escadre ennemie, l'amiral Ouschakoff démontrera la possibilité après son dernier combat naval, si la paix survenue dans le même instant ne lui eut pas fait manquer l'objet.

S'étant rendu maître de Varna le corps entrera en quartier d'hiver dans la Bulgarie, proche des montagnes du Balkan, déployant l'aile droite vers Schoumla pour ouvrir le plus tôt possible la campagne suivante.

La mesure du temps est pour la guerre une règle générale: aussitôt qu'il manquerait pour le projet sur Varna, il faudra le remettre pour la suite.

Je répète ici que cette opération n'est fondée que sur l'ouverture de la campagne aux premiers jours des fourrages verts du printemps; que les forteresses, excepté Brahilov, sont hors d'état de soutenir un siège et que les Turcs, jusqu'à ce qu'elles ne soient envahies, n'y porteront aucun autre obstacle, comme aussi à notre flotte à rames dans le Danube. Il serait surtout essentiel que nous les puissions prévenir aux postes de Sunnia et de Kaptchadal, points des plus essentiels pour nos opérations de la flotte. Quand les Turcs auront le temps de s'y fortifier eux-mêmes selon leurs projets, nous y trouverons les mêmes inconvénients que nous leur préparerons.

Nos émissaires ayant été sur les différentes places viennent de retourner dans cet intervalle et livrent les informations ci-jointes.

Changement d'opération.

Ismaïl, nullement démantelé de notre part à la fin de la dernière guerre, vient d'être rendu beaucoup plus formidable qu'il ne l'avait été, et quoique nos émissaires nous rapportent

qu'il n'y a pas tant de canons, il n'est pas à douter qu'ils ne soient pas en grand nombre; y risquer un assaut, serait gigantesque. Palanque, Kilia, Bender, Ackermann et les embouchures du Danube étant en notre pouvoir, et la flotte à rames s'étant rendue maître de Toultcha et d'Isaktchâ, on en formera le siège qui pourra durer 31 jours. Et avant de l'avoir entrepris, un gros détachement des troupes, comme il est dit ci-dessus du corps № 3, qui sera le plus à portée, marchant chemin faisant au rendez-vous général, aura emporté Khotin de vive force. Il n'est pas à croire qu'on laisserait le temps aux Turcs de pousser leur armée jusqu'à Khotin, ni même que cela leur pourrait être utile, comme dans la guerre précédente. Dans l'état actuel des choses ils ont des points plus essentiels et mieux disposés pour ce besoin.

Autres 40 mille hommes entameront le siège de Brahilov. Mais arrivera-t-il qu'à l'ouverture de la campagne, on se trouve dans le cas de commencer les opérations avec beaucoup moins de 100 mille hommes, il sera impossible à se charger d'attaquer les deux forteresses, Brahilov et Ismaïl, ensemble. C'est pourquoi Khotin étant emporté comme il est dit, on se formera, si les circonstances le permettent, en un seul corps, dont le gros s'emparera aussitôt de Bender, Palanka, Ackermann, Kilia—et la flotte à rames ayant percé les embouchures du Danube, en même temps de Toultcha et d'Isaktcha, se fortifiera, comme on en a fait mention, à Kaptchadal et l'occupera en force avec ses troupes de débarquement, comme aussi les embouchures. Après celà ce corps, ayant laissé garnison à Kilia, tous les autres points rasés, se portera sur la forteresse de Brahilov, remettant l'entreprise d'Ismaïl pour la suite.

Comme Brahilov parait être un poste de plus grande conséquence qu'Ismaïl, par la raison qu'en étant une fois maître, on transporte un corps de 15 à 20 mille hommes à Matchin, où il se retranchera en cas de besoin. C'est un pas excellent par lequel on empêche toute communication du haut avec le bas du Danube et surtout avec Ismaïl, à raison des situations impraticables qui se trouvent le long des bords droits du fleuve, entre le canal de Grégoire et la Concefane, de pouvoir manoeu-

vrer ou passer avec des corps simplement de quelques mille hommes et, par conséquent, à plus forte raison, moins encore avec une armée qui, en tout cas doit toujours franchir le pas de Matchin.

En cette opération il faut bien tâcher de prévenir les Turcs qui, une fois après avoir franchi ce pas, ce n'est pas qu'ils marchent sur Ismaïl pour y passer la rivière, puisqu'ils trouveront le poste de Kaptchadal bien gardé par nos troupes de débarquement, fort de 4 à 6.000 hommes, et par le peu de place de la situation coupée de la Schionta, inattaquable avec une force analogue, — mais ils pourront se porter sous Brahilov pour vouloir rendre le siège impraticable, ce que néanmoins ils ne peuvent qu'avec 25 mille hommes en tâchant de s'appuyer sur la forteresse; à l'égard du terrain étroit, qui en cas d'attaque ne saurait pas en entier être protégé qu'avec fort peu de canons de la forteresse dont la prise ne peut pas être trop différée. Après dépêchez vous de battre tout ce qui peut se trouver à Matchin, en passant le Danube sous Brahilov; durant le siège de cette forteresse, détachez un corps volant de 15 mille hommes pour observer la forte garnison d'Ismaïl et le pas de Réni, comme aussi pour couvrir les convois en cas de besoin; sa position sera au delà du Zéret et il pourra passer le Pruth pour combattre des forces analogues à lui sans perdre de temps, et aussitôt revenir sur ses pas pour être à portée de rejoindre les assiègeants. Son commandant ne doit jamais se laisser tromper par certaines démonstrations, quoique presque inconnues aux Turcs, ignorant même l'effet des notres, ou en s'amusant, nous ne faisons que fatiguer les troupes en vain.

Mais venons au véritable objet des Turcs, pour faire lever le siège ou secourir Brahilov. Leur armée passera le Danube plutôt sous Silistrie qu'ailleurs; étant instruit de leurs mouvements à fond, on tirera le corps volant à soi et, laissant ce qu'il faudra pour continuer le siège, on ira à leur rencontre, on les chargera et, les ayant battus, on les poursuivra au possible, pour pouvoir retourner et tranquillement finir le siège. Et si leur armée entreprendrait la même chose aux environs de Réni, on suivra le même principe.

La même conduite doit être toujours observée par nos troupes et, autant qu'il se peut, elles doivent suivre la règle de battre l'ennemi en campagne avant d'entreprendre un siège.

Après la prise de Brahilov et l'éxécution de quelques defaites qui ne pourront manquer, nos troupes se replieront sur Ismaïl pour en former le siège et l'emporter de la manière qu'il est dit ci-dessus. Du reste, on suivra tout ce qui a été remarqué dans les premières observations.

Les troupes, en se repliant sur Ismaïl au nombre susdit de 60.000 hommes, laisseront tout le surplus en Valachie, qui donnera une garnison suffisante à Brahilov; ce corps intérieur doit être aussitôt augmenté jusqu'à 10 mille hommes et, en attendant que le premier corps actif s'occupera au siège d'Ismaïl, il doit en même temps agir sur Giurgievo et Roustchouk, comme il est ci-dessus mentionné, éclaircissant les deux bords du haut Danube, en comblant, démantelant et rasant tout ce qui se trouvera des fortifications turques, pour n'être pas obligé de tenir nulle part des garnisons ou postes fixes, et autant qu'il peut, si dès le commencement il ne serait pas pourvu de ce nombre. Après la prise d'Ismaïl, il faudra prévoir au juste par le calcul du temps, si l'arrière-saison le permettra, au corps actif de pousser jusqu'à Varna; si non, ces deux corps seront répartis en quartiers d'hiver dans les deux principautés et l'opération sur Varna sera remise au premier fourrage vert du printemps suivant.

Mais d'abord que le corps actif, passant le Danube, pénètre tant soit peu dans la Bulgarie, il faut absolument que le corps intérieur soit fort de 40 mille hommes pour dominer toute l'étendue, ne courir point de risques par sa faiblesse, comme aussi pour pouvoir soigner et couvrir le convoi; il tiendra garnison, comme il a été dit, à Brahilov et Kilia. Un fort détachement à Kaptchadal occupera suffisamment Sunnia (le guirlo de Kilia aussi nommé Volkova) et en cas de besoin l'issue du canal St. George. Aussi répétons nous que ce n'est pas une remise pour l'opération sur Varna: elle doit s'effectuer dès la première, si, comme il est dit dans des observations précédentes, elle commencera de fort bonne heure, mais

retarderait-elle, ou serait-elle empêchée par de grands obstacles, on aura raison de la remettre au printemps qui suit, quoique malgrè soi; par ces délais des marches on perdra quelque chose au dessus d'un mois. Après la prise de Varna que Dieu prospère, mettez vous aussitôt en mouvement pour franchir le Balkan.

Seconde campagne.

La maison d'Autriche, si elle reste aussi embarassée avec le nouveau gouvernement français, comme elle l'est actuellement, ne voudra pas ou ne sera pas en état de rompre avec les Turcs, et on ne prévoit aucune éspérance sur les Vénitiens.

Si l'on jugerait bon, ou que les circonstances le permettent, que notre flotte de la Baltique passe à l'Archipel, nonobstant sa prépondérance qu'elle y acquerrait, elle ne pourra que profiter des Grecs insulaires pour le service des corsaires et armateurs, sans faire soulever ceux qui sont sur terre ferme, jusqu'à ce que nos troupes soient au-delà du Balkan. Alors ils seront bons pour les diversions, étant armés à leur manière.

On ne peut pas beaucoup compter sur les braves Montenégrins qui, faibles par leur nombre, défendent leurs foyers et ne feront que de faibles irruptions.

Mahmoud de Scutari, qui jusqu'à présent n'était jaloux que de son indépendance, pourrait être employé, si on le gagne par l'ambition des conquêtes.

Ali-Pacha de l'Epire qui nourrit un germe de mécontentement contre la Porte, serait le meilleur pour être provoqué à la révolte. Il est réputé dans son pays et il a beaucoup d'adhérents.

Durant la guerre précédente le général Podgoretchani se proposa pour lever les Paulianis dans la Bulgarie au delà du Danube,—une douzaine de régiments de cette nation; il n'en fut rien; on pourrait suivre ce principe en partie, mais il faut les armer, en quoi ils manquent d'eux-mêmes.

Au commencement de la dernière guerre, les Bulgares d'outre le Balkan et de la Roumélie envoyèrent des députés à

S-t. Pétersbourg. Cet objet est éclairci par la note ci-jointe, lettre H. Ils sont nombreux. Le défaut est qu'ils ne sont pas comme les Grecs accoutumés à leurs propres armes; ils n'en ont pas. Il faudra donc les armer suivant la meilleure convenance: alors il serait mieux qu'ils agissent d'un autre côté et subsistent d'eux-mêmes pour faire aux Turcs des diversions conséquentes. S'il s'en trouvait un grand nombre dans nos troupes, ils seraient plutôt à charge et les absorberaient.

Tout ce dont on parle, doit être arrangé et prêt pas plutôt qu'aqrès le passage de nos troupes au-delà du Balkan.

De même alors, on prêtera les moyens de soulever autant de Grecs, que l'on pourra dans les differentes parties de leur pays qui ne manque ni d'ambitieux, ni de mécontents;— ils ont leurs propres armes.

Pour passer les monts Balkans il y a 3 routes. La première à la droite, seulement passable à cheval: de Schoumla à Dragoy-kioy 20 verstes, de là à Tchali-kavak 20 verstes, à Dobraly 20 verstes, à Karnabat 20 verstes, à Kalderossan 40 verstes, à Faky 40 verstes, à Kanara 25 verstes; en tout 185 verstes.

La seconde route, celle du milieu, que les courriers passent ordinairement, seulement passable à cheval. De Schoumla sur le chemin de Varna jusqu'à Pravody 60 verstes, à Aydos 30 verstes, à Karabounar 35 verstes, à Faky 25 verstes, en tout 150 verstes.

La troisième route à la gauche, la seule praticable pour les troupes et les *embarras*. C'est celle de Bazardjik à Varna; elle se partage encore en deux chemins également praticables, savoir: le premier de Kozlitza (60 verstes au-delà de Bazardjik et à 40 verstes, de Pravody) à Koutchouk Balkan 100 verstes, à Tchorban 40 verstes, à Kanara 25 verstes; en tout 165 verstes. Le second se tient vers la gauche sur Varna même: de Kozlitza à Varna 95 verstes, de Varna à Koutchouk Balkan 60 verstes, à Tchorban 40 verstes, à Kanara 25 verstes; en tout 220 verstes et de Varna 125 verstes.

La Bulgarie au-delà du Danube est un pays abondant en grains et fourrages; lorsqu'on tiendra bonne discipline dans les troupes, ce pays fertile pourra soulager leur subsistance

en tout temps. Mais au-delà du Balkan, on ne trouvera pas du seigle. C'est pourquoi il sera essentiel, que l'on accoutume peu à peu le soldat au froment à plus grande portion.

Etant maître de Varna dans la première campagne, on a l'ouverture de la suivante; les troupes franchiront le Balkan, se mettant au dessus de tous les obstacles et combattant tout ce qui se présentera. Il faut nécessairement que nos flottes aient en mer une prépondérance décidée sur celle de l'ennemi, agissant de concert avec nos troupes de terre; sous la protection de la flotte à voiles, l'autre aura soin du transport des munitions et des vivres pour obvier aux difficultés des transports par terre.

Il faut un très grand magasin à Varna.

On érigera ensuite de même un magasin à Derkos, ou autre point de 20 à 25 verstes de l'embouchure du canal de Constantinoples. Dans le temps que les troupes s'ébranleront sur cette capitale, on doit se rendre maître de vive force de ce coint par la flotte à rames.

Au-delà du Balkan, du point de Kanara, il y a deux chemins à Constantinople: à la droite par Adrianople faisant 50 verstes, à Araba-bourgos 50 v., à Karastipak 20 v., à Tchorlou 30 v., à Knikli 25 v., à Silivria 25 v., à Pivatay 15 v., à Boujouk-Tchekmédjé 20 v., à Koutchouk-Tchekmédjé 15 v., à Constantinople 15 v.; donc en tout du point de Kanara à Constantinople par la route d'Adrianople 265 v. Par l'autre chemin de la gauche, du point de Kanara à Kirkilessi 35 v., à Araba-bourgos 40 v., à Karas 20 v., à Tchorlou 30 v., à Knikli 25 v., à Silivria 35 v., à Pivatay 15 v., à Boujouk-Tchekmédjé 20 v., à Koutchouk-Tchekmédjé 15 v., à Constantinople 15 v.; en tout du point de Kanara le chemin à la gauche jusqu'à Constantinople 250 verstes.

Passé les montagnes, il est probable que nous rencontrerons une puissante armée de Turcs, c'est pourquoi toute la marche doit être bien mesurée, et en se hâtant lentement et avec circonspection,—que tout le corps débouche promptement vers le pied occidental du Balkan; aussitôt arrivé, on battra les infidèles au possible.

Si la saison le pourra permettre rmonterait

tous les obstacles, il faudra finir avec Constantinople même avec cette seconde campagne, en tâchant de ne rien remettre à la troisième. Le délai engendre des difficultés, mais obligés par les circonstances de remettre le grand coup à la troisième campagne, on prendra les quartiers d'hiver le long du pied occidental du Balkan, entre les bords de la Mer Noire et Adrianople, aussi serrés que possible; nos flottes se rendront maîtres de Bourgas et Sizebolis et y hiverneront.

Observez rigoureusement le principe à frapper de grands coups aux armées turques pour les affaiblir au possible, et ne jetez vous point sur la capitale avec le risque de Jules César à Alesia; les différents combats pourraient vous couter plus de temps, mais il ne sera pas perdu.

Expédition sur Constantinople.

Il est dit que nos flottes dès le commencement de la guerre, doivent se procurer la prépondérance sur la Mer Noire, en battant celles des ennemis autant de fois qu'elles se présenteront; à force que les troupes de terre s'avancent vers la capitale, nos flottes éclaireront les côtes en prenant possession des places considérables qui se trouvent encore entre Varna et l'embouchure du canal de Constantinople; telles sont Messembrie, Bourgas, Sizebolis, et s'attacheront à un point convenable le plus près possible de l'embouchure du canal de Constantinople, pour la formation de nouveax magasins, du débarquement de nouvelles munitions de guerre, du supplément de l'artillerie de siège que la longueur et les difficultés des chemins n'auront pas permis de traîner en entier à la guerre, de nos troupes de terre, de même que des affûtages de remonte et des autres machines nécéssaires pour l'entreprise projetée. S'il n'y a pas de point plus proche de l'embouchure du canal, propre au besoin, on se tiendra à Derkos. Les bâtiments de transport suivront de près notre flotte à rames et fourniront ce dernier magasin du nécéssaire par de nouveaux voyages et une communication non interrompue avec les magasins de Varna, qui seront soutenus par nos établissements sur le Dniéster et le Dniéper.

Il est en attendant plus que probable que les débris des armées défaites par nos troupes, chemin faissant se soient rassemblés et formés sous les murs de Constantinople, ou autre poste favorable dans ses environs (ceux qui connaissent le local parlent d'une position favorable entre la ville et la pointe de Domus-déré sur la Mer Noire pour soutenir et la capitale et les embouchures du canal sans se partager), et renforcés par de nouvelles troupes de l'Asie, d'où le chemin reste toujours ouvert. La première tâche de nos troupes sera d'exterminer au possible cette nouvelle Hydre. Avant l'entreprise de ce dernier coup, ce sera alors le temps d'attirer à soi les chrétiens soulevés en Grèce, en Bulgarie, en Roumélie et d'en choisir des corps d'élite en état d'agir de concert avec nos troupes de terre. Ce combat décisif déterminé, nos deux flottes approcheront le canal de Constantinople. Il paraît sûr qu'une grande partie de la marine turque se trouve postée dans l'embouchure du canal, entre les Dardanelles de Karaptché et de Porias, ouvrages qui présentent des points d'appui très essentiels à cette position. C'est pourquoi ces points doivent être emportés d'emblée en premier lieu, et surtout le château de Karaptché, comme le plus essentiel et dont la prise doit suivre immédiatement après la bataille ci-dessus mentionnée.

Du côté de l'Asie le château de Porias doit être emporté par nos troupes de descente de nos flottes, qui seront formées au moment qu'elles commencent à appareiller. Il s'entend que cela soit vers l'aube du jour; on doit pouvoir compter sur 10 à 11 mille hommes qui formeront cette descente, étant à peu près le nombre des troupes de débarquement qui doit être attaché à la flotte à rames, savoir 5 à 6.000 hommes de troupes régulières et environ 5.000 cosaques de la Mer Noire. Tandis que pendant la nuit, l'expédition sur les châteaux Karaptché et Porias se fera, les flottes tâcheront de faire jouer leurs brûlots contre la flotte ennemie: la théorie du courant fort en cette gorge nous promet quelques succès brillants. Ces objets remplis, nos flottes, secondées par les ouvrages ennemis en possession des nôtres, entameront celle des Turcs qui ne tarderont point de succomber par l'effet de ces combinaisons. L'embouchure du canal franchie, elles ne

poursuivront leurs approches qu'à pas lents, pour ne pas tomber dans les pièges des autres batteries de terre dont les côtes de l'intérieur du canal sont garnies, avant que nos troupes de terre s'en soient rendues maîtres; ces points le long du bord qui peuvent faire le plus de mal, sont du côté de l'Europe: après le château de Karaptché les batteries de Karadenis et Roumélie-Hissar, Thérapia, Jenikeni; du côté de l'Asie: après Porias et la batterie à fleur d'Eau de Fôt, le château d'Anatolie-Hissar et les batteries de la Montagne des Géants. Ce sera tout en éclairant les bords du canal par nos troupes de terre et de descente qui se saisiront des dits différents points, nos flottes trouveront de la facilité de s'approcher à la ville jusqu'à la pointe d'Ortakeni pour éviter de s'exposer trop tôt aux batteries formidables à fleur d'Eau du Sérail et avant que les dernières dispositions soient arrangées pour porter le dernier et grand coup au monstre qui a tyrannisé depuis plus de 3 siècles l'Europe entière.

Si notre flotte de la Baltique pourrait être de l'opération elle tâchera de franchir le pas des Dardanelles du Bosphore de Thrace, en entrant dans la mer de Marmara; on pourrait commencer l'entreprise sur la ville même par un blocus pour tâcher de la réduire par famine.

Si alors on s'apercevrait que les habitants de la ville chercheraient à passer le Bosphore pour se retirer en Anatolie, ou leur bâtira un pont d'or.

S'ils s'acharnent à la défense, il faut dès ce moment frapper le grand coup et venir à l'escalade.

Cette circonstance peut devenir dangereuse pour nos troupes à l'égard de la peste qui est pour ainsi dire permanente pour quelques endroits de la ville, et le soldat furieux après l'assaut ne manquera pas d'aller au butin. C'est pourquoi, se voyant réduits à cet extrême, il faudra disposer à retenir le soldat sous les murailles prises et se retrancher, foudroyant les habitants avec nos canons et par ce moyen tâcher d'obliger les Turcs à la capitulation sous les articles favorables à ceux qui voudraient se retirer en Asie avec leurs biens-meubles, excepté les métaux qui cependant pourraient être rachetables par une forte contribution. Mais si les habitants continueront

à se défendre par déséspoir, on mettra la ville en cendres, ayant auparavant rasé les maisons les plus proches de la muraille et de nos postes. Cette scène, si elle ne s'effectuera à la fois, se fera en partie, en s'avançant sur les décombres et en passant tout ce qui s'oppose au fil de l'épée jusqu'au Sérail et les Sept-Tours etc., que l'on assiégera ou finira par un assaut.

Le cas de brûler la ville auquel on pourrait être contraint, serait quant à l'appréhension de la peste, pourrait arriver de mieux; de cette façon les bâtiments empestés radicalement exterminés, on y bâtira une nouvelle ville plus régulière.

Mais un assaut général ne s'effectuera sur la ville qu'à la dernière extrémité.

Les habitants chrétiens de différents cultes qui durant ce temps rechercheront la protection seront reçus, ainsi que les juifs.

A Constantinople, outre la forte garnison qui pourrait s'y trouver, assemblée des débris des armées défaites et des nouveaux renforts qui peuvent arriver de l'Asie, on peut compter 500 mille âmes de mahométans, parmi lesquels 100 à 120 mille qui pourraient porter les armes. Chrétiens-Grecs,— 25 mille; habitants arméniens—15 mille; francs—6 mille. A cela il faut ajouter en aventuriers de toutes les nations comme Tartares, Georgiens, Valaques, Serbes, Archipelagiens, Grecs-matelots—jusqu'à 120 mille en état de prendre les armes; ces chrétiens en plus grande partie seront pour nous, mais ils manquent d'armes, si quelques uns n'en ont point de cachées; dans un assaut général ils pourraient être de service. De juifs il y a 20 mille, qui ne sont bons que pour eux.

Quoiqu'on se fonde ici sur 2 ou 3 campagnes, il faudra toujours des préparatifs pour presque le double; la prévoyance exigera de nous à plus forte raison de suivre le principe que tous les conquérants depuis Alexandre jusqu'à Tamerlan ont suivi, que nous nous trouverons extrêmement éloignés des moyens. La justesse du calcul appartient à la Providence seule.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

КЪ ГЛАВѢ XIV.

Приказъ генералъ-аншефа графа Суворова-Рымникскаго о сохраненіи здоровья, 31 марта 1794 года, въ Крыму.

(Изъ книги Глинки „Жизнь Суворова", изд. 1819 года; свѣрено со случайно попавшеюся рукописью).

Здоровье. Драгоцѣнность блюденія онаго въ естественныхъ правилахъ. Питье — квасъ; для него двойная посуда; чтобъ не было молодого и перекислаго; коли-жъ вода, то здоровая и нѣсколько приправленная. Ѣда: котлы вылуженные, припасы здоровые, хлѣбъ выпеченный, пища доварная, не переварная, не отстоянная, не подогрѣтая, горячая; и для того, кто къ кашѣ не поспѣлъ, — лишонъ ея, на тотъ разъ воздухъ. Въ теплое время отдыхать подъ тѣнью, безъ облѣненія; ночью въ палаткахъ укрываться, въ холодную же ночь отнюдь бы въ нихъ сквозной вѣтеръ не былъ. Чрезъ ротныхъ фельдшеровъ довольный запасъ въ артеляхъ лекарственныхъ травъ. Сіе подробнѣе и для лазаретовъ описано въ примѣчаніяхъ искуснаго штабъ-лекаря Бѣлопольскаго.

Работы. Отъ инженеровъ уроки умѣренные, утренній и вечерній; оба вмѣстѣ соединять — каждому запретить. Наступленіе и исходъ жара въ Крыму описаны въ приложенной таблицѣ помѣсячно. Наистрожайше воспрещается во время и малѣйшаго жара отнюдь никого ни въ какую работу не употреблять, подъ неупустительнымъ взысканіемъ, развѣ когда случится прохладный день; а для успѣха, коли необходимо, лучше на-

чинать работу прежде разсвѣта и вечерній урокъ кончить хотя къ ночи; но не мѣшаетъ прибавить хотя нѣчто ночи, особливо свѣтлой, токмо то уже въ большой нуждѣ. Какъ скоро работа окончена, то на завтракъ нужно тотчасъ къ горячимъ кашамъ, какъ то и послѣ развода. Лагерныхъ мѣстъ имѣть до трехъ въ близости и понедѣльно ихъ перемѣнять, содержа чистоту внутри и около ихъ. Впрочемъ нижнимъ чинамъ соблюдать крайнюю чистоту и опрятность въ бѣльѣ, платьѣ и обуви; мыть лицо, руки и ротъ, ходить въ баню, а особливо купаться.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

КЪ ГЛАВѢ XIV.

ПРАВИЛА МЕДИЦИНСКИМЪ ЧИНАМЪ,

по приказанію генералъ-аншефа графа Суворова-Рымникскаго разосланныя по подвѣдомственнымъ ему войскамъ 8 августа 1793 года.

(По двумъ взаимно-свѣреннымъ документамъ: а) московскаго архива главнаго штаба, опись 196, связка 42, и б) государственнаго архива, XX, 339).

---

1. Имѣть всѣмъ непремѣнно предписанія его сіятельства г. генералъ-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера графа А. В. Суворова Рымникскаго и по онымъ чинить точныя выполненія, отдѣливши отъ здоровыхъ — больныхъ, слабыхъ, хворыхъ и льготныхъ, всѣхъ особо.

2. Причины умножающихся болѣзней вѣдать непремѣнно, а выискивать оныя не въ лазаретахъ между больными, но между здоровыми въ полкахъ, батальонахъ, ротахъ, корпоральствахъ и разныхъ отдѣльныхъ командахъ, изслѣдовавъ ихъ пищу, питье, строеніе казармъ и землянокъ, время ихъ построенія, пространство и тѣсноту, чистоту, поварную посуду, все содержаніе, разныя изнуренія. О чемъ вамъ доносить полковому или другому командиру, а въ другой разъ уже въ главное дежурство.

3. Стараться, чтобы домашними простыми лекарствами запасены были всѣ артели, которыя и описаны въ предписаніяхъ его сіятельства, да еще и сверхъ оныхъ, гдѣ можно, имѣть корку молодой ракиты на мѣсто хины, дрокъ-траву,

цвѣты донничные, водоперечникъ татарскій (hydropiper tartaricum), корень чистотѣла, омана (radix helenii), корень мыльной травы, шандру, дикую мяту, корень ирный и другіе.

4. Приводимыхъ съ маловажными, ничего не значущими болѣзнями, какъ-то малыми вередами, малыми цинготными ранами и пятнами, давъ имъ пластырь или другое лекарство, обратно отправлять въ команды, не взирая ни на какія противъ сего роптанія, ибо малая болѣзнь отъ облѣненія въ лазаретѣ превращается въ ужасную, иногда самую смертоносную. Другимъ, по разсмотрѣнію, назначать на два-три дня роздыхъ, приказавъ имъ каждый день приходить въ лазаретъ за лекарствомъ. Лѣнивцевъ выписывать изъ числа больныхъ насильно и доносить о ихъ притворствѣ начальству. Лихорадки изслѣдовать въ пароксизмахъ; падучею болѣзнію одержимыхъ изыскивать точность, не употребляя на сіе давнихъ мучительныхъ способовъ, но только насыпать въ носъ немного вшиваго порошка (semen sabadillae), или невзначай облить холодною водой; то имѣющій точно сію болѣзнь, отъ порошка чихать не станетъ, а отъ облитія водою не вскочитъ; въ противномъ же случаѣ онъ чихаетъ и вскакиваетъ.

5. Днѣстровская вода хотя и не совершенной доброты, однако и не такъ худа, какъ съ перваго взгляда кажется; ибо она всегда быстрое теченіе имѣетъ; весь же происходящій отъ оной вредъ состоитъ въ мутности иловатой, которая садится на желудокъ тяжело и производитъ разныя болѣзни. Почему и нужно отстаивать оную въ чанахъ съ чопомъ, на 7 вершковъ сдѣланнымъ, по опыту г. полковника и кавалера Маркова. Въ сіи чаны воду вливать въ вечеру, которая черезъ ночь совершенно отстаивается и по утру на варенье и питье годною становится. Но въ питье оную употреблять только въ случаѣ нужды и во время похода, размочивъ еще въ ней хлѣбъ или сухари; въ другое же время нуженъ хорошій квасъ во всѣхъ артеляхъ и въ лазаретѣ.

6. Здоровымъ рыбу днѣстровскую употреблять въ пищу безъ всякаго сомнѣнія, но только чтобъ она была свѣжая, либо приколотая, присоленая и хорошо уваренная.

7. Цынготная болѣзнь въ сей странѣ болѣе всего опасною оказалась и беретъ на себя маски разныхъ другихъ бо-

лѣзней, которую лечить наиболѣе чистотою, соблюдаемою во всемъ, благовременнымъ истребленіемъ всѣхъ причинъ оную производящихъ, которыя усилившись, дѣлаются иногда наконецъ непреоборимыми; свѣжею кислою пищею и питьемъ, съ движеніемъ; иногда перемѣною лагернаго мѣста и ежедневнымъ купаньемъ въ быстротекущей рѣкѣ; пространнымъ расположеніемъ всѣхъ здоровыхъ, больныхъ, слабыхъ, хворыхъ, льготныхъ,—всѣхъ особо; потомъ кислою капустой, хрѣномъ, катраномъ, горчицею, водянымъ трилистникомъ, дикою жерухою (erysimum), табакомъ, полынемъ, кровавикомъ, холодными ваннами, уксусомъ, которымъ смѣшавши съ водою тереть и ротъ полоскать; дегтянымъ квасомъ съ водою, водою напоенною постояннымъ воздухомъ (aqua aëris fixi) и лимонами по возможности; курить казармы смолою и стружками дегтяныхъ бочекъ. Купанье въ морской водѣ, гдѣ можно, исцѣляетъ отъ цынги и чесотки; гуща квасная изъ муки въ сихъ болѣзняхъ весьма полезна. Лихорадки лечить, кромѣ слабительныхъ, рвотныхъ, горькихъ, соленыхъ, наконецъ крѣпительныхъ лекарствъ,—наипаче воздержаніемъ отъ пищи и питья и употребленіемъ сначала распущенной въ водѣ сибирской соли съ сурмянымъ тартаромъ, положа онаго на пріемъ четверть доли грана, не для рвоты, но для разжиженія густой желчноклейной лихорадочной матеріи. На другія болѣзни данныя отъ меня формулы Полоцкаго пѣхотнаго полку г. лекарю Таницкому,—всѣмъ списать и оныя въ пользу больныхъ, по разсмотрѣнію причинъ, времени, сложенія, степеней болѣзней, лѣтъ больного,—употреблять. Суклея, 7 іюня 1793 года.

Подписалъ штабъ-лекарь Ефимъ Бѣлопольскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

КЪ ГЛАВѢ XIV.

Наставленіе генералъ-аншефа графа Суворова-Рымникскаго крестнику Александру Карачаю, въ 1793 году.

(Изъ книги Левшина „Собраніе писемъ и анекдотовъ о Суворовѣ", изд. 1814 года).

Mon cher fils Alexandre.

Comme homme militaire, étudiez bien un Vauban, un Coughorn, un Curas, un Hübner, un peu de théologie, de physique et de morale; lisez bien Eugène, Turenne, les commentaires de César, Frédéric II, les premiers tomes de Rollin avec suite et C. de Saxe; les langues sont pour la littérature; dansez, montez et tournez un peu des armes. Les vertus militaires sont: bravoure au soldat, courage à l'officier, valeur au général, mais guidées par les principes d'ordre et discipline, dominées par la vigilance et la prévoyance. Soyez franc avec vos amis, temperé dans votre nécessaire et désintéressé dans votre conduite; portez un zèle ardent pour le service de votre Souverain, aimez la vraie gloire, distinguez l'ambition de la fierté et de l'orgueil, apprenez de bonne heure à pardonner les fautes d'autrui, et ne vous pardonnez jamais les vôtres; exercez bien vos soldats, et donnez leur exemple par vous même. L'étude permanente du coup d'oeil seul vous rendra grand général. Sachez profiter des situations locales; soyez patient dans les travaux militaires, ne vous

laissez pas abattre par les revers; prévenez des objets vrais, doutes et faux; ne vous laissez pas surprendre par une fougue déplacée. Conservez dans votre mémoire les noms des grands hommes, et suivez les dans vos marches et vos opérations avec prudence: ne méprisez jamais votre ennemi quel qu'il soit, et connaissez bien ses armes, sa manière de s'en servir et de combattre; sachez ses forces et ses faiblesses. Habituez vous à une activité infatigable, gouvernez la fortune, c'est le moment qui donne la victoire; maîtrisez le par la célerité de César, qui savait si bien surprendre ses ennemis, même en plein jour, les tourner et les attaquer aux endroits où il voulait et à quel temps, sans y laisser obliger leur couper les vivres et les fourrages, et étudiez l'art de ne faire jamais manquer de subsistance à vos troupes. Que Dieu vous élève à l'héroïsme de célèbre Karatschay.

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

КЪ ГЛАВѢ XXII.

НАУКА ПОБѢЖДАТЬ.

(дѣятельное военное искуство).

Генералъ-фельдмаршала графа А. В. Суворова-Рымникскаго, въ редакціи 1796 года.

(Изъ книги В. Левшина 1811 года „Собраніе писемъ и анекдотовъ“ и изъ брошюры 1805 года „Наука побѣждать“, Антоновскаго).

---

1. Вахтъ-парадъ.

Отъ онаго главное вліяніе обученіевъ.

Исправься, бей сборъ, ученье будетъ. Пріемы и повороты по командѣ, по флигельману, по барабану.

Пальба будетъ, заряжай ружье. Плутонгами, полудивизьонами, дивизьонами. При заряжаніи, приклада на землю отнюдь не ставить: отскакиваетъ шомполъ,—пуля не крѣпко прибита. Наблюдать косой рядъ; прикладъ крѣпко упереть въ сгибъ праваго плеча, стволъ бросить на лѣвую ладонь,—пуля бьетъ въ полчеловѣка. Примѣрно можно и съ порохомъ.

Ружья чистить между часовъ; выстрѣлить отъ одного до двухъ патроновъ.

Наступными плутонгами, начинай! Отбоя нѣтъ, сигналъ барабана—походъ, выстрѣлить отъ одного до двухъ патроновъ.

Атакуй первую непріятельскую линію, въ штыки, ура! Взводные командиры—колй, колй, рядовые—ура—громогласно. Краткій отбой.

Непріятельская кавалерія скачетъ на выручку къ своей пѣхотѣ, атакуй, ура! Здѣсь держать штыкъ въ брюхо человѣку, — случится, что попадетъ штыкъ въ морду, въ шею, особливо въ грудь лошади. Краткій отбой.

Атакуй вторую непріятельскую линію (или резервы), атакуй! Отбой; симъ кончится.

Третья—сквозная атака. Линія равняется вмигъ—впередъ; никто не смѣетъ пятиться назадъ ни четверти шага.

Ступай, по взводно, полудивизьонами или дивизьонами. На походѣ плутонги вздваиваютъ въ полудивизьоны, или сіи ломаются на плутонги.

Солдатскій шагъ аршинъ, въ захожденіи полтора шага. Начинаетъ барабанъ, бьетъ свои три колѣна; его смѣняетъ музыка, играетъ полный походъ; паки барабанъ, — и такъ смѣняются между собою. Бить и играть скорѣе, отъ того скорѣе шагъ.

Интервалы между взводовъ весьма соблюдать, дабы пришедъ на прежнее мѣсто, при командѣ стой, всѣ взводы вдругъ стояли и заходили въ линію.

Вторая (или первая) половина линіи по рядамъ на лѣво (или на право), ступай на атаку, ступай! У сего барабанъ фельдмаршъ. Заходитъ противъ части, на мѣстѣ стоящей, изъ картечнаго выстрѣла вонъ.

Ступай! Походъ во всѣ барабаны. На 80 саженяхъ отъ противничья фронта бѣжать впередъ отъ 10 до 15 шаговъ чрезъ картечную черту полевой артиллеріи, на 60 саженяхъ тожъ чрезъ картечную черту полковой артиллеріи, а на 60 шагахъ чрезъ вѣрную черту пуль.

Ступай, ступай, въ штыки, ура! Противная линія встрѣчаетъ пальбою на сей послѣдней дистанціи, а на 30 шагахъ ударитъ сама въ штыки. Съ обѣихъ сторонъ сквозная атака.

Равно сему другая линейная атака,—обѣ части на прежнихъ мѣстахъ. Тако-жъ отдѣльная часть заходитъ колонною, для деплояды фронта, ежели есть мѣсто; обѣ части дѣлаютъ колонны, по числу людей въ разводѣ, одну или двѣ.

Атака будетъ колоннами, ступай! Барабанъ бьетъ походъ на 60 шаговъ однихъ отъ другихъ.

Ступай, ступай, атакуй въ штыки, ура! Мушкетъ

въ правой рукѣ на перевѣсѣ; колонны между собой насквозь быстро (проходятъ и) примѣрно колятъ.

Колонны, строй каре. Здѣсь строятъ каре на мѣстѣ.

Стрѣлки, стрѣляй въ ранжирѣ. Стрѣлки бьютъ наѣздниковъ и набѣгающихъ непріятелей, а особливо чиновниковъ.

Плутонгами начинай. Плутонги палятъ въ ихъ толпы; пальба должна быть краткая, ибо тутъ дѣло больше картечь.

Ступай, ступай, атакуй въ штыки, ура! Бросаются колоть, что представляется сквозною карейною атакой.

Стрѣлки впередъ, докалывай, дострѣливай, бери въ полонъ. На оставшихъ басурманъ между кареевъ.

Стрѣлки, въ свои мѣста. Барабанъ—краткій сборъ.

Кареи, строй колонны. Исполненіе тожъ, какъ выше о колоннахъ.

Колонны, строй кареи; ступай, ступай, атакуй въ штыки, ура! Здѣсь безъ пальбы, атака же прежняя.

Кареи, строй линейный фронтъ. А заходящей части, по разсмотрѣніи, вмѣсто линіи въ колонну, или по четыре (ряда). Команда оной: по рядамъ (или по четыре) на право (или на лѣво).

Ступай на прежнее мѣсто; строй фронтъ. Барабанъ—фельдмаршъ.

Примѣчаніе. Сіи основательные маневры, марши и эволюціи равны въ батальонныхъ, полковыхъ и корпусныхъ экзерциціяхъ.

Начальникъ можетъ требовать: батальнаго огня. Исправный прикладъ правитъ пальбою; здѣсь онъ разстраивается по неминуемой торопливости, но во взводной пальбѣ онъ видѣнъ. Одиночка пальбы на баталіи выйдетъ сама собою; для сбереженія пули тутъ на каждомъ выстрѣлѣ всякій своего противника долженъ цѣлить, чтобъ его убить.

Залпа. Въ разводѣ, коли съ пальбою, для очищенія ружей; въ иномъ строю только для исправности приклада. Противъ непріятеля не годится; оный можетъ сколоть и порубить, пока опять заряжаютъ.

Настунныхъ плутонговъ. Оные только для движенія, но противъ непріятеля сія ломаная линія не годится, ибо онъ ее, особливо кавалеріею и малою, изрубить можетъ.

Отступныхъ плутонговъ. Лучше объ оныхъ и не помышлять; вліяніе ихъ солдату весьма опасно, а потому и не о какихъ ретирадахъ въ пѣхотѣ и кавалеріи не мыслить.

Послѣ сего ученья, штабъ-офицеръ того полку, чей вахтъ-парадъ, командуетъ подъ-курокъ и начинаетъ въ присутствіи всего генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ говорить къ солдатамъ наизусть слѣдующее.

2. Словесное поученіе солдатамъ.

Каблуки сомкнуты, подколѣнки стануты; солдатъ стоитъ стрѣлкой: четвертаго вижу, пятаго не вижу.

Военный шагъ аршинъ, въ захожденіи полтора аршина; береги интервалы.

Солдатъ во фронтѣ, на шагу, строится по локтю; щеренга отъ шеренги три шага, въ маршѣ два; барабаны не мѣшай.

Береги пулю на три дня, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стрѣляй рѣдко да мѣтко; штыкомъ коли́ крѣпко; пуля обмишулится, штыкъ не обмишулится; пуля дура, штыкъ молодецъ.

Коли́ одинъ разъ,—бросай басурмана со штыка; мертвъ на штыкѣ, царапаетъ саблею шею. Сабля на шею,—отскокни шагъ, ударь опять, коли́ другого, коли́ третьяго; богатырь заколетъ полдюжины, а я видалъ и больше. Береги пулю въ дулѣ; трое наскочатъ, — перваго заколи, второго застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ.

Въ атакѣ не задерживай.

Для пальбы стрѣляй сильно въ мишень; на человѣка пуль 20 свинцу, изъ экономіи: не много стоитъ. Мы стрѣляемъ цѣльно,—у насъ пропадаетъ тридцатая пуля, а въ полевой и полковой артиллеріи развѣ меньше десятаго заряда.

Фитиль на картечь,—бросься на картечь: летитъ сверхъ головы; пушки твои, люди твои,—вали на мѣстѣ, гони, коли́, остальнымъ давай пощаду; грѣхъ напрасно убивать, они такіе-жъ люди.

Умирай за домъ Богородицы, за Матушку, за пресвѣтлѣйшій домъ: церковь (за тебя) Бога молитъ. Кто остался живъ, тому честь и слава.

Обывателя не обижай: онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ не разбойникъ. Святая добычь: возьми лагерь,—все ваше; возьми крѣпость,—все ваше. Въ Измаилѣ, кромѣ иного, дѣлили золото и серебро пригоршнями; такъ и во многихъ мѣстахъ. Безъ приказа отнюдь не ходи на добычь.

Баталія полевая — три атаки. Въ крыло, которое слабѣе. Крѣпкое крыло (если) закрыто лѣсомъ, — это не мудрено, солдатъ проберется; болотомъ тяжелѣе, рѣку безъ моста не перебѣжишь; шанцы (же) всякіе перескочишь. Атака въ средину не выгодна, развѣ конница хорошо рубить будетъ, инако сами сожмутъ. Атака въ тылъ очень хороша, только для небольшого корпуса, а арміею заходить тяжело.

Баталія въ полѣ—линіею противъ регулярныхъ, кареями противъ басурманъ. А можетъ случиться и противъ Турковъ, что пятисотному карею надлежать будетъ прорвать пяти или семитысячную толпу съ помощью фланговыхъ кареевъ; на тотъ случай бросится онъ (каре) колонною, но въ томъ до сего нужды не бывало. Есть безбожные, вѣтренные, сумасбродные Французишки; они воюютъ на Нѣмцевъ и иныхъ колоннами. Если бы намъ случилось противъ нихъ, то надобно намъ ихъ бить колоннами же.

Баталія на окопы—на основаніи полевой: ровъ не глубокъ, валъ не высокъ,—бросся въ ровъ, скачи черезъ валъ, ударь въ штыки, коли, гони, бери въ полонъ. Помни отрѣзывать, (впрочемъ) тутъ подручнѣе конницѣ. Въ Прагѣ отрѣзала пѣхота, да тутъ были тройные, большіе окопы и цѣлая крѣпость; для того атаковали колоннами.

Штурмъ. Ломи чрезъ засѣкъ, бросай плетни чрезъ волчьи ямы, быстро бѣги, прыгай чрезъ палисады, бросай фашины, спускайся въ ровъ, ставь лѣстницы. Стрѣлки очищай колонны, стрѣляй по головамъ. Колонны лети чрезъ стѣны на валъ, скалывай, на валу вытягивай линію, ставь караулъ къ пороховымъ погребамъ, отворяй ворота конницѣ. Непріятель бѣжитъ въ городъ, его пушки обороти по немъ, стрѣляй сильно въ улицы, бомбардируй живо: недосугъ за нимъ ходить. Приказъ — спускайся въ городъ, рѣжь непріятеля на улицахъ, конница руби; въ домы не ходи, бей на площадяхъ, штурмуй гдѣ непріятель засѣлъ, занимай площадь, ставь гауптвахтъ,

разставляй вмигъ пикеты къ воротамъ, погребамъ, магазинамъ. Непріятель сдался—пощада; стѣна занята—на добычь.

Три воинскія искуства. Первое — глазомѣръ: какъ въ лагерѣ стать, какъ идти, гдѣ атаковать, гнать и бить; (также) для занятія мѣстоположенія, примѣрнаго сужденія о силахъ непріятельскихъ, для узнанія его предпріятій.

Второе—быстрота. Походъ: полевой артиллеріи отъ полуверсты до версты впереди, чтобъ спускамъ и подъемамъ не мѣшала; колонна близится, — оная опять выигрываетъ свое мѣсто; подъ гору сошедъ, на равнинѣ на рысяхъ. Походъ по рядамъ или по четыре для тѣсной дороги, улицы, для узкаго моста, для водяныхъ и болотистыхъ мѣстъ, по тропинкамъ, и только когда атаковать непріятеля, то взводами, чтобъ хвостъ сократить. Не останавливайся, гуляй, играй, пой пѣсни, бей въ барабанъ, музыка греми. Десятокъ отломалъ,—первый взводъ снимай вѣтры, ложись; за нимъ второй взводъ, и такъ взводъ за взводомъ; первые заднихъ не жди. Линія въ колоннѣ на походѣ растянется: когда по четыре, то въ полтора раза, а (когда) по рядамъ, (то) вдвое того какъ стояла; стояла на шагу, — идетъ на двухъ; стояла на одной верстѣ,—растянется на двѣ; стояла на двухъ,—растянется на четырехъ: то досталось бы первымъ взводамъ ждать послѣднихъ полчаса по пустому. На первомъ десяткѣ отдыху часъ. Первый взводъ вспрыгнулъ, надѣлъ вѣтры, бѣжитъ впередъ 10—15 шаговъ, а на походѣ, пройдъ узкое мѣсто, на гору или подъ гору,—отъ 15 и до 50 шаговъ. И такъ взводъ за взводомъ, чтобы задніе между тѣмъ отдыхали. Второй десятокъ — отбой: отдыхъ часъ и больше; коли третій переходъ малъ, то оба пополамъ, и тутъ отдыхъ три четверти часа, или полчаса, или и четверть часа, чтобы ребятамъ поспѣть скорѣе къ кашамъ. Это для пѣхоты.

Конница своимъ походомъ впередъ, съ коней долой, отдыхаетъ мало и переходитъ свыше десятка, чтобъ дать конямъ въ лагерѣ выстояться.

Кашеварныя повозки впереди съ палаточными ящиками; братцы пришли, къ кашѣ поспѣли; артельный староста—къ кашамъ! На завтракѣ отдыхъ 4 часа, тожъ самое къ ночлегу отдыхъ 6 часовъ и до 8, какова дорога; а сближаясь къ не-

пріятелю, котлы съ припасомъ сноровлены къ палаточнымъ ящикамъ, дрова запасены на оныхъ.

По сей быстротѣ и люди не устали. Непріятель насъ не чаетъ, считаетъ за 100 верстъ, а коли издалека, то за 200, 300 и больше,—вдругъ мы на него какъ снѣгъ на голову: закружится у него голова. Атакуй съ чѣмъ пришелъ, чѣмъ Богъ послалъ; конница начинай, руби, коли, отрѣзывай, не упускай, ура! — Чудеса творятъ братцы.

Третье — натискъ. Нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ; въ пальбѣ много людей гибнетъ; у непріятеля тѣже руки, да русскаго штыка не знаетъ. Вытяни линію,—тотчасъ атакуй холоднымъ ружьемъ; недосугъ вытягивать линію, — подвигъ изъ закрытаго, изъ тѣснаго мѣста. Коли пѣхота въ штыки, конница тутъ и есть: ущелья на версту нѣтъ; картечь черезъ голову, — пушки твои. Обыкновенно конница врубается прежде, пѣхота за ней бѣжитъ,—только вездѣ строй. Конница должна дѣйствовать всюду какъ пѣхота, исключая зыби; тамъ кони на поводахъ. Казаки вездѣ пролѣзутъ. Въ окончательной побѣдѣ конница гони, руби; конница займется, пѣхота не отстаетъ. Въ двухъ шеренгахъ сила, въ трехъ полторы силы: передняя рветъ, вторая валитъ, третья довершаетъ.

Бойся богадѣльни. Нѣмецкія лекарствицы издалека тухлыя, сплошь безсильны и вредны; русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ; у васъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки. Солдатъ дорогъ; береги здоровье, чисти желудокъ, коли засорился; голодъ — лучшее лекарство. Кто не бережетъ людей — офицеру арестъ, унтеръ-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережетъ. Жидокъ желудокъ, ѣсть хочется, — по закатѣ солнышка немного пустой каши съ хлѣбцемъ; а крѣпкому желудку буквица въ теплой водѣ или корень коневьяго щавеля. Помните, господа, полевой лечебникъ штабъ-лекаря Бѣлопольскаго: въ горячкѣ ничего не ѣшь, хоть до 12 дней, а пей солдатскій квасъ, то и лекарство; а въ лихорадкѣ не пей, не ѣшь,—штрафъ, за что себя не берегъ.

Въ богадѣльнѣ первый день мягкая постель, второй день французская похлебка, третій день ея братецъ, домовище, къ себѣ и тащитъ. Одинъ умираетъ, а десять товарищей хле-

баютъ его смертный дыхъ. Въ лагерѣ больные и слабые; хворые въ шалашахъ, не въ деревняхъ,—воздухъ чище. Хоть безъ лазарета, не надобно жалѣть денегъ на лекарства, коли есть гдѣ купить; сверхъ того и прочія выгоды, безъ прихотей. Да все это не важно, мы умѣемъ себя беречь: гдѣ умираетъ отъ 100 одинъ человѣкъ, а у насъ и отъ 500 въ мѣсяцъ меньше умретъ. Здоровому питье — воздухъ, больному тожъ воздухъ и ѣда.

Богатыри, непріятель отъ васъ дрожитъ, да есть непріятель больше и богадѣльни: проклятая немогузнайка, намека, загадка, лживка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вѣжливка, безтолковка, кличка, что безтолково и выговорить: край, прикакъ, афокъ, вайркахъ и проч., стыдно сказать. Отъ немогузнайки много, много бѣды. За немогузнайку офицеру арестъ, а штабъ-офицеру отъ старшаго штабъ-офицера арестъ квартирный.

Солдату надлежитъ быть здорову, храбру, тверду, рѣшиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу, — отъ него побѣда. Чудо-богатыри, Богъ насъ водитъ, Онъ намъ генералъ.

Ученье свѣтъ, неученье тьма; дѣло мастера боится, и крестьянинъ (если) не умѣетъ сохою владѣть, хлѣбъ не родится. За ученаго трехъ неученыхъ даютъ; намъ мало трехъ, давай намъ шесть, давай намъ десять на одного, — всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ. Въ послѣднюю кампанію непріятель потерялъ счетныхъ 75,000, только что не 100; онъ искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вотъ, братцы, воинское обученіе; господа офицеры, какой восторгъ.

По окончаніи сего командовалось: къ паролю, съ обоихъ фланговъ часовые впередъ, ступай; на краулъ. По отдачѣ пароля, лозунга и сигнала, слѣдовала похвала или въ чемъ-либо хула вахтъ-параду. Потомъ громогласно: „субординація, экзерциція, дисциплина, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смѣлость, храбрость, побѣда, слава, слава, слава“!

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII.

КЪ ГЛАВѢ XXVI.

REMARQUES

dictées par le comte Souworov Rimniksky le 5 septembre 1798 au général Prévot.

(Изъ книги гр. Милютина „Война 1799 года"; свѣрено со спискомъ, найденнымъ въ матеріалахъ графа Милютина).

Autrichiens doivent persévérer sans craindre pour une Raguse, pas même pour un Trieste, si même il irait pour une guerre de 30 ans. Les circonstances se changent, comme les armes sont journalières, — quoique point chez moi, qui va à l'arme blanche.

Les Anglais sont faibles sur terre, excepté dans la défense de leurs côtes; mais quelle prépondérance sur mer! Point de descente en France; ils ne doivent cesser d'envahir les colonies, ils partagent trop leurs forces dans le canal et la Méditerannée: c'est agir à la défensive et leur force n'ordonne que l'offensive. Ainsi, a marqué Nelson, il garde trop de points. Ils doivent persévérer.

La Saxe doit rester neutre, mais non la Bavière, comme tous les autres princes de l'Empire jusqu'à Hannovre.

Les Turcs, même en perdant la Grèce, seront par là plus obligés d'entrer en guerre sous des phantômes des promesses de ravoir la Crimée et le reste, qu'on ne visera que de rendre libre dans la suite.

La Russie sera un peu embarrassée, un peu aussi par la

Perse, mais ce n'est que fragilité: on tâchera de soulever contre elle la Cabardane, les Circassiens et c'est de même. Contre la Suède elle doit avoir 24.000 hommes avec les réserves, bien bayonnettés et célères. Sur mer elle est beaucoup plus forte et ruinera la flotte suèdoise et livrera le surplus de ses bâtiments aux Anglais.

Le Danemark aura plus à gagner contre les Suèdois que de se hasarder ailleurs. Le mieux sera qu'il reste neutre, s'il n'agit pas pour les Anglais.

Il va de l'intérêt du cabinet de Prusse de pousser l'affaiblissement des Autrichiens et de terrasser l'hydre russe: le roi sera avec les Français. Ces deux puissances l'attaqueront lestement chacune par 60.000 bommes, s'il ne prend pas parti avec eux ou reste neutre.

Depuis la dernière guerre les Turcs manquent en hommes, exepté que la France ne les soutienne. Alors la Russie les combattra avec 60.000 hommes et 30.000 de réserve. La flotte a son asile à Sébastopol.

Autrichiens et Russes agiront contre la France, chacune avec 100.000 hommes, et principes:

1. Rien que l'offensive.

2. Célérité en marche; impulsion dans les attaques, armes blanches.

3. Point de méthodique, un bon coup d'oeil.

4. Plein pouvoir au commandant en chef.

5. Attaquer et battre l'ennemi en campagne.

6. Ne pas perdre le temps dans les sièges exepté quelque Mayence,comme point de dépôt... Quelquefois par un corps d'observation... un blocus... Prendre plutôt les forteresses par assaut ou d'emblée de vive force: on y perd moins.

7. Jamais partager les forces pour garder les différents points. Si l'ennemi les passe, tant mieux: il se rapproche pour être battu.

8. Ainsi il ne faut qu'un corps d'observation sur Strasbourg; encore (un corps) volant vers Luxembourg; on poussera sa pointe en combattant, sans s'arrêter, droitement à Paris, comme point capital, sans s'arrêter à Landau, si ce n'est (que) pour l'observer avec quelques troupes, afin d'avoir

le derrière libre, non pour des retraites, — à quoi on ne doit jamais penser, — mais pour des transports, et jamais se surcharger avec des manoeuvres vaines, des contre-marches, ou des ainsi nommés ruses de guerre, qui ne sont bonnes que pour un académicien.

9. L'Italie, les Pays-Bas suivront facilement Paris, le roi de Sardaigne se déclarera... Il reste assez de têtes chaudes en Italie, et le reste pour le bien public.

Le roi de Naples renaîtra, les Anglais nettoyeront la Méditerannée... Point de délai, fausse prudence et jalousie, tête de Médée au cabinet et dans le ministère... Eugène, Marlboroug, comme ont été,—Souvorow et Cobourg.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

Глава XIV. Въ Херсонѣ; 1792—1794.

Инструкціи Суворову.—Инженерныя работы; недостатокъ въ деньгахъ; отмѣна заключенныхъ Суворовымъ контрактовъ; готовность его удовлетворить подрядчиковъ на свой счетъ. — Наблюденіе за происходящимъ въ Турціи; продиктованный Суворовымъ планъ войны. — Возстановленіе порядка службы въ войскахъ; мѣры противъ дезертирства и своеволій; противъ волненій въ казачьихъ полкахъ; противъ развитія болѣзней. — Желаніе Суворова избавиться отъ непріятной службы; тревожное его состояніе при слухахъ о войнѣ; два прошенія о дозволеніи поступить въ иностранныя арміи.—Образъ жизни Суворова; переписка.—Польская революція; подчиненіе пограничнаго раіона Румянцову; обезоруженіе польско-русскихъ войскъ; распредѣленіе пограничныхъ военныхъ силъ. —Назначеніе Суворова въ Польшу. . . . 1

Глава XV. Польская война: Крупчицы, Брестъ; 1794.

Обзоръ предшествовавшихъ событій въ Польшѣ.—Выступленіе Суворова и соединеніе въ пути съ другими отрядами; переписка съ Румянцовымъ; недовольство своей ролью.—Дурныя вѣсти; ускореніе похода; мѣры осторожности; обращеніе съ войсками. — Захватъ подъ Дивиномъ и Кобриномъ двухъ польскихъ отрядовъ; движеніе къ Крупчицамъ. — Крѣпкая позиція Поляковъ; фронтальная атака и обходное движеніе Русскихъ; ретирада непріятеля.—Ночной походъ къ Бресту; двѣ переправы; атака фронтальная съ охватомъ фланговъ и угроженіемъ тылу; ретирада Поляковъ; отрѣзаніе ихъ пути отступленія и полное пораженіе. — Слѣдствія побѣды. — Не-

вольная остановка въ Брестѣ; русскій лагерь; учебныя занятія; неутомимая дѣятельность Суворова 45

Глава XVI. Польская война: Кобылка; 1794.

Обзоръ послѣднихъ событій. — Инструкціи Румянцову и Репнину; степень участія въ войнѣ союзниковъ Россіи; состояніе дѣлъ и положеніе Суворова въ Брестѣ; отношенія его къ Румянцову, Репнину и другимъ; безплодныя сношенія. — Дѣйствія Дерфельдена и Ферзена; пораженіе Косцюшки и плѣнъ. — Распоряженіе Суворова о присоединеніи къ нему Дерфельдена и Ферзена; военный совѣтъ въ Брестѣ; выступленіе Суворова; обращеніе его съ войсками. — Соединеніе съ Ферзеномъ; поиски на Окуневъ и Кобылку; упорное дѣло при Кобылкѣ; полное пораженіе Поляковъ; послѣпобѣдный пиръ. — Войска польскія и русскія; Суворовскій образъ дѣйствій въ Польшѣ; его боевые принципы; нѣкоторыя особенности въ дѣлахъ его съ Поляками. — Приписываніе его побѣдъ случаю или счастію; обвиненіе Суворова въ невѣжествѣ; объясненіе 75

Глава XVII. Польская война: Прага; 1794.

Рѣшеніе—штурмовать Прагу; присоединеніе Дерфельдена; военный совѣтъ; посланія изъ Праги и Варшавы; отвѣты Суворова.—Расположеніе польскихъ силъ; состояніе Варшавы; избраніе Вавржецкаго главнокомандующимъ; разномысліе его съ другими; интриги Колонтая.—Приготовленія Русскихъ къ штурму; приказъ по войскамъ; наставленіе Ферзену.—Укрѣпленія Праги; силы обѣихъ сторонъ; диспозиція Суворова.—Ночь передъ штурмомъ; распоряженія Вавржецкаго.—Начало штурма и его ходъ; быстрые успѣхи Русскихъ; ихъ ожесточеніе; зажженіе моста; канонада до ночи; ея поводы; пожаръ въ Прагѣ и грабежъ. — Потери. — Суворовъ послѣ штурма; возводимыя на него обвиненія. — Паралель штурмовъ Праги и Измаила 99

Глава XVIII. Польская война: Варшава, обезоруженіе; 1794.

Варшава во время штурма Праги; депутація къ Суворову; умѣренность его условій; контръ-предложенія; отвѣтъ.—Уличный безпорядокъ въ Варшавѣ; сосредоточеніе правительства въ рукахъ короля; переговоры съ Суворовымъ; оттяжки Вавржецкаго.—Вступленіе Русскихъ въ Варшаву; аудіенція Суво-

рова у короля; амнистія и освобожденіе 500 плѣнныхъ Поляковъ; объясненіе этого поступка.— Распоряженіе Суворова о преслѣдованіи и обезоруженіи польскихъ войскъ; общее ихъ желаніе воспользоваться амнистіей; противодѣйствіе генераловъ; непослушаніе войскъ, бунты и сдачи Русскимъ.—Денисовъ кончаетъ дѣло внезапно; совершенное обезоруженіе. — Признательность Екатерины; радость и выходки Суворова-фельдмаршала; восторженныя поздравленія его отовсюду; зависть.—Дурная репутація Суворова въ Европѣ со времени этой войны; объясненіе причинъ.—Нѣкоторыя слабыя стороны русскихъ войскъ 126

Глава XIX. Въ Польшѣ послѣ войны; 1794—1795.

Запоздавшія инструкціи; противорѣчія между ними и Суворовскимъ образомъ дѣйствій; отвѣты и возраженія Суворова; опасенія въ Петербургѣ.—Характеръ дѣятельности Суворова по умиротворенію края; иная политика Австріи и Пруссіи.—Затрудненія Суворова относительно экономическихъ условій края и содержанія войскъ; мягкіе его поступки съ Польскимъ королемъ; строгія указанія по этому предмету изъ Петербурга; перемѣщеніе короля въ Гродно.—Нѣкоторыя частности пребыванія Суворова въ Польшѣ и его распоряженій; заботы о войскахъ и эксцентрическія выходки; безпорядки и злоупотребленія по хозяйственной части; дѣло Вронскаго.—Трудность соглашенія союзниковъ на счетъ судьбы Польши; военныя приготовленія и слухи. — Мелкія неудовольствія и непріятности, особенно по нарушенію амнистіи. — Иностранные писатели о Суворовѣ въ Польшѣ 165

Глава XX. Суворовъ и его дочь; 1784—1795.

Дочь Суворова въ Смольномъ монастырѣ; переписка съ нею отца.—Окончаніе курса; она помѣщена во дворцѣ; Суворовъ беретъ ее къ себѣ.—Удвоенныя заботы отца по отъѣздѣ въ Финляндію; его наставленія дочери, Хвостову и другимъ; духовное завѣщаніе. —Появленіе жениховъ. — Перемѣщеніе Суворова въ Херсонъ; онъ чувствуетъ себя связаннымъ дочерью; затрудненія съ Хвостовымъ.—Новые женихи; предпочтеніе, отдаваемое Суворовымъ одному изъ нихъ; несогласіе съ этимъ Хвостова; переписка ихъ; письмо Суворова къ Платону Зубову; неудовлетворительный отвѣтъ.— Внезапный новый женихъ—графъ Н. Зубовъ; объясненіе этого обстоятельства. — Степень участія дочери въ выборѣ жениха; опровер-

женіе невѣрныхъ свѣдѣній. — Обрученіе дочери Суворова и вступленіе ея въ бракъ 203

Глава XXI. Въ Петербургѣ и Тульчинѣ; 1796.

Переѣздъ Суворова изъ Варшавы въ Петербургъ; пріемъ у Императрицы; житье въ таврическомъ дворцѣ. — Поѣздка въ Финляндію для осмотра границъ; отказъ отъ Персидской экспедиціи; назначеніе въ Тульчинъ.—Найденныя тамъ неустройства; распоряженія Суворова. — Ожиданіе войны; изученіе Суворовымъ послѣднихъ кампаній; назначеніе его въ заграничный походъ и приготовленіе войскъ къ походу. — Ходъ Персидской экспедиціи; издѣвательства Суворова надъ нею и надъ Зубовыми. — Платонъ Зубовъ; удовлетворительныя отношенія между нимъ и Суворовымъ въ началѣ; измѣненіе къ худшему. — Отношенія Суворова къ зятю и дочери; появленіе Аркадія Суворова; другіе родственники; ихъ значеніе. — Щедрость Суворова при его скупости; образъ его жизни въ Тульчинѣ. 230

Глава XXII. Въ Тульчинѣ: обученіе войскъ; 1796.

Любовь Суворова къ учебнымъ занятіямъ съ войсками.— „Наука побѣждать"; время составленія, ея первообразъ, историческое значеніе съ уставной стороны, военно-педагогическое съ внутренней.— Начала, положенныя въ основу „Науки побѣждать". — Нещадное преслѣдованіе немогузнайства. — Важность обученія по мнѣнію Суворова: направленіе и способъ приложенія уставныхъ правилъ, т.-е. боевая ихъ цѣлесообразность и прикладной смыслъ; связь между механическими пріемами обученія и нравственными требованіями боевого воспитанія.—Характеръ, свойства и нѣкоторыя частности Суворовскаго обученія; трудность службы съ Суворовымъ для старшихъ чиновъ и приближенныхъ. — Устныя бесѣды съ войсками.— Соотвѣтствіе воспитательнаго метода съ боевымъ поприщемъ Суворова.—Отзывы иностранцевъ того времени о Суворовѣ и его войскахъ. 268

Глава XXIII. Екатерина II и Павелъ Петровичъ; 1754—1797.

Дѣтскіе годы Павла Петровича; недостатки, обнаружившіеся въ немъ съ ранняго возраста; двукратное супружество; вліяніе на Павла Петровича каждой изъ супругъ; заграничныя путешествія; дурные ихъ слѣды.—Взаимное отчужде-

ніе Екатерины и Павла; сосредоточеніе послѣдняго на гатчинскихъ войскахъ; увлеченіе прусскимъ образцомъ; выработка односторонняго, формальнаго взгляда.—Несогласимость взглядовъ матери и сына; кончина Императрицы Екатерины; ея духовное завѣщаніе. —Воцареніе Павла Петровича; перемѣны въ политикѣ; рѣзкое измѣненіе общественной жизни и отправленія службы; щедрыя награды и опалы.—Изнанка Екатерининскаго времени по военной части. — Необходимость реформъ.—Военныя преобразованія Павла I; хорошія и дурныя ихъ стороны; заурядное употребленіе крайнихъ мѣръ; результатъ преобразовательной дѣятельности 295

Глава XXIV. Въ Тульчинѣ и Кобринѣ; 1796—1797.

Впечатлѣніе, произведенное на Суворова кончиною Императрицы Екатерины. — Отношенія его къ цесаревичу Павлу Петровичу; первыя сношенія съ новымъ Императоромъ и одобрительные отзывы. — Благоволеніе къ нему Государя на ряду съ признаками противуположнаго свойства.—Снова возникшее дѣло Вронскаго.—Первыя неудовольствія; поводы къ нимъ; двукратное прошеніе Суворова о годовомъ отпускѣ; интимная его переписка; прошеніе объ отставкѣ; одновременное съ этимъ прошеніемъ увольненіе его отъ службы. — Задержка Суворова въ Тульчинѣ; его фальшивое тамъ положеніе; мнимое прощаніе съ войсками; отъѣздъ въ Кобринъ.— Впечатлѣніе, произведенное отставкою Суворова.— Переселеніе въ Кобринъ офицеровъ, оставившихъ службу по приглашенію Суворова. — Несбывшіеся его разсчеты; ссылка въ село Кончанское. — Объясненіе опалы 333

Глава XXV. Въ селѣ Кончанскомъ; 1797—1798.

Село Кончанское.—Пріѣздъ туда Суворова; присмотръ за нимъ боровицкаго городничаго Вындомскаго. — Арестованіе въ Кобринѣ отставныхъ офицеровъ; отправленіе ихъ въ Кіевъ; слѣдствіе надъ ними.—Прибытіе къ Суворову дочери и сына; разъѣзды его и пріемы; донесенія Вындомскаго. — Замѣна Вындомскаго Николевымъ; инструкція ему; первое свиданіе съ нимъ Суворова.—Отъѣздъ гостей; домашняя жизнь Суворова.— Донесенія Николева; перехватываніе кореспонденціи. — Разные на Суворова иски и жалобы; взысканія по нимъ; грабительство въ кобринскомъ имѣніи; рѣшеніе Суворова—раздѣлаться съ отставными офицерами.—Приглашеніе Сув ва въ Петербургъ; отозваніе Николева и отмѣна надзо . 361

Глава XXVI. Въ Петербургѣ и селѣ Кончанскомъ; 1798—1799.

Пріѣздъ Суворова въ Петербургъ; пріемъ у Государя; выходки его на разводѣ и при другихъ случаяхъ; явное его нежеланіе поступить снова на службу; посредничество его племянника, князя Горчакова. — Просьба Суворова о дозволеніи удалиться снова въ деревню; возвращеніе въ Кончанскъ.— Неудачныя попытки Суворова привести кобринскія дѣла въ порядокъ; уплата долговъ жены; плачевное состояніе денежныхъ дѣлъ; возможность новыхъ взысканій; обращеніе къ Государю. — Окончаніе дѣла Вронскаго. — Заботы Суворова о сынѣ; духовное завѣщаніе.—Образъ жизни Суворова; занятія; крайняя раздражительность; тоска; прошеніе о поступленіи въ монастырь. — Вызовъ Суворова въ Петербургъ для войны противъ Французовъ. 387

Ссылки и поясненія.

Къ главѣ XIV 413
Къ главѣ XV 415
Къ главѣ XVI 416
Къ главѣ XVII. 417
Къ главѣ XVIII. 418
Къ главѣ XIX 420
Къ главѣ XX 422
Къ главѣ XXI 422
Къ главѣ XXII 424
Къ главѣ XXIII. 424
Къ главѣ .XXIV 426
Къ главѣ XXV 427
Къ главѣ XXVI. 428

Приложенія.

Третье, къ главѣ XIV. 431
Четвертое, къ главѣ XIV 448
Пятое, къ главѣ XIV. 450
Шестое, къ главѣ XIV 453
Седьмое, къ главѣ XXII 455
Восьмое, къ главѣ XXVI. 463

Stanford University Libraries
3 6105 124 415 576

DK
169
S8P4
v. 2

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.